

В.В. Трушков

СТАЛИН КАК ТЕОРЕТИК

**К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИОСИФА ВИССАРИОНОВИЧА СТАЛИНА**

БЫТЬ ГОТОВЫМ К ГРЯДУЩИМ БИТВАМ,
ВСТРЕТИТЬ ИХ ДОСТОЙНО И ОРГАНИЗОВАННО –
ТАКОВА ТЕПЕРЬ ЗАДАЧА.

ОТСЮДА:

ПЕРВАЯ ЗАПОВЕДЬ – НЕ ПОДДАВАТЬСЯ ПРОВОКАЦИИ
КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

ВТОРАЯ ЗАПОВЕДЬ – ТЕСНЕЕ СПЛОТИТЬСЯ ВОКРУГ
НАШЕЙ ПАРТИИ, СОМКНУТЬ РЯДЫ
ПРОТИВ ОПОЛЧИВШИХСЯ НА НАС БЕСЧИСЛЕННЫХ
ВРАГОВ.

И. В. СТАЛИН

СТОИТ ТОЛЬКО ПОКОЛЕБАТЬ ПАРТИЮ, ОСЛАБИТЬ ЕЕ,
ЧТОБЫ МИГОМ ПОКОЛЕБАЛАСЬ И ОСЛАБЛА ДИКТАТУРА
ПРОЛЕТАРИАТА. ЭТИМ ИМЕННО И ОБЪЯСНЯЕТСЯ,
ЧТО ВСЕ БУРЖУА ВСЕХ СТРАН С БЕШЕНСТВОМ ГОВОРЯТ
О НАШЕЙ ПАРТИИ.

И. В. СТАЛИН

В.В. Трушков

СТАЛИН
КАК ТЕОРЕТИК

Москва
Издательство
«Мир философии»
2019

ББК 87.3
Т53

Научный редактор *А.П. Поляков*

Трушков В.В.

Т53 Сталин как теоретик. – М.: Мир философии, 2019. – 544 с.
ISBN 978-5-9909860-8-4

Книга политического обозревателя «Правды», доктора философских наук, профессора В.В. Трушкова представляет собой одну из редких попыток проанализировать теоретические воззрения И.В. Сталина. О нём написано огромное количество работ, содержащих противоречивые оценки его деятельности; в их центре – Сталин-подпольщик, активный участник Октября 1917 года, Гражданской войны, ведущий персонаж внутрипартийных противостояний, Верховный главнокомандующий, политический и государственный деятель. При этом в них весьма слабо представлена теоретическая работа Сталина. Да, он был прежде всего практик, но никогда не страдал узким эмпиризмом. Его практическая деятельность опиралась на серьёзные теоретические разработки. Однако Сталин как теоретик мало известен, а для значительной части читателей просто неведом. Предлагаемая работа сосредотачивается именно на теоретической стороне творчества Сталина, рассматриваемой на широком фоне исторических событий. При этом автор исходит из того, что она имеет серьёзное методологическое значение и весьма актуальна в современной борьбе труда против капитала.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся политической историей нашей страны, особенно теоретическими вопросами Октябрьской революции 1917 года и социалистического строительства в Советском Союзе.

ББК 87.3

ISBN 978-5-9909860-8-4

© В.В. Трушков

© Издательство «Мир философии», 2019

СТАЛИН И СОВРЕМЕННОСТЬ

(Предисловие)

Иосиф Виссарионович Сталин умер 66 лет назад. Но с ним до сих пор с нарастающей ожесточённостью воюют его классовые враги — приверженцы всевластия частной собственности, либерализма, отлучения трудового народа от власти (при нынешней «демократии» на выборы не ходят от 40% до 80% российских избирателей, считающих, что с их волеизъявлением всё равно никто не считается). Эти классовые враги Сталина провозглашают его идейное низвержение и уничтожение целью и смыслом своей идеологической деятельности: в ней лозунг «десталинизации» фактически тождествен лозунгу декоммунизации.

И это происходит через 66 лет после смерти политика! Значит, воюют не столько с ним, давно ставшим безмолвным и безответным. Эта война — классовая. Их главный противник — наёмные, эксплуатируемые их классом работники. Именно ими востребован Сталин. Не для поклонения, не в качестве иконы. Он стал нужен пролетариату в его классовой борьбе.

Почему сегодня востребован трудящимися Сталин?

Социальная несправедливость в современном российском обществе стала вопиющей. Народу всё труднее её переносить. И как бы ни изощрялся буржуазный агитпроп, 60% наших соотечественников убеждены, что главным изъяном нынешнего жизнеустройства и его неизлечимой болезнью является отсутствие социальной справедливости. Этот показатель, как отмечают социологи Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ) РАН, ничуть не снижается уже минимум 15 лет. Аналогичные результаты дают и другие социологические службы. Сталин и Ленин остаются самыми убедительными символами социальной справедливости, борьбы за неё, символами неприятия излишеств, распространённых сегодня среди тех, в чьих руках командные высоты в политике и экономике России. В массовом сознании сегодня образ Сталина вбирает в себя интеллектуальную и организаторскую мощь В.И. Ленина и их соратников.

Страна тонет в социальном беспорядке и беззаконии (докатились: для обозначения нынешней реальности уже прижилось слово «беспредел», заимствованное из зековского жаргона). При этом влиятельная олигархическая группировка и сформированная при её активном участии власть стала воплощением и проводником разбазаривания и разворовывания государства и его национального, народного достоинства. Нынешние обитатели властных кабинетов продолжают распродавать сотворённые природой и трудом богатства, несмотря на то, что «стратегические собственники», по всеобщему признанию, являются компрадорами, не говоря уж об иностранных дельцах с очевидными русофобскими намерениями. Для обозначения этих благодетелей разрушения Отечества уже возвращается (пока ещё очень осторожно) из сталинской поры понятие «враг народа».

Страна унижена. Нынешними идеологами режима отторгнуты символы её укрепления и собирательства ради корыстных классовых интересов. Такая судьба постигла не только Ленина и Сталина. Стронникам власти чистогана не нужен «мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова», их пугают народные герои Василий Чапаев и Михаил Фрунзе, Сергей Лазо и Николай Щорс, Климент Ворошилов и Семён Будённый, Зоя Космодемьянская и Дмитрий Карбышев, Николай Гастелло и Александр Матросов... Наследники великих предков защищать собственность жуликов и воров не будут, они очистят Россию от этой нечисти. Возвращение мужественных образов в свою жизнь народ начал с Ленина и Сталина.

Нельзя поднять на ноги страну, где человек труда не уверен в завтрашнем дне, где он не может своим заработком прокормить свою семью, где правящий класс презирает труд и труженика. Но те, кто своими руками и интеллектом создают народное достоинство, заинтересованы, чтобы труд в нашей стране был делом чести, славы, доблести и героизма. Но они в большинстве своём понимают, что при власти капитала это невозможно. Неслучайно же, по данным ФНИСЦ РАН, 37% россиян считают главным противоречием нынешнего общества кричащее противоречие между богатыми и бедными, а 32% – противоречие между властью и народом. Самые надёжные символы разрешения этих противоречий – Ленин и Сталин. «Левада-центр», не замеченный в симпатиях к советовластию, недавно сообщал, что 52% наших соотечественников убеждены, что наилучшей экономической моделью общества является советская плановая система.

Сталинский образ, как и образ великого Ленина, стал надеждой трудового народа на излечение России от её капиталистических язв. В народном сознании он приобрёл смысл действенного противовеса нынешнему типу буржуазных и мелкобуржуазных политиков, заповоливших государственные подмости Российской Федерации.

Сегодня трудно найти в мире другого российского государственного деятеля, другого отечественного политика XX века, о котором было написано столько книг, статей, брошюр, как о Сталине. Наверное, описан уже каждый день его жизни. Впрочем, столь же вероятно, что в других публикациях каждый день его жизни оболган. Есть клевета злая, наглая, циничная. Но есть и ложь сусальная, с показушной симпатией, перемежаемая восторгами — труды, в которых Сталин подаётся читателю как антиреволюционер, талантливый лицедей, чуть ли не блаженный религиозный верующий в Создателя. Да разве перечислишь все позиции, с которых о нём писали и пишут самые разные авторы. Но оказывается, что, рассуждая вроде бы о Сталине, они раскрывают свою суть, свой масштаб или ничтожество, так как меряют Сталина по той интеллектуальной и нравственной планке, до которой им удалось дотянуться. И не на миллиметр выше, вот ниже — пожалуйста.

Есть, конечно, книги, которые написаны уважительно, но не елейно. В этой работе я буду не раз ссылаться на труды отечественных исследователей Юрия Емельянова, Юрия Жукова, Ричарда Косолапова и других авторов. Круг интересных и достойных исследователей и их работ, конечно же, куда больше. Не стану ссылаться и на книги, в которых дотошные авторы тщательно описали любовные увлечения молодого грузина, где смакуются случившиеся и выдуманные бытовые ссоры с соседями по ссылке и т.п.

Однако есть одна сфера, в которой Сталин остаётся по сути почти неизвестным массовому читателю. Это — его теоретические работы.

С одной стороны, сегодня читать книги по научному коммунизму не модно и даже говорят, будто бы слегка опасно. Да и не видно в жизни страны коммунистических начал: проворонили, по-мещански профукали. Так зачем беречь душу по поводу утраченного? Лучше, защищаясь от памяти, ущемлять его, не вороша утраченное прошлое, жить будет спокойнее. Да и какую истину откроешь у Сталина, если его уже нет в живых более 66 лет? Время быстротечно, научно-технический прогресс беспощаден. Таков обычный монолог приспособленцев и соглашателей.

Правда, в повседневности все пользуются геометрией Евклида, несмотря на то, что создана она была более 2300 лет назад. Но нам возражат: общество-то меняет свои структуры куда быстрее. Это так,

однако мы по-прежнему живём в эпоху перехода от капитализма к социализму, в эпоху империалистических переделов мира, в эпоху грядущих социалистических революций. Именно о ней, об этой эпохе писали её теоретики В.И. Ленин и И.В. Сталин.

Допускаю, что у многих читателей появится вопрос: когда речь идёт о разработке теоретических проблем, есть ли достаточные основания ставить Сталина рядом с Лениным. Сталин всегда подчёркивал, что он – ученик Владимира Ильича, о многих своих работах он говорил, что они написаны с целью популяризации ленинских идей. Что касается его последних трудов, то они после смерти автора подвергались достаточно сильной критике.

С такими оценками И.В. Сталина решительно не соглашался В.М. Молотов. Тот самый Молотов, который (возможно, единственный из ближайшего окружения Сталина) порой сомневался в теоретических воззрениях своего старшего товарища, а иногда и критиковал их. В беседах с Ф. Чуевым он приводит несколько таких примеров несогласия¹.

Так вот Молотов в беседах Чуевым подчёркивал: «Сталин был не только прекрасным популяризатором Ленина, нет, он внёс кое-что новое в теорию, безусловно»². Оценка Молотова в этом отношении представляется очень важной. Во-первых, он сам прекрасно владел марксистско-ленинской теорией, о чём свидетельствуют его работы, написанные как до 1957 года, когда он входил в состав высшего партийного руководства, так и после исключения его из состава Политбюро ЦК, Центрального Комитета КПСС и даже из партии. Во-вторых, он оценивал значение теоретических разработок Сталина через призму их роли для решения важнейших проблем социалистического строительства и деятельности Коммунистической партии.

В.М. Молотов перечислял сферы, в которых наиболее значителен теоретический вклад Сталина. Прямо скажем, что он начинает с самого очевидного: «Во-первых, нельзя забывать о том, что ещё до революции Ленин хвалил его работу по национальному вопросу, назвал его «чудный грузин». Книжку Сталина я читал в своё время, прекрасная книжка. Она, конечно, исключительную роль сыграла в разъяснении марксистской теории по национальному вопросу, имеющему колоссальное значение»³.

¹ См.: Чуев Феликс. Молотов. Полудержавный властелин. М. 2002. С. 346, 347, 349 и др.

² Там же. С. 340

³ Там же. С. 340–341.

Неудивительно, что в предлагаемой читателю работе сталинскому труду «Марксизм и национальный вопрос» посвящён отдельный очерк.

Вячеслав Михайлович особенно большое внимание уделил разработке Сталиным теоретических аспектов перехода крестьянства от мелкотоварного уклада к социалистическому. При этом он показал разные грани этой большой социальной проблемы:

«Из более позднего периода, я считаю, его большая заслуга в коллективизации. Какая роль? Теоретически очень важная. В том, что Ленин не учёл и не мог учесть, а именно только Сталин, даже в отличие от Ленина, сказал: «Наш путь – через колхозы, через артели». У Ленина этого нет. У него товарищества по совместной обработке земли, артели, коммуны. Но больше о коммунах»¹.

Молотов подчёркивал, что теоретический вывод Сталин строил на основе осмысления практики. Он рассказал о посещении им по инициативе Орджоникидзе коммуны в Грузии вначале коллективизации:

«У Сталина это был, по-моему, один из таких важных случаев, где он сам посмотрел, что такое коммуна. У него это, видимо, очень глубоко запало, и он дал установку, и все это поддержали, что нам сейчас нужны артели, личная заинтересованность и механизация. Принцип личной заинтересованности и, конечно, на базе крупной техники, только при наличии крепкой государственной власти, которая может помочь»².

Молотов напоминает ленинскую статью «О кооперации», написанную в 1923 году, где упор был сделан на торговую кооперацию: «Конечно, без этого нельзя... Ленин не отказался и от коммун, он в этом отношении не пошёл дальше, а Сталин пошёл вперёд, и пошёл смело по пути артелей»³.

Понятно, что теоретическая проблема крестьянства и его отношения к социалистическим преобразованиям нашла своё отражение и в книге, которую читатель держит в своих руках.

А Молотов продолжал свою характеристику теоретического вклада Сталина в разработку проблем социалистического строительства:

«Дальше заслуга Сталина – индустриализация... В чём? У Сталина хорошо поставлен вопрос: индустриализация на свои средства, своими собственными силами, на займы иностранные нам нельзя на-

¹ См.: Чуев Феликс. Молотов. Полудержавный властелин. С. 341.

² Там же. С. 341–342.

³ Там же. С. 343.

десять. Курс на индустриализацию, но как его проводить? В конце двадцатых — самом начале тридцатых годов у него основной лозунг был такой: главное — это техника, техника решает всё. А потом, когда оказалось, что техника есть, — кадры решают всё. Вторая задача. Это этапы индустриализации.

На первой стадии техника решает, потом кадры решают. Нам не на что надеяться, давайте мы своими силами, и внушал веру: вера очень многого стоила. Но каким путём? Индустриализация во что бы то ни стало. На первом месте — тяжёлая промышленность. Ограничить себя в потребительской области...

Сталин правильно сказал, что мы отстали от Западной Европы на пятьдесят — сто лет и, если мы не покончим с этим за пять—десять лет, мы погибнем»¹.

Наконец, Молотов говорит о четвёртой теоретической проблеме, в решении которой Сталин внёс заметный вклад:

«Война. Могут сказать, война — это не теория, а практика. Нет, это не только практика. Сталин и здесь обобщил очень многое. Он глубоко смотрел. Например, говорил, почему немцы в войнах оказывались в более выгодных положениях. Потому, что они по кадрам, по культуре опережали, много внимания уделяли передовой артиллерии, это бог войны. Русские в смысле артиллерии старались не отставать, придавали ей большое значение, но отставали. В этой-то войне Гитлер не имел настоящей хорошей артиллерии, он на блицкриг рассчитывал. А Сталин теоретически очень хорошо обдумал: нет, блицкригом не возьмёшь Россию, Советский Союз — большая страна, советский народ — большой народ. Немцы рассчитывали, что будет короткая война, так как они хорошо вооружены и подготовлены. И поэтому большой, крепкой артиллерии они не готовили. Для танков, для самолётов то, что нужно, они имели. Гитлеровцы думали, что танки и авиация плюс хорошая пехота, которая у них была, обеспечат им победу. И маневренность, конечно. И поэтому они пользовались ударными группами, особенно танковыми, умели сконцентрировать и ударить. Большими ударными группами танков проламывали наш фронт, а потом в прореху бросали пехоту.

Сталин пошёл дальше. Он не только всё это использовал. Он создал артиллерийские армии, чего не было у немцев. Как надо вести наступление? Во-первых, авиация должна бомбить хорошенько. Начинать она должна, потом артиллерия продолжает, дальняя артилле-

¹ См.: Чуев Феликс. Молотов. Полудержавный властелин. С. 343—344.

рия, только после этого танки, а после танков — пехота. Четыре этапа развития наступления Сталин разработал глубоко»¹.

Столь внушительная цитата из Молотова вызвана тем, что из четырёх направлений теоретической работы Сталина в этой книге ничего нет о вопросах военной теории, разработанных Верховным Главнокомандующим советских Вооружённых Сил. Причина простейшая: автор книги считает себя совершенно не подготовленным для того, чтобы писать о каких-либо вопросах военной теории. К этому добавим: из всех теоретических проблем, которыми занимался Сталин, современные читатели знают лучше всего о роли Верховного Главнокомандующего в годы Великой Отечественной войны. Мемуары маршалов Победы и других видных военачальников эту тему раскрыли весьма подробно.

Что касается других направлений теоретической работы Сталина, то осведомлённость современных читателей в них, прямо скажем, минимальна. Впрочем, жертвами моды не заглядывать в книги классиков общественной мысли стал, конечно же, не один Сталин. Но ему не повезло с доступом к читателям много больше всех других. Его начали вычищать из народного сознания горе-соратники, которые при его жизни подобоострастно называли себя его верными учениками, а оказались потом многие — клонами Иуды.

Но — по порядку. До 1946 года была действительно популярной и широко, массово читаемой его одна, ёмкая, хорошо отобранная книга избранных произведений — «Вопросы ленинизма». Она выдержала 11 изданий. В содержание каждого нового выпуска включались новые, только что созданные (и то не все) работы, а другие, по мнению автора, переставшие вроде бы быть актуальными, изымались из сборника. Если собрать всё, что входило хотя бы однажды в 11 изданий, книга «Вопросы ленинизма» потолстела бы, пожалуй, вдвое, но автор не позволял ей разбухать.

Однако как бы ни была значима эта книга, она была всего лишь сборником избранных работ, к тому же со сменным составом.

В 1946 году ЦК ВКП(б) принял постановление об издании сталинских «Сочинений». Предполагалось, что оно уложится в 16 томов. Вышли только тринадцать, в которые вошли работы, созданные им до января 1934 года. В них творчество вождя (прежде всего теоретическое), охватывавшее означенный период (1901 — начало 1934 года) представлено достаточно полно — настолько полно, насколько строгий автор считал нужным.

¹ См.: Чуев Феликс. Молотов. Полудержавный властелин. С. 344.

Странно, что в условиях вполне сложившегося культа личности подобострастного отношения к начавшемуся изданию не было. В этом смысле показательно наполненное обычной человеческой обидой письмо Иосифа Виссарионовича главному редактору газеты «Правда» П.Н. Поспелову, отправленное не позднее 23 августа 1947 года:

«Т-щу Поспелову.

Всё же крайне странно, что «Культура и жизнь» и «Большевик» давно опубликовали как извещение о выходе из печати 5 тома, так и рецензию, а «Правда», главный печатный орган ЦК, не успела опубликовать даже извещение о выходе 5 тома. Рецензию могла бы «Правда» и вообще не публиковать ввиду большой своей занятости более важными делами, но опубликовать извещение она должна была во всяком случае не позже «Культуры и жизни» и «Большевика». Это элементарно. Страдает авторитет «Правды».

И. Сталин»¹.

Приткие бойцы с фронтов десталинизации тут же заявят об обречённости главного редактора «Правды» оказаться в рядах жертв культа личности. Между тем конфуз с «Правдой» закончился двумя извинительными письмами Петра Николаевича Поспелова на имя Сталина². При этом П.Н. Поспелов продолжал возглавлять «Правду», пока в 1949 году не был назначен диктором Института Маркса – Энгельса – Ленина, на XIX съезде КПСС был вновь избран членом Центрального Комитета партии, оставался в составе ЦК до 1971 года.

Но вернёмся к изданию сталинских трудов. Как только отзывали траурные речи по усопшему вождю, так оставшиеся тома «Сочинений» перестали выпускать. Вскоре было прекращено переиздание и «Вопросов ленинизма». Через три года после смерти работы И.В. Сталина стали изыматься из массовых библиотек. Сегодня найти его «Сочинения» невероятно трудно, хотя с первого по восьмой и 10-й тома были изданы тиражом по 500 тысяч экземпляров, 9-й том – 815 тысяч экземпляров, а 11 – 13-й тома выходили тиражом 615 тысяч экземпляров. Полвека на Сталина было наложено табу – сначала советскими руководителями, а потом антисоветскими.

В последние годы благодаря усилиям советского, российского политического и общественного деятеля, доктора философских наук, профессора Ричарда Ивановича Косолапова на этом фронте произо-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. Ч. 1. М. 2011. С. 529.

² См. там же. С. 529–530

шёл серьёзный прорыв. Сначала увидели свет планировавшиеся к изданию ещё при жизни Иосифа Виссарионовича 14, 15 и 16 тома. Но в результате поиска Р.И. Косолапова, его товарищей и других исследователей были обнаружены многочисленные документы, которые не вошли в 16 томов «Сочинений» И.В. Сталина. В частности, прежде не были опубликованы многочисленные сталинские документы, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны. Поэтому возглавляемый Р.И. Косолаповым творческий коллектив издал новый 15 том, но теперь уже в трёх книгах. История повторилась и с 16-м томом, включавшим послевоенные труды Сталина. Он тоже был издан заново, но теперь уже в двух книгах. Кроме того, были изданы также 17-й и 18-й тома, в которых собраны работы разных лет, не вошедшие в «Сочинения» Сталина, выходявшие при его жизни. Эти книги открыли в некоторых отношениях нового Сталина (в частности, в его осмыслении диктатуры пролетариата). Сейчас под редакцией Р.И. Косолапова издаётся полное собрание сталинских трудов.

Но пока всё это представляет собой лишь создание благоприятных возможностей для изучения творчества Сталина. Более 60 лет беспамятства, принудительного забвения, официозно-официального очернения и «десталинизации» продолжают играть свою роль. Работ о Сталине-теоретике, о Сталине-борце идеологических баррикад удивительно мало. Конечно, есть несколько произведений современных авторов, в которых присутствует анализ Сталина-теоретика, Сталина-аналитика, Сталина-публициста. И всё-таки сказать, что он в этом качестве уже хорошо изучен — это погрешить против истины. Не забудем, что даже серьёзные исследования, которые были написаны учёными до XX съезда КПСС, вошедшего в историю среди всего прочего пресловутым антисталинским докладом Н.С. Хрущёва, уже давно выведены из научного и политического обращения.

Многие фрагменты книжки «Сталин как теоретик» публиковались в виде статей в «Правде» и некоторых других партийных изданиях. При подготовке книги они, как правило, подверглись доработке, хотя некоторых повторов избежать не удалось. В то же время значительная часть книги написана специально для этого издания. Особенностью этой работы является публикация второй Программы партии, принятой VIII съездом РКП(б) с комментариями Сталина: приведены все страницы этого документа 1919 года со сталинскими автографами правки, замечаний, подчёркиваний и других значков. Эти автографы публикуются впервые.

Самый большой раздел книжки — «Без теории нам смерть, смерть, смерть». Но теоретические вопросы творчества Сталина в немалой

степени освещаются и в других очерках. Честно говоря, мне в каждом очерке хотелось бы высветить теоретические аспекты сталинского творчества, но насколько это получилось, судить читателю. Что касается заключения, то в нём предпринята попытка теоретически осмыслить само явление культа личности.

И ещё одно признание: книжка не претендует на то, чтобы представить всё многообразие теоретических осмыслений, содержащихся в большом творчестве И.В. Сталина. А вот надежда, что другие исследователи продолжат и углубят анализ Сталина-теоретика представляется вполне реальной.

Мысли Сталина остаются актуальными и сегодня. Более того, некоторые из них целесообразно рассматривать как полезные рекомендации, воплощение которых в жизнь могло бы существенно повысить и активность, и авторитет коммунистических партий планеты, в том числе и прежде всего Коммунистической партии Российской Федерации.

Автор книги выражает признательность всем единомышленникам и оппонентам, которые в той или иной мере — советом, поддержкой, критикой — способствовали появлению этой работы. К её написанию многократно побуждал мой старый товарищ, выдающийся отечественный социолог, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Владимир Иванович Староверов. Не могу не поблагодарить персонально известного отечественного философа, политического и общественного деятеля, подвижника в деле изучения и популяризации сталинского творчества Ричарда Ивановича Косолапова, глубокого знатока марксизма-ленинизма и серьезного теоретика, главного редактора «Правды» Бориса Олеговича Комоцкого, яркого учёного и публициста, неуёмного защитника марксистско-ленинской идеологии, доктора философских наук, профессора Владимира Александровича Сапрыкина. Слова искренней признательности коллективу редакции газеты «Правда»: можно сказать, что костяк книги формировался на её страницах. И отдельная благодарность за советы, точные замечания и поддержку, которая сопровождала все этапы делания этой книги, Александру Прокофьевичу Полякову.

А ещё большое спасибо Центральному Комитету Коммунистической партии Российской Федерации и Московскому городскому комитету КПРФ: без их поддержки эта книга могла и не дойти до читателя.

РАЗДЕЛ I

СТАЛИН ИССЛЕДУЕТ ВТОРУЮ ПРОГРАММУ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

ЧТОБЫ БЫЛИ ТОЧНЫ ОРИЕНТИРЫ

Ставя вопрос о Сталине как теоретике, мы должны иметь в виду, что в его деятельности были эпизоды (естественно, весьма редкие), когда общественность была лишена вообще какой-либо информации о деятельности руководителя Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Такая ситуация могла складываться при подготовке принципиальных партийных и государственных документов долгосрочного действия. В нашем распоряжении есть один такой эпизод, значение которого трудно переоценить как для истории большевистской партии и советского общества, так и для осмысления исследовательской, теоретической деятельности И.В. Сталина. Речь идёт о подготовке проекта Программы ВКП(б) 1947 года, работа над которым была доведена до «последней редакции» этого документа (первые шаги к его изучению и осмыслению были предприняты автором этих строк в книге «Неизвестная программа ВКП(б)», вышедшей приложением к журналу «Политическое просвещение»).

Начало работы

Сталин участвовал на всех этапах работы над третьей Программой ВКП(б), которая была проделана до конца 1947 года. Если в послевоенный период мотором подготовки этого документа был ближайший его соратник, член Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Александрович Жданов, то в конце 1930-х годов инициатором активной работы над новой Программой партии был Сталин. Именно он в 1938 году определил состав тех, кто должен непосредственно разрабатывать варианты проекта главного документа большевистской партии.

ЧЛЕНАМ И КАНДИДАТАМ ПОЛИТБЮРО

т. Андрееву, Ворошилову, Ежову, Жданову, Кагановичу, Калинин
Микояну, Молотову, Петровскому, Хрущёву

Несколько месяцев назад я попросил члена программной комиссии ВКП(б) тов. Мануильского набросать проект новой программы ВКП(б), используя для этого своих работников Коминтерна. Одновременно предложил тт. Митину и Юдину набросать проект программы ВКП(б) на основе моей беседы с тов. Митиным. Так как в проект порядка дня XVIII съезда партии предполагается внести вопрос о принятии новой программы ВКП(б) и в связи с этим вполне своевременно приступить к подготовительной работе по вопросу о новой программе ВКП(б), считаю нужным разослать членам Политбюро оба проекта для ознакомления.

И. Сталин.

22 октября 1938 года.

(РГАСПИ, Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 1).

В опубликованных протоколах заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) нет упоминаний обсуждения этих проектов. Но очень вероятно, что они были предметом дискуссии на одной из почти ежедневных встреч руководителей партии в кабинете И.В. Сталина, так как в ту пору не допускалась практика оставлять без последствий подобные обращения руководителя партии к своим соратникам. Но мы не имеем никаких прямых или косвенных свидетельств того, что была продолжена работа над Программой партии в предвоенный период. Известно лишь, что XVIII съезд ВКП(б) принял резолюцию о «Составе комиссии по изменению Программы ВКП(б)» под председательством И.В. Сталина.

Следующий этап активной работы начался, очевидно, в начале 1947 года. 7 января за подписью секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) было направлено извещение о предстоящем пленуме Центрального Комитета партии. В нём сообщалось, что пленум назначен на 21 февраля 1947 года. В извещении указывался и порядок дня пленума:

- «1) О Программной комиссии ВКП(б).*
- 2) Об изменении Устава ВКП(б).*
- 3) О созыве 19 съезда ВКП(б).*
- 4) Вопросы подъёма сельского хозяйства (докладчик т. Андреев)».*

В информации СМИ (прежде всего «Правды») о пленуме о первых трёх вопросах ничего не говорилось, в центральном органе ЦК партии был опубликован только доклад члена Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева, выступления некоторых участников пленума и принятое на нём постановление по сельскому хозяйству.

Теперь мы знаем, что на том пленуме вместо умерших М.И. Калинина, А.С. Щербакова и Е.М. Ярославского и выведенного из состава комиссии В.А. Донского в неё были включены, по словам А.А. Жданова, «известные работники идеологического фронта» Г.Ф. Александров, П.Н. Федосеев, М.Т. Иовчук и О.В. Куусинен.

Первым, как свидетельствуют архивные документы, к работе над проектом Программы приступил И.В. Сталин. Руководитель большевистской партии считал необходимым самому ясно определиться, как конкретно должна быть обеспечена преемственность между Программой, принятой VIII съездом РКП(б), и новым стратегическим документом ВКП(б). Для этого он прежде всего обратился к тексту Программы 1919 года (точную датировку работы Сталина над текстом действовавшей в ту пору партийной программы не удалось обнаружить), тщательно взвешивая каждый её абзац с точки зрения его значимости для создания нового документа, то есть для современности (*РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122*).

Кстати, для такой работы Сталин воспользовался брошюрой с текстом Программы и Устава ВКП(б), которая была выпущена в Ташкенте Государственным издательством Узбекской ССР в 1942 году. Видимо, достоинство этого издания состояло не только в том, что оно оказалось «под рукой», но и в том, что в брошюре был Устав ВКП(б), принятый уже XVIII партсъездом в 1939 году, в который тоже по решению февральского пленума ЦК 1947 года предстояло внести изменения на XIX съезде партии.

О тщательном анализе вождём второй партийной программы говорит, например, такая арифметика. На 41 странице брошюры стандартного полиграфического текста мы обнаружили 38 текстовых замечаний Сталина, не считая 19 оценок «Не то» (эти два коротких слова означали, что перенесение отмеченных суждений прежней программы в новую нецелесообразно, так как эти положения стали теоретически или политически неприемлемыми) и 9 знаков «П» на полях, означавших необходимость стилистической правки. Кроме этого, своеобразным комментарием текста были «?», «!», «+» и «птички». Они, по нашим подсчётам, встречаются 21 раз. Нельзя

также не обратить внимания на подчёркивание нескольких строк сбоку одной или двумя вертикальными чертами. Наконец, нет ни одной страницы, на которой не было бы подчёркиваний отдельных слов и предложений в самом тексте горизонтальными чертами. Примерно в двух третях случаев такие подчёркивания показывают, к чему относятся текстовые замечания. Но, кроме подчёркивания с комментариями, есть ещё более 40 «самостоятельных» горизонтальных подчёркиваний в тексте, не имеющих каких-либо пояснений, хотя они обычно легко понимаются при осмыслении текста с позиций марксистско-ленинской методологии.

Понятно, что с этим документом Сталин был хорошо знаком. Работа над ним была начата по решению VII, Апрельской конференции РСДРП. В принятой ею «Резолюции о пересмотре партийной программы» (впервые была опубликована в газете «Солдатская правда» 3 (16) мая 1917 года) было записано: «Конференция поручает Центральному Комитету составить на этих основаниях (перед этим в резолюции были перечислены 8 направлений необходимого пересмотра партийной программы. — *В. Т.*) проект партийной программы в двухмесячный срок для представления этого проекта на утверждение партийного съезда. Конференция призывает все организации и всех членов партии к обсуждению проектов программы, к исправлению их и к выработке контрпроектов».¹ Одним из 9 членов ЦК, избранных тайным голосованием делегатами Апрельской конференции РСДРП, был И.В. Сталин.

Он входил и в состав комиссии по пересмотру Программы партии, избранной VII съездом РКП(б). Она состояла из 7 членов (В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев, В.М. Смирнов, Г.Я. Сокольников, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий) и 2 кандидатов (В.В. Оболенский и К.Б. Радек). В 1947 году руководитель партии и правительства осмысливал каждое положение Программы 1919 года через призму его актуальности в послевоенных условиях.

В приложении к книге представлены автографы всех страниц Программы с пометками Сталина. Эти автографы дают яркое представление о его удивительно серьёзном отношении как к смыслу, так и к «букве» этого важнейшего документа.

Серьёзным подспорьем для И.В. Сталина было как раз хорошее знание всех этапов работы над второй Программой РКП(б). Оно позволяло, во-первых, точнее выделить те позиции главного партий-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 415

ного документа, которые были особенно значимы во время работы над ним, во-вторых, не упустить разделы и тезисы обсуждавшегося проекта Программы, которые вызывали наиболее острые дискуссии, наконец, восстановить ленинскую логику разработки второй программы партии. Поэтому нам тоже предстоит обратить внимание на ключевые моменты работы над второй Программой ВКП(б).

Открывая 18 марта 1919 года VIII съезд РКП(б), В.И. Ленин говорил:

«Товарищи, нам приходится открывать работы нашего партийного съезда в очень трудный, сложный и своеобразный момент русской и всемирной пролетарской революции. Если первое время после Октября силы партии и силы Советской власти почти целиком были поглощены задачей непосредственной защиты, непосредственного отпора врагам, буржуазии и внешней и внутренней, которая не допускала мысли о сколько-нибудь длительном существовании социалистической республики, — то постепенно мы стали все-таки укрепляться, и на первое место начали выдвигаться задачи строительства, задачи организационные. Мне кажется, что нашему съезду придётся целиком пройти под знаком этой работы строительства и работы организационной. И вопросы программы, которые в теоретическом отношении представляют громадную трудность, больше всего сводятся к вопросам строительства...»¹

В общем, каждый вопрос съездовской повестки дня напоминал гору. Но над всеми ими Эверестом возвышалось принятие новой Программы большевистской партии. Одобренный век назад документ чрезвычайно актуален и сегодня. Уже потому, что в новой редакции Программы КПРФ, утверждённой в 2008 году, записано: «*Стратегическая цель партии — построение в России обновлённого социализма, социализма XXI века*»². Но чтобы рассуждать об обновлении, надо осознать, что обновляем.

Программа РКП(б) 1919 года была первым стратегическим документом, в котором не только теоретически, но и в практически-политическом плане тщательно рассматривался вопрос о кирпичиках фундамента, об основах возводимого нового общества.

Нам особенно важно уяснить диалектику документа, рассчитанного на десятилетия. И прежде всего — противоречия и гармонию

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 127–128

² Коммунистическая партия Российской Федерации в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (2008–2013). М. С. 18.

исторического этапа, на который он рассчитывался. Эта диалектика была мощно заявлена большевиками-ленинцами уже в первой фразе принятой VIII съездом Программы РКП(б):

«Октябрьская революция 25 октября (7 ноября) 1917 г. в России осуществила диктатуру пролетариата, начавшего при поддержке беднейшего крестьянства или полупролетариата созидать основы коммунистического общества»¹ (Выделено мной. — В. Т.).

Итак, Великий Октябрь открыл России дорогу к коммунизму. Коммунистической партии и сегодня несолидно создавать какой-либо программный документ, если в нём ближайшие цели не увязаны с коммунистической перспективой, рассматриваются в отрыве от неё. Это главный завет Великой Октябрьской социалистической революции потомкам-наследникам. В то же время Октябрьская революция в качестве первоочередной задачи осуществила диктатуру пролетариата, то есть политическое устройство переходного периода от капитализма к социализму.

Величайшее достоинство Программы этого революционного перехода именно в том, что она с самой первой фразы связала неразрывным узлом задачи переходного периода со стратегической целью — коммунистическим обществом. В отдельности эти задачи существовать не могут, заявил съезд вершителей Октябрьской революции (более 85% его делегатов вступили в большевистскую партию до провозглашения Советской власти). Оторванный от коммунистической цели социализм может оказаться, предупреждали ещё К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», и реакционным, и консервативно-буржуазным, и мелкобуржуазным. А сколько ещё оппортунистических вариаций социализма наплодилось за 170 лет!

Сложный путь ко второй Программе РКП(б)

Мы начали разговор с диалектики эпохи потому, что она была главным принципом подготовки второй Программы партии. Динамично сменявшие друг друга этапы политического развития России неизменно решали свои противоречия, обогащая разработку главного партийного документа эпохи. Вопрос о необходимости новой партийной Программы перед большевиками стал сразу же после Февральской революции, так как она ликвидировала самодержавие.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 417.

Но она же и поставила вопрос о задаче нового этапа. И уже Апрельская конференция РСДРП ясно заявила о срочной разработке партийной Программы.

Выступая 28 апреля (11 мая) 1917 года на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП, Ленин подчёркивал: «Программу надо пересмотреть всю, так как на её полную устарелость указывалось в партийных кругах ещё задолго до войны... В секции всеми признавалось, что пересмотр программы абсолютно необходим, и в целом ряде вопросов можно и должно указать, в каком направлении следует произвести этот пересмотр»¹.

В отчёте о рассмотрении Апрельской конференцией вопроса о пересмотре партийной программы «Правда» 30 апреля (13 мая) 1917 года писала:

«Комиссия предложила принять резолюцию о том, в каком направлении должна быть изменена партийная программа: 1) в оценке империализма в связи с надвигающейся социальной революцией; 2) должны быть исправлены §§ о государстве — государство без постоянной армии, полиции и привилегированного чиновничества; 3) необходимо удалить устаревшие части политической программы (о царизме и т. п.); 4) надо переделать программу-минимум; 5) переделать экономическую часть программы, явно устаревшую, как и школьную часть программы; 6 — 7) вставить требования, вытекающие из перерождения строения капиталистического общества (национализация синдицированных отраслей производства и т. п.); 8) добавить характеристику течений в социализме»².

Таким образом VII Всероссийская партконференция большевиков, проголосовав за ленинские Апрельские тезисы, в теоретическом плане решила и ключевое противоречие начавшегося исторического этапа: новая Программа должна стать программой социалистической революции, программой победы диктатуры пролетариата.

Перед нами сегодня тоже грядущая политическая задача — революционная замена диктатуры буржуазии диктатурой пролетариата. Она была ясно сформулирована октябрьским (2014 года) пленумом ЦК КПРФ, на котором был чётко назван и вершитель этой исторической замены — работники наёмного, эксплуатируемого труда во главе с рабочим классом. В этом вопросе никаких обновлений на пути к социализму не требуется.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 410

² Там же. С. 412—413.

Когда готовился VI съезд РСДРП(б) (проходил в августе 1917 года в условиях полуподполья), то планировалось, что на нём пойдёт речь и о новой партийной Программе. Однако в канун съезда в «Правде» было опубликовано письмо находившегося под арестом члена партии с 1904 года прапорщика Н.В. Крыленко. Он выражал беспокойство, что в тех условиях, в которых собирался съезд преследуемой Временным правительством партии, трудно будет осуществить точный, выверенный «пересмотр не только тех или иных пунктов программы, а пересмотр её в целом, пересмотр её общей теоретической принципиальной части». Съезд после обсуждения программных вопросов на своей специальной секции по предложению В.Н. Подбельского принял решение:

«Ввиду недостаточной предварительной дискуссии по вопросу о пересмотре программы, а также ввиду совершенно неблагоприятных условий работ съезда выработку нового текста программы признать невозможным»¹. Но отсюда не следует, что съезд не внёс вклада в её разработку. Он взял курс на установление в стране рабоче-крестьянской власти. Этот вывод был сделан на основе анализа «противоречий революции в России», представленного И.В. Сталиным. Осмысление этих противоречий позволило съезду заявить, что «мирный период революции кончился, наступил период немирный, период схваток и взрывов».

В резолюции VI съезда РСДРП(б) «О политическом положении», принятой по докладу И.В. Сталина, говорилось:

«В настоящее время государственная власть оказалась фактически в руках контрреволюционной буржуазии, поддержанной военной кликой. Именно эта империалистическая диктатура провела и проводит... меры разрушения политической свободы, насилия над массами и беспощадного преследования интернационалистского пролетариата, при полнейшем бессилии и бездействии центрального учреждения Советов — Центрального Исполнительного Комитета.

Советы переживают мучительную агонию, разлагаясь вследствие того, что не взяли вовремя всей государственной власти в свои руки.

Лозунг передачи власти Советам, выдвинутый первым подъёмом революции, который пропагандировала наша партия, был лозунгом мирного развития революции, безболезненного перехода власти от

¹ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М. 1958. С. 238.

буржуазии к рабочим и крестьянам, постепенного изживания мелкой буржуазией её иллюзий.

В настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контрреволюционной буржуазии.

Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат, при условии поддержки его беднейшим крестьянством, в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового подъёма...

Задачей всех революционных классов явится... напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления её, в союзе с революционным пролетариатом передовых стран, к миру и к социалистическому переустройству общества»¹.

Так VI съезд РСДРП(б) подготовил программное положение о необходимости власти Советов, исключавшей коалиции с буржуазными соглашателями, с мелкобуржуазными партиями, перешедшими на сторону контрреволюции. В этом вопросе тоже никаких обновлений в XXI веке на пути возрождения социализма не требуется. В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин особо подчёркивал: важнейшим достоинством большевизма является тот факт, что он сформировался в непримиримой борьбе с оппортунизмом.

В повестке дня VII съезда РКП(б) третьим стоял вопрос: «Пересмотр программы и наименования партии». С докладом по этому вопросу выступал В.И. Ленин. После доклада были прения. Съезд принял решение о структуре программы и избрал комиссию по её пересмотру. В принятой резолюции съезд, в частности, записал:

«Съезд постановляет изменить программу нашей партии, переработав теоретическую часть или дополнив её характеристикой империализма и начавшейся эры международной социалистической революции.

Затем изменение политической части нашей программы должно состоять в возможно более точной и обстоятельной характеристике нового типа государства, Советской республики, как формы диктатуры пролетариата... Центр тяжести должен состоять в точной характеристике начатых нашей Советской властью экономических

¹ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. С. 256, 257.

и других преобразований с конкретным изложением ближайших конкретных задач, поставленных себе Советской властью и вытекающих из сделанных уже нами практических шагов экспроприации экспроприаторов»¹. Эти тезисы стали одними из ключевых в Программе РКП(б), принятой в марте 1919 года. Они и сегодня не нужны ни в каких обновлениях.

VII съезд РКП(б) внёс ещё одно принципиальное положение, имевшее существенное значение для разработки второй Программы большевистской партии. В.И. Ленин в Политическом отчёте ЦК, опровергая позицию «левых» коммунистов по вопросу о Брестском мире, сформулировал его так: «В нашей революции мы имеем такие переломы, которые будут иметь громадное значение для революции международной, а именно — *Октябрьскую революцию*»². Из делегатов эту мысль ярко подал И.Т. Смилга: «Что лучше для международной революции: существование Советской республики, хотя бы и с кровавой раной в груди, или уничтожение её? Ясно, что для международной революции важнее существование Советской республики... Пока мы ещё живы, пока Советская республика остаётся Советской республикой, которой, правда, нанесена рана в грудь, которая принижена продиктованными ей зверскими условиями мира, которая вынуждена согласиться на этот мир, всё же она может готовиться к отпору, сохраняя всё то, что дала Октябрьская революция»³.

Какие могут быть обновления в вопросе защиты завоеваний Октябрьской революции? Мы в 1991 и 1993 годах попробовали эти «обновления», в результате до сих пор проклинаем тех, кто нам подsunул их под видом разделения партийных и государственных функций, отлучения партии от решения государственных вопросов и прочей демагогии, присущей проповедникам перестройки-горбостройки. Коммунисты должны стать непроницаемой стеной, чтобы не допустить впредь подобных «обновлений» социализма ни в каком виде, ни в какой упаковке! В этом вопросе есть лишь одна диалектика — непримиримая диалектика классово́й борьбы.

Было ещё одно противоречие, которое требовало неотложного разрешения. Большевики и меньшевики уже давно перестали быть одной партией, из внутривнутрипартийных оппонентов превратились

¹ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. Стенографический отчёт. М. 1962. С. 177.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 55, 56.

в выразителей интересов полярных социальных классов, более того, в Гражданской войне они сплошь и рядом были по разные стороны линии фронта... И, несмотря на всё это, формально у них оставалась... общая партийная программа. Выступая на VII съезде РКП(б), Ленин, подчёркивая неотложность работы над новой программой, вспоминал «гадкое положение», в котором он себя чувствовал, «когда на предыдущем съезде один левый швед меня спрашивал: «а какая программа вашей партии — такая же, как у меньшевиков?» Надо было видеть, какие глаза сделал этот швед, который ясно понимал, как мы гигантски далеко ушли от меньшевиков. Такое чудовищное противоречие мы оставить не можем»¹.

С формированием Коммунистического Интернационала такая ситуация стала нетерпимой. VIII съезд РКП(б) уже не мог откладывать принятие новой Программы большевистской партии.

Дискуссия о структуре документа и её эхо в 1947 году

В течение двух лет подготовка новой партийной Программы не выпадала из поля зрения РКП(б). Но противоречия бурной эпохи не позволяли ей стать в центре внимания. Да и внутрипартийные противоречия тоже мешали согласованной работе.

В.И. Ленин и большинство членов Программной комиссии настаивали на том, что в новую Программу необходимо включить тот раздел принятого на II съезде РСДРП главного партийного документа, в котором даётся характеристика домонополистического капитализма. Против выступал прежде всего Н.И. Бухарин, настаивая на том, что появился новейший взгляд на капитализм времён господства монополий, банковского капитала и полного раздела мира. Им и надо заменить характеристику «старого» капитализма, так как на дворе — империализм.

Почему же возражает Ленин, если предлагается убрать то, что было когда-то написано Г.В. Плехановым и другими разработчиками первой Программы РСДРП, а вставить только то, что открыл Ленин? Но такие вопросы посещают только головки честолубцев. У Ленина же логика мыслителя, практика, борца. Да, характеристика империализма безусловно нужна. Но не менее необходима и характеристика домонополистического капитализма. Дело в том, что

¹ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. Стенографический отчёт. С. 154.

империализм не уничтожил «свободного предпринимательства», а лишь вытеснил его на периферию экономики. Мелкотоварная российская деревня на рубеже 1910–1920-х годов жила в полном соответствии с законами не монополий и раздела мира, а домонополистической конкуренции. Значит, и в Программе РКП(б) непозволительно отказываться от раздела, который теоретически точно описывает жизнь значительной части страны.

Ленин настойчиво подчёркивал, что диктатура пролетариата является следствием антагонистических противоречий капитализма, и, чтобы успешно двигаться вперёд, надо знать и учитывать эти связи. Он их старательно раскрывал съезду:

«Мы говорим, что пришли к диктатуре. Но надо же знать, *как* пришли. Прошлое нас держит, хватает тысячами рук и не даёт шага вперёд сделать или заставляет делать эти шаги так плохо, как мы делаем. И мы говорим: чтобы понять, в какое положение мы попадаем, надо сказать, как мы шли, что нас подвело к самой социалистической революции. Нас подвёл империализм, нас подвёл капитализм в его первоначальных товарно-хозяйственных формах. Надо всё это понимать, потому что, только учитывая действительность, мы сможем разрешить такие вопросы, как, скажем, отношение к среднему крестьянству. На самом деле, откуда мог взяться средний крестьянин в эпоху чисто империалистического капитализма? Ведь даже в странах просто капиталистических его не было. Если мы будем решать вопрос о нашем отношении к этому чуть ли не средневековому явлению (к среднему крестьянству), стоя исключительно на точке зрения империализма и диктатуры пролетариата, у нас совершенно не сойдутся концы с концами, и мы много набьём себе шишек. Если же нам менять своё отношение к среднему крестьянству, — тогда и в теоретической части потрудитесь сказать, откуда он взялся, что это такое. Он есть мелкий товаропроизводитель. Вот та азбука капитализма, которую сказать нужно, потому что мы из этой азбуки всё ещё не вылезли»¹.

Более того, даже через 100 лет после принятия второй Программы РКП(б), в пору реставрации капитализма, когда империализм даёт о себе знать и в экономическом строении РФ, и во внутренней и внешней политике правящего класса и обслуживающей его власти, одновременно приходится признавать, что в XXI веке значительная часть России включена в экономику домонополистического

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 155–156.

капитализма. И соответствующие положения первой Программы РСДРП точно характеризуют эту сторону современного бытия города и деревни, пролетариата, полупролетариата и мелкой буржуазии.

При осмыслении второй Программы большевистской партии перед Сталиным стояла задача, которую на старте Советской власти решал Ленин при разработке той самой второй партийной Программы, которая оказалась выполненной и поэтому устаревшей. Среди сталинских пометок на полях второй партийной Программы обращает на себя внимание подчеркнутое двумя чертами слово «Отсюда». (*РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 7*). Оно значит как раз там, где заканчивается фрагмент о доминирующем капитализме, перенесённый во вторую Программу из первой, принятой II съездом РСДРП, и начинался блок, посвящённый империализму. Подчеркнём, что слово «Отсюда» вписано с обеих сторон предложения, которым начиналась характеристика империализма. Но была одна существенная деталь: в обоих случаях после слова стоял вопросительный знак.

Ответом на поставленный руководителем ВКП(б) вопрос как раз и стала предложенная в постановлении Политбюро ЦК партии от 15 июля 1947 года (см. ниже) структура Программы ВКП(б), в соответствии с которой предусматривалось, что «общая» (теоретическая) часть нового документа будет состоять из трёх разделов: оценка победы Великой Октябрьской социалистической революции с точки зрения исторического развития человечества, анализ нынешней международной обстановки, итоги достижений советского общества за 30 лет Советской власти.

Ясно, что, берясь за разработку новой, третьей Программы большевистской партии, руководитель ЦК ВКП(б) ориентировался на решение выдвигаемых эпохой новых проблем. Но при этом предстояло зорко оглядеться вокруг, во-первых, для того, чтобы не упустить ещё не дозревших для нового исторического этапа явлений, во-вторых, Программа ВКП(б) объективно призвана стать на новом этапе теоретическим и политическим примером осмысления пройденного пути, потому что следом идут другие братские партии, потому что другие народы выбирают для себя социалистический маршрут.

Теоретическая часть второй Программы давала прежде всего характеристику Великой Октябрьской социалистической революции. Сталин полностью солидаризировался не только с оценками Октябрьской революции во второй партийной Программе, но и с их

местом в структуре этого документа. Об этом свидетельствует постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 июля 1947 года. В нём содержится рекомендация о структуре третьей партийной Программы. Ясно, что она могла появиться только после обстоятельного осмысления второй Программы РКП(б), принятой VIII партийным съездом.

Дело в том, что теоретическая часть второй Программы партии состояла из четырёх блоков. Первым был короткий вводный блок (всего два абзаца), посвящённый победе Великой Октябрьской социалистической революции, в котором она рассматривалась как единство начала переходного периода от капитализма к социализму и закладывание основ коммунистического общества. Одновременно подчёркивалось, что «эта революция явилась неизбежным результатом развития капитализма».

Затем следовал блок, представляющий собой фрагмент из первой партийной Программы, посвящённый характеристике доминирующего капитализма. Третьим был блок об империализме, он естественно переходил к завершающему теоретический раздел рассмотрению Октябрьской революции как закономерному разрешению антагонизмов высшей стадии капитализма.

Предложенная в постановлении структура Программы ставит в центр её теоретической части Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

«ПРОТОКОЛ ПБ №59 ОТ 15/VII.47

П. 48. О ПРОЕКТЕ НОВОЙ ПРОГРАММЫ ВКП(Б)

1) Поручить Комиссии в составе т.т. Жданова (председатель), Вознесенского, Сулова, Александрова, Куусинен, Митина, Юдина, Поспелова, Шепилова, Островитянова, Леонтьева, Федосеева и Иовчука разработать и представить в ПБ проект новой программы ВКП(б).

2) Комиссии исходит в своей работе из следующих соображений. Программа должна состоять из двух основных частей: а) из общей части, где должны быть даны, во-первых, оценка победы Великой Октябрьской социалистической Революции с точки зрения исторического развития человечества, во-вторых, — анализ нынешней международной обстановки, в-третьих, — итоги достижений Советского общества к настоящему времени по всем линиям, и б) практически-политической части, где должны быть сформулированы основные задания партии с точки зрения развития Советского общества к коммунизму в разрезе 20 — 30 лет.

Комиссия имеет право выдвинуть другую схему программы, если она считает изложенную схему недостаточной или неправильной.

3) Первый доклад Комиссии — через две недели».

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1066. Л. 12).

Каждый пункт этого документа заслуживает особого внимания и характеризует стиль работы высшего руководящего партийного органа. Уже в первом пункте проявляется деловое отношение к разработке главного стратегического документа партии. Несмотря на то, что программа — дело общепартийное, готовить её должны профессионалы. Поручение второму секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову возглавить эту работу было и ожидаемым: тогда рядом со Сталиным не было более крупного теоретика-марксиста (что касается безусловно высокообразованного марксиста В.М. Молотова, то он был максимально загружен работой в правительстве). Второй пункт постановления по-своему уникален: с одной стороны, Политбюро даёт чёткие ориентиры разработки документа, с другой — предоставляет учёным право «выдвинуть другую схему программы, если они считают изложенную схему недостаточной или неправильной». В большом партийном деле недопустимы шаблоны и догматизм, требуется творческий подход на основе марксистско-ленинского диалектико-материалистического учения.

Последняя редакция проекта Программы ВКП(б) 1947 года открывается, как и предписывало постановление Политбюро, характеристикой Великого Октября. При этом почти дословно воспроизводятся оценки, которые были даны в Программе, принятой VIII партсъездом в 1919 году. Следует подчеркнуть, что это непосредственный результат сталинского изучения второй Программы РКП(б). Для разработчиков вариантов проекта третьей Программы (в 1947 году документ одновременно готовили четыре группы: а) М.Б. Митин и П.Ф. Юдин; б) П.Н. Поспелов, Д.Т. Шепилов и М.Т. Иовчук; в) Г.Ф. Александров, П.Н. Федосеев и К.В. Островитянов; г) Л.А. Леонтьев и О.В. Куусинен) Сталин дважды (с обеих сторон страницы) пишет: «Факт Окт[ябрьской] революции», а также «Неизбежность факта» и «Рев[олюция] = резул[ьтат] к[апитализ]ма». А во фразе: «Эта революция явилась неизбежным результатом» подчёркивание Сталиным слова «неизбежным» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 5) привело к его более точной замене: «закономерным».

Из первой Программы во вторую Программу РКП(б) перешло следующее принципиальное положение:

«Самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.е. поступать в наёмники к капиталистам и своим трудом создавать доход высших классов общества» (*Там же. Л. 5 об.*)

Им открывался «второй блок» теоретической части документа 1919 года, Его содержание было полностью сохранено и в последней редакции проекта третьей Программы ВКП(б), им начинался второй раздел «общей части» последней редакции проекта 1947 года. Правда, теперь он был значительно расширен, на что, думается, повлияла сталинская запись на полях возле этого абзаца: «Природа кап[итали]зма и бурж[уазного] общества». (*Там же. Л. 5 об.*). В 1947 году идеи, заложенные в процитированном выше абзаце из первой и второй программ, звучали так:

«Нынешняя эпоха всемирной истории есть эпоха крушения капитализма и торжества социализма, эпоха неуклонного роста и расцвета социалистического общества в СССР и перехода ряда других стран на рельсы социализма, с одной стороны, общего кризиса капитализма и разложения капиталистической системы, с другой стороны.

Общий кризис капитализма был подготовлен всем ходом его развития. При капиталистическом строе важнейшие и решающие средства производства и обмена — земля, фабрики и заводы, железные дороги, торговые предприятия и банки — составляют частную собственность немногочисленного класса капиталистов, который эксплуатирует наёмных рабочих, лишённых средств производства и вынужденных ввиду этого продавать свою рабочую силу. Мелкие производители — крестьяне, составляющие самый многочисленный класс населения, ремесленники, кустари, мелкие торговцы — подвергаются беспощадной эксплуатации со стороны капиталистов и помещиков» (*РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 128. Л. 5*).

Характеристика антагонистических противоречий, присущих капитализму, в новой редакции стала богаче, что отражало реальные изменения в мире. Существенным фактором глобальных изменений стал общий кризис капитализма. Именно на смену обществу эксплуататоров и эксплуатируемых, убеждены марксисты-ленинцы, закономерно и неизбежно должно прийти социалистическое общество.

Однако победа контрреволюции в СССР и восточноевропейских странах привела, к сожалению, к тому, что сегодня ближе к реалиям характеристика противоречий капитализма, данная в первой и второй программах большевистской партии. В XXI веке по сравнению с началом XX столетия если что и изменилось, так только степень поляризации общества. Сегодня, по данным Федеральной службы государственной статистики (ФСГС), доля работодателей (эксплуататоров, представляющих крупный и средний капитал) составляет 1,3% занятого населения РФ, тогда как доля работников наёмного труда, по этим же данным, составляет 93%¹, то есть степень поляризации в стране достигла пика. Таким образом, никаких принципиальных изменений ни в мотивах перехода от капитализма к социализму, ни в классе, заинтересованном в таком революционном переходе (пролетариате) в XXI веке не произошло.

Этим самым подтвердилось и следующее положение, одинаково зафиксированное в первой и второй Программах большевистской партии: «Область господства капиталистических производственных отношений... ведёт к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая их в пролетариев» (*РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 5 об.*).

Объективные изменения в обществе давали возможность не только сохранить, но и расширить и обогатить и этот тезис. Тем более, что сталинское замечание о «природе капитализма и буржуазного общества» можно отнести и к нему. В 1947 году этот тезис был развёрнут следующим образом:

«Развив до ранее невиданных размеров производительные силы общества, капитализм запутался в неразрешимых для него противоречиях. Наряду с увеличением общественного богатства в буржуазном обществе неизбежно растёт общественное неравенство, происходит углубление пропасти между имущими и неимущими. Развитие капитализма ведёт к вытеснению мелкого производства крупным и крупнейшим, к разорению множества прежде самостоятельных мелких производителей и превращению их в пролетариев и полупролетариев, к обнищанию пролетариата, обречённого на усиливающуюся эксплуатацию, на возрастающую необеспеченность существования, на рабские условия труда и жизни» (*РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 128. Л. 6.*).

¹ Рабочая сила. Занятость и безработица в России. Официальное издание. М. 2019. Табл. 2.15.

Сегодня одинаково сохраняют актуальность как вариант программ 1903 и 1919 годов, так и вариант 1947 года. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года показывает, что доля безземельных крестьян сегодня не меньше, чем во время Февральской революции.

Из первой во вторую Программу партии перешло положение о том, что «кризисы и периоды промышленного застоя ведут к относительному, а иногда и абсолютному ухудшению положения рабочего класса» (*Там же. Л. 6*). Капитализм XXI века полностью подтвердил этот вывод большевиков начала XX столетия. Росстат зафиксировал, что уже 5 лет реальные доходы 80% занятого населения (восьми «децильных групп») стабильно сокращаются. Безоговорочным подтверждением абсолютного обнищания пролетариев является подтверждаемый официальной государственной статистикой факт, что более двух третей соотечественников, имеющих доходы ниже физиологического прожиточного минимума (всего таких сейчас в РФ около 20 миллионов человек), составляют люди, имеющие работу и постоянную зарплату.

Следовательно, остаётся неоспоримым, не требующим «обновления» вывод первой и второй Программ большевиков:

«Заменяв частную собственность на средства производства и обращения общественной и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и общественного развития всех членов общества, социальная революция пролетариата... положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою.

Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить сопротивление эксплуататоров» (*РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 6 об. — 7*).

Вот уж где необходимо строго выполнять программные положения большевиков начала прошлого века! В годы перестройки мы профукали это программное большевистское указание, «обновив» его буржуазно-оппортунистическим словоблудием, позволили ренегатам-«вождям» завести нас в болото реставрации капитализма. Надеюсь, этого 30-летнего урока достаточно, чтобы впредь не отклоняться от программных установок большевизма.

Впрочем, Сталин обращает внимание на то, что во второй Программе партии дана «зауженная» трактовка диктатуры пролетариата. Там, в частности, была такая фраза: «Необходимое условие этой

социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров». Сталин на полях против этого абзаца пишет: «*Не только. А организация соц. хозяйства?»* (Там же. Л. 7).

Здесь он выступает, безусловно, последовательным преемником ленинских идей. Владимир Ильич не раз указывал, что наряду с функцией подавления диктатура пролетариата выполняет важные созидательные функции. Через два месяца после принятия второй Программы РКП(б) Ленин в обращении «Привет венгерским рабочим» писал:

«Но не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры, и не главным образом в насилии. Главная сущность её в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, их авангарда, их единственного руководителя, пролетариата. Его цель — создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком. Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму, — и потому, что переорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой, упорной борьбе. Поэтому Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата, как периоде перехода от капитализма к социализму»¹.

Сталинское осмысление второй Программы РКП(б) дало интересные теоретические и политические результаты. В третью Программу партии оказались перенесены основные оценки и доминирующего капитализма, и империализма. Но их сохранение теперь было обусловлено совершенно другими мотивами, чем те, которые приводил Ленин, настаивая на включении фрагмента, характеризующего доминирующий капитализм, в Программу 1919 года. В послевоенной советской действительности ни свободного предпринимательства, ни империалистических монополий, конечно же не было. Но Программа ВКП(б) была призвана дать теоретическое осмысление борьбы рабочего класса с всевластием капитала, чтобы помочь коммунистам других партий (прежде всего

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 385—386.

действовавших в странах народной демократии) освоить диалектику классовой борьбы на разных этапах капиталистической формации и учесть многоукладность послевоенной экономики в начатом ими процессе социалистического строительства. Прозорливость такого подхода, заложенного в работе над третьей Программой 1947 года, сегодня особенно очевидна. Как было отмечено выше, мотивы, заложенные в первой Программе большевистской партии, повторённые во второй Программе и расширенные в последней редакции проекта Программы ВКП(б) 1947 года, звучат настолько актуально в условиях реставрации капитализма в России, что их включение в нынешнюю Программу КПРФ было бы вполне оправданно.

Но в последней редакции проекта третьей партийной Программы характеристика и домонополистического, и монополистического капитализма сконцентрированы в разделе «Современная международная обстановка». Это был ленинизм в действии, реализованный Сталиным, который всегда называл себя учеником Ленина.

Записка для себя

Но Сталин не ограничивался актуализацией положений второй партийной Программы, так как перед ним стояла задача решения новых проблем. Поэтому следующим этапом его работы над новой партийной программой стала «записка для себя». В архиве нет её машинописного текста, что говорит о том, что она не была предназначена даже для знакомства с нею товарищей из Политбюро ЦК ВКП(б). В ней её автор формулирует те положения новой программы, которые отсутствуют у её предшественницы:

«К ПРОГРАММЕ ВКП(Б) ВВОДНАЯ ЧАСТЬ ПОСЛЕ АНАЛИЗА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ МОНОПОЛИСТИЧ. КАП-ЗМА:

I

В области международной

а) добиваться широких отношений между государствами.

б) сделать невозможным агрессивные войны, для этого установить преграды агрессии — запрещение атомного оружия и других массово истребительных средств войны, широкое движение масс за сохранение мира, создавать союзы государств для сопротивления агрессии, для во-

оружённой защиты против агрессии...; обуздать агрессора (а также экономическое сотрудничество государств...).

II

В области политического строительства

Сохранить и усилить советское государство с его армией и его органами разведки и администрации — пока существует капиталистическое окружение...

III

В области экономического строительства

а) промышленность

б) сельское хозяйство

IV

В области культ. стр-ва».

(Там же. Л. 42, 43).

Действительно, в последней редакции проекта Программы ВКП(б) появились актуальные не только для первых послевоенных лет, но и для нынешних дней положения.

Новаторский характер носили выводы, оценивавшие послевоенное устройство мира. Поскольку в 1947 году работа над Программой не была завершена, никакие фрагменты из неё не публиковались, то принципиальные теоретические разработки, сделанные под руководством Сталина в 1947 году, были обнародованы только через 15 лет под чужим авторством. Дело в том, что они вошли в третью Программу КПСС, представленную Н.С. Хрущёвым XXII партийному съезду. Правда, Хрущёв и его соратники «забыли» указать, что, например, характеристика основных отрядов международного революционного движения была осуществлена ещё в 1947 году под руководством И.В. Сталина и А.А. Жданова. Но самое примечательное состояло в том, что в 1961 году выводы 1947 года звучали свежо, новаторски, воспринимались как важные теоретические находки.

Между тем в последней редакции проекта Программы ВКП(б) 1947 года заслуживает внимания принципиальный теоретический вывод о новом этапе общего кризиса капитализма, который, с одной стороны, проявился в том, что «господствующая финансовая олигархия в ряде стран, будучи не в состоянии править прежними

методами парламентаризма и буржуазной демократии, переходит к фашизму», с другой стороны, «лагерь капитализма понёс дальнейший урон: подобно тому, как первая мировая война закончилась отпадением России от мировой системы капитализма, вторая мировая война и разгром фашизма привели к отпадению от империалистической системы ряда стран центральной и юго-восточной Европы, освобождённых от фашизма Советской Армией, благодаря чему народы этих стран получили возможность в ходе антифашистской и антиимпериалистической борьбы установить народную, демократическую власть» (*РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 128. Л. 10.*).

Логическим продолжением вывода об углублении общего кризиса капитализма стало положение о том, что «в итоге второй мировой войны создалась новая расстановка основных политических сил, действующих на мировой арене. Образовались два лагеря: с одной стороны, лагерь империалистический и антидемократический, имеющий основной целью установление американского мирового господства и разгром демократии, и, с другой стороны, лагерь антиимпериалистический, демократический, имеющий основной целью подрыв империализма, укрепление демократии и ликвидацию остатков фашизма» (*Там же. Л. 12.*).

Значительным вкладом в марксистско-ленинскую теорию стал также следующий вывод 1947 года:

«Обострённый второй мировой войной кризис колониальной системы, выражающийся в могучем подъёме национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, поставил под угрозу тылы империалистической системы. Кризис колониальной системы проявляется в том, что народы колоний не желают больше жить по-старому и стали на путь решительной борьбы за создание самостоятельных, независимых государств». (*Там же. Л. 10–11*). Не забудем, что это положение было сформулировано ещё на стадии становления массового национально-освободительного движения, когда государственный суверенитет удалось завоевать лишь пионерам (в частности, Индии) этого направления антиимпериалистической борьбы.

Исключительно злободневно и актуально и сегодня звучит вывод о том, что «после разгрома фашистских агрессоров центр мировой реакции переместился в Соединённые Штаты Америки, а потерпевшие крах гитлеровские планы порабощения мира сменились американскими планами мирового господства, в которых роль младшего партнёра отводится Англии». (*Там же. Л. 11*).

Обратимся вновь к пометам И.В. Сталина на тексте второй Программы РКП(б). В документе 1919 года отмечалось, что победа «пролетарской революции требует... возможно большего единства революционных действий рабочего класса». (*РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 8 об.*).

А далее следовал абзац:

«Эти условия неосуществимы без принципиального решительного разрыва и беспощадной борьбы с тем буржуазным извращением социализма, которое одержало победу в верхах социал-демократических и социалистических партий». (*Там же. Л. 8 об.*)

Сталин на полях возле этого абзаца проводит две жирные черты. Внимание вождя к этому тезису нашло отражение в тексте последней редакции проекта Программы ВКП(б) 1947 года. В новых условиях, сложившихся после победы во Второй мировой войне над фашизмом, было уже недостаточно ставить вопроса о всё большем сплочении единства революционных сил. Теперь требовалось объяснить, почему буржуазному строю удаётся держаться в пору обострения общего кризиса капитализма. В последней редакции проекта третьей Программы ВКП(б) читаем:

«В современных условиях, когда капитализм давно уже созрел для замены его социализмом, когда опоры капиталистического общества в Европе сгнили, буржуазный строй держится лишь потому, что рабочий класс капиталистических стран ещё недооценивает свои силы, не обладает необходимой сплочённостью и не проявляет должной решимости в борьбе против империалистической реакции. Буржуазия же явно переоценивает свои силы и идёт во внутренней и внешней политике по пути реакции и авантюры, которые, причиняя неисчислимые страдания народным массам, вместе с тем ещё более расшатывают основы капитализма.

В этой исторической обстановке особенно пагубна роль социал-демократического реформизма, помогающего буржуазии распространять неверие в его силы и раскалывающего рабочий класс. После Первой мировой войны реформистские партии Второго Интернационала политикой раскола рабочего класса спасли капиталистический строй от гибели и расчистили путь фашизму в ряде стран Европы. После Второй мировой войны правые социалисты, являясь верными пособниками англо-американских претендентов на мировое господство, маскируют демократической и социалистической фразеологией разбойничью сущность империалистической политики, ведут гнусную травлю коммунистических партий и дру-

гих прогрессивных организаций рабочего класса, пресмыкаются перед американским монополистическим капиталом и тем самым разжигают его аппетиты, срывают борьбу рабочего класса против империалистической реакции. Ставя своей целью спасение насквозь прогнившего капиталистического строя, правые социалисты распространяют предательские иллюзии о надклассовом характере буржуазной демократии, стремятся подчинить рабочий класс буржуазной идеологии и политике и подорвать его влияние на трудящиеся массы крестьянства, городской мелкой буржуазии, интеллигенции» (РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 128. Л. 17).

Впрочем, не будем закрывать глаза и на другие пометы Сталина, сделанные им на полях второй Программы РКП(б).

Так, он критически отнёсся к некоторым формулировкам, которые вторая Программа партии в 1919 году унаследовала от первой Программы. Например, сбоку волнистой чертой был помечен следующий абзац:

«Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обуславливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для всё более широких слоёв трудящихся масс» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 6 – 6 об.).

Абзац содержит, как минимум, стилистические неточности типа «увеличение *расстояния* между имущими и неимущими». Слово «расстояния» здесь неуместно, так как речь идёт о социальной поляризации. Однако теоретически куда серьёзнее неточность в утверждении, что «усовершенствование техники... обуславливает возрастание общественного неравенства». Во-первых, имелось в виду, очевидно, не усовершенствование, а применения техники в буржуазном обществе. Во-вторых, неравенство порождает не само по себе усовершенствование техники, а развитие капиталистических производительных сил, главным элементом которых является рабочая сила. Причём неравенство при капитализме может возрасти и без усовершенствования техники (например, с появлением мануфактуры). В последней редакции проекта Программы ВКП(б) 1947 года это положение было сформулировано иначе:

«Развив до ранее невиданных размеров производительные силы общества, капитализм запутался в неразрешимых для него противоречиях. Наряду с увеличением общественного богатства в бур-

жуазном обществе неизбежно растёт общественное неравенство, происходит углубление пропасти между имущими и неимущими» (РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 128. Л. 6).

Сталин всюду, где упоминалось словосочетание «международная коммунистическая партия» ставил пометы, указывающие на необходимость правки. Причина достаточно очевидна: когда шла работа над третьей Программой ВКП(б) в 1947 году, III, Коммунистический Интернационал уже был распущен. К тому же надо признать неудачным название Коминтерна «международной коммунистической партией», ибо это было объединение, союз компартий, каждая из которых, являясь секцией Коммунистического Интернационала, тем не менее была самостоятельной политической организацией. И Программа РКП(б) на это указывала, хотя стилистически такое предложение выглядело неудачно, ибо получалось, что партия организует партию:

«Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная коммунистическая партия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям...» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 7)

Что касается раздела второй Программы РКП(б), посвящённого империализму, то многие положения в нём Сталин выделял как образец, который должен быть использован в новом документе. Он, например, особо подчеркнул все признаки, которые характерны для империализма. (Там же. Л. 7 – 7 об.). Они были чётко указаны в последней редакции проекта Программы ВКП(б). (См.: РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 128. Л. 7.).

При осмыслении Программы 1919 года Сталин обратил особое внимание на характеристику империалистической войны и империалистического мира. Она была дана на основе ленинского анализа высшей стадии капитализма. Он, в частности, подчеркнул программное положение о том, что «империалистическая война не могла кончиться не только справедливым миром, но и вообще заключением сколько-нибудь устойчивого мира буржуазными правительствами» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 8).

В выполненной партийной Программе Сталин особо выделил (и подчёркиванием в тексте, и отчёркиванием на полях) реализованное историей утверждение о результатах развёртывания противоречий мирового капитализма на его высшей стадии:

«Всё это с неизбежностью приводит к сочетанию гражданской войны внутри отдельных государств с революционными войнами как обороняющихся пролетарских стран, так и угнетаемых народов против ига империалистических держав». (Там же. Л. 8). На полях «птичкой» отмечено, что и революционный протест эксплуатируемых и угнетённых, и новые формы объединения капиталистов являются результатом победы пролетариата в отдельных странах. (См.: там же. Л. 8).

В 1947 году группа таких стран, делавших первые шаги на пути к социализму, была реальностью. И уже коммунисты искали новые формы своего международного объединения. Во время работы над третьей Программой ВКП(б), в сентябре 1947 года, в Польше состоялось информационное совещание Болгарской рабочей партии (коммунистов), Венгерской коммунистической партии, Коммунистической партии Италии, Польской рабочей партии, Коммунистической партии Румынии, Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), Коммунистической партии Франции, Коммунистической партии Чехословакии и Коммунистической партии Югославии. На нём было принято решение о создании Коминформбюро.

А поскольку мы говорим о теоретическом творчестве И.В. Сталина, то здесь будет уместно отметить, что образование группы государств, которые отколются от капиталистической системы в результате грозящей войны, развязываемой империалистической буржуазией, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) предсказал ещё в Отчётном докладе XVII съезду партии. 26 января 1934 года он говорил:

«Дело идёт к новой империалистической войне, как к выходу из нынешнего положения.

Конечно, нет оснований предполагать, что война может дать действительный выход. Наоборот, она должна ещё больше запутать положение. Более того, она наверняка развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран, как это имело место в ходе первой империалистической войны»¹. Заметим, это было сказано за одиннадцать с лишним лет до окончания Великой Отечественной войны.

А вот выделенные Сталиным слова из второй Программы РКП(б), адресованные... непосредственно нам:

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 294.

«Только пролетарская, коммунистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами. Каковы бы ни были трудности революции и возможные временные неудачи её или волны контрреволюции, — окончательная победа пролетариата неизбежна». (См.: *РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 8 об.*).

Правда, здесь целесообразно напомнить слова из того же сталинского доклада на XVII съезде ВКП(б). А там Сталин, опираясь на ленинский анализ роли пролетарской партии в классовой борьбе, говорил:

«Победа революции никогда не приходит сама. Её надо подготовить и завоевать. А подготовить и завоевать её может только сильная пролетарская революционная партия. Бывают моменты, когда положение революционное, власть буржуазии шатается до самого основания, а победа революции всё же не приходит, так как нет налицо революционной партии пролетариата, достаточно сильной и авторитетной для того, чтобы повести за собой массы и взять власть в свои руки. Было бы неразумно думать, что подобные «случаи» не могут иметь места»¹.

Хочется очень надеяться, что это предупреждение не превратится в пророчество.

Особую группу составляют программные позиции 1919 года, которые утратили актуальность после победы в Великой Отечественной войне, когда, с одной стороны, начался процесс становления мировой системы социализма и мощного международного движения сторонников мира, с другой — началась затяжная, затянувшаяся на 45 лет, «холодная война». К тому же в 1947 году СССР ещё не был сверхдержавой и между СССР и США не было ракетно-ядерного паритета. В этой ситуации задача борьбы за мир, предотвращения новой мировой войны приобретала для Советского государства и правящей Коммунистической партии приоритетное политическое значение. В такой ситуации Сталин, являвшийся не только руководителем правящей партии, но и главой Советского правительства, заявлял о том, что в новых условиях «лозунги пацифизма, международного разоружения при капитализме, третейских судов и т. п. являются не только реакционной утопией, но и прямым обманом трудящихся, направленным к разоружению пролетариата и отвлечению его от задачи разоружения эксплуататоров» (Там же. Л. 8 — 8 об.).

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 298.

Ещё в Отчётном докладе ЦК ВКП(б) XVII партийному съезду Генеральный секретарь ЦК партии с учётом коренным образом изменившихся по сравнению с 1919 годом международных отношений частично откорректировал положение Программы партии, принятой VIII съездом РКП(б). В январе 1934 он от имени Центрального Комитета партии, перечисляя факторы, на которые рассчитывал СССР в сложной и трудной борьбе за мир, называл не только «растущую хозяйственную и политическую мощь» Советского Союза и «нашу славную армию, готовую оборонять страну от наскоков извне», но и «моральную поддержку миллионных масс рабочего класса всех стран, кровно заинтересованного в сохранении мира» и «благоразумие тех стран, которые не заинтересованы по тем или иным мотивам в нарушении мира и которые хотят развить торговые отношения с таким исправным контрагентом, как СССР»¹.

После исторических битв и каждодневных боёв местного значения за безымянные высоты, массового героизма и всенародной трагедии Великой Отечественной войны Верховный Главнокомандующий, конечно же, не мог допустить, чтобы в третьей партийной Программе, даже косвенно, наличествовали мотивы, естественные для документа 1919 года, на котором лежала печать империалистической Первой мировой войны. А там в качестве «крупнейших буржуазных извращений социализма» называлось, «течение оппортунизма и социал-шовинизма, социализма на словах, шовинизма на деле, прикрытие защиты грабительских интересов своей национальной буржуазии лживым лозунгом защиты отечества, как вообще, так в особенности во время империалистической войны 1914 — 1918 годов» (*Там же. Л. 8 об.*).

Действительно, к советской действительности этот тезис не имел ни малейшего отношения, но после реставрации капитализма он снова звучит актуально именно в том варианте, в котором был в Программе РКП(б) в 1919 году.

И, конечно, «Теперь не то» в 1947 году было самым точным определением для абсолютно правильной характеристики послереволюционной России, содержащейся во второй Программе большевистской партии, где было написано, что «применительно к России главной особенностью является численное преобладание мелкобуржуазных слоёв населения». Это было теперь неправильно и со статистической точки зрения, и представлялось архаичным в результа-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 300.

те проявленного в годы великой войны социально-политического единства советского народа. Впрочем, перестройка и буржуазная контрреволюция 1991 – 1993 годов статистическую ситуацию с мелкобуржуазными слоями ничуть не изменили, а вот мелкобуржуазное сознание и поведение у немалой части нашего общества вполне сумели разбудить (Там же. Л. 9 об.).

Нередко сталинские замечания касались даже отдельных слов, которые были недостаточно точными с Программе 1919 года. Например, во фразе «...своим трудом создавать доход высших классов общества» Сталин обвёл слово «высших». (Там же. Л. 5 об.). Понятно, что в последней редакции проекта Программы ВКП(б) оно не использовалось, а было заменено точным названием эксплуататорских классов. И это не единственный пример его подобного «вмешательства» в текст второй Программы РКП(б).

Одновременно 30 лет, прошедших после Великой Октябрьской социалистической революции, в течение которых углублялись и осуществлялись её идеи, дали возможность более ярко и выпукло охарактеризовать значение и достижения Великого Октября. Так, впервые в программном документе партии появилось очень важное положение, высказанное ещё родоначальниками научного коммунизма:

«Всё многовековое развитие общества в прошлом было по существу лишь предисторией человечества. Октябрьская революция положила начало подлинной истории человечества. Она ознаменовала переход к сознательному творчеству истории народными массами и ознаменовала начало коммунистической эры в развитии человечества» (РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 128. Л. 1). Буржуазная контрреволюция 1991 – 1993 годов и реставрация капитализма в России не дают ни малейших оснований для того, чтобы поставить под сомнение великую формулу К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что победа пролетарской революции означает переход от предистории человечества к его подлинной истории.

Для наших современников актуально и вдохновляюще звучит и такое положение из последней редакции проекта Программы ВКП(б) 1947 года:

«Победа социализма в СССР подтвердила великую истину марксизма-ленинизма, что капитализм является исторически преходящим способом производства, что он уже отжил свой век и в силу законов экономического развития он неминуемо будет заменён социализмом» (РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 128. Л. 2).

И это не единственные примеры обогащения оценок Великой Октябрьской социалистической революции в последней редакции проекта Программы ВКП(б), проявившиеся в результате осмысления 30-летнего социалистического строительства в нашей стране разработчиками этого документа, творческой деятельностью которых руководили И.В. Сталин и А.А. Жданов.

Никакого прожектёрства

И ещё один урок Программы, принятой VIII съездом РКП(б): в ней нет ни малейшего прожектёрства. Даже то, от чего потом, в процессе социалистического строительства, пришлось отказаться, не было высосано из пальца, а отражало ростки реальной практики. Или... безвыходного положения.

Например, в разделе второй Программы партии «В области народного просвещения» подпункт 4 предусматривал: «Снабжение всех учащихся пищей, одеждой и учебными пособиями за счёт государства». (*РГАСПИ, Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 16*). Он появился в главном документе РКП(б) не от щедрот разработчиков и не в результате их просчёта. В пору Гражданской войны и первые послевоенные годы часть детей не только бедных крестьян, но и рабочих не могла посещать зимой школу из-за того, что не было ни одежды, ни обуви. Делегаты VIII партсъезда прекрасно знали положение в стране. Не случайно же в экономическом разделе Программы появился такой пункт: «Ввиду тяжелейшей разрухи, переживаемой страной, практической цели — немедленно и во что бы то ни стало увеличить количество необходимейших для населения продуктов — должно быть подчинено всё остальное». (*Там же. Л. 17*). Так что пункт о снабжении учащихся был отражением не щедрости, а нищеты российской, вызванной двумя войнами. Кстати, благодаря политике Советской власти, направленной на рост благосостояния трудящихся, обеспечить детей одеждой и обувью семьи вскоре смогли сами. А вот бесплатными учебными пособиями государство действительно учащихся обеспечивало.

Есть ещё один интереснейший пункт второй партийной Программы, который остался невыполненным. А связан он был с ключевыми проблемами Советской власти — диктатурой пролетариата и руководством экономикой.

Принцип диктатуры пролетариата в 1919 году никто в партии под сомнение не ставил. Но шёл поиск той рабочей организации,

через которую рабочий класс мог бы её осуществлять. Самой массовой организацией пролетариата были профсоюзы. Ещё до Октябрьской революции они начали накапливать опыт диктатуры над частным капиталом, создавая действенный рабочий контроль. После установления Советской власти по решению исторического II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов был принят Декрет о рабочем контроле в течение первой декады существования новой власти. Когда началась национализация предприятий, на профсоюзы выпала значительная доля её практического осуществления. Одновременно по инициативе рабочих, обоснованно считавших главной властью Советы, были созданы первые Советы народного хозяйства. В экономике стихийно появилось никому не нужное двоевластие. VIII съезд предложил способ разрешения этого противоречия, записав в партийной Программе:

«Организационный аппарат обобществлённой промышленности должен опираться в первую голову на профессиональные союзы... Будучи уже, согласно законам Советской республики и установившейся практике, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством как единым хозяйственным целым... Участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечение ими к этому широких масс является вместе с тем и главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата Советской власти и даёт возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства». (*Там же. Л. 18 – 18 об.*).

Пока шла речь о рабочем, народном контроле, профсоюзы справлялись с поставленной задачей. Но по мере восстановления многоотраслевой промышленности управление ею становилось для них непосильным. Центр тяжести самой хозяйственной практики оказывался перенесён на реализацию другого тезиса той же партийной Программы: «Как главное и основное, определяющее собой *всю хозяйственную политику Советской власти*, поставить всемерное повышение производительных сил страны... Практическими результатами в этом отношении должна измеряться успешность работы каждого *советского учреждения, связанного с народным хозяйством*». (*Там же. Л. 17; выделено мной. – В.Т.*). В «соревновании» профсоюзов и Советов народного хозяйства (СНХ) «победителем» оказались государственные органы. Более того, организационно-хозяйственная

функция стала на десятилетия ведущей в деятельности Советского государства.

Диалектический подход оказался особенно необходим большевистской партии при решении вопроса о крестьянине-середняке, который был впервые по-новому поставлен именно в Программе РКП(б), принятой VIII партсъездом. В ней было записано:

«По отношению к среднему крестьянству политика РКП состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства (до этого задачей партии была нейтрализация середняка. — *В. Т.*). Партия ставит своей задачей отделить его от кулаков, привлекать его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическим соглашениям с ним, идя на уступки ему в определении способов проведения социалистических преобразований». (*Там же. Л. 21 об.*)

На первый взгляд, в этом пункте нет ничего противоречивого. Так бы и было, если бы в 1919 году не проводилась политика... «военного коммунизма». Поэтому противоречий не смог избежать и сам документ. Программа признавала, что «мелкое крестьянское хозяйство ещё долго будет существовать» (*там же. Л. 20 об.*), а значит, сохранятся товарные отношения, с другой стороны, говорилось: «В области распределения задача Советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов». (*Там же. Л. 21 об. — 22.*)

Примечательно, однако, что в Программе найден вектор решения и этого реального противоречия. Он — в развитии кооперации, в сочетании общественного и индивидуального интересов, присущих крестьянству. (*См. там же. Л. 20 об.*)

Наконец, ещё одна тема, важность которой неоспорима для коммунистов дня бегущего: роль Коммунистической партии в обществе, возрождающем социализм. Эта тема проходит через всю Программу РКП(б). Но о чём бы ни шла речь, партия всегда рассматривается как организатор и руководитель трудящихся масс. Это одинаково касается как общественных организаций типа профсоюзов, так и самого государства. При этом постоянно подчёркивается, что РКП стоит на классовой точке зрения в оценке любого события и процесса. Тут её ключевое достоинство при оценке отношений с массами. Но при этом непозволительно путать беспартийные массы вообще, о кото-

рых толкуют иные нынешние приверженцы «обновления социализма», с социальной базой, на которую опирается Коммунистическая партия. А эта база — прежде всего рабочий класс, на что многократно указывалось в принятом VIII съездом документе.

И ещё один урок из второй Программы РКП(б), на который многократно обращал внимание В.И. Ленин в докладе: «В программе надо писать с абсолютной точностью то, что есть. Тогда наша программа — непререкаема... Поэтому претендовать в своей программе на то, до чего мы ещё не дожили, это — фантазия».¹ Вторая Программа РКП(б) даёт удивительный образец отказа от фантазий. Поэтому она достойна быть образцом для создания программных документов. Не случайно И.В. Сталин, прежде чем говорить об установках при разработке проекта Программы ВКП(б) 1947 года, внимательнейшим образом, с карандашом в руках, изучал Программу РКП(б), подготовленную под руководством В.И. Ленина и принятую VIII съездом Российской коммунистической партии (большевиков).

Приоритет политики

А теперь посмотрим ключевые сталинские правки к второй, «практически-политической» части Программы РКП(б), принятой VIII съездом партии.

Она открывалась разделом под названием «*В области общеполитической*». У Сталина вызывает сомнение само это название, он волнистой чертой подчёркивает (по сути предлагает вычеркнуть) первую часть из сложного слова *общеполитической* (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 9 об.). В последней редакции проекта Программы ВКП(б) соответствующий раздел стал называться «*В области политической*», что наиболее соответствовало его содержанию (РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 128. Л. 43).

Для марксиста-ленинца главный политический вопрос — это вопрос об отношении классов. Поэтому Сталин обращает внимание на следующую фразу во второй партийной Программе: «Задачей партии является отстаивать и развивать это единство рабочих и солдат в Советах, укрепляя неразрывную связь вооружённой силы с организациями пролетариата и полупролетариата». Он задаёт вопрос: «А крестьяне?» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 11 об.).

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 159.

Ясно, что этот вопрос несёт на себе печать послевоенного советского общества. В 1919 году, именно в связи с принятием новой Программы РКП(б), впервые был поставлен вопрос об изменении отношения партии большевиков к самому массовому слою крестьянства – к середняку. Пункт, вызвавший у Сталина вопрос, нёс на себе печать жёсткой дифференциации крестьянства, когда бедняцкие, полупролетарские массы крестьянства рассматривались в качестве союзников рабочего класса, а в отношении середняков ставился вопрос об их нейтрализации.

Руководитель ВКП(б) не упускает ни одного положения Программы, если оно касается межклассовых отношений. О новом отношении Советской власти и партии к середнякам речь уже шла. Но в политическом разделе документа серьёзное внимание уделялось определению классов в системе государственной власти. Для обеспечения реальной возможности осуществления классовой диктатуры пролетариатом в Программе 1919 года подтверждалась закреплённая в Конституции РСФСР 1918 года норма, в соответствии с которой «всякая свобода является обманом, если она противоречит освобождению труда от гнёта капитала, не останавливается перед отнятием у эксплуататоров политических прав» (*РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 10*).

Но тут же указывалось: «Какие бы то ни было ограничения свободы необходимы исключительно в качестве временных мер борьбы с попытками эксплуататоров отстоять или восстановить свои привилегии. По мере того, как будет исчезать объективная возможность эксплуатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах, и партия будет стремиться к их сужению и к полной их отмене». (Там же. Л. 10 – 10 об.). Сталин подчёркивает слово «временных». Как известно, Конституция СССР 1936 года (Сталинская Конституция) эту временную меру отменила.

Серiousное внимание вызвал у вождя и следующий пункт Программы 1919 года:

«Руководящая во всей революции роль городского промышленного пролетариата, как наиболее сконцентрированной, объединённой, просвещённой и закалённой в борьбе части трудящихся масс, проявилась как в самом возникновении Советов, так и во всём ходе развития их в органы власти. Наша Советская Конституция отразила это, сохраняя некоторое преимущество за промышленным пролетариатом сравнительно с более расплывлёнными мелкобуржуазными массами в деревне.

ВКП, разъясняя временный характер этих преимуществ, исторически связанных с трудностями социалистической организации деревни, должна стремиться... соединять теснее с передовыми рабочими отсталые и распылённые массы деревенских пролетариев и полупролетариев, а также среднего крестьянства» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 12).

В первом абзаце цитируемого текста Сталин подчёркивает последнее предложение и на полях пишет: «Теперь это не то», имея ввиду, что 30-летнее социалистическое развитие страны, в том числе коллективизация и культурная революция, в основном устранили и раздробленность и отсталость крестьянства. К тому же это программное положение уже находилось в противоречии с действующим законодательством.

В связи с особенностями классовой структуры раннего советского общества, когда доля рабочего класса едва приближалась к 20%, в СССР конституционно было установлено ещё одно политическое преимущество для рабочего класса, для осуществления им своей диктатуры. В Программе РКП(б) отмечалось:

«Советское государство сближает государственный аппарат с массами также тем, что избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика)». (*Там же. Л. 11 об.*) Сталин обводит в тексте слово «не», а на полях пишет: «Не то». Конституция СССР 1936 года, предоставив всем жителям Советского Союза равное право участвовать в прямых и тайных выборах, узаконила выборы именно по территориальным округам. Таким образом, об этом положении Программы РКП(б) были все основания писать: «Не то». Но Сталина, вероятно не устраивала приведённая формулировка из партийного документа ещё и тем, что в ней достоинством производственной единицы провозглашалось большее сближение государственного аппарата с массами, чем у территориального округа. Сталин не мог соглашаться с тем, что территориальный округ ослабляет сближение государственного аппарата с массами. Правда, в конце 1980-х годов этот вопрос снова стал предметом дискуссий, и многие коммунисты из рабочей среды настаивали на возвращении выборов по производственным единицам, надеясь таким способом вернуть рабочему классу ведущее положение в обществе.

Впрочем, Сталин дискутирует со второй Программой по вопросу о государстве. Он согласен, что социалистическая революция должна была «разбить и разрушить до основания старый, буржуазный,

чиновничий и судейский государственный аппарат». (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 12; выделено И.В. Сталиным). Ключевые слова этой фразы им подчёркнуты, а её содержание перенесено в последнюю редакцию проекта Программы ВКП(б) 1947 года. Там записано:

«Впервые в истории рабочие и крестьяне под руководством коммунистической партии свергли власть буржуазии и помещиков, разрушили до основания старый государственный аппарат и создали государство нового типа — советское государство... Буржуазному государству было, таким образом, противопоставлено государство трудящихся, буржуазной, парламентской демократии была противопоставлена советская, социалистическая демократия, являющаяся высшей формой демократии» (РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 128. Л. 2).

Предметом спора руководителя ВКП(б) с Программой 1919 года в 1947 был вопрос о судьбе государства при социализме. Он не оспаривал, что в борьбе с бюрократизмом необходимо:

1) Обязательное привлечение каждого члена Совета к выполнению определённой работы по управлению государством.

2) Последовательную смену этих работ с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления.

3) Постепенное вовлечение всего трудящегося населения *поголовно* (это слово Сталиным подчёркнуто. — В.Т.) в работу по управлению государством» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 12 об.).

Но он оспаривал вывод. Потому-то две меты и стоят против абзаца, который утверждал:

«Полное и всестороннее проведение этих мер, представляя собой дальнейший шаг по пути, на который вступила Парижская Коммуна, и упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся ведут к уничтожению государственной власти». (Там же. Л. 12 об.).

Впервые обоснование отказа от этого вывода в условиях СССР, окружённого капиталистическими странами, Сталин сделал в Отчётном докладе Центрального Комитета XVIII партсъезду в 1939 году. А в последней редакции проекта Программы ВКП(б) в разделе «В области политической», который завершал этот документ, было записано:

«1) Решающим условием построения коммунизма ВКП(б) считает всестороннее укрепление и дальнейшее развитие советского социалистического государства как основного рычага успешного коммунистического строительства, как главной преобразующей силы, способной обеспечить осуществление постепенного перехода от социализма к коммунизму» (РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 128. Л. 43).

Кстати, в этом документе из 17 пунктов политического раздела восемь были посвящены государству, способам его функционирования и его институтам.

Сталин обратил внимание и на пункт, говорящий о комплектовании кадрового корпуса государственных и партийных органов. Во второй партийной Программе было записано: «Советское государство осуществило, между прочим, в несравненно более широком виде, чем где бы то ни было, местное и областное самоуправление, без каких бы то ни было сверху назначаемых властей» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 10). Ключевые слова этой фразы он подчеркнул, Но в заключительной редакции проекта Программы 1947 года этот мотив был опущен, поскольку никакого назначаемого сверху органа в структуре региональной и местной власти не существовало, то незачем было о нём и писать. Однако не исключено, что Сталина остановила также сохранявшаяся практика горизонтальных перемещений региональных и местных руководителей, осуществляемая по инициативе вышестоящих органов. Впрочем, он мог посчитать эту тему и мелкой для такого стратегического документа.

А вот в отношении следующего тезиса вождь партии и государства не оставил никаких возможностей для разночтений. Более того, первые и последние слова фразы он не только подчеркнул, но и на полях отметил птичкой: «Задача партии заключается в том, чтобы... добиваться дальнейшего сближения органов власти с массами трудящихся на почве всё более строгого и всё более полного осуществления этими массами демократизма на практике, в особенности же путём проведения ответственности и подотчётности должностных лиц». (Там же. С. 11 об.). В последней редакции проекта Программы ВКП(б) теме демократизма на практике и ответственности и подотчётности должностных лиц посвящены четыре пункта раздела «В области политической» — со второго по пятый включительно. (См.: РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 128. Л. 44).

К этому разделу по содержанию тесно примыкает раздел «*В области национальных отношений*». В 1919 году при сопоставлении унитарного и федеративного типов государства принципиальное предпочтение ещё отдавалось унитарному типу, и в эту пору в данном вопросе никаких расхождений между В.И. Лениным и И.В. Сталиным не было. Более того, Великая Отечественная война выявила диалектический характер унитарности и федерализма в советском обществе. И неудивительно, что Сталин, обнаружив в Программе РКП(б) 1919 года близкий мотив, обратил на него внимание:

«Как одну из переходных форм на пути к полному единству партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу». (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 13). Он подчеркнул слова о переходном характере федерализма и о его связи именно с советской формой организации государств.

Одновременно Сталин критически отнёсся к положению прежней Программы о том, что «необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетённых или неполноправных». (Там же. Л. 13). В своих работах по национальному вопросу он указывал, что одинаково вредны и великорусский шовинизм, и национализм малых наций. Трагедия разрушения Союза ССР, пожалуй, подтвердила правоту сталинской позиции. А в 1947 году на полях второй Программы он написал: «Не то».

Не вызывают сомнений и характер эмоций, порождённых ещё одним тезисом этого раздела: «Необходимо... полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение». (Там же. Л. 13). Сталин, естественно, не оспаривает необходимость равноправия наций, но у него другой вопрос: «Какие колонии в России?» Едва ли ответ на этот вопрос должен быть однозначно отрицательным. Но Сталин, видно, считал, что в программных документах партии не должно быть понятий, которые могут неоднозначно толковаться и тем самым наносить ущерб реальным межнациональным отношениям в советском обществе.

К разделу «*В области военной*» у Сталина три замечания. Он отверг положение документа 1919 года о том, что «в связи с уничтожением классов подобная классовая армия превратится во всенародную социалистическую милицию». (Там же. Л. 13 об.) Такую же реакцию у него вызвал тезис о «возможной комбинации выборности и назначения в Красной Армии», тем более, что он объяснялся «исключительно практическими соображениями и зависит от достигнутого уровня формирования, степени сплочённости частей армии, наличия командных кадров и т. п.». (Там же. Л. 14 об.). Возле выделенных слов на полях стояло бескомпромиссное «Нет».

Несколько мягче был оценен пункт этого раздела, утверждавший, что «в противовес строю старой армии необходимы: возможно короткий срок чисто казарменной выучки, приближение казарм к типу военных и военно-политических школ, возможно тесная связь военных формирований с фабриками, заводами, профессиональными союзами, организациями деревенской бедноты». Сталин

на полях пишет: «Не то». (Там же. Л. 14). Для такого вывода ему дал безоговорочное основание опыт Великой Отечественной войны, тогда как процитированный пункт Программы 1919 года отражал опыт Гражданской войны.

В разделе «*Власти судебной*» Сталин подчёркивает тезис о том, что «пролетарская демократия вместо формулы буржуазной демократии “выбирать судей народом” выдвинула классовый лозунг “выборность судей из трудящихся только трудящимися” и провела его по всей организации суда, уравнив, вместе с тем, оба пола во всех правах как при выборе судей, так и при отправлении обязанностей судей». (Там же. Л. 14 об.). Руководителю Коммунистической партии и Советского государства важно было обратить внимание разработчиков Программы на классовый характер советских судебных органов. Что касается положения: «ВКП... должна стремиться к тому, чтобы всё трудящееся население поголовно привлекалось к отправлению судебных обязанностей» (там же. Л. 15), — то он отвергает его. Против этого текста на полях видим категорическое «Нет». Советский суд должен работать в чётком правовом поле, а для реализации этого требования нужно соответствующее образование.

Абсолютизацию «педагогического» уклона в судебной системе Сталин тоже отвергал, поэтому возле пожелания, «чтобы система наказаний была окончательно заменена системой мер воспитательного характера» (там же. Л. 15) он предложил подвергнуть правке (вся фраза была подчёркнута, слово «заменена» было обведено, а на полях стояла буква «п»). В то же время у Сталина вызвало интерес программное положение 1919 года, нацеленное на то, чтобы осуществлять «в широких размерах условное осуждение, введя как меру наказания общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов». (Там же. Л. 15). Поскольку в последней редакции проекта Программы ВКП(б) 1947 года специального раздела «В области судебной» не было, а в разделе «В области политической» этой теме посвящался лишь отдельный пункт, то в нём и нашли отражение рекомендации Сталина. Этот пункт выглядел так:

«Последовательно осуществлять дальнейшую демократизацию и усовершенствование советских судебных органов, призванных охранять государственную и общественную собственность, а также личную собственность граждан, следить за строгим соблюдением государственных законов. Наряду с серьёзными мерами наказания

по отношению к врагам коммунизма и их пособникам в советском суде во всё более широких размерах применять условное наказание, заменяя лишение свободы трудовой повинностью, систему воспитательных мер по отношению к лицам, совершающих преступления не из противогосударственных и противонародных мотивов, а в силу всё ещё не изжитых старых навыков и несознательности.

Развивать наряду с государственными судебными органами организацию общественных судов чести (инициатива их создания принадлежала А.А. Жданову. — *В. Т.*) в государственных учреждениях, на предприятиях, в колхозах в целях содействия воспитанию граждан в духе советского патриотизма, воздействия на членов общества, допускающих антипатриотические и антигосударственные поступки, нарушающих правила коммунистического общежития и коммунистической дисциплины труда». (*РГАСПИ, Ф. 629. Оп. 1. Д. 128. Л. 46.*)

Эти предложения, сформированные на основе сталинских рекомендаций, вполне пригодятся нашей партии после того, как рабочий класс и его стратегические союзники добьются устранения реставрации капитализма и возвращения общества на путь социалистического развития.

При оценке сталинской правки Программы РКП(б) 1919 года раздела «*В области народного образования*» надо особенно учитывать специфику послевоенного времени. Если в одних случаях на некоторых пунктах этого раздела написано «Старо», то в других случаях отвергаются нормы, которые в последние советские десятилетия стали обыденностью и частично сохраняются до сих пор. Не забудем, что осмысление этого документа происходило в пору, когда в стране ещё не была отменена карточная система. Поэтому мы видим «Не то» против, казалось бы, естественной для коммунистической партии программной установки: «Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет». (*РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 15 об.*)

Даже в первой половине 1950-х годов невозможно было ставить вопрос об обязательном неполном среднем (семилетнем) образовании, так как значительная часть подростков после 4-го, 5-го, 6-го классов шла в ремесленные училища и школы ФЗУ (фабрично-заводского ученичества). Получение семилетнего и среднего образования для значительной части поколения, которое сегодня называют «детьми войны» осуществлялось «без отрыва от производства» в вечерних (сменных) школах рабочей и сельской молодёжи. Этот

тип учебных заведений был исключительно распространённым как минимум до 1970-х годов. Впрочем, трудно найти объяснение сталинскому «Не то» на полях возле намерения «совместного обучения детей обоего пола».

А вот вопреки популярным ныне разглагольствованиям о религиозности Сталина, у него в 1947 году не было никаких замечаний к разделу «В области религиозных отношений», содержащемуся в Программе РКП(б) 1919 года. Надо признать вполне логичным и естественным, что он полностью солидаризировался со второй партийной Программой, в которой содержались точные классовые оценки. О них полезно помнить коммунистам и в XXI столетии:

«По отношению к религии РКП не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви, т.е. мероприятиями, которые буржуазная демократия выставляет в своих программах, но *нигде в мире не довела до конца, благодаря многообразным фактическим связям капитала с религиозной пропагандой.*

...Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду. При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма». (Там же. Л. 16 об. — 17; выделено мной. — В.Т.).

Экономика — главная политика

Самому обстоятельному осмыслению был подвергнут раздел «В области экономической». Оправданное замечание вызвало само название раздела, и возле него Сталин написал: «Или промышленной?» (Там же. Л. 17). Возле названия следующего раздела — «В области сельского хозяйства» — вопрос повторился: «А это не экономика?» (Там же. Л. 20).

О двух позициях второй Программы РКП(б), которые были актуальны в 1919 году, сегодня приходится вспоминать потому, что сама их постановка кажется противоестественной для наших современников. Например, «поголовная мобилизация всего трудоспособного населения Советской властью, при участии профессиональных союзов, для выполнения известных общественных работ, должна быть применяема неизменно шире и систематичнее, чем это делалось до

сих пор». (*Там же. Л. 18 об.*). Сталин пишет: «Не то», и в этом сегодняшний читатель с ним спорить не будет.

О профсоюзах как органе управления всем народным хозяйством (*см. там же. Л. 18*) мы уже писали. При этом отмечалось, что нецелесообразно передавать им политические функции управления экономикой, так как они являются неотъемлемой частью деятельности государства. Да и функцию диктатуры пролетариата призвана реализовывать Советская власть. Именно Советы стали исторически второй формой диктатуры пролетариата. Поэтому Сталин и отверг положение партийной Программы 1919 года о расширении участия профсоюзов в деятельности Советской власти по мобилизации населения в общественных работах. Кстати, Сталин, как и Ленин, придерживался этой позиции при обсуждении «профсоюзного» вопроса и на IX, и на X съездах партии, решительно отвергая не слишком серьёзные аргументы «рабочей оппозиции».

Здесь же мы возвращаемся к теме профсоюзов в связи с их функциями в экономической жизни рабочего класса. Поэтому обращаем внимание на то, что Сталиным подчёркнуты на полях двумя чертами тезисы второй Программы партии, с которыми профсоюзы могли успешно справляться в процессе социалистического строительства:

«В... работе создания новой социалистической дисциплины главнейшую роль выпадает на долю профессиональных союзов. Последние, порывая со старым шаблоном, должны для осуществления своей цели применять и испытывать на практике разнообразные мероприятия, как-то: установление отчётности, нормы выработки, введение ответственности перед специальными товарищескими рабочими судами». (*Там же. Л. 19*).

Их роль в формировании трудовой и производственной дисциплины нашла широкое отражение в последней редакции проекта Программы ВКП(б) 1947 года. Там в разделе «В области политической» один из самых больших пунктов посвящён профсоюзам. В нём прежде всего воспроизводится ленинская формула о профсоюзах как «школе коммунизма, ... обеспечивающей связь между ВКП(б) и широкими массами рабочих и служащих». Их задача — «систематически воспитывать трудящихся в духе коммунизма». (*РГАСПИ, Ф. 629. Оп. 1. Д. 128. Л. 46*). В документе весьма подробно и ярко прописаны функции профсоюзов, содействующие решению этой задачи. Но, к сожалению, весьма глухо говорится о том, что и при социализме профсоюзы, как массовая рабочая организация, обязаны быть активными и постоянными защитниками интересов человека труда.

Отчасти это объясняется тем, что разработчики и второй, и третьей (1947 года) партийных программ рассматривали профсоюзы только как самую массовую организацию правящего в советской стране класса. Но если в Программе РКП(б) из этого подхода вытекало утверждение, что профсоюзы должны стать руководителем всего экономического комплекса Советского государства, то в последней редакции у профсоюзов не предусматриваются государственные функции. Они рассматриваются как общественная организация, тесно сотрудничающая с рабоче-крестьянским государством в качестве представителя и непосредственного защитника интересов трудящихся. Но тогда едва ли можно считать достаточной установку документа 1947 года в этой области:

«Строить всю работу профсоюзов на основе широкого развёртывания профсоюзной демократии, решительно изгоняя из их деятельности всякие элементы бюрократизма, нерадивого, невнимательного и формального отношения к нуждам и интересам трудящихся». (Там же. Л. 47). Но этот изъян мы, коммунисты, начали осознавать лишь тогда, когда профсоюзы на рубеже 1980 – 1990-х годов высказались за рынок рабочей силы, то есть за эксплуатацию её капиталом.

На этот аспект профсоюзной проблемы приходится обращать внимание потому, что установки документов и 70-летней, и вековой давности ощутимым эхом отдаются в современной жизни. Нам, коммунистам, предстоит после прерывания реставрации капитализма и возвращения к строительству социализма не только вновь включать в свои документы, но и строго руководствоваться основополагающими принципами былых партийных программ.

К таким положениям, например, относятся подчёркнутые Сталиным установки из раздела «*В области экономической*» Программы РКП(б) 1919 года по поводу «целого ряда мер, направленных к развитию науки и её сближению с производством» и «способствовать взаимному пониманию и сближению разьединённых капитализмом (в том числе и нынешним, реставрированным. — *В.Т.*) работников физического и умственного труда». (*РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 20*). Но нам придётся снова иметь дело и с позициями второй Программы партии, которые Сталин в 1947 году справедливо определял как «*Это прошлое*» и «*У нас теперь своя интеллигенция*».

Первый комментарий относился к подчёркнутому Иосифом Виссарионовичем программному положению о том, что необходимо «беспошадно бороться с мнимо-радикальным, на самом деле

невежественным самомнением, будто трудящиеся в состоянии пре-
одолесть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных спе-
циалистов, не используя их, не проделывая долгой школы работы
рядом с ними». А второй комментарий на полях был написан против
фразы «Необходимо ещё сохранить на известное время более вы-
сокое вознаграждение специалистов, чтобы они могли работать не
хуже, а лучше, чем прежде, и для той же цели нельзя отказываться
и от системы премий за наиболее успешную и особенно организо-
ванную работу». (Там же. Л. 19 об.).

Сталин был, безусловно, прав, когда утверждал, что в 1940-е годы
необходимость откупаться от интеллигенции ушла в прошлое, пото-
му что одной из скреп советского общества после Победы в Вели-
кой Отечественной войне было социально-политическое единство.
Однако в результате буржуазной контрреволюции 1991 – 1993 годов
мы его растрясли, растеряли. Часть соотечественников его в чём-то
даже предала. После победы над реставрацией капитализма положе-
ние будет проще и одновременно сложнее, чем 100 лет назад. Ка-
питал превратил большинство работников умственного труда в про-
летариев: они, как и традиционные рабочие, продают свою рабочую
силу нынешним владельцам средств производства, и это, казалось
бы, должно их поставить в ряды сторонников социализма. Но столь
гладко только на бумаге, реальность куда сложнее потому, что капи-
тал многого добился в подлом деле искусственного расслоения об-
щества тружеников. Он не только приложил огромные усилия, что-
бы противопоставить пролетариев умственного труда пролетариям
физического труда. Он и среди работников умственного труда вы-
строил множество границ и барьеров. И их предстоит преодолевать.
В этом деле опыт создателей второй партийной Программы станет
для создателей социализма серьёзным подспорьем. Это надо пом-
нить, их опыт нельзя растерять.

В разделе «В области сельского хозяйства» через 30 лет после
установления Советской власти Сталин против многих программ-
ных положений 1919 года делает пометы: «Произошли изменения»,
«Это было», «Прошлое». Планы большевиков 1919 года по органи-
зации крупного социалистического земледелия для современников
последней редакции проекта Программы ВКП(б) он переводит на
привычный для них язык. Там, где в тексте документа в качестве важ-
нейших мер, которые предстоит осуществить, написано «устройство
советских хозяйств, т. е. крупных социалистических экономий», он
на полях вписывает: «(совхозы)», где значится «поддержка обществ,

а равно товариществ для общественной обработки земли», вставляет: «тозы», возле слов «поддержка сельскохозяйственных коммун, как совершенно добровольных союзов земледельцев для ведения крупного общего хозяйства» он написал: «колхозы» и подчеркнул двумя чертами, так как именно они стали ведущей формой производственной кооперации крестьянства. (См.: там же. 20, 20 об.). В Программе также значилось: «организация государственного засева чьих бы то ни было незасеянных земель» Сталин вначале написал: «Не то», но затем зачеркнул, «замазал» карандашом этот свой вердикт. (См.: там же. Л. 20 об.).

А вот проблема среднего крестьянства, то есть крестьянства массового, уже ставшего колхозным, советского руководителя глубоко интересовала. Этот интерес он сохранял вплоть до последней своей крупной теоретической работы «Экономические проблемы социализма в СССР», опубликованной за пять месяцев до смерти. Тем более крестьянская тема была значима в 1947 году, когда послевоенное экономическое положение советского крестьянства было весьма тяжёлым. К тому же 1946 год оказался крайне неурожайным. Напомню: пленум ЦК ВКП(б), давший старт активной работе над третьей партийной Программой, рассматривал прежде всего «Вопросы подъёма сельского хозяйства». Кстати, в его работе участвовали не только товарищи, входившие в состав ЦК и ЦРК ВКП(б) и руководители республиканских, областных и краевых партийных организаций, но и новаторы сельскохозяйственного производства. В тексте второй Программы партии Сталин подчеркнул положения, имеющие стратегический политико-экономический характер:

«По отношению к среднему крестьянству политика ВКП состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства. Партия ставит своей задачей... привлекать его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическим соглашениям с ним, идя на уступки ему в определении способов проведения социалистических преобразований». (Там же. Л. 21 об.). Он не только подчеркнул слова «вовлечении его в работу социалистического строительства», но и словосочетание «в организации способов проведения» обвёл «в кружок». Эти сталинские замечания не столько влияли на содержание третьей партийной Программы, сколько имели методологическое значение.

В методологическом отношении особого внимания заслуживают и сталинские комментарии разделов «*В области распределения*», «*В области денежного и банковского дела*» и «*В области финансов*». Подход к распределительным отношениям, заложенный во второй Программе РКП(б), отражал особенности политики военного коммунизма: «В области распределения задача Советской власти состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительских коммун, способных с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией и с наименьшей затратой труда распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат». На это Сталин на полях пишет: «Свобода торговли, т.е. стихийная торговля заменяется организованной торговлей (т.е. без спекуляции и т. п.)». (*Там же. Л. 22*).

В последней редакции проекта Программы ВКП(б) сталинский комментарий нашёл следующее отражение: «Развивать государственную и кооперативную торговлю в городе и деревне, поощряя соревнование между двумя этими видами советской торговли за наиболее совершенное и культурное обслуживание разнообразных запросов потребления». (*РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 128. Л. 40*).

Одновременно подчёркивалось, что послевоенные распределительные отношения преодолели не только политику военного коммунизма, но и новую экономическую политику. Партия уже ориентировалась на насыщение распределительных отношений, адекватных первой фазе коммунистической формации, элементами распределения по потребностям:

«По мере развития материально-технической базы коммунизма, достижения высокой производительности труда и роста коммунистической сознательности всей массы тружеников — организовать постепенный переход от распределения продуктов по труду к распределению продуктов по потребностям при обязательной обязанности трудиться на благо общества по своим способностям. Переход к коммунистическому принципу распределения осуществить постепенно, в меру реальных экономических возможностей. Неуклонный рост реальной заработной платы рабочих и служащих и оплаты трудодня колхозников, по мере повышения производительности труда, а также политика систематического снижения цен на предметы потребления должны стать важнейшим рычагом перехода к коммунистическому принципу распределения.

В первую очередь ВКП(б) ставит своей задачей обеспечить распределение по потребностям основных продуктов питания (хлеб, мясо, сахар, овощи, жиры), а далее – промышленных товаров первой необходимости и массового спроса с тем, чтобы в дальнейшем перейти постепенно к распределению по потребностям всех предметов потребления.

Сохраняя личную собственность на предметы потребления и домашнего обихода, коммунизм обеспечивает всё более полное и многогранное удовлетворение непрерывно растущих разнообразных личных потребностей членов общества, причём рост потребностей, в свою очередь, является движущей силой роста производства». (Там же. Л. 39–40).

Как известно, эти мотивы нашли определённое дальнейшее теоретическое развитие в работе И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

В разделе второй Программы партии «В области денежного и банковского дела» (этого раздела, как и рассматриваемых нами сейчас двух других, в последней редакции проекта Программы ВКП(б) 1947 года нет, но их содержание присутствует в пунктах, входящих в раздел этого документа «В области экономической») Сталин тоже реагирует на тезис, отражавший политику военного коммунизма. А он таков:

«Опираясь на национализацию банков, ВКП стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчёта и подготавливающих уничтожение денег: обязательное держание денег в народном банке; введение бюджетных книжек, замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т. п.». (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 23).

Об отношении Сталина в 1947 году к подобному тезису убедительно свидетельствует одно из положений последней редакции проекта Программы ВКП(б): «Укреплять денежную систему, превратив советский рубль в самую твёрдую валюту мира». (РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 2. Д. 128. Л. 40).

Однако для сегодняшних коммунистов-ленинцев куда важнее те пометки Сталина на тексте этого раздела Программы РКП(б), которые могут служить образцом революционных преобразований, когда пролетариат вновь возьмёт власть в свои руки. А он, в частности, подчеркнул следующую фразу: «Советская власть в России сразу захватила государственный банк, перешла затем к национализации частных коммерческих банков, приступила к объединению

национализированных банков, сберегательных касс и казначейств с государственным банком, создавая таким образом остов единого народного банка Советской республики и превращая банк из центра экономического господства финансового капитала и орудия политического господства эксплуататоров в орудие рабочей власти и рычаг экономического переворота». (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 122. Л. 22 об.).

Аналогичную роль чёткой политической рекомендации выполняет и отмеченный Сталиным абзац из раздела «В области финансов» второй Программы партии, где предусматривается:

«В эпоху начавшегося обобществления экспроприированных у капиталистов средств производства государственная власть перестаёт быть паразитическим аппаратом, стоящим над производственным процессом; она начинает превращаться в организацию, непосредственно выполняющую функцию управления экономикой страны, и постольку же государственный бюджет становится бюджетом всего народного хозяйства». Сталин отмечал на полях, что это положение Программы РКП(б) уже выполнено, что государственный бюджет бюджетом всего народного хозяйства «уже стал». (Там же. Л. 23 об.).

Что касается программных положений 1919 года в разделе «В области охраны труда и социального обеспечения», то наиболее важным представляется то, что Сталин выделил самый первый его абзац:

«С установлением диктатуры пролетариата впервые создалась возможность осуществить полностью программу-минимум социалистических партий в области охраны труда». (Там же. Л. 24 об.).

Выделенные им в этом абзаце слова объясняют, почему возле других абзацев раздела стоят либо выразительное «Не то», либо буква «п», означающая указание на необходимость правки текста. Но одно из положений раздела выделено двумя вертикальными чертами. Судя по всему, Сталин делал это с удовлетворением, ибо уже в 1919 году констатировалось:

«Более того, Советская власть в некоторых отношениях пошла далее программы-минимум и установила в том же «Кодексе законов о труде» участие рабочих организаций в решении вопросов о найме и управлении; месячный отпуск с сохранением содержания для всех трудящихся, проработавших непрерывно не менее одного года; государственное урегулирование заработной платы на основе тарифов, выработанных профсоюзами; определённые органы, именно отделы распределения и учёта рабочей силы при Советах и профес-

сиональных союзах, обязаны предоставлять работу безработным». (Там же. Л. 24 об. — 25).

Сегодня успехи в области охраны труда, достигнутые Советской властью всего за первые полтора года её существования, практически полностью утрачены, потому что утрачена сама Советская власть.

* * *

Сталинское осмысление второй Программы большевистской партии представляет серьёзную ценность для противников капиталистического жизнеустройства, нацеленных на борьбу за социалистическое общество. Комментарии вождя содержат как значительную теоретическую составляющую, так и ценную практически-политическую часть. Во многих случаях они являют собой принципиальные рекомендации предстоящих преобразований сторонникам социализма в борьбе за победу товарищеского способа производства.

РАЗДЕЛ II

РЕВОЛЮЦИЯ НА ВЕСАХ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ОЧЕРК ВТОРОЙ

ТА РОССИЯ, КОТОРУЮ ОТВЕРГ ЕЁ НАРОД

Локомотив истории нёсся в 1917 году с невиданной скоростью. 2 марта по новому стилю (по-старому — 17 февраля) Петроград всколыхнула первая политическая забастовка. В ответ на локаут хозяев Путиловского завода рабочие вышли на улицы. Рядом с привычным призывом «Долой войну!» появился лозунг «Да здравствует республика!». 2 марта по старому стилю (по-новому — 15 марта) царь Николай II от своего имени и от имени сына отрёкся от престола. Михаил Романов, которому уступал престол его старший брат, отказался от венца на следующий день. Это был конец монархии. Процесс смены политического строя занял менее месяца.

Предвидение тактика

В начавшей вновь ежедневно выходить после трёхлетнего перерыва «Правде» внимание читателей её 11-го номера не могла не привлечь статья «Об условиях победы русской революции» за подписью К. Сталина. Её только что вернувшийся из туруханской ссылки автор писал: «Революция идёт. Разразившись в Петрограде, она перекидывается в провинцию, захватывая постепенно всю необъятную Россию. Более того. От вопросов политических она неминуемо переходит к вопросам социальным, к вопросам устройства быта рабочих и крестьян, углубляя и обостряя переживаемый кризис»¹.

Февральская революция сумела успешно решить один вопрос. Она ликвидировала царское самодержавие. Именно потому она и была буржуазной. Но она одновременно была и демократической,

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 11.

ибо значительная часть буржуазии была готова заключить союз с царизмом на условиях его отказа от самодержавия и трансформации в парламентскую монархию. Поэтому с самого начала главным низвергателем царизма в любой его форме выступали петроградские рабочие и солдаты.

Подчеркивая этот факт, Сталин обращает внимание на ограниченность имеющихся движущих сил общественно-политического строя: «Одна из особенностей нашей революции состоит в том, что базой её до сих пор является Петроград. Схватки и выстрелы, баррикады и жертвы, борьба и победа имели место, главным образом, в Петрограде и его окрестностях (Кронштадт и пр.). Провинция ограничивалась восприятием плодов победы и выражением доверия Временному правительству»¹.

Из этого автор делает весьма нестандартный вывод: «Отражением этого факта явилось то двоевластие, тот фактический раздел власти между Временным правительством и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, который не даёт покоя наёмникам контрреволюции. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, как орган революционной борьбы рабочих и солдат, и Временное правительство, как орган напуганной “крайностями” революции умеренной буржуазии, нашедшей себе опору в инертности провинции, — такова картина»².

Однако революционер-большевик успел заметить и пробуждение провинции. Этот шедший с ускорением процесс революционирования российского общества, удивительно лёгкий успех свержения монархии объясняется не доверием народа к классу предпринимателей, сформировавших Временное правительство, а абсолютным недовольством самодержавно-сословными порядками в стране.

Неизбежность такой смены была видна ещё в 1911 году. Подводя итоги социальному взрыву 1905—1907 годов, В.И. Ленин писал осенью 1911 года: «Буржуазная революция у нас не завершена. Самодержавие *пытается* по-новому решить завещанные ею и навязанные всем объективным ходом экономического развития задачи, *но оно не может их решить*... Революционный кризис на почве неразрешённых буржуазно-демократических задач остаётся неизбежным»³.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 3. С.11—12.

² Там же. С. 12.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 307.

А в это время другой автор заканчивал любопытнейшую книгу: вышедшая в 1912 году работа Н.А. Рубакина «Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы» сразу стала бестселлером. Она создана на богатейшем статистическом материале — от результатов первой в России переписи населения 1897 года до многочисленных документов, справок, итогов обследований, проводившихся Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел Российской империи. Известный русский просветитель Николай Александрович Рубакин (1862—1946) не состоял в социал-демократах, не являлся революционером, но был добросовестным, честным исследователем.

Издательство Российской академии государственной службы выпустило (из планировавшегося 1000-ого тиража первоначально было напечатано лишь 200 экземпляров) после почти столетнего перерыва второе издание рубакинского «Опыта статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства» (таков подзаголовок его «России в цифрах»). Представляется, что данные этой «летописи современности» и есть тот «Монблан фактов», который помогает осмыслить в условиях нынешнего чертополоха исторических трактовок истоки Февральской буржуазно-демократической революции.

Замечу, что в книге Н.А. Рубакина прямой критики царя нет. Но истинное лицо самодержавно-сословной монархии им раскрыто ярко и убедительно. Автор справедливо указывает, что земельный вопрос оставался в начале XX века главной социально-экономической проблемой и болью России. Между тем, отмечает исследователь, «государство представляет из себя крупнейшего земельного собственника, получающего со своих земельных владений земельную ренту, представляющую собой... некоторую долю неоплаченного труда тех, кто на этих землях работает как наёмный рабочий или арендатор». Казёнными землями царское правительство распоряжалось безусловно в интересах монархии. Другим крупнейшим землевладельцем был лично монарх. Удельные земли были специально предназначены на содержание царствующего дома в России. Земельная собственность царя превышала остальные земли собственников (без учёта казённых), вместе взятые.

Февральская революция не изменила социальной структуры российского общества. Исходя из этого, а также учитывая массовую эйфорию низов от отречения Романовых от престола, Сталин высказал предостережение, оказавшееся вскоре пророчеством: «Пере-

живаемый кризис... не может не вызывать тревоги в определенных кругах владельческой России. Подымает голову царистско-помещичья реакция. Бьёт в набат империалистическая клика. Финансовая буржуазия протягивает руку отживающей феодальной аристократии для совместной организации контрреволюции. Сегодня они ещё слабы и нерешительны, но завтра они могут окрепнуть и мобилизоваться против революции. Во всяком случае свою чёрную работу они ведут неустанно, собирая силы во всех слоях населения, не исключая армию»¹.

Анализ сословного общества России, содержащийся в книге Рубакина, свидетельствует о том, что опасения одного из руководителей большевистской партии имели под собой серьёзные основания. Даже в начале XX столетия в России полностью сохранялись сословные преимущества дворянства. После царя именно ему принадлежала ведущая роль в землевладении. Уже после первой русской революции в частной собственности дворян (а это 0,9% населения страны) находилось в 4 раза больше земли, чем у крестьян, которые составляли более 77% населения.

Дворянство оставалось основным источником формирования армии высших чиновников. Официальная статистика показывала, что «огромное большинство чинов II и III класса, действительных тайных и тайных советников, принадлежит к земледельческому классу». 224 высших чиновника владели 3387587 десятин земли. Рубакин отмечает, что за 1906—1910 годы «размножение действительных статских советников (в царской иерархии чин IV класса) составляет 70%». За эти 5 лет содержание чиновников казённых палат выросло с 2883 тысяч до 4229 тысяч рублей, то есть в полтора раза².

Принадлежность к дворянству обеспечивала преимущественное продвижение по службе, в том числе военной. Чтобы дойти до звания полного генерала (генерал-полковника) нетитулованному военному требовалось 20,9 года, титулованному — 17 (графам было достаточно в среднем 15,4 года). При этом среди князей, графов и иных титулованных генералов сокращалась доля лиц с высшим образованием — с 49% до 46%. Высшее образование имели лишь 55% командующих войсками, 50% командиров корпусов, 49% начальников дивизий. Около 6% полных генералов не учились ни в каких учебных заведе-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 11.

² Рубакин Н.А. Россия в цифрах. СПб. 1912 — М. 2009. С.67.

ниях. А ведь речь идёт не о рабоче-крестьянской армии, а о дворянском офицерском корпусе, в котором в начале XX века число князей, графов и прочих титулованных генералов выросло на 28%.

Кстати, каждый четвёртый генерал был, как теперь говорят, паркетным: никогда не были на войне 12% полных генералов, 28,5% генерал-лейтенантов, 28,7% генерал-майоров. В то же время на содержание генералов уходило чуть меньше, чем на учебную и техническую часть армии. Неудивительно: в Российской империи один генерал приходился на 565 солдат, то есть на каждый полк — без малого 3,4 генерала¹.

Ясно, что такие порядки не вызывали восторга ни у буржуазии, ни у трудового народа. Они убеждали в том, что режим прогнил и его необходимо менять.

Другой острой проблемой российского общества был земельный вопрос.

Буржуазно-демократической характер революции ярко проявлялся в том, что значительно острее сословных были классовые противоречия. К тому же дворяне все больше меняли землевладение на капитал, становились владельцами заводов, фабрик, приисков, банков...

Самым существенным оставался антагонизм между крестьянами и помещиками. Отмена крепостного права его мало ослабила, так как привела к обезземеливанию тех, кто добывал себе хлеб трудом на земле. 1,36 миллиона бывших ревизских душ в начале XX века остались без земельных наделов. Остальные продолжали выплачивать помещикам за земельные участки, которые получили после отмены крепостного права. Их оставили «временно обязанными» на 49,5 года. Если в 1862 году отошедшая к крестьянам земля была оценена в 897 миллионов рублей, то в новом столетии долг крестьян был пересчитан и достиг 2 миллиардов 11 миллионов 46 тысяч рублей. Кроме этого, 6% рыночной стоимости земли крестьяне должны были платить правительству.

Первая русская революция вынудила царизм отменить выкупные платежи помещикам (менее чем на семь лет раньше срока, установленного царской милостью 1861 года). Но все недоимки прежних лет крестьяне были обязаны вернуть землевладельцам. Такой экономический гнёт приводил к тому, что средние крестьянские наделы постоянно сокращались. Если в 1860 году труженики-земледельцы

¹ Рубакин Н.А. Россия в цифрах. С. 70–74.

в среднем имели в своём пользовании 4,9 десятины (около 5 гектаров), то в начале XX века средний крестьянский надел в 50 европейских губерниях страны сократился до 2,6 десятины.

Правительство пыталось решить земельную проблему путём массового переселения крестьян в Сибирь. «Но оказалось, — пишет Рубакин, — что Сибирь не так уж многоземельна, чтобы утолить земельный голод всё более беднеющего крестьянства». Более того, переселение породило межнациональные противоречия. Автор отмечает: «Наделение землёй переселенцев за последнее время стало сопровождаться отобранием земель у других «граждан» Российской империи, например, киргизов (тогда киргизами называли и казахов, живших на юге Западной Сибири. — *В.Т.*)»¹.

Развитие капитализма в России прибавляло к привычному противостоянию крестьян и помещиков постоянно нарастающий антагонизм между рабочими и капиталистами. Буржуазия, которой покровительствовал царский режим, жирела. По приводимым Н.А. Рубакиным данным, 83576 предпринимателей имели годовую прибыль не менее 646,4 миллиона рублей.

Случавшиеся эпизоды огосударствления буржуазной собственности превращались в откровенную поддержку частных владельцев. Например, при выкупе государством Московско-Курской железной дороги промышленники и банкиры получили из казны 55 миллионов рублей, тогда как затрачено ими было только 18 миллионов.

В России XX века появились рантье, не занимавшиеся никакой социально значимой деятельностью и жившие на доходы от капитала. 55,2 тысячи человек жили на банковские проценты. Исследователь называет их «обрезчиками купонов». Их годовой доход, по официальным данным, составлял 239 миллионов рублей. На фоне доходов толстосумов печально смотрятся данные о заработной плате рабочих. Максимальная годовая зарплата составляла 341 рубль, а минимальная — 171 рубль. В результате по кругу выходило 214 рублей².

В книге «Россия в цифрах» приведены данные о средней сменной зарплате в ведущих отраслях хозяйства России той поры, которые представлены в публикуемой ниже таблице 1³.

¹ Рубакин Н.А. Россия в цифрах. С. 70–74.

² Там же. С. 185.

³ Там же. С. 176.

Таблица 1

	Средняя зарплата одного рабочего	Доля зарплаты в стоимости им созданной продукции
Обработка минералов	70 к.	32%
Обработка металлов	1р.17 к.	22%
Обработка бумаги	70 к.	8%
Обработка дерева	71 к.	16%
Обработка животных продуктов	66 к.	9%
Обработка химических веществ	86 к.	8%
Обработка питательных веществ	62 к.	4%

Как и сегодня аналогичные труды, книга Рубакина завершается анализом социального расслоения общества. Среднедушевой доход в России, ускоренно шедшей к Февральской буржуазно-демократической революции, составлял 63 рубля в год. Примечательно, что исследователь считает нужным добавить: «Повторяем: не больше. Это выходит 15—18 копеек в день». А спустя несколько строк читаем: «Мы — самая бедная из культурных стран России. Болгарин и серб имеют доход в полтора раза больше, чем русский, немец — почти в 3 раза более, англичанин — в 4,5 раза, австралиец — в 6 раз». В то же время доход 32,1 тысячи толстосумов той поры превышал 10 тысяч рублей в год¹.

Таким образом, в российском обществе не было значительной социальной силы, которая стремилась бы всерьёз защищать самодержавно-сословную монархию. Мы уж не говорим об участии России в кровавой бойне Первой мировой войны, которую не случайно называли империалистической. Она обострила все вопиющие социальные антагонизмы, определявшие общественно-политические отношения в обществе на исходе самодержавия и полностью сохранившиеся после Февраля.

На этом фоне весьма конструктивно выглядят инициативы, высказанные Сталиным в статье «Об условиях победы русской революции». Прежде всего он утверждал, что в повестку дня встал вопрос об укреплении власти Советов. Для этого «необходим общероссий-

¹ Рубакин Н.А. Россия в цифрах. С. 205—207.

ский орган революционной борьбы всей российской демократии, достаточно авторитетный для того, чтобы спаять воедино столичную и провинциальную демократию и из органа революционной *борьбы* народа превратиться в нужный момент в орган революционной *власти*, мобилизующей все живые силы народа против контрреволюции.

Таким органом может быть лишь Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹.

Второй вопрос, который ставил автор статьи в «Правде», касается укрепления движущих сил революции и социальной базы Советов. Он обращал внимание на диалектику войны в осуществлении революции: «Война, как и всё в жизни, кроме отрицательных сторон, имеет ещё ту положительную сторону, что она, мобилизовав почти всё взрослое население России, сделала армию народной по духу и тем облегчила дело объединения солдат с восставшими рабочими. Этим именно и объясняется та сравнительная лёгкость, с какой разразилась и победила у нас революция»².

Но Сталин настаивает на том, что нельзя забывать особенности функционирования армии, так как она подвижна, подвержена постоянному передвижению из одного места в другое в связи с потребностями войны. Она не может стоять вечно на одном месте, ограждая революцию от контрреволюции. Кстати, это сталинское предвидение подтвердилось в ходе контрреволюционного переворота 4 – 5 июля 1917 года, когда Временное правительство объявило фактическую войну большевистской партии и поддерживавшим её не только рабочим, но и армейским частям. Некоторые революционные полки были отправлены из столицы на фронт.

Поэтому Сталин вносил в ряды пролетариата очень важную инициативу, направленную на защиту революции и укрепление позиций Совета рабочих и солдатских депутатов: «Нужна другая вооружённая сила, армия вооружённых рабочих, естественно связанных с центрами революционного движения. И если верно положение, что революция не может победить без вооружённой силы, всегда готовой к её услугам, то и наша революция не обойдётся без своей собственной рабочей гвардии, кровно связанной с интересами революции.

Немедленное вооружение рабочих, рабочая гвардия — таковое второе условие победы революции»³.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 12–13.

² Там же. С. 13.

³ Там же.

«Временное правительство возникло у нас не на баррикадах, а возле баррикад»

Принципиально важно, что в условиях сохраняющейся «революционной» эйфории Сталин поставил под сомнение революционный характер Временного правительства. Не забудем, что оно было сформировано всего полмесяца назад. Но основание для недоверия давал его персональный и социальный состав. И член ЦК большевистской партии, опираясь на опыт европейских революций, заявляет, во-первых, о необходимости трезвого отношения к обещаемому Временным правительством Учредительному собранию:

«Характерную черту революционных движений, например, во Франции, представлял тот несомненный факт, что там временные правительства обыкновенно возникали на баррикадах и, ввиду этого, являлись революционными, во всяком случае, более революционными, чем созываемые ими впоследствии учредительные собрания, собиравшиеся обыкновенно после “успокоения” страны. Этим, собственно, и объясняется, что наиболее опытные революционеры тех времен старались осуществить свою программу ещё до созыва учредительного собрания при помощи революционного правительства, оттягивая этот созыв. Этим они хотели поставить учредительное собрание перед фактом уже осуществленных реформ»¹.

Во-вторых, Сталин считал чрезвычайно важной характеристикой новой российской власти тот факт, что *«Временное правительство возникло у нас не на баррикадах, а возле баррикад. Поэтому оно и не революционно, — оно только плетётся за революцией, упираясь и путаясь в ногах»*².

И отсюда весьма точный прогноз поведения Временного правительства в революции: *«Можно опасаться, что Временное правительство, запуганное размахом революции и проникнутое империалистическими тенденциями, может послужить при известной политической конъюнктуре “законным” щитом и прикрытием организуемой контрреволюции»*³.

В те мартовские дни 1917 года Сталин был среди тех большевиков, позиции которых были наиболее солидарны с ленинскими. В то же время он не отрицал, что и Февральская революция может быть

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 13.

² Там же. С. 14.

³ Там же.

отнесена к локомотивам истории, ибо она резко ускорила социально-исторический процесс в нашей стране.

А вождь революции В.И. Ленин настойчиво призывал соратников: «Стоять на месте нельзя... Надо идти либо вперёд, либо назад. Идти вперёд, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путём, нельзя, не идя к социализму».¹ Вдохновляющие слова, оптимистические.

От Февраля к Октябрю

Революция действительно двигалась вперёд — от Февраля к Октябрю. Этот процесс революционного движения глубоко и обстоятельно исследовал VI съезд РСДРП(б). Во время съезда В.И. Ленин находился в подполье. Поэтому и с Политическим отчётом ЦК большевистской партии, и с докладом «О политическом положении» выступал И.В. Сталин. Они интересны как раз анализом движения революции.

Впервые «Извлечения из доклада т. Сталина о политической деятельности ЦК за май, июнь, июль» были опубликованы в двух номерах газеты «Рабочий и Солдат» (под этим названием в июле 1917 года выходила «Правда»). В них содержался прежде всего чёткий классовый анализ всех событий (порой по часам), происходивших в частности 3, 4 и 5 июля. Однако вводная часть доклада не попала на страницы газеты. Вероятно, это диктовалось политической атакой против партии со стороны реакции. Но сегодня эта часть сталинского доклада заслуживает, думается, наибольшего внимания. В «Протоколах Шестого съезда РСДРП (большевиков)» публикация его речи начиналась следующим образом:

«Прежде чем перейти к докладу о политической деятельности ЦК за последние два с половиной месяца, я считаю нужным отметить основной факт, определяющий основную деятельность ЦК. Я имею в виду факт развития нашей революции, ставящей вопрос о вмешательстве в область экономических отношений в форме контроля над производством, о передаче земли в руки крестьянства, о передаче власти из рук буржуазии в руки Советов рабочих и солдатских депутатов. Всё это определяет глубокий характер нашей революции. *Она стала принимать характер рабочей, социалистической революции* (выделено мной. — В.Т.). Под давлением этого факта

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 192

буржуазия стала организовываться и поджидать удобного момента для выступления...»¹ Этот абзац доклада не попал и в 3-й том Сочинений И.В. Сталина (М.: ОГИЗ. 1946), но вошёл в 6-й том «Трудов» И.В. Сталина, вышедший в 2015 году под общей редакцией Р.И. Косолапова.² Что касается «Рабочего и Солдата», то в нём была также полностью опущена та часть доклада, которая содержит политическую оценку событий мая и июня 1917 года. Между тем в этой части доклада нельзя обойти вниманием некоторые его положения.

Во-первых, анализируя майские события, Сталин говорил:

«ЦК исходил из того, что у нас революция развивается мирным путём, что путём перевыборов в Советы рабочих и солдатских депутатов можно изменить состав Советов, а значит, и состав правительства».³ Во-вторых, подводя итоги масштабной демонстрации 18 июня, прошедшей под лозунгом «Вся власть Советам!» и отказавшей в доверии Временному правительству, Сталин отмечал: «Временное правительство осталось у власти. Факт успешного наступления, частичные успехи Временного правительства, целый ряд проектов о выводе частей из Петрограда произвели должное впечатление на солдат. На этих фактах они убедились, что империализм пассивный превращается в империализм активный. Они поняли, что пошла полоса новых жертв».⁴

В Политическом докладе Сталин исходил из того, что *«июльские события являются ответом буржуазно-помещичьей реакции на революцию, ставшую уже социалистической»* (выделено мной. — В.Т.), на стремление большевиков прийти к власти мирно, избежав не только внутренней бойни, но и прекратив мировую войну».⁵

Концепция докладчика о фактах июльского переворота опиралась на серьёзную теоретическую базу и не была данью «ползучей эмпирии». В докладе Сталина «О политическом положении» рассматривался вопрос о противоречиях революции в России, «о силах,двигающих революцию, и силах, подкапывающихся под неё». Для многих делегатов стало неожиданностью, что в центре внимания докладчика были не только рабочие и крестьяне, а четыре силы: кроме

¹ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М. 1958. С. 14.

² Сталин И.В. Труды. Т. 6. М. 2015. С. 253.

³ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. С. 14.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же.

пролетариата и крестьянства, рассматривались буржуазия и союзный капитал. Сталин раскрыл цели каждой из этих сил в начавшейся в феврале революции. На основе этого анализа он делал вывод: «Никакие репрессии, никакие казни, никакие московские совещания не спасут правительство от новых взрывов»¹.

Заключительные слова доклада также прозвучали неожиданно для делегатов (судя по реакции на них, статья В.И. Ленина «К лозунгам» большинству из них была ещё не известна). А Сталин заявил: «Мирный период революции кончился, наступил период немирный, период схваток и взрывов...»².

На следующее утро выяснилось, что многие делегаты высказали просьбу, чтобы Сталин объяснил им свою позицию относительно Советов. И вот он снова на трибуне:

«Я не выступал против Советов как формы организации рабочего класса, но лозунг определяется не формой организации революционного учреждения, а тем содержанием, которое составляет плоть и кровь учреждения... Теперь мы выдвигаем лозунг передачи власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. Следовательно, вопрос не в форме, а в том, какому классу передаётся власть, вопрос о составе Советов...»

Итак, повторяю: отмена лозунга передачи власти в руки Советов не означает «Долой Советы!» Наше отношение к тем Советам, где мы находимся в большинстве, – самое сочувственное... Но сила уже не в Советах»³.

Сталин убедил съезд. В резолюции «О политическом положении» было записано: «В настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти в руки Советов стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контрреволюционной буржуазии.

Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат, при условии его полной поддержки беднейшим крестьянством в силу выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового подъёма»⁴.

Итак, факты убеждают, что И.В. Сталин внёс немалый вклад в теоретический анализ развития революции от Февраля к Октябрю на всех этапах этого исторического процесса.

¹ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. С. 113.

² Там же. С. 114.

³ Там же. С. 122–123.

⁴ Там же. С. 256.

ОЧЕРК ТРЕТИЙ ЭТАЛОНЫ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Заявление о революционном характере нашей партии, прозвучавшее после многолетнего перерыва на III (октябрьском 2013 года) пленуме ЦК КПРФ, обсуждавшем «Национальный вопрос и задачи партии по укреплению дружбы народов» в канун 96-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, побуждает и сегодня зорко всматриваться в созданные большевистской партией эталоны революционного преобразования общества. Труды В.И. Ленина на эту тему были неплохо проанализированы в советской литературе, и при желании наш современник может и с работами возжа, и с их анализом познакомиться. Иное дело с работами И.В. Сталина. Они оказались не только исключены из осмысления обществоведами с середины 50-х годов (более 60 лет!), но и подверглись остракизму. В последние десятилетия антисталинская истерия буржуазных трубадуров достигла таких масштабов, что молодые люди начинают воспринимать её не иначе как борьбу с живым и активно действующим политиком. Недавно довелось слышать рассказ про то, как студент-первокурсник удивлённо спросил: «А разве Сталин умер?» В этом факте отразился не только уровень постановки образования в современной РФ, но и точное состояние общественно-политической атмосферы, создавшейся сегодня вокруг Сталина. А мы сегодня обратимся к видению им Великой революции, её уроков и созданных ею эталонов.

Февральская предтеча

Февральская и Октябрьская революции 1917 года между собою тесно связаны, и на это неслучайно обращают внимание современные отечественные историки. Лукавство составителей плана нового учебника по отечественной истории совсем не в том, что они отмечают этапы большого революционного процесса, а в том, что они и их заказчики намерены переставить акцент с событий Октября 1917 года на Февраль, выпячивая *начало* важнейшего исторического поворота. Кроме этого намечающегося жульничества, ничего нового в их изысках не содержится. Более того, они в чём-то даже повторяют сталинский анализ тех событий.

В статье «Октябрьский переворот и национальный вопрос», опубликованной в «Правде» 6 и 19 ноября 1918 года, то есть в первую

годовщину социалистической революции, И.В. Сталин с научной точностью осмысливал факты недавнего прошлого:

«Февральская революция таила в себе внутренние непримиримые противоречия. Революция была совершена усилиями рабочих и крестьян (солдат), между тем как в результате революции власть перешла не к рабочим и крестьянам, а к буржуазии. Совершая революцию, рабочие и крестьяне хотели покончить с войной и добиться мира. Между тем, как ставшая у власти буржуазия стремилась использовать революционное воодушевление масс для продолжения войны, против мира. Хозяйственная разруха в стране и продовольственный кризис требовали экспроприации капиталов и промышленных предприятий в пользу рабочих, конфискации помещичьих земель в пользу крестьян, между тем как буржуазное правительство Милюкова — Керенского стояло на страже интересов помещиков и капиталистов, решительно оберегая последних от покушений со стороны рабочих и крестьян. Это была буржуазная революция, произведённая руками рабочих и крестьян. Это была буржуазная революция, произведённая руками рабочих и крестьян в пользу эксплуататоров»¹.

Политико-экономический классовый анализ Февральской революции Сталин подкрепляет эмпирически проверяемыми фактами: «Фронт разваливался и растекался. Фабрики и заводы останавливались. В стране нарастал голод. Февральская революция с её внутренними противоречиями оказалась явно недостаточной для «спасения страны». Правительство Милюкова — Керенского оказалось явно неспособным разрешить коренные вопросы революции»². Примечательно, что на этом же круге проблем останавливался беспощадный противник большевизма белый генерал А.И. Деникин и приходил к тому же выводу о неспособности Временного правительства решить проблемы, лицом к лицу с которыми оказалась Россия. Кстати, найти первый том его «Очерков русской смуты» куда легче, чем «Сочинения» И. Сталина.

У Сталина же мы читаем: «Нужна была новая, *социалистическая* революция для того, чтобы вывести страну из тупика империалистической войны и хозяйственного развала.

Эта революция пришла в результате Октябрьского переворота»³.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 158—159.

² Там же. С. 159.

³ Там же.

Тень Февраля на современной России

В общественно-политической жизни страны сегодня налицо две оппозиции: социалистическая, ставящая перед собой системные задачи уничтожения капитализма, и либеральная, ориентирующаяся на сохранение капиталистической системы, но борющаяся за переход власти от одной группы компрадорского капитала к другой. Внешние проявления буржуазной оппозиции нередко более эффективны, она порою ведёт себя смелее и даже не прочь поговорить о революции. Такой псевдоревOLUTIONной выглядела во время избирательной кампании по выборам столичного мэра в 2013 году позиция А. Навального. Это создаёт иллюзию у части общества, будто либеральные силы сегодня являются сторонниками повторения в России Февральской буржуазно-демократической революции.

Для начала отметим реальное родство роли нынешних либералов с февральскими победителями 1917 года. Либералы вековой давности и их нынешние наследники выполняют, помимо своей воли, активную функцию политического просвещения пролетариата. Критика язв царского режима со стороны кадетов, эсеров, меньшевиков и прочих буржуазных и мелкобуржуазных партий перед Февральской революцией была столь же хлёткой, беспощадной и убедительной, как и критика их сегодняшних политических клонов. Но те и другие не покушались и не покушаются на устои всевластия частной собственности. А то, что их отличает, — такие мелочи, что можно, как говорят статистики, ими пренебречь. Но приходится признавать, что значительную часть информации о политических реалиях трудящиеся получают с их голоса. Спасибо им за весомый вклад в политическое просвещение широких масс наёмных работников, которых они своей справедливой критикой правящего режима приближают к социалистическому мировидению. Не выполняя они эту работу, в стране не оказалось бы 57% сторонников общества, которое своими основными чертами напоминает советский социализм. Таковы результаты известного исследования Института социологии РАН «О чём мечтают россияне?»¹.

Второе родство либералов нынешней России и февральской России 1917 года в том, что они запутались в клубке социально-эко-

¹ О чём мечтают россияне? Аналитический доклад. Подготовлен Институтом социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Ф. Эберта в РФ. М. 2012.

номических, общественно-политических, национальных, региональных, межконфессиональных и прочих противоречий. Об этом Сталин подробно говорил в лекциях «Об основах ленинизма», прочитанных в Свердловском университете в апреле—мае 1924 года. Вот на какие обстоятельства, определившие своеобразие русской буржуазной революции, он обратил внимание.

«а) Небывалая концентрация русской промышленности накануне революции. Известно, напр., что в предприятиях с количеством рабочих свыше 500 чел. работало в России 54% всех рабочих. Между тем как в такой развитой стране, как Северная Америка, в аналогичных предприятиях работало всего 33% всех рабочих».¹

Этот признак присущ и современной российской экономике, о чём можно судить по концентрации производства продукции в ведущих отраслях. По последним опубликованным данным Росстата, восемь организаций электроэнергетики вырабатывают 25,7% всей электроэнергии страны. Восемь организаций нефтяной отрасли добывают 64,0% нефти, столько же нефтеперерабатывающих заводов выпускают 56,8% нефтепродуктов. На восемь металлургических заводов приходится 56,8% чёрных металлов. Даже в пищевой промышленности восемь предприятий выпускают более десятой части продукции.

«б) Безобразные формы эксплуатации на предприятиях». Сегодня та же картина. В той же пищевой промышленности, где доминирует средний капитал, все рабочие, причастные к выпечке хлеба или изготовлению колбасы и т.д., получают совокупной зарплаты от каждого килограмма произведённой продукции меньше, чем предприниматель кладёт в карман прибыли.

«в) Политическая дряблость русской буржуазии». Как и в начале века, буржуазия находится в значительной зависимости от казённых заказов.

«г) Наличие самых безобразных и самых нетерпимых пережитков... в деревне». Вот и в XXI веке, по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года, более 30% крестьянских хозяйств не имеют в своем распоряжении пахотной земли. Зато под вывеской фермеров появились имения, конкурирующие по площади с крупнейшими поместьями дворян царской России.

Из названных Сталиным обстоятельств² сегодня отсутствуют только два: царизм и империалистическая война. Специфика, од-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 127.

² См. там же. С. 128.

нако, в том, что капиталистические порядки, за которые боролась русская буржуазия в феврале 1917 года, в нынешней РФ наличествуют с 1991 года, когда была осуществлена буржуазная контрреволюция. Во втором подобии Февраля сегодня в стране нет объективной потребности. Фактическая борьба внутри господствующего класса идёт не за смену системы, а за смену столоначальников в Кремле и «Белом доме».

Чтобы провести большевизацию

Что касается сохранившегося клубка противоречий, который был проанализирован Сталиным, то он свидетельствует о потребности не в буржуазной, а в социалистической революции в России. Речь, конечно, не идёт о том, будто она уже на носу, когда «вчера было рано, а завтра будет поздно». Один из стандартов Великого Октября заключается в том, что к качественному скачку в развитии общества необходимо готовить пролетарские массы загодя, что для этого необходимо держать в отобилизованном состоянии партию, являющуюся авангардом пролетариата. В противном случае, указывал Сталин, появляется «опасность потери социалистической перспективы»¹. Ей он уделял серьёзное внимание, ибо «характерную черту этой опасности составляет неверие во внутренние силы нашей революции; неверие в дело союза рабочих и крестьян; неверие в руководящую роль рабочего класса внутри этого союза... Это есть путь ликвидаторства и перерождения, ибо он ведёт к ликвидации основ и целей Октябрьской революции»².

Выступая в чехословацкой комиссии Исполкома Коммунистического Интернационала в марте 1925 года, Сталин подчёркивал, что в условиях революционного затишья, «когда соглашательские иллюзии должны расти, правая опасность является самой серьёзной опасностью». В этой речи он даже предположил: «Я думаю, если бы Ленин был жив, он написал бы теперь новую брошюру о «Старческой болезни правизны»³.

Проблеме преодоления социал-соглашательства в коммунистической партии посвящена беседа И.В. Сталина с членом ЦК Коммунистической партии Германии (КПГ) Герцогом в начале 1925 года

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 164.

² Там же. 164—165.

³ Там же. С. 61.

(опубликована в «Правде» 3 февраля 1925 года), в которой Иосиф Виссарионович опирался прежде всего на опыт подготовки социалистической революции в России. Собеседник обратился к Сталину с вопросом: «Вы сказали, что КПП должна за собой иметь большинство рабочих. Этой цели до сих пор придавали слишком мало внимания. Что, по Вашему мнению, нужно делать, чтобы превратить КПП в такую энергичную партию с прогрессивно растущей вербовочной силой?»

Ответ Сталина поначалу вроде бы неожиданный: «Некоторые товарищи думают, что укрепить партию и большевизировать её — это значит вышибить из партии всех инакомыслящих. Это, конечно, неверно. Разоблачать социал-демократию и низвести её до роли ничтожного меньшинства в рабочем классе можно лишь в ходе повседневной борьбы за конкретные нужды рабочего класса»¹. А далее Сталин подробно разъясняет, как он видит чрезвычайно необходимый процесс большевизации коммунистической партии. Поскольку эти рекомендации актуальны и для сегодняшней КПРФ, то придётся привести достаточно большую цитату.

«Чтобы провести большевизацию, — говорил И.В. Сталин, — необходимо добиться, по крайней мере, некоторых основных условий, без которых невозможна вообще большевизация компартий.

1) Необходимо, чтобы партия рассматривала себя не как придаток парламентского избирательного механизма, как по сути дела себя рассматривает социал-демократия... а как *высшую* форму классового объединения пролетариата, призванную *руководить* всеми остальными формами пролетарских организаций, от профсоюзов до парламентской фракции.

2) Необходимо, чтобы партия, особенно её руководящие элементы вполне овладели революционной теорией марксизма, неразрывно связанной с революционной практикой.

3) Необходимо, чтобы партия вырабатывала лозунги и директивы не на основе заученных формул и исторических параллелей, а в результате тщательного анализа конкретных условий *революционного* (выделено мной. — В.Т.) движения, внутренних и международных, при обязательном учёте опыта революций всех стран.

4) Необходимо, чтобы партия проверяла правильность этих лозунгов и директив в огне революционной борьбы масс.

5) Необходимо, чтобы вся работа партии, особенно если социал-демократические традиции ещё не изжиты в ней, была перестроена

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С.37.

на новый, революционный лад, рассчитанный на то, чтобы каждый шаг партии и каждое её выступление естественно вели к революционизированию масс, к подготовке и воспитанию широких масс рабочего класса в духе революции.

6) Необходимо, чтобы партия в своей работе умела сочетать высшую принципиальность (не смешивать с сектантством!) с максимумом связей и контакта с массами (не смешивать с хвостизмом!), без чего невозможно для партии не только учить массы, но и учиться у них, не только вести массы и подымать их до уровня партии, но и прислушиваться к голосу масс и угадывать их наболевшие нужды.

7) Необходимо, чтобы партия умела сочетать в своей работе непримиримую революционность (не смешивать с революционным авантюризмом!) с максимумом гибкости и манёвроспособности (не смешивать с приспособленчеством!), без чего невозможно для партии овладеть всеми формами борьбы и организации, связать повседневные интересы пролетариата с коренными интересами пролетарской революции и сочетать в своей работе легальную борьбу с борьбой нелегальной.

8) Необходимо, чтобы партия не скрывала своих ошибок, чтобы она не боялась критики, чтобы она умела улучшать и воспитывать свои кадры на своих собственных ошибках.

9) Необходимо, чтобы партия умела отбирать в основную руководящую группу лучшие элементы передовых бойцов, достаточно преданных для того, чтобы быть подлинными выразителями стремлений революционного пролетариата, и достаточно опытных для того, чтобы стать действительными вождями пролетарской революции, способными применять тактику и стратегию ленинизма.

10) Необходимо, чтобы партия систематически улучшала социальный состав своих организаций и очищала себя от разлагающих оппортунистических элементов, имея в виду, как цель, достижение максимальной монолитности.

11) Необходимо, чтобы партия выработала железную пролетарскую дисциплину, выросшую на основе партийной спаянности, ясности целей движения, единства практических действий и сознательного отношения к задачам партии со стороны широких партийных масс.

12) Необходимо, чтобы партия систематически проверяла исполнение своих собственных решений и директив, без чего эти последние рискуют превратиться в пустые посулы, способные лишь подорвать к ней доверие широких пролетарских масс.

Без этих и подобных им условий большевизация есть звук пустой»¹.

Как и в середине 1920-х годов, эти двенадцать пунктов большевизации коммунистической партии сегодня имеют международное значение. Если в КПРФ дают о себе знать рецидивы меньшевизма, то проявляющийся во многих зарубежных партиях оппортунизм, унаследованный от II Интернационала или еврокоммунизма, с точки зрения подготовки пролетариата к борьбе за свою власть ничуть не менее ущербен. Можно с полным основанием говорить, что сформулированные И.В. Сталиным положения максимально полно отражают основы партийного строительства, вытекающие из ленинизма, то есть марксизма эпохи империализма и социалистических революций. И когда сегодня партии, входящие в СКП—КПСС, признают необходимость разработки учебника по партийному строительству, предназначенного новому поколению коммунистов, то фундаментальные положения И.В. Сталина, изложенные им в работе «О перспективах КППГ и большевизации» должны, по всей вероятности, стать его концептуальной основой и каркасом.

Теоретическая база Октябрьской революции

Великая Октябрьская социалистическая революция стала результатом сплетённых в причудливый клубок социальных противоречий в нашей стране, плодом политической зрелости рабочего класса России, организаторской мощи большевистской партии, интернациональной поддержки пролетариев всей планеты. Но сама возможность поставить борьбу за социалистическую революцию в России в повестку дня появилась только после великих теоретических открытий В.И. Ленина. Работа «Империализм, как высшая стадия капитализма» показала всем революционерам планеты, что эпоха домонополистического капитализма, в которой рынку принадлежала роль главного регулятора экономических процессов, осталась в прошлом. На рубеже XIX—XX столетий мир вступил в стадию монополистического капитализма.

Монополии воцарились на трон мирового хозяйства, когда эконо­мику стал контролировать финансовый капитал, когда завершился экономический и географический раздел мира. Но империалистические хищники, поделившие весь мир на сферы своего влияния,

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 38—40.

развиваются неравномерно. Исходя из этих выводов, Ленин в ряде статей доказал, что в цепи капитализма появляются слабые звенья, которые под силу «прорвать» поднышнему на борьбу за своё освобождение пролетариату. Так утверждение, что социалистическая революция вероятна лишь в отдалённой перспективе, было теоретически оспорено, причём сделано это было при помощи методологии марксизма и Монблана фактов и аргументов. Эти факты и аргументы к тому же убеждали, что самым слабым звеном капиталистической цепи в начале XX века была Россия.

Вожди II Интернационала оказались не способны оценить великое теоретическое открытие В.И. Ленина. Но это сумели сделать русские большевики (они называли себя русскими независимо от своей этнической принадлежности). Более того, они настолько впитали в себя теоретическую новизну ленинизма, что подходили к нему не как к заимствованию у великого гения, а прежде всего — как к собственному оружию, необходимому для свершения социалистической революции. И если первой особенностью Октябрьской революции было глубокое теоретическое обоснование не только её возможности, но и её победы, то «вторая особенность Октябрьской революции, — отмечал И.В. Сталин, — состоит в том, что эта революция является образцом применения на практике ленинской теории пролетарской революции»¹.

Сегодня чрезвычайно важно (в том числе целесообразно для партийной практики) понять всю глубину и масштабность открытого В.И. Лениным закона о неравномерности, скачкообразности экономического и политического развития капиталистических стран. «Закон этот, — разъясняет И.В. Сталин в статье «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», впервые опубликованной в качестве предисловия к книге «На путях к Октябрю», — исходит из того, что:

1) «Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли» (см. предисловие к французскому изданию «Империализма» Ленина, т. XIX, стр. 74).

2) «Делёж этой «добычи» происходит между 2—3 всемирно могущественными, вооружёнными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в *свою* войну из-за *своей* добычи всю землю» (см. там же).

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 371.

3) Рост противоречий внутри мировой системы финансово-угнетения и неизбежность военных столкновений ведут к тому, что мировой фронт империализма становится легко уязвимым со стороны революции, а прорыв этого фронта со стороны отдельных стран — вероятным.

4) Этот прорыв вероятнее всего может произойти в тех пунктах и в тех странах, где цепь империалистического фронта слабее, то есть где империализм менее всего подкован, а революции легче всего развернуться.

5) Ввиду этого победа социализма в одной стране, если даже эта страна является менее развитой капиталистически, при сохранении капитализма в других странах, если даже эти страны являются более развитыми капиталистически, — вполне возможна и вероятна.

Таковы в двух словах основы ленинской теории пролетарской революции»¹.

Сегодня эти формулировки 95-летней давности сохраняют свою актуальность. Во-первых, потому, что мы по-прежнему живём в эпоху империализма. Возможно, есть основания выделять внутри этой высшей капиталистической стадии свои этапы, в том числе и глобализм. Нет лишь оснований утверждать, что глобализм является постимпериалистической стадией, как это делает один воронежский философ. Прежде всего потому, что все отмеченные Лениным признаки империализма (господство монополий, преобладание вывоза капиталов над вывозом товаров, раздел мира между империалистическими хищниками с периодическим стремлением к его переделу, неравномерность развития капиталистических стран, что проявилось хотя бы с появлением наряду с «семёркой» ещё и «двадцатки» и т.д.) сохраняются. Не исчезли основания говорить (и делать соответствующие политические выводы) о «слабом звене в империалистической цепи». Если же мир вышел из империалистической стадии, то придётся уповать на маячащую где-то за горизонтом «мировую революцию» и другие отложенные в долгий ящик серьёзные дела...

Кстати, Сталин не раз подчёркивал, что вопрос о возможности победы социализма в одной стране — это один из существенных водоразделов между ленинизмом и троцкизмом. На встрече со студентами Свердловского университета 9 июня 1925 года Генеральный секретарь ЦК РКП(б) говорил об истории этого вопроса: «Если не

¹ Сталин И.В. Соч. Т.6. С. 370.

считать дискуссии в 1905—1906 годах, то вопрос о строительстве социализма в одной стране был впервые поставлен в партии во время империалистической войны в 1915 году. Известно, что Ленин впервые формулировал тогда положение о “возможности победы социализма” первоначально “в одной, отдельно взятой, капиталистической стране”. Это был период поворота от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. Известно, что Троцкий тогда же оспорил это положение Ленина, заявив: “безнадёжно думать... что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы...”¹.

Далее лектор привёл ряд эпизодов принципиального противостояния Ленина и Троцкого по этому вопросу уже в послеоктябрьскую пору.

Ценные признания меньшевистского ЦК

Говоря о сталинском видении Октябрьской революции, нельзя обойти вниманием ещё одну работу. 29 октября 1918 года в «Правде» была опубликована статья И.В. Сталина «Логика вещей» с примечательным подзаголовком «По поводу “Тезисов” ЦК меньшевиков». Повод для её написания не совсем обычный. Советский нарком получил документ под названием «Тезисы и резолюции Центрального комитета партии меньшевиков (17—21 октября 1918 года)». Документ не мог не привлечь внимания одного из руководителей РКП(б), так как самое ценное в нём — «это выводы, опрокидывающие всю практику меньшевизма за год революции»². Первые впечатления Сталина от меньшевистских «Тезисов» связаны с «Октябрьским переворотом». Автор вспоминает, что делали тогда большевики:

«Большевики готовились к перевороту. Они считали, что взятие власти пролетариатом — единственный выход из тупика войны и хозяйственной разрухи. Они считали, что без такого переворота немислимы разрыв с империализмом и освобождение России от когтей последнего. Они создали *съезд Советов как единственный пре- емник власти в стране*»³. (Выделено мной. — В.Т.).

Деятельность большевистской партии Сталин сравнивает с тем, что в эту же пору делали меньшевики:

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 202.

² Там же. Т. 4. С. 134.

³ Там же. С. 135.

«Они объявили «затею» большевиков «контрреволюционным авантюризмом». Съезд Советов считали излишним и тормозили его, сами же Советы объявили «устарелыми бараками», обречёнными на слом...»¹.

Сопоставив действия бывших однопартийцев, ставших к осени 1917 года политическими антагонистами, Сталин приводит оценку тех исторических событий меньшевистским ЦК через год после социалистической революции:

«Совершённый в октябре 1917 года большевистский переворот является исторически необходимым, поскольку, разрывая связи между трудящимися массами и капиталистическими классами, он выражал стремление трудящихся масс подчинить направление революции их интересам, без чего немислимо было высвобождение России из тисков союзного империализма, ведение последовательной политики мира, радикальное проведение аграрной реформы и регулирование государством в интересах народных масс всей хозяйственной жизни, поскольку этот этап революции имел тенденцию увеличивать и размах того воздействия, которое имела российская революция на ход мировых событий»².

Ясно, что такое признание идейных противников нельзя не прокомментировать. Сталинский комментарий полон иронии: «Невероятно, но факт. “Большевистский переворот является”, оказывается, “исторически необходимым”, без чего “немислимо было высвобождение России из тисков союзного империализма”, “ведение последовательной политики мира”, “радикальное проведение аграрной реформы” и “регулирование государством в интересах народных масс всей хозяйственной жизни”.

Но это ведь то же самое, что ещё год назад твердили большевики и против чего так яростно боролся меньшевистский Центральный комитет!

Да, то же самое»³.

Второе сопоставление касалось Учредительного собрания. Сталин повторяет его структуру в том же порядке.

«Что делали тогда большевики?

Они продолжали начатую уже работу по утверждению власти пролетариата. Они считали, что “честная коалиция” и её орган,

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 135.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 136–137.

буржуазно-демократическое Учредительное собрание, обречены историей на гибель, ибо они знали, что родилась на свете новая сила – власть пролетариата, и новая форма правления – Республика Советов. В начале 1917 года лозунг Учредительного собрания был прогрессивен, и большевики стояли за него. В конце 1917 года, после Октябрьского переворота, лозунг Учредительного собрания стал реакционным, ибо он перестал соответствовать новому соотношению борющихся сил в стране... Большевики не сомневались, что буржуазный парламентаризм и буржуазно-демократическая республика представляют пройденную ступень революции...

Лозунг Учредительного собрания превратился, таким образом, в средство для уловления политических простаков и в знамя, прикрывающее внутренних и внешних контрреволюционеров в их борьбе с Советами»¹.

Как и в предыдущем эпизоде, Сталин сравнивает позицию большевиков с поведением меньшевиков:

«Как вели себя меньшевики за этот период?

Они боролись с Советской властью, всё время поддерживая ставший контрреволюционным лозунг Учредительного собрания»².

А вот что через год говорил Центральный комитет меньшевиков:

Он «отвергает всякое политическое сотрудничество с враждебными демократии классами и отказывается от участия во всех, хотя бы и демократическим флагом прикрываемых, правительственных комбинациях, которые основаны на «общенациональных» коалициях демократии с капиталистической буржуазией или на зависимости от иностранного империализма и милитаризма»³.

И далее:

«Все попытки революционной демократии, опирающейся на городские непролетарские массы и на трудящиеся массы деревни, восстановить демократическую республику в вооружённой борьбе с Советским правительством и стоящими за ним массами, сопровождались и сопровождаются, благодаря характеру международной обстановки и политической незрелости российской демократической мелкой буржуазии, такой перегруппировкой общественных сил, которая подрывает самое революционное значение борьбы за

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 137–138.

² См. там же. С. 138.

³ Там же. С. 139.

восстановление демократического строя и ведёт к прямой угрозе основным социалистическим завоеваниям революции. Стремление к соглашению во что бы то ни стало с капиталистическими классами и к использованию иностранного оружия для борьбы за власть лишает политику революционной демократии всякой самостоятельности, превращая её в орудие этих классов и империалистических коалиций»¹.

Сталинский вердикт прост: «Вывод один: власть Советов, диктатура пролетариата есть единственно мыслимая революционная власть в России»².

Какие ценные признания сделал в октябре 1918 года меньшевистский ЦК! Впрочем, и в тех тезисах победило мелкобуржуазное нутро меньшевизма: пустопорожние рассуждения о ничем не ограниченной демократии продолжались, часть членов ЦК по-прежнему ездила в обозе белогвардейских генералов, а потом писала антисоветские пасквили в заморских белогвардейских изданиях...

Но те «Тезисы» навсегда останутся бесценным свидетельством большевистской правоты в октябре 1917 года.

Октябрьская планка

6—7 ноября 1927 года «Правда» опубликовала юбилейную статью И.В. Сталина «Международный характер Октябрьской революции». Если не считать незабываемый Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1941 года и Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года (оба эти документа вождя воюющей державы были пронизаны непреклонной верой в идеалы Великого Октября, но об этом «в лоб» не было сказано ни слова), то публикация, посвящённая десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции, была самой крупной сталинской работой, непосредственно посвящённой поворотному событию XX века. В ней были сконцентрированы главные оценки великого народного свершения.

1) «Октябрьскую революцию нельзя считать только революцией “в национальных рамках”. Она есть, прежде всего, революция интернационального, мирового порядка, ибо она означает коренной

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 139.

² Там же.

поворот во всемирной истории человечества от старого капиталистического мира к новому, социалистическому миру»¹.

2) «Октябрьская революция отличается от всех революций *принципиально*. Она ставит своей целью не замену одной формы эксплуатации другой формой эксплуатации, одной группы эксплуататоров другой группой эксплуататоров, а уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, уничтожение всех и всяких эксплуататорских групп, установление диктатуры пролетариата, установление власти самого революционного класса из всех существовавших до сих пор угнетённых классов, организацию нового бесклассового социалистического общества»².

3) «Октябрьская революция *открыла* новую эпоху, эпоху *пролетарских* революций в странах *империализма*»³.

4) Октябрьская революция противопоставила «буржуазному парламентаризму, как демократии *капиталистической*, социалистическую власть Советов, как демократию *пролетарскую*... Октябрьская революция разоблачила ложь социал-демократов о том, что возможен теперь мирный переход к социализму, через буржуазный парламентаризм»⁴.

5) «Октябрьская революция расшатала империализм не только в центрах его господства, не только в «метрополиях». Она ударила ещё по тылам империализма, по его периферии, подорвав господство империализма в колониальных и зависимых странах»⁵.

6) «Октябрьская революция поставила тем самым под вопрос само существование мирового капитализма *в целом*»⁶.

7) «Октябрьскую революцию нельзя считать только революцией в области экономических и общественно-политических отношений. Она есть вместе с тем революция в умах, революция в идеологии рабочего класса»⁷.

8) «Октябрьская революция провела непроходимую борозду между марксизмом и социал-демократизмом, между политикой ленинизма и политикой социал-демократизма... Теперь, *после победы*

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 239.

² Там же. С. 239–240.

³ Там же. С. 241.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 243.

⁶ Там же. С. 245.

⁷ Там же. С. 248.

диктатуры пролетариата, когда все увидели воочию, к чему ведёт марксизм и *что* может означать его победа, социал-демократия уже не может щеголять флагом марксизма, не может кокетничать с идеей диктатуры пролетариата, не создавая известной опасности для капитализма. Давно порвав с марксизмом, она оказалась вынужденной порвать и с флагом марксизма»¹.

* * *

Как и В.И. Ленин, И.В. Сталин подсказывает нам, что самым верным эталоном борьбы коммунистов за коренные интересы пролетариата и его стратегических союзников является Великая Октябрьская социалистическая революция. Как и В.И. Ленин, И.В. Сталин подсказывает нам, какой должна быть революционная партия коммунистов. Впрочем, он всю жизнь настаивал на том, что Коммунистическая партия не революционной быть не может.

ОЧЕРК ЧЕТВЁРТЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ХАРАКТЕР ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*Размышляя о Великом Октябре, нельзя не согласиться со словами великого Ленина: «Чем дальше отходит от нас этот великий день, тем яснее становится значение пролетарской революции в России, тем глубже мы вдумываемся в практический опыт нашей работы, взятой в целом».*² *С каждым годом нам становится очевиднее, что Великую Октябрьскую социалистическую революцию невозможно рассматривать как явление, значение которого ограничивается рамками России.*

Интернациональная природа рабочего движения

Уникальность ситуации состоит в том, что интернационализм Великой Октябрьской социалистической революции предшествовал самой этой революции. Иначе и быть не могло, так как она была пролетарской, а борьба пролетариата против буржуазии, как было убедительно доказано Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 248.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 144

уже в «Манифесте Коммунистической партии», всегда интернациональна. Дело в том, что интернациональны оба основных класса капиталистического общества, при этом их интернационализм диалектичен.

Капитал национален, когда он стремится создать «свой» национальный рынок, но одновременно, стремясь расширить его, он без тени сомнения перешагивает любые национальные границы. Более того, в стремлении расширить свой рынок, он легко преодолевает моря и океаны, захватывая чужие земли и превращая их в собственные колонии. А на этапе империализма капиталистический рынок вообще превратился в интернациональное явление, породив сначала идеологию космополитизма, а затем он же, стимулируя выравнивание *качества* производительных сил, заложил арматуру глобализации. Дело уже дошло до того, что, ссылаясь на глобализацию, буржуазия всё активнее выступает за ограничения, ведущие к ликвидации суверенитета национальных государств.

У пролетариата, как отмечал К. Маркс, нет своего отечества, но не потому, что он состоит из безродных Иванов, а потому, что своё существование он обеспечивает путём продажи своей рабочей силы, а значит, выход рынка за национальные границы толкает пролетария тоже преодолевать эти границы. Интернациональным его делает даже не столько стремление выгоднее продать свою рабочую силу, а поиск места её приложения, ибо рынок рабочей силы породил безработицу, не знающую никаких границ. Перетеканию рабочей силы из одного национального государства в другое способствует неравномерность экономического (и политического) развития капитала.

Именно формы космополитизма буржуазии и интернационализма пролетариата, присущие стадии домонополистического капитализма, привели родоначальников научного коммунизма к выводу, что социалистическая (пролетарская) революция произойдёт одновременно во всех ведущих капиталистических странах. Империализм внёс коренное изменение в исторический процесс тем, что, закончив раздел мира, он породил его передел, следствием которого стало появление слабых звеньев в капиталистической цепи. Эта цепь становилась обречённой на прорыв — либо внутрикачественный: поглощение слабого звена акулами империализма, сохраняющими таким образом капиталистическое качество всей цепи; либо такой качественный прорыв, когда капиталистическую цепь в слабом звене прорывает пролетариат и тем самым вырывает это звено из капиталистической системы. Но в обоих случаях речь

идёт о глобальном процессе, так как в любом случае изменяется вся система капитализма.

Более того, пролетарская революция не может не быть интернациональной, так как осуществляемый ею прорыв цепи капитализма ведёт к возможности её разрушения в других относительно слабых звеньях, либо, как минимум, к классовой солидарности пролетариата капиталистических стран с первопроходцами, прокладывающими дорогу к социализму.

Указывая на международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, мы должны также иметь в виду, что это великое событие стало возможным только потому, что в начале XX века Россия была одним из звеньев мировой цепи капитализма.

Ведь деятельность и Г.В. Плеханова, и В.И. Ленина и их единомышленников начала прошлого столетия начиналась в острой идейной борьбе с буржуазным социализмом народников. Только признание перехода экономики России на капиталистические рельсы позволяло рассматривать рабочий класс в качестве силы, способной положить конец эксплуатации человека человеком на шестой части планеты. Только признание бурного развития российского пролетариата позволяло большевистской партии энергично вести трудящихся к социалистической революции.

Не случайно и Ленин, и Сталин рассматривали Октябрьскую революцию как начало мировой, всеевропейской революции. Вскоре после победы Советов, 14 (27) декабря 1917 года, глава Советского государства писал: «Разразившаяся в России социалистическая революция представляет только начало мировой социалистической революции»¹.

С этой точки зрения интересен экстренный VII съезд РКП(б), который, решая конкретную, жизненно важную для Советской России проблему Брестского мира, исходил из осмысления проблемы ещё более высокого — теоретически и политически — уровня: о соотношении Октябрьской (русской) и мировой революции. Причём и ленинцы, и их оппоненты одинаково рассматривали Великий Октябрь как явление безусловно интернациональное. Но одни («левые» коммунисты во главе с Н.И. Бухариным и Л.Д. Троцкий) сводили Октябрьскую революцию к роли «хвоста» в костре мировой революции, а другие (ленинцы) видели в ней образец, маяк, стимул для мировой революции.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 170.

Обращаясь к Октябрьской революции, В.И. Ленин всегда рассматривал её с позиций диалектики: с одной стороны, первая в мире пролетарская революция оказалась судьбоносной для всего человечества, с другой — она сама несла на себе печать процессов мирового масштаба.

Даже *предпосылки социалистической революции в России имели не только национальную природу, но в не меньшей степени являлись результатом мировых процессов.* Для начала вспомним, что Октябрьская революция для того, чтобы стать социалистической, должна была осуществить серьёзные буржуазно-демократические преобразования. До 1917 года страна оставалась полуфеодальной монархией. Вплоть до поворотного Октября в стране сохранялись все сословные привилегии, а главной проблемой, касающейся повседневной жизни большинства населения был земельный вопрос. Новаторство Великого Октября состояло уже в том, что, как отмечал В.И. Ленин, «мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, пролетарско-революционной, социалистической работы»¹.

Владимир Ильич пояснял, что за какие-нибудь десять недель трудовой народ, возглавляемый большевистской партией, выкинул вон всю монархическую нечисть, не оставил камня на камне в вековом здании сословности, устранил бесправие женщин и ликвидировал угнетение и бесправие нерусских национальностей².

Феодальные пережитки были препятствием прежде всего в развитии народов России, но в их преодолении были также глубоко заинтересованы и европейские народы. Не случайно Ф. Энгельс обращал внимание на то, что русское самодержавие было первым пособником европейских буржуазных «демократий» в подавлении любых революционных выступлений трудового народа.

Тем более глобальный характер носило основное противоречие капитализма, которое и была призвана разрешить Октябрьская пролетарская революция. Мы бы фальсифицировали историю, если бы взяли отрицать, что большевики-ленинцы, с одной стороны, не сомневались в возможности победы социалистической революции первоначально в одной отдельно взятой стране, с другой стороны, всегда рассматривали русскую революцию как часть мирового революционного процесса.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 147.

² См. там же. С. 145–146.

Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции соответствует её глубинной природе. Оно выросло из интернационализма российских большевиков. В отношении к Первой мировой войне Ленин и его соратники были самыми последовательными критиками и оппонентами социал-шовинизма вождей II Интернационала. Здесь важно отметить, что до тех пор, пока не разразилась война, эти вожди шумно говорили, что они не допустят, чтобы рабочие одной страны воевали против рабочих другой страны. Однако волной от первых же снарядов напускной интернационализм этих оппортунистов был полностью развеян. Свою принципиальность и марксистскую последовательность сохранили лишь большевики.

Мир раскололся на два лагеря

У Ленина были все основания в канун 4-й годовщины Великого Октября писать, что и в этом вопросе, вопросе об империалистических войнах и их многомиллионных жертвах, «Октябрьская революция открыла новую эпоху всемирной истории. Слуги буржуазии и её подпевалы в лице эсеров и меньшевиков, в лице всей мелкобуржуазной якобы «социалистической» демократии всего мира издевались над лозунгом “превращения империалистической войны в войну гражданскую”. А этот лозунг оказался единственной правдой — неприятной, грубой, обнажённой, жестокой, всё это так, но правдой среди тьмы самых утончённых шовинистских и пацифистских обманов. Рушатся эти обманы»¹. История обрушила и буржуазной патриотизм белых, антисоветских сил. Обрушила, потому что это был патриотизм дворянских усадеб и помещичьей и капиталистической эксплуатации. Сегодня полно пустозвонов, рассуждающих о примирении белых и красных. Но эти же миротворцы моментально показывают хищные зубы, как только речь заходит о национализации общенародного достояния, которое прикарманили новоявленные акулы российского капитализма. Пока в обществе сохраняются классовые антагонизмы, не приходится ждать мира между белыми и красными. Разве для кого-либо является секретом, что белоленочники из числа организаторов Болотной ни разу не осудили вандалов, разрушающих на Украине памятники В.И. Ленину, воинам, освобождавшим украинские города и хаты от фашистов, другим героям Советской эпохи?

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 148–149.

В канун первой годовщины создания Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Сталин написал: «На два лагеря раскололся мир решительно и бесповоротно: лагерь империализма и лагерь социализма»¹. Он раскололся тотчас, как в России власть перешла в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Его расколола гражданская война. Наши классовые противники тут же завопят: это большевики во главе с Лениным мечтали о гражданской войне, призывали начать гражданскую войну. Да, говорили о ней — это правда.

Но найдите в архивах «Известия ВЦИК» за 12 марта 1918 года. В этом номере была опубликована статья Ленина «Главная задача наших дней». Эта задача — «добиться во что бы то ни стало, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной». А поставить созидательную задачу вождь Октябрьской революции смог потому, что (внимание!) *«мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили её открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны. Мы подняли к свободе и к самостоятельной жизни самые низшие из угнетённых царизмом и буржуазией слоёв трудящихся масс»*². (Выделено мной. — В. Т.). Та гражданская война, о которой говорили большевики, закончилась за несколько недель.

Кровопролитной была другая гражданская война. Та, организовывать которую уехал в Новочеркасск, по свидетельству генерал-лейтенанта Деникина, уже 30 октября, на пятый день победы Советской власти, генерал от инфантерии Алексеев. Уже в ноябре 1917 года в Яссах на совещании военных представителей стран Антанты, командования государств Антанты и командования Юго-Западного и Румынского фронтов был выработан план военных действий против Советской страны на юге России. В декабре 1917 года конференция стран Антанты в Париже признала необходимым поддерживать связь с контрреволюционными правительствами Украины, казачьих областей, Сибири и Кавказа и открыть им кредиты. Кровопролитной была гражданская война против Советской власти, к которой приложились 14 буржуазных государств. Та гражданская война была войной международного капитала против молодого

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 232.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 79.

рабоче-крестьянского государства. И с тех пор она не прекращалась, становясь то «горячей», то «холодной». Это — война мира капитала с миром трудящихся. Красное знамя Победы, вознесённое над поверженным весной 1945 года Берлином, было красным от крови героев Гражданской войны.

Но и защита завоеваний Великого Октября тоже была интернациональной. Во-первых, победе Красной Армии способствовала революционная борьба международного пролетариата против вооружённой интервенции и экономической блокады Советской России. Во-вторых, в Красной Армии сражались десятки тысяч воинов-интернационалистов — венгров, чехов, поляков, сербов, китайцев и представителей других народов. Так была заложена традиция интернациональной поддержки революционной борьбы. Славной страницей вошли в историю, например, интернациональные бригады, защищавшие Испанскую Республику в 1936–1938 годах. Эта славная традиция жива и сегодня.

В.И. Ленин уже в 1920 году дал развёрнутый анализ международного значения Великой Октябрьской социалистической революции. В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» он писал: «Некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение. И я говорю здесь не о международном значении в широком смысле слова: не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное воздействие в смысле воздействия её на все страны. Нет, в самом узком смысле слова, то есть понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции»¹.

Итоги первого Октябрьского десятилетия

Работа И.В. Сталина «Международный характер Октябрьской революции» написана в канун 10-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Она начинается именно с утверждения о том, что социалистическую революцию октября 1917 года «нельзя считать только революцией “в национальных рам-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 3.

ках". Она есть, прежде всего, революция интернационального, мирового порядка»¹.

Главный аргумент этого утверждения для нас, недавно участвовавших в торжествах, посвящённых 100-летию Великого Октября, сегодня кажется бесспорным: эта революция означает коренной поворот во всемирной истории человечества от общества всевластия частной собственности и эксплуатации человека человеком к обществу, в котором нет эксплуататоров и главной ценностью является социальная справедливость, от капиталистического мира к миру социалистическому.

Между тем эта работа представляет серьёзный политический и теоретический интерес. Во-первых, она демонстрирует идентичность методологических подходов В.И. Ленина и И.В. Сталина к сущности, характеру и последствиям Великой Октябрьской социалистической революции. Во-вторых, она отражает специфику изменений как в самом советском обществе, так и в понимании им значения Великого Октября. В-третьих, Сталин своей статьёй подводит итоги первого десятилетия Октябрьской эры.

Итак, начнём с тех глобальных социальных качеств, которые были порождены Октябрьской революцией и, закрепившись, подтвердили за 10 лет принципиально новый характер Октябрьской эпохи.

Сталин прежде всего указывает на коренное, принципиальное отличие Великого Октября от всех предыдущих революций: «Революции в прошлом оканчивались обычно сменой у кормила правления одной группы эксплуататоров другой группой эксплуататоров. Эксплуататоры менялись, эксплуатация оставалась»². В подтверждение он привёл примеры освободительных движений рабов, восстаний крепостных, буржуазных революций в Англии и Франции. Единственным исключением была Парижская Коммуна, которая стала первой, выдающейся, героической, но все же безуспешной попыткой пролетариата повернуть историю против капитализма.

Принципиальное отличие Октябрьской революции, отмечал Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), от этих революций в том, что социалистическая революция не ограничивалась сменой формы эксплуатации, а уничтожала всякую эксплуатацию человека человеком. Она устанавливала диктатуру пролетариата, власть самого револю-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 239.

² Там же.

ционного в истории класса. Поэтому победа Великой Октябрьской социалистической революции стала коренным переломом в истории человечества.

Сталин подчёркивает, что это был коренной перелом по всему антикапиталистическому фронту:

– коренной перелом в исторических судьбах мирового капитализма;

– коренной перелом в освободительном движении мирового пролетариата;

– коренной перелом в способах борьбы и формах организации, в быту и традициях, в культуре и идеологии эксплуатируемых масс всего мира.

Автор юбилейной статьи подчёркивает: «В этом основа того, что Октябрьская революция есть революция интернационального, мирового порядка»¹.

10 лет, прошедшие после установления в России Советской власти позволили Сталину уверенно заявлять — после ожесточённых споров с маловеерами и оппортунистами о том, возможно ли построение социализма в России, — что «Октябрьская революция замечательна, прежде всего, тем, что она прорвала фронт мирового империализма, низложила империалистическую буржуазию в одной из самых больших капиталистических стран и поставила у власти социалистический пролетариат»².

Сталин подчёркивает, что «*впервые* в истории человечества» класс наёмных, униженных, гонимых, угнетённых и эксплуатируемых «поднялся до положения класса *господствующего*». Эта победа российских рабочих стала примером для пролетариев всех стран, побуждая их к классовой борьбе с капиталом. 10-летняя история Советской власти давала Сталину основание решительно заявлять: «Октябрьская революция *открыла* новую эпоху, эпоху *пролетарских революций* в странах *империализма*»³.

Великий Октябрь, как и всякая социалистическая революция, начинался с того, что сперва вырвал власть у буржуазии, а затем лишил её политических прав. Для этого революционный пролетариат разрушил буржуазный государственный аппарат и передал власть Советам. Сталин отмечает, что эти политические акты были

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 240.

² Там же.

³ Там же. С. 241.

утверждением «социалистической власти Советов как демократии *пролетарской*». Он добавляет: «Лафарг был прав, когда он говорил ещё в 1887 году, что на другой день после революции “все бывшие капиталисты будут лишены избирательных прав”»¹. (Поль Лафарг. “На следующий день после революции” (см. Сочинения, т. 1, 1925, стр. 329–330). – Прим. ИМЭЛ).

Стало общим местом утверждение, что победа Советской власти означала установление диктатуры пролетариата. Но Сталин подчёркивает, что рабочий класс может прочно установить свою власть только тогда, когда он имеет надёжную экономическую опору. Как показал исторический опыт последних десятилетий, совсем не банальным является сталинское утверждение о том, что победа социалистического курса в нашей стране стала возможна именно потому, что Советская власть отобрала орудия и средства производства у помещиков и капиталистов и превратила их в общественную собственность. Таким образом в её руках появился мощный инструмент, позволивший ей решительно противостоять сторонникам буржуазной собственности. Сталин замечает, что так Советская власть разоблачила ложь капиталистов о том, что буржуазная собственность является неприкосновенной, священной, вечной.

Этот вывод, сформулированный на основе десятилетнего движения СССР по социалистическому пути, полностью сохраняет свою актуальность и сегодня. Вспомним хотя бы буржуазный переворот в Республике Молдова, устроенный реакционными силами после третьей подряд победы Партии коммунистов Республики Молдова на президентских выборах, причём в условиях, когда ПКРМ имела большинство и в парламенте республики. Глубинная причина этого переворота несомненно в том, что и после почти 10-летнего правления ПКРМ буржуазия сохраняла за собой командные высоты в экономике. Коммунисты за время своего правления не предприняли сколько-нибудь серьёзных шагов по изъятию средств производства у эксплуататоров. Вот оно, подтверждение правоты сталинского вывода о необходимости ликвидации условий для эксплуатации человека человеком. Только тогда власть может уверенно рассчитывать на поддержку трудящихся. Об этом же свидетельствует и опыт Венесуэлы. Поддержка правительства Уго Чавеса народными массами была повсеместной, так как он проводил экономические реформы, ограничивающие власть эксплуататоров. Поскольку преемник ле-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 241.

гендарного команданте президент Николас Мадуро остановил осуществление этих реформ, то буржуазия вскоре подняла голову, сторонники капитализма попытались осуществить государственный переворот и захватить власть.

Эти факты из XXI столетия показывают, что сталинский анализ Октябрьской революции сохраняет своё международное значение и сегодня, оставаясь актуальным для классовой борьбы между трудом и капиталом.

Колониальные революции – новый этап борьбы с капитализмом

Но автор статьи не ограничился анализом международного характера непосредственных революционных изменений, вызванных Октябрем. Он также раскрыл опыт созидательной деятельности революции, подчеркнув: «Разрушив старое, буржуазное, она принялась строить новое, социалистическое. Десять лет Октябрьской революции есть десять лет строительства партии, профсоюзов, Советов, кооперации, культурных организаций, транспорта, промышленности, Красной Армии. Несомненные успехи социализма в СССР на фронте строительства наглядно показали, что пролетариат *может* с успехом управлять страной *без* буржуазии и *против* буржуазии, что он *может* с успехом строить промышленность *без* буржуазии»¹.

Опыт 1920-х годов дал основание руководителю Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) поставить в статье риторический вопрос: «Нужно ли ещё доказывать, что эти и подобные им результаты Октябрьской революции не могли и не могут остаться без серьёзного влияния на революционное движение рабочего класса в капиталистических странах?» От автора ответа не требовалось: его давали факты солидарности международного пролетариата с Советским Союзом и зримый рост авторитета СССР среди прогрессивных антибуржуазных сил.

Ещё больший интерес в статье «Международный характер Октябрьской революции» представляет анализ новых процессов, которые прежде практически не рассматривались в марксистско-ленинской теории. Прежде всего обратим внимание на его осмысление *колониальных революций*.

Конечно, проблема борьбы с колониализмом в странах Востока разрабатывалась В.И. Лениным. О широте его подхода к ней свиде-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 241–242.

тельствует ленинское обновление знаменитого лозунга из «Манифеста Коммунистической партии». Ленин считал возможным придать ему следующий вид: «Пролетарии всех стран и угнетённые народы, соединяйтесь!»¹ Но в начале 1920-х годов революционные движения на Востоке, в частности в Индии и Китае, рассматривались прежде всего через призму поддержки строительства социализма в СССР. В них виделась альтернатива капиталистической агрессии. В.И. Ленин подчёркивал, что у мирового капитала становятся непрочными его тылы, что повышает устойчивость рабоче-крестьянской власти в СССР. В этом смысле Ленин даже указывал на «европеизацию» революционного движения на Востоке.

Сталин же в своей статье указывает на несколько иное место Востока в международном революционном движении: он выделяет его как особый отряд революционного движения планеты, а революции, призванные разрешить присущие Востоку противоречия, как особый тип революций. Он писал: «Октябрьская революция открыла новую эпоху, эпоху колониальных революций, проводимых в угнетенных странах мира в союзе с пролетариатом, под руководством пролетариата».²

Таким образом, можно утверждать, что Сталин ещё в 1928 году стал рассматривать национально-освободительное движение колоний и зависимых стран как один из основных отрядов мирового революционного движения наряду с Советским Союзом, страной победившей социалистической революции, и рабочим движением капиталистических стран. Это значит, что важное положение о трёх отрядах мирового революционного процесса впервые выдвинуто не в «хрущёвской» третьей Программе КПСС, а за 34 года до этого Сталиным. Впрочем, это не единственный случай подобного «заимствования» Н.С. Хрущёва. Увы, подобный грех присущ и некоторым его наследникам.

Сталин в статье «Международный характер Октябрьской революции» стремится объяснить, чем вызван новый подход к антиколониальному движению и *колониальным революциям*. Автор непосредственно связывает его с последствиями Октябрьской революции, которая «расшатала империализм не только в центрах его господства, не только в “метрополиях”». Она ударила еще по тылам империализма, по его периферии, подорвав господство

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 71.

² Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 243.

империализма в колониальных и зависимых странах». Это, во-первых.

Во-вторых, Сталин опирается на опыт Советского Союза — Октябрьская революция разбила цепи национально-колониального гнёта и освободила от него все без исключения угнетённые народы обширного государства. В этом опыте он особо подчёркивает: «Пролетариат не может освободить себя, не освобождая угнетенные народы. Характерной чертой Октябрьской революции является тот факт, что она провела в СССР эти национально-колониальные революции не под флагом национальной вражды и междунациональных столкновений, а под флагом взаимного доверия и братского сближения рабочих и крестьян народов СССР, не во имя *национализма*, а во имя *интернационализма*»¹.

В статье подчёркивается, что «народы-рабы *впервые* в истории человечества поднялись до положения народов, *действительно* свободных и *действительно* равных, заражая своим примером угнетенные народы всего мира»². В то же время стоит отметить, что в 1922 году при образовании Союза ССР в новую федерацию не были включены республики Хива и Самарканд на том основании, что они не являлись в тот момент социалистическими. Всячески поддерживая их народы в стремлении к новой жизни, максимально содействуя происходящим там социальным преобразованиям, большевистская партия всё же не отождествляла те изменения с социалистическим курсом, осуществлявшимся в РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР.

Исключительно значимо и для современного этапа мировой истории выдвинутое в этой статье положение о месте буржуазного национализма в освободительном движении угнетённых народов. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) писал:

«Раньше “принято было” думать, что единственным методом освобождения угнетенных народов является метод *буржуазного национализма*, метод отпадения наций друг от друга, метод их разъединения, метод усиления национальной вражды между трудящимися массами различных наций.

Теперь эту легенду нужно считать опровергнутой. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой легенде смертельный удар, показав на деле возможность и целесообразность *пролетарского, интернационального* метода

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 243.

² Там же.

освобождения угнетённых народов, как единственно правильного метода, показав на деле возможность и целесообразность *братского союза* рабочих и крестьян самых различных народов на началах *добровольности и интернационализма*»¹.

Правота этого сталинского положения была многократно подтверждена общественно-политической историей большинства стран, свергнувших колониальный гнёт. Решив задачу получения политического суверенитета, они стали перед куда более сложной проблемой достижения экономической независимости. Новые классы видели её решение полярно противоположено. Силы молодого пролетариата были сориентированы на приоритетное развитие общественного сектора хозяйства. Национальная буржуазия стремилась укрепить владычество частной собственности, а значит, и сохранение эксплуатации человека человеком. Её преимуществом в этом противостоянии были экономические связи с буржуазией метрополий, зачатки которых были заложены ещё при колониализме. А для привлечения на свою сторону масс «новая» буржуазия широко использовала идеологию буржуазного национализма. При недостаточно высоком политическом сознании масс национализм отождествлялся ими с национальной идеей. Так формировалась идеология и политика неоколониализма. И всюду, где командные высоты в экономике оказывались в руках национальной буржуазии, курс на социалистическую ориентацию в этой борьбе проигрывал. Сталинская оценка буржуазного национализма оказалась истинной. Более того, история показала, что национализм всегда соответствует только интересам буржуазии, то есть бывает только буржуазным.

Идейный крах социал-демократии

Ещё одним новым словом в этом сталинской статье стала его характеристика социал-демократии. Кратко этот вывод Иосиф Виссарионович сформулировал так: *«Октябрьская революция провела непреходимую борозду между марксизмом и социал-демократизмом, между политикой ленинизма и политикой социал-демократизма»*². (выделено мной. — В.Т.).

Процесс расщепления международной социал-демократии на два крыла начался ещё до Первой мировой войны. В его основе лежало

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 243–244.

² Там же. С. 248.

принципиально разное понимание марксизма. Один фланг социал-демократии продолжал придерживаться революционного марксизма, другой стремился свести марксизм к эволюционному учению, которое в политике трансформировалось в реформизм. Реформистское крыло социал-демократии постоянно сползло в ревизионизм теории научного коммунизма.

Расширению влияния реформизма в международном (прежде всего западноевропейском) рабочем движении серьёзно способствовал «мирный» этап развития капитализма, наступивший после поражения Парижской коммуны. Спад революционного движения привёл к тому, что классовая борьба сосредоточилась на поиске более выгодной продажи рабочей силы. Решение этой задачи концентрировалось на борьбе рабочих с работодателями и на ограничении эксплуатации с помощью законодательства. В результате социал-демократические партии стали сосредоточиваться на парламентской деятельности. Ещё Маркс обращал внимание на то, что увлечение ею дошло до «парламентского кретинизма». Защита классовых интересов пролетариата с помощью протестных действий масс всё более заменялась поиском соглашений партийных верхов вокруг цены рабочей силы. Социал-демократические массы отвыкали от революционных форм классовой борьбы, вожди сползали к социал-соглашательству.

Первая мировая война довела этот процесс до логического финиша. Поддержанный социал-демократическими вождями лозунг защиты отечества в империалистической войне означал фактическую поддержку интересов буржуазии своих стран в этой войне. Большевики во главе с Лениным первыми выступили против предательства вождями рабочих партий интересов рабочего класса. По примеру большевиков в других социал-демократических партиях также начался процесс размежевания интернационалистов и социал-шовинистов. Вплоть до середины 1920-х годов в международном рабочем движении шла борьба за политическое оформление этого фактического размежевания. Энергичный процесс расширения Коммунистического Интернационала привел в середине 20-х годов к завершению этого процесса

Эту новую ситуацию и зафиксировал теоретически и политически И.В. Сталин.

Фактически Великая Октябрьская социалистическая революция привела к качественному изменению социал-демократии: она сменила идеологию, формы деятельности и конечные цели.

Что касается идеологии, то о произошедших изменениях Сталин писал так:

«Октябрьская революция родилась и окрепла под флагом марксизма, под флагом идеи диктатуры пролетариата, под флагом ленинизма, который есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций. Она знаменует поэтому победу марксизма над реформизмом, победу ленинизма над социал-демократизмом, победу III Интернационала над II Интернационалом»¹.

Главный идеологический водораздел между коммунистами и социал-демократами Сталин видел в коренном изменении отношения этих течений и движений к марксизму. Он пояснял:

«Раньше, *до победы диктатуры пролетариата*, социал-демократия могла щеголять флагом марксизма, не отрицая открыто идеи диктатуры пролетариата, но и не делая ничего, абсолютно ничего для того, чтобы приблизить осуществление этой идеи, при этом понятно, что такое поведение социал-демократии не создавало никакой угрозы для капитализма. Тогда, в тот период, социал-демократия формально сливалась, или почти сливалась, с марксизмом.

Теперь, *после победы диктатуры пролетариата*, когда все увидели воочию, *к чему* ведет марксизм и *что* может означать его победа, социал-демократия уже не может щеголять флагом марксизма, не может кокетничать с идеей диктатуры пролетариата, не создавая известной опасности для капитализма. Давно порвав с духом марксизма, она оказалась вынужденной порвать и с флагом марксизма, стала открыто и недвусмысленно против детища марксизма, против Октябрьской революции, против первой в мире диктатуры пролетариата»². Сталин предсказывает дальнейшее развитие этой тенденции: социал-демократия полностью порвёт с марксизмом — не только в своей политической практике, но и в своих доктринах. Он пояснял:

«Нельзя при нынешних условиях называть себя марксистом, не поддерживая открыто и беззаветно первую в мире пролетарскую диктатуру, не ведя революционной борьбы против своей буржуазии, не создавая условий для победы диктатуры пролетариата в своей собственной стране»³.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 248.

² Там же. С. 248–249.

³ Там же. С. 249.

Но отсюда следовал логичный вывод: «Отныне *единственным* носителем и оплотом марксизма является ленинизм, коммунизм»¹.

Изменение идеологической базы движения неизбежно ведёт к коренному изменению политического курса.

Но дело этим не ограничилось. Отмежевав социал-демократию от марксизма, отрёкшись от марксизма, изменив тем самым интересам пролетариата, социал-демократические вожди оказались отброшенными в лагерь прямых защитников капитализма. Глава советских коммунистов утверждал: «Когда гг. Адлеры и Бауэры, Вельсы и Леви, Лонгэ и Блюмы поносят “советский режим”, восхваляя парламентскую “демократию”, то этим они хотят сказать, что они борются и будут бороться за восстановление капиталистических порядков в СССР, за сохранение капиталистического рабства в “цивилизованных” государствах»².

В своей статье Сталин напоминает, что Ленин был тысячу раз прав, когда он говорил, что «нынешние социал-демократические политики являются “настоящими *агентами буржуазии в рабочем* движении, рабочими приказчиками класса капиталистов”, что в “гражданской войне пролетариата с буржуазией” они неизбежно станут “на сторону “версальцев” против “коммунаров”»³. (См.: В.И. Ленин. “Империализм как высшая стадия капитализма” (Сочинения, изд. 3-е, т. XIX, стр. 77 и изд. 4-е, т. 22, стр. 182)».

От теоретических умозаключений руководитель ВКП(б) переходит к практическим политическим выводам. Они суровы: «Невозможно покончить с капитализмом, не покончив с социал-демократизмом в рабочем движении»⁴.

В то же время Сталин трезво оценивает действительность. Он совсем не считает, что социал-демократия находится в предсмертном состоянии. Зная, что рабочий класс неоднороден, что мелкая буржуазия города и деревни не только разоряется, но и постоянно воспроизводится, он признаёт, что у социал-демократии сохраняется социальная база. Поэтому его прогноз реалистичен: «Эра умирания капитализма является вместе с тем эрой умирания социал-демократизма в рабочем движении»⁵.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 249.

² Там же.

³ Там же. С. 249–250.

⁴ Там же. С. 250.

⁵ Там же.

Место парламентаризма в борьбе за власть

Наконец, ещё один вывод, мимо которого нельзя пройти, размышляя о статье «Международный характер Октябрьской революции». Он касается парламентской работы коммунистов.

Мы знаем, что в формировании революционных качеств российского рабочего класса, в превращении трудового крестьянства в союзника рабочих в их борьбе за свои интересы большевистская партия максимально использовала опыт международного социалистического движения. Европейская социал-демократия к началу XX столетия накопила богатые навыки использования инструментов буржуазной демократии, прежде всего – парламентаризма. В.И. Ленин подчёркивал, что большевики были принципиальными сторонниками энергичного использования парламентаризма в классовой борьбе.

Об их серьёзном отношении к парламентской деятельности убедительно свидетельствует активное участие в избирательных кампаниях по выборам во II, III и IV Думы. В 1912 году на выборах в IV царскую Думу большевики получили все депутатские места от рабочей курии. Героическая деятельность депутатов-рабочих А.Е. Бадаева, М.К. Муранова, Г.И. Петровского, Ф.Н. Самойлова, Н.Р. Шагова, образовавших самостоятельную большевистскую фракцию, служит безусловным образцом для парламентариев-коммунистов. Что касается бойкота Булыгинской думы, то он был вызван, во-первых, тем, что она, как и Первая царская дума, созывалась в пору революционного подъёма для отвлечения масс от острой классовой борьбы, во-вторых, носила всего лишь совещательный характер.

В то же время Ленин и большевики никогда не были политическими рабами парламентаризма. В условиях царского самодержавия он был не только ограниченным, но и реакционным. Государственная дума избиралась по сословным куриям. Принятые ею законы подлежали утверждению никем не избираемого Государственного совета. Царь в любой момент мог распустить Думу без серьёзного обоснования. Госдума была своеобразным аппендиксом в политической системе Российской империи.

Отношение большевиков к Государственной думе определялось не её изъянами, а её классовой природой. В наиболее сконцентрированном и обобщённом виде оно проявилось в резолюции II конгресса Коммунистического Интернационала (1920 год), на все решения которого оказала огромное влияние работа В.И. Ленина «Детская

болезнь «левизны» в коммунизме». Её сущность наиболее точно отражается в двух пунктах, которые более всего сохраняют свою актуальность.

Первый: «Одним из подсобных опорных пунктов является трибуна буржуазного парламента. Против участия в парламентской борьбе отнюдь нельзя выставлять того довода, что это — буржуазное государственное учреждение. Коммунистическая партия идёт в это учреждение не для того, чтобы вести там органическую работу, а для того, чтобы из недр парламента помочь массам взорвать путём выступления государственную машину буржуазии и сам парламента изнутри...

Работа в парламентах, которая сводится, главным образом, к революционной агитации с парламентской трибуны, к разоблачению противников, к идейному сплочению масс, которые, особенно в отсталых областях, взирают на парламентскую трибуну, преисполненные демократических иллюзий, — эта работа должна целиком быть подчинена целям и задачам массовой борьбы вне парламента».

Второй: «Коммунистические партии должны отказаться от старой социал-демократической привычки проводить в депутаты исключительно так называемых «опытных» парламентариев, главным образом, адвокатов и т. п. По правилу необходимо выдвигать в кандидаты *рабочих*, не смущаясь тем, что это иногда будут рядовые члены партии без большого парламентского опыта. Коммунистическая партия должна беспощадно преследовать те карьеристские элементы, которые примазываются к коммунистическим партиям с целью пройти в парламента. Центральные Комитеты коммунистических партий должны санкционировать кандидатуры только тех людей, которые долготейшей работой доказали свою безусловную преданность рабочему классу»¹.

Сталин, обобщив опыт парламентской деятельности социал-демократии, формулирует политическое заключение, актуальность которого в наши дни не только сохраняется, но и возрастает. Октябрьская революция разоблачила ложь социал-демократов о том, что возможен теперь мирный переход к социализму, через буржуазный парламентаризм. Российский опыт последних 25 лет не даёт никакой самой мизерной нановеличины, чтобы сомневаться в этом сталинском выводе.

¹ Коммунистические партии и парламентаризм. Резолюция II конгресса Коммунистического Интернационала // Ленин В.И. Сочинения. Издание третье. Т. XXV. С. 582, 584.

Сегодня у нас есть все основания сказать: важнейшим фактором, который обусловил международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, было её первопроектирование. В ряду революций она была первой, которая не сменила одну форму эксплуатации человека человеком на другую, а ликвидировала её совсем. Октябрьскую революцию миновало привычное прежде противоречие между движущими силами революции и тем немногочисленным классом, который смог воспользоваться плодами народного движения.

О международном значении Великого Октября свидетельствует уже то, что в ходе революции и под её влиянием после её победоносного завершения стал понятным и близким не только партийцам, но и всем советским людям чеканный лозунг Маркса и Энгельса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Его эстафетой приняли русские большевики, подтверждая делами его жизненность и истинность. Сегодня наша очередь взметнуть его над борьбой рабочего класса и его стратегических союзников за социализм.

Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции состоит не только в том, что её черты, черты социалистического созидания в эпоху советского социализма, имеют международное значение. Запущенное Великим Октябрем развитие нашей Родины и сегодняшняя борьба российских коммунистов неизменно вбирает в себя деятельность многообразный и противоречивый опыт международного коммунистического движения и входящих в него отдельных отрядов.

ОЧЕРК ПЯТЫЙ

СТАЛИНСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.И. Ленин и И.В. Сталин подчёркивали: Великая Октябрьская социалистическая революция — явление мирового, а не только российского значения. Минувший век подтвердил этот вывод. Революция, 100-летие которой мы недавно отмечали, феномен многогранный. Некоторые из её граней настолько значимы, что либо сохраняют и сейчас свою политическую актуальность, либо мощно заявят о себе в будущем. Постоянно

возрастающий интерес к событию, произошедшему век назад, менее всего имеет академический характер. Этот интерес значительно усиливается тем, что Россия более 25 лет живёт в условиях, когда основные противоречия, настойчиво требующие разрешения, в основе своей те же, что и в 1917 году. Причём они не только воскресли, но и существенно осложнились.

В клубке противоречий

Возьмём главное противоречие, которое прежде всего было в центре внимания большевистской партии и В.И. Ленина. Октябрьская пролетарская революция разрешила *противоречие между трудом и капиталом*. Его коренное обострение *в наше время* связано прежде всего с реставрацией капитализма, с тем, что правящим классом являются не просто олигархи, а нувориши, скоробогатые. Их специфика: они не сами проросли из капиталистической почвы, их капитал – не следствие многолетнего накопления прибыли. Они навязаны обществу августовскими узурпаторами государственной власти.

Однако данная особенность не отменяет ключевого марксистско-ленинского положения: это *основное противоречие современного этапа развития России может быть успешно разрешено, как и век назад, только в ходе классовой борьбы*. Потому-то наши современники и считают, что в сегодняшней России самым большим дефицитом является социальная справедливость, важнейший признак межклассовых отношений. По данным Института социологии РАН, уже в течение последних 15 лет на это стабильно указывают 60% россиян.

Другая грань противоречия между трудом и капиталом – *имущественная поляризация*. Сегодня по официальным данным государственной статистики абсолютное обнищание трудящихся (именно трудящихся!) приобрело бóльшие масштабы, чем не только в предреволюционном 1916-м, но и в предвоенном 1913 году. После победы буржуазной контрреволюции в 1991–1993 годах постоянно обостряются рабочий и крестьянский вопросы, на что уже достаточно подробно указывалось выше.

Как и век назад, в стране приобретают остроту межнациональные отношения. На мартовском пленуме ЦК КПРФ 2017 года Г.А. Зюганов обратил внимание на возросшую опасность русофобии. Но она соседствует с проявлениями русского национализма. А мы в последние десятилетия редко подчёркиваем, что являемся

партией пролетарского интернационализма. А ведь VII (мартовский 2015 года) пленум ЦК КПРФ указал, что лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» сохраняется одним из главных наших лозунгов. Но, кроме как на страницах «Правды» (а она его вернула много лет назад), его и после того пленума трудно где-либо встретить.

Острота межрегиональных противоречий сегодня в РФ острее, чем 100 лет назад. Да, обе столицы и тогда серьёзно отличались от провинции, но тогда они были носителями революционного прогресса. Эту сторону политического процесса в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую убедительно раскрыл Сталин в заключительном слове по Отчётному докладу ЦК VI съезду РСДРП(б):

«Упрёк, что ЦК фактически превратился в Петроградский комитет, справедлив отчасти. Это так. Но здесь, в Петрограде, куётся политика России. Здесь руководящие силы революции. Провинция реагирует на то, что делается в Петрограде. Это объясняется, наконец, тем, что здесь Временное правительство, которое сосредоточивает в своих руках всю власть, здесь ЦИК, как голос всей организованной революционной демократии»¹.

А сегодняшние обе столицы представляют собой центры всевластия частной собственности и тесно связанной с ним социальной несправедливости, либеральной реакции. Посмотрите, как Россия отреагировала на так называемую реновацию, иначе говоря на инициативу сноса в Москве пятиэтажек: «Они там с жиру бесятся».

Но в условиях реставрации капитализма обострились противоречия не только между столицами и провинцией, но и между остальными регионами. Идёт стабильный процесс сокращения регионов-доноров. Большая часть России сегодня ходит в финансовых реципиентах, то есть с протянутой рукой у Кремля и «Белого дома» на Краснопресненской набережной.

Чрезвычайную остроту приобрело абсолютное *социальное обнищание* россиян, то есть обнищание в сфере их социально-культурного бытия. Перед Великой Октябрьской социалистической революцией оно было следствием предшествующего развития России: из крепостного права, из положения о «кухаркиных детях» и других подобных норм самодержавного царизма страна вступила в XX век культурно оскопленной: 72% её граждан не умели читать и писать, и в помине не было гарантированного медицинского обслуживания

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 168–169.

ния и какого-либо пенсионного обеспечения лиц недворянского сословия.

В сегодняшнюю Россию признаки регресса принесла реставрация капитализма, установившая своё господство всего четверть века назад. Она привела к снижению планки образования от полного среднего до так называемого основного, то есть неполного среднего. Из далёких времён вернулись совсем неграмотные призывники. Для более чем 60% студентов высшее образование стало платным, и их доля из года в год растёт. Резко сокращается медицинское обслуживание населения. Ликвидированы тысячи фельдшерско-акушерских пунктов, больниц и поликлиник. Сократился доступ малообеспеченных групп населения к духовной культуре, к культурным ценностям.

Из общества истинной свободы совести, гарантировавшего право на исповедование не только любых религиозных воззрений, но и атеистических взглядов, Россия в последние годы стала превращаться в клерикальное общество и государство. В значительной степени осуществлена реституция церковного и монастырского имущества. Церковь стремится навязать своё влияние в дела школы, в том числе высшей. РПЦ пытается прибрать к рукам никогда не принадлежавшие ей объекты духовной культуры (например, Исаакиевский музей-собор). Её иерархи пытаются диктовать политические нормы российского жизнеустройства, превращаясь в оплот антисоветизма.

В общем, *в 2019 году клубок противоречий даже больше, чем в 1917-м.* Это позволяет говорить о повторяемости *предреволюционной (ещё не революционной) ситуации.*

Такие разные двоевластия

Но нам надо видеть как повторяемость, так и отличия современной России от той, в которой победно произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. Причём в этих сопоставлениях *необходимо учитывать не только объективные условия, но и субъективный фактор*, и делать отсюда выводы об узких местах в работе нашей партии, последовательно опираясь на марксистско-ленинскую методологию.

100 лет назад российская буржуазия была политически слабой. Для решения своих задач она была вынуждена привлекать пролетариат настолько значительно, что революция с первых дней не укладывалась в буржуазные рамки. И утверждение о неучастии больше-

виков в ней — это лукавство, как и утверждение о том, будто она началась со стихийного «бабьего бунта» в очереди за продуктами. «Правда» уже в № 1, вышедшем через неделю после Февральской революции (газета была закрыта царским правительством 8 июля 1914 года), почти целую страницу уделила перечислению забастовок, охвативших Петроград почти за месяц до отречения Николая II.

Февральская революция с первого дня была буржуазно-демократической. Коренными признаками её такого характера являются, во-первых, *авангардная роль в ней рабочего класса*, во-вторых, *создание Совета рабочих и солдатских депутатов* и установление *двоевластия* (буржуазия оказалась изначально так слаба, что не сумела установить лишь свою власть); в-третьих, вооружение народа, которое объяснялось не только тем, что в революции участвовали многие тысячи солдат, но и практически легальным функционированием вооружённых отрядов у политических партий.

По ходу революции изменялась роль левых (социалистических) партий и в Советах, и во Временном правительстве: по мере её развёртывания входившие в оба органа власти социалистические партии меньшевиков и эсеров трансформировались в контрреволюционную силу, а революционность большевиков, наоборот, возрастала.

А теперь сравним тот исторический процесс с контрреволюцией, начавшейся в августе 1991 года. При внимательном осмыслении событий 1990-х годов мы обнаруживаем, что в течение почти всего этого десятилетия политическую ситуацию в стране можно охарактеризовать как... период двоевластия, которое проявлялось неравномерно — то бурно давая о себе знать, то переходя в стадию относительного затишья. Поскольку в основе каждого этапа яркого проявления двоевластия лежали разные противоречия, то, вероятно, есть смысл говорить не о длительном периоде двоевластия, а о нескольких относительно самостоятельных проявлениях двоевластия после августовского переворота 1991 года.

После ельцинского государственного переворота у буржуазных узурпаторов вскоре обнаружилось противоречие между субъектами контрреволюции. На одном полюсе оказались структуры исполнительной власти, ориентировавшиеся на всевластие крупного капитала. Центром кремлёвской группировки выступал президент РФ Б.Н. Ельцин. Другим полюсом оказался мелкобуржуазный Съезд народных депутатов и Верховный Совет Российской Федерации. Естественно, что суть этого противоречия наиболее ярко проявилась в понимании характера отношений собственности. Сконцен-

трировавшиеся прежде всего в структурах представительной власти мелкобуржуазные политики, как и в 1917 году, тяготели к адептам крупного капитала. Отражением этого единства стало их совместное решение о приватизации. Но когда дело дошло до выбора способов её проведения, то различия классовых интересов проявились весьма ярко.

Мелкая буржуазия ратовала за свой извечный принцип «забрать и поделить» и, следуя ему, узаконила приватизацию общенародного достояния через *именные* ваучеры. Так она надеялась превратить каждого гражданина РФ в частного собственника. У кремлёвских обитателей задача была куда более радикальной. Её точно сформулировал А. Чубайс: «создать класс стратегических собственников». Но для этого именные ваучеры не годились: они растягивали процесс становления российского капитализма на слишком продолжительный период. При именных ваучерах крупный капитал (класс «стратегических собственников») мог сформироваться только в результате многолетней конкуренции.

В этой борьбе двух сценариев формирования капитализма мелкобуржуазные политики были обречены на неудачу. Во-первых, они решительно не хотели опираться на рабочий класс и колхозное крестьянство, так как ставили своей целью, как и приверженцы крупного капитала, разрушение социализма. Их опорой выступала не мелкая буржуазия, которой как класса в обществе ещё не было, а носители мелкобуржуазного сознания из разных социальных слоёв, то есть мелкобуржуазная стихия, опора нестабильная и аморфная.

Во-вторых, у адептов крупного капитала был мощный союзник — международный капитал. Для него класс «стратегических собственников» был гарантией, что Россия не вернётся в социализм. Акулы мирового капитализма справедливо рассчитывали, что «стратегические собственники» гарантированно сформируют компрадорский капитализм. Для этого они были готовы предоставить крупнейшим российским нуворишам ниши на мировом рынке, где сохранялся спрос на топливно-энергетические ресурсы, на рудные природные ископаемые, на лес и на продукцию «второго передела», связанную с экологически грязными производствами (химическая промышленность, в частности — минеральные удобрения, чёрная и цветная металлургия).

В-третьих, Кремль с подачи заокеанских советников, создал надёжные предпосылки, во-первых, для приватизации с помощью анонимных ваучеров, во-вторых, для господства в России компра-

дорского капитала. Этой предпосылкой была «шоковая терапия», включавшая обесценивание вкладов населения и нехватку оборотных средств (она вела к хронической задержке с выплатой заработной платы). Массовое безденежье населения превращало его в сторонников анонимных ваучеров, которые можно сразу продавать. А крайне низкая платёжеспособность соотечественников означала ускоренное разрушение производств, ориентированных на внутренний рынок. В результате «стратегические собственники» могли существовать только как представители компрадорского капитала. А когда торговля и пищевая промышленность начали обретать опору, их быстро подчинили себе олигархи-компраторы и западные инвесторы. Что касается среднего капитала, то он тоже оказался периферией их капиталов.

Но чем агрессивнее шло формирование «класса стратегических собственников», тем сильнее пыталась сопротивляться мелкобуржуазная представительная власть. В результате сложившийся в ходе контрреволюции союз всех буржуазных сил распался. Противостояние мелкобуржуазных политических сил и политиков-компраторов привело к двоевластию, которое закончилось октябрьским переворотом, осуществлённым сторонниками крупного капитала.

Октябрьские события 1993 года показали готовность трудящихся к сопротивлению власти капитала. Но в отличие от 1917 года в обществе не оказалось авангарда, способного направить эту готовность в революционное русло.

Однако после трагедии 3–4 октября 1993 года в России снова установилось *неустойчивое равновесие в политике*. На парламентских выборах в 1995 и 1999 годах КПРФ занимала первое место. Это был второй этап двоевластия в 1990-е годы. Об остроте ситуации свидетельствует уже то, что президент Ельцин был готов снова разогнать Государственную думу и повторить октябрьскую трагедию 1993 года. И только негативное отношение силовиков к предложенному сценарию помешало реализации ельцинских планов. Что касается пассивного поведения левых сил в парламенте, то причина всё та же: большевистская наступательность к этому времени была утрачена.

Следующий этап двоевластия наступил после дефолта 1998 года, когда Ельцин был вынужден отдать мандат на формирование правительства Примакову – Маслюкову – Геращенко, сформировавшим буржуазно-демократический кабинет. Опыт его работы высоко оценивает Г.А. Зюганов. Парламентская активность левых сил во главе с КПРФ в новой ситуации существенно возросла. По их инициати-

ве в Госдуме в 1999 году голосовался импичмент президенту Ельцину, в котором за отстранение его от власти по каждому из 5 вопросов проголосовало более половины списочного состава депутатов, и т.п.¹ Но левые силы во главе с КПРФ и поддерживавшие их трудящиеся не смогли воспользоваться относительно благоприятными условиями.

Если ситуация не изменится, то, как предупреждал В.И. Ленин, общество начнёт гнить, и гниение может продолжаться десятилетия².

О многоугольнике и полюсах социальных сил

Теперь посмотрим расклад социальных сил и закономерную логику их переформирования.

К Февральской революции Россия подошла, когда в ней действовали четыре основные социальные силы. Во-первых, союз обуржуазившегося класса землевладельцев и приспособившейся к монархии крупной буржуазии (в IV Государственной думе политическим выразителем этой унии был правооктябристский блок, а желаемым политическим устройством — ограниченная, парламентская монархия). Во-вторых, либеральная буржуазия компрадорского, олигархического типа. В политических процессах она была представлена блоком «левых» октябристов и кадетов. Третьей силой была мелкая буржуазия, среди которой доминировало крестьянство, представленное эсерами. Но в политике заметную роль играла городская мелкая буржуазия и интеллигенты-разночинцы, связь которых с мелкой буржуазией была традиционной: она проявлялась и в борьбе с крепостным правом, и в критическом отношении к монархии в пореформенную пору. Политические интересы этих социальных сил представляли меньшевики. Четвёртой силой выступал пролетариат во главе с большевистской партией.

Но уже первое Временное правительство показало, что оба фланга эксплуататорского класса легко блокировались. Не случайно

¹ См.: Сборник документов и материалов Специальной комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинения, выдвинутого против Президента Российской Федерации, и их рассмотрения Государственной Думой 13–15 мая 1999 года // М.: Издание Государственной Думы. 1999. С. 917–948

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С.367

весной 1917 года этот кабинет «Правда» часто называла «правительством кн. Львова — Гучкова».

Силы трудящихся классов тоже пытались объединиться, что нашло выражение в образовании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, создание которого было инициировано рабочим классом. Но здесь сразу же проявилась непоследовательность мелкой буржуазии. Верхушка социалистических (мелкобуржуазных) партий постоянно тянулась к буржуазному Временному правительству: сначала кн. Львова — Гучкова — Милюкова, а потом — к кабинету Керенского — Терещенко — Коновалова.

Показательно, что вошедшие во Временное правительство мелкобуржуазные социалисты усердно проводили курс крупной буржуазии, что прежде всего выразилось в готовности вести войну до конца. Некоторые аналитики сейчас объясняют такую позицию экономической зависимостью России от Запада. Такая зависимость, конечно, была. Но Дарданельским все же называли, скажем, не французского премьера Клемансо, а русского кадета Милюкова.

Уже в июле 1917 года четырёхугольная конструкция политических сил России «сплющилась», переформатировавшись в два полюса: буржуазии и пролетариата. При этом мелкая буржуазия утратила свою самостоятельную роль. Правые эсеры и меньшевики-«оборонцы» плотно прильнули к буржуазии (потом вместе с нею воевали против Советской власти в Белой армии), а левые эсеры и меньшевики-интернационалисты (в частности, «межрайонцы») пошли вместе с большевиками против эксплуататоров.

В этом процессе хотелось бы обратить внимание на неизбежность превращения «многоугольника» политических сил при обострении политической борьбы в двухполюсную комбинацию. Именно такая политическая трансформация завершилась в России в июле 1917 года. Её природу и политические последствия первым раскрыл на страницах газеты «Правды» И.В. Сталин (В.И. Ленин в это время был вынужден уйти в подполье), который писал:

«Повторяю, дело тут не в людях...

Вопрос ведь стоял так:

Либо продолжение войны... Либо передача власти в руки революционного класса, разрыв финансовых пут союзного капитала, связывающих Россию по рукам и ногам, объявление условий мира, упорядочение расстроенного народного хозяйства за счёт барышей помещиков и капиталистов... Иначе говоря: либо революция, либо контрреволюция.

Меньшевики и эсеры отказались от революционного пути, значит, они неизбежно должны были подпасть под власть кадетов, под власть контрреволюции»¹.

Сталинский вывод о неизбежности превращения «политических многоугольников» в два противостоящих друг другу полюса революции и контрреволюции полностью сохраняет свою актуальность в наши дни.

В подтверждение этого вывода приведём куда более близкий нам по времени пример Украины. Там тоже были две группы капиталистов: псевдогосударственники, которых олицетворял В. Янукович, и западники, ориентировавшиеся на Евросоюз, олицетворением которых после отстранения Януковича считались В. Порошенко и И. Коломойский. Кроме двух групп капиталистов в политических процессах в той или мере участвовали также мелкая буржуазия и рабочий класс. Однако в начале 2014 года этот «многоугольник» тоже трансформировался в два противоборствующих полюса.

Только в отличие от России 1917 года на Украине 2014-го политическими полюсами оказались не труд и капитал, а два капиталистических фланга. Мелкая буржуазия быстро примкнула к капиталистическим силам, а рабочий класс оказался перед выбором. Поскольку КПУ не сумела помочь ему сформироваться в качестве центра политического притяжения, полюса классовой борьбы, то и класс, и сама партия были частично втянутыми в противостояние двух капиталистических флангов на стороне одного из них («государственника» Януковича).

А теперь сравним результаты. Коренное отличие большевиков-ленинцев от меньшевиков, пошедших на соглашательство с буржуазией вплоть до вхождения придатком в её Временное правительство, состоит в том, что они своим курсом открывали путь, создавали возможность победы рабочего класса и его стратегических союзников, тогда как меньшевики своей политикой социал-соглашательства начисто исключали такую возможность.

На Украине 2014 года КПУ при несомненной политической честности и верности коммунистической идее её руководства во главе с П.Н. Симоненко лишилась возможности в тех условиях бороться за власть рабочего класса.

Эти два урока надо не просто осознать, а каждодневно учитывать в деятельности КПРФ. Любые попытки ходить в пристяжных

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 134, 135.

у капиталистического Кремля (а он после августа 1991 года как во внутренней, так и во внешней политике служит компрадорскому капиталу, потворствуя ему всей мощью буржуазного государства) неизбежно ведут только к поражению как рабочего класса, так и его партии в противостоянии с всевластием частной собственности.

Но надо также понимать, что обязательным условием самой возможности самостоятельной линии Коммунистической партии является доминирование в её рядах рабочего класса. Эта тема в сталинском творчестве присутствовала неизменно в качестве центральной. Наиболее выпукло она была выражена в его известных работах, посвящённых ленинизму. В вышедшей в 1926 году работе «Об основах ленинизма» Сталин ставил вопрос: «Где та центральная организация, которая не только способна, ввиду наличия необходимого опыта выработать эту общую линию, но имеет ещё возможность, ввиду наличия достаточного для этого авторитета, побудить все эти организации провести в жизнь эту линию для того, чтобы добиться единства в руководстве и исключить возможность перебоев?» И тут же отвечал:

«Такой организацией является партия пролетариата.

Партия имеет для этого все данные, потому, во-первых, что партия есть сборный пункт всех лучших элементов рабочего класса, имеющих прямые связи с беспартийными организациями пролетариата и очень часто руководящих ими; потому, во-вторых, что партия, как сборный пункт лучших людей рабочего класса, является лучшей школой выработки лидеров рабочего класса, способных руководить всеми формами организации своего класса; потому, в-третьих, что партия, как лучшая школа лидеров рабочего класса, является по своему опыту и авторитету единственной организацией, способной централизовать руководство борьбой пролетариата и превратить, таким образом, все и всякие организации рабочего класса в обслуживающие органы и приводные ремни, соединяющие её с классом.

Партия есть высшая форма классовой организации пролетариата»¹.

В вышедшей через два года работе «К вопросам ленинизма» Сталин снова возвращается к анализу взаимосвязи партии и рабочего класса. Перечисляя организации рабочего класса, он особое внимание уделяет пролетарской, коммунистической партии:

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 178–179.

«Это, наконец, *партия* пролетариата, его авангард. Её сила заключается в том, что она вбирает в себя всех лучших людей пролетариата из всех его массовых организаций. Её назначение состоит в том, чтобы объединить работу всех без исключения массовых организаций пролетариата и направить их действия к одной цели, к цели освобождения пролетариата. А объединять и направлять их по линии одной цели абсолютно необходимо, ибо без этого невозможно единство борьбы пролетариата, ибо без этого невозможно руководство пролетарскими массами в их борьбе за власть, в их борьбе за строительство социализма. Но объединять и направлять работу массовых организаций пролетариата способен лишь авангард пролетариата, его партия»¹.

К сожалению, нам до сих пор не удалось преодолеть рецидивы хрущёвско-горбачёвского отношения к рабочему классу. В результате, как докладывала на XV партсъезде мандатная комиссия, в рядах КПРФ 6 лет назад доля рабочих составляла 12%, а четыре года спустя в Отчётном докладе ЦК XVII съезду КПРФ (2017 год) сообщалось, что их доля в партии – 14%.

Сейчас позарез необходимо вернуться к решениям VI (октябрьского 2014 года) пленума ЦК КПРФ о деятельности партии в рабочей среде и приступить к их повседневному исполнению. От результатов этой работы будет зависеть судьба и нашей партии, и рабочего класса.

Передел мира как глобальная доминанта

Поведение правящего класса России сейчас свидетельствует о том, что он не видит своих перспектив. Это проявляется в бегстве капиталов, в психологии временщиков при решении как текущих, так и стратегических вопросов, присущей как «либералам», так и «государственникам» от капитала. В целом они не предпринимают стратегических усилий для освоения России на буржуазной основе. Этому способствует и компрадорский характер крупного российского капитала, независимо от того, «либеральной» или «путинской» он направленности.

Российский капитал сегодня расколот. За командные высоты борются представители олигархов ельцинского помета, теряющие позиции (они выступают под маской либералов), и олигархи путин-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 34.

ской популяции, являющиеся «государственниками» в том смысле, что используют возглавляемое В.В. Путиным государство при переделе собственности в своих интересах.

Объективно компрадорство российского капитала делает его заинтересованным в процветании западных рынков и безразличным к российскому «национальному» рынку. В стране из-за крайне низкой платёжеспособности населения отсутствует база для «национального» капитала. (Заметим: речь идёт о характере капитала, а не о политических позициях отдельных капиталистов)

В ближайшие годы, как и в конце второго десятилетия прошлого века, мировой капитал может оказаться сосредоточенным на своих внутренних проблемах. Дело в том, что мирный период развития капитала, начавшийся с его победы над мировой социалистической системой на рубеже 1980—1990-х годов, закончился, мировой капитал вновь вступил в немирный период, в процессе которого предстоит новый передел собственности глобального масштаба. Поэтому может случиться, что ему будет столь же «не до России», как и столетие назад. На значение этого фактора для победы Великой Октябрьской социалистической революции обращали внимание в своих трудах как В.И. Ленин, так и И.В. Сталин.

Откроем доклад Сталина «Три года пролетарской диктатуры», с которым он выступал в Бакинском Совете по случаю годовщины Октябрьской революции. Там он прямо говорил о первом послереволюционном периоде: «Если тогда Советская Россия всё же сохранилась как государство, то только потому, что империалисты Запада были заняты серьёзной борьбой между собой. К тому же к эксперименту большевиков они относились иронически: они рассчитывали, что большевики умрут своей собственной смертью»¹.

По своему классовому составу современная Российская армия (как и полиция) является, как и 100 лет назад, рабоче-крестьянской. Но, в отличие от 1917 года, в ней незаметно протестных настроений. Второе серьёзное отличие: слабое влияние в ней коммунистов.

Обратимся теперь к международному аспекту противостояния труда и капитала. Ситуация осложняется тем, что международное коммунистическое движение сейчас не свободно от оппортунизма. В деятельности ряда компартий заметно проявляются черты социал-соглашательства из-за склонности отдавать приоритет парламент-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 384.

ским формам борьбы, склонности, доходящей, как писал К. Маркс, до «парламентского кретинизма». Анализ нескольких международных «круглых столов», проходивших по инициативе Международного отдела ЦК КПРФ в Москве, даёт основание допускать, что революционная составляющая международного коммунистического движения далека от своих пиковых уровней, характерных в периоды всплесков общего кризиса капитализма и подъёма мирового антикапиталистического движения.

Приходится также признать, что мировое рабочее движение, как и век назад, расколото. Между социал-демократами и коммунистами политических и идеологических точек соприкосновения практически не осталось.

Государство реставрации капитализма

Главным институтом, обеспечивающим господство всевластия частной собственности и буржуазного жизнеустройства в России, сегодня является *государство реставрации капитализма*. Его роль в навязывании капитализма заметно выше, чем век назад: влиятельного революционного противовеса в политической жизни у него сегодня, к сожалению, нет. Наоборот, в левой оппозиции сильна приверженность к казённому, государственному патриотизму. В этом отношении мы куда слабее возглавляемых В.И. Лениным большевиков 1917 года.

Столетие назад, выступая с лекцией в Свердловском университете, В.И. Ленин отмечал, что «вопрос о государстве есть один из самых сложных, трудных и едва ли не более всего запутанных буржуазными учёными, писателями и философами»¹. Действительно, как только наступают переломные времена, так идеологи буржуазии, приняв вид честнейших и добросовестных исследователей, начинают не только ревизию марксистско-ленинской теории государства, но и приступают к вытаскиванию из пронафталиненных сундуков обветшалой теоретической одежки теории вроде «общественного договора», дюринговской теории происхождения государства в результате насилия или наукообразных уговоров о том, будто государство у восточных славян появилось задолго до классового деления общества... Логика рассуждений разная, но смысл один: оторвать государство от классовой борьбы.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.39. С. 64.

В докладе «Три года пролетарской диктатуры», с которым Сталин выступал на торжественном заседании Бакинского Совета 6 ноября 1920 года, он не просто продемонстрировал связь государства с классовой борьбой, но и обрисовал процесс создания Советского рабоче-крестьянского государства в условиях острой классовой борьбы. Характеризуя первый период диктатуры пролетариата, он пояснял:

«С точки зрения внутреннего положения этот период можно охарактеризовать как период разрушения старого мира в России, как период разрушения всего аппарата старой буржуазной власти...

Первый и самый главный аппарат буржуазного государства, старая армия и её генералитет, были сданы на слом. Это обошлось дорого. В результате этого слома нам пришлось временно остаться без всякой армии и подписать Брестский мир. Но другого выхода не было, никакого другого пути для освобождения пролетариата история нам не давала.

Далее был разрушен, сдан на слом, другой столь же важный в руках буржуазии аппарат — аппарат чиновничий, аппарат буржуазной администрации.

В области хозяйственного управления страной наиболее характерное — это изъятие из рук буржуазии основного нерва хозяйственной жизни буржуазии — банков. Банки были изъяты из рук буржуазии, и последняя была оставлена, так сказать, без души. В дальнейшем идёт работа по слому старых аппаратов хозяйственной жизни и экспроприация буржуазии — отобрание у неё фабрик и заводов и передача их в руки рабочего класса. Наконец, слом старых аппаратов продовольствия и попытка построить новые, могущие собрать хлеб и распределить его среди населения. В заключение — ликвидация Учредилки. Вот все те, приблизительно, меры, которые Советская Россия вынуждена была провести в этот период в целях разрушения буржуазного государственного аппарата»¹.

Приведённый фрагмент — это не столько эмпирическая характеристика мер, осуществлённых Советской властью в ходе установления собственной государственности, это скорее краткий теоретический анализ последовательности действий при закономерном слома старого, буржуазного государства и строительстве нового, пролетарского. У Сталина нет восторга по поводу такой тотальной ломки, но налицо указание на её неизбежность и закономерность. Методоло-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 384–385.

гическое значение этого фрагмента именно в том, что в нём Иосиф Виссарионович указывал последовательность ломки старого государства, которую предстоит осуществлять после ликвидации режима реставрации социализма и возвращения к советовластию.

Между тем наивысшую роль, наибольшее проявление своей сущности государство демонстрирует в исторические моменты обострения классовой борьбы, когда вопрос о том, интересы какого класса будет защищать государство, становится ключевым. Вспомним, например, историю выдвижения и снятия большевиками лозунга «Вся власть Советам!» Отношение к нему зависело только от того, были ли условия замены государства буржуазии на государство рабочего класса.

Примечательно: в 1917 году и корниловский мятеж, и Октябрьское вооружённое восстание одинаково убеждали, что в России была возможна только либо диктатура крупной буржуазии, либо диктатура пролетариата. И дело не столько в том, что эти классы занимали наиболее решительные и радикальные позиции, сколько в том, что это — основные классы капиталистической формации. Мелкая буржуазия хоть деревни, хоть города была не способна сформировать своего государства, установить диктатуру своего класса, потому что это всё равно была бы диктатура, ведущая к всевластию буржуазии.

Глубокое отступление советского социализма, сдача марксистско-ленинских позиций руководством Компартии в 1991 году привели к реанимации меньшевистских рассуждений, будто Великая Октябрьская социалистическая революция была преждевременной, так как производительные силы ещё не требовали-де социалистических производственных отношений. Так ли это?

Меньшевики оценивали производительные силы только по их материально-технической базе, но, как известно, главной производительной силой является рабочая сила, то есть пролетариат (крестьянство было главной производительной силой при феодализме). Но пролетариат в массе своей выступил за власть Советов, то есть за государство, выражающее интересы трудящихся классов. Этот факт не оспаривают даже современные либерально-буржуазные историки.

Что касается материально-технической базы России первой четверти XX века, то её основу составляли машинные средства труда. Машинная же материально-техническая база в состоянии обслуживать как капиталистические производственные отношения, так и производственные отношения строительства социализма. Социа-

листическая индустриализация, которую исторически должна была осуществить ещё капиталистическая система, в СССР реализовывалась сугубо социалистическими средствами. И друзья, и враги рассматривали этот процесс как специфически социалистическое развитие общества, хотя Советская власть доделывала то, чего не сумел и не умел сделать российский капитализм.

Таким образом, Великая Октябрьская социалистическая революция не была «преждевременной» и не нарушала постулаты материалистического понимания истории. Единственной платой за то, что она победила в стране среднеразвитого, а не высокоразвитого капитализма, было удлинение переходного периода от капитализма к социализму.

Осмысление переходного периода от капитализма к социализму представляется сегодня чрезвычайно важным, так как с этим этапом исторического развития тесно связана реставрация капитализма в СССР и европейских странах, входивших в социалистическую систему государств. К. Маркс в «Критике Готской программы» впервые поставил вопрос о стадийности посткапиталистического развития общества. Особенно важно его положение об исторической неизбежности межформационного переходного периода. При этом чаще всего подчёркивается его указание, что этому переходному периоду соответствует государство диктатуры пролетариата¹. Но Маркс при характеристике переходного периода не ограничивается указанием на характер политической надстройки. Он обращает не меньшее внимание экономическому базису общества.

Ещё в «Предисловии к “К критике политической экономии”» Маркс подчёркивал, что «ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все экономические силы, для которых она даёт достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созревают материальные условия их существования в недрах самого старого общества»². Этот закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил был сформулирован родоначальником научного коммунизма в 1859 году на основе прежде всего опыта буржуазных революций в Европе. Но уже на этом этапе разработки формационного учения Маркс отвергал догматический подход к сформулированному им основному эко-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 27.

² Там же. Т. 13. С. 7.

номическому закону общественного развития. Он писал, что «эпоха социальной революции» наступает тогда, когда производственные отношения «из форм развития производительных сил... превращаются в их оковы»¹.

Но социалистические производственные отношения не могут возникнуть в рамках капитализма, поэтому в «Критике Готской программы» Маркс приходит к выводу о невозможности «перескочить» из капитализма в социализм без переходного периода. Капитализм создаёт такие производительные силы, для которых буржуазные производственные отношения становятся узкими. Следовательно, возможен взлом капитализма социалистической революцией. Но при этом производительные силы общества переходного периода таковы, что формой их существования могут быть как капиталистические, так и социалистические (сориентированные на построение социализма) производственные отношения.

К тому же, несмотря на социально-экономический прогресс, достигнутый в результате социалистической революции, в обществе, как писал К. Маркс, *сохраняются «родимые пятна капитализма»² во всей системе общественных отношений.* Он подчёркивал: «Мы имеем здесь дело... не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, носит ещё отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло».³

В.И. Ленин в «Государстве и революции» к этому добавлял: «Отсюда такое интересное явление, как сохранение «узкого горизонта *буржуазного права*» — при коммунизме в его первой фазе. Буржуазное право по отношению к распределению продуктов *потребления* предполагает, конечно, неизбежно и *буржуазное государство*, ибо право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права»⁴.

Эти положения классиков марксизма-ленинизма позволяют сделать вывод, что именно в переходный период существует вероятность реставрации капитализма, так как сохраняется объективная возможность расширения буржуазных элементов государства.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.

² Там же. Т. 19. С. 18.

³ Там же.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 98–99.

Но в действительность такая возможность превращается только при наличии субъективного фактора. В речи «О правом уклоне» в ВКП(б)» на апрельском пленуме ЦК и ЦКК партии (1929 год) Сталин указал на природу сохранившейся угрозы капиталистических реставраций: «Не бывало в истории ещё таких случаев, чтобы умирающие классы добровольно уходили со сцены. Не бывало в истории ещё таких случаев, чтобы умирающая буржуазия не испробовала всех остатков своих сил для того, чтобы отстоять своё существование... Вот в чём основа обострения классовой борьбы в нашей стране»¹.

Реставрация капитализма в России, представляющая собой часть переходного периода от капитализма к социализму, не является следствием преждевременности или каких-либо других «изъянов» Великого Октября. Анализ реставраций Стюартов в Англии и Бурбонов во Франции позволяет утверждать, что общим признаком социальных реставраций является то, что они происходили после *пионерных революций*, прорывавших единую цепь господствовавшего феодализма. Великая Октябрьская социалистическая революция была также *пионерной*, потому что первой прорвала мировое господство капитализма.

Однако указанные факторы сами по себе не делают реставрацию отжившей общественно-политической системы неизбежной, тем более они не гарантируют её победу. Каковы дополнительные повторяющиеся факторы, которые способствуют социальным реставрациям после пионерных революций?

Во-первых, всякая революция забегает вперёд. Она берётся за решение задач, которые не имеют достаточной базы. Выдвинутая XXII съездом КПСС по инициативе Н.С. Хрущёва задача развёрнутого строительства коммунизма — вероятно, самое убедительное подтверждение такого «забегания».

Во-вторых, использование тех механизмов решения социально-политических проблем, которые применялись на предыдущих этапах и давали положительный результат. Но в новых условиях они не работают или работают плохо, или, работая, приводят к прямо противоположным результатам. Пример такого опрометчивого использования «заготовок» прежнего опыта — создание по инициативе Н.С. Хрущёва совнархозов вместо отраслевой системы управления народным хозяйством.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 37–38.

В-третьих, переходный период всегда чреват ситуациями, создающими острые политические конфликты. В стремлении избежать их или частично ослабить негативные последствия правящие круги соглашались на установление режима культа личности. Так было с Кромвелем. Так было с Наполеоном, со Сталиным...

В-четвёртых, в переходный период из-за несвоевременного разрешения возникающих неантагонистических противоречий, в частности — из-за многоукладности, сохраняется возможность экономических кризисов, чему способствует пренебрежительное отношение к теоретическому наследию марксизма-ленинизма. Это наиболее ярко проявилось на рубеже 1970—1980-х годов, когда темпы экономического развития СССР резко снизились.

В-пятых, победившая революция совершает заблуждения и ошибки, которые, накапливаясь, могут перейти меру. Так, негативно повлияли на судьбу КПСС ослабление требований при приёме в партию, использование партбилета как пропуска на руководящие должности всех уровней, ослабление борьбы с карьеризмом и бюрократизмом, отказ от критики и самокритики во внутрипартийной жизни, замена отчёта руководителей перед партийными массами отчитыванием подчинённых, а то и самих масс...

В-шестых, ослабление революционных традиций в правящей партии и обществе, деградация политических качеств руководящих деятелей разного уровня и нетребовательность к ним партийных масс...

При этом смена типа государства была ключевым актом как Великой Октябрьской социалистической революции, так и буржуазной контрреволюции в России, которая произошла на заключительной стадии переходного периода от капитализма к социализму в форме контрреволюционного государственного переворота под руководством президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина.

В межформационный переходный период роль политической надстройки, особенно её ядра — государства, чрезвычайно велика, несравнимо выше, чем в условиях полностью победившего способа производства, так как, повторим, сохраняется материально-техническая база, способная «обслуживать» как капиталистическое жизнеустройство, так и строительство социализма, а производственным отношениям присущи черты многоукладности и сохраняется деление общества на классы.

Государство реставрации капитализма с первых дней своей деятельности представляло собой союз «эмбрионального» крупного

капитала, складывавшегося на базе теневой экономики и приватизации общенародного достояния, и новой бюрократии, стимулировавшей развитие капитализма. Эта уния сохранилась до сих пор, с той разницей, что за четверть века крупный капитал занял командные высоты в экономике и политике, а бюрократия не только обслуживает его интересы, но и стремится закрепить всевластие частной собственности. Союз этих двух отрядов правящего класса определил курс государственной политики и этапы её осуществления.

Специфика реставрации капитализма состояла в том, что именно государство формировало механизмы и регулировало процесс ускоренного становления буржуазного общества. Узурпаторы, возглавлявшие в 1990-е годы государственную машину, должны были ускоренно насаждать капиталистическое жизнеустройство, так как *в обществе до конца 1990-х годов сохранялось состояние неустойчивого равновесия* (его признаки выше уже назывались). В течение десятилетия сохранялся шанс при более решительной, наступательной и радикальной политике левых сил во главе с коммунистами прервать процесс реставрации капитализма.

В условиях неустойчивого равновесия российское буржуазное государство своей первостепенной задачей считало формирование «класса стратегических собственников». Для этого оно пошло на экспроприацию трудовых накоплений населения: вклады граждан РФ в Сбербанке были фактически обнулены. Вторым шагом государства, направленным против абсолютного большинства своих граждан, стал отпуск цен, когда годовая инфляция достигала 1400% (!). Одновременно из-за монетаристской государственной политики во всей экономике РФ сложился острейший дефицит оборотных средств.

После таких подготовительных шагов, осуществлённых фактически в течение одного года, государство по анонимным чекам начало приватизацию национального достояния. С одной стороны, на торги были выставлены за бесценок почти все государствообразующие предприятия. В 500 объектов, подлежащих приватизации на стартовом этапе, вошли Единая энергетическая система, Норильский никель, Уралмаш и ряд других научно-производственных объединений, занятых производством средств производства, Магнитогорский, Кузнецкий, Верх-Исетский и другие ведущие металлургические комбинаты и заводы, Челябинский электрометаллургический, Серовский и Ключевской ферросплавные заводы, предприятия нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей, хими-

ческой, станкостроительной, инструментальной, часовой отраслей, шахты и рудники... — *всё, что имело для народного хозяйства стратегическое значение.*

С другой стороны, расчёты, проведённые по горячим следам, показывали, что *объявленная приватизационная цена каждого из этих предприятий равнялась 2–3-месячной зарплате их работников.* Но государство осуществило комплекс профилактических мер, чтобы у абсолютного большинства трудящихся не было денег. О том, что это была целенаправленная политика государства, свидетельствует установление правительством в 1992 году прожиточного минимума, который официально определялся как физиологический, то есть гарантирующий только от голодной смерти. *Впервые в XX веке в мирное время (!) в России имело место (и сохраняется поныне) массовое абсолютное обнищание трудящихся.* В такой ситуации в приватизации мог участвовать лишь тончайший слой населения.

Государство реставрации капитализма в течение 2–3 лет решило задачу формирования «класса стратегических собственников». Но на этом не остановилось. До сих пор государство применяет методы геноцида населения, использовавшиеся в период насильственного насаждения им капитализма.

Фактически обвинение государству и олицетворявшему его президенту в геноциде было предъявлено в 1999 году в пятом пункте импичмента в Государственной думе, его поддержало 237 депутатов, то есть 52,67% состава депутатского корпуса, тогда как решилось проголосовать против только 89 депутатов, менее 20%¹.

Прожиточный минимум по-прежнему остаётся физиологическим, причём недавно его размер был понижен, а, по данным Росстата, под этой чертой бедности (фактически — нищеты) в первом квартале 2019 г. жило 20,9 миллиона граждан РФ. Особенно точно характеризует навязанный России усилиями государства капитализм то, что, по данным ИС РАН, примерно три четверти этих несчастных имеют работу и постоянный заработок (!)

По-прежнему сохраняется и задолженность работодателей перед наёмными работниками по выплате зарплаты. По данным Росстата,

¹ Сборник документов и материалов Специальной комиссии Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинения, выдвинутого против Президента Российской Федерации, и их рассмотрения Государственной Думой 13–15 мая 1999 года. М. 1999. С. 934.

она в последние месяцы колеблется в районе 3,5 – 4 миллиардов рублей. В опубликованном 17 февраля 2017 года исследовании Центр экономических и политических реформ ставит эти данные под сомнение, так как Росстат сообщает, что общая задолженность, например, по Ростовской области составляет 37,5 млн. руб., тогда как только владельцы горной компании «Кингкоул» задолжали шахтёрам более 300 (трёхсот!) миллионов руб.¹

Избранный государством фаворитский способ сколачивания «класса стратегических собственников» привёл не только к тому, что его основу составляют олигархи (не только федерального, но и регионального и местного масштаба) компрадорского типа. Государство, вопреки национальным интересам РФ, поддерживало и продолжает поддерживать компрадорский характер капитала, создавая привилегированное положение собственникам сырьевых производств – нефтегазового комплекса, металлургической, горнорудной, химической отраслей, допущенным на мировой рынок и в силу этого проявляющим как минимум безразличие к внутрироссийскому рынку. Этим самым оно соучаствовало и в резком сужении внутреннего рынка, и в разрушении высокотехнологичных и наукоёмких производств.

В РФ исчезли инструментальная, станкостроительная и ряд других отраслей, без которых современная индустриализация невозможна. Если 20 лет назад 60% производственных площадей сохранялось как бы в резерве, то в 2010-е годы в крупных индустриальных центрах с корнем уничтожаются целые промышленные зоны, а на их месте возводятся... торгово-развлекательные комплексы.

В этой связи невозможно не вспомнить знаменитый фрагмент из доклада Сталина «Итоги первой пятилетки» на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 года:

«У нас не было чёрной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь». Сегодня чёрная металлургия в России сохранилась, но работает она на мировой капиталистический рынок; отечественные потребности в металле чрезвычайно скукожились из-за деиндустриализации страны, как следствия реставрации капитализма.

«У нас не было тракторной промышленности. У нас она теперь есть». Увы, в современной России её практически не стало. За чет-

¹ <http://www.rbc.ru/politics/16/02/2017/58a5851a2ae59608670c6e3f?from=newsfeed>

верть века «капиталистического строительства» она была фактически уничтожена.

«У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь». За годы реставрации капитализма почти все отечественные заводы ликвидированы; появилось несколько филиалов зарубежных фирм, занятых «отвёрточной сборкой».

«У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь». Действительно, в РСФСР было конкурентоспособное станкостроение, теперь его не стало.

«У нас не было действительной и серьёзной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она теперь есть». Теперь её не стало: она уничтожена капиталистическим режимом.

«У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь». Была, но не стало: при капитализме производство гражданских самолётов практически полностью уничтожено.

«...И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии».¹ Увы, всё это в прошлом. Если в советской индустриальной державе каждый день вступали в эксплуатацию по три новых завода, то сейчас ежедневно выводятся из строя по 9 промышленных предприятий.

Российское государство за последние 25 лет подтвердило известный принцип: когда сталкиваются классовые и национальные интересы, эксплуататоры отдают предпочтение интересам классовым. Об этом свидетельствует как внутренняя, так и внешнеэкономическая политика правительства Путина—Медведева, когда компрадорский капитал стал господствующим не только в экспортно-сырьевых отраслях, но даже в розничной и оптовой торговле и зерновом хозяйстве.

Интересам крупного компрадорского капитала подчинена и внешняя политика нынешнего российского государства. Об этом ярко свидетельствует судьба Союзного государства Беларуси и России. Об этом говорят и отношения с Украиной. Да, большинство трудящихся РФ довольно, что реализовалось желание населения Крыма вернуться в состав России. Да, наш трудовой народ с ненавистью относится к идейным последышам бандеровцев и готов ока-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 178—179.

зывать помощь трудовому Донбассу, начавшему антифашистскую, антикапиталистическую борьбу.

Но российское государство не поддержало в Донбассе тех, кто сопротивляется капиталистическим порядкам. Едва ли случайно прицельное уничтожение донбасских руководителей левых убеждений. Но совсем не случайно, что перед повышенным интересом российского государства на рубеже 2013–2014 годов к Украине 23% украинских активов принадлежали российским магнатам, которые на фоне очевидного экономического ослабления соседней республики явно жаждали увеличить эту свою долю.

Что касается Сирии, то мы тоже не знаем, на чьи счета невиданным потоком текут миллионы и миллиарды рублей и долларов. Однако всё тайное когда-то становится явным. А то, что российское государство и его верховоды заботятся об интересах крупного капитала, это давно стало явным для всех думающих россиян. Об этом свидетельствуют как исследования Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН и других социологических служб, так и серьёзных аналитиков¹.

Среди российской молодёжи предпочитают капитализм с всевластием частной собственности 23% респондентов в возрасте до 30 лет. За конвергенцию капиталистических и социалистических принципов высказалось 27%. То есть даже среди в целом политически незрелой молодёжи в той или иной степени приемлет капитализм только каждый второй респондент.

Среди соотечественников от 30 до 50 лет, то есть поколения, уже приобретшего социальный и политический опыт, капитализму в любых его модификациях отдают предпочтение только 38% россиян. А среди жизненно мудрых поколений соотечественников (старше 50 лет) симпатизантами «чистого» или подправленного социализмом капитализма остаётся только один из четырёх опрошенных. В то же время за социализм, будь то с элементами рынка или с абсолютным господством общественной собственности, среди среднего поколения высказывается 58%, а среди зрелого — 67%².

Подобные соотношения фиксируются социологами уже минимум 15 лет, и воззрения сегодняшних 30-летних 15 лет назад были

¹ Артемьев Павел. Углеводороды как абсолютная доминанта российской внешней политики. «Правда, № 37. 3–8 апреля 2019 г.

² Россия и Китай: опыт сопоставительного изучения социальных изменений в период реформ. М. 2016.

похожими на взгляды нынешних представителей самой юной когорты. Но приобретаемая с возрастом социальная зрелость кардинально усиливает негативное отношение к капиталистическому жизнеустройству.

Соединить социализм с пролетарским движением

В современной России сохраняется глубинные элементы советского, а значит — социалистического каркаса. Она ещё не созрела для прямого противостояния с антисоветской Россией: во время опроса ИС РАН, проведённого в октябре 2016 года, только 39% респондентов высказались за необходимость перемен в современном российском обществе, тогда как 61% предпочли стабильность (в марте 2014 года за стабильность «голосовало» даже 70%). Но социологи выяснили, что поддержка стабильности не равнозначна поддержке власти: только 32% опрошенных сторонников стабильности поддерживают нынешний политический и экономический курс (в вопросе ИС РАН было уточнено: «курс президента Путина»), тогда как две трети (67%) россиян объясняют выбор стабильности тем, что «просто опасаются перемен, так как не известно, к чему они приведут»¹.

В условиях современной России приоритетной задачей КПРФ является формирование классового сознания в среде наёмных эксплуатируемых работников. Именно так ставил вопрос В.И. Ленин. Не забудем, что эта задача записана в качестве приоритетной в Программе КПРФ. Предпосылки для её решения, как показывают социологические исследования, благоприятные. Но они представляют лишь ту возможность, которую только партия может превратить в действительность классового пролетарского сознания.

Когда мы говорим о внесении в массы социалистического марксистско-ленинского сознания, то надо иметь в виду, что у этой проблемы три уровня. Во-первых, необходимо сконцентрировать внимание на овладении основами марксизма-ленинизма членами КПРФ. Сегодня ситуация здесь неудовлетворительная. Те, кто моложе 40 лет, не «проходили» марксистско-ленинских основ ни в школе, ни в вузе. А в партию сейчас идёт это поколение. Его сознание часто засорено псевдосоциалистической шелухой. Между тем всем

¹ Российское общество в условиях кризисной реальности (по результатам социологического мониторинга 2014–2016 гг.). Информационно-аналитическое резюме. М. 2016. С. 30.

коммунистам предстоит участвовать в идейном противостоянии с классовым противником. Но чтобы вести этот идеологический бой успешно, надо быть теоретически подготовленным.

Сталин, выступая с Отчётным докладом на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 году (это был последний партсъезд, на котором он вступал с докладом), предупреждал: «Если... начинает почему-либо хромать наша партийная пропаганда, если начинает хиреть дело марксистско-ленинского воспитания наших кадров, если ослабевает наша работа по повышению политического и теоретического уровня этих кадров, а сами кадры перестают в связи с этим интересоваться перспективами нашего движения вперёд, перестают понимать правоту нашего дела и превращаются в бесперспективных деляг, слепо и механически выполняющих указания сверху, то должна обязательно захиреть вся наша государственная и партийная работа»¹.

Система партийной учёбы призвана помочь членам КПРФ в решении этой задачи. А то даже в рядах партии находятся проповедники классового союза эксплуатируемых и эксплуататоров, поклонники В.В. Путина, особенно его внешней политики. Но тот, кто знаком с основами марксизма-ленинизма, знает, что внешняя политика является всегда продолжением внутренней политики. Она не может проводиться буржуазным режимом в интересах наёмного труда, супротив интересам господствующего в стране капитала.

Вторым слоем, в котором необходима энергичная работа по внесению социалистического сознания и воспитанию классовой убеждённости, является рабочий класс. Для преодоления эксплуатации своей рабочей силы он и только он безоговорочно заинтересован в ликвидации вообще эксплуатации человека человеком. К этому надо добавить, что все социальные лифты, которые когда-то поднимали хотя бы часть пролетариев в класс капиталистов, теперь вышли из строя.

За последние 15 лет ИС РАН установил, что определённый процент рабочих повысил свою квалификацию, у небольшой части рабочих повысилось благосостояние, есть те, у кого вырос уровень образования... Но социологи заявляют, что за эти годы среди респондентов не было лиц, перешедших из наёмных работников в работодатели.

Если учесть, что, по данным Росстата (а эти данные он завышать не склонен) сейчас насчитывается более 30 миллионов рабочих, то

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 14. С. 327.

для решения задачи внесения социалистического сознания в эту пролетарскую армию необходимо привлечь к пропагандистской работе практически всех партийцев. Это ещё одна причина, почему члены партии должны быть теоретически подготовлены.

Третий слой, в который мы должны будем вносить социалистическое сознание, — это вся армия наёмных, эксплуатируемых работников физического и умственного труда.

* * *

Масштабные социологические исследования социологов РАН убеждают, что сдвиг массового сознания в нашей стране не только объективно неизбежен, но он и идёт. Опросы показывают, что самым болезненным противоречием современной России соотечественники стабильно считают неравенство доходов. В октябре 2016 года на него указали 71% (!) респондентов¹.

На социально-политический расклад сил нашей страны, на тенденции, определяющие их динамику, наведены все социально-политические телескопы Запада. И те закордонные советологи, которые денно и нощно всматриваются в происходящие в России процессы, видят не только то, что она остаётся «слабым звеном» мировой капиталистической цепи в качестве пространства для потенциального империалистического грабежа, каковым оказалась Украина. Астрономы антисоветского фронта одновременно замечают и другую сторону происходящего сдвига. Она может реально стать тем «слабым звеном», которое 100 лет назад породило Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

¹ Россия и Китай: опыт сопоставительного изучения социальных изменений в период реформ. М. 2016. С. 34.

РАЗДЕЛ III

СТАЛИНСКИЙ ВКЛАД В КОНЦЕПЦИЮ БОЛЬШЕВИЗМА

ОЧЕРК ШЕСТОЙ

БОЛЬШЕВИЗМ КАК СУЩНОСТЬ ПАРТИИ НОВОГО ТИПА

На старте XX века появился и вскоре получил всемирное распространение новый тип политических партий — «партии нового типа» (партии ленинского типа). В России партия нового типа и большевизм были синонимами. Оба политически значимых явления начали выкристаллизовываться на II съезде РСДРП (1903 год). Высочайшую оценку этому съезду дал В.И. Ленин в написанной по горячим следам работе «Шаг вперед, два шага назад»: «Наш партийный съезд был единственным в своем роде, невиданным явлением во всей истории русского революционного движения... Впервые удалось нам освободиться от традиций кружковой распушенности и революционной обывательщины, собрать вместе десятки самых различных групп, зачастую отчаянно враждовавших друг с другом, связанных исключительно силой идеи и готовых (в принципе готовых) пожертвовать всей и всяческой групповой особенностью и групповой самостоятельностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами, целого: партии»¹.

Революционный марксизм нашей эпохи

В XX столетии было немало русских слов, которые без всяких виз и штампов таможен обосновались практически во всех языках планеты. Пятилетка, колхоз, спутник — эти и подобные им знаковые понятия эпохи Великого Октября, советской цивилизации отвергли перевод на иностранные языки, они были приняты разными народами в своём первозданном виде. Так вот первым в этом ряду было

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 401.

слово «большевик». Уже Джон Рид в книге «Десять дней, которые потрясли мир» обращал внимание на него, на его непереводаемость.

Большевизм — это революционное течение, которое устремлено в социализм, а через него — в общество социального равенства. В нём нет ни грана утопии, никакой маниловщины. Принято решение — значит, оно должно быть выполнено. Даже если путь, которые экономически развитые страны проходили за 50—100 лет, надо пробежать за десятилетие¹. Чтобы достичь этого, существуют большевистские темпы.

Только не надо лукаво и подло путать большевизм с волюнтаризмом. Да, советские большевики удивляли американских и немецких дипломированных специалистов, когда вопреки технико-экономическим предписаниям, разработанным светилами мировой науки, сокращали сроки строительства сложнейших объектов — иногда в полтора и даже два раза. Но вот ведь какой парадокс: введённые большевистскими темпами объекты успешно работали. У досрочно возведённых сооружений не отваливались стены, повышенные скорости резания металла не вели к разрушению станков, а скоростные плавки не мешали варить легированную сталь сложных марок. Лозунг «Время, вперёд!» был истинно народным, совпадал с интересами человека труда. И тщательно разработанные научные расчёты не отвергались чохом, но уточнялись и обогащались заинтересованностью, талантом и творчеством рабочих и руководителей-выдвиженцев, жадно осваивавших истины науки.

Да и сам большевизм является наукой, так как пропитан теорией марксизма-ленинизма. В.И. Ленин удивительно кратко и точно указал на эту его грань, определив большевизм «как применение революционного марксизма к особым условиям эпохи»². В то же время это — не школярское начётничество, а постоянное применение теории на практике, проверка её практикой, чуткое улавливание новых явлений в жизни общества. Вспомним, как в 1917 году В.И. Ленин отслеживал характер общественно-политических процессов даже не по месяцам, а по неделям и дням. И на этой базе уточнялись задачи, менялись лозунги. Только при таком условии можно побеждать в переходную эпоху. Большевизм был внимателен не только к объективным процессам, но и к настроениям трудящихся, но никогда не потакал их предрассудкам.

¹ См.: Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 39.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 13.

Идейной сердцевиной большевизма является диалектический и исторический материализм, марксистской методологии он всегда был верен. А это означало принципиальное и нетерпимое отношение к политическому и мировоззренческому оппортунизму. В.И. Ленин постоянно подчёркивал, что большевизм и родился-то в борьбе с оппортунизмом, напоминая, что меньшевизм «был непосредственным не только идейным, но и организационным преемником «экономизма». Во время русской революции он проводил тактику, объективно означавшую зависимость пролетариата от либеральной буржуазии и выражавшую мелкобуржуазные оппортунистические тенденции»¹.

Коренная особенность большевизма, обеспечившая ему возможность очищения русского, российского революционного движения от буржуазной ржавчины, состоит в том, что он не на словах, а на деле был *мировоззрением, теорией и практикой сознательной пролетарской борьбы, то есть точно определял коренные интересы рабочего класса и последовательно проводил их в жизнь*. Благодаря этому он и был поддержан людьми труда. Это единство Ленин особенно ценил.

В знаменитой статье «Крах II Интернационала» он писал: «В России полное отделение революционно-социал-демократических пролетарских элементов от мелкобуржуазно-оппортунистических подготовлено всей историей рабочего движения. Самую плохую услугу ему оказывают те, кто отмахивается от этой истории и, декламируя против «фракционности», лишает себя возможности понять действительный процесс образования пролетарской партии в России, складывающейся в многолетней борьбе с различными видами оппортунизма»².

Коммунисты — значит, большевики

За полгода до 50-летнего юбилея большевизма, в октябре 1952 года, наша партия, ВКП(б), приняла решение впредь не использовать понятие «большевистская». Конечно, это не было случайным, спонтанным решением. Его поддержал (а, возможно, был его инициатором) И.В. Сталин. А он всегда с удовольствием подчёркивал большевистский характер нашей партии. Более того, слово «меньшевик» было одним из самых суровых и грозных его ругательств.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 264–265.

² Там же. С. 264.

Почему ВКП(б) пошла на такой серьёзный шаг? Думается, так диктовало время.

Большевизм появился в исторический период, когда, во-первых, начался новый подъём революционного движения, приведший к Первой русской революции. Во-вторых, центр мирового революционного движения тогда переместился в Россию. Большевизм отражал многие черты международного рабочего движения и последовательно исходил из принципа пролетарского интернационализма. *Его международное значение стало очевидным и общепризнанным именно тогда, когда он обосновал необходимость борьбы против растущих проявлений национализма в социал-демократической среде, переросших с началом Первой мировой войны в социал-шовинизм.* Более того, большевизм возглавил эту борьбу. Но он одновременно сохранил российские особенности. И иначе не могло быть, так как именно русская революция прокладывала маршрут мировому прогрессу.

В середине XX века положение серьёзно изменилось. Победа советского народа, Советского государства и его союзников во Второй мировой войне привела к появлению социалистического лагеря. К тому же в годы войны в рядах Сопротивления в ведущих европейских странах были заложены робкие основы союза коммунистов с левыми социалистами. Так, председатель социалистической партии Италии П. Ненни даже участвовал в чествовании в Москве И.В. Сталина в день его 70-летия 21 декабря 1949 года, а в марте 1953 года был на его похоронах. Во Франции коммунисты уже после войны боролись против наступления капиталистической реакции вместе с левыми радикалами и некоторыми другими партиями социалистической направленности.

Но решения XIX партсъезда не было отказом от большевизма. Наоборот, речь шла о сохранении партией её большевистской сущности. В «Резолюции XIX съезда партии об изменении наименования партии» особо подчёркивалось, что, будучи коммунистической, она не может не быть большевистской. Единогласно принятый документ гласил:

«Двойное наименование нашей партии «коммунистическая» — «большевистская» исторически образовалось в результате борьбы с меньшевиками и имело своей целью отгородиться от меньшевизма. Поскольку, однако, меньшевистская партия в СССР давно уже сошла со сцены, двойное наименование партии потеряло смысл, тем более, что понятие «коммунистическая» выражает наиболее точно марксистское содержание задач партии...

В связи с этим XIX съезд партии постановляет:

Всесоюзную Коммунистическую партию большевиков (ВКП(б)) отныне именовать «Коммунистическая партия Советского Союза» (КПСС)¹. Действительно, международное коммунистическое движение в XX столетии появилось, возродилось под историческим названием (вспомним его первую программу — «Манифест Коммунистической партии») как большевистская альтернатива социал-демократическому движению, сползшему к оппортунизму. И через много лет именно оппортунизм довёл своё грязное дело на рубеже 1980—1990-х годов до предательства.

Примечательно, что Большая Советская Энциклопедия ещё в 1970 году зывала к бдительности: «Исторический опыт показывает, что партии, называющие себя коммунистическими, но отступающие от основных принципов большевизма, неизменно скатывались в болото «правого» или «левого» оппортунизма»².

Какой точный и дальновидный теоретический и политический вывод!

Организация борющегося класса

Партия — это единый целостный организм, в нём возможны и допустимы только единая организация и единая дисциплина, единое товарищество. В этом фактически и состоит суть *партии нового типа*. Принципиальную новизну съездовских решений для строительства *партии нового типа* понимал не только В.И. Ленин. На такой же позиции стоял и избранный II съездом РСДРП большевистский состав ЦК. В ноябре 1903 года, за семь месяцев до выхода в свет работы «Шаг вперед, два шага назад» (опубликована во второй половине июня 1904 года), в «Искре» было напечатано «Извещение о II очередном съезде РСДРП». В нём содержался призыв провести в жизнь его решения, «превратить на деле нашу партию в то, чем она должна стать по мысли съезда, — в принципиально выдержанную, организационно сплоченную коллективную силу, способную руководить всеми проявлениями классовой борьбы всего пролетариата всей России и вести его на решительную борьбу за свободу всего народа и за освобождение труда от всех видов гнета и эксплуатации».

¹ Девятнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Бюллетень № 15. С. 4.

² Большая Советская Энциклопедия. Т. 3. М. 1970. С. 533.

Под *партией нового типа* понимается революционная марксистская партия, то есть классовая политическая организация пролетариата, вбирающая в свои ряды наиболее активных, сознательных и самоотверженных выразителей его интересов (естественно, прежде всего из среды рабочего класса). Партия должна быть выше класса по уровню своей политической сознательности. Она впитывает в себя богатейший опыт классовой борьбы пролетариев всех стран, его революционные традиции. Она в своей деятельности опирается на теорию марксизма-ленинизма, прежде всего — на диалектико-материалистическую методологию.

Пролетарский характер ленинской партии является не выдумкой теоретиков, а её сущностью. В работе «К вопросам ленинизма» Сталин посвящает этой проблеме отдельную главу. Читаем:

«Мы подошли, таким образом, вплотную к вопросу о взаимоотношениях между партией и классом, между партийными и беспартийными в рабочем классе.

Ленин определяет эти отношения как *взаимодоверие* (курсив мой. *И. Ст.*) между авангардом рабочего класса и рабочей массой (см. т. XXVI, стр. 235).

Что это значит?

Это значит, во-первых, что партия должна чутко прислушиваться к голосу масс, что она должна внимательно относиться к революционному инстинкту масс, что она должна изучать практику борьбы масс, проверяя на этом правильность своей политики, что она должна, следовательно, не только учить, но и учиться у масс.

Это значит, во-вторых, что партия должна изо дня в день завоевывать себе доверие пролетарских масс, что она должна своей политикой и своей работой ковать себе поддержку масс, что она должна не командовать, а убеждать прежде всего, облегчая массам распознать на собственном опыте правильность политики партии, что она должна, следовательно, быть руководителем, вождём, учителем своего класса.

Нарушение этих условий означает нарушение правильных взаимоотношений между авангардом и классом, подрыв «взаимодоверия», развал и классовой, и партийной дисциплины»¹.

Пролетариат в силу своих объективных интересов является не только могильщиком капитализма, но и создателем социалистической системы общественных отношений, он прежде всего заин-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 43–44.

тересован в её утверждении. В.И. Ленин настаивал: «Вся главная сила движения — в организованности рабочих на *крупных* заводах (не путать с заводами-гигантами. — *В.Т.*), ибо крупные заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но ещё более преобладающую по влиянию, развитию способности её к борьбе часть рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью»¹. Это ленинское требование тесной связи Компартии с рабочим классом приобретает исключительную актуальность в наши дни.

Критика и самокритика как формы классовой борьбы

Оппортунизм состоит не только в жажде сохранять «групповую самостоятельность», но и в стремлении использовать борьбу с «кружковщиной» для пересмотра пролетарского характера Коммунистической партии. Опасность такой мимикрии оппортунизма особенно возрастает тогда, когда в обществе процветает мелкобуржуазная стихия, а в партии резко сокращается доля рабочего класса и возрастает доля и роль интеллигенции. Большевики с первых же своих шагов, направленных на выполнение решений II съезда РСДРП, почувствовали противодействие со стороны прежде всего *околопартийной интеллигенции*, и на эту особенность обращал внимание В.И. Ленин в своей работе о II съезде РСДРП.

Выступая жестким сторонником прочной и сплочённой партии, господства в ней пролетарской дисциплины, В.И. Ленин, закладывая основы *партии нового типа*, чрезвычайно большое внимание уделял внутривнутрипартийным отношениям, торжеству в них демократических принципов. В принятии партийных решений должен господствовать коллективизм, а выполнение этих решений одинаково обязательно для каждого партийца, независимо от его положения в партии. Дисциплина без коллективизма вырождается в произвол, в самоуправство, в волюнтаризм и неизбежные политические просчёты. В этом убеждает 120-летняя история партии.

Большевизм сформировал закономерности деятельности *партии нового типа* — причем не только на стадии подготовки пролетарской революции, но и, в равной степени, в процессе социалистическо-

¹ Ленин В.И., Полн. собр. соч. Т. 8. С. 250.

го созидания. «Чтобы не на словах только стать партией масс, — утверждал Ленин, — мы должны к участию во всех партийных делах привлекать все более и более широкие массы, постоянно поднимая их от политического безразличия к протесту и борьбе... Рабочие перестанут понимать нас и покинут нас как штаб без армии, в случае расколов из-за незначительных разногласий... Чтобы рабочие *не могли* перестать понимать нас, для того, чтобы их опытность в борьбе и их пролетарское чутье *научили кое-чему и нас*, «руководителей», — для этого необходимо, чтобы организованные рабочие приучились следить за возникающими поводами к расколу (такие поводы всегда бывали и всегда будут возвращаться во всякой массовой партии), сознательно относиться к этим поводам, оценивать происшествия... с точки зрения интересов всей партии, интересов всего движения в целом.

...Необходимо, чтобы *вся партия* систематически, исподволь и неуклонно *воспитывала* себе подходящих людей в центре, чтобы она видела перед собой, как на ладони, *всю деятельность* каждого кандидата на высокий пост, чтобы она ознакомилась даже с их индивидуальными особенностями, с их сильными и слабыми сторонами, с их победами и «поражениями»... чтобы она *всегда видела* каждое, хотя бы и частичное «поражение» того или иного своего «руководителя»... Этим, и только этим, мы дадим возможность всей массе (а не случайному подбору кружка или группки) влиятельных партийных работников узнать своих вождей и *поставить каждого из них на надлежащую полочку*. Только широкая огласка направляет все прямолинейные, однобокие, капризные отклонения, только она превращает иногда нелепые и смешные «контры» «группок» в полезный и необходимый материал партийного самовоспитания»¹.

Сталин, став во главе партии, значительное внимание уделял «партийному самовоспитанию». Об этом свидетельствует постоянно пропагандировавшийся им принцип критики и самокритики во внутривнутрипартийной жизни. В процессе его внедрения во внутривнутрипартийные отношения Генеральному секретарю ЦК приходилось обращать внимание на разные грани этой проблемы. Например, немало партийцев сомневалось в том, стоит ли поощрять критику и самокритику, если их могут использовать классовые враги. Более того, критику и самокритику в партии, когда она стала правящей, многие

¹ Ленин В.И., Полн. собр. соч. Т. 8. С. 95–96.

товарищи считали опасной и недопустимой. Примечательно, что сегодня требование ограничить критику часто оправдывается тем, что партия находится... в оппозиции. Но подобные аргументы Сталин решительно отвергал:

«Иногда говорят, что самокритика — вещь хорошая для партии, которая не пришла ещё к власти и которой «нечего терять», но самокритика опасна и вредна для партии, которая уже пришла к власти, которая имеет в окружении враждебные силы и против которой могут использовать враги разоблачения её слабостей.

Это неверно. Это совершенно неверно! Наоборот, именно потому, что большевизм пришёл к власти, именно потому, что большевики могут зазнаться благодаря успехам нашего строительства, именно потому, что большевики могут не заметить своих слабостей и тем облегчить дело своих врагов, — именно поэтому нужна самокритика особенно теперь, особенно после взятия власти.

Самокритика имеет своей целью вскрытие и ликвидацию наших ошибок, наших слабостей, — разве не ясно, что самокритика в условиях диктатуры пролетариата может лишь облегчить дело борьбы большевизма с врагами рабочего класса? ... Вывод один: без самокритики — нет правильного воспитания партии, класса, масс; без правильного воспитания партии, класса, масс — нет большевизма»¹.

У противников критики и самокритики был (он бытует и сегодня) ещё один аргумент: стоит начать широко применять их в качестве инструментов внутрипартийной жизни, как их тут же начнут использовать беспартийные. Но и для этих оппонентов Сталин находил неотразимые аргументы:

«Боязнь самокритики или критики со стороны беспартийных является теперь самой опасной болезнью. Ибо одно из двух: либо мы сами будем критиковать себя и дадим беспартийным раскритиковать нашу работу, — и тогда, можно будет надеяться, что наша работа в деревне двинется вперед; либо мы такой критики не допустим, — и тогда нас будут критиковать события, вроде восстаний в Кронштадте, в Тамбове, в Грузии. Я думаю, что критика первого рода предпочтительнее критики второго рода. Вот почему не следует нам бояться критики ни со стороны партийных, ни, тем более, со стороны беспартийных»².

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 11. С.128–129.

² Там же. Т. 6. С. 319.

Но основными противниками критики и самокритики выступали (и выступают до сих пор) партийцы, которые боятся оказаться их объектами. Их неприятие этих инструментов внутрипартийной жизни объясняется завышенным самомнением, страхом за свой престиж в партийном коллективе, а то и боязнью, что будут вскрыты реальные недостатки в их работе. На это Сталин отвечал:

«Я знаю, что в рядах партии имеются люди, недолюбливающие критику вообще, самокритику в особенности. Эти люди, которых я мог бы назвать «лакированными» коммунистами (*с м е х*), то и дело ворчат, отмахиваясь от самокритики: дескать, опять эта проклятая самокритика, опять. выворачивание наших недостатков, — нельзя ли дать нам пожить спокойно? Ясно, что эти «лакированные» коммунисты не имеют ничего общего с духом нашей партии, с духом большевизма. Так вот, в связи с наличием таких настроений у людей, встречающих самокритику далеко не с энтузиазмом, позволюсь спросить: нужна ли нам самокритика, откуда она взялась и какая от нее польза?»

Я думаю, товарищи, что самокритика нужна нам, как воздух, как вода. Я думаю, что без нее, без самокритики, наша партия не могла бы двигаться вперед, она не могла бы вскрывать наши язвы, она не могла бы ликвидировать наши недостатки. А недостатков у нас много. Это надо признать открыто и честно»¹.

Обобщённый вывод, раскрывающий политическую пользу критики и самокритики, был сформулирован Генеральным секретарём ЦК ВКП(б) в Политическом отчёте Центрального Комитета XV съезду ВКП(б). В его основе лежала тревога за состояние дел в партии. Сталин говорил:

«Если мы, представители пролетарской революции, будем закрывать глаза на наши недочеты, будем разрешать вопросы семейным порядком, замалчивая взаимно свои ошибки и загоняя болячки вовнутрь нашего партийного организма, — то кто же будет исправлять эти ошибки, эти недочеты?»

Разве не ясно, что мы перестанем быть пролетарскими революционерами, и мы наверняка погибнем, ежели не вытравим из своей среды эту обывательщину, эту семейственность в решении важнейших вопросов нашего строительства?»

Разве не ясно, что, отказываясь от честной и прямой самокритики, отказываясь от честного и открытого исправления своих оши-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 28.

бок, мы закрываем себе дорогу для продвижения вперед, для улучшения нашего дела, для новых успехов нашего дела?»¹

Большевизм исходит из того, что каждый параграф о дисциплине, каждое проявление демократии подчинены борьбе за классовые интересы наёмных эксплуатируемых работников физического и умственного труда, борьбе за построение социализма. Без такой нацеленности, подтверждаемой ежедневно каждым своим шагом, ленинская коммунистическая партия невозможна.

Большевицкая партийность была всеохватной, всепроникающей. Революционность большевиков как политиков неизбежно дополнялась революционностью в отношении всего жизненного уклада общества.

Вспомним о знаменитой клятве Сталина у гроба основателя большевизма, создателя партии нового типа:

«Мы, коммунисты – люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы – те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является товарищ Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны невероятных лишений и героических усилий – вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии. Вот почему партия ленинцев, партия коммунистов, называется вместе с тем партией рабочего класса»².

Для воплощения в жизнь подобных требований к партийцам объективно требовалась *партия нового типа*. Видно, не случайно, что до большевиков в России не удалось создать никакой действующей общенациональной марксистской партии. Лишь новый тип партии позволил большевикам пройти сложный путь к победоносной Великой Октябрьской социалистической революции.

Созидательный характер *партии нового типа* наиболее зримо проявлял себя в её гигантской работе по формированию нового типа личности. Коммунистическая партия была не только политической структурой, но и важнейшим инструментом культуры, ибо именно культура реализует функцию формирования типа личности. Советская власть решала свои экономические, политические, иде-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 330.

² Там же. Т. 6. С. 46.

ологические проблемы, предложив новые ценности и ориентиры. Роль образца выполняли *герои* советской эпохи, которых объединяло прежде всего то, что все они вышли из народа, были *детьми семьи трудовой*. Их образы были призваны помочь формированию в обществе стремления приложить максимум усилий для созидания и укрепления нового строя. Но для этого каждодневным примером должны были стать сами большевики. Широко известна, например, роль парторга шахты К. Петрова в становлении трудового подвига Алексея Стаханова.

Типом личности, достойной массового подражания, был сформировавшийся в народном сознании *образ коммуниста-большевика*. Членство в ВКП(б)—КПСС предполагало многомерность критериев — и не только политических, а также социально-нравственных и деловых. Общество как бы просвечивало коммуниста на тотальном рентгене человеческой чистоты. Такое высокое представление о большевике сложилось окончательно в первый послевоенный период (надо признать, что уже в 1960-х годах оно начало подвергаться эрозии).

Следствием формирования высокого образа коммуниста стали весьма специфические функции партийных комитетов предприятий, районов и городов. Они в массовом сознании воспринимались не как сугубо политические структуры, а как, с одной стороны, власть, а с другой — советчик и «мировой судья». Вся политическая система была «растворена» в обществе и одновременно пронизана партией.

Партия коммунистов-большевиков — явление, масштаб которого недостаточно оценен до сих пор. Она оказалась настолько стройной организацией, элементы которой были в целом оптимально подогнаны друг к другу, что и сегодня оказывает влияние на партийное строительство в стране. В. Черномырдин как-то в сердцах сказал о нынешнем буржуазном партийном строительстве: «Что бы ни создавали, а получается КПСС». Конечно, в полном соответствии своему политическому масштабу он сумел заметить только форму, только организационные стяжки новых партий, о содержании он, как и положено буржуазному деятелю, забыл. Но признание, что КПСС, предварительно разваленная изнутри, запрещённая, оклеветанная, трудно возвращающая свой авторитет, до сих пор оказывает влияние на все значимые общественно-политические процессы, является, может быть, самой высшей похвалой в её адрес. И мы не имеем права дистанцироваться от того каркаса, который был заложен большевизмом.

ОЧЕРК СЕДЬМОЙ ОН УЧИЛ БОЛЬШЕВИЗМУ

В Программе КПРФ содержится важное признание: отмечается, что в процессе социалистического строительства «в деятельности КПСС к началу 90-х годов накопились серьезные негативные явления. Кризис, поразивший советское общество, в значительной мере обусловливался кризисом в самой партии. КПСС оказалась в затяжном теоретическом застое. К тому же, как и предупреждал В.И. Ленин, к правящей партии присосалось немало чуждых элементов, безыдейных карьеристов и приспособленцев. Эти носители мелкобуржуазной идеологии всегда представляли для социализма особую опасность». Действительно, история партии от РСДРП до наших дней — это история не только великих побед и случавшихся просчётов. Это ещё и история противостояния двух соперничающих политических течений. Более 115 лет внутри партии борются большевизм и меньшевизм. И когда заходит речь о месте и роли в жизни и судьбе нашей политической организации любого партийца, от рядового до руководителя ЦК, то, по большому счёту, обычно оценивается — и век назад, и сегодня, — к какому из этих направлений он принадлежал. Этикетки типа «государственник» вторичны. Куда важнее: большевик или меньшевик.

О стратегии и тактике большевизма

Сталин был непоколебимым большевиком до последнего своего дня. Ему при жизни и после смерти предъявлено достаточно претензий. Но его большевизм редко ставился под сомнение даже клеветниками из числа классовых врагов. Самым главным свидетелем сталинского большевизма сегодня остаются его выступления, статьи, написанные им документы. К нему не подходит легенда, персонажем которой выступает египетский президент А. Садат. Говорят, когда он заступил на главный пост в стране после смерти Г.А. Насера, то сохранил шофёра, который возил его предшественника. И вот водитель, доехав до перекрёстка, на котором Насер всегда поворачивал налево, на всякий случай спросил нового пассажира, куда ехать. И в ответ услышал: «Сигналь налево, а поворачивай направо».

За более чем вековую историю наша партия тоже не избежала подобных видных деятелей. Сталин в их компанию не входил.

И наша страна, и зарубежье привыкли, что Иосиф Виссарионович был главой, руководителем, вождём Коммунистической, большевистской партии. Он тоже, видно, за три десятилетия привык к этому своему положению. Но входил в эту роль он осторожно. Первая статья после избрания его Генеральным секретарём ЦК РКП(б) 3 апреля 1922 года появилась только через год. За этот год Сталин много выступал на партийных форумах разного уровня. Но статей — не писал. Это в 1917-м, особенно, когда В.И. Ленину пришлось уйти в подполье, Коба писал практически для каждого номера «Правды», порой по две, три статьи. Но целый год после XI партсъезда (27 марта — 2 апреля 1922 года) его статей в печати не было. Хотя в это время одна за другой выходили публикации Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, других членов партийного руководства. Более того, первые трое приступили к изданию своих собраний сочинений.

А у Генерального секретаря ЦК РКП(б) Сталина статья «*О стратегии и тактике русских коммунистов*», первая за год, вышла в «Правде» 14 марта 1923 года. Формально, как теперь говорят в журналистской среде, она была «датской». Поводом для её написания было 25-летие Коммунистической партии России, которому был посвящён практически весь номер центрального органа РКП(б). То, что Иосиф Виссарионович вёл отсчёт истории нашей партии от I съезда РСДРП, в котором участвовало 9 (всего лишь девять) делегатов, тогда не было ни сенсацией, ни оригинальностью.

Примечательно другое: Генсек ЦК как бы оправдывался перед читателем за свою публикацию. Он писал: «Основой настоящей статьи послужили лекции “О стратегии и тактике русских коммунистов”, читанные мною в разное время в рабочем клубе Пресненского района и во фракции коммунистов Свердловского университета. Я решился выпустить её в свет не только потому, что считаю себя обязанным пойти навстречу желанию пресненцев и свердловцев». И добавлял: «Сама статья кажется мне не бесполезной для нового поколения наших партийных работников»¹. А для современного поколения коммунистов уж тем более.

И далее следуют совсем непривычные для нынешних читателей в устах высоких руководителей слова: «Считаю нужным, однако, оговориться, что статья эта не имеет претензии дать что-либо новое по существу в сравнении с тем, что уже сказано несколько раз в русской партийной прессе нашими руководящими товарищами.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 160.

Настоящая статья должна быть рассматриваема как сжатое и схематическое изложение основных взглядов тов. Ленина»¹.

Впрочем, скромные слова Сталина можно было расценивать и как предостережение: в РКП(б) начинается атака на ленинизм, на большевизм. Это предчувствие Генерального секретаря Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большеви́ков), основанное на анализе реальных процессов, и определило тему и его лекций партийному активу, и его первой статьи, написанной им на этом посту.

Действительно, первый тезис статьи для ленинцев не только не неожиданный, но и абсолютно очевидный: большевистская, коммунистическая партия только тогда верна своим целям и задачам, когда прочно связана с рабочим классом, твёрдо опирается на него. Обыденность этого положения подчёркивается в первой же фразе статьи: «*Политическая стратегия так же, как и тактика, имеет дело с рабочим движением*»². (Выделено мной. — В. Т.).

А далее следует совсем не очевидная не только каждому коммунисту, но и многим партийным организаторам, нынешним в том числе, мысль: «Рабочее движение состоит из двух элементов: элемента объективного или стихийного и элемента субъективного или сознательного»³.

Поскольку об этих двух элементах рабочего движения обычно не вспоминают (да и о самом рабочем движении говорят не так уж часто), то нам придётся привести достаточно длинные цитаты из сталинской статьи.

Вот как характеризуется объективный, стихийный элемент рабочего движения: «Это та группа процессов, которые происходят независимо от сознательной и регулирующей воли пролетариата. Экономическое развитие страны, развитие капитализма, развал старой власти, стихийные движения пролетариата и окружающих его классов, столкновения классов и пр. — всё это такие явления, развитие которых от воли пролетариата не зависит, это — объективная сторона движения. Стратегии нечего делать с этими процессами, ибо она не может ни отменить их, ни изменить, она может лишь считаться с ними и исходить из них»⁴.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 160.

² Там же.

³ Там же. С. 160–161.

⁴ Там же. С. 161.

Стихийные проявления рабочего протеста нам знакомы. Весьма часто СМИ сообщают о голодовках тех, кому работодатели месяцами не выплачивают зарплату. Знаем мы и о хождениях рабочих по трудовым инспекциям, прокуратурам и судам, об «остановках работы» по той же причине... В общем стихийный пролетарский гнев порой громко выплёскивается наружу.

А чем отличается от него субъективный, сознательный элемент рабочего движения? Вот большевистский ответ Сталина: *«Субъективная сторона движения — это отражение в головах рабочих стихийных процессов движения, это сознательное и планомерное движение пролетариата к определенной цели. Эта сторона движения тем, собственно, и интересна для нас, что она, в отличие от объективной стороны движения, подлежит целиком направляющему воздействию стратегии и тактики. Если стратегия не в силах изменить что-либо в ходе объективных процессов движения, то здесь, в области субъективной, сознательной стороны движения, наоборот, поле применения стратегии широко и разнообразно, ибо она, стратегия, может ускорить или замедлить движение, направить по кратчайшему пути или совлечь его на путь более тяжёлый и болезненный, в зависимости от совершенств или недостатков самой стратегии»¹.* (Курсив мой. — В. Т.).

Понятия *стратегия* и *тактика* нынешним коммунистам, конечно же, знакомы. Но Сталин пишет о стратегии и тактике *рабочего движения, которое для него равнозначно стратегии и тактике коммунистической партии*. А это сегодня уже не может не заслуживать внимания, хотя бы потому, что появились товарищи, разводящие политику КПРФ и рабочее движение по разным углам, порой даже отрывающие то и другое от их марксистско-ленинской основы. Поэтому обратимся к ленинскому, большевистскому подходу к этому вопросу, который излагал Сталин:

«Стратегия не занимается сама изучением объективных процессов движения. ...стратегия должна целиком опираться на данные теории и программы марксизма... Теория марксизма, изучая объективные процессы капитализма в их развитии и отмирании, приходит к выводу о неизбежности падения буржуазии и захвата власти пролетариатом, о неизбежности замены капитализма социализмом. Пролетарская стратегия может быть названа действительно марк-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 161.

систской лишь в том случае, если в основу её работы будет положен этот основной вывод теории марксизма»¹.

Генеральный секретарь ЦК РКП(б) отмечал, что важнейшей задачей стратегии Коммунистической партии является определение того основного направления, по которому должно пойти движение рабочего класса. Чтобы показать важность решения этой задачи, он обращается к противостоянию двух основных течений внутри партии. Сталин напоминает, что меньшевики считали основным направлением движения пролетариата в его борьбе блок между пролетариатом и буржуазией, согласие между ними, в котором буржуазии предоставлялась руководящая роль. Большевики же, наоборот, утверждали, что основной удар должен пойти по линии союза пролетариата и крестьянства, причём роль руководителя общереволюционного движения должна быть предоставлена пролетариату. Обобщая исторический опыт, Сталин напоминает: «Наша политическая стратегия, наметив основное направление революционного движения в духе большевистского плана, тем самым определила характер работы нашей партии за весь период открытой борьбы с царизмом со времен русско-японской войны до февральской революции 1917 года»².

Чрезвычайно актуальное значение имеет сталинский вывод о подчинённом характере тактики по отношению к стратегии: «Важнейшей задачей тактики является определение тех путей и средств, тех форм и способов борьбы, которые более всего соответствуют конкретной обстановке в данный момент и вернее всего подготовляют стратегический успех»³. Отсюда вытекает, что «действия тактики, их результаты должны быть расцениваемы не сами по себе, не с точки зрения непосредственного эффекта, а с точки зрения задач и возможностей стратегии»⁴.

Генсек ЦК РКП(б) обращает внимание на тактическую роль лозунгов, ибо они являются сжатой и ясной формулировкой определённых партией целей борьбы, ближайших или отдалённых, и — особенно — на их диалектику. Ценность самого яркого лозунга невелика, если он остаётся только лозунгом. Сталин разъясняет это на конкретном примере: «Лозунг “долой самодержавие”, выдвину-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 162.

² Там же. С. 165.

³ Там же. С. 166.

⁴ Там же.

тый впервые группой “Освобождение труда” в восьмидесятих годах прошлого (XIX. — В.Т.) столетия, был лозунгом *пропаганды*, ибо он имел в виду привлечь на сторону партии единицы и группы наиболее выдержанных и стойких борцов. В период русско-японской войны, когда неустойчивость самодержавия стала для широких слоев рабочего класса более или менее очевидной, лозунг этот стал лозунгом *агитации*, ибо он рассчитывал уже на привлечение миллионов трудящихся масс. В период перед февральской революцией 1917 года, когда царизм успел окончательно обанкротиться в глазах масс, лозунг “долой самодержавие” превратился уже из лозунга агитации в лозунг *действия*, ибо он был рассчитан на то, чтобы двинуть миллионные массы на штурм царизма. В дни февральской революции лозунг этот превратился уже в *директиву* партии, т. е. в прямой призыв к захвату таких-то учреждений и таких-то пунктов в системе царизма в определённый срок, ибо речь шла уже о том, чтобы свалить царизм, уничтожить его. Директива есть прямой призыв партии к действию тогда-то и там-то, обязательный для всех членов партии и подхватываемый обычно широкими массами трудящихся, если призыв правильно и метко формулирует требования масс, если он действительно назреп!»¹.

Сталин добавляет: «*Задача партии состоит в том, чтобы умело и своевременно перевести лозунги агитации в лозунги действия, или лозунги действия — в определенные конкретные директивы*»² (Выделено мной. — В.Т.).

Но лозунги являются лишь важным элементом тактики, опирающейся на стратегию рабочего движения, то есть на стратегию партии. Выше уже отмечались принципиальные отличия большевистской и меньшевистской стратегии, приводившие к различиям и их тактики, и их лозунгов. Но особенно актуально в нынешних условиях как пример успешного опыта деятельности партии осмысление стратегической и тактической поляризации большевиков и меньшевиков после Февральской революции, так как ими определялись направление и методы борьбы рабочего класса России за власть.

Буржуазно-демократический характер Февраля привёл к двоевластию: так как буржуазия оказалась не способной взять в руки фактическое управление страной, то была вынуждена ограничиться удержанием за собой формальной власти, для чего ей к тому же

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 171–172.

² Там же. С. 173.

требовалось ещё и согласие Петросовета. Такой формальной властью стало Временное правительство. Отличие Февральской революции от всех предыдущих состояло в том, что у частично ограниченной власти буржуазии появилась реальная альтернатива — Советы рабочих и солдатских депутатов. Но они не имели ни опыта, ни воли её применять на деле. В кризисной ситуации в обществе, когда, как отмечал Сталин, солдаты на фронте, рабочие и крестьяне в тылу изнывали от тяжести войны и хозяйственной разрухи, сложился режим двоевластия. Рабочие и солдатские массы, сформировавшие Петроградский Совет, самим фактом его существования мешали установлению всевластия капитала.

С другой стороны, Совет не был готов и не хотел брать власть, заменяя установление своего полновластия созданием структур типа “контактной комиссии”. Автор напоминает читателям, что “контактная комиссия” в составе Чхеидзе, Стеклова, Суханова, Филипповского и Скобелева (позднее в неё вошли Чернов и Церетели) была выделена меньшевистско-эсеровским Исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 7 марта 1917 года для установления якобы “воздействия” и “контроля” за деятельностью Временного правительства. На деле “контактная комиссия” помогала осуществлению им буржуазной политики и удерживала рабочие массы от активной революционной борьбы за переход всей власти к Советам. Она существовала до мая 1917 года, когда представители меньшевиков и эсеров вошли непосредственно в состав Временного правительства.

В этот период внутри Советов боролись два стратегических плана: план меньшевистско-эсеровский и план большевистский.

«Меньшевистско-эсеровская стратегия, путавшаяся первое время между Советами и Временным правительством, между революцией и контрреволюцией, — указывал Сталин, — оформилась окончательно к моменту открытия Демократического совещания (сентябрь 1917 года). Она строилась по линии постепенного, но неуклонного отстранения Советов от власти и сосредоточения всей власти в стране в руках... будущего буржуазного парламента. Вопросы мира и войны, аграрный и рабочий вопросы, так же как национальный вопрос, откладывались до созыва Учредительного собрания, который, в свою очередь, откладывался на неопределенное время. “Вся власть Учредительному собранию”, — так формулировали вожди мелкобуржуазного социализма свой стратегический план. Это был план подготовки буржуазной диктатуры, правда, прилизанной

и причёсанной, “совершенно демократической”, но все же буржуазной диктатуры.

Большевистская стратегия... планировала основной удар по линии ликвидации буржуазной власти соединенными силами пролетариата и крестьянской бедноты, по линии организации диктатуры пролетариата в виде республики Советов. Разрыв с империализмом и выход из войны; освобождение угнетённых национальностей бывшей Российской империи; экспроприация помещиков и капиталистов; подготовка условий для организации социалистического хозяйства, — таковы элементы стратегического плана большевиков в этот период. “Вся власть Советам” — так формулировали тогда большевики свой стратегический план...

Последующее развитие событий вплоть до Октябрьского переворота всецело подтвердило правильность этого стратегического плана»¹.

Лозунг «Вся власть Советам» жив у российских коммунистов и поныне. Он записан и Программе КПРФ. Сохраняя этот революционный лозунг, нам предстоит перевести его, как рекомендовал И.В. Сталин, из лозунга *агитации* в лозунг *действия*. Это, во-первых. Во-вторых, крепко помнить, что Советы — это не вывеска, не блестящий привлекательный бантик. Советы — это власть рабочих, крестьян, пролетариев умственного труда, солдат и полупролетариев, непосредственно участвующих в борьбе за социализм, за общество социальной справедливости, то есть общество без эксплуатации человека человеком, без владычества частной собственности.

Созданию такого общества и отдал свою жизнь большевик Иосиф Виссарионович Сталин. А поскольку возводимый объект был сложным, то неизбежны были неудачи, просчёты, ошибки, переходящие порой даже в преступления. Но в этом служении делу не было погони за личным обогащением, за корыстью. Даже сложившийся культ его личности он стремился использовать для укрепления мощи Советского государства.

О тактике борьбы с оппортунизмом

Через 20 месяцев после статьи «О стратегии и тактике русских коммунистов» И.В. Сталин снова возвращается к этой тематике. Если в марте 1923 года у Генерального секретаря ЦК РКП(б) было

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С.177–178.

лишь предчувствие грядущего покушения внутри партии на ленинизм, на большевизм, то в декабре 1924 года это покушение стало реальностью: Троцкий снова поднял на щит свою теорию перманентной революции. Теперь большевизм предстояло защищать от «небольшевизма Троцкого», на который указывал В.И. Ленин в своём известном «Письме к съезду». Статья «Октябрьская революция и тактика российских коммунистов» была написана в качестве предисловия к книге «На путях к Октябрю».

В новой работе Генсек ЦК партии уже не объясняет, почему пришлось публиковать новую статью, как это он делал в марте в «Правде». Необходимость в объяснениях отпала, так как внутрипартийное противостояние приняло открытый характер. Нет здесь и скромных ссылок на то, что автор занят лишь популяризацией «идей, которые уже сказаны несколько раз в партийной литературе».

Сталин теперь занимает наступательную позицию. Во-первых, он обращается к сущности и особенностям Октябрьской революции, потому что они великолепно вскрывают оппортунистическую природу теории “перманентной революции”. Во-вторых, он прямо указывает: «Для того чтобы понять тактику большевиков в период подготовки Октября, необходимо уяснить себе, по крайней мере, некоторые особо важные особенности этой тактики. Это тем более необходимо, что в многочисленных брошюрах о тактике большевиков нередко обходятся именно эти особенности»¹. Иначе говоря, в повестке дня снова вопрос о защите большевизма. Защищать приходится прежде всего Великую Октябрьскую революцию как воплощение диктатуры пролетариата.

Внутрипартийные пораженцы уже начали объяснять появление большевизма крестьянской спецификой России, тем самым не только отрицая его международное значения, но и возможность построения социализма в одной стране. У Троцкого находились влиятельные сторонники, как и он, видевшие в крестьянстве контрреволюционный класс. В такой ситуации начались атаки и на диктатуру пролетариата, потому что её носителем в стране победившего Октября был союз пролетариата и крестьянства. Иные политики, претендовавшие на особый статус в познании теории и истории марксизма, забыли, что идея диктатуры пролетариата принадлежала К. Марксу, а первым опытом её установления была Парижская коммуна.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 380.

Один из исходных тезисов Сталина краток и ёмок, словно высечен из вечного камня: «Ленинская теория диктатуры пролетариата есть не чисто “русская” теория, а теория, обязательная для всех стран. Большевизм не есть только русское явление. “Большевизм”, — говорит Ленин, — есть “образец тактики для всех”»¹.

Вот уже 100 лет в международном коммунистическом движении наши товарищи по идеологии, подчёркивая величие Октябрьской революции, нередко называют её Большевистской революцией, указывая тем самым на международное значение и Великого Октября, и большевизма. Но у неё были и свои особенности. На них и обращает внимание Сталин:

«Существуют две особенности Октябрьской революции, уяснение которых необходимо прежде всего для того, чтобы понять внутренний смысл и историческое значение этой революции.

Что это за особенности?

Это, во-первых, тот факт, что диктатура пролетариата родилась у нас, как власть, возникшая на основе союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства, при руководстве последними со стороны пролетариата. Это, во-вторых, тот факт, что диктатура пролетариата утвердилась у нас, как результат победы социализма в одной стране, капиталистически мало развитой, при сохранении капитализма в других странах, капиталистически более развитых. Это не значит, конечно, что у Октябрьской революции нет других особенностей. Но для нас важны теперь именно эти две особенности не только потому, что они отчетливо выражают сущность Октябрьской революции»². Он тут же указывает на то, что эти особенности не только опровергают концепцию перманентной революции, но и свидетельствуют о непонимании троцкистами природы и сущности Великого Октября.

Впрочем, потребность в разъяснении этих особенностей ощущалась и партийцами, далёкими от «небольшевизма Троцкого». Дело в том, что уровень теоретической подготовки партийных рядов снизился. 20-процентное пополнение РКП(б), состоявшее из рабочих от станка, отличалось прекрасным классовым чутьём, но его теоретическая подготовка была явно недостаточной, и в этом отношении она в немалой степени походила на нынешнюю ситуацию в КПРФ. Поэтому сталинское объяснение большевизма и его проявления

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 365.

² Там же. С. 362.

в разработке стратегии и тактики Октябрьской революции имело большое общепартийное значение, которое сохраняется и сегодня. К тому же следует иметь в виду большевистский реализм политического анализа, лишённого приукрашиваний и лакировки истории.

Сталин писал: «На самом деле у большевиков не было, да и не могло быть в марте 1917 года готовой политической армии. Большевики лишь создавали такую армию (и создали её, наконец, к октябрю 1917 года) в ходе борьбы и столкновений классов с апреля по октябрь 1917 года, создавали её и через апрельскую манифестацию, и через июньскую и июльскую демонстрации, и через выборы в районные и общегородские думы, и через борьбу с корниловщиной, и через завоевание Советов...»¹

Генеральный секретарь ЦК РКП(б) объясняет, как в таких сложных условиях большевики приближали пролетариат к победе:

«1) партия за весь период подготовки Октября неуклонно опиралась в своей борьбе на стихийный подъём массового революционного движения;

2) опираясь на стихийный подъём, она сохраняла за собой безраздельное руководство движением;

3) такое руководство движением облегчало ей дело формирования массовой политической армии для Октябрьского восстания;

4) такая политика не могла не привести к тому, что вся подготовка Октября прошла под руководством *одной* партии, партии большевиков;

5) такая подготовка Октября, в свою очередь, привела к тому, что в результате Октябрьского восстания власть оказалась в руках *одной* партии, партии большевиков»².

И здесь Сталин делает ключевой вывод, характеризующий важную особенность Великой Октябрьской социалистической революции, который, похоже, до сих пор не получил признания глобальной закономерности: «Итак, безраздельное руководство *одной* партии, партии коммунистов, как основной момент подготовки Октября, — такова характерная черта Октябрьской революции, такова первая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября...

Этим выгодно отличается Октябрьская революция от революции 1871 года во Франции, где руководство революцией делили между

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 381–382.

² Там же. С. 383.

собой две партии, из коих ни одна не может быть названа коммунистической партией»¹.

Вывод безусловно оригинальный. Поэтому Сталин подробно его аргументирует. Прежде всего он отвечает на вопрос, по какой линии проходило руководство большевиков подготовкой замены господства буржуазии рабоче-крестьянской властью: «Руководство это проходило по линии изоляции *соглашательских* партий, как наиболее опасных группировок»².

Надо отметить, что *Сталин рассматривает изоляции соглашательских партий в качестве закономерности стратегии большевизма, ибо считает, что «без такой стратегии гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции была бы невозможна»*. Он обращает внимание, с одной стороны, на последовательное проведение в жизнь этой тактической позиции большевиков, а с другой стороны, на точный учёт изменяющихся условий.

«В период борьбы с царизмом, в период подготовки буржуазно-демократической революции (1905–1916), — указывает он, — наиболее опасной социальной опорой царизма являлась либерально-монархическая партия, партия кадетов. Почему? Потому, что она была партией соглашательской, партией *соглашения* между царизмом и большинством народа, т. е. крестьянством в целом. Естественно, что партия направляла тогда главные удары против кадетов, ибо, не изолировав кадетов, нельзя было рассчитывать на *разрыв* крестьянства с царизмом, не обеспечив же этого разрыва, — нельзя было рассчитывать на победу революции»³.

Такова диалектика классового подхода к анализу общественно-политических процессов. Во-первых, основная масса солдат была крестьянами, поддержка рабочего класса переодетым в шинели крестьянством становилась одной из важнейших предпосылок свержения царизма. Здесь закладывался будущий союз пролетариата сначала с полупролетарскими слоями крестьянства, а затем и с середняком, то есть с основной массой крестьянства.

После свержения царизма ситуация существенно изменилась. Но соглашательство как политическое явление осталось. Более того, оно теперь трансформировалось в социал-соглашательство. «В этот период, — подчёркивает Сталин, — наиболее опасной социальной

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 383.

² Там же. С. 384.

³ Там же.

опорой империализма являлись мелкобуржуазные демократические партии, партии эсеров и меньшевиков. Почему? Потому, что эти партии были тогда партиями соглашательскими, партиями *соглашения* между империализмом и трудящимися массами. Естественно, что главные удары большевиков направлялись тогда против этих партий, ибо без изоляции этих партий нельзя было рассчитывать на *разрыв* трудящихся масс с империализмом, без обеспечения же этого разрыва нельзя было рассчитывать на победу советской революции. Многие не понимали тогда этой особенности большевистской тактики, обвиняя большевиков в “излишней ненависти” к эсерам и меньшевикам и в “забвении” ими главной цели. Но весь период подготовки Октября красноречиво говорит о том, что только такой тактикой могли обеспечить большевики победу Октябрьской революции»¹.

Автор предисловия к книге «На путях к Октябрю» обращает внимание на то, что «история этого периода есть история борьбы эсеров и меньшевиков, с одной стороны, и большевиков, с другой стороны, за трудящиеся массы крестьянства, за овладение этими массами. Судьбу этой борьбы решили коалиционный период, период керенщины, отказ эсеров и меньшевиков от конфискации помещичьей земли, борьба эсеров и меньшевиков за продолжение войны, июньское наступление на фронте, смертная казнь для солдат, корниловское восстание. И решили они эту судьбу исключительно в пользу большевистской стратегии. Ибо без изоляции эсеров и меньшевиков невозможно было свергнуть правительство империалистов, без свержения же этого правительства невозможно было вырваться из войны. Политика изоляции эсеров и меньшевиков оказалась единственно правильной политикой.

Итак, изоляция партий меньшевиков и эсеров, как основная линия руководства делом подготовки Октября, — такова вторая особенность тактики большевиков»².

Но исследуя стратегию и тактику большевиков, Сталин не ограничивается осмыслением тенденции борьбы с соглашательскими партиями, прежде всего с социал-соглашателями. Он считает крайне важным обратить внимание на методы работы партии среди народных масс. Эту политическую технологию он рассматривал как третью особенность Великого Октября: «Руководство партии делом подготовки Октября проходило, таким образом, по линии изоляции

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 385.

² Там же. С. 386.

партий эсеров и меньшевиков, по линии отрыва от них широких масс рабочих и крестьян. Но как осуществлялась партией эта изоляция конкретно, в какой форме, под каким лозунгом? Она осуществлялась в форме революционного движения масс за власть Советов, под лозунгом “Вся власть Советам!”, путём борьбы за превращение Советов из органов мобилизации масс в органы восстания, в органы власти, в аппарат новой пролетарской государственности»¹.

Во внутренней борьбе советских, то есть входящих в Петросовет и другие Советы, партий за советовластие отмечаются две стадии: первая во время двоевластия и вторая после поражения корниловского мятежа.

«На первой стадии, — подчёркивал Сталин, — этот лозунг означал разрыв блока меньшевиков и эсеров с кадетами, образование советского правительства из меньшевиков и эсеров (ибо Советы были тогда эсерово-меньшевицкими), право свободной агитации для оппозиции (т. е. для большевиков) и свободную борьбу партий внутри Советов в расчёте, что путём такой борьбы удастся большевикам завоевать Советы и изменить состав советского правительства в порядке мирного развития революции. Этот план не означал, конечно, диктатуры пролетариата. Но он несомненно облегчал подготовку условий, необходимых для обеспечения диктатуры, ибо он, ставя у власти меньшевиков и эсеров и вынуждая их провести на деле свою антиреволюционную платформу, ускорял разоблачение подлинной природы этих партий, ускорял их изоляцию, их отрыв от масс.

Поражение корниловского восстания открыло вторую стадию. Лозунг “Вся власть Советам!” вновь стал на очереди. Но теперь... его содержание изменилось коренным образом. Теперь этот лозунг означал полный разрыв с империализмом и переход власти к большевикам, ибо Советы в своём большинстве были уже большевицкими. Теперь этот лозунг означал прямой подход революции к диктатуре пролетариата путём восстания... этот лозунг означал организацию и государственное оформление диктатуры пролетариата»².

Итак, политика превращения Советов в органы государственной власти как важнейшее условие изоляции соглашательских партий и победы диктатуры пролетариата — третья особенность тактики большевиков в период подготовки Октября, которую отмечал И.В. Сталин.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 386—387.

² Там же. С. 388—389.

И, наконец, четвёртая особенность. Генеральный секретарь ЦК РКП(б) считал, что «для победы революции, если эта революция является действительно народной, захватывающей миллионные массы, — недостаточно одной лишь правильности партийных лозунгов. Для победы революции требуется... чтобы сами массы убедились на собственном опыте в правильности этих лозунгов. Только тогда лозунги партии становятся лозунгами самих масс...

*Иначе говоря, одна из особенностей тактики большевиков состоит в том, что она не смешивает руководство партией с руководством массами, что она ясно видит разницу между руководством первого рода и руководством второго рода, что она является, таким образом, наукой не только о руководстве партией, но и о руководстве миллионными массами трудящихся*¹ (Выделено мной. — В.Т.).

Приведя в качестве наглядного примера проявления этой особенности большевистской тактики в опыте с созывом и разгоном Учредительного собрания, Сталин делает вывод: «Итак, умение убеждать массы на своём собственном опыте в правильности партийных лозунгов путём подвода этих масс к революционным позициям, как важнейшее условие завоевания на сторону партии миллионов трудящихся, — такова четвёртая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября»².

Работа «Октябрьская революция и тактика российских коммунистов», ставшая предисловием к книге Сталина «На путях к Октябрю», представляет собой творческое осмысление тактики партии большевиков в подготовке Великой Октябрьской социалистической революции. Она безусловно полна критического накала в обострявшейся внутривнутрипартийной борьбе. Но эта работа одновременно обобщает большевистскую тактику революционной борьбы, являющейся не столько историческим музейным экспонатом, сколько методологическим указанием следующим поколениям партийцев. Её главный мотив: требование от коммунистов непрерывных революционных действий. Да, они должны осуществляться с максимальным учётом конкретных условий. Но ни в коем случае недопустимы бездействие и социал-соглашательство. Строго говоря, этот вывод является основным смыслом всего чествования 140-летия со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина, революционера-большевика.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 390—391.

² Там же. С. 395.

ОЧЕРК ВОСЬМОЙ

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕНИНИЗМА

26 января 1924 года Генеральный секретарь ЦК РКП(б) И.В. Сталин от имени партии дал клятву верности делу Ленина

Смерть всегда неожиданна, даже если в некрологе пишут: скончался после тяжёлой и продолжительной болезни. Она тем более неожиданна, когда люди хотят, чтобы этот горький день отодвинулся как можно дальше. Январь 1924 года был насыщен политически важнейшими событиями. 16–18 января проходила XIII конференция РКП(б), на следующий день после её завершения открылся XI Всероссийский съезд Советов. На 26 января было назначено открытие II Всесоюзного съезда Советов, которому предстояло принять первую Конституцию Союза ССР. В эту напряжённую деловую жизнь молодой (шёл седьмой год после Великой Октябрьской социалистической революции) Советской страны ворвался всенародный траур. Теперь он диктовал порядок заседаний обоих съездов Советов.

Первое заседание Всесоюзного съезда, состоявшееся накануне похорон Владимира Ильича Ленина, было траурным. На нём выступали руководители Советского государства и Коммунистического Интернационала, представители рабочих и крестьян, народов Закавказья и Туркестана, профсоюзов и комсомола, Академии наук и Красной Армии. Самой строгой и более всего соответствовавшей моменту оказалась речь И.В. Сталина, выступавшего, как было указано председательствующим, от имени РКП(б). Это было слово-клятва, слово-обязательство, данное Российской коммунистической партией (большевиков) её создателю и вождю. Это было самое содержательное и впечатляющее выступление на траурном митинге. Так оценивали его даже очернители Сталина. Но одновременно это был чёткий аксиологический анализ ленинизма, анализ главных ценностей партии, выпестованной Владимиром Ильичом Лениным.

Уже первые сталинские слова напоминали гвозди, которые говорящий вбивал... да не в скрижали истории, а в сознание человечества:

«Товарищи! Мы, коммунисты, люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы – те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, чем честь принадлежать к этой армии»¹.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 46.

95 лет назад была дана клятва не только от имени полумиллиона членов РКП(б), но и от тех миллионов, которые вступили в нашу Коммунистическую, большевистскую партию в течение всех прошедших 100 с лишним лет, от имени тех, кто придёт в неё завтра, послезавтра и спустя ещё много-много лет. По верности этой клятве можно и нужно судить не только о партийцах, но и в целом о партии на всех этапах её трудного, совсем не ровного пути. И не важно, значилось ли на обложке билета «ВКП(б)», «КПСС» или сегодняшнее «КПРФ», «КПУ», «КПБ» и т.д.

От имени товарищей по партии Сталин говорил:

«Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является товарищ Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны невероятных лишений и героических усилий — вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии. Вот почему партия ленинцев, партия коммунистов, называется вместе с тем партией рабочего класса»¹.

Ещё до того, как были произнесены эти слова, в газетах появились первые сообщения о массовой подаче заявлений в ряды РКП(б). В «Правде» такая информация с десятков предприятий впервые была опубликована 24 января под рубрикой «На заводах и фабриках». 31 января ЦК РКП(б) принял постановление о фактически уже проходившем Ленинском призыве.

Эта форма потом использовалась Компартией не раз. Пленум ЦК РКП(б) в постановлении «О приёме рабочих от станка в партию» и Обращении «К рабочим и работницам» установил срок для проведения Ленинского призыва с 15 февраля до 15 мая 1924 года. ЦК постановил принимать в Коммунистическую партию исключительно рабочих, занятых в индустриальном производстве. Особое внимание уделялось вовлечению в партию рабочих-комсомольцев. За два месяца в ленинскую партию было подано свыше 350 тысяч заявлений, но принято лишь 241,6 тысячи человек. Из них 92,4% — рабочие. В результате доля рабочих в РКП(б) поднялась с 40 до 60%. Каждый из почти четверти миллиона новых партийцев по сути ставил свою подпись под клятвой:

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 46.

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!»¹

Сталинская клятва никому не казалась пустозвонством. Во-первых, она отражала отношение не только партийцев, но и всех сторонников Советской власти к Владимиру Ильичу Ленину. Во-вторых, друзья и недруги Сталина знали его как последовательного сторонника Ильича, даже слегка иронизировали над ним, называя его «тенью Ленина».

Примечательны опубликованные в «Правде» 15 сентября 1922 года сталинские заметки «Товарищ Ленин на отдыхе». Они источают его какую-то юношескую влюблённость в более старшего и мудрого товарища: «Поражает в тов. Ленине жадность к вопросам и рвение, непреодолимое рвение к работе. Видно, что изголодался. Процесс эсеров, Генуя и Гаага, виды на урожай, промышленность и финансы — все эти вопросы мелькают один за другим. Он не торопится высказать своё мнение, жалуясь, что отстал от событий. Он главным образом спрашивает и мотает на ус. Очень оживляется, узнав, что виды на урожай хорошие.

Совершенно другую картину застал я спустя месяц. На этот раз тов. Ленин окружён грудой книг и газет (ему разрешили читать и говорить о политике без ограничения). Нет больше следов усталости, переутомления. Нет признаков нервного рвения к работе, — прошёл голод. Спокойствие и уверенность вернулись к нему полностью. Наш старый Ленин, хитро глядящий на собеседника, прищурив глаз...»²

Нельзя не заметить признательность ученика великому учителю в утверждении: «25 лет пестовал товарищ Ленин нашу партию и выпестовал её, как самую крепкую и самую закалённую в мире рабочую партию»³.

Но дальше в музыке клятвы звучат (или только слышатся сейчас, когда мы знаем все перипетии внутривнутрипартийной борьбы, ренегатский по своей сущности XXVIII съезд КПСС, подлый спектакль 23 августа двух никчёмных «артистов» Ельцина и Горбачёва, — одинаково соучаствовавших в уничтожении коллективного вождя Великого Октября?) исподволь тревожные ноты:

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 46.

² Там же. Т. 5. С. 135.

³ Там же. Т. 6. С. 46.

«Наша партия стояла, как утёс, отражая бесчисленные удары врагов и ведя рабочий класс к победе. В жестоких боях выковала наша партия единство и сплочённость своих рядов. Единством и сплочённостью добилась она победы над врагами рабочего класса.

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!»¹

Если крепкий утёс так надёжен и так монолитен, то в чём необходимость беречь его, как зеницу ока?

Утёс, конечно, крепок. Но нельзя не видеть отбойные молотки, готовые к его разрушению. Осенью 1923 года, воспользовавшись хозяйственными трудностями ещё не восстановленной после восьми военных лет экономики, а также болезнью В.И. Ленина, начали атаку на политику партии и её руководства троцкисты. Во-первых, они попытались противопоставить рабочему классу учащуюся молодёжь, лстиво объявив её «барометром» РКП(б). Во-вторых, Троцкий навязал партии очередную дискуссию. Правда, в итоге его позицию поддержали всего 1,3% партийцев, тогда как за политику ЦК высказались 98,7% членов партии. Закончившаяся за три дня до смерти В.И. Ленина XIII конференция РКП(б), подведя итоги дискуссии, записала в своих решениях, что «в лице нынешней оппозиции мы имеем перед собою не только попытку ревизии большевизма, не только прямой отход от ленинизма, но и явно выраженный мелкобуржуазный уклон»². О трещине между партией и Л.Д. Троцким говорило уже то, что отдохавший председатель Реввоенсовета не счёл нужным приехать с юга в Москву на похороны В.И. Ленина.

Борьба за единство партии была для И.В. Сталина приоритетной политической задачей. Неудивительно, что она включала опровержение троцкистских фальсификаций истории, содержащихся в его новой книге «Уроки Октября». В работе «Троцкизм или ленинизм?» Сталин решительно заявляет, что «никакой особой роли ни в партии, ни в Октябрьском восстании не играл и не мог играть Троцкий, человек сравнительно новый для нашей партии в период Октября. У него был свой руководитель и вдохновитель. Но это был Ленин, а не кто-либо другой»³.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 47.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Том второй. М.: ИПЛ. 1970. С.511.

³ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 329.

Сталин приводит внушительные аргументы. Приняв 10 (23) октября 1917 года ленинскую резолюцию о курсе на восстание, «Центральный Комитет выбирает на этом же заседании *политический* центр по руководству восстанием под названием Политическое бюро в составе Ленина, Зиновьева, Сталина, Каменева, Троцкого, Сокольников и Бубнова»¹. Сталин продолжает: «Возьмём протоколы следующего заседания ЦК от 16 (29) октября 1917 года... Выбирается *практический* центр по организационному руководству восстанием. Кто же попадает в этот центр. В этот центр выбирается пятеро: Свердлов, Сталин, Дзержинский, Бубнов, Урицкий... Таким образом, на этом заседании ЦК произошло, как видите, нечто «ужасное», т.е. в состав практического центра, призванного руководить восстанием, «странным образом» не попал «вдохновитель», «главная фигура», «единственный руководитель» восстания, Троцкий»².

И далее: «Троцкий действительно хорошо дрался в Октябре. Но в период Октября хорошо дрался не только Троцкий, не дурно дрались даже такие люди, как левые эсеры, стоявшие тогда бок о бок с большевиками. Вообще я должен сказать, что в период победоносного восстания, когда враг изолирован, а восстание нарастает, нетрудно драться хорошо... Но кому не известно, что эти «храбрые» бойцы ударились в панику во время Бреста, когда наступление германского империализма бросило их в отчаяние и истерику. Крайне печально, но факт несомненный, что у Троцкого, хорошо дравшегося в период Октября, не хватило мужества в период Бреста, в период временных неудач революции, для того, чтобы проявить достаточную стойкость в эту трудную минуту и не пойти по стопам левых эсеров»³.

От фактов Сталин переходит к сущности, отмечая особенности, ставящие троцкизм в непримиримое противоречие с ленинизмом:

«*Во-первых*. Троцкизм есть теория «перманентной» (непрерывной) революции. А что такое перманентная революция в её троцкистском понимании? Это есть революция без учёта маломощного крестьянства как революционной силы. «Перманентная» революция Троцкого есть, как говорил Ленин, «перепрыгивание» через крестьянское движение, «игра в захват власти»...

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 326.

² Там же. С. 328.

³ Там же. С. 329–330.

Во-вторых. Троцкизм есть недоверие к большевистской партийности, к её монолитности, к её враждебности к оппортунистическим элементам. Троцкизм в организационной области есть теория сожительства революционеров и оппортунистов...»¹.

Сталинская клятва — это обязательство людей, которые считают себя ленинцами, хотят ими быть в повседневной практике. А Ленин настойчиво (об этом необходимо напоминать вновь и вновь) утверждал: «Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое главное отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма»².

Сталин в речи на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов заявил:

*«Величие Ленина в том, прежде всего, и состоит, что он, создав Республику Советов, тем самым показал на деле угнетённым массам всего мира, что надежда на избавление не потеряна, что господство помещиков и капиталистов недолговечно, что царство труда можно создать усилиями самих трудящихся, что царство труда нужно создать на земле, а не на небе. Этим он зажжёт сердца рабочих и крестьян всего мира надеждой на освобождение. Этим и объясняется тот факт, что имя Ленина стало самым любимым именем трудящихся и эксплуатируемых масс»*³ (Выделено мной. — В. Т.).

Однако середина 1920-х годов оказалась сложным периодом в истории Советского государства. Самой существенной проблемой Советской власти в середине 1920-х годов было изменение международной обстановки. От надежд на мировую революцию, на начало социалистического строительства в экономически развитых странах Европы, которые могли бы, в случае успеха своих социалистических революций, помочь Республике Советов в преодолении хозяйственной отсталости, пришлось отказаться. В 1925 году в опубликованной в «Правде» статье «Октябрь, Ленин и перспективы нашего развития» Сталин указывал на «наличие двух лагерей в мире: лагеря *капитализма*, временно стабилизирующего... и лагеря *социализма*»⁴.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 349–350.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 34.

³ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 48.

⁴ Там же. Т. 7. С. 253.

Новая ситуация вновь сделала актуальным вопрос о возможности победного социалистического строительства в одной отдельно взятой стране. Вновь всплыла троцкистская теория «перманентной» революции. Сталин так охарактеризовал её подновлённый вариант образца 1924 года: «Неверие в силы и способности нашей революции, неверие в силы и способности российского пролетариата — такова подпочва теории «перманентной революции».

До сего времени отмечали обычно *одну* сторону теории «перманентной революции» — неверие в революционные возможности крестьянского движения. Теперь, для справедливости, эту сторону необходимо дополнить *другой* стороной — неверием в силы и способности пролетариата России... Теория «перманентной революции» Троцкого есть разновидность меньшевизма»¹.

А меньшевизм никогда не был сторонником диктатуры пролетариата. Сталин же от имени партии решительно обещал:

*«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянётся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своих сил, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!»*²

Небольшевизм Троцкого перерастал в антиленинизм. Чтобы отстоять возможность победы социализма в одной стране, нужно было осуществить идейный разгром троцкизма как политического течения. Отказ от такой позиции равнозначен признанию невозможности сохранить диктатуру пролетариата в России.

Скольжение в сторону от большевизма (а Сталин подчёркивал: «Большевизм и ленинизм — едино суть»³) оказалось присуще и отдельным авторитетным политическим деятелям, которые относились к старой большевистской гвардии, которые ещё недавно активно выступали против Троцкого. Именно так случилось с Зиновьевым и Каменевым. Не забудем: победа социализма в одной стране предполагала безоговорочное не только признание ведущей роли рабочего класса в социалистическом созидании, но и его союз с трудовым крестьянством. *«Диктатура пролетариата, — отмечал Сталин, — создавалась в нашей стране на основе союза рабочих и крестьян. Это первая и коренная основа Республики Советов. Рабочие и крестьяне не могли бы победить капиталистов и помещиков без наличия такого союза. Рабочие не могли бы разбить капиталистов без поддержки кре-*

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 378, 379.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 353.

стьян. Крестьяне не могли бы разбить помещиков без руководства со стороны рабочих»¹ (Выделено мной. — В.Т.).

Зиновьев же в период активно развёртывавшегося социалистического строительства вместо курса на укрепление союза рабочего класса с трудовым крестьянством, с середняком, составляющим его основу, продолжал настаивать на... нейтрализации середняка, претендуя при этом на роль единственного толкователя ленинского идейного наследия. В ответ Сталин замечает, что зиновьевский пересказ теории Ленина приводит к извращению ленинских взглядов:

«С крестьянством вообще против царя и помещиков — это буржуазная революция. С беднотой против буржуазии — это Октябрьская революция. Это всё хорошо. Два ленинских лозунга даны. А как быть с третьим лозунгом Ленина — с середняком против кулака за социалистическое строительство? Его нет у Зиновьева. Он пропал. ...Однако если мы тут не прибавим третьего лозунга Ленина о прочном союзе пролетариата и бедноты с середняком, то рискуем исказить Ленина, как искажает его Зиновьев»².

Объективный характер классового расслоения мелкой буржуазии приобретает актуальность в современной деятельности КПРФ. Правда, мелкобуржуазная часть общества теперь не исчерпывается крестьянством, которое к тому же активно подвергается пролетаризации. Мелкая буржуазия сегодня больше сосредоточена в городе. Здесь она представлена не только мелким лавочником, которого торговый капитал тоже всё больше превращает в наёмного работника, не только владельцами мелких мастерских. Активным носителем мелкобуржуазности является и «офисный планктон».

Вероятно, в этих социальных группах надо, во-первых, чётко отличать эксплуатируемых работников от тех, кто в той или иной форме присваивает создаваемую наёмным трудом прибыль. Во-вторых, не путать мелких собственников, являющихся одновременно труженниками, с дельцами, владеющими средним бизнесом и не являющимися непосредственными участниками создания продукта. В-третьих, предстоит осмыслить ленинскую методологию дифференцированного подхода к согражданам, занятым к сфере малого предпринимательства, на разных этапах будущих преобразований в России. Любая непоследовательность в классовом подходе к социально-экономическим процессам оборачивается капканами, рас-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 48.

² Там же. Т. 7. С. 374.

ставляемыми перед будущим возвращением к социалистическому строительству, когда рабочий класс тоже будет нуждаться в надёжном союзнике.

За год до атак Зиновьева на союз рабочего класса и крестьянства Сталин в своей речи-клятве говорил:

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!»¹

Второй, после укрепления союза рабочего класса и трудового крестьянства, основой диктатуры пролетариата Сталин в речи-клятве называл *«союз трудящихся национальностей нашей страны»²*. Он подчёркивал, что *«товарищ Ленин неустанно говорил нам о необходимости добровольного союза народов нашей страны, о необходимости братского их сотрудничества в рамках Союза Республик»³*. (Курсив мой. — В. Т.). И от имени партии Сталин обещал:

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять и расширять Союз Республик. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь!»⁴

Надо самокритично признать: не Сталин, а наше поколение коммунистов не выполнило данную им от нашего имени клятву. Следовательно, нам, сегодняшним, чтобы возродить Союз Республик, предстоит, не откладывая на завтра, каждодневно *работать над укреплением союза трудящихся бывших республик СССР*. Здесь к месту ещё раз повторить сталинские слова о том, что основой союза наших народов является *«союз трудящихся национальностей нашей страны»*. Именно через эту призму нам необходимо рассматривать каждый свой шаг, жест, слово. Скажем, политика коммунистов принципиально не может совпадать с миграционной политикой буржуазного российского правительства, так как интересы труда и капитала полярные.

На траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов Сталин говорил: *«Третьей основой диктатуры пролетариата, является наша Красная Армия, наш Красный Флот»⁵*. (Курсив мой. — В. Т.). Актуален ли этот тезис для дня бегущего? Ясно же, что не может быть в буржу-

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 49.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

азном, «белом» государстве Красной Армии. Но так ли всё просто?

19 января 1925 года, выступая на пленуме ЦК РКП(б), Сталин обратил внимание на то, что «у нас сложилось некоторое ликвидаторское настроение в отношении армии. У нас есть товарищи, которые говорят, что помаленьку на тормозах надо спускать армию и свести её к милиции. Речь идёт не о милиционной системе, а о мирной армии, о превращении армии в простую милицию, не способную быть готовым к военным осложнениям»¹. В его требовании «решительно ликвидировать это ликвидаторское настроение» таится глубинный смысл. Идея превращения армии в милицию в те годы была тесно связана с бытовавшим ещё в партии представлением о том, что государство по мере перехода страны к развёрнутому социалистическому строительству должно отмирать.

Сталин же следует диалектическому принципу: явление может отмереть лишь тогда, когда полностью исчерпает свои потенции. Он был убеждён, что этот философский постулат относится в полной мере и к социалистическому государству. Не случайно к этому вопросу он обращался постоянно, в том числе в последней работе «Экономические проблемы социализма в СССР». И это мы, современные коммунисты, как и те, кто заступит нам в след, должны обязательно иметь в виду. У гроба Ленина Сталин говорил:

*«Поклянёмся же, товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную Армию, наш Красный Флот!»*² (Курсив мой. — В. Т.).

Есть в этих словах, как и во всей клятве актуальный и для нашего дня аспект. Армия всегда требует к себе ленинско-сталинского классового подхода. Красную Армию Ленин и Сталин рассматривали как инструмент защиты рабоче-крестьянской Советской власти от сил внутреннего и международного капитала. Он противостоял Советской стране тоже мощью своих армий. Ленин и Сталин учили, что в буржуазном государстве армия служит всевластию капитала. Об этой истине нам напомнили танковые пушки 4 октября 1993 года. Их пальба всегда будет стоять в ушах коммунистов, когда придётся решать вопросы отношения к армии капиталистического режима. Но и здесь надо помнить о диалектике. Классовый подход к армии — вооружённой силе капитала — не может существовать в отрыве от политической работы среди одетых в солдатские (да и офицерские

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 11.

² Там же. Т. 6. С. 50.

тоже) шинели и флотские бушлаты детей рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции — детей наёмных работников, эксплуатируемых и угнетаемых диктатурой капитала.

В клятве Коммунистической, большевистской партии её основателю Сталин удивительно точно поставил заключительную точку:

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам верность принципам Коммунистического Интернационала. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы не поощрим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал!»¹

И давайте будем иметь в виду, что Коммунистический Интернационал — это не только организационная форма межпартийных связей, не только конгрессы, речи, постановления и прочие документы. Коммунистический Интернационал — это отношения между сторонниками марксистско-ленинского мировидения всех стран, это отношения классовой солидарности всей планеты. А их формы могут меняться, так как носят конкретно исторический характер. Незаменимым же остаётся коммунистический лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Что касается нас, членов КПРФ, то нам непозволительно забывать, что и от нашего имени Сталин говорил у гроба вождя: «Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы не поощрим своей жизни, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал!»

Почти век спустя мы, наследники большевиков, решительно повторяем: «Клянёмся!» Клянёмся беречь ценности ленинизма, так чётко сформулированные Сталиным.

А иначе мы перестанем быть коммунистами.

ОЧЕРК ДЕВЯТЫЙ

«МЫ ВСЕ — УЧЕНИКИ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА»

В истории нет никого, кроме людей, которые в своей деятельности, вступая в отношения друг с другом, стремятся удовлетворять свои потребности и защищать свои интересы. Поэтому, когда мы сегодня решительно заявляем, что Иосиф Виссарионович Сталин вернулся в актуальную политику, то это значит, что Сталин нужен в современной

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 51.

актуальной политике нашему классу — прежде всего рабочему классу, а вместе с ним и всему пролетариату, то есть наёмным, эксплуатируемым работникам как физического, так и умственного труда. Нужен как символ классовой борьбы за Советскую власть, как знамя бурно развивавшейся Советской державы. Для нас, в том числе коммунистов-атеистов, он выступает надёжной обороной от всех отказников, от всех перевёртышей-коммуномутантов, от самой возможности социал-соглашательства. Но для того, чтобы он выполнял роль правофлангового в современной классовой борьбе, мы должны быть ленинцами. «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше», — это обязательный принцип коммунистического убеждения и поведения. Это — требование к любому, кто защищает Сталина от наших общих с ним врагов. Потому, что Сталин всегда был ленинцем. В его известном заявлении 16 октября 1952 года на организационном пленуме ЦК КПСС, состоявшемся по завершении XIX партсъезда: «Нет у меня никаких учеников. Мы все — ученики великого Ленина»¹ (Сталин И.В. Соч. Т. 18. С. 586), — не было никакого жеманства, никакой показухи. Такова была его внутренняя позиция.

Чему Сталин учился у Ленина

На траурном заседании II съезда Советов СССР 26 января выступали многие политические деятели: председатель ЦИК СССР и ВЦИК М.И. Калинин, заместитель председателя Совнаркома и СТО СССР Л.Б. Каменев, председатель Исполкома Коммунистического Интернационала Г.Е. Зиновьев, председатель ВЦСПС М.П. Томский, главный редактор газеты «Правда» Н.И. Бухарин, К.Е. Ворошилов, Н.К. Крупская, Клара Цеткин и другие. Генеральный секретарь ЦК РКП(б) И.В. Сталин был одним из выступавших, и речь его была достаточно короткой. Но что существенно: он был единственный, кто выступил у гроба Ленина *с клятвой хранить в чистоте великое звание члена партии, беречь, как зеницу ока, единство партии, укреплять диктатуру пролетариата и союз рабочих и крестьян, Красную Армию и Красный Флот, укреплять и расширять союз социалистических республик, хранить верность принципам Коммунистического Интернационала.*

А через день было ещё одно выступление — перед кремлёвскими курсантами. Речь 28 января 1924 года была вдвое продолжительнее.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 18. С. 586.

Но главное её отличие: она выражала личное отношение Сталина к Владимиру Ильичу. При этом оратор всё время опирался только на конкретные факты.

И.В. Сталин начал рассказ с воспоминаний о первом письме, полученном от В.И. Ленина:

«Впервые я познакомился с Лениным в 1903 году. Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки. Но оно оставило во мне неизгладимое впечатление, которое не покидало меня за все время моей работы в партии. Я находился тогда в Сибири в ссылке. Знакомство с революционной деятельностью Ленина с конца 90-х годов и особенно после 1901 года, после издания “Искры”, привело меня к убеждению, что мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного... Письмецо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период. Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело, — когда каждая фраза не говорит, а стреляет. Это простое и смелое письмецо ещё больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии»¹.

Сталинское сравнение Ленина с горным орлом заслуживает особого внимания.

Ленинское письмо в сибирскую ссылку не сохранилось, так как подпольщики в России привыкли всю корреспонденцию уничтожать. Но сохранились два письма Сталина, написанные им в сентябре—октябре 1904 года своему товарищу по революционной борьбе в Закавказье М. Давиташвили, находившемуся в то время в Лейпциге. Они интересны тем, что в них ярко выражено отношение 25-летнего революционера к руководителю русских большевиков. В первом из них читаем: «Человек, стоящий на нашей позиции, должен говорить голосом твёрдым и непреклонным, В этом отношении Ленин — настоящий горный орёл»². Выходит, естественное для кавказца сравнение с орлом родилось у Сталина за 20 лет до выступления у кремлёвских курсантов и все годы сохранялось в восприятии им Ленина. Но оно не было предназначено для публики и при жизни В.И. Ленина ни разу публично не использовалось.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 52—53.

² Там же. Т. 1. С. 56.

Впрочем, два письма из Кутаиси, впервые опубликованные в 1-м томе «Сочинений» И.В. Сталина в 1946 году, привлекают серьёзным анализом молодого большевика ленинских политических позиций. В частности, Сталин анализирует работу «Что делать?» и критическую оценку, данную ей Г.В. Плехановым. Он пишет единомышленнику: «Заключение (практический вывод) отсюда таково: возвысим пролетариат до сознания истинных классовых интересов, до сознания социалистического идеала, а не то чтобы разменять этот идеал на мелочи или приспособить к стихийному движению. Ленин установил теоретический базис, на котором строится этот практический вывод. Стоит только принять эту теоретическую предпосылку, и никакой оппортунизм не подступит к тебе близко. В этом значение ленинской идеи. Называю её ленинской, потому что никто в русской литературе не высказывал её с такой ясностью, как Ленин»¹.

В январском номере тифлисской газеты «Пролетариатис Брдзола» («Борьба Пролетариата») Сталин печатает статью «Класс пролетариев и партия пролетариев (*По поводу первого пункта устава партии*)», в которой впервые публично пишет о достоинствах политической позиции Ленина как его ученик и последователь: «Значит, членом Российской социал-демократической рабочей партии может быть назван тот, кто принимает программу этой партии, оказывает партии материальную помощь и *принимает участие в одной на партийных организаций*».

Такова формулировка первого пункта партийного устава, данная тов. Лениным». В подстрочнике автор сообщает читателю: «Ленин — выдающийся теоретик и практик революционной социал-демократии»².

Весьма выразительны и актуальны заключительные строки этой сталинской статьи:

«На арену борьбы выступила армия пролетариев. Если всякая армия нуждается в своём передовом отряде, то и этой армии должен был понадобиться такой отряд. Отсюда появление группы пролетарских руководителей — Российской социал-демократической рабочей партии. Как передовой отряд определённой армии, эта партия, во-первых, должна быть вооружена своей собственной программой, тактикой и организационным принципом и, во-вторых,

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 1. С 58.

² Там же. С. 67–68.

должна представлять сплочённую организацию. Если спросим: кого мы должны назвать членом Российской социал-демократической рабочей партии, то эта партия может дать лишь один ответ: того, кто принимает программу партии, материально помогает партии и работает в одной из партийных организаций.

Эту именно очевидную истину и выразил тов. Ленин в своей замечательной формулировке»¹.

В этой статье молодой многообещающий закавказский большевик выражал уверенность, что III съезд РСДРП откажется от ошибочно принятой на предыдущем съезде мартовской формулировки первого параграфа устава и примет ленинский вариант пункта, определяющего требования к члену партии. Сталинский прогноз оказался точным: съезд, проходивший на гребне Первой русской революции, принял требование к члену партии непосредственно участвовать в деятельности партийной организации. Это случилось в мае 1905 года. А в декабре В.И. Ленин и И.В. Сталин встретились впервые. Это случилось на I всероссийской конференции большевиков в Таммерфорсе (Тампере).

Затем были встречи на IV объединительном (стокгольмском) съезде РСДРП (1906 год), где большевики оказались в меньшинстве, и на V съезде в Лондоне (1907 год), на котором они вышли победителями. Наблюдательный грузинский политик каждый раз отмечал новые для него, но очень существенные человеческие качества вождя революции, или, как говорил сам Сталин, «некоторые особенности Ленина, как человека и как деятеля».

Сразу же после VI (Пражской) всероссийской конференции РСДРП, на которой И.В. Сталин не присутствовал, он по предложению Ленина был кооптирован в число членов ЦК партии. На VI съезде РСДРП(б), проходившем в августе 1917 года и взявшем курс на вооружённое восстание, случилась своеобразная рокировка: из-за преследования Временного правительства на нём отсутствовал В.И. Ленин. По его поручению Политический доклад Центрального Комитета съезду делал И.В. Сталин, а после съезда он вошёл в состав бюро ЦК.

10 октября 1917 года Сталин был избран в Политбюро ЦК партии большевиков, которое под руководством Ленина осуществляло политическую подготовку революционного переворота. А через

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 1. С. 72–73.

5 дней расширенное заседание ЦК большевистской партии избирает Партийный центр по руководству восстанием под руководством Сталина. О том, что Владимир Ильич видел в Сталине надёжного единомышленника, свидетельствует и то, что Иосиф Виссарионович вошёл в состав первого Советского правительства, постоянно работал после победы Октябрьской революции в «узком составе» ЦК РКП(б), а с марта 1919 года неизменно был членом Политбюро ЦК, ставшего постоянно действующим органом партии. Верный ученик Ленина стал одним из его ближайших соратников. Он член Реввоенсовета Республики, ему постоянно приходится представлять Советскую власть на самых ответственных, самых трудных фронтах Гражданской войны.

Важную страницу в биографии И.В. Сталина занимает оборона Царицына (не случайно именно этот город в 1925 году получил имя Сталинграда, остальные города, которые носили имя Сталина, получили его позже, в годы культа личности Сталина). Практически ежедневно член РВС РСФСР докладывал председателю Совнаркома с места событий о положении дел в южном Поволжье и на Северном Кавказе: города Промышленного Центра ждали хлеб. В этих письмах и телеграммах обращает на себя внимание сугубо деловой стиль общения. Обращение только одно: «Товарищу Ленину». Никаких лирических отступлений.

Только однажды, 31 августа 1918 года, когда Сталин узнал, что Ленин ранен, в письме появляются скупые эмоции близкого человека. Непривычно звучит обращение: «Дорогой товарищ Ленин!». И совсем небывалое, совсем не официальное завершение письма: «Жму руку моему дорогому и любимому Ильичу»¹. Через четыре месяца Сталин командирован на Восточный фронт. Снова письма Ленину сугубо деловые, подчёркнуто без «личного начала». Таков же стиль писем в мае 1919 года из фронтового Петрограда.

Не бояться признавать ошибки

Вечером 23 апреля 1920 года в Московском комитете РКП(б) состоялось собрание по поводу 50-летия со дня рождения В.И. Ленина. По поводу этого собрания написано было много. Во-первых, стала знаменитой и широко цитируемой яркая и необычная для подобных случаев речь юбиляра.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 127.

Когда смолкли бурные аплодисменты, Владимир Ильич поблагодарил собравшихся за приветствия, которые были направлены в его адрес, а «ещё больше за то, что меня избавили от выслушивания юбилейных речей»¹.

Надо заметить, что вызывает изумление то, как провёл Ленин свой юбилейный день.

Он принял представителей Туркестанского фронта, доставивших в Москву 20 вагонов с хлебом в подарок В.И. Ленину к его 50-летию. Приняв подарок, юбиляр дал указание 10 вагонов передать рабочим торфяных разработок и 10 — детям Москвы, Петрограда и Иваново-Вознесенска.

Он председательствовал на заседании Совета труда и обороны (СТО), написал проект постановления, в котором предписывалось всем ведомствам и учреждениям оказывать помощь «Гознаку», редактировал проект телеграммы Л.Б. Красину и М.М. Литвинову об условиях товарообмена с французскими предпринимателями.

Он председательствовал на заседании Совнаркома.

Только поздно вечером он приехал в МК РКП(б), где в его честь проходило юбилейное собрание. В XXV томе третьего издания Сочинений В.И. Ленина (1929 год) в «Примечаниях» сообщается: «На вечере выступили с речами И.В. Сталин, Л.Б. Каменев, М.С. Ольминский, А.В. Луначарский и Максим Горький. К концу вечера, когда закончились выступления названных выше товарищей, в М.К. приехал Вл. Ильич». В 40-м томе Полного собрания сочинений (пятое издание, 1974 год) в «Примечаниях» среди выступавших не названы Сталин и Каменев, но указаны пролетарские поэты Кириллов и Александровский.

Выручила газета «Правда». В номере за 24 апреля 1920 года на первой полосе был опубликован газетный отчёт в 130 строк «Коммунистический вечер в честь В.И. Ленина». В ней сообщалось, что собрание открыл и его вёл секретарь МК РКП(б) А.Ф. Мясников (он погиб в авиакатастрофе в 1925 году). Доклад делал член Политбюро ЦК РКП(б), заместитель председателя СНК и СТО РСФСР Л.Б. Каменев. С яркими речами выступили многолетний друг Ленина великий писатель А.М. Горький и нарком просвещения, философ и драматург А.В. Луначарский, затем выступали рабочие поэты В.Т. Кириллов и В.Д. Александровский, член редколлегии «Правды», один из её редакторов в 1912–1914 годах М.С. Ольминский. Вы-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 325.

ступление И.В. Сталина было заключительным: В.И. Ленин выступал уже после перерыва.

Ленинская речь была впечатляющей своей неожиданностью. Назовите ещё политика, который бы в свой юбилей так сказал о возглавляемой им партии:

«Наша партия может теперь, пожалуй, попасть в очень опасное положение, — именно, в положение человека, который зазнался. Это положение довольно глупое, позорное и смешное. Известно, что неудачам и упадку политических партий очень часто предшествовало такое состояние, в котором эти партии имели возможность зазнаться... Поэтому та опасность, на которую нас наводят приведенные слова, должна быть сугубо учтена всеми большевиками порознь и большевиками, как целой политической партией»¹.

Эта серьёзная, самокритичная тональность не была задана первыми минутами юбилейного собрания. Попасть в эту тональность мог только тот, кто работал и мыслил в унисон Ленину, кто не на словах, а на деле считал себя одновременно и его учеником, и его соратником. В тот день получилось, что Сталин был именно таким человеком. О чём он говорил на юбилейном вечере? Вот его ответ: «После произнесенных речей и воспоминаний мне остается мало что сказать. Я хотел бы только отметить одну черту, о которой никто ещё не говорил, это — скромность товарища Ленина и его мужество признать свои ошибки»².

Говорить о признании юбиляром его ошибок как-то не принято. Не случайно в коротком правдинском отчёте 24 апреля 1920 года содержание сталинского выступления не пересказывалось. Но если его подход соотнести с ленинским выступлением, они синхронны: у них совпадает характер мышления. Ленин и Сталин соотносят факты с величием исторического процесса. Думается, только при глубоком взаимном уважении Сталин мог публично вспоминать «как Ленин, этот великан, дважды признавался в промахах, допущенных им»³.

Но у этой медали есть и другая сторона: выступление Сталина на ленинском юбилее выпукло характеризует атмосферу товарищества, которая была типичной в ту пору в руководстве партии, атмосфера, которую создавал Владимир Ильич. Это тоже были уроки партийной

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 326–327.

² Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 316.

³ Там же.

этики, которые потом стали вспоминаться всё реже и реже. В том числе и Иосифом Виссарионовичем.

И ещё одна грань, касающаяся выступления Сталина 23 апреля 1920 года: он говорил о фактах, связанных с вопросом о парламентаризме, вероятно, одном из наиболее сложных в реальной политике. Но послушаем, о чём рассказывал Сталин:

«Первый эпизод — решение о бойкоте Виттевской думы в Таммерфорсе, в Финляндии, в 1905 году, в декабре, на общероссийской большевистской конференции. Тогда стоял вопрос о бойкоте Виттевской думы. Близкие к товарищу Ленину люди, — семёрка, которую мы, провинциальные делегаты, наделяли всякими эпитетами, уверяла, что Ильич против бойкота и за выборы в Думу. Оно, как выяснилось потом, так и было действительно. Но открылись прения, повели атаку провинциалы-бойкотисты, питерцы, москвичи, сибиряки, кавказцы, и каково же было наше удивление, когда в конце наших речей Ленин выступает и заявляет, что он был сторонником участия в выборах, но теперь он видит, что ошибался, и примыкает к делегатам с мест. Мы были поражены. Это произвело впечатление электрического удара. Мы ему устроили овацию»¹.

Тут нельзя не обратить внимание на «причуды» истории. В апреле 1920 года В.И. Ленин приступил к работе над брошюрой «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». В ней дан глубокий анализ отношения большевиков к парламентаризму. Ленин писал:

«Большевистский бойкот «парламента» в 1905 году обогатил революционный пролетариат чрезвычайно ценным политическим опытом, показав, что при сочетании легальных и нелегальных, парламентских и внепарламентских форм борьбы иногда полезно и даже обязательно уметь отказаться от парламентских. Но слепое, подражательное, некритическое перенесение этого опыта на *иные* условия, в *иную* обстановку является величайшей ошибкой. Ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой, был уже бойкот большевиками «Думы» в 1906 году»².

Но интерес представляет не отношение к «небольшой, легко поправимой» ошибке, а принципиальное отношение к бойкоту парламентских выборов: «Тогда (в 1905 году. — *В.Т.*) бойкот оказался правильным не потому, что правильно вообще неучастие в реакционных парламентах, а потому, что верно было учтено объектив-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 316–317.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 18.

ное положение, ведущее к быстрому превращению массовых стачек в политическую, затем в революционную стачку и затем в восстание. Притом борьба шла тогда из-за того, оставить ли в руках царя созыв первого представительного учреждения или попытаться вырвать этот созыв из рук старой власти. Поскольку не было и не могло быть уверенности в наличии аналогичного объективного положения, а равно в одинаковом направлении и темпе его развития, постольку бойкот переставал быть правильным»¹.

Да, Сталин был, конечно же, прав, говоря, что В.И. Ленин, «этот великан» обладал уникальной способностью «признаваться в промахах, допущенных им», даже когда речь шла о «небольшой, легко поправимой» ошибке.

Но вернёмся к речи И.В. Сталина на юбилейном собрании:

«В 1917 году, в сентябре, при Керенском, в момент, когда было созвано Демократическое совещание и когда меньшевики и эсеры строили новое учреждение — предпарламент, которое должно было подготовить переход от Советов к Учредилке, вот в этот момент у нас в ЦК в Петрограде было решение не разгонять Демократическое совещание и идти вперёд по пути укрепления Советов, созвать съезд Советов, открыть восстание и объявить съезд Советов органом государственной власти. Ильич, который в то время находился вне Петрограда в подполье, не соглашался с ЦК и писал, что эту сволочь (Демократическое совещание) надо теперь же разогнать и арестовать.

Нам казалось, что дело обстоит не так просто, ибо мы знали, что Демократическое совещание состоит в половине или, по крайней мере, в третьей своей части из делегатов фронта, что арестом и разгоном мы можем только испортить дело и ухудшить отношения с фронтом... Мы же, практики, считали, что невыгодно тогда было так действовать, что надо обойти эти преграды, чтобы взять потом быка за рога. И, несмотря на все требования Ильича, мы не послушались его, пошли дальше по пути укрепления Советов и довели дело до съезда Советов 25 октября, до успешного восстания. Ильич был уже тогда в Петрограде. Улыбаясь и хитро глядя на нас, он сказал: «Да, вы, пожалуй, были правы».

Это опять нас поразило.

Товарищ Ленин не боялся признать свои ошибки.

Эта скромность и мужество особенно нас пленяли»².

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 18.

² Сталин. Соч. Т. 4. С. 317–318.

«Сохранить себя, как партия рабочего класса»

И.В. Сталин многократно подтверждал своим конкретным поведением, что он — ученик В.И. Ленина. В том числе, когда дело касалось скромности. При жизни Владимира Ильича он считал неприличным во время дискуссий ссылаться на Ленина, использовать его авторитет в качестве аргумента в дискуссиях. Он всегда ленинскую позицию защищал, но не прикрывался цитатами из Ленина. И так было до тех пор, пока оппоненты после утраты трудоспособности Владимиром Ильичом не начали своекорыстно использовать его высказывания. В общем, ленинизм Сталина был не показной, а внутренний, помогающий выработать позицию, которая соответствовала ленинской теории.

Показательный эпизод случился на X съезде РКП(б). Во время доклада 10 марта 1921 года об очередных задачах партии по национальной политике Сталину передали записку с просьбой ответить на статью Г.В. Чичерина. В ней нарком иностранных дел, споря со Сталиным, был склонен отрицать противоречия между империалистическими государствами. Чего проще было бы воспользоваться замечательной работой В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» и пригвоздить оппонента цитатой. Но Сталин отказывается от такого варианта дискуссии. Он приводит один за другим аргументы, свидетельствующие о том, что политика ведущих капиталистических стран (Франции, Америки, Англии, Японии и пр.) подталкивает мир к войне.

Точно так же докладчик с фактами в руках опровергал главу НКВД, когда тот недооценивал противоречия, которые существуют между господствующими капиталистическими державами и недавно образовавшимися национальными государствами (Чехословакией, Польшей, Финляндией и т.д.). Все «недоразумения» статьи Чичерина Сталин разбирал по косточкам самостоятельно, не прибегая к ленинскому авторитету, не прячась за его неотразимой логикой.

Не менее показательным с этой точки зрения поведение Сталина на XII партсъезде. В его работе В.И. Ленин уже не участвовал из-за тяжёлой болезни. Этим воспользовались не только конкуренты генсека в борьбе за ведущее положение в партии, но и давние оппоненты В.И. Ленина. Это особенно бросается в глаза, и Сталин призывает делегатов быть аккуратнее и тактичнее: «Говорят нам, что нельзя обижать националов. Это совершенно правильно, я согласен с этим, — не надо их обижать. Но создавать из этого новую теорию

о том, что надо поставить великорусский пролетариат в положение неравноправного в отношении бывших угнетенных наций, — это значит сказать несообразность. То, что у тов. Ленина является оборотом речи в его известной статье, Бухарин превратил в целый лозунг. А между тем ясно, что политической основой пролетарской диктатуры являются прежде всего и главным образом центральные районы, промышленные, а не окраины, которые представляют собой крестьянские страны. Ежели мы перегибём палку в сторону крестьянских окраин, в ущерб пролетарским районам, то может получиться трещина в системе диктатуры пролетариата. Это опасно, товарищи»¹.

Чуть позже, в том же заключительном слове по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве, Сталин говорит: «Многие ссылались на записки и статьи Владимира Ильича. Я не хотел бы цитировать учителя моего, тов. Ленина, так как его здесь нет, и я боюсь, что, может быть, неправильно и не к месту сошлюсь на него. Тем не менее, я вынужден одно место аксиоматическое, не вызывающее никаких недоразумений, процитировать, чтобы у товарищей не было сомнений насчёт удельного веса национального вопроса. Разбирая письмо Маркса по национальному вопросу в статье о самоопределении, тов. Ленин делает такой вывод:

“По сравнению с “рабочим вопросом” подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса”.

Тут всего две строчки, но они решают всё. Вот это надо зарубить себе на носу некоторым не по разуму усердным товарищам»².

Классовый характер национального вопроса требует, чтобы партия не допускала ни великодержавного русского шовинизма, ни шовинизма «местного», то есть других народов, входящих в федерацию. При этом ораторы усердно жонглируют цитатами из Ленина. В ответ Сталин произносит: «Позвольте мне и здесь сослаться на тов. Ленина. Я бы этого не сделал, но так как на нашем съезде есть много товарищей, которые вкривь и вкось цитируют тов. Ленина, искажая его, разрешите прочесть несколько слов из одной всем известной статьи тов. Ленина:

“Пролетариат должен требовать свободы политического отделения колоний и наций, угнетаемых “его” наций. В противном случае интернационализм пролетариата останется пустым и словесным; ни

¹ Сталин. Соч. Т. 5. С.264–265.

² Там же. С. 266.

доверие, ни классовая солидарность между рабочими угнетенной и угнетающей наций невозможны”.

Это, так сказать, обязанности пролетариев господствующей или бывшей господствующей нации. Дальше он говорит уже об обязанности пролетариев или коммунистов наций ранее угнетенных:

“С другой стороны, социалисты угнетенных наций должны в особенности отстаивать и проводить в жизнь полное и безусловное, в том числе организационное, единство рабочих угнетенной нации с рабочими угнетающей нации. Без этого невозможно отстоять самостоятельную политику пролетариата и его классовую солидарность с пролетариатом других стран при всех и всяческих проделках, изменах и мошенничествах буржуазии. Ибо буржуазия угнетенных наций постоянно превращает лозунги национального освобождения в обман рабочих”.

Как видите, если уже идти по стопам тов. Ленина, — а здесь некоторые товарищи клялись его именем, — то необходимо оба тезиса, как о борьбе с шовинизмом великорусским, так и о борьбе с шовинизмом местным, оставить в резолюции, как две стороны одного явления, как тезисы о борьбе с шовинизмом вообще»¹.

Ещё чаще Сталин проводил ленинские идеи без использования цитат из его речей и статей. В Организационном отчёте Центрального Комитета РКП(б) XII партсъезду значительная часть доклада непосредственно связана с пропагандой и проведением в жизнь идей, высказанных в последних ленинских статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше».

Сталин с удовлетворением докладывал съезду об успешном выполнении задач партийного строительства, поставленных В.И. Лениным на XI съезде РКП(б):

«Наступил перелом, наметился определенный уклон в сторону увеличения процента рабочего состава нашей партии за счёт непролетарского её состава. Это именно тот успех, которого мы добивались до времени чистки и которого мы добились теперь. Я не скажу, что в этой области сделано всё, — далеко ещё не всё. Но перелома мы достигли, известного минимума однородности мы достигли, рабочий состав партии обеспечили, и, очевидно, в дальнейшем придётся идти по этому пути в смысле дальнейшего сокращения непролетарских элементов партии и дальнейшего роста пролетарских элементов... Очевидно, что придётся усилить преграды про-

¹ Сталин. Соч. Т. 5. С. 268–269.

тив наплыва непролетарских элементов, ибо в данный момент, в условиях нэпа, когда партия безусловно подвержена тлетворному влиянию нэповских элементов, необходимо добиться максимума однородности нашей партии и, во всяком случае, решительного преобладания рабочего состава за счёт нерабочего. Партия должна и обязана сделать это, если она хочет сохранить себя, как партия рабочего класса»¹.

Впрочем, сегодня актуально звучат не только положения, сформулированные в развитие ленинских идей на XII съезде РКП(б). Не менее злободневны и положения сталинской работы «Партия до и после взятия власти», напечатанной в «Правде» 23 августа 1921 года. В ней очень по-сегодняшнему звучат задачи периода *завоевания широких рабочих и крестьянских масс* на сторону партии, на сторону авангарда пролетариата и обобщение этого периода (1905 — 1917 годы) деятельности большевистской партии. Сталин обращает внимание на то, что «движение пролетариата обогатилось такими мощными формами, как всеобщая политическая забастовка и вооружённое восстание... Деятельность партии и других революционных организаций оживилась завоеванием таких форм работы, как внепарламентская, легальная, открытая форма»². Особенно актуально звучит обобщённая сталинская формулировка задач партии в период подготовки взятия и удержания пролетариатом политической власти:

«Основная задача партии в этот период — завоевание миллионов масс на сторону пролетарского авангарда, на сторону партии, на предмет свержения диктатуры буржуазии, на предмет овладения властью. Центр внимания партии уже не сама партия, а миллионные массы населения. Тов. Ленин эту задачу формулирует так: “размещение миллионов масс” на социальном фронте так, чтобы была обеспечена победа “в предстоящих решительных боях”»³.

В осмыслении многолетнего опыта большевистской партии Сталин постоянно опирается на мощь ленинского анализа. Вот и в только что приведённом фрагменте этой работы он цитировал знаменитую брошюру «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

¹ Сталин. Соч. Т. 5. С. 214—215.

² Там же. С. 103.

³ Там же. С. 104—105.

ОЧЕРК ДЕСЯТЫЙ «ПУСТЬ ОСЕНИТ НАС ПОБЕДОНОСНОЕ ЗНАМЯ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА!»

Сейчас самое время поднять этот лозунг: «Пусть осенит нас победоносное знамя великого Ленина!» А поднять его необходимо: иначе можно и опоздать. Этот призыв, впервые прозвучавший с трибуны ленинского Мавзолея 7 ноября 1941 года сейчас и актуален, и нужен позарез. В современной России начался переход от затянувшегося этапа протестных действий трудящихся к их классовой борьбе. Сообщения о приостановке работы, переходящей часто в забастовки и голодовки, в последнее время приходят всё чаще. Знамя стачки стали поднимать не только заводские рабочие, но и складской и торговый пролетариат. Акция дальнобойщиков, охватившая всю Россию, ясно показала, что экономические и политические требования — настоящие близнецы-братья. Начавшийся переход от протестных действий к классовой борьбе ярко проявил себя ещё одной гранью: мероприятия коммунистов и наших сторонников в дни рождения И.В. Сталина стали как никогда массовыми. В событие все-российского масштаба превратилось торжественное открытие 21 декабря 2015 года в Пензе первого в мире Сталинского центра.

Был ли ленинизм русским марксизмом?

В современных работах часто пишут, что термин «ленинизм» ввёл в обиход И.В. Сталин. Подразумевается, что это была та дубина, которой он бил своих политических соперников. Наверно, доля правды в этом есть, хотя все факты искажены. В то же время надо отметить, что для Сталина всю жизнь были важны и его концепция ленинизма, и сам этот термин.

Во-первых, Сталин считал, что ленинизм — это не совокупность произведений В.И. Ленина, не сводится он и к ленинскому мировоззрению. Он пояснял: «Мировоззрение Ленина и основы ленинизма — не одно и то же по объёму. Ленин — марксист, и основой его мировоззрения является, конечно, марксизм. Но из этого вовсе не следует, что изложение ленинизма должно быть начато с изложения основ марксизма. Изложить ленинизм — это значит изложить то особенное и новое в трудах Ленина, что внёс Ленин в общую сокровищницу марксизма и что естественно связано с его именем»¹.

¹ Сталин. Соч. Т. 6. С. 69.

Позже представление о границах ленинизма было раздвинуто: наряду с трудами В.И. Ленина в него стали включать и труды других авторов, в которых ленинские теоретические положения расширялись, уточнялись, развивались. Не случайно сборник «Вопросы ленинизма» включал не только статьи И.В. Сталина, раскрывавшие новаторство ленинских теоретических положений, но и доклады на партийных съездах, на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов о проекте Конституции СССР, на пленумах ЦК РКП(б) – ВКП(б), на Всесоюзном совещании стахановцев и т.д.

Сталину принадлежат два сущностных определения ленинизма. Почему два? Потому, что одно вычленяет концептуальную сторону ленинизма, а другое историческую, но для понимания ленинского учения обе грани значимы, обе существенны.

Им была раскрыта сущность ленинского вклада в развитие учения К. Маркса и Ф. Энгельса: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности»¹.

Сталин пояснял слушателям Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова:

«Маркс и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было ещё развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась ещё прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развертывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру Советов.

Вот почему ленинизм является дальнейшим развитием марксизма»².

Иначе говоря, ленинизм — это адекватная реакция последователей революционного марксизма на новой, империалистической, стадии капитализма. Его специфика связана со сменой исторической эпохи. Следовательно, ленинизм — явление международное. Это принципиальное его свойство.

¹ Сталин. Соч. Т. 6. С. 71.

² Там же.

Но Сталин не может обладать монополией на толкование ленинизма, тем более, что этот термин впервые ввёл совсем не он. Сталин указывает на ограниченность и неточность других толкований ленинизма. И спор этот носит совсем не схоластический, а остро политический характер. Вот первый пример:

«Одни говорят, что ленинизм есть применение марксизма к своеобразным условиям российской обстановки. В этом определении есть доля правды, но оно далеко не исчерпывает всей правды. Ленин действительно применил марксизм к российской действительности и применил его мастерски. Но если бы ленинизм являлся только лишь применением марксизма к своеобразной обстановке России, то тогда ленинизм был бы чисто национальным и только национальным, чисто русским и только русским явлением. Между тем мы знаем, что ленинизм есть явление интернациональное, имеющее корни во всем международном развитии, а не только русское. Вот почему я полагаю, что это определение страдает односторонностью»¹.

Указывая на ограниченность понимания ленинизма как русской версии марксизма, Сталин в определённом смысле предугадал ближайшую линию борьбы с оппортунизмом. Пользуясь положением председателя Исполнительного Комитета Коминтерна (ИККИ), Г.Е. Зиновьев представил ленинизм V конгрессу Коммунистического Интернационала в июне 1924 года именно как национальную версию марксизма. Этот же подход к ленинизму доминировал и в его книге «Ленинизм», вышедшей в 1925 году.

При этом Зиновьев претендовал на особое, приоритетное право толковать теоретические взгляды В.И. Ленина, напоминая и про то, что он является единственным ленинским соавтором (наиболее известна совместно ими написанная в 1915 году брошюра «Социализм и война»), и про то, что вместе укрывались от ищеек Временного правительства в Разливе. Этим правом он пытался воспользоваться, став во главе «новой оппозиции» и выступая против возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране.

Толкование ленинизма как национальной версии марксизма было принципиальной основой блока Зиновьева с Троцким. Национальная особенность России состояла в том, что это была крестьянская страна, что и нашло-де отражение в ленинизме. Марксизм же исходит из того, что только пролетариат способен победить капитализм и обеспечить построение социализма, а значит, надо ждать

¹ Сталин. Соч. Т. 6. С.70.

мировой революции. Ленинизм, по версии Зиновьева, не признавал революционного союза рабочего класса и крестьянства, а ратовал за нейтрализацию крестьянства на всех этапах социалистической революции. Таким образом, по сути Зиновьев отказывал ленинизму в праве быть теоретическим прожектором победы социализма не только в международном масштабе, но и в нашей стране.

Итак, вскоре после смерти В.И. Ленина обнаружилось, что от понимания и толкования ленинизма зависит судьба Советской власти и социализма в Советском Союзе.

Об истоках ленинизма

Судя по Сочинениям И.В. Сталина, он впервые использовал термин «ленинизм» на XII съезде РКП(б). В Заключительном слове по Организационному отчёту ЦК 19 апреля 1923 года докладчик реагировал на критику в выступлениях делегатов. Она, в частности, касалась предложения о расширении состава ЦК партии. В докладе Сталин отстаивал последовательно и жёстко ленинскую инициативу о значительном расширении Центрального Комитета РКП(б), причём утверждал, что «мы должны ввести в его состав людей независимых». В Заключительном слове он пояснял: «Нам нужны независимые люди в ЦК, но независимые не от ленинизма, — нет, товарищи, упаси бог! Нам нужны независимые люди, свободные от личных влияний, от тех навыков и традиций борьбы внутри ЦК, которые у нас сложились и которые иногда создают внутри ЦК тревогу»¹.

Судя по тому, как докладчик использует «ленинизм», не сопровождая его ни толкованиями, ни пояснениями, можно сделать вывод, что на съезде оно уже многократно использовалось, что смысл его делегатам в общем-то понятен. Об этом же свидетельствует и использование Сталиным термина «ленинизм» в опубликованной в «Правде» 15 декабря 1923 года статье «О дискуссии». В ней, полемизируя с известным партийным деятелем, активным троцкистом Е.А. Преображенским, он ставит вопрос ребром: «Не догадывается ли Преображенский, что он по сути дела предлагает отмену линии партии в условиях нэпа, органически связанной с ленинизмом? Не начинает ли понимать Преображенский, что его предложение об отмене основной линии партии по партстроительству в условиях нэпа является по существу дела повторением некоторых предложений

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 226.

небезызвестной “анонимной платформы”,¹ требовавшей ревизии ленинизма?»²

Здесь слово «ленинизм» встречается дважды, но ни малейшего намёка на необходимость его разъяснения нет. Следовательно, в последние годы жизни В.И. Ленина оно уже широко использовалось. И заметного вклада Сталина в этом не было.

Вклад Сталина в осмысление ленинизма в ином. Борясь за революционное содержание ленинизма, он обратил внимание на его истоки, на его историческую природу. Идеино-политическая борьба с троцкизмом требовала именно такого подхода. В статье «Троцкизм или ленинизм?», опубликованной в «Правде» уже после смерти В.И. Ленина, 26 ноября 1924 года, Сталин решительно отвергает «рассечение ленинизма на две части: на ленинизм довоенный, ленинизм «старый», негодный, с его идеей диктатуры пролетариата и крестьянства, и ленинизм новый, послевоенный...».³

Ответом на такую лукавую операцию троцкистов стало крылатое определение ленинизма как большевизма. Есть смысл привести его полностью:

«Но ленинизм не есть эклектическая теория, склеенная из разнообразных элементов и допускающая возможность своего рассечения. Ленинизм есть цельная теория, возникшая в 1903 году, прошедшая испытания трёх революций и шествующая теперь вперёд, как боевое знамя всемирного пролетариата.

“Большевизм, — говорит Ленин, — существует как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года. Только история большевизма за весь период его существования может удовлетворительно объяснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата” (см. т. XXV, стр. 174).

Большевизм и ленинизм — едино суть. Это два наименования одного и того же предмета. Поэтому теория рассечения ленинизма

¹ Имеется в виду анонимная платформа, выпущенная накануне XII съезда РКП(б) контрреволюционной подпольной группой, именовавшей себя “Рабочая группа”. (“Рабочая группа” была создана в 1923 году в Москве исключенными из партии Мясниковым и Кузнецовым, объединяла незначительное число участников, осенью 1923 года была ликвидирована). — Прим. ИМЭЛ при ЦК КПСС.

² Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 378–379.

³ Там же. Т. 6. С. 352–353.

на две части есть теория разрушения ленинизма, теория подмены ленинизма троцкизмом.

Нечего и говорить, что партия не может примириться с этой странной теорией¹.

Итак, «большевизм и ленинизм — едино суть». Очень точная формула. Но именно она и является ключиком для поиска ответа на вопрос об истоках появления понятия «ленинизм». Оно появилось как реакция меньшевиков на большевизм. Чтобы убедиться в этом, откроем ленинскую работу «Шаг вперёд, два шага назад», представляющую собой тщательный и глубокий анализ II съезда РСДРП, съезда, с которого «большевизм существует как течение политической мысли и как политическая партия». Вот как В.И. Ленин характеризует послесъездовскую ситуацию в среде меньшевиков:

«Все обиженные забыли взаимные счёты, бросились с рыданиями в объятия друг к другу и подняли знамя “восстания против ленинизма”».

А в подстрочнике следует примечательнейшее ленинское замечание: «Это удивительное выражение принадлежит тов. Мартову («Борьба с «осадным положением» в Российской социал-демократической рабочей партии. С прил. писем Н. Ленина, Г. Плеханова и Ф. Дана. Ответ на письмо Н. Ленина». Женева. Pfeffer. 1904. С. 68). Тов. Мартов дожидался того времени, когда он будет сам-пят, чтобы поднять «восстание» против меня одного. Неискусно полемизирует тов. Мартов: он хочет уничтожить своего противника тем, что говорит ему величайшие комплименты»².

Ленин и его соратники на подобные «величайшие комплименты» реагировали чаще всего негативно. И это понятно: у них были все основания подчёркивать, что они — убеждённые последователи революционного марксизма.

Летом 1917 года меньшевики, контролировавшие Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, вновь вбрасывают понятие «ленинизм» в качестве пугала для масс. Теперь реакция сторонников Владимира Ильича иная. «Правда» рассматривает обещания мелкобуржуазных партий вести «систематическую борьбу с проповедью ленинизма» как «способ борьбы с большевизмом».³ Более того, газета отмечает, что «борьба с проповедью ленинизма» выражается

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 353.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 395.

³ Правда. 1917 г., 16 (3) июня. № 72.

в том, что «слова нас хотят лишить... «Правду» на фронт не пускают. Киевские «агенты» постановили «Правду» не распространять. «Земский союз» «Правды» в своих киосках не продаёт»¹. Как тут не заметить: до чего же похоже на сегодняшний день: в Киеве «Правда» запрещена, в московских киосках её днём с огнём не найти, похожая картина в ряде других регионов.

Удивительные бывают ситуации: классовый (мелкобуржуазный) противник пролетарской идеологии и тактики классовой борьбы быстро понял, что большевизм — это ленинизм. Он был прав. И Сталин с противоположных идеологических позиций, с позиций революционного марксизма, засвидетельствовал: «Большевизм и ленинизм — едино суть». Нам, сегодняшним партийцам, очень полезно это постоянно помнить. И поступать соответственно их единству.

Атакующий ленинизм

Характеризуя ленинизм, И.В. Сталин тесно связывал его формирование с тремя важнейшими противоречиями эпохи империализма. «*Первое противоречие* — это противоречие между трудом и капиталом»². Нет смысла спрашивать, существует ли оно сегодня. Оно лезет из каждой щели. ВЦИОМ провёл исследование благополучия россиян. Результаты ужасающие: доля бедных россиян за год выросла почти вдвое. Доля семей, которым не хватает даже на еду, или на еду средств достаточно, но покупка одежды затруднительна, за последний год выросла с 22% до 39%. В то же время 200 богатейших людей России по итогам 2018 года суммарно владели состоянием в 421 миллиард долларов.

«*Второе противоречие* — это противоречие между различными финансовыми группами и империалистическими державами в их борьбе за источники сырья, за чужие территории»³.

И снова приходится констатировать, что характеристика справедлива и для сегодняшнего дня. Финансово-промышленные группы США и Евросоюза с трудом договариваются по поводу экономических санкций против России. Капитал Германии вновь стал наиболее сильным и влиятельным в рамках Европейского союза. Одним из последствий противостояния ЕС и США, с одной сторо-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 255.

² Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 72.

³ Там же.

ны, и внутри «единой Европы», с другой, стал выход Великобритании из Евросоюза.

«Третье противоречие — это противоречие между горстью господствующих “цивилизованных” наций и сотнями миллионов колониальных и зависимых народов мира»¹. Принято считать, что колониальная система разрушена, но на её месте сформировался неокOLONиализм. Против этого утверждения возразить что-либо трудно. Но сегодня в Западной Европе распространено представление о делении стран, входящих в Европейский союз на две полярных группы, одна из которых находится, по утверждениям многих западных аналитиков, в колониальной зависимости от финансовых грандов Старого Света.

Выходит, несмотря на колоссальный научно-технический прогресс, на начавшуюся компьютеризацию производства, на внедрение информационных технологий в повседневный быт миллионов, характер эпохи остаётся прежним. Следовательно, полностью сохраняет своё значение ленинизм, так как «ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции».

Значит, сохраняют своё значение основные положения ленинизма. Сталин, следуя ленинской методологии, рассматривал роль теории не абстрактно, а применительно к классовой борьбе пролетариата. Он писал:

«Теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем. Не кто иной, как Ленин, говорил и повторял десятки раз известное положение о том, что:

«Без революционной теории не может быть и революционного движения» (см. т. IV, стр. 380; курсив мой. — И. Ст.)»².

Актуальна сталинская критика «теории» стихийности. При определении конкретных задач наши партийные комитеты часто ссылаются на низкий уровень забастовочного движения и слабое проявление других форм пролетарского сопротивления капиталу. Трезвая оценка

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 73.

² Там же. С. 89.

состояния рабочего движения, конечно же, необходима. Но, вслед за Лениным, Сталин категорически не приемлет такую оценку, когда в расчёт берутся по преимуществу стихийные выступления рабочих.

Сталин напоминает, что такой подход к рабочему движению был характерен для так называемых экономистов. Но они выступали на политической сцене России ещё на рубеже XIX–XX столетий, то есть более века назад. К тому же эти наследники Бернштейна «отрицали необходимость самостоятельной рабочей партии в России, выступали против революционной борьбы рабочего класса за свержение царизма, проповедовали тред-юнионистскую политику в движении и вообще отдавали рабочее движение под гегемонию либеральной буржуазии»¹.

«Экономизм» с исторической арены давно сошёл, коммунистические партии стали реальностью, но, отмечает Сталин, «теория преклонения перед стихийностью» сохраняется, нанося рабочему движению огромный вред. Её явные и скрытые приверженцы выступают «решительно против того, чтобы придать стихийному движению сознательный, планомерный характер». Эта теория «против того, чтобы движение направлялось по линии борьбы против основ капитализма, — она за то, чтобы движение шло исключительно по линии «выполнимых», «приемлемых» для капитализма требований, она всецело за «линию наименьшего сопротивления»². Сталин настаивает на том, что теория преклонения перед стихийностью (то есть её явные и скрытые приверженцы) «выступает решительно против того, чтобы придать стихийному движению сознательный, планомерный характер, она против того, чтобы партия шла впереди рабочего класса, чтобы партия подымала массы до уровня сознательности, чтобы партия вела за собой движение... Теория стихийности есть теория преуменьшения роли сознательного элемента в движении, идеология «хвостизма», логическая основа всякого оппортунизма»³.

Важнейшим компонентом ленинизма И.В. Сталин считал теорию пролетарской революции. Ленинская идея о слабом звене в системе капитализма предстаёт важнейшим элементом этой теории. Он стремился максимально полно раскрыть её значение для деятельности коммунистических партий:

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 91.

² Там же.

³ Там же.

«Где начнётся революция, где прежде всего может быть прорван фронт капитала, в какой стране?

Там, где больше развита промышленность, где пролетариат составляет большинство, где больше культуры, где больше демократии, — отвечали обычно раньше.

Нет, — возражает ленинская теория революции, — *не обязательно там, где промышленность больше развита*, и пр. Фронт капитала прорвётся там, где цепь империализма слабее, ибо пролетарская революция есть результат разрыва цепи мирового империалистического фронта в наиболее слабом её месте, причем может оказаться, что страна, начавшая революцию, страна, прорвавшая фронт капитала, является менее развитой в капиталистическом отношении, чем другие, более развитые, страны, оставшиеся, однако, в рамках капитализма»¹.

Думается, в XXI веке при оценке слабого звена в капиталистической цепи особого внимания заслуживают страны капитализма реставрированного, то есть навязанного супротив воли народов. События 2014—2015 годов показали, что безусловно слабым звеном капиталистической системы является Украина, не сумевшая противостоять диктату мирового капитала. Анализ, осуществлённый октябрьским (2014 года) пленумом ЦК КПРФ, даёт основание рассматривать слабым звеном капиталистической цепи и современную Россию.

Значит, тем более сохраняют значение положения ленинизма о роли пролетарской партии. Излагая ленинское учение о партии, Сталин обращал особое внимание на ленинские требования к партии как передовому отряду рабочего класса. Исходя из ленинского учения, Сталин писал в работе «Об основах ленинизма»:

«Партия должна быть, прежде всего, *передовым* отрядом рабочего класса. Партия должна вобрать в себя все лучшие элементы рабочего класса, их опыт, их революционность, их беззаветную преданность делу пролетариата... Партия не может быть действительной партией, если она ограничивается регистрацией того, что переживает и думает масса рабочего класса, если она тащится в хвосте за стихийным движением, если она не умеет преодолеть косность и политическое безразличие стихийного движения, если она не умеет подняться выше минутных интересов пролетариата, если она не умеет поднимать массы до уровня понимания классовых интересов

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 97.

пролетариата. Партия должна стоять впереди рабочего класса, она должна видеть дальше рабочего класса, она должна вести за собой пролетариат, а не тащиться в хвосте за стихийностью»¹.

И ещё на один чрезвычайно важный момент обращал внимание Сталин, характеризуя ленинизм: «Партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов»². Источником и социальной базой оппортунизма являются пополняющие её ряды представители классов среднего капитала и мелкой буржуазии, мещанства, обуржуазившейся интеллигенции. «Одновременно, — добавлял Сталин, — происходит процесс разложения верхушек пролетариата, главным образом из профессионалистов и парламентариев, подкармливаемых буржуазией за счёт... сверхприбыли»³.

А далее он приводит слова Ленина: «Это настоящие агенты буржуазии в рабочем движении, рабочие приказчики класса капиталистов..., настоящие проводники реформизма и шовинизма» (см. т. XIX, стр. 77)⁴. И подводит итог: «Путь развития и укрепления пролетарских партий проходит через их очищение от оппортунистов и реформистов, социал-империалистов и социал-шовинистов, социал-патриотов и социал-пацифистов»⁵.

И.В. Сталин вновь подчёркивает, что он ученик В.И. Ленина, что он следует его методологии осмысления социально-политической практики, опирается на основополагающие положения Владимира Ильича:

«Партии укрепляются тем, что очищают себя от оппортунистических элементов.

«Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, нельзя победить в пролетарской революции, нельзя отстоять её. Это очевидно принципиально. Это подтверждено наглядно опытом... В России много раз бывали трудные положения, когда *наверняка* был бы свергнут советский режим, если бы меньшевики, реформисты, мелкобуржуазные демократы оставались внутри нашей партии... В такой момент не только является безусловно необходимым удаление меньшевиков, реформистов... из партии, но может оказаться даже полезным удаление превосходных коммунистов, способных колебаться

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6, С. 170—171.

² Там же. С. 183.

³ Там же С. 183—184.

⁴ Там же. С. 184.

⁵ Там же. С. 185.

и проявляющих колебания в сторону «единства» с реформистами, удаление со всяких ответственных постов... Если колеблющиеся вожди отходят прочь в такое время, это не ослабляет, а усиливает и партию, и рабочее движение, и революцию. (См. т. XXV, стр. 462, 463, 464)».

...Ленинизм есть теоретическая и практическая школа, ... создающая особый, ленинский стиль в работе»¹.

* * *

Нет сомнений, что приходит самое время поднять провозглашённый в лихую годину И.В. Сталиным славный лозунг: «Пусть осенит нас победоносное знамя великого Ленина!»

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С.185–186.

РАЗДЕЛ IV

«БЕЗ ТЕОРИИ НАМ СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ»

ОЧЕРК ОДИННАДЦАТЫЙ ЛЕНИНИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

В теоретической сокровищнице коммунистической мысли имя И.В. Сталина заняло почётное место после выхода в свет в 1913 году его брошюры «Марксизм и национальный вопрос» (её журнальный вариант назывался «Национальный вопрос и социал-демократия»). Эта работа признана классикой научного коммунизма, потому и сторонники марксизма-ленинизма, и его противники всех мастей ссылаются на неё всегда, когда речь заходит о политике коммунистической партии в области межнациональных отношений. Но когда мы сегодня обращаемся к осмыслению актуальных проблем национальной политики КПРФ, то, думается, не меньшее значение имеет изучение и его более поздних трудов по национальному вопросу. Более того, в них нередко обращается внимание на те же проблемы, над которыми бьются коммунисты России сегодня. Понятно, что знание этих работ нам нужно не ради догматического копирования принимавшихся когда-то решений. Они важны как методологическая основа, как образец применения научных критериев и принципов при разработке политики КПРФ в области межнациональных отношений.

Об особенностях национального вопроса в современной России

В течение первых 10–15 лет после насильственного возвращения России к «новому порядку» капиталистического жизнеустройства отечественный крупный капитал вёл себя «не по правилам». В истории Западной Европы национальный вопрос, перераставший в агрессивный национализм, был неотъемлемой частью буржуазного мировидения. В 14 бывших союзных республиках СССР он, хотя и в разной степени, выполнял роль отбойного молотка при разру-

шении антикоммунистическими силами не только союзного государства, но и всего жизнеустройства, опиравшегося на фундамент советского социализма. И только в РФ капитал вёл себя тогда «нетипично».

Между тем «основной вопрос для молодой буржуазии — рынок. Сбыть свои товары и выйти победителем в конкуренции с буржуазией иной национальности — такова её цель. Отсюда её желание — обеспечить себе «свой», «родной» рынок. Рынок — первая школа, где буржуазия учится национализму»¹. На эту важнейшую особенность буржуазии обращал внимание Сталин более 100 лет назад в работе «Марксизм и национальный вопрос». При этом он добавлял: «Но дело, обыкновенно, не ограничивается рынком... Борьба из хозяйственной сферы переносится в политическую. Ограничение свободы передвижения, стеснение языка, ограничение избирательных прав, сокращение школ, религиозные стеснения и т. п. так и сыплются на головы «конкурента». Конечно, такие меры преследуют не только интересы буржуазных классов командующей нации, но и специфически, так сказать, кастовые цели правящей бюрократии. Но с точки зрения результатов это совершенно безразлично: буржуазные классы и бюрократия идут в данном случае рука об руку...»².

В общем, между капиталом и национализмом родовая связь.

И вдруг российские олигархи и их братья по классу помельче оказались в 1990-е годы и в самом начале 2000-х выбившимися из непреложного исторического правила. Более того, они и их обслуга всячески чернили и национализм, и патриотизм, который высокомерно объявляли «последним прибежищем негодяев». Что за загадка?

А никакого ребуса. У крупного капитала России не было интереса к формированию «национального рынка». Более того, он усердно разрушал уже существовавший народнохозяйственный комплекс, который, с внешнеэкономической точки зрения, был не чем иным как внутренним рынком великой страны. У новоявленных «стратегических собственников» были другие ориентиры: только выход на мировой рынок гарантировал им место под солнцем глобального капитализма. Но завоевание места на планетарном рынке определялось главным образом не конкуренцией, а отведёнными российским

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 2. С.305.

² Там же. Т. 2 С. 305, 306.

бонзам бизнеса сырьевыми нишами. Экономические интересы «нашего» новоявленного капитала неизбежно делали его компрадорским. В этой специфической ситуации национализм не мог стать знаменем «новой буржуазии» России.

В сложившейся ситуации национальный вопрос прежде всего в форме патриотизма был поднят левой оппозицией. Она усматривала в нём, с одной стороны, оружие борьбы с компрадорским характером капитала, с другой — инструмент консолидации всех народно-патриотических сил.

Однако в 2000-е годы ситуация коренным образом изменилась. После дефолта 1998 года обнаружилось, что ситуация «неустойчивого равновесия» в отношениях между экономическими укладами закончилась. Буржуазия предстала вполне сложившимся классом, который даже успел приобрести многие империалистические черты. Завершилось и формирование российского пролетариата как класса наёмных, эксплуатируемых работников физического и умственного труда, и начался процесс осознания им своих интересов. Несмотря на то, что по мерилу мировой экономики российский национальный рынок оказался периферийным, отечественный компрадорский капитал теперь не намеревался отказываться от него.

И хотя от этого он не становился национально ориентированным (таков весь российский капитал без малейших исключений, так как среднее и мелкое предпринимательство экономически представляет собою периферию отечественного компрадорского олигархата), однако в новых условиях он был вынужден сделать своим знаменем и национальный вопрос, и патриотизм. Поскольку социальная структура капитализма в РФ сформировалась, то национальный вопрос потребовался господствующему классу как важнейший способ отвлечения эксплуатируемых масс от социально-классовых проблем. А патриотизм у правящего режима стал антинародным, буржуазным, казённым, государственным, то есть обслуживающим интересы вполне сложившегося буржуазного государства. Произошёл так называемый перехват лозунгов, потому что, как писал Сталин, «судьбы национального движения, в существе своём буржуазного, естественно связаны с судьбой буржуазии»¹. Иначе говоря, буржуазия взяла себе своё исконное.

В таких условиях пролетариат и его союзники, его Коммунистическая партия не могут не сменить лозунги: «не может стать созна-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 2. С. 311.

тельный пролетариат под «национальное» знамя буржуазии». Сталин поясняет это принципиальное положение:

«Социал-демократия ставит себе целью положить конец политике угнетения нации, сделать её невозможной, и тем подорвать борьбу наций, притупить её, довести её до минимума.

Этим существенно отличается политика сознательного пролетариата от политики буржуазии, старающейся углубить и раздуть национальную борьбу, продолжить и обострить национальное движение»¹. Всякую «попытку приспособить классовую борьбу рабочих к борьбе наций», подчинить защиту классовых интересов национальному престижу Сталин называет политикой Бауэра, то есть политикой оппортунизма².

О решительном неприятии оппортунистического курса в национальном вопросе ярко свидетельствует следующее положение И.В. Сталина: «Что это за с.-д., которые в эпоху сильнейшего обострения борьбы классов организуют междуклассовые национальные союзы? До сих пор у австрийской — как и у всякой другой — с.-д. была одна задача: организовать пролетариат»³.

А чтобы это высказывание не показалось кому-нибудь далёким от родных берёз, Сталин в той же работе подчёркивал: «В России национальный вопрос выступает не как самостоятельный и решающий, а как часть общего и более важного вопроса раскрепощения страны»⁴, то есть часть классовой задачи ликвидации всевластия капитала и эксплуатации человека человеком.

Работа «Марксизм и национальный вопрос» завершается мощным аккордом: «*Принцип интернационального сплочения рабочих, как необходимый пункт в решении национального вопроса*»⁵.

Ленинизм — это марксизм современной эпохи

Брошюра «Марксизм и национальный вопрос» увидела свет в 1913 году. Между тем на постановку национального вопроса, на критерии и принципы его решения с коммунистических позиций оказали решающее влияние произошедшие вскоре политические

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 2. С. 311.

² См. там же.

³ Там же. С. 329.

⁴ Там же. С. 319.

⁵ Там же. С. 367.

события и теоретические открытия. Начало Первой мировой войны в 1914 году обернулось крахом II Интернационала, перешедшего на позиции социал-шовинизма, то есть крайнего национализма, лицемерно прикрываемого социалистической фразеологией. А мощным теоретическим прорывом явились ленинские работы об империализме, в которых делался вывод о том, что монополистический капитализм является кануном социалистической революции. А поскольку экономический и географический раздел мира завершён, то при сохранении неравномерного развития стран, подмеченного ещё К. Марксом, в повестку дня встаёт вопрос о переделе мира, при котором возможен прорыв капиталистической цепи в наиболее слабом звене.

О влиянии этих изменений на национальный вопрос Сталин размышляет в ряде своих работ. 8 мая 1921 года в «Правде» выходит его статья «К постановке национального вопроса». Само её название говорит о том, что в рамках социалистической теории и практики появилась необходимость подойти к этой проблеме иначе, чем прежде: «Постановка национального вопроса, данная коммунистами, существенно отличается от той его постановки, которой придерживаются деятели II и II^{1/2} Интернационала, все и всякие «социалистические», «социал-демократические», меньшевистские, эсеровские и т. п. партии»¹.

Сталин назвал «четыре основных момента, как наиболее характерные отличительные признаки новой постановки национального вопроса».² Первый: если во II Интернационале национальный вопрос ограничивался положением «цивилизованных» наций (ирландцы, поляки, финны, евреи, армяне и некоторые другие), то коммунисты поставили его применительно к судьбе народов, бывших под гнётом колониализма.

Второй: расплывчатый лозунг о праве наций на самоопределение заменён лозунгом о их праве на государственное отделение.

Третий новый момент вытекал из двух предыдущих, поскольку «национальный и колониальный вопросы неотделимы от вопроса об освобождении от власти капитала». Автор статьи пишет: «В эпоху II Интернационала национальный вопрос, суженный в своём объёме до крайности, рассматривался обычно сам по себе, вне связи с грядущей пролетарской революцией. Молчаливо предполагалось,

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 52.

² Там же. С. 52.

что национальный вопрос решится «естественно», до пролетарской революции, путём ряда реформ в рамках капитализма... Но последнее десятилетие вскрыло всю ошибочность, всю гнилость такого понимания национального вопроса...»¹. Сталин подчёркивает, что победу «пролетарской революции можно считать обеспеченной лишь в том случае, если пролетариат сумеет сочетать свою собственную революционную борьбу с освободительным движением трудовых масс неполноправных наций и колоний против власти империалистов, за диктатуру пролетариата»².

Как и третий аспект, чрезвычайно актуально звучит для современности выделенная Сталиным четвёртая грань национального вопроса, принципиально отличающая большевизм от меньшевизма. Это — «внесение в национальный вопрос нового элемента, элемента фактического (а не только правового) выравнивания наций (помощь, содействие отсталым нациям подняться до культурного и хозяйственного уровня опередивших их наций), как одного из условий установления братского сотрудничества между трудящимися массами разных наций»³. Всякий раз, когда речь заходит о нашем отношении к миграционной политике нынешней буржуазной власти, как и к самой этой проблеме в целом, нам очень полезно вспоминать этот сталинский вывод.

Тезисы правдинской статьи мая 1921 года нашли глубокое и обстоятельное развитие в лекциях И.В. Сталина «Об основах ленинизма», прочитанных в Свердловском университете (они тоже были опубликованы в «Правде» в апреле — мае 1924 года). В них он опять обращает внимание на новую постановку вопроса: «Национальный вопрос в период II Интернационала и национальный вопрос в эпоху ленинизма далеко не одно и то же»⁴.

И объясняет: «Ленинизм низвёл национальный вопрос с высот широковещательных деклараций на землю, заявив, что декларации о «равенстве наций», не подкрепляемые со стороны пролетарских партий прямой поддержкой освободительной борьбы угнетённых народов, являются пустыми и фальшивыми декларациями»⁵.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 56.

² Там же. С. 57.

³ Там же.

⁴ Там же. Т. 6. С. 138.

⁵ Там же. С. 140.

В лекциях Сталин возвращается к мысли о том, что «раньше национальный вопрос рассматривался реформистски, как отдельный самостоятельный вопрос, вне связи с общим вопросом о власти капитала, о свержении империализма, о пролетарской революции»¹. Но теперь эта идея находит развернутое обоснование, остающееся неоспоримым по сей день: «Ленинизм доказал, а империалистическая война и революция в России подтвердили, что национальный вопрос может быть разрешён лишь в связи и на почве пролетарской революции... Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата»².

О революционно-освободительном движении

Из-за теоретически необоснованной и политически опрометчивой интегральной десталинизации после 1956 года (XX съезд КПСС) на десятилетия оказались в забвении принципиальные положения Сталина о национально-освободительной борьбе зависимых и колониальных стран. КПРФ имеет возможность не только вернуть их в теоретический арсенал коммунистов, но и руководствоваться ими при выработке своей политической позиции по национальному вопросу.

Абсолютизация одной-единственной формы классовой борьбы — мирного сосуществования двух социально-экономических систем — наложила отпечаток и на толкование национально-освободительной борьбы. В разделе «Национально-освободительное движение» Программы КПСС, принятой XXII съездом партии, было записано: «Освободительное движение пробудившихся народов во многих странах протекает под флагом национализма. Марксисты-ленинцы проводят различие между национализмом угнетённых наций и национализмом угнетающих наций. В национализме угнетённой нации есть *общедемократическое содержание*, направленное против угнетения, и коммунисты поддерживают его, считая исторически оправданным на определённом этапе. Оно выражается в стремлении угнетённых народов к освобождению от империалистического гнёта, к национальной независимости и национальному возрождению. В то же время в национализме угнетённой нации со-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 141.

² Там же.

держится и другая сторона, выражающая идеологию и интересы реакционной эксплуататорской верхушки... По мере нарастания противоречий между трудящимися и имущими классами и обострения классовой борьбы внутри страны национальная буржуазия проявляет всё большую склонность к соглашательству с империализмом и внутренней реакцией»¹.

Национально-освободительное движение здесь рассматривается как самостоятельный субъект антиимпериалистической борьбы, его флагом является национализм, наполненный общедемократическим содержанием. Буржуазия является неотъемлемой частью этого движения. При этом справедливо признаётся, что она склонна к соглашательству с империализмом.

Опыт 1970-х годов показал, что под давлением международного империализма национальная буржуазия, завоевав командные высоты в странах, которые недавно вели национально-освободительную борьбу, довольно легко заменила общедемократическое содержание национализма на буржуазное. Под тем же флагом национально-освободительной борьбы и национализма она развернула свои страны в сторону капитализма, чем облегчила победу неокOLONиализма. Это показало не только некоторую односторонность, теоретическую некорректность, но и политическую опрометчивость установок, оформленных в документах XXII съезда КПСС; и то, что национально-освободительная борьба рассматривалась в единстве с международным коммунистическим движением и мировой социалистической системой, ситуации не изменяло.

А теперь вчитаемся в то, каким видел решение национально-го вопроса Сталин в работе «Об основах ленинизма». Во-первых, он не закрывал глаза на то, что «несомненная революционность громадного большинства национальных движений столь же относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна возможная реакционность отдельных национальных движений»². Поэтому он ставил задачу подходить к политической оценке национально-освободительной борьбы диалектически, то есть по-ленински, то есть «с точки зрения интересов революционного движения»³.

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчёт. М. 1962. Т. III. С. 262.

² Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 143.

³ Там же.

Сталин подчёркивал, что конкретный анализ борьбы угнетённых, зависимых народов совершенно недостаточно рассматривать в рамках национально-освободительного движения. Он настаивал на том, что ленинизм предполагает ставить вопрос о *революционно-освободительном* движении. Слушателям Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова он говорил: «Вопрос стоит так: *исчерпаны ли уже* революционные возможности, имеющиеся в недрах революционно-освободительного движения угнетённых стран, или нет, и если не исчерпаны, — есть ли надежда, основание использовать эти возможности для пролетарской революции, превратить зависимые и колониальные страны из резерва империалистической буржуазии в резерв революционного пролетариата, в союзников последнего?»

Ленинизм отвечает на этот вопрос положительно, т. е. в духе признания в недрах национально-освободительного движения угнетённых стран революционных способностей и в духе возможности их использования в интересах свержения общего врага, в интересах свержения империализма»¹.

Иная постановка вопроса является симуляцией борьбы с капитализмом, она обесценивает, обесмысливает социально-классовую борьбу. Сталин беспощадно высмеивает стремление как оппортунистов из II Интернационала, так и меньшевиков и эсеров соединить в одном флаконе их симуляцию социально-классовой борьбы с демагогией по поводу национально-освободительного характера империалистической войны. Он не оставлял никаких сомнений в том, что лицемерная «борьба таких «отчаянных» демократов и «социалистов», «революционеров» и республиканцев, как, скажем, Керенский и Церетели, Рендель и Шейдеман, Чернов и Дан, Гендерсон и Клайнс... была борьбой *реакционной*, ибо она имела своим результатом подкрашивание, укрепление, победу империализма»².

Сталин сформулировал чёткий критерий отношения коммунистов к национально-освободительным движениям: «Речь идёт о поддержке таких национальных движений, которые направлены на ослабление, на свержение империализма, а не на его укрепление и сохранение. Бывают случаи, когда национальные движения отдельных угнетённых стран приходят в столкновение с интересами

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 141–142.

² Там же. С. 144.

развития пролетарского движения. Само собой понятно, что в таких случаях не может быть и речи о поддержке»¹.

К теме национального движения как *революционно-освободительного* Сталин возвращался не раз. 18 мая 1925 года он выступал перед студентами Коммунистического университета народов Востока (эта речь была опубликована в «Правде» 22 мая того же года). Понятно, что здесь национальный вопрос обойти было невозможно. И вновь прозвучали чеканные формулировки:

«Вопрос о гегемонии пролетариата в таких странах и высвобождении народных масс из-под влияния соглашательской национальной буржуазии принимает всё более животрепещущий характер...

Из этого вытекает, по крайней мере, три вывода:

1) Добиться освобождения колониальных и зависимых стран невозможно без победоносной революции: даром независимость не получишь.

2) Двигать вперёд революцию и завоевать полную независимость капиталистически развитых колоний и зависимых стран невозможно без изоляции соглашательской национальной буржуазии, без высвобождения мелкобуржуазных революционных масс из-под влияния этой буржуазии, без проведения политики гегемонии пролетариата, без организации передовых элементов рабочего класса в коммунистическую партию.

3) Добиться прочной победы в колониальных и зависимых странах невозможно без реальной смычки между освободительным движением этих стран и пролетарским движением передовых стран Запада»².

Корни национализма современной России

Если распространение национализма выгодно правящему капиталу, так как помогает отвлечь наёмных работников физического и умственного труда от классовой борьбы, уводит протестные настроения на ложный путь, в тупик национализма, то какова природа существования националистического мировидения среди трудящихся? Этот вопрос требует честного ответа, иначе в тенётах национализма может запутаться и часть КПРФ.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 142.

² Там же. Т. 7. С. 145.

И здесь снова обратимся к сталинскому анализу национального вопроса.

Во-первых, национализм достаётся современным трудящимся в наследство ещё от буржуазно-помещичьей России, от многовековой эксплуататорской системы жизнеустройства, господствовавшей во всём мире. «Есть старая специальная система управления нациями, — отмечал Сталин, — когда буржуазная власть приближает к себе некоторые национальности, даёт им привилегии, а остальные нации принижает, не желая возиться с ними»¹. Национализм в советскую эпоху в основном спал летаргическим сном, но стоило «катастрофщикам» его разбудить и простимулировать, как он быстро приобрёл агрессивность.

Во-вторых, «следует учесть при решении вопроса, — указывал Сталин, — не только внутреннее, но и внешнее положение. Россия находится между Европой и Азией, между Австрией и Китаем. Рост демократизма в Азии неизбежен. Рост империализма в Европе — не случайность. В Европе капиталу становится тесно, и он рвётся в чужие страны, ища новых рынков, дешёвых рабочих, новых точек приложения»².

Сегодня среди таких «точек приложения» вновь оказалась Россия. И это явилось благодатной почвой для националистических настроений в обществе, в том числе в среде трудящихся. Антиамериканизм как воплощение протеста против современной империалистической экспансии сегодня является существенным моментом националистических настроений в России, в том числе среди части рабочего класса. Но от этого национализм не перестаёт быть буржуазным мировоззрением, помогающим держать трудящихся в узде капитала.

Но главной причиной бытования национализма среди рабочего класса и других слоёв трудящихся является, безусловно, господство капиталистического жизнеустройства. К нему ведёт любое расширение сферы буржуазных отношений. На это не раз указывал Сталин. В «Докладе о национальных моментах в партийном и государственном строительстве», с которым он выступил на XII съезде РКП(б), особо отмечалось:

«Таким образом, в связи с нэпом во внутренней нашей жизни нарождается новая сила — великорусский шовинизм, гнездящийся-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 254.

² Там же. Т. 2. С. 360.

ся в наших учреждениях, проникающий не только в советские, но и в партийные учреждения, бродящий по всем углам нашей Федерации и ведущий к тому, что если мы этой новой силе не дадим решительного отпора, если мы её не подсежём в корне, — а нэповские условия её возвращают (что уж говорить об условиях реставрации капитализма! — *В.Т.*), — мы рискуем оказаться перед картиной разрыва между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянами ранее угнетённых наций...

Но нэп возвращает не только шовинизм великорусский, — он возвращает и шовинизм местный, особенно в тех республиках, которые с несколькими национальностями»¹.

Сталин был особенно суров и беспощаден, когда выявлялись националистические настроения среди коммунистов. В Тезисах к XII съезду РКП(б) «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве», одобренных ЦК партии, он обращал внимание на то, что «это явление становится особенно опасным в республиках с несколькими национальностями (к их числу несомненно относится и Российская Федерация. — *В.Т.*), где оно принимает нередко форму уклона к шовинизму у коммунистов более сильной национальности» И далее он подчёркивал: «Уклон к национализму вреден в том отношении, что он, тормозя процесс высвобождения национального пролетариата из-под идейного влияния национальной буржуазии, затрудняет дело сплочения пролетариев разных национальностей в единую интернационалистскую организацию»².

Сталин не скрывает, что эта раковая опухоль проникла в ряды партии весьма глубоко. В уже упоминавшемся «Докладе о национальных моментах в партийном и государственном строительстве» на XII съезде РКП(б) он указывал на опасные метастазы российской великодержавности:

«Не случайность и то, что даже в некоторые наши партийные учреждения проникла эта идея. Я был свидетелем того, как на февральском пленуме (1922 года. — *В.Т.*), где впервые ставился вопрос о второй палате (палате национальностей ЦИК СССР. — *В.Т.*) раздавались речи, не соответствующие коммунизму, — речи, не имеющие ничего общего с интернационализмом. Всё это знамение времени, поветрие. Основная опасность, отсюда проис-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 239

² Там же. С. 192.

текающая, состоит в том, что в связи с нэпом у нас растёт не по дням, а по часам великодержавный шовинизм, старающийся стереть всё нерусское, собрать все нити управления вокруг русского начала и придавить нерусское. Основная опасность состоит в том, что при такой политике мы рискуем потерять то доверие к русским пролетариям со стороны бывших угнетённых народов, которое приобрели они...»¹

Поскольку Сталин не сомневался в большевизме Российской коммунистической партии, то тот свой доклад он закончил оптимистически: «Мы добьёмся правильного разрешения национального вопроса, мы добьёмся того, что широко развернём знамя пролетарской революции»².

Сталин о «русском вопросе»

Всю сознательную жизнь Сталин считал себя русским большевиком. Наивысшим знаком уважения руководителя многонациональной страны к русскому народу стало его знаменитое выступление на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года:

«Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа.

Я пью за здоровье прежде всего русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне всеобщее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам сёла и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожи-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 244–245.

² Там же. Т. 6. С. 263.

даний, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошёл на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства, и пошёл на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие»¹.

Надо отметить, что это историческое выступление явно переключается с заключительным словом товарища Сталина на XII съезде РКП(б) 25 апреля 1923 года. Оценивая прения по своему докладу, Сталин обратил внимание на то, что «одна группа товарищей, во главе с Бухариным и Раковским, слишком раздула значение национального вопроса, преувеличила его и из-за национального вопроса проглядела вопрос социальный, — вопрос о власти рабочего класса». Более того, выдвинула некую «новую теорию о том, что надо поставить великорусский пролетариат в положение неравноправного в отношении бывших угнетённых наций». Сталин возражает: «Политической основой пролетарской диктатуры являются прежде всего и главным образом центральные районы, промышленные, а не окраины, которые представляют собой крестьянские страны. Ежели мы перегнём палку в сторону крестьянских окраин, в ущерб пролетарским районам, то может получиться трещина в системе диктатуры пролетариата»².

На первый взгляд, в разделённых 22 годами выступлениях при оценке русского народа используются разные принципы: на партийном съезде его приоритетное значение выведено из того факта, что русский народ, русский рабочий класс являются основными носителями диктатуры пролетариата, а здравица на победном кремлёвском приёме сосредоточена на достоинствах нации, обладающей ясным умом, стойким характером и терпением. Но такие различия бросаются в глаза лишь при поверхностном знакомстве с текстами. Нет, в обоих случаях Сталин высоко ценит русский народ, исходя из социального критерия: его доверие своему рабочему классу, Советскому правительству было следствием приверженности советской социалистической системе, государству диктатуры пролетариата. Только такой подход соответствует сталинскому масштабу оценки.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 15. С. 228.

² Там же. Т. 5. С. 264–265.

Иначе мы имеем дело с фальсификацией Сталина как политика ленинского типа.

Органическое соединение глубокого уважения к русскому народу с социально-классовым критерием оценки его деятельности Сталин неизменно сохранял и тогда, когда говорил о «русском» вопросе. Как и любой национальный вопрос, он был для него вопросом классовой борьбы труда против капитала. Примечательна в этом отношении речь Сталина на заседании польской секции Коминтерна 3 июля 1924 года. В ней *«русский» вопрос* выделен самостоятельным разделом и самобытно:

«Некоторые польские товарищи говорят, что этот вопрос, как вопрос внешней политики, не имеет серьёзного значения для польской партии. Это неверно. «Русский» вопрос имеет решающее значение для всего революционного движения как на Западе, так и на Востоке. Почему? Потому что Советская власть в России — это база, оплот, прибежище революционного движения всего мира. И если в этой базе, т. е. в России, партия и власть начинают колебаться, значит, всё революционное движение во всём мире должно потерпеть серьёзнейший минус»¹.

Вот он, истинный масштаб «русского» вопроса. И глубокое отступление социализма не привело истинных коммунистов-ленинцев к смене угла зрения на «русский» вопрос, не уменьшило определённого Сталиным его масштаба. Тем более, что есть немало оснований считать, что в современной «цепи капитализма» после поражения трудящихся Украины Россия остаётся её самым слабым звеном.

Уже через год, как бы продолжая начатый с польскими товарищами разговор, Сталин в речи в югославской комиссии Исполкома Коминтерна 30 марта 1925 года говорил: «Большевики никогда не отрывали национальный вопрос от общего вопроса о революции, ни до Октября, ни после Октября»².

В этом утверждении нет ни малейшего преувеличения. Так, в написанной в 1912–1913 годах брошюре «Марксизм и национальный вопрос» Сталин отмечал, что «осью политической жизни России является не национальный вопрос, а аграрный. Поэтому судьба русского вопроса, а значит, и «освобождения» наций, связываются в России с решением аграрного вопроса, т. е. с уничтожением кре-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 265.

² Там же. Т. 7. С. 69

постнических остатков, т. е. с демократизацией страны. Этим и объясняется, что в России национальный вопрос выступает не как самостоятельный и решающий, а как часть общего и более важного вопроса раскрепощения страны»¹.

Исходя из неопровержимой сталинской логики, следует признать: сегодня сущностью «русского» вопроса является преодоление капиталистической реставрации, возвращение России на магистральный путь истории — путь социалистического созидания. Кстати, в докладе общему собранию тифлисской организации Коммунистической партии Грузии Сталин прямо говорил, что отрыв национального вопроса от интересов социалистической революции является проявлением меньшевизма.

Частным моментом «русского» вопроса сегодня оказался вопрос о «нелегальных мигрантах». Оказывается, он тоже не новый. При обсуждении разных аспектов образования СССР, группа руководящих грузинских товарищей выступала против создания Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики (ЗСФСР) и требовала прямого вхождения Грузии в состав СССР. Выступая на XII съезде РКП(б), Сталин раскрыл националистическую подоплёку подобной позиции: «Тифлис — столица Грузии, но в нём грузин не более 30%, армян не менее 35%, затем идут все остальные национальности. Вот вам и столица Грузии. Если бы Грузия представляла собою отдельную республику, то тут можно было бы сделать некоторое перемещение населения, — например, армянского из Тифлиса. Был же в Грузии принят известный декрет о «регулировании» населения в Тифлисе, о котором тов. Махарадзе заявлял, что он не был направлен против армян. Имелось в виду некоторое перемещение населения произвести так, чтобы армян из года в год оказывалось меньше в Тифлисе, чем грузин... Невыгодное положение грузин в самом Тифлисе, где грузин меньше, чем армян, и заставляет наших уклонистов бороться против федерации»².

Далее Сталин напомнил Махарадзе и его единомышленникам, по чьим стопам они идут: «Меньшевики просто выселяли армян из Тифлиса».³ Кстати, Сталин не раз напоминал, что своей политической ролью национализм подобен меньшевизму.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 2. С. 318–319.

² Там же. Т. 5. С. 253.

³ Там же. С. 254.

Сталинские критерии и принципы политики Коммунистической партии в сфере межнациональных отношений безусловно сохраняют своё значение. Они способны стать методологической основой дальнейшей разработки шагов КПРФ в этой области.

Исключительно важное значение для повседневной деятельности нашей партии имеет также положение Программы КПРФ о том, что *«партия борется за единство, целостность и независимость Отечества, за воссоздание братского Союза советских народов»*. Этот пункт Программы является принципиальным критерием при решении партией любых национальных проблем. Каждое наше действие в сфере межнациональных отношений оправдано только тогда, когда оно работает на решение стратегической задачи – воссоздания Союза советских народов на базе союза трудящихся этих народов. Следовательно, недопустим не только шаг, но и жест, который не способствует решению нашей программной задачи.

ОЧЕРК ДВЕНАДЦАТЫЙ У КОЛЫБЕЛИ СОЮЗА ССР

Об этом пленуме Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков) не писала даже «Правда». Нет, секретным он не был. Просто в начале динамичных 20-х годов прошлого века съезды РКП(б) созывались ежегодно, а пленумы ЦК большевистской партии проводились раз в каждые два месяца, а то и чаще. При такой периодичности пленумы воспринимались рядовым деловым мероприятием. Кстати, в вышедшем в советскую эпоху многотомном издании «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» о некоторых пленумах не приведено никакой информации. Но октябрьский пленум ЦК РКП(б) 1922 года не относился к их числу. Именно на нём окончательно был решён вопрос об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Впрочем, документы того пленума заставляют также по-новому взглянуть на широко известную диктовку В.И. Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации».

До исторического решения ЦК

«Десталинизаторы» всех мастей от Л. Троцкого, Н. Хрущёва, М. Горбачёва до их нынешних перепевщиков-плагиаторов любят рассуждать о том, что И.В. Сталин был приверженцем «автономизации», а В.И. Ленин в противовес выдвинул идею советской федерации. Это толкование упрощает и спрямляет ситуацию до телеграфного столба.

Краткосрочное несовпадение взглядов Ленина и Сталина на форму устройства многонационального советского государства действительно было. Но надо помнить, что до Великой Октябрьской социалистической революции большевики во главе с Владимиром Ильичом Лениным были решительными сторонниками многонационального унитарного государства и в принципе отвергали федерацию как форму государственного устройства. Однако распад Российской державности, принявший гипертрофированный масштаб при буржуазном Временном правительстве, заставил В.И. Ленина и его соратников пересмотреть отношение к федеративному устройству государства. И Ленин, и Сталин стали относиться к нему одинаково положительно.

В период с ноября 1917 года по июнь 1918-го наше государство в разных документах называлось по-разному: Российская республика, Российская советская республика, Российская социалистическая республика. Однако принятая 10 июня 1918 года первая советская Конституция нашего государства узаконила его название как РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. «Правда» с марта 1922 года регулярно публиковала информации и корреспонденции как из России, так и с Украины, Белоруссии, Закавказья и среднеазиатских республик под общей рубрикой «По Советской Федерации». И всё это не вызывало ни малейших дискуссий.

В августе 1922 года пленум ЦК большевистской партии создал комиссию во главе с И.В. Сталиным, поручив ей подготовить вопрос о взаимоотношениях РСФСР с самостоятельными советскими республиками. Комиссия на заседании 23 и 24 сентября (так как Сталин был докладчиком, то на нём председательствовал кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК РКП(б) В.М. Молотов) приняла за основу предложенный генсеком проект, предусматривавший вступление Украины, ЗСФСР и Белоруссии в состав РСФСР в качестве автономных республик. За него проголосовали 8 чело-

век, против был председатель Совнаркома Грузии П.Г. Мдивани, а председатель Всеукраинского ЦИК Г.И. Петровский воздержался, так как вопрос о присоединении к РСФСР ЦК КП(б)У ещё не обсуждал (председатель Совнаркома УССР Х.Г. Раковский проект поддержал).

25 сентября одобренный накануне проект И.В. Сталина вместе с другими материалами комиссии и резолюциями Центральных Комитетов компартий Грузии, Азербайджана и Армении был доставлен в Горки. Однако В.И. Ленин посчитал принятое решение не оптимальным. В тот же день он беседовал с членом комиссии, членом ЦК РКП(б), наркомом финансов Г.Я. Сокольниковым, а на следующий день — с И.В. Сталиным. 26 сентября в письме для членов Политбюро ЦК партии, направленном на имя Л.Б. Каменева (при Ленине заседания Политбюро вёл председатель Совнаркома, во время его болезни эти обязанности исполнял Каменев). В нём Владимир Ильич сообщал:

«Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В § 1 сказать вместо «вступления» в РСФСР —

«Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии».

Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаём себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, «Союз Советских Республик Европы и Азии».

§ 2 требует тогда тоже изменения. Нечто вроде создания наряду с заседаниями ВЦИКа РСФСР

— «Общесоюзного ВЦИКа Союза Советских Республик Европы и Азии»...

Сталин согласился отложить внесение резолюции в Политбюро Цека до моего приезда. Я приезжаю в понедельник, 2/Х...»¹.

Итак, новизна ленинского подхода состояла в создании — впервые в мире — двухуровневой федерации. На территории создаваемого Союза советских республик уже существовали две федерации — Российская и Закавказская. Кроме них выражали желание войти в Союз унитарные Украина и Белоруссия. Таким образом новый союз советских государств становился федерацией второго уровня. Сталин принял эту новаторскую идею и активно участвовал в её реализации.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С. 211.

Решение октябрьского пленума ЦК РКП(б)

Владимир Ильич, как и обещал, вернулся в свой рабочий кабинет 2 октября 1922 года. Врачи разрешили приступить ему к работе. На следующий день он председательствовал на заседании Совнаркома, где рассматривались финансовые вопросы. 4 октября в центре его внимания также вопросы хозяйственного возрождения страны. 5 октября открывался пленум ЦК РКП(б). На нём В.И. Ленин выступил против концессионного договора с Л. Уркартом и участвовал в обсуждении денежной реформы в Закавказье. Но из-за неудовлетворительного самочувствия следующие два дня он на заседаниях пленума не присутствовал, пропустив даже рассмотрение чрезвычайно интересовавшей его проблемы введения монополии внешней торговли (против неё активно выступали Н.И. Бухарин и Г.В. Пятаков).

Не участвовал Владимир Ильич в работе пленума и тогда, когда решался вопрос об образовании Союза ССР. В целом он был уверен, что идея двухуровневой федерации будет принята. Во-первых, спорные вопросы были согласованы со Сталиным, во-вторых, новая советская федерация уже на практике существовала. Иначе пленум ЦК РКП(б) не обсуждал бы вопросы денежной реформы в Закавказье, а он, председатель Совнаркома РСФСР, не заботился бы о положении дел в каменноугольной промышленности Донбасса и о его снабжении, о положении на бакинских нефтепромыслах, не назначал бы встречу заместителю председателя Совнаркома Украинской ССР М.В. Фрунзе для обсуждения положения на Украине... А именно эти проблемы Ленину пришлось решать в первые дни после возвращения из Горок.

Действительно, октябрьский пленум ЦК РКП(б) принял документ, определивший сущность и содержание Союзного договора. Вот текст постановления пленума:

«1. Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, федерацией Закавказских республик и РСФСР об объединении их в «Союз Социалистических Советских Республик» с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава «Союза».

2. Высшим органом «Союза» считать «Союзный ЦИК», состоящий из представителей ЦИКов РСФСР, Закавказской федерации, Украины и Белоруссии пропорционально представляемого ими населения.

3. Исполнительным органом «Союзного ЦИКа» считать «Союзный Совнарком», назначаемый «Союзным ЦИКом».

4. Индел, Внешторг, Наркомвоен, НКПС и Потель (Наркомат почт и телеграфа) республик и федераций, входящих в состав «Союза», слить с таковыми «Союза Советских Социалистических Республик» с тем, чтобы у соответствующих наркоматов «Союза Республик» имелись в республиках и федерациях свои уполномоченные с небольшим аппаратом, назначаемые наркомами «Союза» по соглашению с ЦИКаами федераций и республик.

Примечание: Считать необходимым привлечение представителей заинтересованных республик в соответственные заграничные представительства НКВД и НКВТ.

5. Наркоматы финансов, продовольствия, народного хозяйства, труда и инспекции республик и федераций, входящих в состав «Союза Республик», равно как и центральные органы борьбы с контрреволюцией подчинить директивам соответствующих наркоматов и постановлениям Совнаркома и СТО «Союза Республик».

6. Остальные наркоматы входящих в состав «Союза» республик, как-то: юстиции, просвещения, вנדудел, земледелия, народного здоровья и социального обеспечения считать самостоятельными»¹.

Идеи «новой федерации» были реализованы. Но Ленин постоянно заботился о том, «чтобы мы не давали пищи «независимцам», не уничтожали их независимости, а создавали ещё *новый этаж*, федерацию *равноправных республик*». Во имя последовательного проведения в жизнь такого подхода В.И. Ленин направил (очевидно, после принятия постановления «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми советскими социалистическими республиками») «сердичную» записку на имя Л.Б. Каменева с наказом:

«Т. Каменев! Великодержавному шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами.

Надо *абсолютно* настоять, чтобы в союзном ЦИКе *председательствовали* по очереди

русский

украинец

грузин и т.д.

*Абсолютно!»*²

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М. 1970. С. 401–402.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 214.

Это предложение Ленина также было воплощено в жизнь. Вплоть до принятия Конституции 1936 года председателями Центрального Исполнительного Комитета СССР были председатели ЦИК всех союзных республик, в союзном ЦИКе они председательствовали по очереди. (В соответствии с Конституцией 1936 года избирался Председатель Президиума Верховного Совета СССР, а его заместителями являлись по должности председатели Президиумов Верховных Советов союзных республик, в том числе РСФСР).

В общем, пленум ЦК РКП(б), проходивший в октябре 1922 года сыграл судьбоносную роль. Именно он стоял у колыбели великой державы.

Но... Вспоминается процесс «по делу КПСС» в Конституционном суде РФ, проходивший в 1992 году. Там главным формальным мотивом обвинения партии со стороны «буквоедов» с антикоммунистическим уклоном были утверждения о том, что она решала наиглавнейшие вопросы государственной жизни. Любой человек в здравом уме отметит этот упрек потому, что если партия в государстве правящая, то, следовательно, она должна решать вопросы истинно государственной важности. Причём решать не кое-как, а по-государственному мудро. Но антикоммунисты-антисоветчики здоровые аргументы в счёт не принимают. Тогда подойдём к тому октябрьскому пленуму ЦК РКП(б) сугубо формально.

Во-первых, межреспубликанских государственных институтов, правомочных принимать решения, подобные тому, которое принял 6 октября 1922 года пленум ЦК РКП(б), просто не существовало. Во-вторых, ленинская партия с первых дней своего существования объединяла большевиков *всей* многонациональной России. И тогда, когда она была неделимой Российской империей, и тогда, когда под властью Временного буржуазного правительства на глазах рассыпалась на части.

В-третьих, в составе Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков) принимали участие партийцы разных республик. В работе исторического октябрьского пленума работали видные большевики, избранные в ЦК на XI партсъезде в апреле 1922 года. Среди 46 членов и кандидатов в члены ЦК РКП(б) Украину представляли пять человек — три члена ЦК и два кандидата в члены. По два человека представляли федерацию Закавказья и республики Средней Азии. В комиссию ЦК, которая вырабатывала основные принципы союзных отношений, входили представители РСФСР, Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана и Армении.

Выходит, именно Коммунистической партии надо поклониться за то, что она стояла у колыбели Союза народов-братьев, была той ракетой, которая вознесла СССР к мировой ратной и созидательной славе. А не хотят понимать этого либо недоумки, либо подлецы.

После пленума

Этот текст уже несколько лет не даёт покоя. Диктовка, вошедшая в Полное собрание сочинений В.И. Ленина под названием «К вопросу о национальностях или об «автономизации», датируется... 30 и 31 декабря 1922 года. Не странно ли? Ведь 30 декабря 1922 года был объявлен I Всесоюзным съездом Советов общенародным праздником (да и позже, вплоть до разрушения СССР, он останется памятной датой): в этот день подписан Союзный договор, по которому две федерации и две республики объединялись в новое федеративное государство.

В 45-м томе Полного собрания сочинений в разделе «Даты жизни и деятельности В.И. Ленина» против 30 декабря 1922 года записано:

«I съезд Советов Союза ССР избирает Ленина почётным председателем съезда: принимается решение послать Ленину приветствие.

Ленин диктует первую часть письма «К вопросу о национальностях или об «автономизации».

Подобное соседство фактов, право же, вызывает удивление. Кому был адресован этот документ? Продиктованные в начале января 1923 года статьи «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложения к XII съезду партии)», «Лучше меньше, да лучше» были предназначены для публикации в «Правде». Владимир Ильич, судя по многочисленным воспоминаниям, с нетерпением ждал их выхода в свет, и они оперативно появлялись на правдинских страницах. С этой диктовкой всё было иначе. В Полном собрании сочинений сообщается, что «ввиду неожиданно резкого обострения после 6 марта 1923 года Владимир Ильич не успел сделать окончательного распоряжения относительно письма «К вопросу о национальностях или об «автономизации». А об остальных работах почему-то успел. Так, может, диктовку по национальному вопросу он вообще не намеревался в таком виде публиковать и была она даже не тезисами, а «заметками на память» для будущих размышлений? Ведь она почему-то не упоминается в «Дневнике дежурных секретарей В.И. Ленина».

В любом случае стоит обратить внимание на то, что «автономизация», появившаяся в названии диктовки не по воле Ленина («письмо» не имело названия), не связана с содержанием статьи, она в ней инородна. В противном случае пришлось бы предположить, что Владимир Ильич в день открытия учредительного съезда Советов СССР назвал «автономизацией» процесс образования Советского Союза, осуществленный по его программе, в соответствии с которой делегаты I съезда Советов СССР «создавали ещё *новый этаж*, федерацию *равноправных республик*». В диктовке же совершенно невероятный вывод: «Видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна»¹. Как это всё понимать?

Может, эти слова были сказаны по другому поводу и даже в другое время? А секретари, желая задокументировать любую ленинскую фразу, записали и эту? Но не отдельно, а в текст диктовки, хотя она (правда, не только она) противоречит направленности ленинской мысли, которая выражена совершенно определённо:

«Какие же практические меры следует предпринять при сложившемся положении?

Во-первых, следует оставить и укрепить союз социалистических республик; об этой мере не может быть сомнения. Она нам нужна, как нужна всемирному коммунистическому пролетариату для борьбы с всемирной буржуазией и для защиты от её интриг»².

В.И. Ленин чрезвычайно дорожит «новым этажом федерации», и следующий вывод у него снова начинается словами о том, что «нужно оставить союз социалистических республик...»³.

Забота об укреплении Союза ССР понуждает его снова и снова обращаться к «грузинскому делу», внешним проявлением которого стал конфликт между закавказским краевым комитетом РКП(б), возглавляемым Г.К. Орджоникидзе, и группой П.Г. Мдивани. Ещё в ноябре 1921 года, когда решался вопрос образования ЗСФСР (а это был важный шаг на пути к образованию Союза ССР), В.И. Ленин в противовес группе Мдивани подчеркнул в постановлении Политбюро ЦК РКП(б): «Признать федерацию закавказских республик принципиально абсолютно правильной и безусловно подлежащей осуществлению»⁴.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356.

² Там же. С. 360.

³ Там же. С. 361.

⁴ Там же. С. 245.

Однако сторонники Мдивани и после октябрьского пленума 1922 года продолжали настаивать на том, что Грузия должна входить в СССР, минуя Закавказскую федерацию. Политическую полемику они превратили в брань против Орджоникидзе, на что тот ответил рукоприкладством. Первая реакция В.И. Ленина была однозначной: он тут же отправил телеграмму в Тифлис.

Но личный конфликт между Орджоникидзе и группой Мдивани бурно перерастал в политический. Эта группа, имея большинство в ЦК КП Грузии, вышла из грузинского ЦК и обратилась с жалобой в ЦК РКП(б). Теперь для Ленина личный конфликт отошёл на второй план, так как он превратился в фактор, способный негативно влиять на подъём революционного движения в странах Востока. Вождь мирового пролетариата указывал, что «было бы непростительным оппортунизмом, если бы мы накануне этого выступления Востока и в начале его пробуждения подрывали свой авторитет среди него хотя бы малейшей грубостью и несправедливостью по отношению к нашим собственным инородцам»¹.

Политикам с местечковым мышлением и сегодня непонятен знаменитый ленинский вывод о диалектике пролетарского интернационализма из знаменитой диктовки от 31 декабря 1922 года, когда уже было оформлено образование «нового этажа федерации»: «Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, тот не понял действительно пролетарского отношения к национальному вопросу, тот остался, в сущности, на точке зрения мелкобуржуазной и поэтому не может не скатываться ежеминутно к буржуазной точке зрения»².

Октябрьский пленум ЦК РКП(б) 1922 года вывел наши братские народы на финишную прямую формирования новой федерации — Союза ССР. Основной смысл ленинской диктовки «К вопросу о национальностях или об «автономизации» опирается на постановление того пленума, на подписание Союзного договора как на надёжную

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 262.

² Там же. С. 259.

высоту, с которой хорошо просматривается глобальное значение Союза Советских Социалистических Республик. Поскольку мелкоформатным политикам никакая высота не раздвигает горизонт, то они свели «письмо», не предназначавшееся для печати, к заурядной разборке. Впрочем, наверное, нельзя упускать из виду и письма Л.А. Фотиевой от 16 апреля 1923 года, которые весьма способствовали появлению разногласия в отношении этой ленинской диктовки.

Фотиева и другие

16 апреля 1923 года, накануне открытия XII съезда РКП(б), Лидия Александровна направила Сталину статью, ныне известную под названием «К вопросу о национальностях или об «автономизации», и сопроводительное письмо следующего содержания:

«Прилагаемая статья т. Ленина была написана им 31/XII-22 г. Владимир Ильич предполагал её опубликовать...

Владимира Ильича сильно волновал национальный вопрос, и он готовился выступить по нему на партсъезде, а в этой статье его точка зрения по данному вопросу выражена очень ярко. Считаю своим партийным долгом довести до Вашего сведения эту статью, хотя и не имею формального распоряжения Владимира Ильича»¹ (Выделено мной. — В.Т.).

Далее следует такая фраза: «Ранее сделать этого не могла, т.к. сначала не было ещё очевидно, что Владимир Ильич не сможет сам выявить свою волю в этом отношении до съезда, а последние 2S (две с половиной. — В.Т.) недели я была больна и сегодня первый день на работе»². Извинительный тон этой фразы объясняется очевидно, двумя обстоятельствами. Во-первых, её настоятельной рекомендацией опубликовать эту статью, хотя В.И. Ленин не выявил свою волю в этом отношении. Во-вторых, ранее, ссылаясь на волю Ленина, она передала эту диктовку Л.Д. Троцкому.

На письме имеется пометка Л.А. Фотиевой: «Не послано, т.к. т. Сталин сказал, что он в это не вмешивается». Добавим: известный историк В.Т. Логинов считает, что с содержанием диктовки Сталин уже был знаком³.

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 154.

² Там же.

³ Логинов В.Т. Заветы Ильича. «Сим победиши». М., 2017. С. 492—493.

В тот же день Фотиева направила письмо Л.Б. Каменеву (копия Л.Д. Троцкому). В нём она, в частности, писала:

«Как я уже сообщала Вам, 31/12- 22 г., Владимиром Ильичом была продиктована статья по национальному вопросу.

Вопрос этот его чрезвычайно волновал и он готовился выступать по нему на партсъезде.

Незадолго до своего последнего заболевания он сообщил мне, что статью эту опубликует, но позже. После этого он захворал, не сделав окончательного распоряжения.

Статью эту Владимир Ильич считал руководящей и придавал ей большое значение. По распоряжению Владимира Ильича она была сообщена Троцкому, которому Владимир Ильич поручил защищать его точку зрения по данному вопросу на партсъезде ввиду их солидарности в данном вопросе...

Личный секретарь В.И. Ленина Л. Фотиева»¹.

Каменев ответил на письмо Фотиевой (на втором экземпляре он сделал пометку: «Копия, в ЦК РКП»):

«Сейчас получил Вашу записку. Более месяца тому назад т. Троцкий показывал мне статью Владимира Ильича по национальному вопросу, указывая — с Ваших слов — на полную и абсолютную секретность её и на то, что она ни в коем случае не подлежит оглашению не только путём печати, но даже и путём устной передачи. Было это, по-моему, уже тогда, когда Владимир Ильич был лишён возможности давать новые распоряжения.

Я не могу, поэтому, не удивляться разногласию между тем, что Вами было сообщено т. Троцкому и что вы теперь сообщаете мне по поводу воли Владимира Ильича.

Если Вы уверены, что знаете, в чём именно заключается воля Владимира Ильича в данном случае, Вы должны немедленно обратиться со своим конкретным предложением в ЦК...

Вашу записку и мой ответ пересылаю в секретариат ЦК.

С ком. приветом Л. Каменев»².

Очевидно, такой ответ Л.Б. Каменева, к которому она обращалась как к председательствующему на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б), побудил Л.А. Фотиеву вечером того же 16 апреля направить ещё одно письмо — И.В. Сталину как Генеральному секретарю ЦК партии. В нём она писала:

¹ Известия ЦК КПСС. 1990 № 9. С. 156.

² Там же. С. 157.

«Сегодня я советовалась с Марией Ильиничной по вопросу о том, не нужно ли опубликовать пересланную мною Вам статью Владимира Ильича...

Мария Ильинична высказалась в том смысле, что так как *прямого распоряжения Владимира Ильича об опубликовании этой статьи не было, то печатать её нельзя* (выделено мной. — В.Т.) и что она считает возможным лишь ознакомление с нею членов съезда.

С своей стороны считаю нужными добавить, что Владимир Ильич *не считал эту статью законченной и готовой для печати*¹. (Выделено мной. — В.Т.)

Наконец, отметим, что в письме Троцкого, отправленном членом ЦК тоже 16 апреля 1923 года, отмечалось, что сам В.И. Ленин не распорядился судьбой этой статьи.

Записанный секретарями Ленина текст «К вопросу о национальностях или об “автономизации”» был зачитан делегатам XII съезда РКП(б), что свидетельствует о высоком демократизме в большевистской партии: в тексте критиковались три члена ЦК — И.В. Сталин, Г.К. Орджоникидзе и Ф.Э. Дзержинский.

Известна реакция Сталина на текст, который получил потом известность под названием «К вопросу о национальностях или об “автономизации”»:

«Заявление тов. Сталина членам ЦК

Я очень удивлён, что статьи тов. Ленина, имеющие безусловно высокопринципиальное значение и полученные тов. Троцким ещё 5 марта сего года, тов. Троцкий нашёл возможность держать под спудом более чем месяц, не доводя его (так в тексте. — *Ред.*) до сведения Политбюро или Пленума ЦК вплоть до кануна открытия XII партсъезда. Об этих статьях говорят, как мне сообщают сегодня делегаты съезда, люди, ничего общего с ЦК не имеющие, сами члены ЦК вынуждены питаться этими слухами и легендами, между тем ясно, что ЦК должен был быть прежде всего информирован об их содержании.

Я думаю, что статьи тов. Ленина следовало бы опубликовать в печати. Можно только сожалеть, что, как это ясно из письма тов. Фотиевой, их нельзя опубликовать, так как они *ещё не просмотрены тов. Лениным*. (Выделено мной. — В.Т.)

10 часов вечера

16/IV-23 г.

И. Сталин»².

¹ Известия ЦК КПСС. 1990 № 9. С. 159.

² Там же. С. 162

Любопытный получился расклад позиций: политические руководители подчёркивают, что решение о публикации записанного секретарями Ленина текста «К вопросу о национальностях или об “автономизации”» должен принять В.И. Ленин, который к моменту открытия съезда тяжело болен и сообщить своего решения не может, и только секретарь В.И. Ленина Л.А. Фотиева настаивает на их публикации. Между тем Ленин-то ещё жив. Правда, из всех писем, опубликованных в сентябрьском номере «Известий ЦК КПСС», об этом недвусмысленно напоминает только Сталин.

На XII съезде РКП(б) вопрос о тексте, вызвавшем бурную переписку товарищей из ближайшего окружения Ленина, был решён на заседании президиума съезда. Приведём выписку из протокола этого заседания:

«Слушали:

1. О записках (подчёркнуто мной. — В.Т.) т. Ленина по национальному вопросу, в частности, по грузинскому делу.

Постановили:

1.а) Огласить эти записки т. Ленина, а также весь материал, относящийся к ним, на заседании «Сеньорен-конвента» (Совещание представителей делегаций. — *Ред.*).

б) После этого члены Президиума вновь оглашают этот материал на делегациях съезда.

в) Вместе с тем сообщить «Сеньорен-конвенту» и делегациям решение пленума ЦК по грузинскому вопросу.

г) Упомянутой записки и материалов на секции по национальному вопросу не оглашать.

Слушали:

2. Вопрос о доведении до сведения членов ЦК РКП содержания записки т. Ленина по национальному вопросу накануне XII съезда РКП, т.е. 16/IV.

Постановили:

2. Президиум XII съезда РКП констатирует, что записка т. Ленина по национальному вопросу стала известной ЦК только накануне съезда, совершенно независимо от воли какого-либо из членов ЦК, а лишь в связи с отданными т. Лениным распоряжениями и с ходом его болезни.

В связи с этим Президиум будет считать распространение каких-либо слухов о задержке оглашения этой записки со стороны кого бы то ни было из членов ЦК клеветой»¹.

¹ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчёт. М., 1968. С. 821.

Ещё одно письмо

Если бы история записок В.И. Ленина «К вопросу о национальностях или об “автономизации”» закончилась постановлением Президиума XII съезда РКП(б), то приводить переписку, в которую были вовлечены руководители ЦК, вероятно, не было бы никакого смысла. Но почти через год появилось ещё одно письмо, связанное с внутрипартийной борьбой и ролью в ней И.В. Сталина. 11 января 1924 года, то есть тоже ещё при жизни В.И. Ленина, его дежурный секретарь М.И. Гляссер обратилась к Н.И. Бухарину:

«Николай Иванович. Мне совсем не приходится за последнее время Вас встречать, между тем крайне необходимо с Вами поговорить. Постараюсь написать, в чем дело, но боюсь, что не выйдет.

Я прочла недавно письмо Троцкого (из числа нелегально распространяемых в партии его писем), из которого убедилась, что он использовал для доказательства своего единомыслия с Вл. Ил. и одновременно для дискредитирования т. Сталина — «блок» В.И. с ним по национальному вопросу. Так как В.И. узнал от меня об его (и т. Зиновьева) отношении к нацвопросу, то выходит, что я ему в этом помогла. Я прекрасно сознаю к чему привело бы завоевание Троцким большинства в партии, и теперь, разбираясь в том, что происходит сейчас, не нахожу оправдания своему поступку. Моё письмо к Вам сейчас — попытка с Вашей помощью уяснить себе, действительно ли я совершила недопустимый проступок. Мне это необходимо, так как эта мысль сводит меня с ума. Вл. Ил. свою статью по нацвопросу написал раньше, чем назначил комиссию (Фотиева, Горбунов и я) для ознакомления с материалами комиссии т. Дзержинского. Он имел уже своё предвзятое мнение, нашей работой буквально руководил и страшно волновался, что мы не сумеем доказать в своём докладе то, что ему надо и он не успеет до съезда подготовить своё выступление. Вместе с тем он взял с нас слово держать всё в строжайшей тайне до окончания работы и ничего не говорить об его статье. Именно потому, что он был болен и страшно подозрителен — ему всё время казалось, что с ним уже не считаются (я так думаю), обмануть его доверие было для нас невыносимо. И мы не имели права своевременно передать ЦК мнение Вл. Ил. Я рассудила — может быть слишком примитивно — что если Вл. Ил. узнает о том, что тт. Зиновьев и Троцкий думают так же, как и он, то он не будет так сильно волноваться тем, что сам лично не сможет повлиять на решение вопроса. Ведь, если бы В. И. был здоров, он

бы это всё равно знал. Я не учла тех взаимоотношений, кот[орые] тогда были и не предугадала, что Троцкий так это сможет использовать: Вл. Ил. написал ему записку, кот[орая] сейчас фигурирует и в письме Троцкого и в «Соц[иалистическом] вестн[ике]», а нам велел передать Троцкому— только ему— свою декабрьскую статью по нацвопросу.

В, И., действительно, узнав об этом, обрадовался и как будто успокоился. Для меня не было никакого сомнения в том, что Вл. Ил. прав, как всегда. Я и теперь убеждена, что, несмотря на свою болезнь, он правильное оценил положение в Грузии. Но благодаря болезни он был не прав по отношению к т. Сталину.

Может быть, я плохо делаю и сейчас, что пишу Вам это всё. Он своего запрещения — говорить об этом кому бы то ни было, не снял. Но я молчать больше не в состоянии, да и всё равно, все эти факты известны не только всей партии, но и «Соц[иалистическому] вестн[ику]». Мне невыносимо тяжело думать, что я своим вмешательством принесла такой вред. Особенно тяжело потому, что за два с половиной года работы в Политбюро я, близко видя работу Политбюро, не только научилась глубоко ценить и уважать всех вас, в частности т. Сталина (мне стыдно смотреть на него теперь), но и понимать разницу между линией Вл. Ил-ча и Троцкого. Я сказала Вл. Ил. о Троцком только из желания успокоить В.И. Нужно это было или это было недопустимо, я не могу сейчас разобраться. А разобраться необходимо. Напишите мне, как Вы думаете, только совсем искренно. Мне кажется, что если бы меня как следует изругали и наказали, мне было бы легче. И простите, что я Вам надоедаю своей особой.

Уваж[ающая] Вас

М. Гляссер»¹.

Массовый читатель впервые познакомился с этими записками, как и с «Письмом к съезду», статьёй «О придании законодательных функций Госплану» в 1956 году, в журнале «Коммунист» № 9. И это тоже вызывает не возражения, а удовлетворение. Но заметки «К вопросу о национальностях или об “автономизации”», думается, было бы целесообразнее выдавать не за законченное произведение, а за подготовительный материал, как это было блестяще сделано с «Философскими тетрадями».

¹ Известия ЦК КПСС, 1990. № 9. С. 162–163.

Внимание к этому тексту было бы ничуть не меньше, а повод для спекуляций патентованных антикоммунистов заметно бы поубавился. Впрочем, в нынешнее время мелких политиков завистливые души не терпят великанов даже в истории. Поэтому они обливают грязью В.И. Ленина, провозгласили «десталинизации», отправили на виселицу монумент Ф.Э. Дзержинского, противопоставляют Ленина и Сталина — делают всё, чтобы превратить великанов в лилипутов.

И всё же у читателя возможен вопрос: что заставило нас обратить его внимание на записки В.И. Ленина по национальному вопросу, в частности, по грузинскому делу, если в центре нашей работы теоретические взгляды Сталина, размышления о месте Сталина в развитии марксизма-ленинизма? Но поэтому и на события 16 апреля 1923 года мы пытаемся смотреть именно под интересующим нас углом зрения.

В этой истории И.В. Сталин предстаёт как исследователь национального вопроса, которому присуще своё видение проблемы. Повторим, в политическом вопросе о федеративном устройстве СССР он легко принимает идею В.И. Ленина о создании «второго этажа» советской федерации, объединяющего две унитарных советских республики (Украина и Белоруссия) и две советских федерации (РСФСР и ЗСФСР). Эта идея не покушалась на интересы субъектов федерации «второго уровня».

Но Сталин последовательно отстаивал позицию, что любой национализм — великорусской или малочисленной нации — одинаково вреден. Более того, уже после смерти Ленина он многократно подчёркивал, что основой советского интернационализма должен быть интернационализм русского народа, но не потому, что он (русский народ) — самый многочисленный, что он — государствообразующий, а потому, что в РСФСР было сосредоточено большинство рабочего класса новой федерации. В.И. Ленин, принадлежавший к большой нации, к нации, занимавшей в Российской империи господствующее положение, заботился о «выплате накопившегося долга» великороссов другим, малочисленным народам. Сталин, постоянно подчёркивая, что он — русский большевик, смотрел на эту проблему глазами грузинского марксиста-интернационалиста и потому был противником любого потакания национализму «малых» народов, тем более, что внутренний противовес такому национализму со стороны пролетарского интернационализма был ослаблен в виде малочисленности грузинского рабочего класса, равно как и рабоче-

го класса других союзных и автономных республик. Понимая благородство истоков ленинской позиции о «двух типах национализма», Сталин, используя своё грузинское происхождение, настаивал на том, чтобы у большевистской партии был единый стандарт неприятия любого национализма, в котором он, как и Ленин, видел форму буржуазной идеологии.

Эта сталинская позиция в дальнейшей истории нашего общества имела неоднозначные последствия. В годы Великой Отечественной войны, исходя из того, что нашу Советскую Родину защищал единый советский народ, Сталин относился одинаково нетерпимо как к коллаборационизму выходцев из малочисленных народов, так и к коллаборационизму русских или украинцев. Поэтому, как писал Александр Твардовский, «он мог на целые народы обрушить свой державный гнев».

Но эта же сталинская позиция оказалась во многом и провидческой: на рубеже 1980 – 1990 годов Советский Союз разваливали отбойные молотки национализма – как «большого народа», как и его менее многочисленных собратьев. Причём национализм последних в своих разрушительных действиях был, пожалуй, даже крикливее.

Об этом надо помнить прежде всего нам, коммунистам Российской Федерации, так как именно потому, что мы, представители «большой», великой нации, должны разумно проявлять себя в отношении трудящихся мигрантов из бывших союзных республик. Мы не имеем права допускать применения двух стандартов – декларации о стремлении к возрождению Союза ССР и неуважительного отношения к представителям народов, которые совсем недавно входили в Союз ССР. В то же время мы вправе надеяться, что братские коммунистические партии из бывших союзных республик, справедливо ожидая подлинного интернационализма от коммунистов России, будут сами проводить последовательную линию пролетарского, ленинско-сталинского интернационализма.

ОЧЕРК ТРИНАДЦАТЫЙ

«ВОПРОСЫ ЛЕНИНИЗМА» И СЕГОДНЯ ОСТАЮТСЯ В СТРОЮ

В конце февраля 1926 года вышло первое издание сборника работ И.В. Сталина «Вопросы ленинизма». Книга открывалась лекциями «Об основах ленинизма», прочитанными в Коммунистическом универси-

тете имени Я.М. Свердлова и публиковавшимся в газете «Правда», а потом отдельной брошюрой, и завершалась только что закончившейся и нигде прежде не издававшейся работой «К вопросам ленинизма». В сборник также вошли статья «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов (Предисловие к книге «На путях к Октябрю») и ещё семь работ, относящихся к 1924 – 1925 годам. Сборник как сборник, подобные в ту пору издавали не только многие члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК партии, но и другие партийные работники: стремление к осмыслению как внутрисоветских, так и международных социально-экономических и общественно-политических процессов среди большевиков тогда было распространено широко. Однако спустя годы выяснилось, что «Вопросы ленинизма» – книга уникальная, пожалуй, единственная в своём роде. Дело не только в том, что многие вошедшие в неё работы вскоре были признаны классикой марксизма-ленинизма. Сборник выдержал 11 (одиннадцать!) изданий, и выход каждого из них воспринимался не только советским обществом, но и мировыми прогрессивными силами как важное идейно-политическое событие, как книга, отвечающая на актуальные проблемы текущего дня.

Сталин подчинял себя классовой борьбе

В 1920 году по решению IX съезда РКП(б) было начато издание «Сочинений» Владимира Ильича Ленина. В 1924 году на основании постановления II съезда Советов СССР было предпринято второе издание ленинских трудов. В 1922 году Научная библиотека Института К. Маркса и Ф. Энгельса по предложению В.И. Ленина приступила к многотомному изданию «Сочинений» Г.В. Плеханова. К середине 1920-х годов Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев активно работали над изданием своих собраний сочинений. Соратники предлагали и И.В. Сталину приступить к публикации многотомника его работ. Однако он отказывался, ссылаясь на то, что есть «Вопросы ленинизма» и этого вполне-де достаточно.

Вопрос об издании «Сочинений» И.В. Сталина перешёл в практическую плоскость только перед Великой Отечественной войной, в конце 1930-х годов. Тогда среди переписки В.И. Ленина и Н.К. Крупской с большевистскими организациями в России Институтом Маркса–Энгельса–Ленина был обнаружен ряд ранее неизвестных документов, в том числе два письма Сталина из Кутаиси своему товарищу Д. Давиташвили, находившемуся в Лейпциге. Письма представляли несомненный интерес тем, что в них 24-лет-

ний революционер из Закавказья давал высочайшую оценку ленинской тактике и его борьбе против меньшевиков. Руководство ИМЭЛ намеревалось опубликовать находки сразу же, но И.В. Сталин возражал, предложив отложить их публикацию до выхода его Сочинений, поставив их в первый том. Действительно, они впервые увидели свет в вышедшем в 1946 году первом томе начавшегося многотомного издания сталинских работ.

Но нам в этой истории интересна другая её сторона. Сталин не спешил с изданием своих «Сочинений» во многом как раз потому, что был вполне удовлетворён регулярным переизданием «Вопросов ленинизма». Если собрать содержание всех 11 изданий, то получится весьма солидное собрание избранных работ И.В. Сталина. Дело в том, что содержание каждого очередного выпуска «Вопросов ленинизма» пополнялось новыми работами, насыщенными современной тематикой, а из сборника «выводились за штат» работы, актуальность которых ослабла.

От первого издания «Вопросов ленинизма» в одиннадцатом остались только «Об основах ленинизма» (1924 г.), «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» (1924 г.) и «К вопросам ленинизма» (1926 г.). Но при этом никто не мог утверждать, что у него в руках новый сборник: каждое издание сохраняло преемственность.

Пожалуй, только второе издание, вышедшее через четыре года, заметно отличалось по объёму от первого: книга стала явно толще. При этом в ней сохранились все десять работ, входивших в первый выпуск «Вопросов ленинизма». Их идейно-политическое значение не снизилось, они были по-прежнему актуальны и оставались стержнем второго издания. Правда, рядом с ними появились ещё семь работ, которые были написаны в 1926 — 1930 годах (сборник завершался Политическим отчётом ЦК ВКП(б) XVI партсъезду, который был произнесён 26 июня 1930 года). Содержание сборника обновлялось постепенно.

Так, вышедшее в 1939 году последнее, 11-е издание пополнилось пятью работами: речами на выпуске академиков Красной Армии в Кремле (4 мая 1935 г.) и на I Всесоюзном совещании стахановцев (17 ноября 1935 г.), докладом на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов «О проекте Конституции Союза ССР» (25 ноября 1936 г.), статьёй «О диалектическом и историческом материализме», написанной Сталиным для «Краткого курса истории ВКП(б)» (сентябрь 1938 г.) и «Отчётным докладом на XVIII съезде партии о работе

ЦК ВКП(б)» (10 марта 1939 г.). В то же время, как указывалось в предисловии, «в целях сохранения прежнего объёма книги... не включены помещённые в десятом издании «Беседа с первой американской рабочей делегацией», «Отчётный доклад Центрального Комитета на XVI съезде ВКП(б)» и «Беседа с английским писателем Г.Д. Уэллсом». Кстати, две из этих работ впервые вошли во второе издание «Вопросов ленинизма», а третья — в третье издание. Впрочем, у 11-го издания были свои особенности: после 1939 года оно воспроизводилось Институтом Маркса—Энгельса—Ленина как минимум дважды — в 1945 и 1952 годах. При этом никаких изменений в него не вносилось, хотя последний раз оно было напечатано тиражом в 1 миллион экземпляров. Поэтому в «Вопросы ленинизма» так и не попали не только вышедшие в 1952 году «Экономические проблемы социализма в СССР» (впервые они были опубликованы в «Правде» 3 и 4 октября 1952 года) и «Марксизм и вопросы языкознания» («Правда», 20 июня и 2 августа 1950 года), но и Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1941 года и Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 года.

Впрочем, отбор работ автором в «Вопросы ленинизма» был очень строгим. Судя по всему, Сталин включал в него, как правило, работы, содержащие теоретические положения ленинизма. Видимо, по этой причине оказалась несправедливо не включённой ни в одно издание сборника речь на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 года «По поводу смерти Ленина» (знаменитая сталинская клятва)

Характер формирования сборника позволял ему выполнять важные политические функции. Люди видели, что идейное содержание книги неизменно, и это говорило о том, что И.В. Сталина — последовательный ученик и соратник Владимира Ильича Ленина. «Вопросы ленинизма» были документальным свидетельством политической твердости курса ВКП(б) на строительство социализма.

В то же время «Вопросы ленинизма» актуальны и сегодня, о чём и пойдёт дальше речь. Вероятно, готовясь к 140-летию со дня рождения И.В. Сталина было бы полезно переиздать этот уникальный сборник, хотя бы его первое издание. Аналогичное предложение издать эту книгу к 100-летию Великой Октябрьской революции КПРФ реализовать, к сожалению, не удалось.

Грани диктатуры пролетариата

Вопрос о диктатуре пролетариата появляется и имеет смысл только тогда, когда общество в лице прежде всего рабочего класса нацелено на социализм, когда Коммунистическая партия подчиняет каждый свой шаг приближению социализма. Да и исторически идея борьбы за социалистическое жизнеустройство предшествовала идее диктатуры пролетариата. Ленин писал, что «введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории»¹. Именно в связи с особенностями этой «новой эпохи» Карл Маркс и сформулировал наиболее полно в «Критике Готской программы» своё знаменитое открытие:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»². И когда И.В. Сталин в лекциях «Об основах ленинизма», прочитанных в Коммунистическом университете имени Я.М. Свердлова, утверждал: «Изложить ленинизм — это значит изложить то особенное и новое в трудах Ленина, что внёс Ленин в общую сокровищницу марксизма и что естественно связано с его именем», — то он имел в виду прежде всего учение о диктатуре пролетариата. Ведь Ленину принадлежит знаменитая формула: «Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание и признание марксизма»³. И не случайно самым большим разделом в работе «Об основах ленинизма» является раздел, посвящённый диктатуре пролетариата. В другой ключевой работе сборника — «К вопросам ленинизма» — диктатуре пролетариата посвящены две главы, составляющие вместе половину этой работы.

Есть в них ответ и на неожиданно ставшим актуальным вопрос: может ли развиваться социалистический уклад в рамках капиталистической формации? Реанимация этого вопроса объясняется просто: мы живём в пору реставрации капитализма, и общество со-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 425.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 27.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 34.

хранило редкие хозяйственные ячейки, в которых живы черты социалистического уклада. Владельцами средств производства там являются практически все члены трудового коллектива, распределение осуществляется по труду, в отношениях между работниками господствует социалистический коллективизм. Хочется искренне славить эти ячейки «товарищеского способа производства», мечтать, чтобы они множились, чтобы на них равнялись трудовые коллективы. Желания замечательные, не присоединиться к ним невозможно.

Но есть сущностный вопрос, от которого невозможно спрятаться. Эти «народные предприятия» являются остаточными явлениями, рудиментами советского социализма или ростками будущего социализма, которые пробивают себе дорогу сквозь бетон капиталистической реставрации? Ведь исторически капиталистический уклад зарождался в недрах феодализма, и потом, когда стал определять характер производственных отношений, столкнулся феодально-монархическую надстройку и установил в обществе торжество капитализма. Может быть, здесь мы имеем дело с подобной закономерностью?

Решить вынырнувшую из Леты задачу можно только при опоре на марксизм-ленинизм. Поэтому обратимся к сборнику «К вопросам ленинизма». В нём есть глава «Пролетарская революция и диктатура пролетариата». Сталин ставит вопрос о том, чем отличаются пролетарские революции от буржуазных. Он указывает несколько признаков. Обратим внимание на два первых:

«1) Буржуазная революция начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших ещё до открытой революции в недрах феодального общества, тогда как пролетарская революция начинается при отсутствии, или почти при отсутствии, готовых форм социалистического уклада.

2) Основная задача буржуазной революции сводится к тому, чтобы захватить власть и привести её в соответствие с наличной буржуазной экономикой, тогда как основная задача пролетарской революции сводится к тому, чтобы, захватив власть, построить новую, социалистическую экономику»¹.

В своих выводах Сталин опирался на ленинскую сокровищницу идей. Он обращался к ленинскому «Докладу о войне и мире» на VII съезде РКП(б):

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 21.

«Отличие социалистической революции от буржуазной состоит именно в том, что во втором случае есть готовые формы капиталистических отношений, а Советская власть — пролетарская — этих готовых отношений не получает, если не брать самых развитых форм капитализма, которые в сущности охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало ещё затронули земледелие. Организация учёта, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи»¹.

Обратите внимание: В.И. Ленин считает, что больше всего социализм подготавливают «самые развитые формы капитализма», то есть те, в которых обобществление производства достигло или приближается к общенациональным масштабам. Вот где предпосылка социалистического уклада. Что касается «народных предприятий», то, независимо от внутривозвращенных отношений, они вынуждены выходить на рынок в качестве юридических лиц капитала. Их нравственное значение как очагов социалистической цивилизации огромно, но в формационном плане, в качестве набирающего силу экономического уклада они роли не играют.

Почитаем снова И.В. Сталина:

«Можно ли проделать такую коренную перестройку старых, буржуазных порядков без насильственной революции, без диктатуры пролетариата?

Ясно, что нельзя. Думать, что такую революцию можно проделать мирно, в рамках буржуазной демократии, приспособленной к господству буржуазии, — значит либо сойти с ума и растерять нормальные человеческие понятия, либо отречься грубо и открыто от пролетарской революции»².

Теоретические ориентиры в этих вопросах Коммунистическая партия Российской Федерации сформулировала, строго исходя из принципов ленинизма: на октябрьском (2014 года) и мартовском (2015 года) пленумах ЦК КПРФ партия провозгласила свою задачу как замену диктатуры капитала диктатурой пролетариата, заявив при этом, что КПРФ является революционной партией. Но после пленумов ЦК об этих выводах товарищи вспоминают как-то редко.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 6–7.

² Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 24.

Не менее актуальна ещё одна грань диктатуры пролетариата в сегодняшней России. Она связана с трудным вопросом о государстве. Всегда ли достойно быть «государственником»? На политическом языке этот вопрос звучит примерно так: есть ли возможность использовать для перехода к социалистическому строю буржуазное государство? Чтобы ответить на этот вопрос с позиций марксизма-ленинизма, продолжим чтение сталинской работы «К вопросам ленинизма». Кроме отмеченных двух отличий пролетарской революции от буржуазной, И.В. Сталин указал ещё ряд отличий:

— «Буржуазная революция *завершается* обычно захватом власти, тогда как для пролетарской революции захват власти является лишь её *началом*, причем власть используется как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой».

— «Буржуазная революция ограничивается заменой у власти одной эксплуататорской группы другой эксплуататорской группой, ввиду чего она не нуждается в сломе старой государственной машины, тогда как пролетарская революция снимает с власти все и всякие эксплуататорские группы и ставит у власти вождя всех трудящихся и эксплуатируемых, класс пролетариев, ввиду чего она не может обойтись без слома старой государственной машины и замены её новой»¹.

Позиция Сталина является не чем иным, как развитием ленинского учения о государстве. Иосиф Виссарионович приводит знаменитое положение из «Государства и революции», которое открыто, «в лоб», кажется, не рисковал оспаривать ни один сторонник социализма. Вот оно:

«Освобождение угнетённого класса невозможно не только без насильственной революции, но и без уничтожения того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан»².

С этими выводами тесно связано положение Сталина из другой его работы («Об основах ленинизма»), постоянно входившей в рассматриваемый сборник. Там он писал: «Кто и где доказал, что парламентская форма борьбы является главной формой борьбы пролетариата? Разве история революционного движения не показывает, что парламентская борьба является лишь школой и подспорьем для организации внепарламентской борьбы пролетариата, что основные вопросы рабочего движения при капитализме решаются силой, не-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 21–22.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 8.

посредственной борьбой пролетарских масс, их общей забастовкой, их восстанием?»¹

Обратите внимание: здесь не отрицается парламентская форма классовой борьбы, но недвусмысленно утверждается, что она является лишь *подспорьем* для организации внепарламентских форм классовой борьбы пролетариата за социалистическое жизнеустройство.

Сила слабого звена

В любом издании «Вопросов ленинизма» нетрудно найти анализ ленинского вклада в марксистскую теорию социалистической революции. При этом сталинский подход к осмыслению теоретических проблем был обычно заточен на учёт особенностей актуальных политических процессов. Именно этой особенностью деятельности Сталина-теоретика объясняется то, что в 1920-е годы он предпочитает говорить не о марксизме, а о ленинизме (термин марксизм-ленинизм в его творчестве появляется позже). Цикл лекций в Свердловском университете «Об основах ленинизма» он начинает именно с объяснения основ ленинизма: «Ленин — марксист, и основой его мировоззрения является, конечно, марксизм. Но из этого вовсе не следует, что изложение ленинизма должно быть начато с изложения основ марксизма. Изложить ленинизм — это значит изложить то особенное и то новое в трудах Ленина, что внёс Ленин в общую сокровищницу марксизма и что естественно связано с его именем»².

Развитие марксизма в ленинизме происходило в условиях жёсткого противостояния оппортунизму II Интернационала и российскому меньшевизму как его разновидности. Более того, в международном революционном движении между этапом революционного марксизма, сконцентрированным прежде всего в творчестве К. Маркса и Ф. Энгельса, и этапом ленинизма был этап господства европейской социал-демократии, скользящей в сторону оппортунизма (без этого не случился бы крах II Интернационала). Это особенно важно иметь в виду при осмыслении Сталиным ленинского вклада в развитие теории социалистической революции. Сталин сосредоточивается не на том, что Ленин скорректировал вывод К. Маркса о возможности победы социалистической революции тогда, когда

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 84.

² Там же. С. 69.

она произойдёт в ряде ведущих стран. Вывод Маркса соответствовал доомонополистической стадии капитализма. Но при империализме, породившем неизбежность переделов капиталистического мира, победа социалистической революции, как доказал Ленин, становится реальной в слабом звене капиталистической цепи.

В развернувшейся внутри РКП(б) борьбе вокруг творчества В.И. Ленина прежде всего было важно показать его вклад в «самый подход к вопросу о пролетарской революции, характере революции, её объёме, её глубине»¹. Этот анализ Сталин начинает с выяснения «предпосылок пролетарской революции»². (Выделено мной. — В.Т.). В творчестве Маркса и Энгельса тезис об одновременной победе пролетарской революции в ведущих капиталистических странах всегда рассматривался в диалектической связи с предпосылками революций в отдельных странах. Энгельс в работе «К жилищному вопросу» пояснял: «Мы изображаем экономические отношения, как они существуют и как они развиваются, и доказываем строго экономически, что это их развитие есть в то же время развитие элементов социальной революции: развитие, с одной стороны, пролетариата, класса, условия жизни которого неизбежно толкают его к социальной революции, а с другой стороны — производительных сил, которые, перерастая рамки капиталистического общества, должны неизбежно разорвать их...»³.

Поэтому родоначальники научного коммунизма в своих работах не раз обращались к характеристике уровня экономического развития разных стран как предпосылке пролетарской революции. Вот один из ярких примеров такого подхода, продемонстрированного Марксом в «Конфиденциальном сообщении» (1870 год), предназначенном не для печати, а для Комитета немецкой социал-демократической партии: «Хотя революционная инициатива будет исходить, вероятно, от Франции, только Англия может послужить рычагом для серьёзной экономической революции. Это — единственная страна, где уже нет крестьян и где земельная собственность сосредоточена в немногих руках. Это — единственная страна, в которой *капиталистическая форма*, то есть объединение труда в широком масштабе под властью капиталистических предпринимателей, охватила почти всё производство. Это — единственная

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 95.

² Там же.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 269.

страна, в которой *огромное большинство населения состоит из наёмных рабочих...*»¹.

Европейские оппортунисты, включая меньшевиков, следовали, если подходить формально, вроде бы методике Маркса и Энгельса, ратуя за возможность победы революции одновременно во многих ведущих странах. Но при этом анализ экономического положения в каждой из этих стран служил для них основанием борьбы с революционными настроениями пролетариата. Именно в борьбе с оппортунизмом, на основе исследования империализма, В.И. Ленин развивал революционный марксизм.

И.В. Сталин концентрировался на анализе именно этой теоретической деятельности В.И. Ленина, направленной против оппортунизма. Он писал:

«Раньше к анализу предпосылок пролетарской революции подходили обычно с точки зрения экономического состояния той или иной страны. Теперь этот подход уже недостаточен. Теперь надо подходить к делу с точки зрения экономического состояния всех или большинства стран, с точки зрения состояния мирового хозяйства, ибо отдельные страны и отдельные национальные хозяйства... превратились в звенья единой цепи, называемой мировым хозяйством...

Раньше рассматривали пролетарскую революцию как результат исключительно внутреннего развития данной страны. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь надо рассматривать пролетарскую революцию, прежде всего, как результат развития противоречий в мировой системе империализма, *как результат разрыва цепи мирового империалистического фронта в той или иной стране.* (Выделено мной. — В.Т.)

Где начнётся революция, где прежде всего может быть прорван фронт капитала, в какой стране?

Там, где больше развита промышленность, где пролетариат составляет большинство, где больше культуры, где больше демократии, — отвечали обычно раньше.

Нет, — возражает ленинская теория революции, — *не обязательно там, где промышленность больше развита*, и пр. Фронт капитала прорвётся там, где цепь империализма слабее, ибо *пролетарская революция есть результат разрыва цепи мирового империалистического фронта в наиболее слабом её месте* (выделено мной. — В.Т.), причем может оказаться, что страна, начавшая революцию, страна, прорвавшая

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 435.

фронт капитала, является менее развитой в капиталистическом отношении, чем другие, — более развитые, страны, оставшиеся, однако, в рамках капитализма.

В 1917 году цепь империалистического мирового фронта оказалась слабее в России, чем в других странах. Там она и прорвалась, дав выход пролетарской революции»¹.

Сталинские положения в работе «Об основах ленинизма» представляют собой развёртывание и развитие ленинского открытия того, что в условиях империализма пролетарская революция с неизбежностью происходит в «слабом звене» мировой системы капитализма. Статьи В.И. Ленина «О лозунге Соединённых Штатов Европы» и «Военная программа пролетарской революции» широко известны как раз благодаря тому, что в них сформулировано это великое открытие.

Сталин подробно объясняет, почему именно Россия в начале XX века была слабым звеном мирового капитализма. Опираясь на ленинскую методологию, он задаётся вопросом: где может быть прорвана цепь капитализма после свершения Великой Октябрьской социалистической революции? Его ответ: «Не исключено, что цепь может прорваться, скажем, в Индии. Почему? Потому, что там имеется молодой боевой революционный пролетариат, у которого имеется такой союзник, как освободительное национальное движение, — несомненно большой и несомненно серьёзный союзник».²

Вторая мировая война внесла коррективы в ход мировой социалистической революции: вслед за странами Восточной Европы, освобождёнными от оккупации германского фашизма Красной Армией, капиталистическую цепь прорвал Китай. Это было следствием не только итогов Второй мировой войны, но и наличия молодого боевого революционного пролетариата и революционно-освободительного движения, борьбой которых руководила героическая Коммунистическая партия Китая.

Однако в конце XX столетия в мире произошли события, которые Сталин никак не мог предвидеть. Реставрация капитализма в бывших республиках СССР и в Восточной Европе привела не только к коренным изменениям внутри каждого из этих новых государств, но и состояния мировой капиталистической системы. Наиболее слабыми звеньями «обновлённой» цепи оказались в первую очередь

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 95–97.

² Там же. С. 98.

Россия и Украина. Они более других оказались втянуты в капиталистическую систему и наиболее полно проявили свою неконкурентоспособность по стандартам буржуазного мира. Ни РФ, ни Украина за более чем четверть века функционирования в мире капитала не сумели не только сколько-либо прирастить свою экономическую мощь, но и (в условиях капиталистической реставрации) не смогли освоить производительные силы, доставшиеся им от социализма. В них произошла деиндустриализация и демодернизация. А судя по международным показателям «человеческого капитала», налицо также деградация «человеческого фактора». Произошло невиданное с времён окончания Второй мировой войны абсолютное обнищание трудящихся. При этом, по данным ИС РАН, около 80% лиц, имеющих доходы ниже установленного государством прожиточного минимума, в 2015 году составляло занятое население.

Слабость Украины как звена капиталистической цепи убедительно проявилась в том, что она имеет теперь, после февральского государственного переворота 2014 года, резко ограниченный государственный суверенитет, а шок последствий Евромайдана привёл к тому, что рабочий класс на время утратил способность к активной классовой борьбе.

Что касается РФ, то здесь более противоречивая ситуация. Объективно, для России характерен максимально возможный раскол общества. Как показывают данные Росстата за последние 12 лет, доля лиц, нанимающих рабочую силу (работодателей) колеблется в пределах 1,2 – 1,3% занятого населения. В эту цифру входят владельцы крупного и среднего капитала. Ядро этого социального полюса образуют, по расчётам академика РАН Р.И. Нигматулина, 0,2% российских семей, в руках которых находится 70% национального богатства¹. В это ядро входят прежде всего магнаты-олигархи, то есть собственники крупнейших банков, компаний топливно-энергетического, металлургического, химического и горнорудного комплексов; в последнее десятилетие в этот круг вошли также владельцы торговых сетей.

На другом социальном полюсе – работники наёмного труда. Среди занятого населения они, по данным Росстата, составляют более 90%. Поскольку колебания этого показателя в последние 10 лет, включающие как кризисы, так и межкризисные периоды,

¹ См.: Рекомендации по модернизации экономики России. Труды. Выпуск 1. М., 2010. С. 87.

минимальные, то можно, очевидно, утверждать, что в России не осталось резервов дальнейшей пролетаризации общества. В стране уже на каждого работодателя приходится в среднем 70 – 80 наёмных, эксплуатируемых работников. В то же время растёт степень эксплуатации трудящихся. В ходе осеннего опроса 2015 года учёные ИС РАН установили, что материальное положение за последний год ухудшилось более чем у половины рабочих. И это несмотря на то, что в 2015 году большинство работающего населения России характеризовалось наличием перегрузок¹.

По данным всех исследований, проведённых за последние почти 20 лет, около 60% соотечественников устойчиво указывают на отсутствие социальной справедливости как главный изъян существующей в России общественно-политической системы. Исследования, проведённые в октябре 2015 года, выявили, что пять наиболее часто указываемых респондентами противоречий нынешней России непосредственно связаны с господством капиталистических производственных отношений.

Таблица 1

**Наиболее часто называемые противоречия
российского общества в оценках населения, 2015 г., %²**

*(допускалось до трех ответов)**

Между богатыми и бедными	37
Между властью и народом	32
Между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися	25
Между собственниками предприятий и наемными работниками	22
Между олигархами и остальным обществом	17

* Данные по противоречию между собственниками и работниками даны в процентах от работающих.

Эти данные побуждают и сегодня признать справедливость вывода Сталина: «Цепь империалистического фронта, как правило,

¹ См.: Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. М., 2014. С. 68, 71.

² См.: Российское общество: год в условиях кризиса и санкций. Информационно-аналитический материал по итогам общероссийского социологического исследования. М. 2015. С. 18.

должна прорываться там, где звенья цепи слабее»¹. В то же время они побуждают обратить внимание на известное положение ленинизма о существенной роли субъективного фактора.

Общепризнан вклад В.И. Ленина в теорию революционной ситуации. В ней он подчёркивал значение не только объективных условий (невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном положении своё господство; обострение выше обычного нужды и бедствий рабочего класса; значительное повышение активности масс), но и субъективного фактора: «Необходима способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризисов, не «упадёт», если его не «уронят»².

А далее Владимир Ильич добавлял:

«Тут речь идёт о самой бесспорной и самой основной обязанности социалистов: обязанности... будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата, помогать ему переходить к революционным действиям и создавать соответствующие революционной ситуации организации для работы в этом направлении»³. Не случайно Сталин в работе «Об основах ленинизма» жёстко критиковал мелкобуржуазные «преклонения перед стихийностью рабочего класса», подчёркивая, что это — «теория оппортунизма, ... теория фактического отрицания руководящей роли авангарда рабочего класса, партии рабочего класса»⁴.

Партия и её рычаги

Ни революционная ситуация, ни диктатура пролетариата не являются по мановению волшебной палочки вождей или теоретиков, не могут быть навязаны обществу решением самых высоких собраний. Но мощь ленинизма в том и состоит, что коммунистическая партия призвана сама находиться в отобилизованном состоянии и отобилизовывать рабочий класс, просвещать его, неуклонно и систематически готовить его и к революционной ситуации, и к диктатуре пролетариата.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 98.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 219.

³ Там же. Т. 26. С. 221.

⁴ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 90.

В «Вопросах ленинизма» сегодня очень актуально звучат размышления Сталина о роли партии в подготовке пролетарской революции и диктатуры пролетариата и её работе с массовыми организациями. Вслед за Лениным он разрабатывает вопрос о «механизме» диктатуры пролетариата. В полном виде этот «механизм» складывается только после взятия государственной власти рабочим классом. Но «детали» этого «механизма» необходимо готовить загодя. Ещё до победы социалистической революции у партии должны быть работающие «рычаги или привода — это те самые массовые организации, без помощи которых невозможно осуществление диктатуры...

Эти привода, рычаги и направляющая сила необходимы для пролетариата потому, что без них он оказался бы в своей борьбе за победу в положении безоружной армии перед лицом организованного и вооруженного капитала. Эти организации необходимы пролетариату потому, что без них он потерпел бы неминуемое поражение в его борьбе за свержение буржуазии, в его борьбе за упрочение своей власти, в его борьбе за строительство социализма»¹.

«Что это за организации?» — ставит вопрос в своей работе Сталин. Отвечая на него, он называет «во-первых, профсоюзы рабочих, с их разветвлениями в центре и на местах в виде целого ряда производственных, культурных, воспитательных и иных организаций. Они объединяют рабочих всех профессий. Это есть организация непартийная... Они выделяют из своей среды лучших людей для руководящей работы по всем отраслям управления. Они осуществляют связь между передовыми и отсталыми в составе рабочего класса. Они соединяют рабочие массы с авангардом рабочего класса»².

Вслед за профсоюзами Сталин сразу же называет *Советы*. Но эта организация продуктивна не в качестве вывески на структурах представительной власти или местного самоуправления. Они начинают успешно работать только в условиях начавшейся пролетарской революции, причём в качестве властных органов, когда необходимо не только устанавливать правила и нормы деятельности и управления в классовых интересах пролетариата, но и проводить принятые решения в жизнь. Поэтому Сталин и утверждает, что «Советы есть прямое выражение диктатуры пролетариата... Через Советы осуществляется государственное руководство... со стороны пролетариата»³.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 32.

² Там же. С. 33.

³ Там же.

Третьей в этом ряду Сталин называет *кооперацию*, о которой мы забыли настолько, что не вспоминаем даже по «красным дням». Между тем «это есть массовая организация трудящихся, организация непартийная, объединяющая их, прежде всего, как потребителей, а также, с течением времени, и как производителей (сельскохозяйственная кооперация)»¹.

Достаточно подробно Сталин характеризует союз молодёжи, указывая на его важность как в дореволюционной, так и послереволюционной организации: «Это есть массовая организация рабочей и крестьянской молодежи, организация непартийная, но примыкающая к партии. Она имеет своей задачей помощь партии в деле воспитания молодого поколения в духе социализма. Она дает молодые резервы для всех остальных массовых организаций пролетариата по всем отраслям управления. Союз молодежи приобрел особое значение после упрочения диктатуры пролетариата, в период широкой культурной и воспитательной работы пролетариата»².

Завершает же Сталин рассмотрение этой политической системы её главным звеном — *партией пролетариата, его авангардом*. Мы привыкли говорить, что стержнем политической системе выступает государство. И это, думается, правильно, так как без государства политическая система неполная. Но в капиталистическом обществе, где уничтожены сословные перегородки, а обнажился приоритет классового деления общества, резко возрастает роль политических партий. Особенно велико значение политической партии для борьбы пролетариата за свои классовые интересы. Более того, оно постоянно возрастает по мере обострения его борьбы за установление своей власти.

Сталин писал о партии пролетариата: «Её сила заключается в том, что она вбирает в себя всех лучших людей пролетариата из всех его массовых организаций. Её назначение состоит в том, чтобы *объединять* работу всех без исключения массовых организаций пролетариата и *направлять* их действия к одной цели, к цели освобождения пролетариата. А объединять и направлять их по линии одной цели абсолютно необходимо, ибо без этого невозможно единство борьбы пролетариата, ибо без этого невозможно руководство пролетарскими массами в их борьбе за власть, в их борьбе за строительство социализма. Но объединять и направлять работу массовых ор-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 33.

² Там же. С. 34.

ганизаций пролетариата способен лишь авангард пролетариата, его партия. Только партия пролетариата, только партия коммунистов способна выполнить эту роль основного руководителя в системе диктатуры пролетариата»¹.

Возможна ли победа социализма в одной стране?

При подготовке первого издания «Вопросов ленинизма» это был главный вопрос для И.В. Сталина. Не случайно же он ещё до выхода сборника даёт согласие напечатать в газете «Ленинградская правда» 16 февраля 1926 года главу «Вопрос о победе социализма в одной стране». Впрочем, над этой проблемой, ключевой для борьбы партии как с лево-троцкистским, так и с правым уклонами, Генеральному секретарю ЦК большевистской партии пришлось постоянно думать ещё в 1924 году. В конце того года готовилась к печати книга И.В. Сталина «На путях к Октябрю». В качестве предисловия к ней автор подготовил статью «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов». Она входила в главный сборник сталинских работ с первого по одиннадцатое (пока последнее) издание.

Для нас эта проблема вот уже четверть века сидит занозой в сердце и душе. Ведь есть теоретики, которые, «лёжа на марксизме», уверяют, что победа социализма в одной стране в принципе невозможна. Но и не будь их, проблема-то всё равно была бы: мы допустили глубокое отступление социализма в нашей стране или была тщетной надежда на его победу?

Итак, обратимся к «Вопросам ленинизма». У вопроса о возможности победы социализма в одной стране две стороны: внутренняя и внешняя. Их сочетание, по оценке В.И. Ленина, было уникальным, благоприятным, способствующим победе социалистической революции. Вот как об этом писал Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме»:

«России в конкретной, исторически чрезвычайно оригинальной ситуации 1917 года было легко *начать* социалистическую революцию, тогда как *продолжать* её и довести её до конца России будет труднее, чем европейским странам. Мне ещё в начале 1918 года пришлось указывать на это обстоятельство, и двухлетний опыт после того вполне подтвердил правильность такого соображения. Таких специфических условий, как 1) возможность соединить советский

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 34–35.

переворот с окончанием, благодаря ему, империалистской войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян; 2) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух всемирно-могущественных групп империалистских хищников, каковые группы не могли соединиться против советского врага; 3) возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну, отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения; 4) наличие такого глубокого буржуазно-демократического революционного движения в крестьянстве, что партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян (с.-р., партии, резко враждебной, в большинстве своём, большевизму) и сразу осуществила их благодаря завоеванию политической власти пролетариатом; — таких специфических условий в Западной Европе теперь нет, и повторение таких или подобных условий не слишком легко. Вот почему, между прочим, — помимо ряда других причин, — *начать социалистическую революцию Западной Европе труднее, чем нам*¹.

Эти особенности сложившейся конкретно исторической ситуации, способствовавшие победе Великой Октябрьской социалистической революции, давно стали предметом анализа марксистов. Потому Сталин использовал данную цитату в своей работе. Но он не стал механически повторять указанные Лениным признаки, а дал свою их группировку. Он их прежде всего разделил на внутренние и внешние. А поскольку этот анализ осуществлялся в процессе политической полемики, то продолжатель дела Ленина начал с обстоятельств внешнего порядка, считая, что они для партии очевиднее:

«Во-первых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в период отчаянной борьбы двух основных империалистических групп, англо-французской и австро-германской, когда эти группы, будучи заняты смертельной борьбой между собой, не имели ни времени, ни средств уделить серьёзное внимание борьбе с Октябрьской революцией. Это обстоятельство имело громадное значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей возможность использовать жестокие столкновения внутри империализма для укрепления и организации своих сил.

Во-вторых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в ходе империалистической войны, когда измученные войной и жаждавшие мира трудящиеся массы самой логикой вещей

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 47–48.

были подведены к пролетарской революции, как единственному выходу из войны...

В-третьих, наличие мощного рабочего движения в Европе и факт назревания революционного кризиса на Западе и Востоке, созданного продолжительной империалистической войной. Это обстоятельство имело для революции в России неопределимое значение, ибо оно обеспечило ей верных союзников вне России в её борьбе с мировым империализмом»¹.

Попытаемся применить эти признаки к современному международному положению. Получается, что внешним условием прорыва пролетариатом слабого звена в капиталистической цепи должно быть столь острое противостояние между существующими империалистическими блоками, что им становится не до «какого-то» слабого звена в своей системе. Нужна ситуация, когда проблемы «сильных звеньев» и противоречия между ними столь остры, что «слабое звено» оказывается на периферии их интересов и внимания. Такое положение обычно складывается при межблоковом империалистическом конфликте, связанном с переделом мира. Исторический опыт заставляет предположить, что конфликт должен быть достаточно продолжительным, чтобы массы трудящихся успели преодолеть патриотическо-шовинистический угар. Обязательным условием является и сохранение коммунистической партией страны, ставшей «слабым звеном», твердой позиции пролетарского интернационализма и последовательного ленинизма.

Далее Сталин указывает условия внутреннего порядка, необходимые для прорыва сторонниками социализма капиталистической цепи в слабом звене:

«Главным из этих условий нужно считать следующие.

Во-первых, Октябрьская революция имела за собой активнейшую поддержку громадного большинства рабочего класса России.

Во-вторых, она имела несомненную поддержку крестьянской бедноты и большинства солдат, жаждавших мира и земли.

В-третьих, она имела во главе, в качестве руководящей силы, такую испытанную партию, как партия большевиков, сильную не только своим опытом и годами выработанной дисциплиной, но и огромными связями с трудящимися массами.

В-четвертых. Октябрьская революция имела перед собой таких сравнительно легко преодолимых врагов, как более или менее сла-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 358–359.

бую русскую буржуазию... и совершенно обанкротившиеся в ходе войны соглашательские партии (партии меньшевиков и эсеров).

В-пятых, она имела в своём распоряжении огромные пространства молодого государства, где могла свободно маневрировать, отступать, когда этого требовала обстановка, передохнуть, собраться с силами и пр.

В-шестых, Октябрьская революция могла рассчитывать в своей борьбе с контрреволюцией на наличие достаточного количества продовольственных, топливных и сырьевых ресурсов внутри страны»¹.

Итак, для социалистического прорыва капиталистической цепи в слабом звене (в том числе для прерывания реставрации капитализма) в качестве условий необходимы: 1) революционная ситуация; 2) занятость империалистических блоков собственными проблемами, чрезвычайно для них острыми; 3) мощно организованный коммунистической партией большевистского типа, готовой пойти на штурм капитализма и способный сначала подготовить, а затем и организовать рабочий класс, другие звенья пролетариата (прежде всего пролетариев умственного труда, офисный пролетариат и т.п.) и его стратегических союзников на непримиримую беззаветную классовую борьбу. Естественно, что компартия при этом должна избежать любых проявлений оппортунизма (прежде всего социал-соглашательства) в своих рядах.

Ясно, что опыт реставрации капитализма должен существенно повысить бдительность революционеров и избежать проявлений сектантства.

Есть основания предполагать, что в России имеются необходимые предпосылки для прорыва капиталистической цепи. Выше уже отмечалось, что в стране небывалая социальная поляризация, что означает реальную возможность добиться перевеса сил на стороне трудящихся. Это, во-первых. Во-вторых, в стране слой мелкой буржуазии весьма малочисленный. По данным ИС РАН, она составляет примерно 4% занятого населения². Расчёты, выполненные на основе данных Росстата, показывают, что доля мелких предпринимателей и самозанятых в последнее десятилетие колеблется в пределах 5,5–5,7% занятого населения. Иначе говоря, проблема союза рабочего класса и мелкой буржуазии не исчезла, но в то же время утратила

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 359–360.

² Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. М., 2014. С. 62.

ту остроту, которую имела в послеоктябрьский период. Носителями мелкобуржуазности могут оказаться те слои общества, которых социологи относят к категории «белых воротничков». Но надо иметь в виду, что, хотя значительной части этой категории действительно присуще мелкобуржуазное сознание, объективно она является пролетариатом умственного труда.

Есть ещё одно немаловажное обстоятельство: современная Российская Армия по своему составу является рабоче-крестьянской. Причём рабоче-крестьянским по своему происхождению является не только рядовой и сержантский состав, но и большинство офицерского корпуса. Что касается настроений, то они в немалой степени зависят от того, насколько серьёзно работает с рабочим классом, пролетариями умственного труда и военнослужащими Коммунистическая партия Российской Федерации, призванная беречь и использовать традиции большевизма. В «Вопросах ленинизма» анализу этих традиций уделяется значительное внимание.

ОЧЕРК ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

ВТОРОЙ ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ В РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИИ

Буржуазная контрреволюция и реставрация капитализма на просторах СССР и восточноевропейских стран заставляют заново, причём очень серьёзно, обратиться к внутрипартийной дискуссии середины 1920-х годов о возможности построения социализма в СССР. Дело не столько в том, что сохранившиеся приверженцы троцкизма самоуверенно (и голословно) заявляют, будто историческая победа в том идеологическом противостоянии их кумира с И.В. Сталиным и поддержавшими его коммунистами (а ими было более 98% членов большевистской партии) одержана Л.Д. Троцким. Куда важнее осмыслить методологию анализа исторического процесса и теоретические обоснования выбранного партией пути, а потом выяснить, были ли выбранные пути хоть как-то причастны к трагической судьбе советского социализма. Без трудов И.В. Сталина нам этой актуальной проблемы не решить.

Об извивах мировой революции

При осмыслении вопроса о возможности успешной борьбы за социалистический вектор развития России марксисты всегда учитывали фактор мировой революции. Исследуя империализм как выс-

шую стадию развития капиталистической формации, В.И. Ленин внёс существенное изменение в традиционные представления о взятии власти пролетариатом не только в России, но и любой стране. Опираясь на разработанный Карлом Марксом теоретический вывод о неравномерном развитии капитализма, Владимир Ильич установил: в условиях империализма неизбежен передел мира и, следовательно, столь же неизбежно возникновение «слабого звена» в капиталистической цепи. Но это закономерное явление рассматривалось прежде всего как объективное условие для возможного прорыва цепи, в том числе победы пролетарской революции в одной стране или группе стран. Подчёркивая выдающееся значение этого открытия Ленина, Сталин в «Вопросах ленинизма» отмечал, что Ленин убедительно обосновывает, что революции происходят не там, где просто достигнут наивысший уровень производительных сил и экономического развития в целом, а там, где налицо наиболее острые противоречия между производительными силами и производственными отношениями, где на них накручивается клубок социальных, политических, национальных и иных противоречий, в том числе антагонистических.

Однако мы бы серьёзно слукавили, если бы заявили, что открытие Лениным слабого звена в капиталистической цепи стало обоснованием возможности *построения* социализма в одной стране. Вспомним дискуссию о Брестском мире, где глубинным был вопрос об отношении Октябрьской революции к мировой социалистической революции. Тогда «левые» коммунисты во главе с Н.И. Бухариным утверждали: «Уже в самом начале революции мы говорили, что русская революция либо будет спасена международной революцией, либо погибнет под ударами международного капитала. Это было основным нашим тезисом, и совершенно естественно, раз мы говорили даже о возможности гибели русской революции, никто не может нам сказать, что мы не предвидели тех трудностей, тех тяжёлых перспектив, которые нам предстоят»¹.

Ещё более обнажённо позицию «левых» представлял на VII съезде РКП(б) Д.Б. Рязанов: «Я ставил свою ставку на международную революцию. Я никогда не скрывал от себя мелкокрестьянского, мелкобуржуазного характера России. Я знал, что мы имеем то огромное преимущество, то колоссальное преимущество, которое доставил

¹ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. Стенографический отчёт. М. 1962. С. 25.

нам российский пролетариат, но я не скрывал от себя опасности. Я знал, что та пролетарская партия, к которой мы принадлежим, интересы которой мы выражали, должна быть поставлена перед дилеммой в тот момент, когда захватит власть, когда будет решать вопрос, будет ли она опираться на крестьянские массы или на пролетариат Западной Европы, — должна будет подумать перед тем, как сделать решительный шаг. Я настаивал, что мы должны строить свою политику на разжигании пожара мировой революции, ибо, только опираясь на пролетариат Западной Европы, мы в состоянии увлечь за собой крестьянские массы»¹.

Эмоциональная А.Ф. Коллонтай в своей речи перешла на лозунги: «И если погибнет наша Советская республика, наше знамя поднимут другие. Это будет защита не отечества, а защита трудовой республики. Да здравствует революционная война!»²

С ними был солидарен и Троцкий, заявлявший: «Мы подводим итоги тому периоду, который обнаружил несоответствие в темпе развития нашей и западноевропейской революции... Несомненно, что все мы без исключения полагали, что самый факт нашей Октябрьской революции... послужит прямым и непосредственным толчком для развития брожения в Западной Европе. Мы полагали, что это потрясение, ослабляя твердыню европейского капитализма, создаёт для нас новую, усиливающуюся с каждым днём опору в нашем наступлении против русской буржуазии и буржуазии европейской. Здесь обнаружилось известное несоответствие, корень которого лежит очень глубоко: в отсталости нашей страны, в том, что наша страна, будучи бессильной выдержать эту длительную мировую бойню, была вовлечена в круговорот империалистической войны. Из этого острого несоответствия выросла раньше, чем в других странах, задолго до европейской революции наша революция. Отсюда все те глубочайшие тактические затруднения, перед которыми мы стоим. И сейчас... сколько бы мы ни мудрили, какую бы тактику ни изобретали, спасти нас в полном смысле слова может только европейская революция»³.

Этим звонким р-р-революционным фразам ленинцы противопоставили глубокую альтернативу: победа Советской власти в России является самым серьёзным фактором развития всеевропейской

¹ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. С. 73.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 65.

и мировой революции. Именно с этого положения начинал свой Политический отчёт VII съезду РКП(б) В.И. Ленин, заявив: «В нашей революции мы имеем такие переломы, которые будут иметь громадное значение в революции международной, а именно — *Октябрьскую революцию*»¹. Несколько позже, осмысливая место Октябрьской революции в мировой революции, вождь Октября говорил: «Сейчас главное своё воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без всякого исключения и без всякого преувеличения. Это достигнуто. Замолчать, скрыть капиталисты ничего не могут, они больше всего ловят поэтому наши хозяйственные ошибки и нашу слабость. На это поприще война перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно»².

На VII съезде РКП(б) эту мысль эмоционально и ярко выразил делегат И.Т. Смилга, поставив сразу ключевой вопрос: «Что лучше для международной революции: существование Советской республики, хотя бы и с кровавой раной в груди, или уничтожение её? Ясно, что для международной революции важнее существование Советской республики»³.

Это принципиальное положение было убедительно подтверждено всей историей XX столетия. Именно существование Советского рабоче-крестьянского государства в нашей стране существенно влияло на рубеже 1910—1920-х годов на масштабность революционных настроений в пролетарской и полупролетарской среде европейских стран, на формирование международного коммунистического движения и создание Коммунистического Интернационала. Даже сам факт существования Советского Союза выполнял сплачивающую роль в антифашистском движении в 1930-е годы. Без Союза ССР была бы невозможна победа над германским нацизмом и его фашистскими сателлитами, а также японским империализмом во Второй мировой войне. Невозможно переоценить роль мировой социалистической системы, сформировавшейся вокруг СССР и благодаря ему, роль классовой борьбы трудящихся капиталистических стран, обеспечивавшей существенное улучшение их

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 3.

² Там же. Т. 43. С. 341.

³ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. С. 55.

социального положения, роль краха мирового колониализма. Это положительное воздействие Советского Союза и на глобальный революционный процесс, и на положение трудящихся в капиталистическом мире стало особенно очевидным и бесспорно признаваемым международным рабочим (не только коммунистическим) движением после буржуазной контрреволюции в СССР и странах Восточной Европы. На него указывали посланцы многих коммунистических, рабочих и национально-освободительных партий, участвовавшие в посвящённых 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции XIX Международной встрече коммунистических и рабочих партий в Санкт-Петербурге и международном Форуме левых сил «Октябрь 1917-го — прорыв к социализму» в Москве.

Но в начале 1918 года грандиозные события революционного XX века были ещё впереди и их невозможно было предвидеть во всей их конкретике. Для участников экстренного VII съезда РКП(б) основанием для отрицания левой фразы были солидарное отношение зарубежного пролетариата к Советской власти в России и революционный подъём в странах — главных участницах Первой мировой войны. Но одновременно надо помнить, что, опираясь на эти же факты, В.И. Ленин на том же VII съезде РКП(б) заявлял: «Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадёжной»¹.

Проблему соотношения Октябрьской и международной революции после смерти Ленина предстояло развивать Сталину. Во время внутривнутрипартийной дискуссии с Троцким в 1924 году Сталин в работе, посвящённой тактике русских марксистов, один из центральных её разделов назвал: «*Октябрьская революция как начало и предпосылка мировой революции*». Он в частности подчёркивал: «Ленинская теория революции ... есть вместе с тем теория развития мировой революции. Победа социализма в одной стране не есть самодовлеющая задача. Революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата во всех странах. Ибо победа революции в одной стране, в данном случае в России, есть не только продукт неравномерного развития и прогрессирующего распада им-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 11.

периализма. Она есть вместе с тем начало и предпосылка мировой революции»¹.

Далее Сталин высказал интересный прогноз, который в дальнейшем развитии мировой революции полностью оправдался. Он указал на вероятность новой тенденции её развития:

«Вероятнее всего, что мировая революция будет развиваться путём революционного отпадения ряда новых стран от системы империалистических государств при поддержке пролетариев этих стран со стороны пролетариата империалистических государств. Мы видим, что первая отпавшая страна, первая победившая страна уже поддерживается рабочими и трудящимися массами других стран. Без этой поддержки она не могла бы продержаться. Несомненно, что поддержка эта будет усиливаться и нарастать. Но несомненно также и то, что само развитие мировой революции, самый процесс отпадения от империализма ряда новых стран будет происходить тем скорее и основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране, чем скорее будет превращаться эта страна в базу дальнейшего развертывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма»².

Так, опираясь на теорию Маркса—Энгельса—Ленина, Генеральный секретарь ЦК РКП(б) творчески развивал её. Этим самым он, с одной стороны, реально содействовал освобождению мирового коммунистического движения от бытовавших ещё в нём иллюзий по поводу скорой мировой революции, с другой — не только сохранял исторический оптимизм пролетарских масс, но и нацеливал их не на выжидание вызревания условий для революции одновременно во всём мире, а на постоянную активную борьбу с капиталом в своих странах.

Спад мировой (прежде всего всеевропейской) революции всё более ввергал ВКП(б) в обострявшуюся дискуссию о возможности победы социализма в СССР. Теперь на сторону Л.Д. Троцкого перешли недавние соратники И.В. Сталина Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев и ряд других растерявшихся и утративших веру в успех социалистического строительства партийных деятелей. В этой ситуации Сталин ещё решительнее защищал взятый партией курс на построение социализма на родине Октябрьской революции.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 396.

² Там же. С. 398—399.

В конце апреля 1925 года состоялась XIV Всесоюзная партийная конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Одним из пунктов её повестки был вопрос «О кооперации». По нему была принята резолюция, в которой чётко проведён классовый принцип оценки процессов, происходящих в деревне. В резолюции партконференции прежде всего отмечалось: «Начавшееся с переходом к новой экономической политике расслоение деревни найдёт своё выражение в ближайшем будущем в дальнейшем увеличении и усилении на известное время новой крестьянской буржуазии, вырастающей из зажиточных слоёв крестьянства, с одной стороны, и пролетаризации его бедняцких элементов, с другой»¹. Главным фактором, который может сдерживать социальную поляризацию сельского населения, XIV конференция РКП(б) определила кооперацию. Предоставляя возможность участия в ней всех слоёв населения, конференция в то же время поставила задачу:

«Для обеспечения же руководящего влияния в кооперации за большинством крестьянства кооперативные организации всех видов должны внести в свои уставы ограничения, гарантирующие недопущение в правления обществ явно кулацких элементов»². Экономическим стимулом развития сельскохозяйственной кооперации призваны стать кредит и единый сельскохозяйственный налог³.

9 мая 1925 года Генеральный секретарь ЦК РКП(б) выступил с докладом перед активом московской организации «К итогам работы XIV партконференции РКП(б)». И начинал он его с анализа международного положения. Без тени приукрашивания обстановки оратор заявлял:

«В Европе начался отлив революции, началось некоторое затишье, то, что называется у нас временной стабилизацией капитализма, *при* одновременном росте хозяйственного развития и политической мощи Советского Союза.

Что такое отлив революции, затишье? Не есть ли это начало конца мировой революции, начало ликвидации мировой пролетарской революции? Ленин говорил, что после победы пролетариата в нашей стране началась новая эпоха, эпоха мировой революции, эпоха,

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. 1924–1927. М. 1970. С. 189.

² Там же. С. 190.

³ См. там же. С. 191–197, 202–205.

полная конфликтов и войн, наступлений и отступлений, побед и поражений, эпоха, ведущая к победе пролетариата в основных странах капитализма. Если начался отлив революции в Европе, не значит ли это, что положение Ленина о новой эпохе, об эпохе мировой революции, теряет тем самым силу? Не значит ли это, что тем самым отменена пролетарская революция на Западе?»¹

Как видим, поставленные руководителем партии вопросы не просто острые, а политически и теоретически жёсткие, суровые. На них уклончивые да половинчатые ответы невозможны. Но докладчик и не склонен до них опускаться. Он сразу же даёт однозначный, совершенно недвусмысленный ответ: «Нет, не значит». И поясняет, почему, причём делает это не на эмпирическом, а на теоретическом уровне:

«Эпоха мировой революции есть новый этап революции, целый стратегический период, охватывающий целый ряд лет, а, пожалуй, и ряд десятилетий. На протяжении этого периода могут и должны быть отливы и приливы революции»².

Рассмотрев этапы международного революционного процесса первой четверти XX века, докладчик обращал внимание на присутствие каждому из них внутренние противоречия, которые в политической практике воспринимаются как приливы и отливы. Оценивая исторический процесс диалектически, Сталин пришёл к важному выводу, имеющему как теоретическое, так и практически-политическое значение:

«О чем говорят эти колебания? Говорят ли они о том, что положение Ленина о новой эпохе мировой революции потеряло или может потерять своё значение? Конечно, нет! Они говорят лишь о том, что революция развивается обычно не по прямой восходящей линии, в порядке непрерывного нарастания подъёма, а путём зигзагов, путём наступлений и отступлений, путём приливов и отливов, закаляющих в ходе развития силы революции и подготавливающих её окончательную победу.

Таков исторический смысл наступившей полосы отлива революции, исторический смысл переживаемого нами затишья.

Но отлив есть лишь одна сторона дела. Другая сторона дела состоит в том, что, наряду с отливом революции в Европе, мы имеем бурный рост хозяйственного развития Советского Союза и нарас-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 91.

² Там же. С. 92.

тание его политической мощи. Иначе говоря, мы имеем не только стабилизацию капитализма. Мы имеем вместе с тем стабилизацию советского строя.

... Мы имеем, таким образом, *две стабилизации*. (Выделено мной. — В.Т.) На одном полюсе стабилизируется капитализм, закрепляя достигнутое положение и развиваясь дальше. На другом полюсе стабилизируется советский строй, закрепляя за собой завоеванные позиции и двигаясь вперёд по пути к победе.

Кто кого — в этом вся суть»¹.

Тезис о двух происходящих параллельно стабилизациях альтернативных социально-экономических систем был теоретической новацией. Правда, новацией был и сам этот процесс.

Влияние мирового революционного процесса на строительство социализма в нашей стране неверно сводить лишь к революционным выступлениям рабочего класса экономически развитых стран. Ещё в предисловии к книге «На путях к Октябрю» (декабрь 1924 года) Сталин указывал: «Раньше думали обычно, что революция будет развиваться путём равномерного “вызревания” элементов социализма, прежде всего в более развитых, в “передовых” странах. Теперь это представление нуждается в существенных изменениях»².

Далее Сталин применяет интересный «тактический» приём в борьбе с Троцким и другими политическими оппонентами, обычно не характерный для крупных политиков. Политические звёзды, в том числе в нашей партии в течение её более чем 100-летней истории, обычно выпячивали собственную роль в тех или иных событиях и в политических и теоретических выводах. Сталин же подтверждение своих выводов, в том числе новых, к которым пришёл на основе осмысления злободневных процессов, ищет в работах В.И. Ленина (не случайно же он часто подчёркивал, что является прежде всего учеником Ильича). Именно так он поступил и при оценке «существенных изменений» в мировом революционном процессе. Он привёл одно из высказываний В.И. Ленина:

«Целый ряд стран Востока, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 94–95.

² Там же. Т. 6. С. 397.

втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма».

Ввиду этого и в связи с этим «западноевропейские капиталистические страны завершат своё развитие к социализму... не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным “вызреванием” в них социализма, а путём эксплуатации одних государств другими, путём эксплуатации первого из побеждённых во время империалистической войны государства, соединённой с эксплуатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришёл окончательно в революционное движение именно в силу этой первой, империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения» (см. т. XXVII, стр. 415–416)»¹.

Далее Сталин развивает важное ленинское положение: «Если к этому добавить тот факт, что не только побеждённые страны и колонии эксплуатируются победившими странами, но и часть победивших стран попадает в орбиту финансовой эксплуатации наиболее могущественных стран-победительниц, Америки и Англии; что противоречия между всеми этими странами являются важнейшим фактором разложения мирового империализма; что кроме этих противоречий существуют ещё и развиваются глубочайшие противоречия внутри каждой из этих стран; что все эти противоречия углубляются и обостряются фактом существования рядом с этими странами великой Республики Советов, — если всё это принять во внимание, то картина своеобразия международного положения станет более или менее полной»².

Ленинско-сталинский анализ хода мировой революции и её противоречий помог партии большевиков в дискуссии середины 1920-х годов прийти к тому, что положительный ответ на вопрос о возможности победы социализма в СССР стал доминирующим. Позицию Троцкого перед XIII съездом РКП(б) (начало 1924 года) поддержали 1,3%, «Новую оппозицию», сколоченную Зиновьевым и Каменевым (1925 год), поддерживала фактически только часть Ленинградской губернской организации. А созданный из осколков троцкистов и «Новой оппозиции» троцкистско-зиновьевский блок в 1926 году получил поддержку всего-навсего 1% партийцев.

Есть ли основания с высоты первой четверти XXI века пересматривать ленинско-сталинскую позицию, позицию РКП(б) в отно-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 397–398.

² Там же. С. 398.

шении возможности победы социализма в СССР даже при том условии, что советский социализм глубоко отступил, а Советской власти в нашей стране нет уже более четверти века? Ответим по-сталински однозначно: нет и нет! Хотя бы потому, что глубокое отступление советского социализма произошло при существовании мировой социалистической системы, включавшей в себя не только восточноевропейские страны, но и великий Китай, Вьетнам, Кубу... Более того, КНР, СРВ, Республика Куба сохранили социалистическую направленность своего развития.

Одновременно с сожалением приходится признавать, что фактор пролетарской солидарности с народами, выбиравшими социалистический путь развития, оказался недостаточно влиятельным. Он практически был нулевым в отношении Советской власти во время контрреволюции 1991 года в СССР, его роль была не слишком велика в отношении Кубы, сохраняющей социалистическую направленность развития, как и в отношении прогрессивных режимов в таких странах Латинской Америки, как Венесуэла, Никарагуа и т.д.

В целом, позиция Троцкого относительно роли мировой социалистической революции не подтвердилась историей ни в XX веке, ни в первой четверти XXI столетия.

Нужен ли крестьянству социализм?

Второй козырь относительно невозможности построения социализма в одной стране, который постоянно выкладывали Троцкий и его приверженцы, касался контрреволюционной природы крестьянства как класса. Особенно высоко он был поднят на щит в ходе внутривнутрипартийной дискуссии в середине 1920-х годов. Сложность задачи состояла в том, что большевистскому руководству РКП(б) предстояло опровергать «небольшевизм Троцкого» не только в вопросах тактики революционной борьбы, но и в глубинных стратегических вопросах: троцкистская теория перманентной революции переросла в середине 1920-х годов во всё более активный и агрессивный антиленинизм.

Сталин принял не только политический, но и теоретический вызов оппозиции по этим вопросам.

Когда в докладе перед активом московской организации РКП(б) Генсек излагал представление XIV партконференции «О судьбах социализма в Советском Союзе», то он обратился прежде всего

к вопросам мирового революционного процесса, переведя их сразу в плоскость влияния на возможность построения социализма в СССР. Вопросы им вновь ставились прямо, жёстко, чтобы исключить расплывчатые ответы. Ораторский приём естественно превращался в требование партийной принципиальности и от докладчика, и от аудитории:

«Как должна отразиться временная стабилизация капитализма на судьбах социализма в нашей стране? Не есть ли эта стабилизация конец или начало конца социалистического строительства в нашей стране?

Можно ли вообще построить собственными силами социализм в нашей стране, отсталой в технико-экономическом отношении, при условии сохранения капитализма в других странах на более или менее продолжительный период?..

Все это — такие вопросы, которые неизбежно встают перед нами в связи с новой обстановкой в области международных отношений и которых мы не можем обойти, не дав на них точного и определённого ответа»¹.

Чтобы ответить на эти вопросы, невозможно оторвать анализ международного положения, с учётом спада революционного движения в капиталистическом мире, от проблем внутренних — причём проблем и экономических, и политических. На их острие вопрос о классовых отношениях между рабочим классом и крестьянством. К его рассмотрению и перешёл в общении с активом столичных коммунистов Генеральный секретарь ЦК РКП(б):

«Два основных класса стоят перед нами: класс пролетариев и класс частных собственников, т. е. крестьянства. Отсюда неизбежность противоречий между ними. Весь вопрос в том, можем ли мы своими собственными силами преодолеть эти противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством. Когда говорят: можно ли построить социализм своими собственными силами? — то этим хотят сказать: преодолимы ли противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством в нашей стране, или непреодолимы?

Ленинизм отвечает на этот вопрос положительно: да, мы можем построить социализм, и мы его будем строить вместе с крестьянством, под руководством рабочего класса»².

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 109, 110.

² Там же. С. 110—111.

Если противоречия между рабочим классом и крестьянством имеют классовый характер, то каковы пути их разрешения? Сталин подходит к этой проблеме как диалектик-марксист: он исследует, есть ли у этих классов общие интересы и в чём они состоят. В найденном ответе нет ни грона схоластики, зато он опирается на недавнюю историю классовой борьбы крестьянства не только с помещиками, но и с буржуазией, в том числе во время Гражданской войны. Генеральный секретарь ЦК РКП(б) объясняет:

«Дело в том, что существуют два пути развития земледелия: путь капиталистический и путь социалистический. Путь капиталистический означает развитие через обнищание большинства крестьянства во имя обогащения верхних слоев городской и сельской буржуазии. Путь социалистический, наоборот, означает развитие через неуклонное поднятие благосостояния большинства крестьянства. Как пролетариат, так и, в особенности, крестьянство заинтересованы в том, чтобы развитие пошло по второму пути, по пути социалистическому. Ибо этот путь является единственным спасением крестьянства от обнищания и полуголодного существования. Нечего и говорить, что диктатура пролетариата, имеющая в своих руках основные нити хозяйства, примет все меры к тому, чтобы победил второй путь, путь социалистический. Само собой понятно, с другой стороны, что крестьянство крoвно заинтересовано в том, чтобы развитие пошло по этому второму пути.

Отсюда общность интересов пролетариата и крестьянства, порывающая противоречия между ними.

Вот почему говорит ленинизм, что мы можем и должны построить полное социалистическое общество вместе с крестьянством, на основе союза рабочих и крестьян.

Вот почему говорит ленинизм, опираясь на общие интересы пролетариев и крестьян, что мы можем и должны преодолеть своими собственными силами противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством»¹.

Но Сталину далее предстоит доказать партии, что позиция Троцкого и его приверженцев направлена не столько против ЦК, возглавляемого им после смерти В.И. Ленина, сколько и прежде всего против ленинского развития марксистского учения. Надо сказать, что это Сталину удаётся сделать весьма убедительно. В подтверждение приведём достаточно большой фрагмент из сталинской работы, в котором сопоставляются позиции Троцкого и Ленина:

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 111–112.

«Но не все, видимо, товарищи согласны с ленинизмом. Вот что, например, говорит Троцкий по вопросу о противоречиях между пролетариатом и крестьянством:

“Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти своё разрешение *только* (курсив мой. — *И. Ст.*) в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата” (см. предисловие к книге Троцкого “1905 год”).

Иначе говоря, преодолеть своими собственными силами и исчерпать внутренние противоречия в нашей стране, противоречия между пролетариатом и крестьянством, мы не в силах, мы не в состоянии, ибо только в результате мировой революции и только на основе мировой революции мы сможем, оказывается, исчерпать эти противоречия и построить, наконец, социализм. Нечего и говорить, что это положение не имеет ничего общего с ленинизмом.

Тот же Троцкий продолжает дальше:

“Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить своё временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты” (см. “Наша революция” Троцкого, стр. 278).

Иначе говоря, пока западный пролетариат не возьмет власть и не окажет нам государственной поддержки, нам нельзя и мечтать об удержании власти на сколько-нибудь продолжительный период.

Дальше:

“Безнадежно думать, — ...что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы” (см. соч. Троцкого, т. III, часть I, стр. 90).

Иначе говоря, мы, оказывается, не только не можем построить социализм, но не можем даже устоять хотя бы на короткий срок “перед лицом консервативной Европы”, хотя весь мир знает, что мы не только удержались, но и отбили ряд бешеных атак консервативной Европы на нашу страну.

И наконец:

“Подлинный подъём социалистического хозяйства в России, — говорит Троцкий, — станет возможным *только после победы* (курсив мой. — *И. Ст.*) пролетариата в важнейших странах Европы” (см. там же, стр. 93).

Кажется, ясно»¹.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 112—113.

Бесспорно, что сталинский комментарий высказываний Троцкого явно неприязненный. Главное объяснение такой позиции: Коммунистической партии подсовывается антиленинизм. Сталин ставит коренной вопрос:

«Как согласовать эту странную “теорию” с теорией Ленина о “победе социализма в одной стране”?»

Как согласовать эту странную “перспективу” с перспективой Ленина о том, что новая экономическая политика даст нам возможность “построить фундамент социалистической экономики”?»¹

Автор доклада активу московской организации РКП(б) в своей критике «этой “перманентной” безнадежности» опирается на однозначные высказывания Ленина по дискутируемому вопросу. А, выступая 20 ноября 1922 года на пленуме Московского Совета, Владимир Ильич говорит:

«Социализм уже теперь не есть вопрос отдалённого будущего, или какой-либо отвлеченной картины, или какой-либо иконы. Насчёт икон мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что, как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей, и как много трудностей она нам ни причиняет, — все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая»².

Опровергая Троцкого, генсек ЦК РКП(б) в своей речи апеллирует к Ленину, противопоставляя “перманентной” бесперспективности Троцкого то, что «говорит Ленин в 1922 году в своих заметках о кооперации:

“В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, *разве это не всё необхо-*

¹ Сталин И.В. Соч.Т. 6. С. 377.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 309.

димое для построения полного социалистического общества? (Курсив мой. *И. Ст.*) Это ещё не построение социалистического общества, но это *всё необходимое и достаточное* (Курсив мой. *И. Ст.*) для этого построения” (см. т. XXVII, стр. 392)»¹.

При этом Сталин обращает внимание слушателей на то, что ленинский вывод о возможности победы социализма в России прочно опирается на трезвый анализ хозяйственной отсталости страны:

«Ленин вполне сознает технические трудности построения социализма в нашей стране, но он вовсе не делает из этого неправильного вывода о том, что “подлинный подъём социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы”, а считает, что мы можем своими собственными силами преодолеть эти трудности для того, чтобы добиться “окончательной победы”, т. е. построения полного социализма.

А вот что говорит Ленин спустя год после этого, в 1921 году:

“10–20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспечена победа *в всемирном масштабе* (курсив мой. — *И. Ст.*) (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут)” (“План и конспекты брошюры «О продовольственном налоге», 1921 г. — см. т. XXVI, стр. 313)

Иначе говоря, Ленин вполне сознаёт политические трудности построения социализма в нашей стране, но оно вовсе не делает из этого неправильного вывода о том, что “без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти”»².

Сталин настойчиво подчёркивает верность ленинской позиции: вождь Октябрьской революции был убеждён, что “при правильной политике в отношении крестьянства” мы вполне можем добиться “победы в всемирном масштабе” в смысле построения полного социализма. А что такое правильная политика в отношении крестьянства? Правильная политика в отношении крестьянства есть нечто, зависящее целиком и полностью от нас и только от нас, как партии, руководящей строительством социализма в нашей стране»³.

К ленинским аргументам в пользу возможности победы социализма в одной стране Сталин добавляет ещё один, непосредственно

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 116.

² Там же. С. 115.

³ Там же. С. 115–116.

связанный с деятельностью Коммунистической партии и всех сторонников социалистического развития СССР:

«Самое опасное в нашей политической практике — это попытка рассматривать победившую пролетарскую страну, как нечто пассивное, способное лишь топтаться на месте до момента появления помощи со стороны победивших пролетариев других стран. Допустим, что в течение пяти — десяти лет существования советского строя в России не будет ещё революции на Западе; допустим, что за этот период наша Республика всё же просуществует как Советская Республика, строящая социалистическую экономику в условиях нэпа, — думаете ли Вы, что за эти пять-десять лет наша страна будет заниматься толчением воды, а не организацией социалистического хозяйства? Стоит поставить этот вопрос, чтобы понять всю опасность теории отрицания победы социализма в одной стране»¹.

Примечательно, что такая постановка вопроса носила совсем не абстрактный характер: перед партией ставились две основные задачи в деревне. Во-первых, Генеральный секретарь ЦК РКП(б) заявлял, что необходимо добиться, чтобы крестьянское хозяйство было включено в общую систему советского хозяйственного развития. Он напоминал, что раньше было два параллельных процесса: город шёл своим путем, деревня — своим: «Капиталист старался включить крестьянское хозяйство в систему капиталистического развития. Но это включение происходило в порядке обнищания крестьянских масс и обогащения верхней прослойки крестьянства». Второй задачей Сталин провозглашал постепенное, но неуклонное проведение линии ликвидации старых методов администрирования и руководства в деревне, он настаивал, что необходимо делать ставку на оживление Советов, на их превращение в настоящие выборные органы, на насаждения в деревне начал советской демократии.²

Эти задачи, сформулированные в докладе «К итогам работы XIV конференции РКП(б)», представленном Сталиным активу московской партийной организации, получили развитие в «Вопросах и ответах» генерального секретаря ЦК РКП(б) на встрече 9 июня 1925 года со слушателями Свердловского университета, у которых руководитель ЦК партии был частым гостем. Теперь он ставил вопрос уже о серии мероприятий «по линии хозяйственной, админи-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 120–121.

² См. там же. С. 124–125.

стративно- политической и культурно-просветительной, обеспечивающих укрепление смычки»¹.

Естественно на первом месте вновь были задачи в области хозяйственной работы. В комплексе мер особое внимание было уделено:

- ликвидации пережитков военного коммунизма в деревне;
- необходимости правильной политики цен на фабрикаты и сельскохозяйственные продукты, способной обеспечить быстрый рост промышленности и сельского хозяйства и ликвидацию “ножниц”;
- сокращению общей суммы сельскохозяйственного налога и постепенный перевод его с рельс общегосударственного бюджета на рельсы бюджета местного;
- кооперированию миллионных масс крестьянства прежде всего по линии сельскохозяйственной и кредитной кооперации как средства включения крестьянского хозяйства в общую систему социалистического строительства;
- максимальному снабжению деревни тракторами с целью осуществления технической революции в сельском хозяйстве и создания культурно-технических очагов в деревне;
- проведению плана электрификации, являющейся средством сближения деревни с городом и уничтожения противоположности между ними².

Строго говоря, это была программа не только хозяйственной, но и социальной реконструкции и сельскохозяйственного производства, и социального уклада жизни советской деревни.

Вторым направлением укрепления смычки рабочего класса и крестьянства Сталин назвал «административно-политические мероприятия». Здесь он повторил задачи повышения роли крестьянских Советов и «насаждения» советской демократии. Дополнительно было обращено внимание удешевлению и моральному оздоровлению государственного аппарата, изгнанию из него элементов бюрократизма и буржуазного разложения, полному сближению государственного аппарата с миллионными массами. При этом Иосиф Виссарионович подчеркнул, что «таков тот путь, по которому должна пойти партия, если она хочет укрепить смычку по линии административно-политического строительства»³.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 157.

² См. там же.

³ Там же. С. 159.

Что касается мероприятий по обеспечению смычки в области культурно-просветительной работы, то в качестве основной линии была определена подготовка условий для проведения всеобщего первоначального образования по всей стране, по всему Союзу. Сталин заметил: «Это, товарищи, крупнейшая реформа. Проведение её будет величайшей победой не только на культурном, но и на политическом и хозяйственном фронтах. Она, эта реформа, должна послужить базой для величайшего подъёма страны»¹.

«Октябрь, Ленин и перспективы нашего развития»

Под таким заголовком 7 ноября 1925 года в праздничном номере «Правды» была опубликована статья на наиболее актуальную для Советской страны тему: о возможности построения социализма в Советском Союзе. Статья примечательна прежде всего выходом на новый уровень теоретического осмысления этой судьбоносной для страны проблемы. Читателю с первых строк предлагается новое видение происходящих в стране социально-политических изменений:

«Я думаю, что между периодом подготовки Октября, имевшим место восемь лет тому назад, и нынешним периодом, спустя восемь лет после Октября, несмотря на всю громадную разницу между ними, имеется всё же одна общая черта. *Эта общая черта состоит в том, что оба эти периода отражают переломный момент в развитии нашей революции.* (Выделено мной. — В.Т.) Тогда, в 1917 году, речь шла о том, чтобы сделать переход от власти буржуазии к власти пролетариата. Теперь, в 1925 году, речь идёт о том, чтобы сделать переход от нынешней экономики, которую нельзя назвать в целом социалистической, к экономике социалистической, к той экономике, которая должна послужить материальной основой социалистического общества»².

Таким образом, вопрос о коренной смене производственных отношений из области перспективной переносился в область практической реализации. Если подходить к делу не формально, а по существу, то такое заявление близко к закрытию дискуссии о возможности построения социализма в СССР, хотя сами дебаты и политические противостояния вокруг известных формулировок ещё

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 163.

² Там же. С. 252.

продлятся, то притухая, то вспыхивая вновь, ещё как минимум пять лет, пока партией не будет отвергнут правый уклон.

Конечно, стремление закрыть вопрос, дискуссии вокруг которого отнимают у партии силы от практической работы, требует расставить точки над *i* во многих злободневных проблемах. Поэтому при всей краткости работы она очень ёмка по содержанию.

Сталин снова начинает анализ общественных процессов с международного положения. Но в нём центр тяжести был перенесён с рассуждений о спаде революционного подъёма в Европе и минимизации его влияния на глобальные процессы и на строительство социализма в СССР на совершенно непривычный вопрос: *о паритете сил капитализма и социализма*. И ставится он в новой теоретической плоскости:

«Наличие двух лагерей в мире: лагеря *капитализма*, временно стабилизирующегося, при явном нарастании революционного движения колониальных и зависимых стран (Китай, Марокко, Сирия и т. д.), и лагеря *социализма*, Советского Союза, растущего в своём экономическом развитии и спланивающего вокруг себя как рабочих передовых стран, так и угнетённые народы колониальных и зависимых стран, — обстоятельство, дающее возможность превратить короткую “передышку” в целый период “передышки”»¹ (Выделено мной. — В. Т.).

Заявление и теоретически, и политически настолько новаторское, что требовало точной характеристики прежде всего экономического положения Советского Союза. И Сталин его тут же предложил читателям:

«Рост промышленного и кооперативного развития нашей страны, подъём материального положения рабочих и крестьян, несомненное улучшение взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством и укрепление авторитета партии среди рабочих и крестьян, — обстоятельство, дающее возможность двинуть вперёд социалистическое строительство вместе с крестьянством, под руководством пролетариата и его партии. Это в области внутренней.

Это есть, по преимуществу, фронт хозяйственного строительства»².

Принципиальный вывод об относительном паритете сил капитализма и социализма, означающий снятие с повестки дня проблемы

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 253.

² Там же. С. 253–254.

зависимости социалистического строительства от поддержки международной (европейской) революции при всей своей важности требовал ответа на второй вопрос: является ли крестьянство той контрреволюционной силой, которая тормозит строительство социализма в Советском Союзе? Ответ на него требовался не столько для низвержения небольшевизма внутри партии и троцкистских претензий на особую роль в РКП(б), сколько для сплочения советских людей вокруг задач социалистического строительства, их мобилизации на ускоренное решение хозяйственных и оборонных проблем.

В такой ситуации политической и теоретической новацией стала сталинская характеристика советского крестьянства середины 1920-х годов, процесса его социального обновления за 8 лет Советской власти. Вот характеристика, которую ему дал Сталин в праздничном Октябрьском номере «Правды» 1925 года:

«Нейтрализация среднего крестьянства теперь уже недостаточна. Теперь задача состоит в том, чтобы установить прочный союз со средним крестьянством для того чтобы наладить правильные взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством. Ибо, если верно положение Ленина о том, что *“10–20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспечена победа в всемирном масштабе”*¹ (курсив мой. — *И. Ст.*), то столь же верны слова Ленина о том, чтобы *“...двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой, не иначе как вместе с крестьянством”* (курсив мой. — *И. Ст.*)».

Простое развитие государственной промышленности теперь уже недостаточно. Тем более недостаточен её довоенный уровень. Теперь задача состоит в том, чтобы двинуть вперед *переоборудование* нашей государственной промышленности и её дальнейшее развертывание *на новой технической базе*. Ибо наша государственная промышленность есть по своему типу промышленность социалистическая. Ибо она является основной базой диктатуры пролетариата в нашей стране. Ибо без такой базы нечего и говорить о *превращении нашей страны в страну индустриальную, а России нэповской — в Россию социалистическую*² (Выделено мной. — *В.Т.*).

¹ В.И. Ленин. “План и конспекты брошюры «О продовольственном налоге»” (см. Соч. изд. 3-е, т. XXVI, стр. 313).

² Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 255.

Попытаемся всмотреться в те политические и теоретические положения, которые мы только что прочитали в «Правде» 7 ноября 1925 года. Прежде всего автор прямо указывает на коренное изменение соотношения между двумя укладами в промышленности. Частнокапиталистическая промышленность настолько отодвинута на экономическую околицу, что Сталин связывает индустриальные перспективы СССР только с государственной промышленностью. Это, во-первых. Во-вторых, принципиальное значение имеет его заявление о том, что государственная промышленность в Советском Союзе «есть по своему типу промышленность социалистическая»¹. Это положение означает, что у советской социалистической надстройки формируется соответствующий надёжный экономический базис. А отсюда третье важное звено логической системы: у страны появилась возможность воплотить в жизнь ленинскую мечту: «превратить Россию нэповскую в Россию социалистическую».

Но эта логическая схема отражает только одну сторону изменений советского общества за восемь послеоктябрьских лет. Не менее важное значение имеет задача вывода на качественно новый уровень основных сфер экономики, который призван обновить основные классы общества, вступающего в этап масштабного социалистического строительства.

Первой такой задачей является реконструкция экономической базы социалистического общества, то есть осуществление социалистической индустриализации. Этот процесс направлен не только на подъём отечественной промышленности на новый, современный технико-технологический уровень. Не менее существенна социальная задача индустриализации: ускоренное формирование советского рабочего класса, основной социальной базы победного строительства социализма.

Но в сталинской статье «Октябрь, Ленин и перспективы нашего развития» практически впервые поставлена задача кооперирования крестьянства как практически-политическая задача. Сталин в частности писал: «Простое развитие кооперации в деревне теперь уже недостаточно. Теперь задача состоит в том, чтобы вовлечь миллионные массы крестьянства в кооперацию и *насадить кооперативную общественность в деревне*. Ибо кооперация при диктатуре пролетариата и наличии социалистической по своему типу промышленно-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 255.

сти есть *основная* зацепка для включения крестьянства в систему социалистического строительства»¹.

Курс сформулирован достаточно определённо: переход к ленинской идее кооперации становится реальной задачей дня. Но по-прежнему остаётся недосказанным приоритет *производственного* характера кооперации и, тем более, тактика её воплощения в жизнь. Эта задача будет принципиально решена уже в ближайшее время и поставлена в практически-политической плоскости на XV съезде ВКП(б).

Не будем утверждать, будто коллективизация крестьянства была беспроблемным процессом. Порождённые ею конфликты нашли отражение и в партийных документах (например, в знаменитой статье И.В. Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения», опубликованной в «Правде» 2 марта 1930 года, и «Ответе товарищам колхозникам», вышедшем в «Правде» 8 апреля 1930 года), в серьёзных научных исследованиях и ярко описаны в советской художественной литературе (классический пример — роман Михаила Шолохова «Поднятая целина»).

Но ошибки, конфликты и противоречия коллективизации не дают оснований рассматривать хотя бы частичным подтверждением правоты троцкистской позиции о контрреволюционном характере крестьянства. Они прежде всего свидетельствуют о том, что коллективизация была неотъемлемой частью *революционного* перехода, начатого Великой Октябрьской социалистической революцией, то есть перехода, немыслимого без классовой борьбы между сторонниками и противниками социалистического жизнеустройства. Это, во-первых.

Во-вторых, с точки зрения глобальных процессов, присущих сельскохозяйственному производству, коллективизация была социалистической формой воплощения в жизнь мировой тенденции, направленной на концентрацию производства и повышение уровня обобществления труда и производства. Коллективизация была осуществлена в русле объективного развития производительных сил.

Но главным опровержением троцкистского отношения к крестьянству как контрреволюционному классу явилась... антисоциалистическая контрреволюция 1991 года. Буржуазная камарилья президента Ельцина, узурпировавшего власть, сформированные её кабинеты министров во главе с Гайдаром, Черномырдиным и затем

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 255–256.

мелькавшими их клонами, начиная с 1992 года, постоянно принимали президентские указы, правительственные постановления, распоряжения и прочие акты, требовавшие роспуска колхозов. Однако крестьянство, пренебрегая директивами антинародной власти, сохраняло коллективные хозяйства, так как было уверено, что они более всего соответствуют его интересам. Максимум на что оно соглашалось, так только на смену вывесок на конторах, бережно сохраняя прежнюю сущность хозяйств.

Массовый распад колхозов произошёл в 1998 году, когда в стране случился, с одной стороны, дефолт, то есть капиталистической властью были обрезаны финансовые инструменты хозяйствования, с другой стороны, принадлежавшая социалистическим аграрным предприятиям техника стала массово выходить из строя из-за своего физического износа. Колхозы, вопреки позиции основной массы крестьянства, были удушены удавкой капиталистической экономики. Класс, который, по мнению троцкистов, был по своей природе несовместим с социализмом, в действительности берёт социалистические принципы коллективного хозяйствования до последних своих возможностей.

Решительно опровергает антисоциалистический характер крестьянства и его электоральное поведение в 1990-е годы. В первое десятилетие после буржуазной контрреволюции 1991 года поддержка КПРФ сельским населением была даже выше, чем в индустриальных центрах Российской Федерации.

И ещё один примечательный факт. Сейчас в России работает более 200 «народных предприятий». Их особенность — в стремлении по возможности сохранить коллективистские социалистические принципы во внутрихозяйственных отношениях. Абсолютное большинство таких предприятий созданы и поддерживаются крестьянами.

Даже приведённых аргументов достаточно, чтобы признать несостоятельность троцкистских оценок крестьянства и верность большевистской принципиальной оценки этого класса и ленинско-сталинского курса на союз рабочего класса и крестьянства.

* * *

Мы ограничили осмысление дискуссии о перспективах построения социализма в СССР в основном 1925 годом. Именно в середине 1920-х годов острота идейного противостояния большевиков-ленинцев и приверженцев «небольшевизма Троцкого» приобрела наи-

большой масштаб, а значит требовались новаторские теоретические и практически-политические подходы от защитников социализма. Думается, выяснение той степени, в которой в 1925 году были осмыслены проблемы реальности построения социализма в СССР в трудах Сталина, дают основание говорить о его серьёзном вкладе не только в идейную борьбу с фактическими противниками Советской системы, но и в теорию строительства социализма.

ОЧЕРК ПЯТНАДЦАТЫЙ ДИАЛЕКТИКА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Как и Владимир Ильич Ленин, Иосиф Виссарионович Сталин политически жив. И это несмотря на то, что все наши соотечественники, родившиеся после его смерти (он умер 5 мая 1953 года), уже достигли пенсионного возраста. Однако в сегодняшнем противостоянии идей антикоммунисты всех мастей (как открытые, так и лукаво прячущиеся за левой фразой) и калибров (от фашистов до «взбесившихся мелких буржуа») чаще всего и злее всего нападают не на ныне действующих политиков, а на Сталина и Ленина. Выходит, они остаются главными маяками и символами в нынешнем строю сторонников развития истории по социалистическому пути, в когорте непримиримых борцов с капиталистическим угнетением трудящихся. Иначе и быть не может: они — не только конструкторы общественного устройства, стержнем которого является товарищеский способ производства, но и руководители создания его первого образца. В том образце, конечно, были изъяны: и металл оказывался не всегда прочным, и технология монтажа нередко нарушалась, и детали порою использовались контрафактные, и сборщики не всегда отличали штангенциркуль от кувалды... Но модель, предложенная теми конструкторами всё равно замечательная, не случайно же не одно десятилетие нам завидовал весь мир, а теперь мы и сами уже завидуем себе, жившим в социалистическую эпоху. Потому и обнажаем головы в дни рождения и дни памяти Ленина и Сталина.

Съезд победителей

Наверно, самыми счастливыми днями Сталина-политика были две с половиной недели работы XVII съезда ВКП(б), который шёл ровно, спокойно, на возвышенной радостной ноте и вошёл в историю как «съезд победителей». Он и по сей день остаётся в ней та-

ковым — даже для тех, кто на него навешивает только мрачные, отталкивающие ярлыки. Он и впредь обречён оставаться съездом победителей. А собственно — почему?

Когда XIV большевистский съезд (1925 год) называли съездом индустриализации, то никаких вопросов не возникало: именно он взял курс на создание индустриальной материально-технической базы социализма, без которой новый строй был невозможен. Понятно, почему XV партсъезд (1927 год) был назван съездом коллективизации: он принял решение об этой глубочайшей социальной «революции сверху». И даже название «съезд наступления по всему фронту», которое было дано XVI съезду ВКП(б) (1930 год), не вызывает вопросов: он сориентировал советское общество на одновременное осуществление трёх великих переломов — индустриализации, коллективизации и культурной революции. Но почему съезд, проходивший в начале 1934 года, окрестили съездом победителей, в честь какой победы?

Этот вопрос — не поиск повода для модного ныне зубоскальства над историей своего Отечества. Точный ответ позволяет понять характер той эпохи, её ключевых противоречий, логику её вершителей.

Завершающий раздел Отчётного доклада Генерального секретаря ЦК ВКП(б) XVII партсъезду назывался незамысловато и ёмко: «Партия» и начинался с ответа именно на этот вопрос:

«Настоящий съезд проходит под флагом полной победы ленинизма, под флагом ликвидации остатков антиленинских группировок.

Разбита и рассеяна антиленинская группа троцкистов. Её организаторы околачиваются теперь за границей на задворках буржуазных партий.

Разбита и рассеяна антиленинская группа правых уклонистов. Её организаторы давно уже отреклись от своих взглядов и теперь всячески стараются загладить свои грехи перед партией.

Разбиты и рассеяны национал-уклонистские группировки. Их организаторы либо окончательно спаялись с интервенционистской эмиграцией, либо принесли повинную.

Большинство сторонников этих антиреволюционных групп вынуждено было признать правильность линии партии и капитулировало перед партией.

Если на XV съезде приходилось ещё доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде — добивать последних приверженцев

этих группировок, то на этом съезде — и доказывать нечего, да, пожалуй — и бить некого. Все видят, что линия партии победила»¹.

Ответом на эти слова был гром аплодисментов. Следовательно, понимание смысла победы в ту пору было единодушным. Но сегодня оно не выглядит столь бесспорным. Хотя бы потому, что мы знаем, что вскоре внутрипартийная борьба разгорится с новой силой, и многие аплодировавшие в зале попадут в число «врагов народа».

А Сталин продолжал: «Победила политика индустриализации страны. Что можно возразить против этого факта?»² Ничего. Но обратим внимание: пока победила *политика* индустриализации, а не сам процесс создания новой материально-технической базы общества. Процесс индустриализации продолжался, и докладчик обратил внимание на две его стороны. Лицевая сторона: «Созданы новые отрасли производства: станкостроение, автомобильная промышленность, тракторная промышленность, химическая промышленность, моторостроение, самолётостроение, комбайностроение, производство мощных турбин и генераторов, качественных сталей, ферросплавов, синтетического каучука, азота, искусственного волокна и т. д. и т. п.»³.

Но есть и сторона оборотная, и большевистское руководство не проявляло намерения её замалчивать:

«Было бы, однако, неправильно думать, — говорил Сталин съезду, — что промышленность имела лишь одни успехи. Нет, у неё есть и свои недостатки... Едва ли нужно ещё разъяснять абсолютную необходимость срочной ликвидации этих недостатков. Чёрная и цветная металлургии, как известно, не выполнили своего плана на протяжении первой пятилетки. Они не выполнили его также за первый год второй пятилетки. Если они будут и впредь отставать, они могут превратиться в тормоз для промышленности и в причину её прорывов. Что касается создания новых баз угольной и нефтяной промышленности, то не трудно понять, что без выполнения этой неотложной задачи мы можем посадить на мель и промышленность и транспорт»⁴.

А Сталин уже выкладывает следующий весомый аргумент:

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 347.

² Там же. С. 347.

³ Там же. С. 306–307.

⁴ Там же. С. 314, 315–316.

«Победила политика ликвидации кулачества и сплошной коллективизации. Её результаты также очевидны для всех. Что можно возразить против этого факта?»¹

Против победы *политики* сплошной коллективизации действительно возразить нечего. Правда, докладчик счёл нужным отметить, что «годы наибольшего разгара реорганизации сельского хозяйства — 1931 и 1932 годы — были годами наибольшего уменьшения продукции зерновых культур»². И только «1933 год — первый год после окончания реорганизационного периода — является переломным годом в развитии зерновых и технических культур»³.

Выходит, в реализации правильной политики немало острых проблем.

И всё же Сталин даёт убедительный ответ на вопрос, почему XVII съезд ВКП(б) воспринимался безусловно съездом победителей. Дело касается не отдельных направлений советского развития, а его сущности, его принципа — того, вокруг чего шла в течение всех 1920-х и начале 1930-х годов борьба в партии, в обществе, в мировом рабочем и коммунистическом движении. Ведь выбор между ленинизмом и троцкизмом, между ленинизмом и правым уклоном касался меньше всего личных качеств политиков — на кону стоял вопрос о судьбе социалистической революции. И XVII съезд ВКП(б) стал потому съездом победы большевиков, последовательных ленинцев, что *«доказано на опыте нашей страны, что победа социализма в одной, отдельно взятой стране — вполне возможна»*⁴. (Выделено мной. — В.Т.).

XVII съезд ВКП(б) был съездом тех, кто по-большевистски настойчиво и упорно, не столько на трибунах, сколько в цехах среди рабочих и в деревне среди крестьян доказывал сначала — вслед за В.И. Лениным, — что социалистическая революция из-за обострённой империализмом неравномерности развития капиталистических стран может произойти в одной, отдельно взятой стране. XVII съезд ВКП(б) был съездом тех, кто потом — вслед за И.В. Сталиным — убеждал всей практикой союза рабочего класса и трудового крестьянства, практикой социалистического созидания, что социализм может быть построен в одной, отдельно взятой стране.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 348.

² Там же. С. 320.

³ Там же. С. 321.

⁴ Там же. С. 348.

Это не был отказ от идеала мировой революции. В день закрытия XVII съезда ВКП(б) после выступления делегированного президиумом съезда на митинг москвичей С.М Кирова самой мощной овацией собравшихся был ответ на здравицу в честь мировой социалистической революции. И доказав на опыте Советского государства, что победа социализма в одной, отдельно взятой стране вполне возможна, советские коммунисты этим выводом и подтверждающими его делами вносили мощнейший вклад в мировую социалистическую революцию. И.В. Сталин, заканчивая Отчётный доклад, обращался к партии: «Мы должны оправдать своей работой почётное звание ударной бригады пролетариев всех стран. Это обязывает нас к тому, чтобы работать лучше и бороться лучше за окончательную победу социализма в нашей стране, за победу социализма во всех странах»¹.

Обогащайтесь... мудростью марксизма-ленинизма

Этот спор 85-летней давности сегодня многим покажется, пожалуй, неактуальным. Разве в условиях реставрации капитализма можно извлечь практическую пользу из выдвинутого незадолго до XVII съезда ВКП(б) лозунга «сделать всех колхозников зажиточными»?² Во-первых, не только колхозников, но и колхозы. Во-вторых, у оппозиционной партии, отвергающей саму систему капиталистического жизнеустройства, сегодня, в условиях всевластия частной собственности, нет никаких рычагов, чтобы повысить благосостояние, зажиточность трудящихся. Решить эту задачу можно единственным способом: вернуться на магистральную дорогу социалистического созидания. А пока остаётся всячески помогать переплавлять недовольство миллионов своей нищетой с гроздьёв гнева, в растущую жажду трудящихся прервать реставрацию капитализма.

И всё-таки политическая польза для сегодняшних коммунистов от сталинских размышлений о лозунге начала 1930-х годов, думается, чрезвычайно велика. Во-первых, докладчик сразу же внёс в него корректировку, вытекающую из большевистской приверженности диктатуре пролетариата. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) заявил:

«Этот лозунг касается не только колхозников. Он ещё больше касается рабочих, так как мы хотим всех рабочих сделать зажиточными, — людьми, ведущими зажиточную и вполне культурную жизнь.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 379.

² Там же. С. 357.

Казалось бы, дело ясное. Незачем было свергать капитализм и строить социализм на протяжении ряда лет, если не добьёмся того, чтобы люди жили у нас в довольстве. Социализм означает не нищету и лишения, а уничтожение нищеты и лишений, организацию зажиточной и культурной жизни для всех членов общества»¹.

Это не было, как теперь принято говорить, популистским заявлением. Просто в этих словах отразилось глубокое понимание социалистического жизнеустройства. Не случайно через 18 лет в своей последней теоретической работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин настойчиво утверждал, что основной закон социализма предполагает *«обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей всего общества»* (выделено мной. — В.Т.) путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»².

И пока такого удовлетворения материальных и духовных потребностей не достигнуто, неправомерно ставить задачу «развёрнутого строительства коммунизма» или утверждать, что страна достигла зрелого и развитого социализма. Таков один из методологических критериев оценки пройденного партией пути. Но сталинская постановка вопроса чрезвычайно важна и в работе, нацеленной на грядущий день.

Сегодня, когда пришла пора ставить вопрос о переходе от протестного движения к классовой борьбе, коммунисты призваны обращать взоры прежде всего на рабочий класс. Природа коммунистической партии такова, что она должна звать именно его принять на себя авангардную роль в борьбе с капитализмом, в смене политической власти эксплуататоров на власть трудящихся под руководством коммунистов. Но для этого мы должны чётко определить, что приобретут рабочий класс и его стратегические союзники от смены социального строя. Власть для пролетариата — не самоцель, а действенный инструмент для преобразования собственного образа жизни и жизнеустройства всего общества.

Но у лозунга «сделать зажиточными всех рабочих и колхозников» в 1934 году была ещё одна политическая грань. В докладе на съезде Сталин обратил внимание на позицию части членов партии: «Не есть ли, говорят они, этот лозунг возвращение к старому, от-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 357–358.

² Там же. Т. 16. С. 182.

вергнутому партией лозунгу “обогащайтесь”?»¹ Ответ руководителя большевистской партии чёткий и недвусмысленный. А адресован он не только его современникам, но и коммунистам будущих поколений, в том числе нам:

«Между лозунгом «обогащайтесь» и лозунгом «сделать всех колхозников зажиточными» лежит целая пропасть. Во-первых, обогащаться могут только *отдельные* лица или группы, тогда как лозунг о зажиточной жизни касается не отдельных лиц или групп, а *всех* колхозников. Во-вторых, обогащаются *отдельные* лица или группы для того, чтобы подчинить себе остальных людей и *эксплуатировать* их, тогда как лозунг о зажиточной жизни *всех* колхозников при наличии обобществления средств производства в колхозах *исключает* всякую возможность эксплуатации одних другими. В-третьих, лозунг «обогащайтесь» был дан в период начальной стадии нэпа, когда капитализм частично восстанавливался, когда кулаки были в силе, в стране преобладало единоличное крестьянское хозяйство, а колхозное хозяйство находилось в зачаточном состоянии, тогда как лозунг «сделать всех колхозников зажиточными» дан в последней стадии нэпа, когда капиталистические элементы в промышленности уничтожены, кулаки в деревне разгромлены, индивидуальное крестьянское хозяйство оттеснено на задний план»².

Таков образец диалектического осмысления расстановки классовых сил и классовой борьбы. Сталин подчёркивал, что в условиях восстановления капитализма (даже частичного!) личное обогащение и эксплуатация чужого труда переходят друг в друга, направлены против трудящихся, несовместимы с коммунистическим мировоззрением. Сторонники социализма, указывал Сталин, приемлют зажиточность как процесс, характерный не для одиночек, а для трудящихся масс, для целых классов, которым удалось освободиться от эксплуатации человека человеком.

Это — принципиальная позиция большевиков не только в период нэпа, но ещё в большей степени — в пору капиталистической реставрации. Думается, российские коммунисты XXI столетия должны принять как непреложное политическое указание сталинский вывод: «Не ясно ли, что лозунг «обогащайтесь» означал по сути дела призыв — *восстановить* капитализм, тогда как лозунг «сделать всех колхозников зажиточными» означает призыв — *добить* последние

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 358.

² Там же. С. 358–359.

остатки капитализма»¹. Так и хочется вслед делегатам XVII съезда ВКП(б) воскликнуть: «Правильно!»

Сталин иронически относился к тем партийцам, которые не видели различия между лозунгами с принципиально полярным классовым наполнением. Но будучи диалектиком, он видел, что за поверхностной постановкой вопроса скрывается и реальное противоречие, касающееся социальной базы Коммунистической партии. Поэтому Генеральный секретарь ЦК не пренебрёг проблемой, подмеченной оппонентами: «...на кого же нам, большевикам, опираться в своей работе, как же мы будем работать без бедноты?»² Ответ даётся вполне серьёзный, методологически выверенный, пригодный не только для текущего момента: *«Ленинцы опираются на бедноту, когда есть капиталистические элементы и есть беднота, которую эксплуатируют капиталисты. (Выделено мной. — В.Т.). Но когда капиталистические элементы разгромлены, а беднота освобождена от эксплуатации, задача ленинцев состоит не в том, чтобы закрепить и сохранить бедность и бедноту, предпосылки существования которых уже уничтожены, а в том, чтобы уничтожить бедность и поднять бедноту до зажиточной жизни»*³.

Очевидно, что за частными вопросами скрываются положения, фактически выражающие закономерности развития пролетарской партии, её связи с классами общества. Нам потому и надо овладеть материалистической диалектикой (этого, кстати, требует и Программа КПРФ), чтобы уметь видеть эти связи и в теоретических работах классиков, и в повседневной политической практике.

И снова о закономерностях

Понятно, что история не похожа на цирковую лошадь, бегающую на арене по кругу. Но это не значит, что в ней нет повторяемости — частичной, в самом существенном. Именно она создаёт предпосылки законообразности общественного развития. Один из законов капиталистического общества — периодические экономические кризисы. В этом смысле переживаемое нами последнее десятилетие очень похоже на конец 1920-х — начало 1930-х годов. Когда читаешь сталинскую характеристику «великой депрессии», данную

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 359.

² Там же. С. 358.

³ Там же. С. 359.

в докладе на XVII съезде ВКП(б), то так и кажется, что он подглядел кризис, начавшийся в 2008 году и продолжающийся второе десятилетие, по сей день. Он отмечал, что «кризис не ограничился сферой производства и торговли и захватил также кредитную систему, валюту, сферу долговых обязательств и т.д., разбив традиционно установившиеся отношения как между отдельными странами, так и между социальными группами в отдельных странах»¹.

Докладчик уделяет особое внимание диалектике общественного процесса, подчёркивая «действие внутренних сил капитализма», взаимовлияние различных сторон капиталистического жизнеустройства друг на друга в условиях кризиса. Он указывает на то, что «сопутствующие промышленному кризису разрушительные явления, разыгравшиеся вне сферы производства, не могли в свою очередь не повлиять на ход промышленного кризиса в смысле его усугубления и усложнения»².

Анализируя кризис, как и любой социальный процесс, марксист Сталин ставит в центр осмысления расстановку классовых сил, курс правящего класса, направленный на сохранение капиталистического строя. Он подчёркивает, что капитал стремится «облегчить положение промышленности *за счёт рабочих*, — путём углубления их эксплуатации через усиление интенсивности их труда, *за счёт фермеров* — путём проведения политики наиболее низких цен на продукты их труда, на продовольствие и отчасти на сырьё, *за счёт крестьян колоний и экономически слабых стран* — путём ещё большего снижения цен на продукты их труда, главным образом, на сырьё...»³.

В отличие от «великой депрессии» современный «большой кризис» происходит в условиях, когда роль социалистического противостояния мировому капиталу ослабла, когда США стремятся утвердить однополярный мир в виде своего глобального гегемонизма. Эти процессы, наложившиеся на глубокое отступление социализма, привели к обнищанию пролетариата не только в странах реставрированного капитализма, но и в ведущих капиталистических странах. Выступая в 2014 году на презентации совместного с Институтом социологии РАН исследования «Бедность и неравенство в современной России», один из руководителей германского Фонда имени Ф. Эберта Р. Трауб-Мерц привёл такие данные: «В настоящее время

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 285.

² Там же. С. 287.

³ Там же. С. 290.

мы сталкиваемся с определённым социальным парадоксом: богатые страны всё чаще имеют дело с ростом бедности. Особую тревогу вызывает тот факт, что бедность захватывает не только слои, которые в силу разных причин исключены из трудового процесса. Она делает своими жертвами всё чаще не только тех, кто лишён устойчивого источника дохода, но и тех, кто относится к занятому населению, кто имеет постоянное рабочее место... В настоящее время 1,3 миллиона граждан Германии, имеющих постоянную работу, занятых в течение 8-часового рабочего дня, получающих за свой труд заработную плату, на эту заработную плату прожить не в состоянии. Чтобы они могли прожить, государство вынуждено выплачивать им субсидии».

В последнее десятилетие резко усилилось вмешательство ведущих капиталистических стран во внутренние дела государств «второго и третьего эшелонов». «Арабская весна», события в Ираке, Ливии и Сирии, сегодняшняя трагедия на Украине, конфликт между США и Венесуэлой... — это всё звенья начавшегося нового капиталистического передела мира. В нём империализм использует провоцируемые им внутренние конфликты, а когда их оказывается недостаточно для решения поставленных капиталом задач, переводит их в вооружённое вмешательство и военные операции под эгидой НАТО и других империалистических структур.

Повторяются отмеченные Сталиным на XVII партсъезде процессы: «Буржуазный пацифизм влачит теперь жалкое существование, а болтовня о разоружении сменяется «деловыми» разговорами о вооружении и довооружении»¹. Через 80 лет точь-в-точь та же картина.

Но современный «большой кризис» обладает качественной особенностью: традиционные инструменты преодоления резко обострившихся противоречий внутри капиталистической системы утратили свою эффективность. *Выходит, начавшийся после контрреволюции 1991 года (по своему масштабу она была отнюдь не «региональной», а безоговорочно мировой) период «мирного развития» капитализма завершился.* Для оценки сегодняшнего мира оказываются актуальными оценки И.В. Сталина, прозвучавшие на XVII съезде ВКП(б): *«Результатом затяжного экономического кризиса явилось небывалое доселе обострение политического положения капиталистических стран как внутри этих стран, так и между ними»*². (Выделено мной — В.Т.).

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 292.

² Там же. С. 291.

Как иллюстрацию завершения периода «мирного развития» капитализма можно привести два вызывающих факта. Первый: европейская социал-демократия (германская и французская, в первую очередь) в последние несколько лет отказалась не только от защиты классовых интересов пролетариата своих стран против буржуазии, но и перешла во внешней политике с пацифистских позиций на агрессивно-империалистические. Будучи президентом Франции в 2012–2017 годах, социалист Ф. Олланд выступил одним из инициаторов иностранного вмешательства во внутрисирийский конфликт, а социал-демократы Германии своим молчанием поддерживают государственный переворот правых профашистских сил на Украине. Второй: всё чаще раздающееся в РФ (слабом звене в цепи капитализма) и ряде «цивилизованных» стран требование буржуазных либералов вернуть в процедуры буржуазной демократии имущественный ценз.

Но самым убедительным подтверждением завершения периода «мирного развития» капитализма является выход фашизма на первую линию защиты капиталистического жизнеустройства. Мы ещё раз убеждаемся в справедливости сделанного 85 лет назад И.В. Сталиным анамнеза фашизма:

«Фашизм стал теперь наиболее модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков... Победу фашизма в Германии нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и результат измен социал-демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму. Её надо рассматривать также, как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления...»¹

Идейное оружие

Претензии фашистов на верховенство в начатом в 2014 году либералами и националистами государственным перевороте на Украине полностью подтверждают справедливость и истинность приведённых сталинских выводов. Современная буржуазия не в силах властвовать старыми методами во многих странах. Это повторение другими словами ленинского тезиса о том, что «верхи не могут

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 293–294.

управлять по-старому». При этом В.И. Ленин понимал под верхами прежде всего не правительство, а правящий класс.

В России тоже налицо признаки неспособности верхов управлять по-старому. История навязывания пенсионной «реформы» Кремлём и «Белым домом» на Краснопресненской набережной, десакрализация президента, который до этой «реформы» имел заоблачные рейтинги доверия, а после реформы начался не только обвал этих рейтингов, но и *стихийные массовые* требования отставки президента и правительства — всё это свидетельствует не только о кризисе доверия «верхам», но и становится одним из проявлений неспособности «верхов» управлять по-старому.

Одновременно буржуазные мечтатели об «оранжевой революции» уже зримо трансформируются в глобальном масштабе в сторонников фашистского переворота. Украина показала, что разглагольствованиям о том, что есть народы, генетически не совместимые с фашизмом, цена — вышедшая из оборота копейка. Надо твёрдо сознавать, что в России для фашизма тоже есть реальные предпосылки. Во-первых, указанная Сталиным неспособность капитала властвовать старыми методами буржуазной демократии (как и в царскую пору, перед выборами каждый раз меняется избирательное законодательство, а административный ресурс используется по всей вертикали власти), во-вторых, реставрация капитализма создала социальную базу фашизации общества: униженную и растерянную и потому готовую взбеситься в любой день мелкую буржуазию и обнищавшие, занятые заботой о выживании и потому теряющие жизненные ориентиры низы пролетариата (люмпен-пролетариат). За них сегодня, пока не поздно, нам, коммунистам, надо вести борьбу.

Противостоять фашизации в обществе объективно способна практически единственная сила — коммунисты. А потому полезно вновь вернуться к сталинскому докладу. Те задачи в области идейно-политической работы, которые он поставил перед партией, полностью сохраняют свою злободневность. К тому же он умел формулировать коротко, строго, научно выверенно:

- «1) Поднять теоретический уровень партии на должную высоту;
- 2) Усилить идеологическую работу во всех звеньях партии;
- 3) Вести неустанную пропаганду ленинизма в рядах партии;
- 4) Воспитывать парторганизации и окружающий их беспартийный актив в духе ленинского интернационализма;
- 5) Не замазывать, а критиковать смело отклонения некоторых товарищей от марксизма-ленинизма;

б) Систематически разоблачать идеологию и остатки идеологии враждебных ленинизму течений»¹.

Если партия будет идейно вооружена, она сможет вести за собой трудовой люд против всевластия капитала.

ОЧЕРК ШЕСТНАДЦАТЫЙ ЯЗЫК КАК ПОВОД ДЛЯ АНАЛИЗА НАДСТРОЙКИ

Размышления о брошюре «Марксизм и вопросы языкознания»

В 1950 году увидела свет одна из двух важных теоретических работ, написанных И.В. Сталиным в послевоенные, последние годы его жизни. Сразу замечу: обоим работам явно не повезло: они до сих пор остаются недостаточно осмысленными. Более того, те «исторические мысли», которые привыкли, что послесталинские руководители страны и партии сами теоретических работ не писали, время от времени подбрасывают мыслишку, будто «Марксизм и вопросы языкознания» написаны не Сталиным, а кем-то из академиков-языковедов. Но опровержение этой версии содержится уже в первой фразе сталинской работы: «Я не языковед... Что касается марксизма в языкознании, как и в других общественных науках, то к этому я имею прямое отношение»². Поскольку Сталин раздуванием «списка научных трудов» не был обеспокоен, то писал только о том, к чему имел прямое отношение.

В контексте эпохи

Итак, «Марксизм и вопросы языкознания» — это работа, которая посвящена актуальным для середины XX столетия проблемам марксистско-ленинской теории, злободневным прежде всего для социалистического строительства СССР.

Первой такой проблемой, рассмотренной в брошюре, стали вопросы диалектики базиса и надстройки. Для чрезвычайно серьёзного отношения к ним у Сталина было много оснований, ибо приоритетными для него были актуальные проблемы социалистического созидания, судеб Советской страны и планеты. Чтобы по-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 364.

² Там же. Т. 16. М. 1997. С. 104.

нять сталинскую работу, необходимо вдохнуть воздух времени её создания.

Основной раздел брошюры под названием «Относительно марксизма в языкознании» был опубликован в «Правде» 20 июня 1950 года. Уже было известно, что досрочно выполнен пятилетний план восстановления разрушенного войной народного хозяйства СССР. В 1946—1950 годах восстановлено и заново построено 6200 крупных государственных промышленных предприятий. Советский Союз стал первым в мире государством, в котором была отменена карточная система. Следовательно, главным вопросом повестки дня стало продолжение прерванного войной социалистического строительства. Но в стране и мире уже другая ситуация. Значит, требуется заново осмыслить уровень развития производительных сил, особенности существующих производственных отношений и пути целенаправленного влияния на них. Без учёта диалектики базиса и надстройки трудно рассчитывать на успех в плановом социалистическом созидании.

Материалиста И.В. Сталина прежде всего интересовали проблемы базиса. Последние месяцы он уделял первостепенное внимание подготовке фундаментального учебника по политической экономии. В феврале—мае 1950 года он трижды встречался в своём кремлёвском кабинете с его основными авторами. К каждой из этих весьма продолжительных бесед Сталин стремился привлечь всех членов Политбюро ЦК ВКП(б): настолько серьёзное внимание он уделял строго научному осмыслению базисных отношений общества.

К тому же в это время Иосиф Виссарионович начал работу над «Экономическими проблемами социализма» (впервые она будет опубликована в «Правде» 3 и 4 октября 1952 года). Он был серьёзно озабочен местом, ролью и эффективностью товарных отношений в дальнейшем строительстве социализма. Его интересовали тенденции и формы сближения общенародной и колхозно-кооперативной собственности. Он стремился выяснить значение закона стоимости в условиях социалистического базиса. Неслучайно и «Марксизм и вопросы языкознания» начинался с осмысления базиса: «Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития»¹. И всё же тема базиса будет главной в его следующей работе. Здесь же основное внимание уделено надстройке.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 104.

Надо иметь в виду, что к середине XX века теоретическое осмысление и практическое применение диалектики базиса и надстройки при социализме оставалось неудовлетворительным. В изданном в том же 1950 году Институтом философии АН СССР учебнике «Исторический материализм» под редакцией будущего академика Ф.В. Константинова нет не только главы о диалектике базиса и надстройки, но даже параграфа, посвящённого их взаимодействию. О надстройке упоминается лишь в главе о государстве. При этом политическая надстройка сводилась фактически только к государству.

Какие аспекты надстройки тревожили Сталина

Однако политическая практика советского общества не оставляла каких-либо сомнений в том, что ведущими составляющими политической надстройки в СССР выступает, наряду с советским государством, ВКП(б). Проблема их оптимального соотношения была чрезвычайно важной и для Сталина-практика, и для Сталина-теоретика ещё с середины 1930-х годов. В заключительном слове на февральско-мартовском (1937 года) пленуме ЦК ВКП(б) он говорил «об освобождении партийных организаций от хозяйственных мелочей и усилении партийно-политической работы». Он требовал «не допускать больше практики подмены и обезличивания хозяйственных органов, в том числе и особенно земельных органов, нашими партийными организациями. Необходимо, стало быть, усвоить метод большевистского руководства хозяйственными органами, состоящий в том, чтобы систематически помогать этим органам, систематически укреплять их и руководить хозяйством не помимо этих органов, а через них»¹.

Это была не конъюнктурная постановка вопроса, связанная с внутрипартийной борьбой 1937 года, а осмысление одного из существенных противоречий социалистической советской надстройки. Послевоенные события убеждают, что дело обстояло именно так.

Обратимся к постановлениям ЦК ВКП(б) о состоянии партийно-политической работы на шахтах Донбасса (28 февраля 1948 года) и Кузбасса (6 марта 1948 года). В первом из них ЦК партии потребовал «покончить с негодной практикой администрирования, подмены и мелочной опеки хозяйственных руководителей. Сосредо-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 14. С. 175.

точить внимание областной партийной организации на всемерном улучшении партийно-политической работы и культурно-бытового обслуживания рабочих, на создании постоянных кадров рабочих и инженерно-технических работников на шахтах Донбасса. Направить партийно-политическую работу на обеспечение выполнения и перевыполнения... государственного плана добычи угля»¹.

Отдельным пунктом в постановлении было записано: «Обязать министра угольной промышленности западных районов т. Засядько устранить недостатки хозяйственного руководства угольной промышленностью Донбасса, вскрытые в результате обследования ЦК ВКП(б)...»²

Второе постановление ЦК носило аналогичный характер и начиналось с указания на то, что Кемеровский обком ВКП(б) и партийные организации Кузбасса «нарушили большевистский принцип сочетания партийно-политической работы и руководства хозяйством, односторонне увлеклись мелочной опекой хозяйственников, дублированием текущей хозяйственной работы и в результате этого предали забвению партийную и массово-политическую работу на шахтах»³.

Речь отнюдь не шла о том, чтобы отлучить партийные организации от народнохозяйственных забот. Наоборот, круг этих забот в постановлениях был конкретизирован, их решение предусматривалось, как правило, через работу с кадрами, через постоянную заботу об условиях их труда и быта, об удовлетворении их духовных потребностей.

Однако через год после принятия этих документов вышло постановление ЦК партии «О работе Горьковского обкома ВКП(б)». В нём акценты были расставлены совсем иначе: «Считать важнейшей задачей Горьковской партийной организации в области промышленности дальнейшее увеличение выпуска продукции, повышение качества изделий и снижение себестоимости на основе более полного использования производственных мощностей предприятий, широкого внедрения механизации и новой техники, повышения производительности труда, обеспечения выполнения производственных

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. 1941–1954. М., 1971. С. 263–264.

² Там же. С. 266.

³ Там же. С. 267–268.

планов каждым предприятием по всем видам изделий. Необходимо добиться... ускорения оборачиваемости оборотных средств, экономного расходования сырья, материалов, топлива и электроэнергии...»¹

В отличие от предыдущих в этом документе ЦК партийным организациям вменялось вмешательство во все аспекты хозяйственной жизни предприятий. Замечу, что за год, разделяющий постановления, в общественно-политической жизни страны никаких принципиальных изменений не произошло. Просто в них отразилось существование в партийном и государственном руководстве СССР принципиально разных подходов к пониманию роли и функционирования политической надстройки в обществе.

И.В. Сталин был убеждён, что необходимо строго определить приоритеты в этой сфере. Он очень трезво оценивал деятельность обеих основных составляющих советской политической надстройки. Отмечая серьёзные недостатки в работе государственного аппарата, он не идеализировал и партию. Ю.А. Жданов (сын соратника Сталина, видного партийного и государственного деятеля А.А. Жданова, известный учёный в области органической химии и философии, в послевоенные годы работал в отделе науки ЦК партии, член ЦК КПСС в 1952–1956 годах, в 1953 году отправлен из Москвы на работу в Ростов-на-Дону) вспоминал:

«Анализируя итоги прошедшей войны, в узком кругу членов Политбюро Сталин неожиданно сказал: “Война показала, что в стране не было столько внутренних врагов, как нам докладывали и как мы считали. Многие пострадали напрасно...”

Наступившую тишину нарушил мой отец:

— Мы, вопреки уставу, давно не собирали съезда партии. Надо это сделать и обсудить проблемы нашего развития, нашей истории.

Отца поддержал Н.А. Вознесенский. Остальные промолчали. Сталин махнул рукой:

— Партия... Что партия... Она превратилась в хор псаломщиков, отряд аллилуйщиков... Необходим предварительный глубокий анализ»².

Работа «Марксизм и вопросы языкознания» посвящена прежде всего методологическим принципам такого анализа. Сталин

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. 1941–1954. С. 269.

² Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону. 2004. С. 227.

указывал на то, что «надстройка для того и создаётся базисом, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогала ему оформиться и укрепиться, чтобы она активно боролась за ликвидацию старого, отжившего свой век базиса с его старой надстройкой. Стоит только отказаться от этой её служебной роли, стоит только перейти надстройке от позиции активной защиты своего базиса на позицию безразличного отношения к нему, на позицию одинакового отношения к классам, чтобы она потеряла своё качество и перестала быть надстройкой»¹.

Здесь Сталин допускает явную неточность. Это его определение взаимодействия базиса и надстройки характеризует только ситуацию продуктивного строительства социализма. Он подчёркивает: если надстройка безразлична к решению социалистических задач, то она перестаёт выполнять функции социалистической надстройки (иначе говоря, быть реальной надстройкой социалистического общества). Именно так случилось в 1990—1991 годах, когда надстроечные институты в СССР в основном перестали служить социалистическому строительству. Более того, государство и Коммунистическая партия, формально оставаясь основными элементами надстройки социалистического общества, навязывали «разгосударствление экономики», тем самым содействовали разрушению социалистического базиса. По сути такая надстройка становилась антисоциалистической.

Но по форме приведённая выше сталинская формулировка претендует на указание общеполитической закономерности. В таком случае утверждение, будто надстройка, перестающая обслуживать базис, перестаёт быть надстройкой, является неточным. Между ними в принципе существует закон соответствия, который не позволяет развивающимся противоречиям дорастать до масштаба антагонизмов, то есть не позволяет перестройке вступать в антагонистическое противоречие с базисом, то есть достигать масштабов антагонизма. События 1990—1991 года в СССР несколько не опровергают этот тезис, так как в это время шёл процесс деформации как надстройки, так и базиса.

Некорректность указанной выше формулировки стала результатом того, что он анализирует общество советского социализма, в котором на рубеже 1940—1950-х годов никаких признаков деформации социалистических отношений и уж, тем более, реставрации капитализма, не было.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 105.

Через несколько абзацев Сталин справедливо уточняет: «Надстройка не связана непосредственно с производством, с производственной деятельностью человека. Она связана с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредство базиса. Поэтому надстройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе»¹.

Сталин настойчиво подчеркивает диалектический характер отношений базиса и надстройки. С одной стороны, надстройка порождается базисом, по отношению к нему она вторична и зависит от него. С другой стороны, она активна, она влияет на базис. А поскольку в функционировании надстройки важную роль играет сознательная деятельность человека, то он заинтересован, чтобы правильно были определены приоритеты в структуре надстройки, чтобы звенья надстройки, взаимодействуя, помогали успешнее решать возникающие общественно-политические проблемы в интересах трудящихся классов.

Почему языку нет места в надстройке

Неудивительно, что при актуальной роли надстройки в жизни общества, при целенаправленном и сознательном использовании политической надстройки для стимулирования социалистического строительства любое извращение в её толковании чревато негативными последствиями в общественной практике. Поэтому Сталин не мог пройти мимо философского невежества тех, кто включал язык в состав надстройки.

«Наши товарищи, — отмечал он, — допускают здесь как минимум две ошибки.

Первая ошибка состоит в том, что они смешивают язык с надстройкой. Они думают, что если надстройка имеет классовый характер, то и язык должен быть не общенародным, а классовым...

Вторая ошибка состоит в том, что эти товарищи воспринимают противоположность интересов буржуазии и пролетариата, их ожесточённую классовую борьбу как распад общества, как разрыв всяких связей между враждебными классами... Что же остаётся, если общество распалось и нет больше общенародного, национального языка?» Сталин тут же иронически отвечает на этот вопрос: «Оста-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 108.

ются классы и классовые языки». И далее показывает абсурдность «такого примитивно-анархического взгляда на общество, классы, язык». Он отмечает, что такой взгляд «не имеет ничего общего с марксизмом»¹.

Чтобы доказать немарксистскую природу подобных суждений, требуется охватить взглядом всё общество. Именно это и делает И.В. Сталин:

«Конечно, неверно, что ввиду наличия ожесточённой классово-вой борьбы общество якобы распалось на классы, не связанные больше друг с другом экономически в одном обществе. Наоборот. Пока существует капитализм, буржуа и пролетарии будут связаны между собой всеми нитями экономики как части единого капиталистического общества. Буржуа не могут жить и обогащаться, не имея в своём распоряжении наёмных рабочих — пролетарии не могут продолжать своё существование, не нанимаясь к капиталистам. Прекращение всяких экономических связей между ними означает прекращение всякого производства, прекращение же всякого производства ведёт к гибели общества, к гибели самих классов»².

После этого неизбежен суровый вывод: «Только невежество в вопросах марксизма и полное непонимание природы языка могли подсказать некоторым нашим товарищам сказку о распаде общества, о «классовых» языках, о «классовых» грамматиках»³.

При решительном неприятии подобного околонучного псевдоноваторства Сталин последовательно придерживается изначально выбранной линии поведения. Во-первых, он обстоятельно доказывает не только теоретическую несостоятельность, но и вред немарксистских суждений о языке как части надстройки. Причем стремится сделать это наиболее доходчиво, понятно массовому читателю. Прежде всего обосновывает, что у языка иная природа, чем у надстройки. Автор находит аргумент, понятный людям, далёким от языкознания: «Надстройка есть продукт одной эпохи, в течение которой живёт и действует данный экономический базис. Поэтому надстройка живёт недолго, она ликвидируется и исчезает с ликвидацией и исчезновением данного базиса.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 113.

² Там же. С. 113–114.

³ Там же. С. 114.

Язык же, наоборот, является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется. Поэтому язык живёт несравненно дольше, чем любой базис и любая надстройка. Этим собственно и объясняется, что рождение и ликвидация не только одного базиса и его надстройки, но и несколько базисов и соответствующих надстроек не ведёт в истории к ликвидации данного языка, к ликвидации его структуры и рождению нового языка с новым словарным фондом и новым грамматическим строем»¹.

Но ещё более важно максимально точно указать место языка в структуре общества. И Сталин успешно решает такую задачу: «Язык, принципиально отличаясь от надстройки, не отличается, однако, от орудий производства, скажем, от машин, которые также одинаково могут обслуживать и капиталистический строй, и социалистический»².

При этом материалист И.В. Сталин подчеркивает в первую очередь связь языка «с производственной деятельностью человека непосредственно». Автор конкретизирует такую связь: «Этим прежде всего и объясняется, что язык, прежде всего его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй».

Впрочем, тут же следует уточнение о том, что «язык связан со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы»³. Чуть позже, в письме Е. Крашенинниковой («Правда», 4 июля 1950 года) Сталин считает нужным более точно сформулировать эту мысль: «Язык обслуживает общество как средство общения людей, как средство общения мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности — как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 106–107.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 108.

и в быту»¹. Очень существенно ещё одно дополнение: «Язык, будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества»².

Не менее важно отметить второй аспект сталинского исследования. Неправильное, немарксистское толкование роли языка вождь объясняет не происками классовых противников и даже не плодом научных заблуждений, а следствием философской неграмотности. Вождь крайне негативно оценивает «новое учение» академика Н.Я. Марра и его ретивых последователей: «Признав некоторые ошибки Н.Я. Марра, «ученики» Н.Я. Марра, оказывается, думают, что развивать дальше языковедение можно лишь на базе «уточнённой» теории Н.Я. Марра, которую они считают марксистской. Нет уж, избавьте нас от «марксизма» Н.Я. Марра»³. А далее — даётся очень взвешенная оценка: «Н.Я. Марр действительно хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом. Он был всего лишь упростиателем и вульгаризатором марксизма, вроде «пролеткультовцев» или «рапповцев». Н.Я. Марр внёс в языковедение неправильную, немарксистскую формулу насчёт языка как надстройки и запутал себя, запутал языковедение»⁴.

Сталин адресует в своей работе в первую очередь не к философам, не к лингвистам, а к партийному и советскому активу, к широким массам трудящихся. Он ориентируется прежде всего на их теоретическую подготовку — подготовку людей, которые стараются стать марксистами, но значительная их часть ещё не сумела ими стать.

О невысоком уровне марксистско-ленинской подготовки партийцев свидетельствует принятое 2 августа 1946 года постановление ЦК ВКП(б) «О подготовке и переподготовке партийных и советских работников». В нём отмечалось: «...значительная часть кадров... оказывается мало подготовленной для руководящей работы в партийных организациях. Плохо организовано дело переподготовки руководящих партийных и советских кадров. Многие партийные и советские работники перестали систематически работать над повышением своего идейно-теоретического уровня и в течение последних лет не вызывались на курсы переподготовки... Неудов-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 125.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 123.

⁴ Там же.

летворительно поставлена также подготовка теоретических кадров партии»¹.

Этот недостаток был настолько важный и глубокий, что на него снова обращалось самое серьёзное внимание на XIX съезде КПСС, состоявшемся в октябре 1952 года. В отчётном докладе Центрального Комитета съезду докладывалось, что «создалось известное несоответствие между количественным ростом рядов партии и уровнем политического просвещения членов и кандидатов в члены партии. В целях ликвидации этого несоответствия... следует и впредь продолжать линию на ограничение приема в партию, на улучшение дела политического просвещения и партийной закалки коммунистов»².

Против «аракчеевщины» в науке

А теперь попытаемся понять, зачем И.В. Сталину потребовалось решать серьёзную теоретическую проблему о роли надстройки в строительстве социалистического общества с помощью обращения к языкознанию. Вождь отвечает на этот вопрос в первой статье брошюры: «Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики так называемого «нового учения» в языкознании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкознания. За критическое отношение к наследию Н.Я. Марра, за малейшее неодобрение учения Н.Я. Марра снимались с должностей и снижались по должности ценные работники и исследователи в области языкознания. Деятели языкознания выдвигались на ответственные должности не по деловому признаку, а по признаку безоговорочного признания учения Н.Я. Марра.

Общеизвестно, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Но это общепризнанное правило игнорировалось и попиралось самым бесцеремонным образом. Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать... Случилось это потому, что аракчеевский режим, созданный в языкознании, культивирует безответственность и поощряет такие бесчинства»³.

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том 6. С. 163.

² Девятнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Бюллетень № 1. М., 1952. С. 86.

³ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 122.

Начав критику с ситуации в языкознании, Сталин обобщает её до масштаба всей науки. И если посмотреть на работу под этим углом зрения, то выбор языкознания был прямо-таки оптимальным. Начну с очевидного, хотя и второстепенного. В проблемах языка И.В. Сталин ориентировался практически профессионально, так как эти проблемы тесно связаны с национальным вопросом. А им Сталину приходилось заниматься всерьёз и теоретически, и практически.

Но куда существеннее то, что положение в языкознании было типичным для послевоенной советской науки. Но здесь преодолевать «аракчеевские порядки» было значительно проще, чем, скажем, в биологии или физиологии, так как научный «лидер», который в языкознании установил «аракчеевский режим», был уже мёртв. Поэтому оргвыводы могли касаться только его чрезмерно усердных учеников. И Сталин считает достаточным недвусмысленного замечания: «Если бы я не был убеждён в честности товарища Мещанинова и других деятелей языкознания, я бы сказал, что подобное поведение равносильно вредительству»¹.

Фактически же Сталин адресуется ко всем научным сферам, в которых в ту пору установился «аракчеевский режим».

Марр, Лысенко и другие

Наиболее острой эта проблема была для биологии, где установился «аракчеевский режим» Т.Д. Лысенко. Его основными оппонентами были генетики. Их научные позиции серьёзно осложнялись ненаучными факторами. С одной стороны, в гитлеровской Германии генетика широко использовалась для обоснования нацистской идеологии. С другой – в СССР некоторые философы типа М. Митина и И. Презента приписывали естествознанию классовый характер. Это была примитивная подделка под марксизм-ленинизм. Ведь его основоположники постоянно подчеркивали, что явления природы и законы, устанавливающие отношения между ними, классово нейтральны, хотя их философское осмысление носит безусловно партийный характер. Но и здесь речь идёт не о политических, а о философских партиях – партиях материализма и идеализма.

Однако И.В. Сталин в конце 1940-х годов поддерживал позицию Лысенко. Работавший в те годы в отделе науки ЦК ВКП(б)

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 122.

Ю.А. Жданов вспоминал: «Сталин сказал мне буквально следующее: «В биологической науке издавна существуют два взгляда на жизнь. Одни утверждают, что существует неизменное наследованное вещество, которое не поддаётся действию внешней природы. По сути дела, такая точка зрения (а она представляет взгляд Вейсмана) тождественна с воззрением, будто жизнь не развилась из неживой природы. Другого мнения придерживается учение не-оламаркизма. Согласно этому учению, внешнее воздействие изменяет признаки организма, и эти приобретённые признаки наследуются...

Лысенко — эмпирик, он плохо ладит с теорией. В этом его слабая сторона»¹.

Эту беседу со Сталиным Жданов датирует 18 октября 1947 года. Надо отметить, что печально известная сессия ВАСХНИЛ (её преемницей была РАСХН; учинённая российской государственной властью в 2013 году «реформа» Российской академии наук привела к тому, что РАСХН стала одним из отделений РАН), состоявшаяся в августе 1948 года и завершившаяся агрессивным разгромом всех оппонентов со стороны Лысенко и его команды (этой большой теме посвящено большое количество работ, поэтому мы не касаемся её в данной работе). К сожалению, травля противников Лысенко имела поддержку Сталина.

Но в отличие от «эмпирика» Лысенко Сталин стремился осмыслить действительность в её многообразии. На 1949 год пришёлся 100-летний юбилей И.П. Павлова. Тогдашняя ситуация в физиологии тоже смахивала на «аракчеевский режим». Здесь погоду заказывал академик Л.А. Орбели. Будучи вице-президентом АН СССР, он занимал ещё как минимум 19 руководящих должностей в науке. Он стремился оттеснить учение Павлова на периферию физиологии. Между тем в ЦК ВКП(б) проведение юбилейной Павловской сессии большой академии представлялось не как ритуальное мероприятие, а как событие, существенно влияющее на положение в советской науке. Т.Д. Лысенко и его философские душеприказчики были решительно против такой сессии. Надо было узнать позицию Сталина. Он отреагировал на обращение быстро:

«Товарищу Жданову Ю.А.

Получил Ваше письмо об академике Павлове и его научном наследии.

¹ Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. С. 251–252.

Я рад, что Вы взялись за дело академика Павлова. У меня нет разногласий с Вами ни по одному из вопросов, возбуждённых в Вашем письме. Ваша оценка теории великого учёного, как и оценка его противников, — совершенно правильны.

По-моему, наибольший вред нанёс учению академика Павлова академик Орбели. Фарисейски именуя себя главным учеником Павлова, Орбели сделал всё возможное и невозможное для того, чтобы своими оговорками и двусмысленностями, бесчестным замалчиванием Павлова и трусливо замаскированными вылазками против него развенчать Павлова и оклеветать его. Чем скорее будет разоблачён Орбели и чем основательнее будет ликвидирована его монополия, — тем лучше...»¹.

Сталин пересматривает и своё отношение к Лысенко. Создание ядерного оружия остро ставило проблему радиологической опасности. Натурфилософские рассуждения Т.Д. Лысенко и его последователей в решении таких вопросов были бесплодными, тогда как исследования генетиков давали перспективу.

Однажды (правда, заметно позже публикации «Марксизма и вопросов языкознания») заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) А.И. Козлов попросил срочно зайти Ю.А. Жданова. «Я прибежал к нему в другой корпус и застал его крайне возбуждённым. Он сразу выпалил:

— Я только что от товарища Маленкова. Он передал указание товарища Сталина: ликвидировать монополию Лысенко в биологической науке; создать коллегиальный президиум ВАСХНИЛ; ввести в состав президиума противников Лысенко, в первую очередь Цицина и Жебрака; создать комиссию ЦК по подготовке предложений»².

Критикуя 70 лет назад «аракчеевский режим» в языкознании, Сталин смотрел на проблему куда как шире. Его беспокоила «аракчеевщина» в любой сфере науки. Впрочем, он нигде публично не увязывал её с режимом культа личности в обществе.

Мысли вдогонку

Хотелось бы обратить внимание на письма-ответы конкретным адресатам, которые вошли в работу «Марксизм и вопросы языкознания». Ясно, что после статьи «Относительно марксизма в языкоз-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 18. Тверь. 2006. С. 535.

² Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. С. 251–252.

нании», опубликованной в «Правде», таких писем в кремлёвской и редакционной почте было много. Из них Сталин выбрал только те, которые позволяли ему обратиться к проблемам, по его мнению, самым важным не только для науки, но и для общественно-политической жизни страны. Что же выбрал вождь?

Первое. Настойчивое подчеркивание огромных методологических достоинств материалистической диалектики. Эта мысль проходит через все разделы брошюры. Прежде всего Сталин раскрывает диалектику надстройки. К этой теме он возвращается и в последнем письме о языкознании, адресованном А. Холопову. По сути, оно целиком посвящено этой теме¹.

Второе. Решительное неприятие идеализма. В письме Е. Крашенинниковой он обращает внимание на то, что «реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка»². Отвечая Д. Белкину и С. Фуреру, Сталин вновь подчеркивает, что критикует Н.Я. Марра за то, что тот «говоря об языке (звуковом) и мышлении, отрывает язык от мышления и впадает таким образом в идеализм. Я утверждаю при этом, что... оголётных мыслей, не связанных с языковым материалом, не существует у людей, владеющих языком»³.

Третье. Нетерпимое отношение к догматизму. Оно вытекает из революционного характера марксизма. В этом отношении показательны слова из письма А. Холопову, которыми завершается работа И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»:

«Марксизм есть наука о законах развития природы и общества, наука о революции угнетённых и эксплуатируемых масс, о победе социализма во всех странах, наука о строительстве коммунистического общества. Марксизм как наука не может стоять на одном месте, — он развивается и совершенствуется. В своём развитии марксизм не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями, — следовательно, отдельные его формулы и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться новыми формулами и выводами, соответствующими новым историческим задачам. Марксизм не признаёт неизменных выводов и формул,

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 133–137.

² Там же. С. 127

³ Там же. С. 131.

обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма»¹.

Однако здесь приходится заметить, что в политической сфере — как в практике, так и в теории — проявления догматизма были распространены. Это заметно проявилось в выступлениях, звучавших с трибуны XIX партсъезда. Кажется, не было оратора, который бы не говорил о вышедших за день до съезда «Экономических проблемах социализма в СССР» как о классическом произведении марксистско-ленинской теории, но при этом абсолютное большинство не касалось конкретных актуальных проблем, поднятых в этом произведении. Редко кто не ограничился общими фразами, а предметно касался конкретных вопросов, поставленных в этом произведении. Специфической формой догматизма была общая фраза без проникновения в содержание работы. Впрочем, столь же догматической стала и критика трудов Сталина после доклада Хрущёва на XX съезде КПСС.

ОЧЕРК СЕМНАДЦАТЫЙ

СТАЛИН И ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ СОЦИАЛИЗМА

Иосифа Виссарионовича Сталина хоронили 9 марта 1953 года. Одним из тех, кто выступал с прощальным словом, был В.М. Молотов (кстати, в этот день ему исполнялось 63 года). Он был дольше всех и ближе всех знаком с усопшим: под руководством В.И. Ленина они вместе ставили на ноги ещё в 1912 году рабочую газету «Правда». Более десятилетия несли ответственность за страну в качестве первых лиц: Сталин как руководитель ВКП(б), а Молотов как глава правительства. Да и в личной переписке, которую вёл Сталин, Молотов занимает, можно сказать, первое место. Так вот в тот печальный день В.М. Молотов в частности сказал: «Сталин не только осуществлял все эти годы повседневное руководство социалистическим строительством в СССР. Он постоянно работал над теоретическими проблемами строительства коммунизма в нашей стране и над проблемами международного развития в целом, освещая светом науки марксизма-ленинизма пути дальнейшего развития СССР, законы развития социализма и капитализма в современных условиях. Он вооружил нашу партию

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 137.

и весь советский народ новыми важнейшими открытиями марксистско-ленинской науки, которые на многие годы освещают наше движение вперёд, к победе коммунизма».

Трезвая оценка перспектив

«Экономические проблемы социализма в СССР» — это продолжение работы, которая интенсивно осуществлялась И.В. Сталиным, А.А. Ждановым и их командой за пять лет до открытия 5 октября 1952 года XIX съезда КПСС. Тогда работа не была завершена, её результатом стала «лишь» «последняя редакция проекта Программы ВКП(б)» 1947 года. О связи между новым сталинским произведением и незаконченным тогда главным партийным документом широкий читатель не мог даже предполагать, так как единственным публичным свидетельством плодотворной работы над проектом Программы ВКП(б) 1947 года была фраза из выступления члена Политбюро ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова на совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года:

«В настоящее время Центральный Комитет ведёт работу по подготовке новой программы ВКП(б). Действующая сейчас программа ВКП(б) явно устарела и должна быть заменена»¹.

Хотя книга с материалами совещания вышла 300-тысячным тиражом, но широкому читателю оставалась мало известной, так как вскоре попала в спецхраны в связи с тем, что ряд её участников из братских партий был репрессирован. Поэтому связь между двумя трудами осознавалась лишь узким кругом лиц, которые хорошо знали о незавершённой работе. Они явно не могли не обратить внимания на то, что программный документ готовился к XIX партсъезду, и «Экономические проблемы...» были опубликованы Сталиным в самый канун XIX съезда, только на целое пятилетие позже.

Прошедшие пять лет означали, что советское общество вышло на новый уровень и развития, и проблем. Если через два года после Победы (кстати, тогда это слово всегда писали со строчной буквы) перед руководством партии стояла задача поставить долгосрочный ориентир, по своим масштабам и своему величию равноценный Победе над германским фашизмом и японским империализмом, то в 1952 году такая постановка проблемы была уже не столь актуаль-

¹ Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. М., 1948. С. 150.

на. Советский народ, возглавляемый ВКП(б), за пять лет решил две ключевые задачи исторического масштаба. Во-первых, СССР первым в мире сумел отменить карточную систему. Во-вторых, было в основном восстановлено разрушенное немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны народное хозяйство. Выступавший с Отчётным докладом ЦК XIX партсъезду секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков говорил:

«В результате успешного восстановления промышленности в послевоенный период производство промышленной продукции в СССР на душу населения в настоящее время превышает довоенный уровень. Так производство электроэнергии на душу населения в 1951 году превысило уровень 1940 года в 2 с лишним раза, выплавка чугуна — на 50 процентов, выплавка стали — на 70 процентов, добыча угля — на 60 процентов, производство цемента — более чем в 2 раза...

В результате осуществлённых мер, принятых партией и правительством, в сельском хозяйстве успешно преодолены трудности, вызванные войной и последовавшей в 1946 году сильной засухой, в короткий срок был восстановлен и превзойдён довоенный уровень производства сельскохозяйственной продукции»¹.

В то же время прошедшее пятилетие выявило некоторые тенденции, которые на начальном этапе восстановительного периода были лишь угадываемыми, а теперь проявили себя весьма полно. Своими «Экономическими проблемами социализма в СССР» Сталин подчёркивал, что для дальнейшей работы над партийной программой требуется подойти наиболее вдумчиво к осмыслению партией экономического развития общества.

Хотя работа над Программой ВКП(б) 1947 года в его книге ни разу не поминалась, «Экономические проблемы...» стали по сути специфической формой ответа Сталина на вопросы, касающиеся разработки новой Программы партии. В коротком докладе Л.М. Кагановича (представить, что он готовился без участия Сталина, невозможно) весьма чётко сформулирована установка, которую давал съезд будущей Программной комиссии:

«Новая переработанная программа партии должна обобщить всемирно-исторический опыт Великой Октябрьской социалистической революции, опыт построения социализма в СССР и определить дальнейшие пути выполнения главной задачи партии — постро-

¹ Девятнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Бюллетень № 1. 1952. С. 46, 53).

ения коммунистического общества путём постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Для выработки программы и определения дальнейшего пути строительства коммунизма решающее значение имеет то, что к своему XIX съезду наша партия получила новое классическое произведение товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»¹.

Эта установка на разработку новой партийной программы заслуживает серьёзного осмысления. Безусловно, что важнейшей задачей такого документа должно стать обобщение «всемирно-исторического опыта Великой Октябрьской социалистической революции» и опыта строительства социализма в нашей стране. Но здесь следует обратить внимание читателя на первый очерк этой нашей книги и автографы правки, замечаний и уточнений, сделанных Сталиным к тексту второй партийной Программы, принятой VIII съездом РКП(б) (см. приложение). Они прежде всего касаются обобщения опыта Великого Октября.

К этому добавим, что первые три раздела «последней редакции проекта Программы ВКП(б)» 1947 года прямо связаны с решением задач, которые особо выделил в своём коротком докладе член Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович. В тексте, разосланном членам руководства партии, руководителям ЦК Компартий союзных республик и членам «широкого состава» Программной комиссии ВКП(б), утверждённого XVIII партсъездом (март 1939 года) и подтверждённого февральским (1947 года) пленумом ЦК ВКП(б), первые три раздела документа назывались: «Значение Великой Октябрьской социалистической революции в историческом развитии человечества», «Современная международная обстановка» и «Итоги достижений советского общества»².

Одновременно особо подчеркнём ещё один момент в мини-докладе Л.М. Кагановича. В нём отгнетена задача выработки программы «постепенного перехода (выделено мной. — В.Т.) от социализма к коммунизму». В последней редакции проекта Программы ВКП(б)» 1947 года этой формулы не было. Но речь фактически шла о решении именно этой задачи. В частности, в разделе «Основные задачи

¹ Девятнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Бюллетень № 14. С. 5.

² См.: Трушков В.В. Неизвестная Программа ВКП(б). Приложение к журналу «Политическое просвещение». М., 2018. С. 246–288.

ВКП(б) по строительству коммунистического общества» было записано:

«Переход от социализма к коммунизму может быть осуществлён лишь через ряд переходных ступеней, в порядке дальнейшего развития материальных основ и общественных отношений социалистического общества. Только полное и всестороннее проведение социалистического принципа равной обязанности всех трудиться по своим способностям и равному праву всех трудящихся получать за это по их труду позволит *постепенно осуществить* переход к коммунистическому принципу получения за труд продуктов по потребностям. Только всемерное укрепление и развитие социалистического государства, как основного орудия построения коммунистического общества, обеспечивает постепенный переход от социализма к коммунизму». (РГАСПИ. Ф. 629 оп. 1 Д. 128. Л. 34 – 35).

В докладе Кагановича XIX съезду КПСС мотив постепенного перехода от низшей фазы коммунистической формации к высшей существенно усиливался ссылкой на работу Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Докладчик подчёркивал: «Для выработки программы и определения дальнейшего пути строительства коммунизма решающее значение имеет то, что к своему XIX съезду наша партия получила новое классическое произведение товарища Сталина»¹.

Более того, в единогласно принятой «Резолюции XIX съезда ВКП(б) о переработке программы Коммунистической партии Советского Союза» было записано совсем коротко:

«2. При выработке программы руководствоваться основными положениями произведения товарища Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”»².

Едва ли здесь следует видеть только проявление культа личности. Причины такой формулировки, думается, и в другом. В кратком докладе Кагановича трижды говорится об уже построенном в стране социализме. Очевидно, докладчик, как и большинство делегатов, не представляли, как можно ставить задачу построения коммунизма, если социализм ещё построен не полностью, не окончательно. Но пафос последней крупной теоретической работы Сталина состоял как раз в осмыслении проблем, связанных с завершением строительства социализма. Да и название работы говорит о том же.

¹ Девятнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Бюллетень № 14. С. 5.

² Там же. Бюллетень № 16. 1952. С. 76.

Таким образом, И.В. Сталин, на наш взгляд, подтвердил позицию, из которой исходили разработчики последней редакции проекта Программы ВКП(б) 1947 года: третья программа партии должна быть программой завершения строительства социализма и насыщения общества элементами коммунистических отношений.

Через пять лет после разработки последней редакции проекта Программы ВКП(б) 1947 года Сталин счёл нужным особо подчеркнуть, что необходимо «подготовить действительный, а не декларативный переход к коммунизму»¹. В своей последней теоретической работе он предупреждал, что для реального перехода к коммунизму «нужно осуществить по крайней мере три основных предварительных условия.

«1. Необходимо, во-первых, прочно обеспечить... непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным ростом производства средств производства. Преимущественный рост производства средств производства необходим не только потому, что оно должно обеспечить оборудованием как свои собственные предприятия, так и предприятия всех остальных отраслей народного хозяйства, но и потому, что без него вообще невозможно осуществить расширенное воспроизводство.

2. Необходимо, во-вторых, путём постепенных переходов, осуществляемых с выгодой для колхозов и, следовательно, для всего общества, поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение тоже путём постепенных переходов заменить системой продуктообмена, чтобы центральная власть или другой какой-либо общественно-экономический центр мог охватить всю продукцию общественного производства в интересах общества...

3. Необходимо, в-третьих, добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии»².

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 202.

² Там же. С. 202–203, 204.

Это не был пересмотр позиций 1947 года. Конечно, их уточнение здесь содержалось, но главное в другом: Сталин предупреждал от возможного шапкозакидательства в вопросах коммунистического строительства. К этому Иосифа Виссарионовича побуждали выступления некоторых участников экономической дискуссии, проходившей в ноябре 1951 года. Особое внимание он уделил позиции работника Госплана СССР Л.Д. Ярошенко:

«Товарищ Ярошенко думает, что стоит добиться рациональной организации производительных сил, чтобы получить изобилие продуктов и перейти к коммунизму, перейти от формулы: “каждому по труду” к формуле: “каждому по потребностям”. Это большое заблуждение, избличающее полное непонимание законов экономического развития социализма. Товарищ Ярошенко слишком просто, по-детски просто представляет условия перехода от социализма к коммунизму»¹.

Сталин поясняет, чем вызвана столь резкая оценка «концепции» московского экономиста: «Товарищ Ярошенко не понимает, что нельзя добиться ни изобилия продуктов, могущего покрыть все потребности общества, ни перехода к формуле “каждому по потребностям”, оставляя в силе такие экономические факты, как колхозно-групповая собственность, товарное обращение и т. п. Товарищ Ярошенко не понимает, что раньше, чем перейти к формуле “каждому по потребностям”, нужно пройти ряд этапов экономического и культурного перевоспитания общества, в течение которых труд из средства только лишь поддержания жизни будет превращен в глазах общества в первую жизненную потребность, а общественная собственность — в незыблемую и неприкосновенную основу существования общества»².

Сталин не без оснований подозревал, что упрощенчество при переходе от низшей фазы коммунизма к высшей гнездится не только в кабинетах Госплана. Теоретическое невежество способно особенно навредить, когда им страдают товарищи из руководящих эшелонов партии. Как оказалось, это предостережение было вполне обоснованным, потому что в принятой XXII съездом КПСС третьей Программе партии (октябрь 1961 года) была поставлена совершенно другая задача — «развёрнутого строительства коммунизма».

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 202.

² Там же. С. 202.

Законы общества так же объективны, как и законы природы

Лет тридцать пять назад выпускник любого советского вуза, более-менее добросовестно «проходивший» обществоведческие дисциплины, наверняка был бы удивлён при чтении первых абзацев «Экономических проблем социализма в СССР». Как можно считать научным новаторством бесспорные истины? И неужели такими дремучими были советские экономисты начала 1950-х годов?

Перечитаем и мы два первых абзаца известного произведения:

«Некоторые товарищи отрицают объективный характер законов науки, особенно законов политической экономии при социализме. Они отрицают, что законы политической экономии отражают закономерности процессов, совершающихся независимо от воли людей. Они считают, что ввиду особой роли, предоставленной историей Советскому государству, Советское государство, его руководители могут отменить существующие законы политической экономии, могут “сформировать” новые законы, “создать” новые законы.

Эти товарищи глубоко ошибаются. Они, как видно, смешивают законы науки, отражающие объективные процессы в природе или обществе, происходящие независимо от воли людей, с теми законами, которые издаются правительствами, создаются по воле людей и имеют лишь юридическую силу. Но их смешивать никак нельзя»¹.

В самом деле, как можно перепутать юридические законы с научными? Но при этом Сталин пишет, что он высказывает замечания в связи с получением материалов экономической дискуссии, в том числе «Предложений по улучшению проекта учебника политической экономии», «Предложений по устранению ошибок и неточностей» в проекте и т.п.

А ларчик открывался просто. Выпускник советского вуза середины 1980-х годов изучал достаточно приличный курс политической экономии, а на рубеже 1940–1950-х не было ни вузовского курса, ни учебника политэкономии. Поэтому с точки зрения марксистско-ленинской теории Сталин в начале этой работы писал прописные истины, но далеко не все экономисты в ту пору были с ними знакомы. Тот же Ярошенко предлагал свести политическую экономию к теории «рациональной организации производительных сил» и отрицал,

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 154.

что предметом изучения политэкономии являются производственные отношения¹.

Сталин, следуя марксистско-ленинскому учению, подчёркивал: «Как и в естествознании, законы экономического развития являются объективными законами, отражающими процессы экономического развития, совершающиеся независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их и, опираясь на них, использовать их в интересах общества, дать другое направление разрушительным действиям некоторых законов, ограничить сферу их действия, дать простор другим законам, пробивающим себе дорогу, но они не могут уничтожить их или создать новые экономические законы»².

Напомнив об общих законах общественного развития, Сталин концентрирует внимание читателей на законах политической экономии, и здесь высказываемые им положения носят порой новаторский характер. Думается, именно к этому разряду относится раскрытая им диалектика действия закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства и практики планирования. Он доказывает, что это — диалектика возможности и действительности, что никакого автоматизма у закона планомерного развития не существует, поскольку, как и все общественные законы, он реализуется в деятельности людей.

На грядущем этапе социалистического строительства, который наступит после преодоления реставрации капитализма, нам придётся осмыслить сталинский анализ действия закона стоимости. Оно тесно связано с товарностью общественного производства, сфера действия которой при социалистическом строительстве сохраняется, так как удаётся обобществить не все средства производства.

Сталин объясняет истоки разных уровней обобществления средств производства в советском обществе: «Для экономической же смычки города и деревни, промышленности и сельского хозяйства сохранить на известное время товарное производство (обмен через куплю-продажу), как *единственно приемлемую* для крестьян форму экономических связей с городом, и развернуть всю советскую торговлю, государственную и кооперативно-колхозную, вытесняя из товарооборота всех и всяких капиталистов»³.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 201–202.

² Там же. С. 155–156.

³ Там же. С. 162.

После смерти Сталина многие его оценки, данные в «Экономических проблемах социализма в СССР», стали предметом не только дискуссий, но и ожесточённого опровержения без достаточной на то аргументации. Мы же сегодня попытаемся посмотреть на проблему несколько иначе: что нового внёс Иосиф Виссарионович в разработку теории товарного производства? Тем более, что относить его к категории «товарников» или «антитоварников» было бы примитивно. Сталин и в этом вопросе выступал прежде всего диалектиком.

Негативное отношение к товарному производству у части представителей советской политической экономии связано с тем, что они видели в товарных отношениях рудименты капитализма. Следовательно, их надо вытеснять, преодолевать. Советский руководитель предлагал принципиально иное решение этого вопроса. В «Экономических проблемах социализма в СССР» читаем:

«Говорят, что товарное производство все же при всех условиях должно привести и обязательно приведет к капитализму. Это неверно. Не всегда и не при всяких условиях! Нельзя отождествлять товарное производство с капиталистическим производством. Это — две разные вещи. Капиталистическое производство есть высшая форма товарного производства. Товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, *если* существует частная собственность на средства производства, *если* рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, *если*, следовательно, существует в стране система эксплуатации наёмных рабочих капиталистами. Капиталистическое производство начинается там, где средства производства сосредоточены в частных руках, а рабочие, лишённые средств производства, вынуждены продавать свою рабочую силу, как товар. Без этого нет капиталистического производства».¹

Далее Сталин активно развёртывает свою аргументацию:

«Ну, а если нет этих условий в наличии, превращающих товарное производство в капиталистическое производство, если средства производства составляют уже не частную, а социалистическую собственность, если системы наёмного труда не существует и рабочая сила не является больше товаром, если система эксплуатации давно уже ликвидирована, — как быть тогда: можно ли считать, что товарное производство всё же приведёт к капитализму? Нет, нельзя считать. А ведь наше общество является именно таким обществом, где

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 162—163.

частная собственность на средства производства, система наёмного труда, система эксплуатации давно уже не существуют»¹.

Наконец, вождь бросает на весы аргументов ещё один довод: «Товарное производство старше капиталистического производства»² (Выделено мной. — В. Т.).

Итак, Сталин утверждает существование социалистического товарного производства. Тем не менее такая позиция не позволяет провозгласить её автора «товарником». Дело в том, что он тут же подчёркивает: «товарное производство не имеет у нас... неограниченного и всеобъемлющего распространения, ... оно у нас поставлено в строгие рамки благодаря таким решающим экономическим условиям, как общественная собственность на средства производства, ликвидация системы наёмного труда, ликвидация системы эксплуатации»³.

В советском общественном сознании не закрепились одна весьма существенная сталинская новация, высказанная в «Экономических проблемах социализма в СССР». Читаем:

«В настоящее время у нас существуют две основные формы социалистического производства: государственная — общенародная, и колхозная, которую нельзя назвать общенародной (Выделено мной. — В. Т.). В государственных предприятиях средства производства и продукция производства составляют всенародную собственность. В колхозных же предприятиях, хотя средства производства (земля, машины) и принадлежат государству, однако продукция производства составляет собственность отдельных колхозов, так как труд в колхозах, как и семена, — свой собственный, а землей, которая передана колхозам в вечное пользование, колхозы распоряжаются фактически как своей собственностью, несмотря на то, что они не могут её продать, купить, сдать в аренду или заложить»⁴.

Сталин настойчиво обращает внимание на то, что две формы собственности существуют именно потому, что сохраняются «две основные формы производства», «два производственных сектора» в обществе, строящем социализм.

Не пройдёт и года, как сервильная экономическая пропаганда введёт иной подход к экономике советского социализма, который

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 16. С. 163.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 164.

сохранится вплоть до 1991 года. В основу осуществленной корректировки было заложено упрощение содержания социалистического строительства, так как из характеристики советского социализма были исключены существенные экономические различия между двумя основными формами производства, между двумя секторами социалистического производства, различающимися прежде всего уровнем обобществления производства. Проблема была сведена к *двум формам социалистической собственности*. Смысл замены прост: у этих форм — де общее содержание. Но если так, то у него (содержания) можно без особых проблем менять формы. Например, преобразовывать колхозы в совхозы.

Но это случится после смерти И.В. Сталина. А 3 октября 1952 года мир читал в «Правде»:

«Конечно, когда вместо двух основных *производственных секторов* (выделено мной. — *В.Т.*), — государственного и колхозного —, появится один всеобъемлющий производственный сектор с правом распоряжения всей потребительской продукцией страны, товарное обращение с его “денежным хозяйством” исчезнет, как ненужный элемент народного хозяйства. Но пока этого нет, пока остаются два основных производственных сектора, товарное производство и товарное обращение должны остаться в силе, как необходимый и весьма полезный элемент в системе нашего народного хозяйства»¹.

Такими образом, Сталин увязывал сохранение товарных отношений при социализме с существованием двух основных форм производства, двух производственных секторов, которым присуще различное экономическое содержание, а не только формы собственности.

Используемые И.В. Сталиным понятия «две основных формы социалистического производства», «два основных производственных сектора» служили для автора «Экономических проблем...» реальным основанием для выделения двух классов социалистического общества: рабочего класса и крестьянства. При этом крестьянство рассматривается как носитель мелкотоварного уклада, подчёркивалось, что двор колхозников, наряду с колхозом (сельскохозяйственной артелью), имеет товарный характер. Исходя из этого, Сталин писал: «Следовало бы, кроме того, поподробнее сказать, что каждый колхозник имеет в личной собственности от одной до столько-то коров, смотря по местным условиям, столько-то овец, коз, свиней

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 164.

(тоже от — до, смотря по местным условиям) и неограниченное количество домашней птицы (уток, гусей, кур, индюшек).

Эти подробности имеют большое значение для наших зарубежных товарищей, которые хотят знать точно, что же, собственно, осталось у колхозного двора в его личной собственности, после того как осуществлена у нас коллективизация сельского хозяйства»¹.

Наконец, важно отметить серьёзное предостережение, высказанное Сталиным, против продажи колхозам сельскохозяйственной техники. Примечательна логика этого предостережения. В опубликованной «Правдой» 4 октября 1953 года второй части «Экономических проблем социализма в СССР» был специальный параграф «Вопрос о мерах повышения колхозной собственности до уровня общенародной собственности». Сталин разбирал два альтернативных варианта «преодоления» колхозной собственности.

Во-первых, он указывал, что «некоторые товарищи думают, что необходимо просто национализировать колхозную собственность, объявив её общенародной собственностью, по примеру того, как это было сделано в своё время с капиталистической собственностью. Это предложение совершенно неправильно и безусловно неприемлемо. Колхозная собственность есть социалистическая собственность, и мы никак не можем обращаться с ней, как с капиталистической собственностью. Из того, что колхозная собственность является не общенародной собственностью, ни в коем случае не следует, что колхозная собственность не является социалистической собственностью»².

Во-вторых, он даёт оценку предложению товарищей А.В. Саниной и В.Г. Венжера «поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности» путём передачи в собственность колхозам основных орудий производства, сосредоточенных в машинно-тракторных станциях. Эти учёные предлагали таким способом разгрузить государство от капитальных вложений в сельское хозяйство и добиться того, чтобы сами колхозы несли на себе ответственность за поддержание и развитие машинно-тракторных станций. Подобную инициативу Сталин оценивал с разных сторон. Во-первых, он отметил, что колхозы «не в состоянии принять на себя миллиардные расходы, которые окупятся лишь через 6 — 8 лет. Эти расходы может взять на себя только государство, ибо оно и только оно в состоянии

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 183—184.

² Там же. С. 218.

принять на себя убытки от вывода из строя старых машин и замены их новыми»¹.

От конкретно-экономического анализа Сталин переходит к политэкономическому осмыслению проблемы, для чего предлагает «допустить на минутку», что предложение Саниной и Венжера принято. Автор «Экономических проблем...» указывает:

«Из этого получилось бы, во-первых, что колхозы стали бы собственниками основных орудий производства, то есть они попали бы в исключительное положение, какого не имеет в нашей стране ни одно предприятие, ибо, как известно, даже национализированные предприятия не являются у нас собственниками орудий производства. Чем можно обосновать это исключительное положение колхозов, какими соображениями прогресса, продвижения вперёд? Можно ли сказать, что такое положение способствовало бы повышению колхозной собственности до уровня общенародной собственности, что оно ускорило бы переход нашего общества от социализма к коммунизму? Не вернее ли будет сказать, что такое положение могло бы лишь отдалить колхозную собственность от общенародной собственности и привело бы не к приближению к коммунизму, а наоборот, к удалению от него?»²

Не менее важен и второй аргумент, который Сталин выдвигает против продажи орудий сельскохозяйственного производства колхозам. Он пишет:

«Из этого получилось бы, во-вторых, расширение сферы действия товарного обращения, ибо колоссальное количество орудий сельскохозяйственного производства попало бы в орбиту товарного обращения. Как думают товарищи Санина и Венжер, может ли способствовать расширение сферы товарного обращения нашему продвижению к коммунизму? Не вернее ли будет сказать, что оно может лишь затормозить наше продвижение к коммунизму?»³

И далее делается принципиальный вывод: «Основная ошибка товарищей Саниной и Венжера состоит в том, что *они не понимают роли и значения товарного обращения при социализме, не понимают, что товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму*»⁴. (Выделено мной. — В. Т.).

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 220.

² Там же. С. 221.

³ Там же.

⁴ Там же.

Впрочем, этот упрёк можно с полным основанием переадресовать Н.С. Хрущёву, который не понял, что *«товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму»*.

Противопоставляя социализм капитализму

Противопоставление альтернативных социально-экономических систем совсем не означает, что у них нет никаких общих признаков, общих законов. Скорее наоборот: их диалектика такова, что реально их можно противопоставить друг другу только после того, как мы установим их определённое тождество. В «Экономических проблемах социализма в СССР» их автор таким относительным тождеством капитализма и социализма назвал закон стоимости. Он указал на то, что «сфера действия закона стоимости распространяется у нас прежде всего на товарное обращение, на обмен товаров через куплю-продажу, на обмен главным образом товаров личного потребления. Здесь, в этой области, закон стоимости сохраняет за собой, конечно, в известных пределах роль регулятора»¹.

Впрочем, Сталин тут же уточняет, что действия закона стоимости не ограничивается сферой товарного обращения, но они распространяются ещё и на производство. Он поясняет: «Потребительские продукты, необходимые для покрытия затрат рабочей силы в процессе производства, производятся у нас и реализуются как товары, подлежащие действию закона стоимости. Здесь именно и открывается воздействие закона стоимости на производство. В связи с этим на наших предприятиях имеют актуальное значение такие вопросы, как вопрос о хозяйственном расчёте и рентабельности, вопрос о себестоимости, вопрос о ценах и т. п. Поэтому наши предприятия не могут обойтись и не должны обходиться без учёта закона стоимости»².

Установив действие закона стоимости при капитализме и социализме как своего рода тождество, Сталин совершенно естественно указывает затем на их принципиальные различия. И они проявляются в действии того же закона стоимости: «Отсутствие частной собственности на средства производства и обобществление средств производства как в городе, так и в деревне не могут не ограничи-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 166.

² Там же. С. 166–167.

вать сферу действия закона стоимости и степень его воздействия на производство»¹.

Отсюда Сталин выводит одно из коренных отличий социализма от капитализма:

«Этим, собственно, и объясняется тот “поразительный” факт, что, несмотря на непрерывный и бурный рост нашего социалистического производства, закон стоимости не ведёт у нас к кризисам перепроизводства, тогда как тот же закон стоимости, имеющий широкую сферу действия при капитализме, несмотря на низкие темпы роста производства в капиталистических странах, — ведёт к периодическим кризисам перепроизводства»².

Трудно не признать эту цепь умозаключений теоретическим достижением автора «Экономических проблем...»

С действием закона стоимости Сталин увязывает и принцип рентабельности. Причём даёт ему нестандартное объяснение:

«Если взять рентабельность не с точки зрения отдельных предприятий или отраслей производства и не в разрезе одного года, а с точки зрения всего народного хозяйства и в разрезе, скажем, 10—15 лет, что было бы единственно правильным подходом к вопросу, то временная и непрочная рентабельность отдельных предприятий или отраслей производства не может идти ни в какое сравнение с той высшей формой прочной и постоянной рентабельности, которую дают нам действия закона планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства, избавляя нас от периодических экономических кризисов, разрушающих народное хозяйство и наносящих обществу колоссальный материальный ущерб, и обеспечивая нам непрерывный рост народного хозяйства с его высокими темпами»³.

Но эта новаторская оценка рентабельности присуща только социалистической экономике, при господстве частной собственности её применить невозможно.

А далее мы вновь выходим на вопросы, которые были рассмотрены в последней редакции проекта Программы ВКП(б) 1947 года. В том документе ставилась задача уничтожения противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. В «Экономических проблемах социализма

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 168.

² Там же.

³ Там же. С. 170.

в СССР» Сталин отмечает, что «проблема уничтожения противоположности между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством представляет известную проблему, давно уже поставленную Марксом и Энгельсом. Экономической основой этой противоположности является эксплуатация деревни городом, экспроприация крестьянства и разорение большинства деревенского населения всем ходом развития промышленности, торговли, кредитной системы при капитализме. Поэтому противоположность между городом и деревней при капитализме нужно рассматривать как противоположность интересов. На этой почве возникло враждебное отношение деревни к городу и вообще к “городским людям”»¹.

Ликвидация капитализма и укрепление социалистического строя в СССР привели к исчезновению и противоположности интересов между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. И тут Сталин ставит вопрос глубже: *о необходимости преодоления существенных различий между ними*. Одновременно он отмечает, что было бы некорректно ставить вопрос о ликвидации всяких различий между ними².

Если говорить о разработке формулировок основных законов капитализма и социализма, то они, на наш взгляд, тоже имеют отношение к «последней редакции проекта Программы ВКП(б)» 1947 года и прежних формулировок, касающихся построения социализма в СССР.

Сталин в «Экономических проблемах социализма в СССР» обратил внимание на то, что участники экономической дискуссии 1951 года не раз выходили на проблему определения основного экономического закона капитализма. И хотя эта задача в ходе дискуссии не была решена, тем не менее, замечает Иосиф Виссарионович, никто из участников дискуссии не отрицал существования ни основного закона капитализма, ни основного закона социализма. Автор вышедшей в канун XIX партсъезда работы вполне обоснованно отвергает предлагавшиеся рядом учёных в качестве основного закона капитализма закон стоимости или закон конкуренции и анархии производства: их нельзя признать основным законом капитализма, так как они действуют и за пределами этой общественно-экономической формации. Закон средней нормы прибыли можно было бы

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 171.

² Там же. С. 171–172.

рассматривать в качестве основного закона домонополистического капитализма, но он не учитывает особенности монополистического капитализма.

Проанализировав выдвигавшиеся в ходе экономической дискуссии варианты, Сталин приходит к выводу, что «монополистический капитализм требует не всякой прибыли, а именно максимальной прибыли»¹. После этого он предлагает свой вариант решения важной теоретической проблемы:

«Главные черты и требования основного экономического закона современного капитализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимальной капиталистической прибыли путём эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путём закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путём войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей»².

Существенное значение имеет высказанное Сталиным дополнение к его толкованию основного закона капитализма:

«Значение основного экономического закона капитализма состоит между прочим в том, что он, определяя все важнейшие явления в области развития капиталистического способа производства, его подъёмы и кризисы, его победы и поражения, его достоинства и недостатки, — весь процесс его противоречивого развития, — даёт возможность понять и объяснить их»³.

Впрочем, Сталин столкнулся с тем, что возможность понять и объяснить процесс противоречивого развития капитализма смогли реализовать далеко не все его соратники. В.М. Молотов в беседах с писателем Ф.И. Чуевым вспоминал: «Экономические проблемы социализма в СССР» обсуждали у Сталина на даче. «Какие у вас есть вопросы, товарищи? Вот вы прочитали. — он собрал нас, членов Политбюро, по крайней мере, основных человек шесть—семь. — Как вы оцениваете, какие у вас замечания?» Что-то пикнули мы... Кое-что я заметил, но так, второстепенные вещи. Вот я сейчас должен признаться: недооценили мы эту работу. Надо было глубже. А никто ещё не разобрался. В этом беда: теоретически мало люди разбирались».

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 181.

² Там же.

³ Там же.

А дальше Молотов добавляет: «Чем больше я знакомлюсь с «Экономическими проблемами», тем больше нахожу недостатков»¹.

Серьёзные критические замечания Молотов высказал Чуеву в отношении рассматриваемого нами закона:

«Основной закон капитализма — обеспечение максимальной прибыли путём того-то и того-то. Но как же может представить марксист основной экономической закон капитализма без гибели капитализма? Ведь Маркс всё направляет на это, он так анализирует развитие капитализма, что последний неизбежно придёт к гибели. У него суть в этом. Весь «Капитал» построен на том, что вот так развивается капитализм, но он в силу внутренних своих законов обязательно придёт к гибели и к переходу в социалистическое общество. Как же можно о капитализме говорить, о его основном законе, без его перспективной гибели? Конечно, нельзя. Вот в этом недостаток основного закона капитализма у Сталина»².

Замечание Молотова безусловно представляет интерес. Он не обнаруживает недостатков в сталинской характеристике функционирования капитализма, а это уже высокая оценка предложенной Сталиным формулировки. Методологически упрёк Молотова справедлив, но политически... Дело даже не в том, что Вячеслав Михайлович оценивает сталинскую формулировку в 1975 году, в пору успешного социалистического строительства, когда уверенность в нарастании общего кризиса капитализма преобладала в сознании советских людей. Важнее учитывать другое: Сталин даёт характеристику капитализму в пору острого противостояния двух альтернативных систем, когда в повестке дня достижение их паритета. Поэтому он ориентирует партию и общество на соревнование с капитализмом, в результате победы социализма в котором капитализм только и может уйти со сцены.

Что касается основного закона социализма, то при его формулировании Сталин счёл достаточным применить альтернативный подход и тем самым противопоставить этот закон основному закону капитализма. Но можно ли ограничиться таким методологическим приёмом? Достаточно ли противопоставить первую фазу коммунистической формации всей капиталистической формации, чтобы установить их принципиальные отличия? На эти вопросы в «Экономических проблемах...» мы ответа не находим. Правда, критикуя

¹ Чуев Феликс. Молотов. Полудержавный властелин. С. 354.

² Там же. С. 355.

Ярошенко за отрицание производственных отношений, автор «Экономических проблем...» писал, что «каждая формация, в том числе и социалистическое общество (выделено мной. — В.Т.), имеет свой экономический базис, состоящий из совокупности производственных отношений людей»¹. Но этот тезис не получает никакого развития, а в целом в работе социализм рассматривается как первая фаза коммунистической формации.

Но при этом Сталин предлагает формулировку основного экономического закона социализма:

«Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники.

Следовательно: вместо обеспечения максимальных прибылей, — обеспечение максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей общества; вместо развития производства с перерывами от подъёма к кризису и от кризиса к подъёму, — непрерывный рост производства; вместо периодических перерывов в развитии техники, сопровождающихся разрушением производительных сил общества, — непрерывное совершенствование производства на базе высшей техники»².

Неудивительно, что Молотов, будучи методологически последовательным, высказывает критические замечания и в адрес сталинской формулировки основного закона социализма: «Всё за технику, а что укреплять строй — это у Сталина упущено»³.

Нам хотелось бы обратить внимание на другой аспект сформулированного Сталиным основного закона социализма. По сравнению с его известными утверждениями 1930-х годов о построении социализма в СССР здесь заметно корректируются критерии социализма.

Дело в том, что все заявления о построении социализма, звучавшие с разных трибун в 1930-е годы, опирались на бесспорный факт ликвидации в СССР эксплуататорских классов и всякой эксплуатации человека человеком. Эта логика сохранена даже в докладе

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 201.

² Там же. С. 182.

³ Чуев Феликс. Молотов. Полудержавный властелин. С. 356.

Л.М. Кагановича о проекте Программы ВКП(б) на XIX партсъезде. Он говорил:

«За годы, отделяющие нас от VIII съезда партии, наша страна превратилась из отсталой аграрной в могучую индустриально-колхозную социалистическую державу. Ликвидирована существовавшая многоукладность хозяйства, безраздельно господствует социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность в двух её формах — общенародной и колхозной. Страна наша стала неузнаваемой. Под руководством товарища Сталина в нашей стране построен социализм»¹.

Как видим, в критериях построения социализма и в 1930-е годы, и в докладе Кагановича на XIX партсъезде полностью отсутствовали показатели жизненного уровня, которого общество должно достигнуть с построением социализма. Сформулированный в «Экономических проблемах социализма в СССР» основной закон социализма этот пробел восполнял. Сталин здесь явно использовал наработки последней редакции проекта Программы ВКП(б) 1947 года.

Во-первых, в разделе «Итоги достижений советского общества» названного документа записано: «Советский строй обеспечил неуклонный подъём материального благосостояния миллионных масс города и деревни. Ликвидация безработицы и нищеты в городе и деревне; непрерывный рост численности рабочих и служащих; ежегодное нарастание народного дохода; систематическое увеличение среднегодовой заработной платы; заселение всего жилого фонда бывших эксплуататорских классов трудящимися и широкое новое жилищное строительство; увеличение на базе растущего общественного хозяйства денежных и натуральных доходов колхозов и колхозников; быстрый рост товарооборота; развитие советского здравоохранения — всё это привело к коренному улучшению жизненного уровня трудящихся». (РГАСПИ, Ф. 629. Оп. 1 Д. 128. Л. 30).

Если же мы обратимся к заключительному разделу последней редакции проекта Программы ВКП(б), посвящённому «основным задачам ВКП(б) по строительству коммунистического общества», то обнаружим, что в нём содержится подраздел «В области культуры и быта трудящихся», включающий 14 пунктов, посвящённых задачам повышения материального и культурного уровня советских людей. (См.: РГАСПИ, Ф. 629. Оп. 1 Д. 128. Л. 41 — 43).

¹ Девятнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Бюллетень № 14. С. 4.

Сталинская формулировка основного закона социализма, изложенная в «Экономических проблемах социализма в СССР», фактически является осмыслением и обобщением задач по росту народного благосостояния, которые были поставлены в 1947 году в последней редакции проекта Программы ВКП(б).

Диалектика развития государства

В своей последней теоретической работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин вновь вернулся к вопросу о роли государства в социалистическом строительстве. В ней, он, сформулировав основной экономический закон социализма, утверждал, что объективным законам общества подчиняется и деятельность государства. Только при их учёте может быть реализован в государственном планировании закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Таким заявлением Сталин стремился ещё раз подтвердить справедливость сделанного на XVIII съезде ВКП(б) вывода о возрастании роли государства в строительстве социализма.

Дискутируя с экономистом Ярошенко, Сталин обратил внимание на роль государства в разрешении основного противоречия общества, обеспечивающего исторический прогресс. Без его понимания невозможен процесс строительства социализма, как невозможно и постановка вопроса о практическом переходе ко второй стадии коммунистической формации. Он писал:

«Но было бы неправильно... думать, что не существует никаких противоречий между нашими производительными силами и производственными отношениями. Противоречия безусловно есть и будут, поскольку развитие производственных отношений отстаёт и будет отставать от развития производительных сил. При правильной политике руководящих органов (государства. — *В.Т.*) эти противоречия не могут превращаться в противоположность, и дело здесь не может дойти до конфликта между производственными отношениями и производительными силами общества. Другое дело, если мы будем проводить неправильную политику, вроде той, которую рекомендует товарищ Ярошенко. В этом случае конфликт будет неизбежен, и наши производственные отношения могут превратиться в серьёзнейший тормоз развития производительных сил.

Поэтому задача руководящих органов состоит в том, чтобы своевременно подметить нарастающие противоречия и вовремя при-

нять меры к их преодолению путём приспособления производственных отношений к росту производительных сил. Это касается прежде всего таких экономических явлений, как групповая — колхозная собственность... Но было бы непростительной слепотой не видеть, что эти явления вместе с тем уже теперь начинают тормозить мощное развитие наших производительных сил, поскольку они создают препятствия для полного охвата всего народного хозяйства, особенно сельского хозяйства, государственным планированием»¹.

Инструментом влияния на производственные отношения, как известно, является экономическая политика, которую в масштабах страны разрабатывает и претворяет в жизнь прежде всего государство. Политика социалистического государства определяется правящей Коммунистической партией. Но при этом необходимо помнить, что сколь бы ни была велика роль Компартии, властными инструментами располагает не она, а государство. Таким образом, по мере углубления и расширения социалистического строительства на первое место всё очевиднее выходит организационно-хозяйственная, экономическая функция государства.

Более того, на этапе строительства социализма только государство способно обеспечить развитие производства в интересах отдельных производственных коллективов, а общества в целом.

В то же время Сталин решительно против абсолютизации роли государства. Он резко возражает против точки зрения Ярошенко, будто “главная проблема” и общества, и изучающей его политической экономии социализма «*в том, чтобы разрабатывать и развивать научную теорию организации производительных сил в общественном производстве, теорию планирования развития народного хозяйства*” (см. речь т. Ярошенко на Пленуме дискуссии)². Иначе говоря, Ярошенко сводит и практическую, и теоретическую стороны развития экономики только к тем функциям, которые реализуются в деятельности государства.

Между тем ещё в речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 года И.В. Сталин чётко различал государственное и общественное устройство Советского Союза. Говоря об общественном устройстве, он подчёркивал ведущее значение Коммунистической партии, которая надёжно опиралась на рабочий класс, колхозное крестьянство

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 203–204.

² Там же. С. 197.

и трудовую интеллигенцию, которая выполняла руководящую роль по отношению к общественным организациям страны. В то же время ещё в довоенные годы, характеризуя общественное устройство СССР, Сталин указывал на важную роль не только Коммунистической партии, но одновременно отмечал существенную роль профсоюзов, кооперации, комсомола в политической жизни советского общества. С годами круг общественных самодеятельных организаций в СССР постоянно расширялся и возрастал.

В речи 9 февраля 1946 года Иосиф Виссарионович обратил внимание на другую сторону советского общественного строя: «В избирательной кампании Коммунистическая партия выступает не одна. Она идёт на выборы в блоке с беспартийными. В былые годы коммунисты относились к беспартийным и беспартийности с некоторым недоверием. Объясняется это тем, что флагом беспартийности нередко прикрывались различные буржуазные группы, которым невыгодно было выступать перед избирателями без маски. Так было в прошлом. Но теперь у нас другие времена. Беспартийных теперь отделяет от буржуазии барьер, называемый советским общественным строем»¹.

Развитие советского общественного строя создавало предпосылки для передачи ряда государственных функций общественным организациям. Так, в послевоенные годы система социального страхования всё более переходила от государства к профсоюзам. Опыт возглавлявшейся в 20-е годы Сталиным рабоче-крестьянской инспекции трансформировался в 1960-е годы в партийно-государственный контроль, который затем перерос в систему народного контроля.

Диалектик Сталин не противопоставлял укрепление роли государства в социалистическом строительстве отмиранию государства. «Засыпание» государства обязательно произойдёт, но случится это только тогда, когда этот социальный институт исчерпает свои возможности. Так Сталин практически применял марксистско-ленинскую материалистическую диалектику.

* * *

Сталин осмысливал и обобщал проблемы реального процесса социалистического созидания. И то, что в этом процессе было *закономерным*, должно будет повториться и тогда, когда мы вернёмся к социалистическому строительству после преодоления капитали-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 16.

стической реставрации. Следовательно, нам нужно глубокое знание уже однажды одолённого пути. Сталин этой стороне знания уделял огромное внимание.

Он, как известно, в начале 1950-х годов был инициатором создания марксистского учебника политической экономии: «Учебник нужен не только для нашей советской молодёжи. Он особенно нужен для коммунистов всех стран и для людей, сочувствующих коммунистам. Наши зарубежные товарищи хотят знать, каким образом мы вырвались из капиталистической неволи, каким образом мы преобразовали экономику страны в духе социализма, как мы добились дружбы с крестьянством, как мы добились того, что наша недавно нищая и слабая страна превратилась в страну богатую, могущественную, что из себя представляют колхозы, почему мы, несмотря на обобществление производства, не уничтожаем товарного производства, денег, торговли и т.д. Они хотят знать всё это и многое другое не для простого любопытства, а для того, чтобы учиться у нас и использовать наш опыт для своей страны»¹.

Увы, мы профукали социалистические завоевания наших предшественников. Теперь не только зарубежным товарищам, но и нам предстоит осваивать опыт созидания советского социализма.

ОЧЕРК ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ И.В. СТАЛИНА

Сразу уточним: имеется в виду последняя публичная речь. А это было выступление Иосифа Виссарионовича 14 октября 1952 года на последнем, шестнадцатом заседании XIX съезда партии. Уже были приняты все резолюции, оглашён состав избранных съездом Центрального Комитета и Центральной ревизионной комиссии КПСС, выслушаны последние приветствия зарубежных гостей. Из всех сталинских выступлений эта речь советского руководителя вспоминается в наши дни, вероятно, чаще всего.

Тут, однако, обращает на себя внимание одна особенность. Обычно цитируется только одно положение из короткой, но очень плотной, ёмкой, насыщенной речи, обращённой прежде всего к представителям братских коммунистических партий, которые дей-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 185–186.

ствуют в капиталистических странах. Прочитируем и мы тот тезис, на который обращает внимание типичный нынешний приверженец и толкователь сталинских трудов:

«Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа... Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Я думаю, что это знамя придётся поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперёд, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше некому его поднять.

Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их “превыше всего”. Теперь не осталось и следа от “национального принципа”. Теперь буржуазия продаёт права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придётся поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперёд, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его больше некому поднять»¹.

Всё, что за пределами этой цитаты, как-то не вспоминается, более того – не замечается. Наоборот, приведённое положение подаётся как самостоятельное, единственно в наши дни актуальное, как квинтэссенция последней публичной речи вождя, как прямо-таки его завещание на долгие времена.

Но если толковать эту речь так, то Сталин оказывается в очередной раз оклеветанным... его поклонниками, которые вроде бы и не помышляют отречься от Иосифа Виссарионовича. Прочитайте ещё раз фразу. Получается, что революционер Сталин призывает международное коммунистическое движение поднять знамя буржуазной демократии, буржуазной государственности и буржуазного национализма. Разве это не коренное извращение неизменного большевизма Сталина?! А быстрые разумом политические невтоны-антисталинисты уже готовы подхватить упавший им в руки тезис и развить дальше: так ведь Сталин-то на том съезде от большевизма отказался, партия, даже в скобках, перестала именоваться большевистской...

В общем, выдернутая из контекста произнесённая Сталиным яркая фраза превращается по своей сути в антисталинскую, как бы

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 229.

перечёркивая всю реальную сталинскую политическую жизнь. Но Сталин в своей последней речи от себя ни на йоту не отрекался. Да и предположение, будто она была завещанием состарившегося вождя, тоже вызывает сомнения.

Тогда чем же обусловлен выбор темы выступления Сталина на XIX съезде ВКП(б)—КПСС (мы используем здесь двойное название партии потому, что съезд созывался и проходил с 5 по 13 октября 1952 года включительно как съезд ВКП(б) и только на вечернем заседании 13 октября, ближе к полуночи, было проголосовано решение о новом названии партии)? Ответ прост: особенностью съезда, о которой теперь редко когда вспоминают, его внутренней логикой.

Между тем XIX съезд советских коммунистов от всех предыдущих имел одно существенное «организационное» отличие: на нём впервые присутствовали делегации братских марксистско-ленинских партий. Всем руководителям 44 делегаций было предоставлено слово для выступлений (кстати, их анализ мог бы представлять самостоятельный интерес). Это была впервые опробованная форма деловых встреч партий, образующих международное коммунистическое движение, после роспуска Коммунистического Интернационала.

Традиция такого общения прижилась и сохраняется до сих пор. Вспомним: делегации братских партий приглашались на XX, XXII — XXVII съезды КПСС, и каждый из них был местом общения и обмена мнениями. Эта традиция была сохранена и после того, как КПСС в 1991 году сошла с исторической сцены: на очередных IV, VII, XIII, XV съездах КПРФ присутствовали представители зарубежных коммунистических и рабочих партий. А после съездов проходили их международные информационные встречи, на которых шёл деловой обмен мнениями, хотя и не принималось никаких заключительных документов. Более того, функция общения делегаций братских партий была одной из главных причин их приглашения на наши партийные съезды. И если на очередной XVII съезд КПРФ, проходивший в мае 2017 года, зарубежные гости не приглашались, то как раз потому, что в связи со 100-летием Великой Октябрьской социалистической революции на ноябрь 2017 года была запланирована в Санкт-Петербурге—Ленинграде очередная XIX Международная встреча коммунистических и рабочих партий¹.

¹ См.: Трушков В.В. Октябрьское знамя коммунистов планеты. Научно-аналитический обзор международного коммунистического движения (по материалам XIX Международной встречи коммунистических и рабочих партий). М. 2018.

Закладка новой традиции в 1952 году была исторической необходимостью. Приверженцам марксизма-ленинизма международное коммунистическое движение никогда не представлялось некоей механической суммой партий, они всегда рассматривали его как живой целостный организм, составные части которого обладают самостоятельностью, но не автономностью. Ко времени XIX съезда ВКП(б)–КПСС уже 5 лет работало Информационное бюро коммунистических и рабочих партий, но в него входили только 8 правящих партий стран, строивших социализм, во главе с СССР (в 1947–1948 годах входила также Компартия Югославии), а также Итальянская и Французская коммунистические партии. Это было, во-первых, сообщество европейских компартий, во-вторых, партий, нацеленных на формирование мировой социалистической системы. Но требовалась ещё если не координация действий, то как минимум взаимное информирование о положении дел в коммунистических партиях в международном масштабе. Требовалось время от времени сверять часы. Между тем такая потребность у разных партий существовала не в одинаковой степени, что определялось различиями обстановки в странах, где они работали, и, следовательно, неодинаковыми задачами, которые они решали. Значит, сказать о насущной необходимости систематического общения и сотрудничества должен был человек, который обладал в коммунистическом движении безусловным авторитетом, — И.В. Сталин.

Тема совместной классовой борьбы была главной в последней речи Сталина. Своё слово он начал с естественной благодарности гостей-единомышленников за «приветственные обращения, за дружеские приветствия, за пожелание успехов, за доверие»¹. Но к этому выражению благодарности он подошёл как диалектик. Конечно, он подчеркнул: «Было бы ошибочно думать, что наша партия, ставшая могущественной, не нуждается больше в поддержке. Это неверно. Наша партия и наша страна всегда нуждались и будут нуждаться в доверии, в сочувствии и поддержке братских народов за рубежом»².

Но тут же он указал: «Особенность этой поддержки состоит в том, что всякая поддержка миролюбивых стремлений нашей партии со стороны любой братской партии означает вместе с тем поддержку своего собственного народа в его борьбе за сохранение мира»³.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 227.

² Там же.

³ Там же.

В подтверждение такой связи он вспомнил про английских рабочих, которые в 1918–1919 годах организовывали борьбу под лозунгом «Руки прочь от России!»: это была поддержка борьбы своего народа против войны, а потом и поддержка Советской власти в России. Сталин привёл и пример из начала 1950-х годов: «Когда товарищ Торез или товарищ Тольятти заявляют, что их народы не будут воевать против народов Советского Союза, то это есть поддержка, прежде всего поддержка рабочих и крестьян Франции и Италии, борющихся за мир, а потом и поддержка миролюбивых стремлений Советского Союза»¹.

И далее он сформулировал первый вывод: «Эта особенность взаимной поддержки объясняется тем, что интересы нашей партии не только не противоречат, а, наоборот, сливаются с интересами миролюбивых народов»².

Второй сталинский вывод был о том, что авангардом международной борьбы за мир и классовые интересы трудящихся являются коммунистические партии стран, строящих социализм, во главе с КПСС и советским народом. В речи на XIX съезде он сказал:

«После взятия нашей партией власти в 1917 году и после того, как партия приняла реальные меры по ликвидации капиталистического и помещичьего гнёта, представители братских партий, восхищаясь отвагой и успехами нашей партии, присвоили ей звание «Ударной бригады» мирового революционного и рабочего движения. Этим они выражали надежду, что успехи «Ударной бригады» облегчат положение народам, томящимся под гнётом капитализма. Я думаю, что наша партия оправдала эти надежды, особенно в период второй мировой войны, когда Советский Союз, разгромив немецкую и японскую фашистские тирании, избавил народы Европы и Азии от угрозы фашистского рабства.

Конечно, очень трудно было выполнять эту почётную роль, пока «Ударная бригада» была одна-единственная и пока ей приходилось выполнять эту передовую роль почти в одиночестве. Но это было. Теперь – совсем иное дело. Тогда, когда от Китая и Кореи до Чехословакии и Венгрии появились новые «ударные бригады» в лице народно-демократических стран, теперь нашей партии легче стало бороться, да и работа пошла веселее»³.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 227.

² Там же.

³ Там же. С. 228.

Третий сталинский вывод, заложенный в речи на XIX партсъезде, состоит в том, что «особого внимания заслуживают те коммунистические, демократические или рабоче-крестьянские партии, которые ещё не пришли к власти и которые продолжают работать под пятой буржуазных драконовских законов. Им, конечно, труднее работать»¹.

И Сталин достаточно подробно объясняет, почему так. Буржуазия отказалась от либерализма. Эта её характеристика справедлива и сегодня. Да, она по-прежнему талдычит, что частная собственность неприкосновенна, но не желает вспоминать отцов либерализма, которые защищали далеко не всякую частную собственность. Да, в соответствии с теорией трудовой собственности первого либерала Дж. Локка, она неприкосновенна, но только потому, что создана непосредственно личным трудом её владельца. Впрочем, нынешние буржуа сами признают, что они ориентируются отнюдь не на либерализм, а на его вороватую интерпретацию, названную неолиберализмом.

Сталин также обратил внимание на то, что в эпоху послевоенного империализма начался процесс формирования транснациональных капиталистических отношений. Нет, прогнозов о появлении ТНК и тем более о глобализации он не высказывал. Но обнаружил, что интересы капиталистических союзов вступают в противоречие с нациями и буржуазным принципом существования национальных государств, хотя исторически ни нации, ни национальные государства себя ещё не исчерпали. Они ещё жизненны, но уже противоречат интересам империалистической буржуазии, стремящейся закрепить экономический раздел мира окончательным разделом рынков, превратив их в зоны влияния. Значит, на определённых стадиях капиталистического развития знамя национального суверенитета придётся брать в руки коммунистическим партиям, безусловно сохраняя при этом верность пролетарскому интернационализму.

Особого внимания заслуживает четвёртый сталинский вывод, изложенный в его речи на XIX съезде ВКП(б)–КПСС. Он связан с применением на практике ленинской идеи о смене «мирных» и немирных стадий (полос, периодов) в развитии капитализма.

Капиталистическая конкуренция, мотором которой является погоня за прибылью, приводит к постоянно меняющемуся соотношению сил не только между компаниями, но и государствами,

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 228.

в которых владельцы этих компаний являются резидентами (плательщиками налогов) и, значит, требуют от государств, чтобы они защищали их интересы. Пиком, который завершает такой этап мировой империалистической конкуренции, является передел мира. Он, естественно, не может быть мирным. В.И. Ленин в качестве примера указывал на первую мировую войну. С точки зрения экономических процессов таким же пиком передела мира была вторая мировая война.

Завершение войны фиксирует, закрепляет новое соотношение сил участвующих в ней империалистов. После этого акулы капитала приступают к освоению добычи. Для этого им нужен относительный мир. Потому наступает «мирная» полоса, мирный цикл в развитии капитализма.

Капитал доволен. Он перестраивается, привлекая к этому процессу частично и наёмный труд. Подъём капиталистической экономики победителей, получившей подкормку в виде захваченных трофеев, даёт возможность наёмным, эксплуатируемым работникам вести относительно успешную борьбу за повышение цены своей рабочей силы. Классовая борьба продолжается, но революционной ситуации до наступления нового обострения общественных противоречий не предвидится. Исторический опыт после поражения Парижской Коммуны убедил большевиков, что в такую пору в борьбе за интересы трудящихся доминируют механизмы буржуазной демократии. Такое положение сохраняется до нового *системного* кризиса капитализма, когда в повестку дня встанет вопрос о новом переделе мира, наступит новая немирная полоса истории капитализма.

После второй мировой войны сложилась небывалая ситуация. С экономической точки зрения империалистические акулы нуждались в относительном мире, чтобы утилизировать захваченную добычу. Но итоги войны не ограничились капиталистическим переделом мира. Они породили ещё и социалистический лагерь, который на глазах перерастал в мировую социалистическую систему. А тут ещё фактор монопольного владения Соединёнными Штатами Америки ядерным оружием. Поэтому «мирная» полоса капитализма сильно пахла порохом. В этой ситуации сохранение мира становилось для коммунистов формой классовой борьбы. Без мира невозможно было формирование мировой социалистической системы. Поэтому ВКП(б)–КПСС стала авангардом борьбы за мир.

На XIX съезде КПСС И.В. Сталин говорил о новой расстановке классовых сил, когда в революционном движении появился целый

отряд «ударных бригад». Но они, чтобы заматереть, заинтересованы в том, чтобы сохранялась мирная полоса развития капитализма, без которой не будет мира во всём мире. Ещё за полтора года до XIX партсъезда Сталин в «Беседе с корреспондентом «Правды» утверждал: «Мир будет сохранён и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца»¹.

А в условиях «мирной» стадии (полосы) развития капитализма, которая может продлиться, пока не созреет новый глобальный передел мира, коммунистическим партиям предстоит поднять знамя буржуазно-демократических свобод, знамя национальной независимости, оставаясь неотъемлемой составной частью «мирового революционного, рабочего движения». Это надо для того, чтобы в борьбе с буржуазией стать «руководящей силой нации», оставаясь партией социалистической революции и помогая созреть революционной ситуации.

Закончил свою речь Сталин почти на эзоповском языке:

«Понятно, что все эти обстоятельства должны облегчить работу коммунистических и демократических партий, не пришедших ещё к власти.

Следовательно, есть все основания рассчитывать на успехи и победу братских партий в странах господства капитала».²

На рубеже 1980–1990-х годов, когда наступила пора передела мира, руководители КПСС сталинские слова не хотели даже слышать. Сегодня мы снова вступаем в стадию империалистического передела мира, так как трофеи, захваченные в ходе реставрации капитализма на просторах СССР и европейских социалистических стран, империалистический молох уже переварил. Неужели снова отмахнёмся от сталинского наказа?

¹ Правда. 17 февраля 1951 года.

² Сталин И.В. Соч. Т. 16. С. 229.

РАЗДЕЛ V

В ПОИСКАХ ГРАНИЦ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ОЧЕРК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА, ОТЛИТАЯ В КОНСТИТУЦИИ

День Сталинской Конституции страна не забывала даже в суровую годину Великой Отечественной войны. Например, 5 декабря 1942 года, когда в пылавшем Сталинграде каждый дом был полем битвы, «Правда» писала: «Сталинская Конституция – это золотая книга всемирно-исторических побед народов СССР. В ней воплощено всё наиболее дорогое и святое для каждого советского человека: государственная независимость, свобода, слава и честь нашей родины, её самой передовой в мире демократии, нерушимая дружба народов, братский союз рабочих, крестьян и интеллигенции, незабываемые права советского гражданина на труд, на образование, на свободную, счастливую и радостную жизнь... Война показала всему миру, – как друзьям, так и недругам нашим, – замечательную жизненность, силу и мощь советского общества. Советский строй, рождённый в огне величайшей в мировой истории революции, созданный гением Ленина и Сталина, увенчал многовековой исторический путь великого русского народа и других народов СССР». На скрижалях Советской Конституции были высечены не просто права и обязанности граждан, а основные ценности людей труда, строивших и защищавших советский социализм. Она даже на государственном гербе утверждала классовое содружество серпа и молота на земном шаре. Она в качестве государственного флага взметнула красное полотнище с серпом и молотом, которым светила красная пятиконечная звезда. Та Конституция подразумевала, что в качестве гимна товарищество советских людей будет славить «Интернационал».

Маркс в Сталинской Конституции

Основной закон СССР подтверждал истинность великого вывода родоначальника теории научного коммунизма о том, что государство переходного периода от капитализма к социализму может быть только государством диктатуры пролетариата¹. Во второй статье Советской Конституции 1936 года было записано: *«Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата»*.

Да и вся первая глава этого документа (она называлась «Общественное устройство») была пронизана пафосом диктатуры пролетариата. Уже в первой статье констатировалось, что «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян», а четвёртая статья недвусмысленно утверждала: *«Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком»*.

Запомним эти чеканные формулы: им предстоит работать, когда Россия вернётся на магистральный путь развития человечества.

Воистину история — не стрела Невского проспекта. Великую теоретическую формулу Маркса и вторую статью Сталинской Конституции разделяет не только 61 год. Между ними — извивы бурного времени, оставившего свои вехи.

Из 12-часовой хроники существования Учредительного собрания лучше всего запомнились слова начальника караула матроса Анатолия Железнякова, обращённые к его членам: *«Прошу прекратить заседание! Караул устал и хочет спать...»* А до этого...

Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов в начале заседания Учредительного собрания, открывшегося 18 января 1918 года в 4 часа дня, зачитал принятую накануне Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК являлся высшей государственной властью Советской России) *«Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа»*. Власть Советов предлагала сторонникам буржуазного политического устройства проголосовать за диктатуру пролетариата:

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 27.

«Учредительное собрание постановляет:

I.

1) Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим советам.

2) Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик.

II.

Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление сопротивления эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах, Учредительное собрание постановляет далее:

1) В осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется, и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передаётся трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования.

Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мёртвый инвентарь, все поместья и с.-хоз. предприятия объявляются национальным достоянием.

2) Подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем совете народного хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплуататорами, как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, жел. дорог и пр. средств производства и транспорта в собственность Советской рабоче-крестьянской республики.

3) Подтверждается переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала.

4) В целях уничтожения паразитических слоёв общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность.

5) В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров декретируется вооружение трудящихся, об-

разование социалистической красной армии и полное разоружение имущих классов...»¹

На предложение проголосовать за такую Декларацию последовал вполне ожидаемый отказ. Депутаты-большевики (у них было более 25% мандатов) в знак протеста покинули заседание. А спустя несколько часов его объявил закрытым матрос Железняков.

Однако история «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» не закончилась в 4 часа утра 19 января 1918 года. В июле того же года она вошла в качестве неотъемлемой составной части первой в истории России Конституции. Она была принята в последний день работы V Всероссийского съезда Советов. Впервые диктатура пролетариата становилась стержнем Основного Закона советского рабоче-крестьянского государства.

Следующим верстовым столбом в конституционной истории диктатуры пролетариата стал II съезд Советов Союза ССР. Принятая на нём Конституция была тоже по своей форме уникальна. Всесоюзный съезд Советов принял следующее постановление:

«Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик составляют Основной Закон (Конституцию) Союза Советских Социалистических Республик».

В Декларации, принятой ещё 30 декабря 1922 года, а теперь включённой в состав первой Конституции СССР, было записано стержневое положение:

«Только в лагере советов, только в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнёт, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов»².

Итак, Сталинская Конституция, подчёркивая корневую роль диктатуры пролетариата в жизни Советского государства, точно следовала курсу, заложенному ещё «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа». И хотя само корневое понятие в новой Конституции СССР было использовано лишь однажды, мир оценивал тот Основной Закон СССР именно через призму диктатуры пролетариата.

¹ См.: Ленин В.И. Соч. Изд. третье. Т. XXII. Приложение. Документы и материалы. М.; Л. 1929. С. 553.

² Съезды Советов в документах. 1917–1936. Т. 3. 1960. С. 16.

Главный ориентир

Выступая на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года с докладом «О проекте Конституции Союза ССР» председатель Конституционной комиссии И.В. Сталин в качестве одной из важнейших особенностей этого документа отмечал: «В отличие от буржуазных конституций проект новой Конституции СССР исходит из того, что в обществе нет уже больше антагонистических классов, что общество состоит из двух дружественных друг другу классов, из рабочих и крестьян, что у власти стоят эти именно трудящиеся классы, что государственное руководство обществом (диктатура) принадлежит рабочему классу как передовому классу общества, что конституция нужна для того, чтобы закрепить общественные порядки, угодные и выгодные трудящимся»¹.

Примечательно, что не только большевистская партия, не только советский народ, но и буржуазные критики (если не считать тех из них, кто замалчивал сам факт существования проекта нового Основного Закона СССР) рассматривали Советскую Конституцию сквозь призму диктатуры пролетариата. Правда, была группа критиков, утверждавших, что Советская власть представила народу «пустую бумажку», «пустое обещание». Так, официоз германских фашистов «Дойче Дипломатиш-Политише Корреспонденц» утверждал, что СССР не является государством, «представляет не что иное, как точно определяемое географическое понятие» и потому у него «не может быть действительной конституции».

Отвечая подобным господам, Сталин указывал:

«В 1917 году народы СССР свергли буржуазию и установили диктатуру пролетариата, установили Советскую власть. Это факт, а не обещание.

Затем Советская власть ликвидировала класс помещиков и передала крестьянам более 150 миллионов гектаров бывших помещичьих, казённых и монастырских земель, и это — сверх тех земель, которые находились и раньше в руках крестьян. Это факт, а не обещание.

Затем Советская власть экспроприировала класс капиталистов, отобрала у них банки, заводы, железные дороги и прочие орудия и средства производства, объявила их социалистической собствен-

¹ Сталин И.В. Соч. Т 14. С. 129.

ностью и поставила во главе этих предприятий лучших людей рабочего класса. Это факт, а не обещание...»¹

Диктатура пролетариата не только с точки зрения сторонников социализма, но и с позиций его противников составляла стержень Советской власти и её Основного Закона. Более того, она была лакмусовой бумажкой, по которой наши друзья и недруги определяли стабильность и устойчивость советского строя.

Причину такого внимания к диктатуре пролетариата предельно ясно объяснил И.В. Сталин в беседе с первой американской рабочей делегацией, которая состоялась 9 сентября 1927 года: «Пролетариат отобрал у буржуазии не только фабрики и заводы, банки и железные дороги, землю и шахты. Он отобрал ещё у неё право иметь свою политическую организацию, ибо пролетариат не хочет восстановления власти буржуазии»².

Сталинская Конституция вернула *бывшим* капиталистам, помещикам, кулакам и прочим лишенцам главное политическое право — избирать и быть избранными. В докладе 25 ноября 1936 года Сталин объяснил причину изменений в советской политической системе: «Главную основу проекта новой Конституции СССР составляют принципы социализма, его основные устои, уже завоёванные и осуществлённые»³.

Среди этих устоев он называл не только «социалистическую ответственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства», но и «ликвидацию эксплуатации и эксплуататорских классов, ликвидацию нищеты большинства и роскоши меньшинства»⁴. При этом Конституция предусматривала и надёжные барьеры на пути восстановления власти буржуазии. В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», как теперь бы сказали, первом конституционном законе советского государства, было записано: «В целях уничтожения паразитических слоёв общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность». В Основном Законе 1936 года не только впервые в истории предоставлялось гарантированное право на труд, но и было записано: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест». (Статья 12).

¹ Сталин И.В. Соч. Т 14. С. 133.

² Там же. Т. 10. С. 111.

³ Там же. Т. 14. С. 128.

⁴ Там же. С. 128.

В нынешней Конституции РФ подобной статьи нет, и это тоже лакмусовая бумажка социального строя, так как экономической основой освобождения трудоспособного гражданина от труда может быть только эксплуатация человека человеком.

Единственная альтернатива всевластию буржуазии

В канун первой годовщины Советской власти в «Правде» вышла статья Сталина «Логика вещей». В ней он без обиняков писал: «Большевики считали, что в обстановке империалистической войны в Европе и победоносной пролетарской революции в России мыслимы лишь две власти: диктатура пролетариата, принявшая форму Республики Советов, или диктатура буржуазии...» И добавлял, что всякая попытка найти нечто среднее между ними «неминуемо ведёт к возврату к старому, к реакции, к ликвидации октябрьских завоеваний»¹. А считали большевики так потому, что руководствовались марксистско-ленинской теорией, — в частности, «Критикой Готской программы» К. Маркса или «Государством и революцией» В.И. Ленина, в которых научно осмысливалась диктатура пролетариата.

Сегодняшнее обращение к этим сталинским тезисам — это не копание «в хронологической пыли бытописания земли». С одной стороны, в них методология объяснения контрреволюции 1991—1993 годов и её победы. В докладе активу ленинградской парторганизации в апреле 1926 года (да-да, с той поры прошло более 90 лет) Сталин предупреждал: «Стоит только подорвать у нас идею руководства рабочего класса, чтобы от союза рабочих и крестьян не осталось камня на камне, а капиталисты и помещики вернулись бы обратно в свои старые гнёзда»².

Кстати, 39% делегатов VII съезда Советов СССР (январь—февраль 1935 года), принявшего решение о внесении изменений в действовавшую Конституцию, были рабочими. (Среди делегатов Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов доля рабочих составляла 42%). Но вот что примечательно: четыре из каждых пяти этих рабочих были поставлены Советской властью руководителями предприятий, а также государственных и партийных органов. Для сравнения: на пораженческом XXVIII съезде КПСС (июль

¹ Сталин И.В. Соч. Т 4. С. 138.

² Там же. Т. 8. С. 143.

1990 года) рабочие составляли только 11,6% всего делегатского корпуса. А о доле рабочих среди руководителей предприятий и других делегатов, проходивших по разряду работников умственного труда, горбачёвская камарилья не хотела и вспоминать. Плоды такой метаморфозы мы расхлёбываем уже почти три десятилетия.

С другой стороны, о ленинско-сталинском подходе к диктатуре пролетариата нам следует не просто вспоминать, а тщательно его изучать, так как придётся ещё следовать ему после того, как в ходе обостряющейся классовой борьбы будет прервана реставрация капитализма в России.

Да, подход к диктатуре пролетариата должен быть безусловно конкретно-историческим. И учиться ему опять-таки придётся у наших предшественников, верных марксистской методологии. В качестве пробного урока рассмотрим, как им виделись задачи, которые решала диктатура пролетариата.

В лекциях, прочитанных слушателям Свердловского университета весной 1924 года, И.В. Сталин обращал внимание на «три главные задачи, встающие перед диктатурой пролетариата “на другой день” после победы:

а) сломить сопротивление свергнутых и экспроприированных революцией помещиков и капиталистов, ликвидировать все и всякие их попытки к восстановлению власти капитала;

б) организовать строительство в духе сплочения всех трудящихся вокруг пролетариата и повести эту работу в направлении, подготавливающим ликвидацию, уничтожение классов;

в) вооружить революцию, организовать армию революции для борьбы с внешними врагами, для борьбы с империализмом»¹.

Два года спустя в работе «К вопросам ленинизма» Сталин снова указывает на «три основные стороны диктатуры пролетариата». Первой из них он называет «использование власти пролетариата для подавления эксплуататоров, для обороны страны», то есть соединяет прежние пункты а) и в). Вторая и третья функции диктатуры пролетариата, выделенные в этой работе, в основном повторяют отмеченное ранее её свойство. Но теперь они играют новыми красками:

«2) Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплуатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 109.

масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

3) Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в социалистическое общество»¹.

Перегруппировка признаков диктатуры пролетариата носит совсем не случайный, не произвольный характер. Она отражает смещение акцентов в стратегии и тактике социалистического созидания. Общество развивается, так как, преодолев прежние противоречия, оно сталкивается с необходимостью разрешать новые. В работе «К вопросам ленинизма» Сталин писал: «Диктатура пролетариата имеет свои периоды, свои особые формы, разнообразные методы работы»².

Её сущность оставалась неизменной: на первое место всегда выходили проблемы, порождаемые соотношением классовых сил в стране.

Нацелена на созидание

В лекциях, прочитанных в Свердловском университете весной 1924 года, Сталин касается периода смены буржуазного государства на пролетарское, периода установления диктатуры пролетариата. Для её характеристики Сталин использует известное определение Ленина:

«Короче: диктатура пролетариата есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией, пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплуатируемых масс. (Ленин. “Государство и революция”).

Из этого следует два основных вывода.

Первый вывод. Диктатура пролетариата не может быть “полной” демократией, демократией для всех, и для богатых и для бедных, — диктатура пролетариата “должна быть государством *по-новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по-новому* диктаторским (против буржуазии)” (см. т. XXI, стр. 393). Разговоры Каутского и К⁰ о всеобщем равенстве, о “чистой” демократии, о “совершенной” демократии и т.д. являются буржуазным прикрытием того несомненного факта, что равенство эксплуатируе-

¹ Сталин И.В. Соч.Т. 8. С. 30.

² Там же. С. 31.

мых и эксплуататоров невозможно... Демократия при капитализме есть демократия *капиталистическая*, демократия эксплуататорского меньшинства, покоящаяся на ограничении прав эксплуатируемого большинства и направленная против этого большинства. Только при пролетарской диктатуре возможны действительные выборы для эксплуатируемых и действительное участие пролетариев и крестьян в управлении страной. Демократия при диктатуре пролетариата есть демократия *пролетарская*, демократия эксплуатируемого большинства, покоящаяся на ограничении прав эксплуататорского меньшинства и направленная против этого меньшинства.

Второй вывод. Диктатура пролетариата не может возникнуть как результат мирного развития буржуазного общества и буржуазной демократии, — она может возникнуть лишь в результате слома буржуазной государственной машины, буржуазной армии, буржуазного чиновничьего аппарата, буржуазной полиции»¹.

Сталинское осмысление диктатуры пролетариата является не только развитием ленинской мысли о наличии у диктатуры пролетариата созидательных функций, но и ленинского положения о её диалектической связи с пролетарской, социалистической демократией, то есть с опорой на социалистическую законность, в основе которой лежит защита интересов рабочего класса и всех трудящихся.

Для сегодняшних читателей следует заметить: в революционную пору слома эксплуататорского государства у диктатуры нет возможности опираться на законы, так как новое, социалистическое государство, выражающее интересы пролетариата, их ещё не выработало. Однако если мы откроем «Правду» за 24 ноября 1928 года, то найдём в ней примечательные сталинские слова: «Нельзя пополнять местный бюджет путём нарушения закона... Советская власть существует, она ещё не ликвидирована»².

В 1925 году, когда XIV съезд ВКП(б) поставил созидательную задачу индустриализации страны, Сталин, говоря о диктатуре пролетариата, обращает внимание не на предреволюционную ленинскую работу «Государство и революция», а на написанное через полтора года после победы Великого Октября и через два месяца после установления Советской власти в Венгрии известное письмо «Привет венгерским рабочим». В нём Владимир Ильич подчёркивает, что «не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры, и главным

¹ Сталин И.В. Соч.Т. 6. С. 114–116.

² Там же. Т. 11. С. 265.

образом не в насилии. Главная сущность её в организации и дисциплинированности передового класса трудящихся, их авангарда, их единственного руководителя, пролетариата. Его цель – создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком»¹.

Через 10 лет после Великой Октябрьской социалистической революции Сталин называл одной из граней диктатуры пролетариата смычку между рабочим классом и основными массами крестьянства, между городом и деревней, так как она является главной основой их хозяйственного союза. Она «проходит не только по линии удовлетворения *личных* потребностей крестьянства, не только по линии текстиля, но и по линии удовлетворения *хозяйственных* потребностей крестьянства, как производителя сельскохозяйственных продуктов. Мы даём крестьянству не только ситец. Мы даём ему ещё машины всякого рода, семена, плуги, удобрения и т. д., имеющие серьёзнейшее значение в деле поднятия и социалистического преобразования крестьянского хозяйства.

Смычка имеет, таким образом, своей основой не только текстиль, но и металл. Без этого смычка с крестьянином была бы непрочной»².

В Политическом отчёте Центрального Комитета ВКП(б) XV партсъезду Генеральный секретарь ЦК партии ставит задачу, «чтобы диктатура пролетариата, блок рабочего класса и крестьянских масс и руководство рабочего класса в этом блоке укреплялось и... чтобы материальное и культурное положение рабочего класса и деревенской бедноты повышалось»³.

Неизменным в диктатуре пролетариата остаётся одно: она мощный инструмент трудящихся в защите своих классовых интересов. Впрочем, это – не специфическое качество диктатуры пролетариата. Сталин подчёркивает эту мысль всегда, когда дело касается любых вопросов стратегии и тактики партии, форм её работы в массах, её лозунгов. Этот принципиальный подход он обобщил в одном из своих писем:

«Основные лозунги могут быть правильными лишь в том случае, если они строятся на базе марксистского анализа классовых сил, если они намечают правильную схему расположения революцион-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 385.

² Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 161.

³ Там же. Т. 10. С. 292.

ных сил на фронте классовой борьбы, если они облегчают подвод масс к фронту борьбы за победу революции, к фронту борьбы за взятие власти новым классом, если они облегчают партии формирование широкой и мощной политической армии из широких народных масс, необходимой для выполнения этой задачи»¹. Как актуально эта короткая фраза звучит сегодня, когда раздаются рекомендации спрятаться от классовой борьбы с капиталом, пойдя на соглашение с ним, при этом социал-предательство прикрывается рассуждениями о национальных интересах!

Диктатура классового интереса

Разговоры о национальных интересах вообще, об отечестве вообще, о народе в целом, о товаропроизводителях очень любит мелкая буржуазия. В.И. Ленин издевался над таким подходом. Сталин был его верным последователем. Даже когда речь зашла о необходимости индустриализации страны, он не стал рассуждать о национальных интересах вообще, а поставил вопрос об интересах классовой борьбы с мировым капиталом. Но самым главным критерием он считал классовый интерес рабочего класса: в этом и состоит глубинная сущность пролетарской диктатуры. В докладе на XIII конференции РКП(б) «Об очередных задачах партийного строительства» (17 января 1924 года) Сталин подчёркивал, что индустриализация нужна, «чтобы материальное положение рабочего класса не ухудшалось, чтобы рабочий класс рос количественно, чтобы культурность рабочего класса поднималась и чтобы рабочий класс рос также качественно. Необходимо, чтобы партия, как авангард рабочего класса, также росла, прежде всего, качественно, и прежде всего за счёт пролетарских элементов страны»².

Однако классовые интересы пролетариата — и в этом его замечательное отличие — не сосредоточиваются на себе любимом. Он в состоянии уяснить длинную цепочку причинно-следственных связей. Вот в 1925 году рассматривается вопрос о внутреннем рынке, а следовательно — о крестьянском рынке. И Сталин подчёркивает: «В данный момент крестьянский рынок является основной базой нашей промышленности, именно поэтому мы, как власть, и мы, как пролетариат, заинтересованы в том, чтобы всячески

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 9. С. 205—206.

² Там же. Т. 6. С. 7—8.

улучшить положение крестьянского хозяйства, улучшать материальное положение крестьянства, подымать покупательную силу крестьянина, улучшать взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством...»¹

Отвечая на письмо группы товарищей, Сталин, исходя из сущности диктатуры пролетариата, пишет: «Махнуть рукой на крестьянство — значит, совершить преступление и против рабочих, и против крестьян. Мы примем все меры к тому, чтобы поднять сознание крестьян, просветить их, приблизить их к рабочему классу, как к вождю нашей революции, — и мы добьёмся того, что крестьянство будет становиться всё более крепким и всё более надёжным союзником пролетариата в нашей стране»².

Узколобое представление о диктатуре пролетариата было характерно для троцкистов. Это особенно ярко проявилось в их отношении к крестьянству. Один их известных троцкистов, И.Н. Смирнов (в 1927 году он был наркомом почт и телеграфа), заявлял: «Мы говорим, что надо так пересмотреть наш государственный бюджет, чтобы большая часть из пятимиллиардного нашего бюджета была направлена по линии промышленности, потому, что *лучше перетерпеть наш разлад с середняком, чем идти к неизбежной гибели*». Сталин прежде всего подчёркивает, что такая позиция противоречит Ленину и ленинизму³. А когда троцкисты предложили повысить цены на продовольственные товары, что стало бы экономическим ударом прежде всего по крестьянству, то Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) решительно возражал: такой шаг «не может не вести к захирению нашей промышленности, к усилению кулака, к разорению середняка и к закабалению бедноты кулаками»⁴.

Диктатура пролетариата для В.И. Ленина и его сподвижников и учеников, для И.В. Сталина и его соратников — это не икона, которой надо отвешивать поклоны. Она — важнейший принцип политической деятельности в условиях, когда сопротивление остатков эксплуататорских классов окончательно ещё не подавлено, когда трудящиеся массы под руководством рабочего класса и его партии отвергли капиталистическое жизнеустройство и обустраивают жизнь на социалистических началах. Это — пора

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 29—30.

² Там же. Т. 8. С. 93—94.

³ См. там же. Т. 10. С. 257—258.

⁴ Там же. С. 256.

обостряющейся классовой борьбы. У нас нет права отказываться от важнейшего ленинского предупреждения: «Кто... говорит о неклассовой политике и о неклассовом социализме, того стоит просто посадить в клетку и показывать рядом с каким-нибудь австралийским кенгуру»¹.

* * *

Сталинская Конституция была актом закрепления победы нового социалистического государства, государства диктатуры пролетариата.

ОЧЕРК ДВАДЦАТЫЙ

«ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА НЕ САМОЦЕЛЬ, А СРЕДСТВО»

Стоя у гроба Владимира Ильича Ленина во время траурного заседания Всесоюзного съезда Советов 26 января 1924 года, Генеральный секретарь ЦК РКП(б) И.В. Сталин в своей клятве, данной от имени партии, говорил: «Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своих сил, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!». Думается, у читателя нет сомнений в том, что Иосиф Виссарионович в этом вопросе был последовательным приверженцем марксистско-ленинской теории. Однако публикации бесед руководителя ВКП(б) с главами братских коммунистических партий и некоторыми государственными деятелями стран «новой демократии» (чуть позже это словосочетание трансформировалось в научное понятие «страны народной демократии») в 1946 – 1949 годах² и последняя редакция проекта Программы ВКП(б) 1947 года, впервые опубликованная в «Правде» (июль – октябрь 2016 года), заставляют увидеть Сталина как прежде неизвестного обществу теоретика, серьёзно разрабатывавшего вопросы диктатуры пролетариата. Попытаемся выяснить своеобразие его трактовок одной из основополагающих проблем марксистско-ленинского учения. Начнём с того, что многие десятилетия воспринимается классикой марксизма-ленинизма.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 4.

² См.: Сталин И.В. Соч. Т. 16. Ч. 1. М. 2011; Т. 16. Ч. 2. М. 2012.

Не цель, а средство

Социальную и политическую роль диктатуры пролетариата характеризуют прежде всего два принципиальных положения марксизма-ленинизма, о которых уже говорилось в этой работе: марксова мысль о том, что государство переходного периода от капиталистической к коммунистической формации может быть только *революционной диктатурой пролетариата*, и ленинское утверждение, что настоящий марксист тот, кто не только признаёт борьбу классов, но и *видит в этой борьбе путь к диктатуре пролетариата*.

Понятно, что богатство анализа диктатуры пролетариата классиками теории научного коммунизма не сводится к этим двум положениям. Но эти две формулы, ставшие хрестоматийными, одновременно являются своеобразными лакмусовыми бумажками, по которым можно оценивать позиции любого политика и исследователя в отношении принципа диктатуры пролетариата как одного из краеугольных камней революционной марксистско-ленинской теории. Именно в этом качестве лакмусовых бумажек они и важны нам в данном случае.

С этими фундаментальными формулами нам предстоит сопоставить краткую сталинскую формулу диктатуры пролетариата, имеющую, думается, серьёзное методологическое значение. Она была высказана ещё 9 июня 1925 года в речи перед слушателями Свердловского университета и вошла в известную публикацию «Вопросы и ответы». Читаем:

«Диктатура пролетариата не есть самоцель. Диктатура есть средство, путь к социализму»¹.

Совместима ли эта формула И.В. Сталина с процитированным выше классическим положением К. Маркса? Думается ответ здесь не может быть однобоким.

С одной стороны, диктатура пролетариата у Маркса – это сущностный признак революционного превращения капиталистического общества в коммунистическое, или, пользуясь более привычной терминологией, переходного периода от капитализма к социализму. Здесь нет никакого намёка на возможность в течение этого периода ставить под сомнение необходимость диктатуры пролетариата. Хотя при этом нельзя отказаться от двух достаточно существенных методологических оговорок. Первая: это – общее, принципиальное

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 159.

теоретическое положение, в котором нет и не может быть какой-либо конкретизации по поводу характера, способов и степени использования диктатуры пролетариата. Вторая: при рассмотрении любого положения Маркса его следует воспринимать диалектически, то есть оно обязательно подразумевает развитие, изменчивость любого социального процесса и явления. В подтверждение даже не требуется каких-либо высказываний Маркса, чтобы безоговорочно утверждать, что в его понимании диктатуры пролетариата она должна изменяться по мере изменения структуры социально-экономических и общественно-политических отношений, что она не может быть одинаковой на начальном этапе переходного периода, когда очевидна острая борьба рабочего класса против эксплуататоров (хотя о степени её остроты и формах проявления Маркс тоже не говорит), и на завершающем этапе переходного периода.

И здесь следует отметить, что сталинские утверждения о том, что диктатура пролетариата — это *средство*, точно отражает подход Маркса к этому явлению. *Целью* переходного периода является *полная замена общества*, основанного на частной собственности и эксплуатации человека человеком, на общество, искореняющее эти явления. Диктатуре пролетариата отводится роль средства в решении такой грандиозной задачи.

Поэтому у нас нет оснований отрицать, что сталинская трактовка диктатуры пролетариата является истинным пониманием главного диалектического смысла классической формулы Карла Маркса. Но у нас нет достаточных предпосылок утверждать, что сталинское толкование диктатуры пролетариата является единственным и безальтернативным. Оно требует проверки политической практикой.

Теперь сравним сталинский подход к диктатуре пролетариата с процитированным выше классическим, хрестоматийным положением В.И. Ленина.

На первый взгляд, здесь вообще нет никаких противоречий. Сталин никогда не сомневался, что классовую борьбу против власти капитала надо доводить до диктатуры пролетариата. Вопрос в другом: Сталин настаивает на изменчивости остроты и масштаба классовой борьбы в изменяющихся общественно-политических условиях. Но и в этом вопросе он, думается, тоже выступает верным учеником Ленина, что наиболее ярко проявлялось в решении тактических вопросов отношения к крестьянству.

И Ленин, и Сталин признавали, что на стадии буржуазно-демократической революции всё крестьянство, от бедняка до кула-

ка, поддерживает революцию, так как она нацелена прежде всего на ликвидацию пережитков феодализма, в том числе главного из них — помещичьего землепользования. В пролетарской революции первоначально её социальная база сокращается, так как в ликвидации господства частной собственности заинтересованы только полупролетарские слои деревни. Поэтому В.И. Лениным и был выдвинут лозунг союза рабочего класса с беднейшим крестьянством при нейтрализации середняка. Что касается кулака, то это — сельская буржуазия, отстаивающая господство частной собственности и эксплуатацию чужого труда и поэтому выступающая против социалистической революции.

Но на основе опыта Гражданской войны, когда середняк решительно отвернулся от белого движения, возвращавшего на его шею помещика, РКП(б) по инициативе Ленина серьёзно меняет лозунг классовых отношений. Во второй Программе большевистской партии ставится задача превратить середняка в союзника Советской власти и рабочего класса. Раздел Программы РКП(б) «В области сельского хозяйства» завершался следующим пунктом, имеющим принципиальное долгосрочное значение:

«По отношению к среднему крестьянству политика РКП состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства. Партия ставит своей задачей отделять его от кулаков, привлекать его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическим соглашениям с ним, идя на уступки ему в определении способов проведения социалистических преобразований»¹.

Это означало кардинальное расширение социальной базы социалистической революции и возможность формирования широкого хозяйственного фронта социалистического строительства.

Более того, сама сталинская формула диктатуры пролетариата как средства строительства социализма появилась именно в связи с выработкой отношения партии и Советской власти к крестьянству на новом этапе.

Сталин в статье «Октябрь, Ленин и перспективы нашего развития» конкретизировал программную установку применительно ко второй половине 1920-х годов. Он писал:

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. Приложение. С. 439.

«Восемь лет тому назад задача состояла в том, чтобы сомкнуть пролетариат с беднейшим крестьянством, нейтрализовать средняцкие слои крестьянства, использовать смертельную борьбу двух империалистических коалиций и свергнуть буржуазное правительство в России с тем, чтобы организовать диктатуру пролетариата, выйти из империалистической войны, укрепить связи с пролетариями всех стран и двинуть вперед дело пролетарской революции во всех странах.

Теперь, восемь лет спустя, задача состоит в том, чтобы, с одной стороны, сомкнуть пролетариат и беднейшее крестьянство со средним крестьянством на основе прочного союза между ними, обеспечить руководство пролетариата внутри этого союза, усилить развитие и переоборудование нашей промышленности, вовлечь миллионные массы крестьянства в кооперацию и тем самым обеспечить победу социалистического ядра нашего хозяйства над элементами капитализма»¹.

Таким образом, Ленин и Сталин – полные единомышленники в признании тесной связи классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Но Сталин вносит некоторые коррективы в отношении классовой борьбы, которые были в принципе невозможны до этапа перехода к мирному строительству социализма.

«Лозунг разжигания классовой борьбы для нас непригоден»

В «Вопросах и ответах», представляющих собой запись ответов Генерального секретаря ЦК РКП(б) на вопросы слушателей Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова, свердловцы по сути спрашивали, необходимо ли разжигать в стране классовую борьбу в условиях обострения противоречий между рабочим классом и крестьянством. Отвечая в апреле 1925 года на такой вопрос, Сталин прежде всего дал характеристику главных противоречий, существовавших в тот период в советском обществе:

«Классовая борьба в нашей стране, если иметь в виду отношения между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством, – имеет три главных фронта:

а) фронт борьбы между пролетариатом в целом (в лице государства) и крестьянством по линии установления предельных цен на фабрикаты и сельскохозяйственные продукты, по линии нормализации налогового дела и т. п.;

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 256.

б) фронт борьбы между пролетариатом в целом (в лице государства) и кулачеством по линии ликвидации спекулянтских цен на сельскохозяйственные продукты, по линии переложения основной тяжести налогового бремени на кулаков и т. п.;

в) фронт борьбы между деревенской беднотой, прежде всего батраками, и кулачеством.

...Эти фронты не могут быть одинаковыми ни по удельному весу, ни по характеру происходящей там борьбы»¹.

Отвечая будущим партийным работникам, Сталин достаточно обстоятельно и подробно охарактеризовал сущность и содержание борьбы между пролетариатом в целом (в лице государства) и крестьянством по линии преодоления ценового диспаритета, налога и других аспектов экономических отношений между двумя основными классами. Из проведённого им анализа он сделал следующий вывод:

«Итак, мы имеем, во-первых, общность интересов пролетариата и крестьянства по вопросам коренным, их общую заинтересованность в торжестве социалистического пути развития народного хозяйства. Отсюда союз рабочего класса и крестьянства. Мы имеем, во-вторых, противоречия интересов рабочего класса и крестьянства по вопросам текущим. Отсюда борьба внутри этого союза, борьба, которая покрывается по своему удельному весу общностью интересов и которая должна исчезнуть в будущем, когда рабочие и крестьяне перестанут быть классами — когда они превратятся в тружеников бесклассового общества. Мы имеем, в-третьих, средства и пути для разрешения этих противоречий между рабочим классом и крестьянством в рамках сохранения и укрепления союза рабочих и крестьян, в интересах обоих союзников...

Следует ли из этого, что мы должны разжечь классовую борьбу на этом фронте? Нет, не следует. Наоборот! Из этого следует лишь то, что мы должны всячески умерять борьбу на этом фронте, регулируя её в порядке соглашений и взаимных уступок и ни в коем случае не доводя её до резких форм, до столкновений. И мы это делаем. Ибо у нас есть для этого все возможности. Ибо общность интересов тут сильнее и глубже, чем противоречие интересов.

Как видите, лозунг разжигания классовой борьбы совершенно непригоден для условий борьбы на этом фронте»².

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 173—174.

² Там же. С. 177—178.

Точно таким же методом был построен ответ и на второй вопрос — о борьбе между пролетариатом и кулачеством как классами. А после анализа противоречия последовал вывод: «Вполне возможно, что в некоторых случаях кулачество само начнет разжигать классовую борьбу, попытается довести её до точки кипения, попытается придать ей форму бандитских или повстанческих выступлений. Но тогда лозунг разжигания борьбы будет уже не нашим лозунгом, а лозунгом кулачества, стало быть, лозунгом контрреволюционным. Кроме того, несомненно, что кулачеству придётся тогда испытать на своей спине все невыгоды этого лозунга, направленного против Советского государства.

Как видите, лозунг разжигания борьбы на этом втором фронте не является нашим лозунгом»¹.

Похожим был вывод и по поводу борьбы между полупролетариатом деревни и кулачеством: «Дело идёт здесь о прямой эксплуатации наёмных или полунаёмных со стороны кулака-предпринимателя. Поэтому партия не может здесь заниматься политикой смягчения, умерения борьбы. *Наша задача здесь состоит в том, чтобы организовать борьбу бедноты и руководить этой борьбой против кулачества.*

Не значит ли это, что мы тем самым берёмся разжигать классовую борьбу? Нет, не значит. Разжигание борьбы означает не только организацию и руководство борьбой. Оно означает вместе с тем искусственное взвинчивание и намеренное раздувание классовой борьбы. Есть ли необходимость в этих искусственных мерах теперь, когда мы имеем диктатуру пролетариата и когда партийные и профессиональные организации действуют у нас совершенно свободно? Конечно, нет.

Поэтому лозунг разжигания классовой борьбы непригоден и для этого, третьего фронта»².

Однако эти ответы не равнозначны отказу от обострения классовой борьбы с кулачеством, когда оно становится организатором сопротивления Советской власти. А в конце 1920-х годов случилось именно так. В ответ была выдвинута установка ликвидации кулачества как класса.

Если в 1925 году судьбоносным, вызывающим не просто дискуссию, а острую политическую борьбу, представлялся вопрос о возможности построения социализма в СССР, то десятилетие спустя

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 180.

² Там же. С. 180—181.

ответом на него явилось принятие новой Советской Конституции, получившей ещё в процессе обсуждения собственное имя – Сталинская. Этот ответ был гордым и победным. Выступавший с докладом о проекте Основного Закона Союза ССР И.В. Сталин уверенно ставил вроде бы риторические вопросы, но уверенно давал на них вполне конкретные политические и теоретические ответы. Самый главный ответ таков: *«Полная победа социалистической системы во всех сферах народного хозяйства является теперь фактом»*¹.

Докладчик знал, что этот общий внушительный ответ нужно и можно наполнить конкретикой. А чтобы она звучала масштабнее, оратор привычно использует форму риторических вопросов: «А что это значит?» Далее следует шквал реальных достижений:

«Это значит, что эксплуатация человека человеком уничтожена, ликвидирована, а социалистическая собственность на орудия и средства производства утверждена как незыблемая основа нашего советского общества.

В результате всех этих изменений в области народного хозяйства СССР мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни,

Таковы в основном изменения, происшедшие в области нашей экономики за период от 1924 года до 1936 года.

Сообразно с этими изменениями в области экономики СССР изменилась и *классовая структура* нашего общества.

Класс помещиков, как известно, был уже ликвидирован в результате победоносного окончания гражданской войны. Что касается других эксплуататорских классов, то они разделили судьбу класса помещиков. Не стало класса капиталистов в области промышленности. Не стало класса кулаков в области сельского хозяйства. Не стало купцов и спекулянтов в области товарооборота. Все эксплуататорские классы оказались, таким образом, ликвидированными.

Остался рабочий класс.

Остался класс крестьян.

Осталась интеллигенция»².

А докладчик удовлетворённо добавляет: «Но было бы ошибочно думать, что эти социальные группы не претерпели за это время ни-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 14. С. 122.

² Там же. С. 122.

каких изменений, что они остались такими же, какими они были, скажем, в период капитализма»¹. Аргументы, подтверждающие их обновление, звучали убедительно не только для советских людей, но и для всей планеты.

Но нас интересует тема диктатуры пролетариата. За ней пристально наблюдали и наши недруги. Сталин эту категорию критиков Конституции выделил даже в отдельную группу. Этот пассаж доклада интересен прежде всего тем, что демонстрирует изменения в содержании диктатуры. Но послушаем Сталина:

«*Четвертая* группа критиков, атакуя проект новой Конституции, характеризует его как “сдвиг вправо”, как “отказ от диктатуры пролетариата”, как “ликвидацию большевистского режима”. “Большевики качнулись вправо, это факт”, — говорят они на разные голоса. Особенно усердствуют в этом отношении некоторые польские и отчасти американские газеты.

Что можно сказать об этих, с позволения сказать, критиках?

Если расширение базы диктатуры рабочего класса и превращение диктатуры в более гибкую, стало быть, более мощную систему государственного руководства обществом трактуется ими не как усиление диктатуры рабочего класса, а как её ослабление или даже как отказ от неё, то позволительно спросить: а знают ли вообще эти господа, что такое диктатура рабочего класса?»²

Далее в докладе тема диктатуры пролетариата поворачивается ещё одной гранью: «Наконец, ещё одна группа критиков. Если предыдущая группа обвиняет проект Конституции в отказе от диктатуры рабочего класса, то эта группа обвиняет его, наоборот, в том, что он ничего не меняет в существующем положении в СССР, что он оставляет нетронутой диктатуру рабочего класса, не допускает свободу политических партий и сохраняет в силе нынешнее руководящее положение партии коммунистов в СССР. При этом эта группа критиков считает, что отсутствие свободы партий в СССР является признаком нарушения основ демократизма.

Я должен признать, что проект новой Конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР. Если уважаемые критики считают это недостатком проекта Конституции, то можно только пожалеть

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 14. С. 123.

² Там же. С. 135.

об этом. Мы же, большевики, считаем это достоинством проекта Конституции»¹.

Итак, принятие Сталинской Конституции, с одной стороны, вновь закрепило коренное положение: Советская власть — это диктатура пролетариата, но диктатура, насыщаемая нормами демократии. Это изменение — результат сближения классов социалистического общества.

О «последних средствах обречённых»

Но с именем Сталина в массовом сознании прочно связан важный вывод об обострении классовой борьбы по мере успехов в завершении переходного периода от капитализма к социализму. Для этого есть серьёзные основания. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года он говорил:

«Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперёд классовая борьба у нас должна будто бы всё более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы всё более и более ручным.

Это не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу даёт возможность оправиться для борьбы с Советской властью.

Наоборот, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее они будут идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обречённых»².

Считается почему-то, что у этой формулы не было предшественников. Между тем В.И. Ленин предупреждал не только о возможности реставрации капитализма после победной пролетарской революции, но и о столь же возможном обострении классовой борьбы в условиях, когда буржуазия сочтёт, что у неё последний шанс для попытки вернуть своё господство. Так, в речи на митинге в Сокольническом клубе 21 июня 1918 года Ленин обращал внимание именно на то, что по мере роста поддержки крестьянством Советской власти возрастает угроза буржуазной реставрации:

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 14. С. 136.

² Там же. С. 166.

«Буржуазия хорошо сознаёт свои интересы и делает всё возможное, чтобы их обеспечить. Она сознаёт, что если крестьяне впервые, после многих веков этой осенью получают плоды собственных трудов в виде жатвы и обеспечат трудящийся класс города, то рухнут все надежды буржуазии на реставрацию и укрепится Советская власть. Потому-то сейчас буржуазия и мечется во все стороны»¹.

Конечно, ленинская речь в Сокольниках была отражением особенностей первого года существования Советской власти. На ней лежала печать начинающейся Гражданской войны. Но это заявление исключительно важно в методологическом отношении. Можно даже утверждать, что в выступлении на февральско-мартовском пленуме 1937 года Сталин развил ленинскую идею применительно к условиям перехода советского общества в завершающую стадию социалистического строительства.

Следует заметить, что тезис Ленина об обострении классовой борьбы эксплуататоров против рабоче-крестьянской власти по мере её успехов в строительстве новой жизни не был случайным высказыванием. Речь идёт скорее о принципиальной позиции вождя Великой Октябрьской социалистической революции. В написанной в канун первой годовщины Октябрьской революции брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин подчёркивал:

«Если эксплуататоры разбиты только в одной стране — а это, конечно, типичный случай, ибо одновременная революция в ряде стран есть редкое исключение, то они остаются *всё же сильнее* эксплуатируемых, ибо международные связи эксплуататоров громадны... Историческая правда состоит в том, что правилом является при всякой глубокой революции долгое, упорное, отчаянное сопротивление эксплуататоров, сохраняющих в течение ряда лет крупные фактические преимущества над эксплуатируемыми. Никогда — иначе, как в сладенькой фантазии сладенького дурачка Каутского — эксплуататоры не подчинятся решению большинства эксплуатируемых, не испробовав в последней решающей битве, в ряде битв своего преимущества.

Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплуататоров неизбежно остаётся надежда на реставрацию, и эта *надежда* превращается в *попытку реставрации*»².

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 429.

² Там же. Т. 18. С. 260–261.

К этой мысли Ленин вернулся полгода спустя в обращении «Привет венгерским рабочим». В нём он писал:

«Уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной *классовой борьбы*, которая *после* свержения власти капитала, *после* разрушения буржуазного государства, *после* установления диктатуры пролетариата *не исчезает* (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях ещё жесточённое»¹.

Своеобразным методологическим обобщением анализа классовой борьбы по мере продвижения социалистического строительства и важным предупреждением товарищам по партии можно считать ленинское заявление, прозвучавшее на VII Московской губпартконференции 29 октября 1921 года: «На войне нет ни одной минуты, когда бы ты не был окружён опасностями. А что такое диктатура пролетариата? Это есть война, и гораздо более жестокая, более продолжительная и упорная, чем любая из бывших когда-либо войн. Здесь опасность грозит каждому нашему шагу»².

Что касается И.В. Сталина, то он творчески развил важную методологическую установку В.И. Ленина. Ему приходилось анализировать конкретные проявления классовой борьбы в ходе социалистического строительства. Если в условиях нэпа сопротивление буржуазии политике Советской власти можно было рассматривать как одно из естественных проявлений её классовой сущности, то сопротивление Советской власти по мере ликвидации последнего эксплуататорского класса на рубеже 1920 — 1930 годов свидетельствовало о фактах обострения классовой борьбы по мере успехов Советской власти в деле строительства социализма. При этом Сталину приходилось бороться с формулой Бухарина, утверждавшего, будто тенденцией социалистического строительства является «уничтожение классов путём затухания классовой борьбы и вrastания капиталистов в социализм»³.

Следуя ленинской методологии, И.В. Сталин оспаривал теоретические выкладки Н.И. Бухарина. В речи на апрельском (1929 года) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) он подробно обосновывал выводы, опиравшиеся на анализ успехов в строительстве социализма:

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 386—387.

² Там же. Т. 44. С. 210—211.

³ См.: Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 33.

«Речь идёт здесь о том, что социализм успешно наступает на капиталистические элементы, социализм растёт *быстрее* капиталистических элементов, удельный вес капиталистических элементов ввиду этого *падает*, и именно потому, что удельный вес капиталистических элементов *падает*, капиталистические элементы чувствуют смертельную опасность и усиливают своё сопротивление...

На этой основе и возникают *на данной стадии развития, при данных условиях* соотношения сил, обострение классовой борьбы и усиление сопротивления капиталистических элементов города и деревни»¹.

К вопросу об обострении классовой борьбы по мере успехов в социалистическом строительстве Сталин возвращается в докладе «Итоги первой пятилетки», сделанном на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 года:

«Сильная и мощная диктатура пролетариата, — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации.

Некоторые товарищи поняли тезис об уничтожении классов, создании бесклассового общества и отмирании государства, как оправдание лени и благодушия, оправдание контрреволюционной теории потухания классовой борьбы и ослабления государственной власти. Нечего и говорить, что такие люди не могут иметь ничего общего с нашей партией. Это — перерожденцы, либо двурушники, которых надо гнать вон из партии. Уничтожение классов достигается не путём потухания классовой борьбы, а путём её усиления. Отмирание государства придёт не через ослабление государственной власти, а через её максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко ещё не уничтожено и не скоро ещё будет уничтожено»².

Именно в выступлениях Сталина 1930-х годов отмечается это новое общественно-политическое явление. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года он, с одной стороны, придал выводу об обострении классовой борьбы по мере успехов в социалистическом строительстве наиболее выразительную форму, с другой — сконцентрировал на нём внимание не только участников пленума, но и всей партии и общества.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 34–35.

² Там же. Т. 13. С. 210–211.

Начиная с середины 1950-х годов вплоть до начала XXI века Сталин подвергался за это обобщение и злобной критике, и шельмованию, и всем возможным формам третирования. Первым подобную кампанию начал в известном докладе на закрытом заседании XX съезда КПСС Первый секретарь ЦК партии Н.С. Хрущёв. Потом с ним в очернении и политического тезиса, и его автора соревновались многие коммуномутанты, среди которых особое бесчестие проявили М.С. Горбачёв, А.Н. Яковлев и их подголоски.

Поскольку такое поведение для политических перевёртышей вполне естественно, то об этом можно было бы и не вспоминать, но при этом важно зафиксировать: исторический процесс, к сожалению, подтвердил справедливость сталинского предвидения. В конце 1970 годов строительство социализма вышло на завершающую стадию, на чём решительно и весьма убедительно настаивал в письмах партийным съездам В.М. Молотов. Но именно в это время обострилась борьба против социализма как внутренними, так и внешними его врагами. Её результатом стала буржуазная контрреволюция 1991 – 1993 годов. Горько, но сталинский вывод об обострении классовой борьбы по мере завершения этапа социалистического строительства оправдался.

Что касается позиции И.В. Сталина, то уже через два года после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года, выступая с докладом на XVIII съезде ВКП(б), он заявил:

«Особенность советского общества нынешнего времени в отличие от любого капиталистического общества состоит в том, что в нём нет больше антагонистических, враждебных классов, эксплуататорские классы ликвидированы, а рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское общество, живут и работают началах дружественного сотрудничества»¹.

Есть все основания считать, что в этом заявлении доля политической конъюнктуры была больше доли серьёзного теоретического анализа. Логично предположить, что столь резким изменением своего отношения к классовой борьбе Генсек ЦК стремился «закрыть» тему массовых репрессий 1937–1938 годов. Этот субъективный фактор, думается, нельзя сбрасывать со счетов. Репрессии 1937 года не без оснований рассматривались и советской, и зарубежной общественностью как проявление диктатуры пролетариата. Неудивительно, если у Сталина и его соратников было естественное стремление закрыть эту страницу классовой борьбы.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 14. С. 318.

К тому же нам нельзя забывать, что XVIII съезд ВКП(б) проходил в пору, когда главными задачей партии и общества было усиление обороноспособности СССР в связи с угрозой нападения нацистской Германии и её союзников и сателлитов на первую страну социализма и использование всех дипломатических, политических и иных инструментов для продления мирного периода, чтобы успеть подготовиться к защите государства от агрессора. Решению этой задачи способствовало и подчёркивание новой социально-политической ситуации в стране, при которой «советское общество, освобождённое от ига эксплуатации... свободно от классовых столкновений и представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян и интеллигенции»¹.

Впрочем, Великая Отечественная война убедительно показала реальность морально-политического единства советского народа: без него не было бы победы в жесточайшем противостоянии антагонистических социально-экономических систем.

Таким образом, Сталин не только высказывал субъективное понимание новой обстановки в стране, но и обращал внимание делегатов на объективные изменения, происходящие в обществе. Он утверждал, что в конце 1930-х годов в стране уже построен социализм в основном, указывая на коренное отличие советского жизнеустройства от капиталистического общества: «Капиталистическое общество раздирается непримиримыми противоречиями между рабочими и капиталистами, что ведёт к неустойчивости его внутреннего положения, советское общество, освобождённое от ига эксплуатации, не знает таких противоречий, свободно от классовых столкновений и представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян и интеллигенции. На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм»².

«Диктатура пролетариата выполнила свою миссию»?

Тема морально-политического единства советского общества мощно зазвучала после окончания Великой Отечественной войны. Для этого были веские основания. Как установлено и отечествен-

¹ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчёт. М., 1939. С.26.

² Сталин И.В. Соч. Т. 14. С. 319.

ными, и зарубежными исследователями, доля коллаборантов на оккупированной территории СССР была самой низкой по сравнению с любой страной, находившейся под гитлеровской оккупацией. Невозможно подвергнуть сомнению и массовый героизм советских людей в борьбе с фашизмом.

Триумф Великой Победы был, однако, лишь одной стороной жизни страны-победительницы. Другой стороной были трагические последствия страшной войны. Лишь мобилизационная экономика дала возможность Советскому Союзу раньше всех отказаться не только от карточной системы распределения товаров первой необходимости, но и восстановить разрушенное войной хозяйство. Вернувшимся «из европ» фронтовикам не давалось никакой передышки. Собственно говоря, они оказывались снова на фронте — фронте борьбы с разрухой: с развалинами Сталинграда, Минска, Воронежа... родных городов и деревень. Освобождённая ими Европа оставалась куда уютнее.

В таких особенных условиях партия была вынуждена поставить перед народом-победителем новую великую задачу, сопоставимую по масштабу с Великой Победой над фашистскими захватчиками. А она, такая масштабная задача могла быть одной-единственной: восстанавливая из военной разрухи страну, достраивая социалистическое общество, приступить к внедрению в жизнь коммунистических начал. Поэтому И.В. Сталин решительно поддержал предложение секретаря ЦК А.А. Жданова (после Победы он был переведён из Ленинграда в Москву для непосредственного руководства партийной работой в масштабе страны) о разработке новой Программы ВКП(б), в которой были бы определены масштабные задачи послевоенного этапа в жизни советского общества.

Об этом документе мы имеем сейчас достаточно полное представление¹.

В октябре 1947 года Жданов направил «последнюю редакцию проекта Программы Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» для обсуждения не только членам, кандидатам в члены Политбюро, секретарям ЦК, но и «широкому составу» Программ-

¹ Текст последней редакции впервые был опубликован в 2016 году в газете «Правда», в приложении к журналу ЦК КПРФ «Политическое просвещение»: В.В. Трушков. «Неизвестная Программа ВКП(б)», а также в книге «Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии 1947–1953 гг. Документы и материалы». М., 2017.

ной комиссии, утверждённому XVIII съездом ВКП(б) и дополненному февральским 1947 года (вторым послевоенным) пленумом ЦК партии, а также первым секретарям компартий союзных республик. При существовавшем тогда в Центральном Комитете ВКП(б) порядке такая рассылка подобного документа безусловно предполагала согласие И.В. Сталина.

Утверждения доктора исторических наук, профессора В.Д. Кузнецевского, будто Сталин, получив документ, сразу отправил его в архив, не соответствует действительности¹. В РГАСПИ последняя редакция проекта Программы ВКП(б) есть в делах политиков, включённых в список адресатов, составленный А.А. Ждановым (РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 18. Л. 51). В книге «Неизвестная Программа ВКП(б)» я широко использовал текст «последней редакции проекта», находившейся в деле одного из разработчиков проекта Программы П.Н. Поспелова (РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 128). К этому тексту была приложена следующая сопроводительная записка:

«Товарищу Поспелову П.Н.»

По поручению тов. Жданова А.А. направляю Вам проект новой Программы ВКП(б) в последней редакции, подготовленный группой в составе тт. Федосеева П.Н., Митина М.Б., Леонтьева Л.А. Шепилова Д.Т.» (РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 128). Под этим коротким текстом стояла подпись начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д.Т. Шепилова, рядом (в скобках) его фамилия. Даты, однако, не было.

Судя по многочисленным подчёркиваниям текста проекта, он был внимательно прочитан руководителем одной из рабочих групп по его подготовке П.Н. Поспеловым. Кстати, в архивных пометах это дело было отнесено к 1948 году. Вероятно, такова определённая сотрудниками архива дата получения документа. Между тем его рассылка началась Общим отделом ЦК ВКП(б) 13 декабря 1947 года (см.: РГАСПИ. Ф.17. Оп. 125. Д. 479). В частности, именно эта дата проставлена на экземпляре, адресованном секретарю ЦК М.А. Суслову. (См.: РГАСПИ. Ф.17. Оп. 125. Д. 479). Возможно, разница в датах объясняется тем, что партийным работникам текст рассылал Общий отдел ЦК, а непосредственным разработчикам проекта — Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

¹ Кузнецевский В.Д. Ленинградское дело. Советские против русских. Сталинский удар по питерским. М. 2019. С. 96.

Архивные материалы свидетельствуют, что руководство подготовкой документа осуществляли И.В. Сталин и А.А. Жданов. Сталин в частности прочитал четыре варианта проекта и внёс в них существенную правку, она предназначалась для учёта в доводке важного партийного документа. Более того, под руководством Жданова при участии члена Политбюро ЦК А.Н. Вознесенского и секретаря ЦК ВКП(б) М.А. Суслова 8 августа 1947 года состоялось заседание рабочей группы Программной комиссии, на котором, с учётом сталинских замечаний, его участники высказали свои мнения о каждом из четырёх вариантов проекта партийной Программы. На основе замечаний Сталина и этого обмена мнениями и выработывалась последняя редакция проекта Программы ВКП(б).

В последней редакции проекта программы ВКП(б) её разработчики особо подчеркнули возрастающую роль государства. Неудивительно, что первый пункт раздела проекта программы ВКП(б), посвящённого политическим задачам строительства коммунизма, утверждал:

«Решающим условием построения коммунизма ВКП(б) считает всестороннее укрепление и дальнейшее развитие советского социалистического государства как основного рычага успешного коммунистического строительства, как главной преобразующей силы, способной обеспечить осуществление постепенного перехода от социализма к коммунизму» (РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 128. Л. 43).

Фактически здесь повторялась позиция, изложенная Сталиным на XVIII съезде ВКП(б).

Однако далее следовала важнейшая политическая новация, причём она была сформулирована не в разделе, посвящённом политическим задачам постепенного перехода от социализма к коммунизму, а в разделе об итогах достижений советского общества. Там указывалось:

«Несокрушимая крепость советского государства основана на том, что оно опирается на полное морально-политическое единство народа, на дружественное сотрудничество рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, на братское содружество народов СССР. В социалистическом обществе достигнуто невозможное в условиях эксплуататорского строя единство государства и народа. Советское государство является выразителем силы, воли и разума народа. С ликвидацией эксплуататорских классов, победой социализма и установлением полного морально-политического единства всего народа диктатура пролетариата выполнила свою великую историческую миссию. (Выделено мной. — В.Т.)

Советское государство превратилось в подлинно всенародное государство» (РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 128. Л. 32).

Однако, отправив диктатуру пролетариата «в запас», возглавляемый Сталиным и Ждановым коллектив разработчиков последней редакции проекта Программы ВКП(б) решительно указал на ведущую роль рабочего класса не только в социалистическом, но и в коммунистическом строительстве.

В некоторых откликах на публикации последней редакции проекта Программы ВКП(б) 1947 года и на мои комментарии к ней в «Правде» их авторы высказывали предположение, что тезис о выполнении исторической миссии диктатурой пролетариата принадлежат учёным, участвовавшим в работе над документом, а И.В. Сталин не мог иметь к такой новации какого-либо отношения. Однако эти версии не имеют ничего общего с действительностью.

В дополнительных томах «Сочинений» И.В. Сталина, подготовленных и опубликованных под руководством профессора Р.И. Косолапова, весьма широко представлено отношение Сталина к возможности и необходимости диктатуры пролетариата в странах, взявших курс на социалистическое строительство. В этих томах опубликованы стенограммы бесед советского вождя с руководителями братских партий стран Восточной Европы. Они ясно показывают, что Сталин очень осторожно относился к установлению диктатуры пролетариата в государствах «новой демократии» (термин «народная демократия» за ними закрепился позже)¹.

24 мая 1946 года, беседуя с Б. Берутом, Э. Осубка-Моравским и другими польскими руководителями, И.В. Сталин подчёркивал: «В Польше нет диктатуры пролетариата, и она там не нужна. Может быть, и у нас в СССР, если бы не война (Первая мировая. — *В.Т.*), диктатура пролетариата приобрела бы другой характер. Ведь, как известно, впервые диктатура пролетариата возникла в 70-х годах (XIX века. — *В.Т.*) во Франции в результате франко-прусской войны. После первой мировой войны диктатура пролетариата возникла у нас в России...

Диктатуры пролетариата в Польше нет. *По сути дела, сейчас нет диктатуры пролетариата и в СССР. То, что у нас есть, — это совет-*

¹ Вопросы отношения Сталина к диктатуре пролетариата в странах «новой» («народной») демократии подробно изложены в книге: Трушков В.В. Неизвестная Программа ВКП(б). Приложение к журналу «Политическое просвещение». М. 2018.

ская демократия. (Выделено мной. — В.Т.). Нам некого подавлять, нам власть нужна для того, чтобы защищать страну от внешних врагов...»¹

Подобные мотивы господствовали в заявлениях Сталина с руководителями новой демократии Болгарии, Югославии, Чехословакии².

Ситуация изменилась в 1948–1949 годах. Это изменение Сталин связывал с тем, что появилась *экономическая база для диктатуры пролетариата*. В результате национализации основных средств производства, в том числе путём их экспроприации у прежних собственников, враждебно настроенных к курсу этих стран на социализм. Но при этом Сталин в своих беседах по-прежнему говорил, что Советская власть, появившаяся как диктатура пролетариата, к 1950-м годам уже в основном утратила эту функцию. Так, в беседе с членами болгарской делегации, состоявшейся 6 декабря 1948 года, Сталин даёт новую трактовку этого вопроса:

«В марксистской литературе выделяется две возможности или же две формы диктатуры пролетариата. То, что невозможно осуществить переход от капитализма к социализму без диктатуры пролетариата, мы считаем аксиомой... В Болгарии, где захват власти рабочим классом произошёл не путём внутреннего восстания, а через помощь извне, от советских войск, т.е. легко, без особых усилий, можно обойтись без советской формы, вернувшись к тому виду, о котором говорили Маркс и Энгельс, т.е. к народно-демократической парламентской форме».³

В последний раз И.С. Сталин участвовал в осмыслении проблем советского общества при подготовке и проведении XIX съезд КПСС (октябрь 1953 года). Съезд, как известно, отложил рассмотрение вопроса о новой Программе партии, правда, он записал стратегические установки в первом параграфе Устава КПСС. Понятие «диктатура пролетариата» в нём использовано. Но оно касалось былых этапов советского социализма:

«Коммунистическая партия Советского Союза, организовав союз рабочего класса и трудового крестьянства, добилась в результате Великой Октябрьской Социалистической Революции свержения

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 16. Ч. 1. М. 2011. С. 318, 319.

² См. там же. Т. 16. Ч. 1. М. 2011. С. 387–388, 399, 411, 699–700, 714; Т. 16. Ч. 2. М. 2012. С. 86–87, 114.

³ Там же. Т. 16. Ч. 1. М. 2011. С. 699.

власти помещиков и капиталистов, организации диктатуры пролетариата, ликвидации капитализма, уничтожения эксплуатации человека человеком и обеспечила построение социалистического общества»¹.

Уходить в отставку не хотела

Сталинская позиция по отношению к диктатуре пролетариата, как минимум, привела в смущение. И для этого есть, по меньшей мере, два основания. Первое — практически-политическое. Советская практика и конца 1940 годов, и последующих десятилетий советской истории свидетельствует о том, что методы, характерные для диктатуры пролетариата, сохранялись и после 1947 года, то есть той поры, когда в последней редакции проекта Программы ВКП(б) планировалось провозгласить, что диктатура пролетариата в СССР себя исчерпала. Иначе говоря, практика вступала в противоречие с предназначенным к провозглашению теоретическим постулатом.

Так, в 1948 году был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдалённые местности СССР». Речь идёт не о смирёных агнецах, незаслуженно репрессированных Советской властью. Высший орган государства определил такое наказание 10638 лицам, находившимся в заключении за «националистическую деятельность» в Литовской, Латвийской, Эстонской СССР и Западных областях Украины и Белоруссии». Это были прежде всего бандеровцы и так называемые «лесные братья», которые с оружием в руках боролись с Советской властью. 9 204 человека были отправлены в ссылку «за принадлежность к агентуре иностранных разведывательных, контрразведывательных и полицейских органов и за высказывание террористических и диверсионных намерений». 18277 человек были сосланы «как участники разных антисоветских организаций и групп или как лица, представляющие опасность по своим антисоветским связям».

Какое отношение к ним имеет диктатура пролетариата? За подобные преступления неизбежны наказания и в «общенародном

¹ Девятнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Бюллетень № 16. С. 56–57.

государстве». В Записке, направленной в Президиум ЦК КПСС 22 января 1955 года, Генеральный прокурор СССР Р. Руденко, министр внутренних дел СССР С. Круглов, председатель КГБ СССР И. Серов и министр юстиции СССР К. Горшенин отвечают на поставленный вопрос: заключение за свои преступные действия эти лица отбывали по решению суда, а в ссылку были отправлены во внесудебном порядке¹.

В этот же ряд можно поставить «ленинградское дело».

А вот протокольная запись заседания Президиума ЦК КПСС, состоявшегося 8 февраля 1954 года, где обсуждался вопрос «Об образовании Комитета государственной безопасности СССР». Характеризуя «сложившуюся в последнее время обстановку», выступавший на нём А.И. Микоян утверждал, что «есть города, где ночью боятся выходить на улицу». Оценивая работу милиции, Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв заявил: «Есть факты – стреляют в народ». Председатель Совета Министров СССР Г.М. Маленков отметил: «За характеристикой кадров обращаемся в МВД, [Надо] покончить с этим». Ещё более обращает на себя внимание его следующее замечание: «Внутри страны – взоры обращали не на друзей, а на врагов. Какая тут может быть любовь к органам?»²

Конечно, в этих речениях явно звучит предъявление претензий новых руководителей к своим предшественникам, в частности – к Л.П. Берия, чьё дело было ещё свежо для участников высоких заседаний. Но нетрудно найти перечень подобных деяний и в годы правления Н.С. Хрущёва.

Однако в отношении к диктатуре пролетариата проявлялась и противоположная тенденция, причём даже с нарастанием, особенно гнусно заявлявшим о себе в годы перестройки. Речь идёт сначала о пренебрежении интересами рабочего класса, а затем и о целенаправленном вытеснении его с политической арены. Антикоммунисты, не скрывающие, что для них рабочий класс – быдло, до сих пор со злорадством расписывают события 1962 года сначала в Алма-Ате, а затем в Новочеркаске.

Впрочем, для Хрущева вопрос о диктатуре пролетариата существовал не как политическая и уж тем более теоретическая пробле-

¹ См.: Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Т. 2. Постановления. 1954 – 1964. М., 2015. С. 123.

² Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2015. С.38.

ма. У этой проблемы он видел только пропагандистский аспект. Но усердие «вождей и советников» хрущёвской поры лишило проблему диктатуры пролетариата политического содержания и диалектического осмысления. Более того, общество раскололось по отношению к этой проблеме по принципу: да-да, нет-нет, а остальное от лукавого.

Но если диктатура пролетариата — это *средство* строительства социализма, то, может быть, и относиться к ней надо диалектически: в одних условиях она неизбежна и является сердцевинной политического функционирования социально-экономической системы, а в других — чутко дремлет, готовая в любой момент стать под ружьё на службу рабочему классу. Я вполне допускаю, что в 1947 году, когда разрабатывался проект третьей Программы ВКП(б), Сталин, Жданов и их соратники с чистой совестью могли её отправить в отпуск, пока общественно-политическое единство советского общества по-прежнему носило фронтовую гимнастёрку и солдатскую шинель. Но её надо было срочно отзывать из отпуска, как только были обнаружены в экономике первые «теневики», начали плодиться «несуны», а партбилет КПСС стал использоваться в качестве пропуска карьеристов на должность.

Решительно настаиваю, что в *сегодняшней* Программе КПРФ положение о диктатуре пролетариата должно занимать положенное ему важное место. Оно требуется как *средство преодоления диктатуры буржуазии*. Оно должно будет обязательно присутствовать в партийной Программе и после преодоления реставрации капитализма, так как именно диктатуре пролетариата предстоит безоговорочно стать принципом и инструментом возрождённого функционирования советского государства. Удовлетворение вызывает тот факт, что в документах VI (октябрьского 2014 года) и VII (мартовского 2015 года) пленумов ЦК КПРФ тезис о необходимости диктатуры пролетариата для результативной борьбы с диктатурой буржуазии ясно и выпукло прописан. Но идут не только месяцы, но и годы, а о нём не вспоминают даже «по праздникам». А ведь сталинские уроки большевистской тактики учат, что требование диктатуры пролетариата должно быть, как минимум, агитационным лозунгом.

ОЧЕРК ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

КТО КОГО ПРЕДАЛ: РАБОЧИЕ СВОЮ ПАРТИЮ ИЛИ ПАРТИЙНЫЕ ВОЖДИ РАБОЧИЙ КЛАСС?

Размышления о цене отказа от диктатуры пролетариата во время наступления контрреволюции

Убеждён, что трагедия советского социализма тесно связана с отказом от диктатуры пролетариата. Тем более, что, начиная с рубежа 1950 — 1960-х годов, успехи социалистического строительства соседствовали с нарастающей активностью мелкобуржуазных и буржуазных элементов в обществе. Естественно, что в этом серьёзную роль играл субъективный фактор. При этом он проявлялся не только в деятельности руководства Коммунистической партии и Советского государства, но и в поведении... рабочих, колхозников, служащих, интеллигенции. КПСС забыла о «родимых пятнах капитализма», объективно присущих этапу социалистического строительства и проявлявших себя в просыпавшейся мелкобуржуазности и буржуазности, особенно когда в массовом сознании, в том числе внутри партии, стали смыываться границы между инициативностью и предприимчивостью, деловитостью и делячеством. Этому морально-политическому сдвигу сопутствовало — стихийно, а потом, в перестройку, и сознательно — оттеснение рабочего класса на «вторые роли» в политической жизни общества ренегатским руководством КПСС. Процесс этот «идеологически» обосновывался им ссылками на ускоряющийся научно-технический прогресс. А возможности восстановления ставшей вновь необходимой диктатуры пролетариата уже свелись к минимуму: не могла же она существовать без ведущей роли рабочего класса.

Сталин о месте рабочего класса в диктатуре пролетариата

Вопрос о механизме осуществления рабочим классом своей диктатуры в партии широко обсуждался в начале 1920-х годов. Строго говоря глубинной проблемой дискуссии о профсоюзах на IX и X съездах РКП(б) была именно проблема поиска политического субъекта, через который пролетариат мог бы осуществлять свою диктатуру. В.И. Ленин и его единомышленники исходили из того, что эту роль успешнее всех способны выполнять Советы рабочих депутатов и правящая в них большевистская партия.

После смерти Ленина эстафету защиты и проведения в жизнь этой принципиальной позиции принял на себя Сталин. В «Основах

ленинизма» (апрель – май 1924 года) он определил РКП(б) как *орудие диктатуры пролетариата*. Причем к этой роли партии он подошёл диалектически, указывая не только на её руководящую роль, но и – а это особенно значимо – на то, что *она, партия, является орудием в руках рабочего класса*. Он писал:

«Партия есть высшая форма организации пролетариата. Партия является основным руководящим началом внутри класса пролетариев и среди организаций этого класса. Но из этого вовсе не следует, что партию можно рассматривать как самоцель, как самодовлеющую силу. Партия есть не только высшая форма классового объединения пролетариев, — она есть вместе с тем *орудие* в руках пролетариата *для* завоевания диктатуры, когда она ещё не завоевана, *для* укрепления и расширения диктатуры, когда она уже завоевана»¹.

На IX и X съездах РКП(б) у ряда видных партийцев возникали сомнения в том, что Коммунистическая партия является авангардом пролетариата, так как она, во-первых, составляет его меньшинство, во-вторых, у рабочего класса есть другие, более массовые, свои организации (на тех съездах особое внимание уделялось профсоюзам). За прошедших с тех пор три года жизнь подтвердила ленинскую правоту. Сталин в работе «Об основах ленинизма» тоже обращает внимание на то, что «у пролетариата имеется ещё целый ряд других организаций, без которых он не может вести успешную борьбу с капиталом: профессиональные союзы, кооперативы, фабрично-заводские организации, парламентские фракции, беспартийные объединения женщин, печать, культурно-просветительные организации, союзы молодежи, революционно-боевые организации (во время открытых революционных выступлений), Советы депутатов, как государственная форма организации (если пролетариат находится у власти) и т. д.»². Но при этом подчёркивал: «Партия есть высшая форма классовой организации пролетариата»³.

Действительно, она присутствовала во всех этих рабочих организациях. Она создавала из своих членов, работающих в этих организациях, партийные фракции, которые вырабатывали консолидированную позицию, стремясь проводить её в этих организациях. В то же время ни одна из других рабочих организаций не имела такой практики, да и в принципе такой возможности. Кстати, от создания

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 179–180.

² Там же. С. 177.

³ Там же. С. 179.

своих фракций и групп в рабочих, молодёжных, женских и других общественных организациях КПСС отказалась только в 1960-е годы.

Генеральный секретарь ЦК РКП(б) был убеждён, что у большевистской партии для успешной реализации своей роли есть все данные. Он, в частности, утверждал, что это возможно потому, «во-первых, что партия есть сборный пункт лучших элементов рабочего класса, имеющих прямые связи с беспартийными организациями пролетариата и очень часто руководящих ими; потому, во-вторых, что партия, как сборный пункт лучших людей рабочего класса, является лучшей школой выработки лидеров рабочего класса, способных руководить всеми формами организации своего класса; потому, в-третьих, что партия, как лучшая школа лидеров рабочего класса, является по своему опыту и авторитету единственной организацией, способной централизовать руководство борьбой пролетариата и превратить, таким образом, все и всякие беспартийные организации рабочего класса в обслуживающие органы и приводные ремни, соединяющие её с классом»¹.

После проросших в партии формализма и политического лицемерия в конце 1950-х годов, достигших пика в годы «горбостройки» и не искоренённых до наших дней, у читателя может возникнуть вопрос: а не относятся ли к этому же разряду приведённые выше слова о ведущей роли рабочего класса в диктатуре пролетариата, в функционировании Советской власти, в деятельности самой партии?

История большевистской партии дала убедительные ответы на него. В 1912 году Сталиным был разработан «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату». Вот его ключевой мотив:

«Мы думаем, что Россия живёт накануне грядущих массовых движений, быть может, более глубоких, чем в пятом году... Застрельщиком этих движений будет, как и в пятом году, наиболее передовой класс русского общества, русский пролетариат.

Союзником же его может быть лишь многострадальное крестьянство, кривно заинтересованное в раскрепощении России.

Борьба на два фронта, — с феодально-бюрократическими порядками и с либеральной буржуазией, ищущей союза с... властью, — вот какую форму должны принять будущие выступления народа.

И борьба эта будет победоносна лишь постольку, поскольку рабочий класс будет выступать во главе народного движения.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 178–179.

Но чтобы рабочий класс мог с честью выполнить роль вождя народного движения, он должен быть вооружён сознанием своих интересов и большой организованностью.

Думская трибуна и является одной из лучших средств при данных условиях для просвещения и организации широких масс пролетариата.

Именно для этого и посылаем в Думу нашего депутата, поручая ему и всей социал-демократической фракции IV Думы широкое распространение с думской трибуны требований, а не пустую игру в законодательствование в господской Думе...

Мы бы хотели, чтобы с высоты думской трибуны громко раздавались голоса членов соц.-дем. фракции о конечной цели пролетариата, о полных и неурезанных требованиях пятого года, о русском рабочем классе, как вожде народного движения, о крестьянстве, как наиболее надёжном союзнике рабочего класса, о либеральной буржуазии, как изменнице «народной свободы»¹.

Заметим, что В.И. Ленин придавал этому наказу большое значение. Направляя его в типографию для напечатания в газете «Социал-демократ», он писал на полях: «Непременно *вернуть!!* Не испачкать. *Крайне важно* сохранить этот документ. *В набор*»². В письме в редакцию «Правды» Ленин настаивал: «Непременно поместите этот наказ петербургскому депутату на видном месте крупным шрифтом»³.

Этот документ интересен тем, что он фактически был избирательной платформой большевистской партии при выборах в IV Государственную думу, проходивших в 1912 году. Опираясь на эту платформу, большевики сумели получить все 6 мандатов, предоставленных царским правительством рабочей курии. Все думцы, входившие в большевистскую фракцию, в своей каждодневной депутатской деятельности, руководствовались прежде всего этим Наказом (это относится и к провокатору Малиновскому, который в публичной работе следовал требованиям этого партийного документа, но если рассматривать всю его деятельность, то она, безусловно, была верхом политического лицемерия).

Убедительнейшим доказательством тесной связи большевистской партии с рабочим классом явились события 1924 года, когда, как писал Владимир Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин»,

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 2. С. 251–252.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 111.

³ Там же. С. 113.

Стала
величайшим
коммунистом-организатором
Даже сама
Ильичёва смерть.

В этом не было ни капли преувеличения. Уже в номере за 24 января 1924 года «Правда» печатала коллективные письма рабочих с просьбой принять их в ленинскую партию. Начавшийся поток с каждым днём нарастал. Пленум ЦК РКП(б) 31 января принял постановление о Ленинском призыве. Это был уникальнейший документ — «О приёме рабочих от станка в партию»¹. В связи с тем, что проходившая за несколько дней до смерти Владимира Ильича XIII Всесоюзная партийная конференция установила, что доля рабочего класса в партийных рядах составляет «лишь» чуть больше 40%, ЦК принял решение, что в ходе Ленинского призыва 90% принимаемых в РКП(б) должны составить «рабочие от станка», а остальные 10% — крестьяне из бедняков и середняков, особенно участники Гражданской войны. Вторая особенность: ЦК разрешил рассматривать коллективные заявления в ряды РКП(б), но решать вопрос о приёме каждого подписавшего их индивидуально. ЦК рекомендовал партийным ячейкам принимать в партию рабочих от станка на открытых собраниях, предоставив беспартийным рабочим право участвовать в решении вопроса об индивидуальном приёме того или иного товарища. В-третьих, срок Ленинского призыва был ограничен периодом от 15 февраля по 15 мая (потом он был на месяц продлён).

Во время этого призыва в печатавшейся в «Правде» работе «Об основах ленинизма» Сталин писал: «Недавно были приняты в нашу партию двести тысяч новых членов из рабочих. Замечательно тут то обстоятельство, что эти люди не столько сами пришли в партию, сколько были посланы туда всей остальной беспартийной массой, которая принимала активное участие в приёме новых членов и без одобрения которой не принимались новые члены. Этот факт говорит о том, что широкие массы беспартийных рабочих считают нашу партию *своей* партией, партией *близкой* и *родной*, в расширении и укреплении которой они кровно заинтересованы и руководству

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том 3. 1924–1927. М. 1970. С. 14 – 16.

которой они добровольноверяют свою судьбу. Едва ли нужно доказывать, что без этих неуловимых моральных нитей, связывающих партию с беспартийными массами, партия не могла бы стать решающей силой своего класса.

Партия есть неразрывная часть рабочего класса»¹.

Во время Ленинского приема в партию было подано 350 тысяч заявлений. В результате индивидуального обсуждения на собраниях с массовым участием рабочих кандидатами в члены РКП(б) были приняты 241,6 тысячи человек. Из них 92,4% – рабочие от станка, остальные 7,6% – крестьяне.

17 июня 1924 года, когда Ленинский приём был только что завершён, И.В. Сталин выступал с докладом «Об итогах XIII съезда РКП(б)» на курсах секретарей укомов при ЦК партии. В этом докладе он в нескольких словах ёмко подвёл политический итог закончившейся акции:

«Я не буду распространяться о том, что ленинский призыв, т. е. факт приема в нашу партию 250 тысяч новых членов из рабочих, говорит о глубокой демократичности нашей партии, о том, что *наша партия является по сути дела выборным органом рабочего класса*. (Выделено мной. – В.Т.). В этом смысле значение ленинского призыва безусловно колоссально»².

Через 66 лет М.С. Горбачёв и его сторонники из партийного руководства сделали всё, чтобы использовать XXVIII съезд КПСС для отречения и от клятвы у гроба партии, данной от имени коммунистов Сталиным, и от ленинизма, и от рабочего класса как основы и социальной базы Коммунистической партии. По сути на том съезде оно отказалось и от коммунистического характера партии, о чём свидетельствовало решение о разработке новой партийной программы. Более того, ярый горбачёвец-яковлевцев, секретарь ЦК КПСС, главный редактор газеты «Правда» И.Т. Фролов предлагал в решения съезда внести следующий пункт: «Съезд считает утратившей силу ныне действующую Программу КПСС, создаёт комиссию по выработке программы...»³ Председатель Редакционной комиссии съезда В.А. Ивашко резонно заметил: «Если мы запишем слова «утратившей силу», то, по существу, надо сказать, что партии

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 173.

² Там же. С. 255.

³ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчёт. М., 1991. Т. 2. С. 221.

нашей нет, потому что что́ это за партия, у которой нет Программы»¹. За предложение Фролова проголосовало менее 18,2% делегатов. В то же время было принято Заявление съезда «К гуманному, демократическому социализму», которое, получило статус «Программного заявления XXVIII съезда КПСС» и, как разъяснил делегатам председатель съездовской комиссии по этому документу, секретарь ЦК КПСС В.А. Медведев, партии предстоит «впредь до принятия новой Программы партии руководствоваться этим документом»².

Этот документ послужил ориентиром для разработки проекта новой программы партии, опубликованного в августе 1991 года. Он означал разрыв с революционным марксизмом и носил откровенно социал-демократический характер. Проект, появившийся в результате решений XXVIII партсъезда, являлся отказом от ленинского наследия и был ренегатским по отношению не только к марксизму-ленинизму, но и к Великой Октябрьской социалистической революции. Он представлял собой и в политическом, и в теоретическом отношении много шагов назад. Здесь будет к месту вспомнить тезис Сталина, содержащийся в работе «Об основах ленинизма»:

«Отмечают, обычно, исключительно боевой и исключительно революционный характер ленинизма. Это совершенно правильно. Но эта особенность ленинизма объясняется двумя причинами: во-первых, тем, что ленинизм вышел из недр пролетарской революции, отпечаток которой он не может не носить на себе; во-вторых, тем, что он вырос и окреп в схватках с оппортунизмом II Интернационала, борьба с которым являлась и является необходимым предварительным условием успешной борьбы с капитализмом. Не следует забывать, что между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лениным — с другой, лежит целая полоса безраздельного господства оппортунизма II Интернационала, беспощадная борьба с которым не могла не составить одной из важнейших задач ленинизма»³.

От имени партии, одновременно предавая её, иуды, добравшиеся до высоких постов, идеологически отступали на много десятилетий назад.

И сегодня можно слышать вопрос: как могло случиться, что партия, наследовавшая принципы большевизма, пошла на пово-

¹ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчёт. Т. 2. С. 222.

² Там же. С. 265.

³ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 71.

ду у ренегатов? Сталин предлагал такое объяснение идейного разложения на примере партий II Интернационала: «Оппортунисты приспосабливались к буржуазии в силу своей приспособленческой, мелкобуржуазной природы, — «ортодоксы» же в свою очередь приспосабливались к оппортунистам в интересах «сохранения единства» с оппортунистами, в интересах «мира в партии». В результате получилось господство оппортунизма, ибо цепь между политикой буржуазии и политикой «ортодоксов» оказалась замкнутой»¹. Пожалуй, такое объяснение сдвига социал-демократических, а потом и коммунистических партий вправо является методологически верным и продуктивным.

Однако нельзя спрятаться от ещё одной проблемы-занозы. Ведь становым хребтом коммунистической партии является пролетариат. А как реагировали на ренегатство партийной верхушки рабочие? Попытаемся ответить на этот самый острый вопрос.

Полученное наследство

Сейчас М.С. Горбачёв заявляет, что он взошёл на партийный олимп убеждённым антикоммунистом, карабкавшимся по ступенькам карьерной лестницы, чтобы разрушить советский социализм. Какая чушь! Вы можете представить Горбачева антисоветским Штирлицем? Он даже на Герострата-то не тянет, хотя волей обстоятельств оказался именно им. Герострат был честнее: не кричал, будто он созидатель. Этот же, разрушая катапультировавшие его наверх партию и государство, продолжал до последнего часа властвования, когда ему уже никто не верил, вещать: «Больше демократии, больше социализма!» А оказавшись скинутым с олимпа, трусливо выбрал себе роль предателя...

На разрекламированном самим М.С. Горбачёвым и его командой апрельском (1985 года) пленуме ЦК КПСС генсек ни о какой перестройке вообще не говорил. Его доклад был посвящен задачам ускорения социально-экономического развития СССР. Он повторял появившуюся ещё при Брежневем нереализованную, но в принципе правильную формулу о соединении достижений научно-технической революции с преимуществами социализма, пересказывая уже имевшиеся (в основном на бумаге, а не на деле) заготовки 1970-х годов о переходе от экстенсивных методов производства к интенсив-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 80.

ным. И советские люди бурно аплодировали, так как были убеждены: ускорение советскому обществу и необходимо, и по силам. Они готовы были брать новые социалистические высоты.

Советская власть была безусловно рабочей, трудовой. Не потому, что так себя величала, хотя сформированная уже более 100 лет назад, 8 ноября 1917 года, она называлась Временным рабоче-крестьянским правительством. Посмотрим в корень проблемы. Советская власть была формой диктатуры пролетариата и носила антиэксплуататорский характер. Это признают как её сторонники, так и ненавистники.

В канун Октябрьской революции в опубликованной в «Правде» статье «Власть Советов» Сталин так характеризовал сущность этой власти:

«Власть Советов – это значит диктатура пролетариата и революционного крестьянства.

Диктатура эта в корне отличается от диктатуры империалистической буржуазии, которую не так давно старались установить Корнилов и Милюков при благосклонном участии Керенского и Терещенко. Диктатура пролетариата и революционного крестьянства означает диктатуру трудящегося большинства над эксплуатирующим меньшинством, над помещиками и капиталистами, над спекулянтами и банкирами, во имя демократического *мира*, во имя рабочего *контроля* над производством и распределением, во имя *земли* для крестьян, во имя *хлеба* для народа»¹.

Диктатура пролетариата в лице Советской власти выметала с командных высот тех, кто считал рабочего человека быдлом. Она действительно усердно старалась учить слесарей, пахарей и кухарок управлять – если не всем государством, то государственными предприятиями. Она сформировала невиданный в мире управленческий аппарат – выдвиненцев. Учила их как в живом деле, так и направляя на рабфаки, в Коммунистические университеты, в Промакадемию, в сотни открытых технических, педагогических, сельскохозяйственных вузов и техникумов. Её житейские, бытовые щедроты были суровыми. Отрез ткани в награду – это не киношная придумка про красные шаровары лихого конника. Сегодня ещё живы люди, которые получали подобные премии за ударничество, стахановские достижения, изобретательство. В скудное время власть и таким способом подтверждала, что она рабоче-кре-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 369–370.

стьянская, что труд в СССР есть дело чести, дело славы, доблести и геройства.

Энтузиазм масс был реальной существенной чертой общества строителей социализма. Но он, как учил В.И. Ленин, надёжно сохраняется, расширяется, развивается тогда, когда опирается на материальный интерес человека-труженика. Применяя и развивая ленинское положение в практике довоенных пятилеток, Сталин ставил соответствующие задачи перед хозяйственными руководителями, перед советским и партийным аппаратом:

«Нынешний рабочий, наш советский рабочий, хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей и в смысле продовольственного снабжения, и в смысле жилищ, и в смысле обеспечения культурных и всяких иных потребностей. Он имеет на это право, и мы обязаны обеспечить ему эти условия. Правда, он не страдает у нас от безработицы, он свободен от ярма капитализма, он больше не раб, а хозяин своего дела. Но этого мало. Он требует обеспечения всех своих материальных и культурных потребностей, и мы обязаны исполнить это его требование. Не забывайте, что мы сами выступаем теперь с известными требованиями к рабочему, — требуем от него трудовой дисциплины, напряжённой работы, соревнования, ударничества. Не забывайте, что громадное большинство рабочих приняло это требование Советской власти с большим подъёмом и выполняет его героически. Не удивляйтесь поэтому, что, осуществляя требования Советской власти, рабочие будут в свою очередь требовать от неё выполнения её обязательств по дальнейшему улучшению материального и культурного положения рабочих».¹

Социальная справедливость выступала в социалистическом обществе одновременно и величайшей ценностью, и высоким требованием как всего советского народа, так и отдельной личности.

Благодаря своему рабоче-крестьянскому характеру Советская власть не допускала, чтобы руководитель предприятия и даже министр имели доходы, стократно и тысячекратно превышающие доходы рабочего человека. В РСФСР в 1970 году средняя зарплата рабочего была 152 рубля 90 копеек, а республиканского министра — 450 рублей. К 1980 году зарплата у рабочего увеличилась в среднем на 52 рубля 30 копеек, а министра РСФСР — на 50 рублей. Да, у министра была ещё ежегодная путёвка в санаторий и даже,

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 59–60.

говорят, случались премии. Но всего в России в 1980 году в санаториях и домах отдыха (без одно-, двухдневных) побывали 23 миллиона 237 тысяч рабочих и служащих. Кстати, рабочих много больше, чем служащих.

Причём большинство — по льготным путевкам. В 1970 году бесплатно получили новые квартиры 877 тысяч семей россиян, в 1975 году — 1 миллион семей, а в 1980-м — 985 тысяч семей. И опять-таки при получении квартир первоочередниками были рабочие.

Но главное достоинство состояло в том, что каждый соотечественник ощущал: его жизнь ежегодно улучшается. Цены были стабильные. Никому не грозила безработица, а повышать квалификацию (а, следовательно, и зарплату) даже понуждали. Впрочем, всё это было в доперестроечную пору. А сегодня наши противники в споре о социализме любят приводить (правда, и то выборочно!) факты и цифры только последних пяти лет существования Советского государства, когда оно всё более переставало быть советским и отказывалось быть рабоче-крестьянским.

Указывая на рукотворные проблемы перестроечных лет, надо в то же время признать, что они накручивались на ошибки и изъяны, которые накапливались и в предыдущие десятилетия. Темпы производства товаров массового спроса постоянно отставали от темпов роста производства средств производства. При этом в 1950-е годы отрыв был более чем двукратный, в 1960-е он достиг 2,5 раза, в 1970-е приблизился к трехкратному, а в 1980-е стал практически трехкратным.

Приверженность руководства страны к экстенсивному росту экономики, совершенно естественная и объяснимая в довоенные и первые послевоенные пятилетки, стала всё больше тормозить развитие экономики. В 1970-е годы ежегодный рост промышленного производства превышал 8%, в первой половине 1980-х годов он снизился почти до 3%. Правда, стабильный многолетний рост производства промышленности в 3% нынешняя российская власть посчитала бы за манну небесную. Так, индекс физического объёма выпуска промышленного производства (он исчисляется на основе данных основных сфер экономики: добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств, обеспечения электрической энергией, газом и паром; кондиционирования воздуха, водоснабжения; водоотведения, сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений — в натуральном или стоимостном выражении) в первом квартале 2019 года по сравнению

с соответствующим периодом 2018-го упал, по данным Росстата, на 15,0%¹.

Нет, застоя в экономике брежневских времен, конечно же, не было. Тут даже не требуются экономические выкладки: достаточно вспомнить создание территориально-производственных комплексов в Иркутской области и Красноярском крае, Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, территориально-промышленного комплекса в Восточной Татарии, строительство БАМа и т.д. Но снижение темпов — налицо. Задержки с переходом от экстенсивных методов производства и социально-экономической жизни были в немалой степени связаны с тем, что КПСС в своей организаторской деятельности стала всё реже «заглядывать за горизонт», то есть ставить серьёзные и привлекательные стратегические задачи, требующие осознанного и энергичного участия миллионов советских людей в их реализации, делающих советского человека сотворцом товарищеского способа производства. Вовлечённость в созидание новых, более справедливых общественных отношений, в совершенствование социалистического общества перестала ощущаться в качестве смысла жизни миллионами соотечественников. А это неизбежно порождало растущее отчуждение рабочего класса, да и всех трудящихся страны от труда, от социалистической собственности, от власти.

В общем, в 1985–1986 годах и нового Генерального секретаря ЦК КПСС, и провозглашённую им преемственность в курсе на ускорение социалистического развития советские люди поначалу встречали аплодисментами.

Преступная смена ориентиров

Но весьма скоро и рабочий класс, и партия, и даже сам генсек обнаружили, что ускоряется только кругооборот слов. Новая руководящая команда, может, и хотела творить большие дела, но не умела. Она не смогла подняться до масштаба державного мышления, оценивая происходящее в стране и мире с высоты местечковых, в лучшем случае — директорских кресел.

Между тем честолюбие и властолюбие Горбачёва распирали, он жаждал мировой славы. Вот тогда (только тогда) было запущена

¹ Социально-экономическое положение России. Январь — март 2019. М.: Росстат. 2019. С. 19.

первоначально невнятная, малосодержательная «концепция» перестройки. Рабочий класс, как и все люди труда, привыкшие к созиданию, поначалу подумали, что это способ осуществить ускорение, но вскоре пришлось разочароваться: горбачевская перестройка была начинена разрушением, так как покушалась на опорные конструкции советского социализма. И первой её целью стало оттеснение на общественно-политическую обочину рабочего класса, для чего требовалось его раздробить, разрушить его единство, а значит, и единство партии.

Вспомните, какой первый реальный шаг осуществили архитекторы и прорабы перестройки. Да, новые кооперативы. Обещали за полгода-год обеспечить страну самыми нужными дешевыми товарами массового спроса и услугами. Но ни того, ни другого не случилось. В действительности большинство кооперативов создавалось на базе ключевых производственных участков государственных предприятий да в торговле. Экономический итог был ничтожным, а политический — невиданных разрушительных масштабов. Вот как об этом говорила 6 июля 1990 года с трибуны XXVIII съезда КПСС работница Калининского производственного объединения «Химволокно» Л.П. Родионова:

«Я очень обеспокоена тем, что в моей партийной ячейке люди выходят из партии, написав в заявлении: «Не хочу быть в партии, которая создала спекулятивные кооперативы»... Как я, коммунист Родионова, могу объяснить сегодня простому рабочему, почему в моем городе Калинин, или уже теперь в Твери, человек на рынке продает детское мыло, которое стоит 27 копеек, по рублю пятьдесят, а пачку сигарет, которая стоит 25 копеек, — от рубля до двух рублей? Как я могу объяснить, почему у нас в городе, где имеются хлопчатобумажный комбинат, шелкоткацкая фабрика, в моём универмаге я не могу купить и метра какого-нибудь материала? В то же время рядом, на городском рынке, можно купить этот материал втридорога. Кто это: кооператор или спекулянт? Если спекулянт, давайте назовем его своим именем. И давайте наведем здесь какую-то дисциплину»¹.

Коммунист Родионова ставила вопрос об укреплении социалистической дисциплины. Фактически она требовала от руководства партии классового подхода к созданию «новых» кооперативов. А такой подход был необходим, так как рабочий класс не принимал

¹ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М. 1991. Т. 1. С. 541.

курс, ведущий к возрождению правого уклона, «к полной ликвидации советской политики цен, к ликвидации регуливающей роли государства на рынке и к полному развязыванию мелкобуржуазной стихии»¹. Именно так характеризовал позицию правого уклона в речи на апрельском (1929 года) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) И.В. Сталин, и позиция ткачихи из г. Калинина (ныне Твери) совпала со сталинской позицией. И Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) в речи на том пленуме ставил вопрос ребром:

«Кому это будет выгодно?»

Только зажиточным слоям города и деревни, ибо дорогие товары и сельскохозяйственные продукты не могут не стать недоступными как для рабочего класса, так и для бедноты и маломощных слоёв деревни. Выигрывают кулаки и зажиточные, нэпманы и другие состоятельные классы. Это тоже будет смычка, но смычка своеобразная — смычка с богатыми слоями города и деревни. Рабочие и маломощные слои деревни будут иметь полное право спросить нас: какая вы власть, рабоче-крестьянская или кулацко-нэпманская?»²

Горбачёв и его поделщики стремились не допустить, чтобы рабочий класс так по-сталински ставил перед ними вопрос. Но выступления рабочих делегатов на съезде ясно показывали: их товарищи по классу осознают, что спекулятивные кооперативы создавались с той же политической целью, что и рецепты лидеров правого уклона: теперь они предназначались для дробления рабочего класса на такие социальные группы, которые ориентировались бы на буржуазное жизнеустройство. Новые кооперативы ни в кулинарии, ни в сфере быта не привились, обещанными вкусными пирожками страну не завалили. Зато они плодились на базе заводских участков, от которых технологически наиболее сильно зависело всё производство. В результате такой кооператив начинал диктовать условия всему заводу. В том числе и финансовые. К тому же кооперативы, вопреки советской практике, получили право обналичивания средств.

В общем, разрыв в зарплате рабочих одной профессии и одинаковой квалификации, занятых на соседних заводском и кооперативном участках, достигал двух, трёх и более раз. Так горбачевская политика искусственно создавала трещины внутри рабочего класса. Коммунисты-рабочие активно протестовали против ренегатства партийных верхов, вплоть до выхода из рядов КПСС.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 47.

² Там же.

Но антирабочая политика горбачёвского руководства не ограничилась кооперативами. Были приняты и другие похожие решения, которые вели к разрушению единства трудящихся. Об этом всего через несколько минут после Л.П. Родионовой говорил на съезде Б.А. Аникин с Подольского электромеханического завода, которого после короткой речи многие делегаты провожали аплодисментами:

«Товарищи делегаты! Довожу до вас беспокойство ряда промышленных предприятий. В народном хозяйстве страны начинают появляться новые негативные явления, подобные тем, которые связаны с явлениями в кооперативном движении. При создании совместных предприятий с зарубежными фирмами уровень заработной платы на этих предприятиях в 2–3 раза выше, а производительность труда всего на 10–15% выше. Николай Иванович (Рыжков. — *В.Т.*) и Юрий Дмитриевич (Маслюков. — *В.Т.*)! Нужно регулировать это движение. Прежде всего его надо направлять на расштение узких мест в нашем народном хозяйстве, ибо свои трудовые ресурсы и материальные ценности в настоящее время тратим не на те цели, на которые нужно»¹.

Но Горбачёву и его единомышленникам теперь был нужен раскол в рабочем классе для разрушения партии, для трансформации её в прислуживающую капиталу социал-демократию. Ради этого с конца 1987 года наращивались акции, которые вызывали недовольство прежде всего в рабочей среде.

Надо признать, что Горбачёв, Яковлев и их единомышленники усвоили сталинскую формулу о том, что «кадры решают всё», что «после того, как дана... политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь»². Только использовались ими сталинские выводы для противоположных целей. Руководство идеологической службы партии подбирало кадры с мелкобуржуазным мировидением.

Идеологическое обеспечение формирования массовых антисоциалистических настроений было поручено выполнять СМИ, в том числе партийным. Для этого была осуществлена тотальная смена главных редакторов. Особая роль была отведена журналу «Огонёк»,

¹ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С. 556.

² Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 210.

руководителем которого был назначен недавний автор стихов о Ленине, а теперь ярый антисоветчик В. Коротич, и газете «Московские новости» (главный редактор Е. Яковлев).

Были сменены руководители практически всех центральных изданий. Так, главным редактором «Правды» вместо фронтовика, талантливый философ В.Г. Афанасьев был назначен помощник генерального секретаря ЦК КПСС И.Т. Фролов.

Вместо принципиального коммуниста-учёного профессора Р.И. Косолапова руководить журналом «Коммунист» был направлен послушный Н.Б. Биккенин, а его первым заместителем стал не скрывавший своего оппортунизма О. Лацис. Активно дирижировал этими процессами А. Яковлев (то ли верный подручный Горбачева, то ли его кукловод).

Организаторскую работу по разрушению социалистического единства выполняли сначала диссиденты со стажем, кучковавшиеся возле «Демократического союза». Даже на XXVIII съезде КПСС распространялись материалы этой агрессивной антикоммунистической партии¹. Затем эстафету приняла вдохновляемая А.Н. Яковлевым «Демократическая платформа в КПСС», а потом и вылупившаяся из неё Демократическая партия.

Секретарь парткома Новолипецкого металлургического завода А.И. Теплинничев возмущался: «В Москве на съезде Демократической партии выступали наши липчане. Послушайте, что они говорили: «Сравнительная закормленность жителей области не способствует решительным переменам в экономике и политике». Иными словами, этих людей больше устраивало бы то, чтобы люди ходили голодными, митинговали или бастовали. Это не что иное, как недостойная игра в демократию. Такая демократия народу не нужна»².

Впрочем, в 1990 году было модно утверждать, будто демократия единая, надклассовая. Это был способ насаждения в партии и обществе буржуазного мировоззрения. Ведь ещё в апреле 1917 года большевики аргументированно доказывали, что любая политическая позиция имеет классовую подоплёку. Вскоре после Февральской революции Сталин писал:

«Революция не может удовлетворить всех и вся. Она всегда одним концом удовлетворяет трудящиеся массы, другим концом бьёт тайных и явных врагов этих масс.

¹ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С. 524.

² Там же. С. 351–352.

Поэтому тут надо выбирать: либо вместе с рабочими и крестьянской беднотой *за* революцию, либо вместе с капиталистами и помещиками *против* революции»¹.

Демократическое дышло

Рубеж 1980—1990 годов дал немало примеров использования демократических процедур против интересов рабочего класса и всего советского общества. Например, выборность руководителей предприятий в промышленности сплошь и рядом оборачивалась падением не только трудовой, но и технологической дисциплины.

Пародированием демократии стал закон о выборах народных депутатов СССР, предусматривавший откровенное нарушение равного избирательного права граждан СССР. Если две трети депутатов избирались в территориальных округах, представлявших более-менее равное число избирателей, то каждый третий депутат в соответствии со специально принятым избирательным законом должен представлять... отдельные общественные организации. Таким образом, члены ЦК КПСС, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, академики и члены-корреспонденты АН СССР и других образований — о некоторых из них граждане впервые услышали во время той странной избирательной кампании — получали по дополнительному голосу. Чести избрать своего депутата был удостоен даже... Союз филателистов. Зато ни один трудовой коллектив такой привилегии не получил.

Открыв наугад справочник «Народные депутаты СССР» на страницах 92—93, что мы видим? Из 15 упомянутых здесь парламентариев десять получили мандаты в традиционных территориальных округах. Но рядом с ними оказались народные депутаты от женских советов, объединяемых Комитетом советских женщин, от профессиональных союзов СССР, от Всесоюзной организации ветеранов войны и труда, от потребительской кооперации и целых два избранника от Союза обществ Красного Креста и Красного полумесяца.

Кстати, Межрегиональная депутатская группа (МДГ), вобравшая в себя почти все контрреволюционные элементы («почти» потому, что в неё официально не входили М. Горбачёв, А. Яковлев, Э. Шеварднадзе, В. Медведев, В. Бакатин и ряд других их идейных родственников) состояла примерно наполовину из этих привилегированных депутатов. А.Д. Сахаров и Ю.Ф. Карякин были избраны

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 42.

народными депутатами от Академии наук СССР, Г.Х. Попов – от Союза научных и инженерных обществ СССР, А.М. Адамович – от Союза кинематографистов СССР, Т.И. Заславская и А.В. Яблоков – от научных обществ и ассоциаций при АН СССР, В.А. Тихонов – от ВАСХНИЛ и т.д. Здесь названы только те, кто входил в руководство МДГ и постоянно заявлял о себе самыми разными способами, но всегда против КПСС, социализма, Советской власти.

Подтвердилась истина: демократии неклассовой не бывает.

Однако наиболее цинично демократические процедуры были использованы при формировании делегатского корпуса XXVIII съезда КПСС. Он впервые в истории партии избирался не на партийных конференциях, а, если оценивать формально, очень демократично: прямым тайным голосованием и обязательно на конкурсной основе. Партия была разбита на территориально-производственные округа. Число кандидатов в делегаты не ограничивалось. Их программы и дебаты становились основным инструментом отбора. И вот «естественный» результат: через лукавую процедуру, в которой было фактически заложено преимущество для «говорливых» профессоров, директоров и иных мастеров разговорно-политического жанра, прошли те, кого и хотели иметь на съезде Горбачёв и его присные.

Потом председатель мандатной комиссии Ю.А. Манаенков сообщал, что из 4683 делегатов «на съезд избраны 543 рабочих, или 11,6% всего делегатского корпуса, и 255 колхозников, что составляет 5,4% всех делегатов»¹. Для сравнения: из 5002 делегатов XXVII съезда (1986 год) было 1370 рабочих социалистической индустрии и 877 работников сельского хозяйства². Выходит, на последнем, XXVIII съезде КПСС (1990 г.) на долю представителей серпа и молота приходилось всего-навсего 17% делегатов, тогда как на предыдущем съезде – 45%. Как говорится, чувствуете разницу? В 2,65 раза!

Это было осознанное отлучение рабоче-крестьянской части партии от решения вопроса о переводе страны на капиталистическое жизнеустройство. Ренегат Горбачёв и его поделельники боялись коммунистов-рабочих. Они сознательно отказывались от рабоче-крестьянской социальной базы партии. Между тем и Ленин, и Сталин постоянно заботились о том, чтобы партия не только по

¹ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С. 183.

² XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М. 1986. Т. 1. С. 269.

своей идеологии, но и по своему составу была рабочей партией. Выступая 17 апреля 1923 года с Организационным отчётом ЦК на XII съезде РКП(б), Сталин особое внимание уделил именно этому вопросу:

«В этом году, ввиду дальнейшего сокращения партии, ввиду того, что по целому ряду областей партия освободилась от непролетарских элементов, партия стала меньше, — немного меньше 400 тысяч. Это — не минус, это плюс, ибо по социальному составу партия улучшилась. Самое интересное в развитии нашей партии в смысле улучшения её социального состава, — это то, что имевшаяся раньше тенденция роста непролетарских элементов партии за счёт рабочего элемента прекратилась в отчётном году, что наступил перелом, наметился определённый уклон в сторону увеличения процента рабочего состава нашей партии за счёт непролетарского её состава. Это именно тот успех, которого мы добивались до времени чистки и которого мы добились теперь. Я не скажу, что в этой области было сделано всё, — далеко ещё не всё. Но перелома мы достигли, известного минимума однородности мы достигли, рабочий состав партии обеспечили, и очевидно, в дальнейшем придётся идти по этому пути в смысле дальнейшего сокращения непролетарских элементов партии и дальнейшего роста пролетарских элементов... Необходимо добиться максимума однородности нашей партии и, во всяком случае, решительного преобладания рабочего состава за счёт нерабочего. Партия должна и обязана сделать это, если она хочет сохранить себя, как партия рабочего класса»¹.

Дефицит по указу

Если исходить из буквы партийного Устава, предполагающего персональную ответственность руководителя, то надо признать, что «колбасные» электрички — детище Горбачева. Но не Горбачёва-генсека, а Горбачёва — секретаря ЦК КПСС, отвечавшего за сельское хозяйство и весь АПК (в этой должности он находился с 1978 года). Но если Горбачёв в роли главного партийного агрария продемонстрировал «лишь» деловую несостоятельность, неумение и неспособность решать поставленные перед ним задачи, то Горбачёв-генсек стал организатором разрушения социализма и Советского Союза. А сегодня речь только об этом.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 214, 215.

Можно ли допустить, что в результате чьего-то головотяпства все отечественные заводы по производству моющих средств были поставлены на ремонт одновременно на несколько месяцев? Ведь в результате во всей стране должен был неизбежно образоваться ажиотажный спрос на стиральный порошок, а вслед за этим и на мыло. Вернее предположить, что это была политическая диверсия верхов. Более того, вскоре она повторилась: на ремонте оказались все табачные фабрики. Здесь гнев прокатился не на кухнях хозяек, а в рабочих цехах, шахтах, на стройках.

А какой здравый государственный деятель придумает борьбу с алкоголем в условиях резко обострившегося бюджетного дефицита из-за небывалого падения цен на нефть — один из главных валютных источников государства? А какие общественно-политические мотивы могли подвигнуть продавать водку по талонам?

Трещина между руководством партии и страной расширилась, превращаясь в пропасть.

В конце мая 1989 года открылся I съезд народных депутатов СССР. На него народные избранники, если не считать политиканов из МДГ, принесли боль своих избирателей. На трибуне бригадир шахты «Распадская» из Междуреченска (Кемеровская область), депутат от КПСС В.М. Гвоздев: «Сегодня уровень жизни, особенно шахтёров Кузбасса, здорово снижается. И нельзя тут судить только по заработной плате, ибо она уже не в полной мере определяет уровень жизни. На свои заработанные деньги шахтёры не могут приобрести простые вещи: валенки, полушубки, тёплую одежду, обувь, которые необходимы в Сибири. Огромным дефицитом являются холодильники, стиральные машины, телевизоры»¹.

Если персонифицировать эту претензию, то она направлена генсеку Горбачёву. По данным Института экономики и организации производства Сибирского отделения АН СССР, в 1982 году потребление мяса и мясопродуктов в Кузбассе было заметно выше среднероссийского. Причём покупались эти продукты в государственных магазинах по весьма низким ценам. Учёные Кузбасса, знавшие ситуацию не понаслышке, обращали внимание на то, что редко кто из шахтёров в начале 1980-х брал положенное ему хозяйственное мыло в шахтерских мойках: предпочитали покупать в магазинах. В шахтёрских буфетах и столовых всегда продавались 2—3 сорта колбасы, сало, ветчина, горячие пирожки 3—4 наименований, молоко, кефир,

¹ Правда, 1989. № 117.

творожники. Можно было свободно купить одежду и товары культурно-бытового назначения¹.

В 1989 году Институт экономики и организации производства СО АН СССР повторил исследование в Кузбассе. 86% опрошенных утверждали, что за последние 2–3 года положение изменилось в худшую сторону прежде всего в снабжении продовольствием и промышленными товарами, 63% отметили ухудшение работы торговли². А в это время в популярной тогда телепрограмме «600 секунд» Александр Невзоров показывал прямые репортажи о том, как уничтожают колбасу и закапывают мясо. Факты искусственного создания дефицита отмечались как сторонниками горбачевской власти, так и «демократами», рвавшимися во власть. Их в последние годы документально подтверждали М. Полторанин, Г. Попов и ряд других авторов.

На чью мельницу капал шахтерский пот

Горнорабочий очистного забоя объединения «Донецкуголь» Г.А. Бухарков с трибуны XXVIII партсъезда говорил: «В сложившейся социально-экономической и политической ситуации труженики любой отрасли народного хозяйства имеют не меньше оснований для такого (как шахтеры. — *В.Т.*) выражения своих требований и претензий»³. Ему вторил секретарь парткома комбината «Печенганикель» Н.Н. Сидоркин: «Народ уже не столько разумом, сколько сердцем предчувствует надвигающуюся беду. Неверие, а потом и раздражение не могут не появиться, когда полки магазинов пусты и бесконечны очереди за тотальным дефицитом, поглощаются время и здоровье нации, усиливается экономический хаос»⁴.

4 июля 1990 года с трибуны съезда КПСС прозвучало сообщение делегатов шахтёров об их несогласии с решениями I съезда шахтёров страны, на котором верховодили эмиссары антисоветских, антикоммунистических сил. Они провели решение о выходе шахтёров из КПСС, о выводе парторганизаций за пределы пред-

¹ Андреев В.П., Воронин Д.В. Шахтёры и шахтёрское движение в Кузбассе в 1989–1991 гг. Кемерово, 2002. С. 49.

² См. там же. С. 48.

³ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С. 283.

⁴ Там же. С. 405.

приятий и о национализации партийного имущества¹. Шахтёрский съезд трудно назвать рабочим протестом, так как он лишал именно рабочих шахтёров даже права на выбор собственной политической позиции. А национализация партийного имущества означала не что иное, как установление диктатуры антикоммунистических сил. Более того, верховоды «шахтёрского» движения угрожали объявлением во время съезда КПСС всеобщей политической забастовки. Объективно же организаторы съезда помогали горбачёвцам противопоставить рабочий класс самим основам коммунистической партийности.

Съезд шахтёров не отражал глубинные позиции рабочего класса угольной промышленности. Об этом свидетельствует историк А. Лопатин, которого трудно заподозрить в симпатиях к социалистическим идеям.

Он писал: «Основной идеей единства демократов того времени был антикоммунизм. Однако считать антикоммунизм идеологией шахтёрского движения было бы преувеличением. Чёткого оформления идейных взглядов не произошло. Антикоммунизм основной массы людей был лишь отражением низкого уровня жизни. После путча августа 1991 года идейный антикоммунизм лидеров вылился в конструктивную поддержку реформаторов, а обывденный антикоммунизм рядовых шахтеров превратился в движение против реформ»².

Между тем на съезде складывалось такое впечатление, что делегаты-рабочие куда лучше, чем руководители партии, понимают трагические для страны последствия не только шахтёрской забастовки, но и раскола рабочего класса. Сразу же после угрожающего заявления «верховодов» шахтерского съезда выступил горнорабочий очистного забоя шахты «Максимовская» (Луганская область) М.И. Чурута: «Вчера мы обсуждали это обращение и считаем, что съезд не может не прореагировать на него. Мы также считаем, что ЦК КПСС и Политбюро проявляют политическую близорукость, не отреагировав на сам факт проведения съезда шахтеров в городе Донецке и на принятое им решение. Поэтому мы считаем и даже настаиваем на том, чтобы Николай Иванович Рыжков в ближайшие два-три дня выступил по Центральному телевидению с конкретными объясне-

¹ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С. 284.

² Лопатин Л.Н. Рабочее движение в Кузбассе в воспоминаниях его участников и очевидцев. М. 1998.

ниями того, как идут дела по 608-му постановлению (о коренном изменении ситуации в угольной промышленности. — *В. Т.*)»¹.

Представитель Кузбасса угольщик В.В. Плужников, поддержав товарища, заявил: «Михаил Сергеевич! На учредительном съезде Компартии России я заострял на этом внимание и предупреждал вас от имени всей делегации, что этот кризис и этот день придёт. Вы опять проявили политическую близорукость. Поэтому я прошу не с коммунистами встречаться, если эта встреча состоится, а с представителями рабочих комитетов угольных регионов»².

Своими выступлениями на партийном съезде рабочие фактически напоминали важнейшие положения работы Сталина «К вопросам ленинизма». А он там писал: «Авторитет партии поддерживается доверием рабочего класса. Доверие же рабочего класса приобретает не насилием, — оно только убивается насилием, — а правильной теорией партии, правильной политикой партии, преданностью партии рабочему классу, её связью с массами рабочего класса, её готовностью и её умением *убеждать* массы в правильности своих лозунгов»³. Но возглавлявший партию Генеральный секретарь её ЦК уже отказался от марксистско-ленинской теории, от установок большевизма, от служения рабочему классу и советскому народу. Показательно, что если Рыжков поручение рабочих-делегатов съезда выполнил, то встреча Горбачева с рабочими не состоялась.

На следующий день, обращаясь от имени делегатов-железнодорожников к шахтёрам, А.Д. Русак (локомотивное депо Москва, г. Омск) призывал: «В критический момент, когда экономика страны нуждается в серьёзном излечении, когда накал социальных страстей достиг наивысшего напряжения, мы, железнодорожники — делегаты XXVIII съезда КПСС, от имени многомиллионного коллектива стальных магистралей и их семей обращаемся к вам, уважаемые труженики угольных шахт и разрезов, найти в себе силы и волю, проявить благоразумие и выдержку, не руководствоваться эмоциями, не прекращать столь необходимый стране труд по добыче угля»⁴.

¹ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С. 284–285.

² Там же. С. 285.

³ Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 42–43.

⁴ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С. 467.

Железнодорожникам вторили металлурги. На трибуне оператор Донецкого металлургического завода имени В.И. Ленина П.Л. Могилёвцев: «Мы, металлурги, делегаты XXVIII съезда КПСС, обеспокоены вашим намерением провести 11 июля этого года Всесоюзную политическую забастовку. Подобные действия, безусловно, приведут к дальнейшей дестабилизации народного хозяйства, к аритмичной работе в первую очередь предприятий металлургического комплекса. Мы — ваши смежники. На вашем труде, вашей продукции держится вся технология нашей отрасли. Нет угля — не будет кокса, чугуна, стали, проката, соответственно — многих видов товаров народного потребления. Отсутствие угля — это остановка многих производств, разрушение коксовых батарей, на восстановление каждой из которых потребуется более года и 20 млн. рублей. Опасность потерять эти производства вполне реальна»¹.

Пожалуй, из будущего состава Политбюро, которое будет избрано после съезда организационным пленумом ЦК КПСС, только председатель ВЦСПС Г.И. Янаев поставил политический диагноз происходящему: «Товарищи, мы потеряли политическую инициативу. Мы отдаём рабочий класс разного рода людям, которые преследуют более чем сомнительные политические цели. Рабочее движение пытаются заквасить на своих платформах различного рода антикоммунистические силы, которые просто рвутся в него.

Считаю, что необходима специальная программа деятельности в рабочих организациях, и в формальных, и в неформальных»².

Да и то его слова о потере инициативы направлены в пространство, так как инициатива, находившаяся в руках руководства КПСС, была сориентирована на отторжение рабочего класса от партии, деформируемой командой Горбачева — Яковлева. Но XXVIII съезд КПСС не сумел противостоять оппортунистам, захватившим руководство в партии. Большинство его делегатов (и не важно, кто из них это делал осознано, а кто нет) фактически оказались не в состоянии следовать ленинским принципам коммунистической партийности. А ведь В.И. Ленин писал:

«*Вся борьба нашей партии... должна быть направлена против оппортунизма. Это не течение, не направление; это (оппортунизм)*

¹ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С.468.

² Там же. С. 514.

теперь стало организованным орудием буржуазии внутри рабочего движения»¹.

Ленину принадлежит и ещё один принципиальный вывод. Который призван служить коммунистам в качестве руководящей установки:

«Оппортунизм — наш главный враг. Оппортунизм в верхах рабочего движения, это — социализм не пролетарский, а буржуазный. Практически доказано, что деятели внутри рабочего движения, принадлежащие к оппортунистическому направлению, — лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа. Без их руководства рабочими буржуазия не смогла бы держаться... Здесь наш главный враг, и нам надо над этим врагом одержать победу... По сравнению с этой задачей, исправление ошибок «левого» течения в коммунизме будет задачей лёгкой»².

Фиговый листок реставрации капитализма

Разная направленность векторов устремлений рабочего класса и горбачевского клана полнее всего проявилась при обсуждении XXVIII съездом КПСС вопроса о переходе к «рыночной экономике». Делегаты-рабочие классовым чутьем поняли, что речь идёт не о совершенствовании механизмов функционирования социалистических производственных отношений, одним из которых является социалистический рынок. Нет, под этикеткой рынка партии, государству, народу навязывался капитализм. Не случайно Горбачеву, Рыжкову, Абалкину и др. чаще всего задавался вопрос: в предлагаемой ими экономике рынок труда, рынок рабочей силы предусматривается? И когда рабочие, руководители, тесно связанные с рабочими, не оторвавшиеся от своего класса, не слышали отрицательного ответа, то понимали, чувствовали, что пахнет контрреволюцией. К тому же новые, спекулятивные кооперативы дали возможность прикоснуться к самому краешку этого рынка, учуять его гнилой запах.

Делегаты, тесно связанные с рабочим классом, острее всех понимали отступничество руководства партии от вектора Великой Октябрьской социалистической революции. Напомним, что, выступая с докладом «Три года пролетарской диктатуры» на торжественном заседании Бакинского Совета 6 ноября 1920 года, Сталин подчёркивал:

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 105–106.

² Там же. Т. 41. С. 232.

«Мы строили не буржуазное хозяйство, где всякий, преследуя свои частные интересы, не заботится о государстве как о целом, не ставит себе вопроса о планомерной организации хозяйства в государственном масштабе. Нет, мы строили общество социалистическое. Это значит, что должны быть учтены потребности всего общества в целом, должно быть организовано хозяйство планомерно, сознательно, в общероссийском масштабе»¹.

В съездовском противостоянии по поводу перехода к рынку (а фактически: к реставрации капитализма на просторах СССР) важным событием стало голосование 3 июля 1990 года резолюции «О переходе к регулируемой рыночной экономике». К микрофону подошёл секретарь парткома Красногорского механического завода (Московская область) Ю.В. Абрамов:

«У меня замечание по сути вопроса. Постановка вопроса о принятии резолюции «О переходе к регулируемой рыночной экономике» некорректна в части выбора названия. Ибо предполагается, что съезд уже признал, даже не обсуждая, однозначность и неоспоримость этого пути развития экономики...

Поэтому предлагаю резолюцию по проблеме хозяйственного строительства назвать «О политике КПСС в проведении экономической реформы и принятии неотложных мер по стабилизации социально-экономического положения в стране». (*Аплодисменты*). Если мы не обсудим эти проблемы и не обозначим по ним позицию съезда, то нам не с чем будет возвращаться в свои коллективы...»²

Председательствовавший на заседании первый секретарь ЦК КП Белоруссии Е.Е. Соколов, следуя регламенту съезда, поставил вопрос на голосование. Кворум для принятия решения — 2205 голосов. За предложенное Политбюро ЦК КПСС название резолюции проголосовали 919 делегатов. Второй голосовалась формулировка, внесенная Ю.В. Абрамовым. Ее поддержали 3745 делегатов, воздержались 134, а намертво стояли за предложение горбачевской команды 468 делегатов³. Таким образом, уйти от обсуждения съездом его ключевого вопроса сторонникам реставрации капитализма на территории СССР не удалось.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 390.

² XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С. 257–258.

³ Там же. С. 259.

В обсуждении Политического отчёта ЦК КПСС и отчётов членов Политбюро, секретарей ЦК КПСС вторым выступал бригадир монтажников треста «Карачаево-Черкесскстрой» А.И. Скориков. Он решительно высказался за рынок, но не тот, невидимая рука которого всё расставляет по местам и решает все проблемы (в пользу толстосумов), а за управляемый социалистический рынок. И пролетарски требовал: «Если мы говорим о регулируемом рынке, то мы должны предусмотреть средства экономического регулирования натурального обмена, не допускать наживы на дефиците. Да и вообще надо наконец начать применять правовые, экономические, да и административные меры в управлении народным хозяйством»¹.

Через четыре человека после А.И. Скорикова на трибуну поднялся бригадир слесарей Череповецкого металлургического комбината имени 50-летия СССР Ю.В. Архипов. Он оценивал рынок не с точки зрения «распределения фондовых материалов», а через призму политических интересов рабочего класса:

«Мы считаем политически ошибочными действия руководства партии по некоторым направлениям за последние годы. Это — поспешность реформ в экономике, непродуманная антиалкогольная кампания вместо конкретных мер по культурному и нравственному воспитанию, просчёты в развитии кооперативного движения и другие.

К сожалению, ошибки до сих пор продолжают. Без совета с коммунистами и трудящимися Политбюро и правительство внесли в Верховный Совет СССР предложение о переводе экономики на регулируемые рыночные отношения. Рынок предстал перед народом как большое несчастье, как надвигающаяся беда. В народе возникла паника. Наши и без того небогатые магазины были окончательно опустошены.

Никакой референдум сейчас проводить не надо. Рынок, который начинается с роста цен, народ не примет. Исходя из этого напрашивается предложение: в партии должен утвердиться порядок, по которому все крупные программы в первую очередь должны обсуждаться внизу, в первичных организациях, а затем, с учетом предложений коммунистов и трудовых коллективов, рассматриваться Центральным Комитетом и вноситься в Верховный Совет. При таком положе-

¹ XVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С. 292.

нии на деле, а не на словах будет действовать власть партийных масс, утверждаться внутрипартийная демократия»¹.

Следующим рабочим в этом ряду, поднявшимся на трибуну, был электросварщик «Азовмаша» (Донецкая область) В.А. Гайворонский. Он как бы продолжил выступление Ю.В. Архипова с того места, на котором закончил речь череповецкий металлург, — о роли партийных масс. Коммунист из Мариуполя сделал упор на том, что «на пути к власти для любой партии встает вопрос овладения масса-ми». Далее он сказал:

«Определяющим моментом становится — за кем пойдет рабочий класс. Размытость платформы КПСС в связи с этим тревожит. И вот почему. Ситуация, при которой наиболее влиятельный и многочисленный класс не будет иметь авангарда, защищающего и отстаивающего его политические интересы, ненормальна. Любое деклассирование партии приведёт неизбежно к тому, что рабочие создадут свою партию. Партия потому и партия, что под своим знаменем она не собирает абсолютно всех»².

Одновременно делегаты-рабочие решительно выступали против навязываемого оппортунистами раскола партии. «Наша делегация ехала сюда, на съезд, с самой большой надеждой, — говорил водитель Клайпедского морского торгового порта И.Н. Исаченко, — сохранить целостность нашей Компартии... Наша Компартия разделилась на две части в республике, но своего влияния не увеличила, то есть мы утратили свой, так сказать, авторитет в народе. На выборах, это было показано наяву, проиграли. Если бы мы остались монолитной партией и сохранили единство, то мы бы и выборы в республике не проиграли, и не имели бы того печального результата, который сейчас у нас в республике»³.

Электромонтер «Братскгорстроя» Г.А. Першин вернулся к проблеме навязываемого сверху рынка: «Почему вопрос о переходе к рыночной экономике не обсуждается широко и гласно? Многие просто не знают, что стоит за рыночной экономикой, а программу правительства подают как единственно на сегодняшний день приемлемую. Но надо, чтобы народ мог выбрать, что ему больше подходит. А для этого нужна альтернатива. Выступление же по Центральному

¹ XVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С. 312.

² Там же. С. 436—437.

³ Там же. Т. 2. С. 464.

телевидению товарища Рыжкова о переходе к рыночной экономике было для страны не меньшей неожиданностью, чем посадка Руста на Красной площади столицы... оно тут же отозвалось опустошающим набегом людей на и без того пустые прилавки магазинов»¹.

Вопрос о том, к какому рынку, социалистическому или капиталистическому, указывает дорогу КПСС, возглавляемая М.С. Горбачевым, присутствовал на съезде все дни его работы. Градус дискуссий на эту тему поднялся при обсуждении Программного заявления КПСС. Здесь позицию коммунистов-рабочих выразил водитель производственного объединения «Мосавтолеттранс» И.М. Болтовский: «Никто не спорит, что рынок нужно регулировать. Вопрос заключается в том, кто его будет регулировать: или трудящиеся, или частные собственники... Значит, надо указать, кто будет регулировать рынок. Надо записать, что рынок будут регулировать трудовые коллективы. А экономическая власть в трудовых коллективах базируется на общественной собственности. Значит, надо указать на принцип господства общественной собственности и на принцип самоуправления трудовых коллективов. Тогда это будет социалистический документ»².

Нового пика дискуссия о рынке достигла 11 июля. Теперь Н.И. Рыжков ссылался на позицию избранной съездом комиссии по подготовке резолюции «О политике КПСС в проведении экономической реформы...» Правда, из стенограммы трудно понять, насколько корректной была эта ссылка. Член комиссии Ю.В. Абрамов сообщил съезду: «Вчера комиссия, которая должна была рассмотреть предложенный сегодня проект с поправками, не собиралась. И вообще неэтично вносить такие документы на рассмотрение съезда, не рассмотрев их в присутствии полного состава комиссии»³. В ответ Н.И. Рыжков сообщил делегатам: «Когда мы обсуждали вопрос о названии, мы поставили этот вопрос на голосование в комиссии. 32 человека высказались за новое название, 5 человек высказались за старое название. Съезду решать сейчас вопрос»⁴.

Сегодня такое объяснение вызывает большие вопросы. Впрочем, за какое «новое» название голосовали 32 человека — у-

¹ XVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С. 534.

² Там же. Т. 2. С. 280.

³ Там же. С. 311.

⁴ Там же.

вержденное съездом или навязываемое съезду вопреки его воле? Вторых, почему комиссия вообще пересматривала решение съезда. Ведь вопрос о названии резолюции 3 июля был решен голосами 3745 делегатов (более 86% участвовавших в голосовании). Не согласились же с названием «О политике КПСС в проведении экономической реформы и принятии неотложных мер по стабилизации социально-экономического положения в стране» лишь 468 делегатов, то есть 11,2%. Почему комиссия руководствовалась мнением абсолютного меньшинства?! Но тогда эти вопросы, к сожалению, не были никем заданы.

Здесь уместно вспомнить речь И.В. Сталина «О правой опасности в ВКП(б)» на пленуме МК и МКК ВКП(б) 19 октября 1928 года:

«У нас есть в партии люди, которые непрочь провозглашать, для очистки совести, борьбу с правой опасностью, вроде того, как попы провозглашают иногда «аллилуйя, аллилуйя», но не принимают никаких, ровно никаких практических мер к тому, чтобы поставить борьбу с правым уклоном на твёрдую ногу и преодолеть его, этот самый уклон на деле. Такое течение называется у нас примиренческим течением в отношении правого, откровенно оппортунистического уклона. Нетрудно понять, что борьба с такого рода примиренчеством является составной частью общей борьбы с правым уклоном, с правой опасностью. Ибо невозможно преодолеть новый оппортунистический уклон, не ведя систематической борьбы с примиренчеством»¹. Делегатов-примиренцев на XXVIII съезде КПСС было немало.

Выкручивая им руки, их заставили голосовать теперь за принятие резолюции под названием «О политике КПСС в проведении экономической реформы и переходе к рыночным отношениям». За лукавое название проголосовали 2655 делегатов.

Таким способом оппортунистическая верхушка партии хотела замазать всех коммунистов причастностью к переходу к капиталистическому рынку. Именно к капиталистическому.

Мурманский делегат В.А. Пожидаев предложил дополнить резолюцию словами: «Особое внимание при этом должно быть уделено обеспечению права на труд, предотвращению массовой безработицы». На неё тут же отреагировал Н.И. Рыжков: «Я не возражал бы —

¹ Сталин И. В. Т. 11. С. 234–235.

можно добавить. Но что касается «массовой безработицы», то в любой форме запись об этом нецелесообразна»¹. И она не появилась. Горбачевский курс упорно протаскивался.

О примате политики над экономикой

За четыре года до XXVIII партсъезда под руководством того же М.С. Горбачева состоялся XXVII партсъезд. Главным его решением было принятие новой редакции Программы КПСС.

Этот документ был нацелен на решение задач социалистического строительства. В нём встречались положения и политически лукавые (например, о зрелом социализме), и теоретически неглубокие, но выражающих хотя бы малейшие сомнения в социалистическом векторе развития не было. А съезд КПСС 1990 года был по глубинной сути своей антисоциалистическим. И дело не только в том, что псевдодемократическая процедура выборов, когда главным критерием выбора делегата очень часто оказалось умение обволакивать аудиторию словесной патокой. Конечно, это привело к тому, что социальный состав делегатов XXVIII партсъезда коренным образом отличался от социального состава КПСС. Правда, последний в значительной степени соответствовал тому образу партии, к которому стремились сторонники Горбачёва и их интересы находили отражение в опубликованном в августе 1991 года проекте Программы партии откровенно социал-демократического толка.

Антисоциалистические мотивы в работе и решениях XXVIII съезда КПСС не были спонтанными. Они тщательно готовились ренегатами горбачёвско-яковлевского типа. Напомним, что по их инициативе из состава руководящих партийных органов были удалены 74 члена ЦК, 24 кандидата в члены ЦК и 12 членов ЦКРК по их «собственному желанию».² Среди них были избранные на оргплenumе ЦК, состоявшемся 6 марта 1986 года (по итогам XXVII съезда КПСС) члены Политбюро ЦК партии Г.А. Алиев, А.А. Громыко, М.С. Соломенцев, кандидаты в члены Политбюро П.Н. Демичев, В.И. Долгих, С.Л. Соколов и секретарь ЦК КПСС М.В. Зимянин. Выведенным вопреки Уставу, всем нормам и традициям КПСС не

¹ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 2. С. 312.

² См.: Центральный Комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б). 1917–1991. Историко-биографический справочник. М. 2005. С. 84–85.

было предъявлено никаких политических обвинений, но давалось понять, что эти товарищи могут стать противниками горбачёвской перестройки, которая к весне 1989 года приобрела черты не только курса на конвергенцию социализма и капитализма, но уже и на реставрацию капитализма в Советском Союзе.

Как уже указывалось, были заменены главные редакторы практически всех центральных и республиканских партийных и советских изданий. Но не только они. В подготовленных Центральным Комитетом партии «Материалах делегату XXVIII съезда КПСС» с определённой долей удовлетворения сообщалось: В 1986–1989 годах сменилось 82,2 процента секретарей, 87,6 процента заведующих отделами, 123 процента инструкторов райкомов, горкомов, окружкомов партии (то есть за те три года инструкторов массово начали менять уже по второму кругу). За это же время сменилось 90,8 процента секретарей обкомов и крайкомов партии, ЦК компартий союзных республик, 57,1 процента заведующих отделами, 74,4 процента инструкторов и ответственных обкомов, крайкомов партии, ЦК компартий союзных республик. Более того, из вновь избранных секретарей райкомов, горкомов и окружкомов партии были кооптированы в состав партийных комитетов, то есть не имели мандата партийных конференций в 1988 году – 25,4 процента и в 1989 году – 21,2 процента, то есть в сумме 46,6 процента. Из вновь избранных секретарей обкомов, крайкомов партии, секретарей ЦК компартий союзных республик за те же два года были кооптированы 49,3 процента, то есть практически половина¹.

За годы перестройки не было ни одной компартии союзных республик, в которой не был бы сменён первый секретарь ЦК. Более того, в компартиях Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Латвии, Молдавии, Узбекистана и Украины за 1986–1991 годы первые секретари ЦК менялись дважды, в Компартии Литвы – трижды, а в Компартии Армении за три года, с 1998-го по август 1991 сменилось 4 (четыре!) первых секретаря Центрального Комитета. А в Компартии Эстонии происходила не только смена первых секретарей ЦК, но в Политбюро ЦК КПСС коммунистов этой союзной республики одновременно представляли сразу два первых секретаря двух республиканских ЦК².

¹ Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. М. 1990. С. 18, 19, 20, 21

² См.: Центральный Комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б). 1917–1991. Историко-биографический справочник. С. 442–447.

Тут сама собой приходит на ум аналогия Горбачёва, провозглашавшего лозунг «Больше демократии — больше социализма» с... «демократом» Троцким. 18 января 1924 года в заключительном слове на XIII конференции РКП(б) Сталин говорил:

«Троцкий, этот патриарх бюрократов, без демократии жить не может.

Нам было несколько смешно слышать речи о демократии из уст Троцкого, того самого Троцкого, который на X съезде партии требовал *перетряхивания* профсоюзов *сверху*. Но мы знали, что между Троцким периода X съезда и Троцким наших дней нет разницы большой, ибо как тогда, так и теперь он стоит за перетряхивание ленинских кадров. Разница лишь в том, что на X съезде он перетряхивал ленинские кадры сверху в *области профсоюзов*, а теперь перетряхивает он те же ленинские кадры снизу в *области партии*. Демократия нужна, как конёк, как стратегический маневр. В этом вся музыка»¹.

Наверняка найдутся оппоненты, которые возразят: Горбачёв, в отличие от Троцкого, перетряхивал не ленинские кадры, а брежневские, к которым можно предъявить вполне обоснованные претензии. Может быть и можно, но кроме одной: они не были противниками социализма. И в этом отношении борьба с ними имела, по большому счёту, ту же цель, что и борьба Троцкого с ленинскими кадрами. Впрочем, между Троцким и Горбачёвым среди многих различий есть и такое: Троцкий только требовал перетряхивания кадров, а Горбачёв, по рецептам Троцкого, их на практике осуществлял. И осуществлял сразу в партии. Увы, большевиков, способных остановить подобный *небольшевизм*, на пути Горбачёва не оказалось.

Правда, на XXVIII съезде КПСС партийцы-рабочие не только чувствовали *небольшевизм*, и даже *антибольшевизм* и *антиленинизм* Горбачёва, но и стремились всячески помешать происходившей на их глазах метаморфозе руководства партии. Именно они давали самые классово и политически точные оценки.

Увязав навязываемые горбачевской командой рыночные реформы с политическим ренегатством, бригадир Семипалатинского цементного завода В.С. Белоусов сделал единственно возможный вывод: «В Программном заявлении КПСС следует записать, что партия возвращается на классовые позиции и будет исходить из интересов рабочего класса, всех трудящихся. Неужели не понятно, что ни одна прослойка общества не может быть счастливо и благополучно устро-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 29.

ена без учета интересов рабочего человека или за счёт его интересов. Именно с классовой позиции нам легче давать оценку происходящему в стране, запутанным явлениям и процессам. Я не согласен с товарищем Яковлевым А.Н. в том, что сегодня классовый подход к оценке явлений надо заменить общечеловеческими ценностями. Класс рабочих, класс крестьян, интеллигенция, но у нас появился сейчас и класс подпольных миллионеров. Но я не хочу быть с ними в одном классе. (*Аплодисменты*). Раскол в партии идёт не снизу, не от нас, рядовых коммунистов, а сверху, от центра. И ещё надо, чтобы сама партия твёрдо стояла на позициях ленинского учения, не допускала ревизии марксизма-ленинизма»¹.

Между тем ревизия марксизма-ленинизма, в том числе ленинской теории государства, звучала и на съезде. Ответ ревизионистам дали не «яйцеголовые» обществоведы, а рабочие. Слесарь Термезского домостроительного управления (Узбекская ССР) Ш. Мухамедиев заявил: «Товарищи, я воин-интернационалист... Нам упорно пытаются навязать идею деполитизации государственных институтов, в том числе армии и флота. Куда нас толкает новоявленная демократия в кавычках? К чему они нас призывают? Что значит: провести деполитизацию в армии? Видел ли кто-то где-нибудь деполитизированную армию, а тем более службу безопасности, охрану общественного порядка, которые выполняют определенные функции в государстве? А ведь государство — это общественный строй, это политика... По нашему мнению, сама постановка этого вопроса опасна для перестройки и направлена на подрыв нашего строя»².

Восхищает своей мудрой простотой и высокой партийностью приговор, вынесенный уже знакомым нам электромонтером «Братскгорстроя» Г.А. Першиным: «Давая оценку ЦК и Политбюро, проделанной ими работе между XXVII и XXVIII съездами, нельзя замолчать тот факт, что решения XXVII съезда в большинстве своём остались невыполненными. Исходя из этого, считаю, что неудовлетворительная оценка будет реально отражать деятельность ЦК и Политбюро за отчётный период»³.

Здесь приведены позиции делегатов-рабочих, выступавших на XXVIII съезде. Они отражали политическое видение своего класса.

¹ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С. 539

² Там же. С. 524.

³ Там же. С. 535.

Это подтвердил и проведённый в Свердловске (ныне Екатеринбург) в первые дни работы съезда опрос (среди 700 респондентов 50% составляли рабочие, а доля членов КПСС - 60%). Он выявил скептическое отношение к самому съезду: 55% поставили «неуд» политическому докладу ЦК, с которым выступал Горбачёв.

Отношение рабочих-коммунистов, как на съезде, так и вне его и после него, к горбачевскому руководству КПСС было явно отрицательным. На съезде рабочие-делегаты практически единодушно протестовали против совмещения Горбачёвым постов президента СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС.

Хотя бы таким способом они пытались избавить Коммунистическую партию от ренегатства этого политика. Они прямо говорили, что пославшие их на съезд партийцы требовали от делегатов, чтобы они не избирали Горбачёва руководителем партии. Увы, только 1116 делегатов этот наказ выполнили. Условия для дальнейших шагов на пути реставрации капитализма были созданы. Академик Т.И. Заславская, выражая настроения противников социалистического жизнеустройства, после XXVIII съезда писала: «Пора осознать: речь идёт о создании в стране нового социального класса — класса собственников»¹.

Рабочий класс отторгал смену курса, навязываемого горбачёвской командой. Но он фактически остался без своей партии. Их дороги разошлись. Об этом свидетельствовала партийная статистика. В 1981–1985 годах доля рабочих среди принятых кандидатами в члены КПСС составляла 59,4 процента, в 1986–1988 годах она равнялась 53,5 процента. Но в 1989 году рабочая прослойка среди принимаемых в КПСС упала до 37,5 процента².

Об этом была вынуждена писать даже редактируемая горбачёвцем И.Т. Фроловым «Правда». Так, 15 августа 1990 года в газете была напечатана статья киевского рабочего В. Гриценко, где он писал: «Стыдно и обидно за руководство КПСС, призывающее нас, рядовых коммунистов, к рыночным отношениям, а сказать напрямик — к отходу от социализма. Все газетные речи пестрят теперь истерическими призывами к свободе предпринимательства да коммерции. А ведь если вдуматься, то это не что иное, как отказ от нашей коммунистической идеологии»³.

¹ Известия. 1990 год. № 297.

² Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. М., 1990. С. 5.

³ Правда. 1990, № 227.

А кого защищать-то?

Руководство КПСС усиленно отталкивало от себя рабочий класс, делая это от имени партии. Но почему стальные батальоны пролетариата не заявили о себе 19 августа 1991 года, когда появился ГКЧП? Ведь большинство рабочего класса не скрывало своего удовлетворения опубликованными заявлениями Госкомитета по чрезвычайному положению. Но, во-первых, это были пока лишь слова. Не было никаких решительных мер, которые позволяли бы рабочему классу, трудовому советскому народу полагать, что это всерьёз. Более того, гэкачеписты уверяли, что Горбачев вернётся. Так что же должен был поддерживать рабочий класс?

Да и кого поддерживать? Г.И. Янаев был известен стране не тем, что он достойный, порядочный человек, а тем, что его усиленно продавливал Горбачёв на должность вице-президента на съезде народных депутатов СССР. В массовом сознании это был горбачёвец. А чем лучше в народном восприятии был В.С. Павлов, даже если забыть денежную реформу, украшенную его именем? Для всех нас это был человек, согласившийся с ликвидацией Советского правительства и возглавивший созданный вместо Совета Министров СССР некий Кабинет министров при президенте. Разве он может восприниматься оппонентом Горбачева? Я уж не говорю о А.И. Лукьянове, который всегда рекламировался как личный друг Горбачева со студенческих лет. Ведь о том, что другом был другой Лукьянов, мы услышали только в 1992 году. Да и поведение председателя Верховного Совета СССР в августовские дни, когда требовалось противостоять контрреволюции, решительностью не отличалось. Для советских людей он был человеком из горбачевской команды. Д.Т. Язов тоже не стал народным героем, введя зачем-то танки в столицу. В.А. Крючков? Или те, кто летал в Форос засвидетельствовать своё почтение Горбачеву? Что? Они на деле вели себя иначе? А 19 – 20 августа страна об этом знала? Да они сами усердно делали вид, что являются птенцами гнезда «человека с проталиной». Так какой смысл у рабочего класса был их защищать? Вопрос риторический, а ответ беспорный.

Но был ещё один объект для рабочей защиты. Это – Коммунистическая партия. Но она к 1991 году сползла до уровня партий II Интернационала. К ней в ту пору вполне относились суровые оценки, которые Сталин давал партиям, которые покорно пошли за своими вождями, ставшими откровенными оппортунистами:

«Вместо цельной революционной теории – противоречивые теоретические положения и обрывки теории, оторванные от живой революционной борьбы масс и превратившиеся в обветшалые догмы. Для виду, конечно, вспоминали о теории Маркса, но для того, чтобы выхолостить из неё живую революционную душу.

Вместо революционной политики – дряблое филистерство и трезвенное политиканство, парламентская дипломатия и парламентские комбинации. Для виду, конечно, принимались “революционные” решения и лозунги, но для того, чтобы положить их под сукно.

Вместо воспитания и обучения партии правильной революционной тактике на собственных ошибках – тщательный обход наболевших вопросов, их затушевывание и замазывание. Для виду, конечно, не прочь были поговорить о больных вопросах, но для того, чтобы кончить дело какой-либо “каучуковой” резолюцией.

Вот какова была физиономия II Интернационала, его метод работы, его арсенал»¹.

Горько об этом писать, но куда деваться: если бы мы, коммунисты, жаждавшие быть верными ленинским заветам, придирчиво и принципиально всмотрелись в партию, в которой был Генеральным секретарём Горбачев, мы увидели бы похожую физиономию.

В июле 1990 года на Учредительном съезде была образована Коммунистическая партия РСФСР. Её образование оправдывалось необходимостью противостоять предательству оппортунистов горбачёвского покроя. Некоторые попытки решить эту задачу руководством новой республиканской партии предпринимались. Но метастазы отступничества от марксистско-ленинской идеологии разрушали и КП РСФСР с первых дней её существования. Её официальные структуры активно участвовали в «теоретическом обосновании» даже не ослабления, а разрушения партии. Вскоре после XXVIII съезда КПСС Отдел гуманитарных и идеологических проблем ЦК Компартии РСФСР совместно с Центром социологических исследований Академии общественных наук при ЦК КПСС издали брошюру «Общественное мнение о проблемах перестройки общества и партии». Вот некоторые из содержащихся в ней характеристик положения в партии и выдаваемых рекомендаций.

При оценке ситуации в партии в брошюре безоговорочно принимаются навязываемые антикоммунистами идеологические ярлы-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 80–81.

ки, призванные разрушить существовавшую около двух столетий классификацию политических сил. Оппортунисты это делали для дезориентации членов партии и общества в целом при оценке политических сил, чтобы ослабить сопротивление разрушению социализма. По этому же пути семенили и партийные идеологи. Читаем: «В настоящее время можно говорить о нескольких типах идейно-политической дифференциации коммунистов: “крайне левые”, “левые”, “радикальные центристы”, “центристы”, “правые”».

Традиционно в международной политической классификации XX века во главе левых сил всегда находились коммунисты, сторонники движения к социальному равенству. А как в брошюре, адресованной членам КП РСФСР? «“Крайне левые” (2,7% среди респондентов) голосуют за делегатов, поддерживающих Демплатформу, выступают за роспуск КПСС и образование на её базе двух или более партий, высказываются за отказ от принципа демократического централизма и от производственного строения партии, от партаппарата, а также за избрание делегатов на партийные форумы по фракциям; отрицательно оценивают Устав КПСС».

Посмотрим на характеристику партийными теоретиками противоположного фланга: «“Правые” (3,2%) выступают за ту партию, которая была; не поддерживают отказ от организационных механизмов работы партии»¹. Выходит, за сохранение ленинской партии выступают правые, которые в массовом сознании по-прежнему предстают представителями политической реакции? Может быть, авторы брошюры дают читателям какие-то разъяснения? Ничего подобного! Кстати, заложенное «партийными теоретиками» деление членов партии на 5 групп тоже имело свои цели: получилось, что сторонников ленинского типа партии в рядах КП РСФСР всего лишь 3,2%. Поэтому такой величиной можно вполне пренебречь.

Теперь посмотрим на характер рекомендаций. Мы до сих пор поминаем недобрым словом указ президента РСФСР Б.Н. Ельцина от 20 июля 1991 года № 14 «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР». Но посмотрим позицию авторов брошюры, изданной почти за год до этого указа:

¹ Общественное мнение о проблемах перестройки общества и партии (по материалам социологических исследований). М. 1990. С. 22.

«Существование партийных организаций на производстве всё более становится предметом ожесточённой политической борьбы. В республике ширится число противников первичных парторганизаций в трудовых коллективах, которые уже проводят акции по их ликвидации на производстве, в государственных и административных органах. Большинство опрошенных коммунистов уверены, что уход парторганизаций из трудовых коллективов очень осложнит деятельность КПСС; 27% убеждены, что этот шаг приведёт к полной потере влияния коммунистов среди трудящихся. Столько же убеждены, что их влияние существенно уменьшится. До трети коммунистов считают, что даже при ликвидации парткомов на производстве коммунисты могут и должны сохранять своё влияние в трудовых коллективах. В условиях многопартийности сохранение парткомов КПСС и появление в трудовых коллективах органов новых политических партий (правда, в ту пору существовала ещё только зарегистрированная в декабре 1989 года Либерально-демократическая партия Советского Союза, на базе которой позже образовалась ЛДПР. — *В.Т.*), по мнению 44% опрошенных коммунистов, станет основой серьёзных конфликтов и отрицательно повлияет на морально-политический климат и производственную деятельность трудовых коллективов».

И каков же вывод «партийных идеологов»? Может быть, они предлагают усилить разъяснительную работу, показывающую достоинства работы партийных организаций по производственному принципу для рабочих и всех трудящихся? Ничуть. «В таком случае, — приходят к выводу авторы брошюры, — уход всех парторганизаций с предприятий станет вынужденной мерой для решения возникших (?) проблем межпартийной борьбы. Поэтому следует уже сейчас, заранее, искать эффективные способы партийной работы на предприятиях в условиях территориального строения партии».¹ Неужели Ельцин опирался на эти «научные» рекомендации, принимая указ от 20 июля 1991 года?

Какие же перспективы прогнозируют исследователи из партийных структур для Коммунистической партии? Их прогнозы (по убывающей степени вероятности) следующие: «во-первых, она значительно уменьшится численно, во-вторых, внутри её неизбежно появятся фракции и новые платформы, в-третьих, произойдёт раскол

¹ Общественное мнение о проблемах перестройки общества и партии (по материалам социологических исследований). С. 25.

КПСС на ряд новых партий, в-четвёртых, КПСС изменит механизмы формирования своих рядов, в-пятых, изменит своё название»¹.

Поскольку такие выводы отражали мнение меньшинства опрошенных, то не вернее ли их считать рекомендациями для разрушителей Коммунистической партии? И как объяснить, что подобные рекомендации выходили под грифом Отдела гуманитарных и идеологических проблем ЦК КП РСФСР?

Впрочем, честно было бы отрицать немалую долю нашей общей вины — многомиллионной армии членов КПСС, в том числе КП РСФСР. Мы не должны были забывать заветов В.И. Ленина. А ведь это для нас, излагая основы ленинизма, ещё в 1924 году И.В. Сталин писал:

«Партия есть не только высшая форма классового объединения пролетариата, — она есть вместе с тем орудие в руках пролетариата»².

В том же году, выступая с заключительным словом на XIII съезде РКП(б), эту мысль Сталин выразил ещё более полно:

«Партия существует для класса. Поскольку она связана с классом, имеет контакт с ним, имеет авторитет и уважение со стороны беспартийных масс, — она может существовать и развиваться... Если всего этого не имеется, то поставьте какую угодно организацию партии — бюрократическую, демократическую, — партия погибнет наверняка. Партия есть часть класса, существующая для класса, а не для себя»³.

Но при таком подходе рабочий класс — это не дитя, ожидающий соски. Он — соучастник точного определения партийного курса. Со своей партии он вправе спрашивать её отчёта о проделываемой работе. Он обязан это делать, чтобы партия не сбилась с революционного курса, как это случилось на рубеже 1980—1990-х годов.

Виноват ли рабочий класс?

Безусловно. Впрочем, он и не оправдывается: достоинство не позволяет. Но горше всего осознавать его вину, как и вину всех нас, тем, кто остался убежденными коммунистами, кто не сжигал публично свои партбилеты, не торопился после августовской буржуаз-

¹ Общественное мнение о проблемах перестройки общества и партии (по материалам социологических исследований). С. 26.

² Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 179—180.

³ Там же. С. 227.

ной контрреволюции бежать в Кремль на полусогнутых... Тут товарищ Першин, которого я уже цитировал, на съезде с горечью бросил с трибуны: «Первичкам, или, точнее, рядовым коммунистам, оставили одно право — право платить партийные взносы»¹. Но ещё дореволюционный рабочий, машинист Нил из пьесы Горького «Мещане» учил: «Права не дают — права берут». А тут и брать не надо было: большевистская партия формировалась как партия рабочего класса. Права-то свои отдали не в годы суровых испытаний, а в тихое мирное время. Почему рабочий класс бездействовал, когда горбачевское руководство стало его оттеснять? Не слышу ответа. Да, большой корысти в действиях рабочего класса не было...

Ну да ладно: кто старое помянет, тому глаз вон. Но и забывать о прошлом тоже нельзя. Уроки из бывшего извлекать надо. Коммунистическая партия должна быть партией рабочего класса. И сделать таковой её должен сам рабочий класс. У него нет другого выхода.

Впрочем, повторять материалы октябрьского (2014 года) пленума ЦК КПРФ неудобно. Но рабочий класс должен (да-да, должен!) в первую очередь сам следить за их выполнением.

Подводя итоги ленинского призыва рабочих от станка в РКП(б), И.В. Сталин с гордостью говорил, что большевистская партия стала выборным органом рабочего класса. В последние десятилетия своей деятельности она перестала им быть. Потому и случилась буржуазная контрреволюция.

Сейчас пришла пора вернуть партии этот высокий статус.

¹ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С. 553

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

(Вместо заключения)

Культ личности — явление настолько масштабное и многомерное, что вполне может выступать предметом не только социологического и политологического, но и исторического, культурологического и психологического исследования. Словосочетание «культ личности» как бы помещено в целое гнездо социокультурных понятий, которые отражают реальное явление жизни, где центральным является культ бога и связанные с ним понятия: служители культа, культ предков, культовые учреждения и т.д.

Культ личности: содержание понятия

Культ в переводе с латыни — почитание. В известном четырехтомном «Толковом словаре русского языка» под редакцией профессора Д.Н. Ушакова дается такое толкование слова *культ*:

1. Религиозное служение божеству, совокупность религиозных обрядов.
2. Восхищение, поклонение, почитание (культ Пушкина у русских поэтов).

Заметим, что первый том этого издания вышел в 1935 году. Но и в одностомном словаре С.И. Ожегова, первое издание которого вышло в 1949 году, даются те же самые значения, что и у Д.Н. Ушакова.

Но словосочетания *культ личности* в этих словарях нет.

Отсюда два вывода:

Во-первых, словосочетание «культ личности» получило права социально-политического гражданства и широко вошло в наш язык лишь в начале второй половины XX века.

Во-вторых, культ тесно связан с системой культуры, хотя ею и не исчерпывается. Не случайно же культура и культ — слова однокоренные. В латыни *почитание* пишется как *cultus*, а *возделывание*

как *cultura*. В современном языке понятие «культ личности» связано прежде всего с политикой, с политической идеологией.

Однако было бы ошибочно утверждать, что до второй половины XX века это словосочетание вообще не использовалось. Для нашего исследования особенно важно его употребление К. Марксом и то содержание, которое он в него вкладывал. В письме В. Блоху от 10 ноября 1877 года он писал: «Из отвращения ко всякому культу личности я... никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги»¹. Используемое Марксом слово *Personenkultus* может быть переведено также как «культ каких-либо лиц», «культ персон»².

Это немецкое слово после Маркса иногда использовалось и его последователями в русском революционном движении, например, заграничной социал-демократической группой «Борьба» в начале XX века. В этой связи интересна характеристика этой группы, содержащаяся в письме В.И. Ленина одному из корреспондентов «Искры», опубликованном в этой газете: «Мы знали из неё несколько сотрудников «Зари» (две статьи) и «Искры» (3 корреспонденции, 2 статьи и 1 заметка). Несколько присланных ими статей не было помещено. Теперь они выступили с печатным «обвинением», жалуясь на наш «недемократизм» и ратуя даже... против *Personenkultus!* Как опытный человек, вы уже из одного этого, неподобного и несравненного, словечка поймёте, в чём тут суть...»³

Здесь хотелось бы отметить, во-первых, то значение, которое придавал этому слову Ленин при характеристике политической группы, во-вторых, тот факт, что во всех изданиях сочинений В.И. Ленина это немецкое слово переводилось как *культ личности*.

Примечательно, что И.В. Сталин в этом словосочетании тоже использовал слово «личностей», то есть во множественном числе, как кальку с немецкого. Так, в начале 1930-х годов на просьбу предоставить архивные материалы для выставки, ему, Сталину, посвященной, он написал: «Подобные начинания ведут к усилению “культа личностей”, что вредно и несовместимо с духом партии»⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 241.

² См.: Душенко К. Цитаты из русской истории. Справочник. М. 2005. С. 465.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 359.

⁴ История и сталинизм. М. 1991. С. 283; Свободная мысль, 1993. № 10. С. 29. Цит. по: Душенко К. Цитаты из русской истории. Справочник. С. 465.

Если иметь в виду, что Сталин очень серьёзно относился к точности своих высказываний, то здесь нельзя не обратить внимание на то, что начинания, подобные выставке, посвящённой Сталину, ведут к «усилению “культ личности”», то есть таким образом он признаёт его существование.

16 февраля 1938 года, когда уже процветал культ Сталина, в письме в Детгиз при ЦК ВЛКСМ он писал:

«Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина». ... Книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ — говорят эсеры. Народ делает героев — отвечают большевики. Книжка льёт воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка будет лить воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу»¹.

В этом письме в издательство заслуживают внимания две детали. Во-первых, Сталин, конечно, справедливо обращает внимание на то, что именно для эсеров характерны культ «героев» и их противопоставление «толпе». Но то, что он почти через 20 лет после окончания Гражданской войны, то есть после практического исчезновения партии социалистов-революционеров из политического пространства СССР, вспомнил об эсерах, имело вполне актуальную причину: за месяц до письма в Детгиз, 17 января 1938 года Сталин писал Н.И. Ежову: «Линия эсеров (левых и правых) не размотана. Фишман, Паскуцкий водят НКВД за нос. Если бы Белов сам не стал разматывать по линии эсеров, НКВД сидел бы в потёмках... Нужно иметь в виду, что эсеров в нашей армии и вне армии сохранилось у нас немало...»² Во-вторых, Сталин по-прежнему пишет о культе *личностей*. Дело тут, думается, не только в идущей от Маркса традиции, но и в том, что в нашей стране с момента Октябрьской революции было принято говорить не об отдельном вожде, а о вождах. Такой подход сохранялся и в пору культа Сталина, когда рядом с ним была группа не только соратников, но и вождей (Молотов, Каганович, Ворошилов, потом к ним прибавились Жданов, Маленков...)

Выражение *культ личностей* (*личности*) использовалось не только в высказываниях большевиков, но и в политической публици-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 14. М., 1997. С. 249.

² Там же. Т. 18. М., 2006. С. 145.

стике мелкобуржуазных и буржуазных деятелей во времена революции и Гражданской войны. Так, в сентябре 1917 года П. Сурмин (Н.В. Устрялов) писал: «И наиболее сознательным избранникам демократии не удалось уйти от культа Церетели. ... В России революционная демократия боится власти большинства и почитает отдельные личности! Пусть даже эти культы скоро исчезнут, появятся новые: русская демократия – всё ещё “толпа”, и ей нужны “герои”»¹. Противоположную позицию выражала «Правда». В репортаже о первом памятнике в России К. Марксу, установленному в Пензе, газета 28 апреля 1918 года утверждала: «Революционный класс никогда не может впасть в грех культа личности».

Впрочем, как утверждает К. Душенко, «в начале века “культом личности” нередко называли индивидуалистические настроения в области искусства; возможно, имелось в виду французское выражение “Cult de moi” (“Культ своего Я”)... Например, 20 июля 1904 года Л. Толстой говорил о “культе личности” у Горького»².

Приведённые факты можно определить как первый этап использования словосочетания *культ личностей (личности)* в социально-политическом языке и России, и зарубежья. До второй половины XX века оно не имело статуса политической категории. Его использование не носило систематического, устойчивого характера.

В качестве понятия *культ личности (личности)* только в единственном числе) широко вошёл в отечественную политику (и политическую культуру) в 1956 году³. И там он закрепился, приобрел значение не просто термина, но обществоведческой категории. «Большой энциклопедический словарь», вышедший в 1991 году, сохраняет тоже два значения слова *культ*, но второе его значение толкует уже как «чрезмерное возвеличение кого-либо или чего-либо (культ личности)».

Как мы видим, понятие культ после 1956 года явно адаптируется к политическим потребностям, причем адаптируется не только второе значение, но и первое. Оно звучит теперь в словарях уже так: «Один из основных элементов религии: совокупность действий (телодвижений), чтение или пение определенных текстов и т.д., имеющих целью дать видимое выражение религиозному поклонению».

¹ Цитируется по кн.: Душенко К. Цитаты из русской истории. Справочник. С. 466.

² Там же. С. 466.

³ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. 1955–1959. С. 181, 199–218.

Впрочем, в последнем «Энциклопедическом словаре» (М., 2011) статья «Культ» не содержит термина «культ личности». Культ в ней толкуется как поклонение какому-либо божеству, предмету или явлению, как небольшое религиозное движение, а по интересующей нас проблеме говорится: культ есть «социально-психологический феномен, при котором какой-либо объект или субъект становится центральным элементом системы жизненных ценностей (например, культ национальных лидеров, денег, успеха)».

Первоначально, когда вводилось в обиход понятие *культ личности*, оно носило конъюнктурный характер. Стояла простая задача: найти понятие, которое бы научнообразно выразило отношение к реальным негативным явлениям, связанным с деятельностью И.В. Сталина, и распространяемым вокруг них мифам, а то и клеветы. А если более широко, это понятие предназначалось для того, чтобы выразить отрицательное отношение к его, сталинской, эпохе. Словосочетание вводилось в обиход изначально как эмоционально окрашенное, фиксирующее социально негативное явление.

Об этом свидетельствует уже то, что в языке в принципе существовали понятия, которые могли быть использованы в соответствующих контекстах: *авторитет* (словари Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова дают ему такое толкование: 1. Общепризнанное значение, влияние, уважение. 2. Лицо, пользующееся влиянием, признанием), *авторитарный*, то есть не допускающий возражений (основанный на слепом, беспрекословном подчинении власти, диктатуре).

Однако эти понятия, включая понятие диктатуры, политически в 1956 году не подходили на роль отрицательной оценки ни к мировоззрению, господствовавшему в СССР, ни к мировидению коммунистического международного движения. Дело в том, что понятие диктатура (и подчинение диктатуре) рассматривалось в ту пору научно, как связанное с демократией; в ту пору сохранялась марксистская классовая концепция, заключающаяся в том, что в стране должно признаваться существование диктатуры пролетариата. Как известно, от понятия диктатура пролетариата как характеристики существующего в СССР политического режима было решено отказаться на XXII съезде КПСС, принявшем третью Программу партии; было решено, что его заменит понятие *общенародное государство*. Но это произойдёт пять лет спустя.

В середине 1950-х годов понятие *культ личности* было и в политическом, и в идеологическом отношении, и в контексте политиче-

ской культуры не только удобно, но и удачно, если иметь в виду господство в советском обществе материалистического мировидения. Более того, первоначально словосочетание *культ личности* всегда подразумевало другое словосочетание: *культ Сталина*.

Выполняя в конкретной ситуации сугубо оценочную функцию, словосочетание культ личности тем не менее превратилось в научное понятие обществоведения, в том числе в понятие политической культуры. Воспринимавшееся первоначально ситуативно как конъюнктурное, оно на деле фиксировало реальные, существенные стороны того явления, которое тоже было составной частью жизни. Понятие культ личности включает в себя как минимум три компонента. Во-первых, авторитет; причем авторитет, граничащий с религиозным поклонением. Во-вторых, авторитарность. В-третьих, особый механизм осуществления политической власти. Если, скажем, рассматривать пример из словаря Н.Д. Ушакова о культе Пушкина среди русских писателей, то следует заметить, что едва ли здесь можно говорить о культе личности. Это явление имеет место в сфере политической, через неё и только в связи с ней проникает в другие сферы общества. Вне связи с политикой это понятие теряет всякий смысл.

Именно с таким политическим и даже политизированным содержанием понятие «культ личности» вошло не только в советскую, русскую, но и в западную социологию. Например, в Большом социологическом словаре Collins'a читаем: «Культ личности — практика тоталитарных режимов, при которой лидеры возносятся в положение полного превосходства и представляются источником политической мудрости, архитектором всех значительных политических и социальных результатов и т.д.» Здесь очевидно, что термин берётся только в аспекте политической практики.

Однако в рамках конъюнктурного толкования культа личности внимание обращалось только на его внешние проявления. 28 марта 1956 года в «Правде» была помещена большая редакционная статья «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма». В ней утверждалось, что «культ личности означает непомерное возвеличение отдельных людей, наделение их сверхъестественными чертами и качествами, превращение их чуть ли не в чудотворцев и преклонение перед ними».

Примечательно определение культа личности, данное Н.С. Хрущёвым. Идеолог и инициатор борьбы с культом Сталина утверждал, что культ личности «превращает того или иного деятеля в героя-чудотворца и одновременно умаляет роль партии и народных масс, ве-

дёт к снижению их творческой активности. Распространение культа личности принижало роль коллективного руководства в партии и приводило иногда к серьёзным упущениям в нашей работе»¹.

В Отчёте ЦК КПСС XXII съезду партии Хрущёв по сути повторил свою прежнюю трактовку культа личности. Говоря о том, что партия осудила культ личности, он заявил, что «марксизм-ленинизм... решительно выступает против возвеличения, а тем более против обожествления тех или иных личностей. Возвеличение одной личности неизбежно отодвигает на задний план народ и партию, принижает их роль и значение»². Говоря о культе личности и о «восхвалении одной личности», Хрущёв имел в виду Сталина и только Сталина.

Возражая Н.С. Хрущёву, один из многолетних руководителей партии, Председатель Совета народных комиссаров (правительства) СССР в 1930–1941 годах В.М. Молотов резонно отмечал: «Подобная постановка вопроса не может не показаться несколько странной, ибо она, с одной стороны, относит все отрицательные явления в жизни партии на счёт того или иного руководящего деятеля, а с другой стороны, всё положительное относит только на счёт партии в целом»³.

Для подтверждения несостоятельности позиции Н.С. Хрущёва он привёл многочисленные высокие (часто завышенные) оценки, которые давали Хрущёву видные деятели КПСС той поры (Н.В. Подгорный, А.И. Кириченко, П.Н. Поспелов, И.В. Спиридонов, О.В. Куусинен и другие) на XXI съезде партии. Далее Молотов иронично добавлял: «Мне не хотелось бы обращаться к цитатам из материалов следующего, XXII съезда КПСС – каждому и так должно быть ясно, что в этих материалах подобных цитат найдётся гораздо большее количество, чем на XXI съезде, и гораздо более «высокого качества»⁴.

Однако в критике хрущёвского понимания культа личности Вячеслав Михайлович остаётся практически в рамках этого же понимания, так как в качестве контраргумента приводит убедительные

¹ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчёт. Т. I. М. 1956. С. 102.

² XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчёт. Т. I. М. 1962. С. 103.

³ Молотов В.М. О «культе личности Сталина. // Молотов В.М. Враги Сталина – враги России. М. 2013. М. С. 211.

⁴ Там же. С. 213.

высказывания В.И. Ленина о значении авторитета партийных руководителей и в революционной борьбе, и в социалистическом созидании. Но позиция Ленина как раз убеждает в том, что культ личности неправомерно сводить лишь к её «восхвалению». При этом он справедливо напоминает: «В.И. Ленин учил, что “без десятка талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса” (Т. 5, стр. 430)»¹. Понятно, что когда речь идёт о Коммунистической партии, то речь идёт о вождях, твёрдо стоящих, а не «лежащих» на позициях революционного марксизма-ленинизма.

Думаю, с В.М. Молотовым нельзя не согласиться, когда он утверждал: «И.В. Сталин до конца своих дней пользовался огромным авторитетом и доверием народа только потому, что этот авторитет и это доверие базировались на единственно возможной, с точки зрения марксизма-ленинизма, прочной основе — на основе реальных, осязаемых каждым человеком успехов политики партии в деле поднятия жизненного и культурного уровня нашего социалистического общества... Но, тем не менее, иначе и быть не могло, наш народ никогда не противопоставлял Сталина Политбюро, Политбюро — Центральному Комитету и т.д. и т.п. Отдавая должное Сталину, бурно приветствуя его, мы с таким же искренним чувством встречали и всех других видных деятелей партии и государства — и Молотова, и Ворошилова, и Кирова, и Орджоникидзе, и Кагановича, и Микояна, и Хрущёва, и Калининна, и других»².

Когда мы говорим о культе личности, то надо иметь в виду, что он на практике никогда не сводился к восхвалению только одной личности, в частности, личности Сталина. В начале 1960-х годов автор, будучи начинающим газетчиком на Северном Урале, просматривал старые подшивки серовской городской газеты. В газетных подшивках 1930-х годов бросились в глаза не только портреты Сталина, которые публиковались, кстати, лишь по официальным праздникам (это для детей военного поколения не было в новинку), но и другого типа портреты. В газете регулярно помещались портреты первого секретаря горкома ВКП(б), когда он ехал на пленум обкома партии,

¹ Молотов В.М. О «культе личности Сталина. // Молотов В.М. Враги Сталина — враги России. С. 221–222.

² Там же. С. 222–223.

то же регулярно повторялось, когда председателя горисполкома товарищи провожали на сессию областного Совета депутатов трудящихся. Фотография депутата Верховного Совета РСФСР (кстати, рабочего горнового доменного цеха местного металлургического завода) публиковалась перед каждой сессией Верховного Совета РСФСР и т.д.

Впрочем, давайте попытаемся — прежде всего описательно, на основе многочисленных свидетельств, причем по возможности непредвзятых — дать некоторую характеристику народного восприятия личности Сталина в 1930—1940-е годы (в пору расцвета его культа). При этом надо иметь в виду, что признаки культа личности являются одновременно атрибутами, характеризующими состояние общества и государства в тот или иной период. Первый из них: высокий авторитет этого человека в массовом сознании. В подтверждение есть смысл ссылаться не только на газеты и свидетельства мемуаристов, в которых оценки даны задним числом, и, как правило, к тому же с мотивом самооправдания: так это им (сейчас!) видится.

А вот в общем-то детские впечатления, которые остались до сих пор. Когда вернувшиеся с войны фронтовики собирались за столом и, естественно, пили не только чай, но и, как правило, брагу, то они пели, чередуя, то народные русские песни, то песни о Сталине. И это было их искреннее восприятие этого человека. К этому следует добавить теперь уже никем не оспариваемый факт, что смерть Сталина вызвала массовую, искреннюю печаль. Примечательно, что когда в литературе последних десятилетий отмечается, что тот или иной человек не горевал по поводу кончины И.В. Сталина, то подчёркивается нетипичность, нестандартность, оригинальность его поведения.

Культ личности представляет собою, с политической точки зрения, не только преувеличенное восхваление одного человека, стоящего на самой вершине власти, но и такую совокупность политических технологий, которые пронизывают всю властную политическую пирамиду. Культ личности поэтому можно отнести к разряду *политических режимов*. Кстати, культ личности нередко определяют как авторитарный режим. Действительно, они в чем-то совпадают, в то же время *авторитарный режим* не исчерпывает содержания термина *культ личности*, которое оказывается исторически и политически богаче, чем традиционные обозначения политических режимов, принятые как в политологии, так и в социологии.

Культ личности: создатели и пропагандисты

Что касается чрезмерного восхваления Сталина, то надо обратить внимание на две стороны этой проблемы. На одну из них указывает всё тот же Молотов: «Конечно, трудно отрицать тот факт, что наш пропагандистский аппарат, пропагандистский аппарат партии, во главе которого, кстати говоря, стояли такие люди, как А.А. Жданов, П.Н. Поспелов и М.А. Сулов, не злоупотреблял, особенно в послевоенное время, криками «ура!» в адрес Сталина»¹. Но надо иметь в виду, что пропагандистский аппарат для культа личности выполнял свою исконную функцию: он не столько формировал, сколько пропагандировал возвеличение личности вождя.

Что касается канонов возвеличения, то их определяло прежде всего руководство партии, то есть то окружение вождя, которое было в первую очередь заинтересовано в персонификации реализуемых им идей.

Но есть и вторая сторона: функционирование культа личности в определенной мере регулировалось самим его носителем. В годы хрущёвской оттепели-распутицы, горбачёвской перестройки-катастрофы и периода навязываемой антикоммунистической пропагандой при поощрении власти фальсификации истории времён реставрации капитализма обычно говорили и много писали (и продолжают усердствовать на этом поприще до сих пор) только о тех фактах, которые свидетельствуют о стимулировании восхваления Сталина.

Роль Сталина в возвеличении собственной личности была более сложной. Можно даже сказать, что она осуществлялась в соответствии с выработанными Сталиным «научными» (допускаю, что в этом контексте это слово можно употреблять и без кавычек) стандартами. Во-первых, у него отсутствовало качество личной хвастливости. Он никогда не выпячивал своих заслуг в том или ином действии, в котором принимал действительное участие. Да у него в этом и не было необходимости: его реальная биография была действительно насыщенной и богатой. Во-вторых, он осознавал, что культ личности не ограничивается его конкретными действиями, он предполагает в массовом сознании связь всей плодотворной деятельности возглавляемых им партии и государства, и даже всего международного коммунистического движения, с образом носителя культа

¹ Молотов В.М. О «культе личности Сталина. // Молотов В.М. Враги Сталина – враги России. С. 222–223.

личности. Для него культ личности был прежде всего не украшением собственной персоны, а инструментом, который, возвеличивая вождя, способствует решению политических задач возглавляемых им структур. Сталин относился к культу собственной личности очень рационально. Он редко когда одергивал в публичных акциях тех, кто слишком сильно возносил его заслуги.

В то же время он считал недопустимым использование таких знаков возвеличения, которые переступают разумные границы и могут вызывать отрицательное отношение в советском обществе, принявшем культ его личности. В беседах с писателем Ф.И. Чуевым В.М. Молотов ярко показал, как И.В. Сталин контролировал процессы собственного возвеличения и как пресекал их, когда они выходили за рамки «разумного». Вот несколько эпизодов, о которых вспоминал один из ближайших соратников Сталина:

«16.06.1977. Разговор зашёл о присвоении Сталину звания Героя Советского Союза после войны. Сталин сказал, что он не подходит под статут Героя Советского Союза. Героя присваивают за лично проявленное мужество.

“Я такого мужества не проявил,” – сказал Сталин.

И не взял Звезду. Его только рисовали на портретах с той Звездой. Когда он умер, Золотую Звезду Героя Советского Союза выдал начальник наградного отдела. Её прикололи на подушечку и несли на похоронах.

– Сталин носил только одну звёздочку – Героя Социалистического Труда...

Упорно предлагали одно время Москву переименовать в город Сталин. Очень упорно! Я возражал. Каганович предлагал. Высказывался: “Есть не только ленинизм, но и сталинизм”».

«06. 12. 1969. Я сказал, что термин «сталинизм» ввёл Троцкий. Кто-то из гостей добавил, что Хрущёв произнёс в одной своей доверенной речи: “Да здравствует ленинизм! Да здравствует сталинизм!”

– Потом ему за это досталось, – сказал Молотов. – Сталин не любил всего этого».

«30.12.1973; 07.05. 1975; 16. 06. 1977.

– Сталин жалел, что согласился на генералиссимуса. Он всегда жалел. И правильно. Это перестарались Каганович, Берия... И командующие настаивали...

Потом он ругался: “Как я согласился?” Вождь всей партии, всего народа и международного движения коммунистического и только генералиссимус. Это же принижает, а не поднимает! Он был гораздо

выше этого! Генералиссимус — специалист в военной области. А он — и в военной, и в партийной, и в международной. Два раза пытались ему присвоить. Первую попытку он отбил. А потом согласился и жалел об этом».

«03.02. 1972; 16.06. 1977.

— В своей жизни я дважды назвал Сталина гениальным: один раз в каком-то приветствии, которое не я писал, там была групповая подпись. Сталин рассердился и велел вычеркнуть: “Ты как сюда попал?” — “Попал, как полагается”. — “Неужели ты тоже плетёшься за всеми?”

Второй раз на его похоронах.

Гениальным я его не считаю. На 70-летию назвал великим. К гениальности он приближался в тактике... Сталин говорил: “Молотов ещё сдерживается, Маленков и другие — эсеры прямо: Сталин, Сталин! Это ведь эсеры так говорят!”

— Говорил так?

— Безусловно, говорил.

— А почему не сделал? Захотел бы...

— Конечно, он не вполне хотел этого, чтоб так уж. Целиком нельзя было прикрыть. Это могло иметь в то время отрицательные последствия. Сталину не всегда это нравилось, но в конце немножко и понравилось»¹.

Во всех перечисленных эпизодах Вячеслав Михайлович подчёркивал личное неприятие Сталиным фактов запредельного возвеличивания. Но при этом он не отрицал положительные отношения Сталина к самому этому процессу. Более того, он уверял, что полный отказ от восхваления Сталина мог бы иметь «отрицательные последствия».

В то же время хорошо известно и другое: когда кто-то начинал слишком возносить величие Сталина в узком кругу, на закрытых деловых заседаниях, то тут же получал замечание, осуждение, а то и, случалось, довольно жесткое пресечение подобных восхвалений. Вот что рассказал кандидат философских наук, лауреат Государственной премии СССР В.В. Суходеев, обобщивший слышанные им рассказы его многочисленных участников о первом (организационном) пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 16 октября 1952 года, после XIX съезда партии:

¹ Чув Феликс. Молотов. Полудержавный властелин. С. 311, 421, 310, 299.

«Приход И.В. Сталина в Свердловский зал участники пленума встретили вставанием и приветственными возгласами. Сталин сразу произнёс:

— Здесь этого никогда не делайте».

Продолжая рассказ об этом пленуме, Суходеев отметил и такой эпизод:

«На пленуме И.В. Сталин обратился с просьбой освободить его от обязанностей секретаря ЦК КПСС. Он говорил: «Я уже стар. Мне тяжело. Нет сил. Изберите на моё место другого секретаря».

Это было мужественное и глубоко осмысленное обращение. Но сразу же выступил Маленков, сказав: «Нет необходимости доказывать, что Сталин должен остаться руководителем Центрального Комитета партии. Иначе просто невозможно». Его поддержал Маршал Советского Союза Тимошенко: «Другого решения быть не может». Поддерживая эти выступления, зал стоя аплодировал.

Сталин возражал: «На пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-деловому. А я прошу освободить меня от обязанностей секретаря ЦК КПСС». Он посмотрел в зал, который продолжал аплодировать, махнул рукой и сел»¹.

Это ещё одно подтверждение, что Сталин стимулировал восхваление своей личности как факта прежде всего политического, как формирования определенного политического и психологического фона, атмосферы для решения тех задач, которые ему представлялись важными, актуальными, обязательно требующими успешного решения.

Но стоит обратить внимание на то, что примеры участия Сталина в регулировании возвеличения своей персоны обычно относятся к послевоенному времени, когда культ личности был в расцвете. Однако биография И.В. Сталина позволяет проследить и политический процесс становления культа личности и даже мотивы готовности крупным политиком принять на себя очень непростую роль субъекта культа личности.

Генеральный секретарь ЦК: особенности должности

И.В. Сталин был избран Генеральным секретарём ЦК РКП(б) 3 апреля 1922 года по предложению В.И. Ленина. Нынешние критики Генсека, объясняя случившееся, усердно подчёркивают невы-

¹ Суходеев В. Без Сталина со Сталиным. Правда. 5—6 марта 2019 г.

сокий статус этой должности, указывая на то, что предшественниками Иосифа Виссарионовича на этом посту были Е.Д. Стасова, Н.Н. Крестинский, В.М. Молотов. Но они допускают при этом, мягко скажем, неточности. Действительно, Елена Дмитриевна Стасова в 1917—1919 была членом ЦК и секретарём ЦК РКП(б), когда эта должность была в самом деле по преимуществу технической. Об этом свидетельствует уже то, что в это время она также исполняла обязанности члена президиума Петроградской ЧК, секретаря Петроградского бюро ЦК РКП(б), секретаря Северного обкома РКП(б).

В 1919 году после VIII съезда РКП(б), когда была сформирована структура руководящих органов партии, в основе своей сохранявшаяся вплоть до 1991 года, появилась должность *ответственного секретаря* ЦК РКП(б), на ней был утверждён член Политбюро и Оргбюро ЦК партии Николай Николаевич Крестинский, что свидетельствовало о существенном повышении статуса руководителя секретариата ЦК, о превращении его из руководителя технического аппарата в политического руководителя. Однако на X партсъезде Крестинский не вошёл в состав ЦК (и с тех пор никогда в него не избирался), а после съезда ответственным секретарём был избран кандидат в члены Политбюро, член Оргбюро ЦК РКП(б) В.М. Молотов. Однако Вячеслав Михайлович тоже не смог превратить секретариат ЦК в политический орган партии, о чём свидетельствует одно из писем Владимира Ильича. В нём, в частности, Ленин требовал:

«Вам надо *себя избавить* от мелочей (свалить их на помов и пом-помов) и заняться целиком делом *политсекретаря* и *заведующего направлением* работы по организации, учёту и т.п.

Была перепись “ответственных работников”? Результат, очевидно, тоже нуль; хуже, вероятно, результат минус.

Черкните мне или позвоните, и мы побеседуем об этом подробнее...»¹

Это письмо было направлено Молотову 14 февраля 1922 года, незадолго до XI съезда партии.

Когда говорят об XI съезде РКП(б), то прежде всего отмечают, что это был последний из партийных съездов, в работе которого участвовал Владимир Ильич Ленин. А ещё о том, что сразу после него состоялся организационный пленум Центрального Комитета, избранного съездом. Он проходил под председательством Ленина. Пленум ввёл должность *Генерального секретаря* ЦК партии и избрал

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 393.

на неё Иосифа Виссарионовича Сталина. Думается, эти два события между собою связаны.

Открывая XI съезд РКП(б), В.И. Ленин выделил две важнейшие черты, как тогда говорили, текущего момента. Во-первых, он отметил: «Первый год мы имеем возможность посвятить свои силы настоящим, главным, основным задачам социалистического строительства»¹. Во-вторых, он особо подчеркнул роль большевистской партии в этом процессе: «Я уверен, что если мы сделанное нами оценим с надлежащей трезвостью и не побоимся глядеть прямо в глаза действительности, не всегда приятной, а иногда и совсем неприятной, то все трудности, которые только вырисовываются перед нами во всём размере, все эти трудности мы, несомненно, преодолеем». И добавил: «Если мы сохраним и укрепим единство нашей партии»².

Партия, которая возглавляла послеоктябрьское общество, вступила в новый этап, который существенно повышал требования к ней. Теперь она работала в условиях нэпа, когда ей приходилось взаимодействовать с носителями многих экономических укладов, включая частнокапиталистический. Навязанная Троцким всего год назад, перед X партсъездом, профсоюзная дискуссия показала, что, во-первых, необходимо существенно повысить влияние партии в профсоюзах, во-вторых, для ЦК важнейшей задачей является, с одной стороны, повышение политической роли рабочего класса в жизни партии, с другой — укрепление партийного единства. Это было тем более необходимо, так как существенно выросла и сама партия. Если в августе 1917 года, когда проходил VI съезд РСДРП(б), в партии было 240 тысяч членов, то менее чем через пять лет, делегаты XI съезда РКП(б) представляли 532 тысячи коммунистов (кстати, незадолго до съезда была проведена первая в истории партии чистка её рядов). Всё это побуждало иметь более чёткую структуру партийного руководства. Она, правда, была определена ещё в 1919 году VIII съездом и за многие десятилетия практически не изменялась. Тогда были сформированы Политбюро и Оргбюро ЦК партии. Кстати, в состав обеих руководящих органов был избран И.В. Сталин.

Потребность в политическом секретаре ЦК, о котором Ленин писал перед съездом Молотову, побудила Владимира Ильича предложить организационному пленуму Центрального Комитета, со-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 67.

² Там же.

стоявшемуся 3 апреля 1922 года, повысить статус руководителя секретариата ЦК, для чего ввести должность Иосифа Виссарионовича Сталина.

На решение В.И. Ленина выдвинуть на этот пост И.В. Сталина, очевидно, повлияло, кроме всего прочего, ещё и то, что, возглавляя наркоматы по делам национальностей, государственного контроля и рабоче-крестьянской инспекции, тот постоянно сотрудничал, во-первых, с партийным активом всех регионов страны, во-вторых, руководил его взаимодействием с государственными органами в центре и на местах, то есть в деловом отношении был из всех членов Политбюро ЦК наиболее подготовлен к работе в новой должности. Пленум, утвердив Сталина, подчеркнул, что секретариат должен стать деловым центром ЦК и не допускать волокиты и бюрократизма.

Некоторые авторы, не отрицая сам факт избрания И.В. Сталина Генеральным секретарём ЦК, чтобы принизить значение этого решения, утверждают, во-первых, что эта идея принадлежит не В.И. Ленину, а Л.Б. Каменеву, во-вторых, сама должность не играла в партии сколько-нибудь существенной роли. Оба утверждения являются ничем иным, как искажением истории. К тому же факт, что не Каменев, а Ленин предложил на пленуме кандидатуру Сталина имеет документальные подтверждения. О том же говорил в беседе с Чуевым и Молотов. В записях писателя есть такой диалог, состоявшийся 4 декабря 1973 года:

«Рассказываю Молотову о том, как в ЦК КПСС мне сказали, что Ленин не выдвигал Сталина на пост Генсека: Каменев выдвинул, а Ленин дал согласие. Товарищ, который со мной беседовал, сказал, что избрание Сталина на этот пост — загадка, великая тайна, которую знает только один человек, но он никому не расскажет. Этот человек — Молотов.

— Ну, ну. Я-то хорошо знаю: это Ленин его выдвинул, — не задумываясь, подтверждает Молотов»¹.

Поскольку искажение фактов, связанных с избранием Сталина Генсеком продолжается, обратимся к заключительному слову В.И. Ленина по Политическому отчёту ЦК РКП(б) на том самом XI партсъезде 28 марта 1922 года. В нём он дал политическую характеристику Сталину, кстати, единственному из партийных деятелей, которых он называл в этой достаточно пространной речи

¹ Чуев Феликс. Молотов. Полудержавный властелин. С. 299.

(возможно, как раз потому, что предстояло его выдвижение на пост генсека):

«Вот Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах... Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Ведь это всё политические вопросы! А разрешать эти вопросы необходимо, это — вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства, которые в ничтожной доле разрешены в демократических республиках. Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой бы из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чём дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина.

То же относительно Рабкрина. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы повязнем, потонем в мелких интригах»¹.

Что касается места секретариата ЦК в жизни партии и отношения Ленина к его роли, то известен проект постановления Пленума ЦК, написанный Лениным 3 апреля, в день пленума, перед избранием Сталина Генсеком ЦК (этот документ ещё раз говорит о том, что инициатива выдвижения Сталина Генеральным секретарём ЦК принадлежала именно Ленину)::

«ЦК поручает Секретариату строго определить и соблюдать распределение часов официальных приёмов и опубликовать его; при этом принять за правило, что никакой работы, кроме действительно принципиально руководящей, секретари не должны возлагать на себя лично, перепоручая таковую работу помощникам и техническим секретарям.

Товарищу Сталину поручается немедленно приискать себе заместителей и помощников, избавляющих его от работы (за исключением принципиального руководства) в советских учреждениях.

ЦК поручает Оргбюро и Политбюро в 2-недельный срок представить список кандидатов в члены коллегии и замы РаКрина»².

Как видим, Ленин предполагал, что Сталин, будучи Генсеком ЦК, продолжит одновременно возглавлять и два наркомата. Однако пленум ЦК РКП(б) принял ленинский проект со следующим допол-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 122.

² Там же. Т. 45. С. 139.

нением: «с тем, чтобы т. Сталин в течение месяца мог быть совершенно освобождён от работы в РКИ». В соответствии с постановлением ЦК Сталин от обязанностей наркома Рабоче-крестьянской инспекции был освобождён 25 апреля 1922 года, но наркомом по делам национальностей оставался вплоть до июля 1923 года, пока наркомат не был ликвидирован после образования СССР¹.

О повышении статуса секретариата ЦК РКП(б) после XI партийного съезда свидетельствует и то, что два других секретаря ЦК занимали высокое положение в партии: В.М. Молотов был кандидатом в члены Политбюро, членом Оргбюро Центрального Комитета, а В.В. Куйбышев — членом Оргбюро ЦК РКП(б). Наконец, об этом же свидетельствует и освобождение Сталина от должностей наркома с тем, чтобы он сосредоточился на работе в новой должности.

Такое загадочное «письмо съезду»

Сталин, став Генсеком ЦК, скажем так, перевыполнил поставленные перед ним задачи. Считая его одним из выдающихся деятелей партии, Ленин тем не менее 25 декабря 1922 года писал: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно»².

4 января 1923 года к своему письму он добавил: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ переме-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 531.

² Там же. С. 345.

щения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, менее капризности и т.д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или такая мелочь, которая может получить решающее значение»¹.

Тут возникает ряд вопросов, на которые ответы, очевидно, никогда получены не будут. Во-первых, почему Владимир Ильич, поставив серьёзные кадровые вопросы, не предложил вариантов их решения? Или это была форма суровой критики Сталина в расчёте на то, что он исправится и необходимость его перемещения отпадёт? Или у Ленина не было кандидатуры, которая могла бы заменить Сталина на посту генсека с учётом предъявляемых к ней требований? В том письме Ленин дал критические оценки членам Политбюро Троцкому, Каменеву и Зиновьеву, тем самым исключив их из возможных кандидатур на пост Генсека. Среди членов Политбюро остались только И.И. Рыков и М.П. Томский, которые занимали посты, соответствующие их компетенции. Таким образом, на поставленный вопрос ответа не предлагалось, что, вообще-то говоря, не типично для Владимира Ильича.

А, может быть, у этого письма был другой подтекст: Ленин не считал целесообразным, чтобы в руках Генерального секретаря ЦК партии сосредоточивалась столь необъятная власть?

И ещё. Как понимать ленинские слова о том, что недостаток Сталина «вполне терпимый в среде и общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека»? Ведь Генеральный секретарь ЦК партии работает прежде всего «в среде и общениях между нами, коммунистами». При этом Ленин предлагает «переместить (выделено мной. — В.Т.) Сталина с этого места» так, чтобы использовать все достоинства этого «выдающегося вождя... современного ЦК». Но, кроме ЦК, руководящая работа остаётся только в Совнаркоме... Кстати, в это время Ленин несколько раз предлагал должность заместителя Председателя Совета народных комиссаров Л.Д. Троцкому, но тот всякий раз отказывался...

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.

Если на эти и подобные вопросы ответов нет, то причины, почему XIII съезд РКП(б) не согласился с предложением переместить Сталина с поста Генсека, достаточно известны, хотя «Письмо к съезду» обсуждалось в делегациях всеми его участниками, а Сталин заявлял о готовности уйти в отставку. Во-первых, как и В.И. Ленин, делегаты съезда не видели кандидатуры, которая могла бы заменить на этом посту Сталина. Во-вторых, после общепартийной дискуссии 1923 года, навязанной партии Троцким, Лев Давидович получил поддержку лишь 1,3% партийцев, но не отказался от дальнейшей борьбы с ЦК. В таких условиях делегаты съезда были уверены, что именно Сталина необходимо сохранить во главе партии. В ситуации обострения внутрипартийной борьбы и острой необходимости защиты ленинского курса на построение социализма в СССР недостаток Сталина, выразившийся в грубости по отношению к противникам партийного курса, вчерашние участники Гражданской войны воспринимали часто за... достоинство.

И, наконец, есть ещё одна серьёзная причина, объясняющая, почему съезд решил оставить Сталина на посту Генерального секретаря ЦК РКП(б): большинство делегатов знало Сталина как надёжного большевика в ситуациях, в которые ему приходилось попадать. Делегаты знали его и как проверенного руководителя большевистской партии. И в 1912 – 1913 годах, до Туруханской ссылки, и в 1917-м, вернувшись в Петроград из неё, Сталин возглавлял «Правду», которая, по словам Ленина, часто выполняла функции Центрального Комитета большевистской партии. На VI съезде РСДРП(б), на котором не мог присутствовать Ленин, находившийся в подполье, Сталин выступал с двумя основными докладами: с Политическим отчётом ЦК и с докладом «О политическом положении в стране», которые фактически определили характер съездовских решений. Именно к Сталину обращались делегаты съезда за разъяснением причин снятия после июльских событий лозунга «Вся власть Советам», а после его разъяснений (это был по сути третий доклад Сталина) дружно проголосовали за резолюцию, отражавшую изложенную Сталиным ленинскую позицию. После VI партсъезда Сталин входил в «узкий состав» ЦК, на пленуме ЦК РСДРП(б) 10 октября 1917 года был избран в бюро по политическому руководству восстанием (в первое в истории партии Политбюро), а на пленуме 16 октября – в состав Военно-революционного центра («пятёрки») по руководству восстанием. За участие в Гражданской войне Сталин был награждён орденом Красного Знамени. Каждый из этих и мно-

гих подобных фактов внушал у делегатов XIII съезда РКП(б) доверие к этому политику.

Впрочем... На XV съезде была одержана победа над троцкистско-зиновьевской оппозицией. Но при подготовке резолюции по отчёту ЦК члены Политбюро Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский и кандидат в члены Политбюро, секретарь Московского комитета ВКП(б) Н.А. Угланов выступили против провозглашения коллективизации в качестве основной задачи партии. Очевидно, следствием этого нового внутривнутрипартийного конфликта стало заявление Сталина об отставке, которое он сделал на послесъездовском организационном пленуме ЦК 19 декабря 1927 года. В нём он писал: «Прошу освободить меня от поста генсека ЦК. Заявляю, что не могу больше работать на этом посту, не в силах больше работать на этом посту»¹. Однако участники пленума отклонили это заявление Иосифа Виссарионовича.

На пути к культу Сталина

Представляет бесспорный интерес не только история, но и технология становления сталинского культа личности.

Будучи Генсеком ЦК, Сталин, видно, действительно сосредоточил в своих руках необъятную власть, чего не случалось с предыдущими руководителями секретариата Центрального Комитета. Это привело к перераспределению ролей в руководящей группе членов ЦК. Но при этом Сталин публично свою власть не демонстрировал. На XII и XIII партийных съездах (1923 и 1924 гг.) Генеральный секретарь ЦК не выступал с Политическими отчётами Центрального Комитета — их делал Г.Е. Зиновьев, председатель Исполкома Коммунистического Интернационала. И только на XIV партсъезде, когда Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев возглавили «новую оппозицию» Центральному Комитету РКП(б), с Политическим отчётом ЦК выступал уже И.В. Сталин.

У политических оппонентов Сталина — Троцкого и Зиновьева — стремление к формированию собственных культов личности обнаружилось ещё во время болезни Владимира Ильича. Троцкий настойчиво позиционировал себя вождём Красной Армии. В своих работах он позиционировал себя как главное действующее лицо в совершении

¹ Цит. по: Емельянов Ю.В. Сталин: путь к власти. М., 2002. С. 436.

Октябрьской революции¹. В 1923 году впервые в советской истории случилось переименованием города в честь здравствующего политического деятеля: Гатчина была переименована в Троцк. После смерти В.И. Ленина Л.Д. Троцкий вновь выдвинул свою теорию перманентной революции в качестве альтернативы ленинизму.

Что касается Г.Е. Зиновьева, то он настойчиво позиционировал себя как главного идейного преемника Ленина, ссылаясь на совместное нахождение в подполье, на работу «Социализм и война», единственную, написанную Лениным в соавторстве (с Зиновьевым), на роль в организации Коминтерна и т.п. В 1924 году, практически одновременно с переименованием Петрограда в Ленинград, город Елизаветград (Украина) был переименован в Зиновьевск. Что касается переименования Царицина в Сталинград, то оно состоялось в 1925 году, в ходе подготовки XIV съезда ВКП(б), на котором предстояла борьба с «новой оппозицией». Ясно, что это переименование стало одним из элементов того внутрипартийного противостояния.

Но готовность И.В. Сталина персонифицировать в своём имени и образе идеи и политику Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) выкристаллизовалась всё же позже, когда в повестку дня стал вопрос о «крестьянской социалистической революции», о «революции сверху», о коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Побудительных мотивов согласиться на культ собственной личности у Сталина было несколько.

В опубликованном 30 июля 1956 года постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» указывался ряд конкретных исторических условий, способствовавших появлению культа Сталина. Здесь нам придётся процитировать весьма большой фрагмент из этого документа:

¹ Надо отметить, что в опубликованной 6 ноября 1918 года в «Правде» статье «Октябрьский переворот (24 и 25 октября 1917 года в Петрограде)» Сталин отмечал заслуги Троцкого в Октябрьском вооружённом восстании. Он писал: «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому. Товарищи Антонов и Подвойский были главными помощниками тов. Троцкого». (Сталин И.В. Труды. Т. 10. М. 2017. С. 205). Этот абзац отсутствует в Сочинениях И.В. Сталина, вышедших в 1940-е годы.

«Это был первый в истории опыт построения социалистического общества, формировавшегося в процессе исканий, проверке на практике многих истин, известных до этого социалистам лишь в общих чертах, в теории. На протяжении более четверти века Советская страна была единственной страной, прокладывавшей человечеству путь к социализму. Она была подобна осажденной крепости, находившейся в капиталистическом окружении. Враги Советской страны на Западе и на Востоке после провалившейся интервенции 14 государств в 1918—1920 гг. продолжали готовить новые «крестовые походы» против СССР. Враги в большом количестве засылали в СССР шпионов и диверсантов, стараясь всеми мерами подорвать первое в мире социалистическое государство. Угроза новой империалистической агрессии против СССР особенно усилилась после прихода к власти фашизма в Германии в 1933 году, провозгласившего своей целью уничтожение коммунизма, уничтожение Советского Союза — первого в мире государства трудящихся. Всем памятно образование так называемого «антикоминтерновского пакта», «оси Берлин — Рим — Токио», активно поддержанных силами всей международной реакции. В обстановке назревавшей угрозы новой войны, отказа западных держав от неоднократно предлагавшихся Советским Союзом мер по обузданию фашизма и организации коллективной безопасности Советская страна вынуждена была напрягать все силы для укрепления обороны, для борьбы с происками враждебного капиталистического окружения. Партия должна была воспитывать весь народ в духе постоянной бдительности и мобилизационной готовности перед лицом внешних врагов.

Происки международной реакции были тем более опасны, *что* внутри страны долгое время шла ожесточенная классовая борьба, решался вопрос «кто кого?». После смерти Ленина в партии активизировались враждебные течения — троцкисты, правые оппортунисты, буржуазные националисты, стоявшие на позициях отказа от ленинской теории о возможности победы социализма в одной стране, что на деле вело бы к реставрации капитализма в СССР. Партия развернула беспощадную борьбу против этих врагов ленинизма...

Эта сложная международная и внутренняя обстановка требовала железной дисциплины, неустанного повышения бдительности, строжайшей централизации руководства, что не могло не сказаться отрицательно на развитии некоторых демократических форм. В ходе ожесточенной борьбы со всем миром империализма нашей стране приходилось идти на некоторые ограничения демократии, оправ-

данные логикой борьбы нашего народа за социализм в условиях капиталистического окружения»¹.

К перечисленным в постановлении ЦК КПСС условиям, способствовавшим появлению культа личности надо, думается, добавить, во-первых, тот факт, что революционные преобразования предстояли в крестьянской среде. А в ней, с одной стороны, достаточно широко сохранялся религиозный культ, с другой — в крестьянской традиции были живучи авторитет и почитание в отношении сильного. Во-вторых, предыдущий этап внутрипартийной борьбы привёл к выкашиванию прежних авторитетов, рождённых Великим Октябрем, в том числе тех, которые были склонны стать объектами поклонения. В-третьих, среди крестьянства был безусловно выше авторитет руководителей государства, чем партии. Однако в вопросе коллективизации позиции главы Совета народных комиссаров А.И. Рыкова и Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина разошлись: Рыков оказался одним из руководителей правого уклона. К тому же поездка Сталина в Южную Сибирь и Северный Казахстан показала неприязнь к нему кулаков².

Так политическая борьба формировала предпосылки для формирования культа Сталина. Этот процесс шёл достаточно аккуратно, в то же время в нём можно отметить свои «реперные точки».

Сталин, вероятно, понимал, что культ личности связан с определённым отчуждением его носителя от собственной личности. Принимая это бремя, субъект культа личности шёл на самоограничения. Своё поведение теперь он должен был соотносить не только с личными расчётами и желаниями, но и с нормами (порой с диктатурой) своего культа личности.

Проявлением относительной самостоятельности культа личности по отношению к конкретному политику — её носителю Сталин не без оснований посчитал цитирование собственных трудов, но в третьем лице. Ход был найден весьма оригинальный: Сталин цитировал Сталина как некоего авторитетного автора, существующего самостоятельно и формально независимо от него. Действительно, при такой практике использования цитат Сталин-вождь отделяется от Сталина-личности. Именно поэтому «земной» Сталин был вправе цитировать руководящие указания Сталина-вождя.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 7. С. 204–205.

² См.: Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 90.

Но предстояло проверить реакцию общества на такую демонстрацию культа личности, чтобы окончательно решить, имеются ли в обществе готовность принять культ Сталина.

В 11-м томе «Сочинений» И.В. Сталина опубликован по-своему уникальный документ. По названию и содержанию это — статья «Национальный вопрос и ленинизм», написанная в форме ответов на вопросы, поставленные в письмах товарищей. Именно в такой форме написаны известные послевоенные сталинские труды «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР». Как и в этих работах, здесь тоже указаны фамилии реальных лиц, которым отвечает Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), — Мешков, Ковальчук и другие. Ответы, датированные 18 марта 1929 года, предваряются коротким пояснением:

«Ваши письма получил. Они аналогичны целому ряду писем, полученных мною за последние месяцы от других товарищей. Я решил, однако, ответить вам именно потому, что вы ставите вопросы грубее и этим помогаете добиться ясности...»¹

В этой статье впервые Сталин несколько раз цитирует Сталина как некоего «самостоятельного» отдельного автора. Читаем:

«Именно такие буржуазные нации имеет в виду брошюра Сталина “Марксизм и национальный вопрос”, когда она говорит, что “нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определённой эпохи, эпохи поднимающегося капитализма”, что “судьбы национального движения, в сущности своём буржуазного, естественно связаны с судьбой буржуазии”, что “окончательное падение национального движения возможно лишь с падением буржуазии”, что “только в царстве социализма может быть установлен полный мир”»². Далее, как и положено в научной работе, Сталин даёт ссылку на источник, где можно найти цитируемый текст.

А вот ещё один фрагмент, построенный по такому же принципу:

«К этому же периоду относится брошюра Сталина “Марксизм и национальный вопрос”, где, между прочим, сказано:

“Окончательное падение национального движения возможно лишь с падением буржуазии. Только в царстве социализма может быть установлен полный мир. Но довести национальную борьбу до минимума, подорвать её в корне, сделать её минимально безвредной

¹ См.: Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 333.

² Там же. С. 338.

для пролетариата – возможно и в рамках капитализма. Об этом свидетельствуют хотя бы примеры Швейцарии и Америки. Для этого нужно демократизировать страну и дать нациям возможность свободного развития”»¹. Далее следует снова ссылка на первоисточник.

Наверное, нам не следовало бы уделять столько внимания фрагментам из работы Сталина, в которой он цитирует самого себя, но в третьем лице (кстати, в работе есть цитаты, построенные по типу: «Я писал...», «Я говорил»). Но дело в том, что в этой статье Сталин несколько раз цитирует также произведения В.И. Ленина. Таким образом, цитаты из Сталина встраиваются им в текст точно таким же образом, как и цитаты из Ленина. Целевая установка такого соседства очевидна: создать с помощью Ленина базу для культа личности Сталина.

Но под текстом этой статьи в 11-м томе Сочинений сообщается, что она в этом издании «печатается впервые». Между тем замысел такого оригинального цитирования имел смысл лишь тогда, когда работа получала доступ к широкому читателю. В данном случае Сталин поступал весьма осторожно и в то же время расчётливо: расчёт был на то, что распространителями статьи станут её адресаты. И он был вполне логичен: разве не интересно сделать достоянием обществу получение письма от «самого» Сталина?!

Следующий опубликованный документ, в котором Сталин называл себя в третьем лице, появился 9 июля 1929 года. Это письмо было адресовано редактору «Рабочей газеты», заместителю председателя Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна Ф.Я. Кону (копия – секретарю Иваново-Вознесенского обкома ВКП(б), члену ЦК партии Н.И. Колотилову) и носило официальный характер. Оно касалось отрицательной рецензии т. Руссовой на брошюру т. Микулиной «Соревнование масс», которую рецензент требовала «изъять». Между тем похвальное предисловие к брошюре было написано Сталиным. Читаем интересующий нас фрагмент из письма Генсека ЦК ответственным товарищам:

«Т. Руссова особенно возмущена тем, что т. Микулина «ввела в заблуждение тов. Сталина». Нельзя не ценить заботу о тов. Сталине, проявленную в данном случае т. Руссовой. Но она, эта забота, мне кажется, не вызывается необходимостью.

Во-первых, не так-то легко «вводить в заблуждение тов. Сталина».

¹ См.: Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 351.

Во-вторых, я несколько не каюсь в том, что предпослал предисловие к незначительной брошюре неизвестного в литературном мире человека, ибо я думаю, что брошюра т. Микулиной, несмотря на её отдельные и, может быть, грубые ошибки, принесёт рабочим массам большую пользу»¹.

Что касается публикаций, сразу предназначенных для печати, то впервые Сталин называл себя в третьем лице в «Ответе товарищам колхозникам», вышедшем в «Правде» 3 апреля 1930 года. Оно начиналось следующими словами:

«Из газет известно, что статья Сталина «Головокружение от успехов» и известное постановление ЦК «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» вызвали многочисленные отклики в рядах практиков колхозного движения»².

С точки зрения формирования культа Сталина весьма показательным является чествование Генерального секретаря ЦК ВКП(б) по случаю его 50-летия. Юбилей отмечался 21 декабря 1929 года. 22 декабря в «Правде» появилось следующее сообщение:

«Всем организациям и товарищам, приславшим приветствия в связи с 50-летием т. Сталина

Ваши поздравления и приветствия отношу на счёт великой партии рабочего класса, родившей и воспитавшей меня по образу своему и подобию. И именно потому, что отношу их на счёт нашей славной ленинской партии, беру на себя смелость ответить вам большевистской благодарностью.

Можете не сомневаться, товарищи, что я готов и впредь отдать делу рабочего класса, делу пролетарской революции и мирового коммунизма все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей.

С глубоким уважением

И. Сталин

21 декабря 1929 г.»³

Обычно после благодарственных писем юбиляра кампания его чествования завершается. Но тут «случилось» иначе: несмотря на это письмо Сталина, «Правда» и другие газеты продолжали публиковать поздравления по случаю 50-летия Генерального секретаря

¹ См.: Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 113.

² Там же. С. 202.

³ Там же. С. 140.

ЦК ВКП(б) по 28 декабря включительно. А 29 декабря 1929 года в «Правде» была опубликована весьма содержательная речь Сталина на конференции марксистов-аграрников, с которой он выступил 27 декабря. Это сугубо актуальное выступление руководителя ЦК партии как бы подвело итог его юбилею, причём точка была поставлена выразительная. Никаких дополнительных поздравлений и обобщений уже не требовалось.

Результат подобных целенаправленных действий ярко зафиксирован в диалоге Иосифа Виссарионовича с сыном Василием, о котором в своё время рассказал профессор Р.И. Косолапов. Отчитывая сына за какой-то проступок, отец говорил: «Ты думаешь, что ты – Сталин? Нет, ты не Сталин. Ты думаешь, что я – Сталин? Нет, я не Сталин. Сталин – это он». И отец указал сыну на висевший на стене портрет Сталина.

Оппонировали Сталину, а не культу личности

Когда мы говорим о культуре Сталина, то надо обязательно иметь в виду и реальный кадровый состав, существовавший в ту пору. Здесь обнаруживаются любопытные вещи: период культа Сталина был периодом нескольких качественно различных кадровых ситуаций. При этом каждая из них в принципе принимала культ Сталина и способствовала его укреплению. Более того, когда между Сталиным и руководящим корпусом партии случались противоречия и даже конфликты, то они, как правило, не касались режима культа личности.

До середины 1930-х годов доминирующее положение в руководящем кадровом корпусе занимали люди, непосредственно участвовавшие в большевистской подпольной партийной работе и Гражданской войне. В ту пору, кстати, в официальных анкетах был специальный вопрос, который поэт сформулировал просто: чем вы занимались до 17-го года? Однако в этой первой кадровой волне тоже были как бы два мощных слоя: те, кто проявил себя именно в борьбе за новую власть, и те, кто выдвинулся на практической работе при становлении этой новой власти. Этому поколению партийцев пришлось руководить социалистическим строительством в наиболее сложный период классовой, в том числе внутривластной, борьбы. Они, как правило, рассматривали культ личности как инструмент, укрепляющий Советскую власть и помогающий борьбе как с классовым врагом, так и с оппортунизмом.

В этом смысле показательны выступления на съездах ВКП(б) видных деятелей партии и государства, позже попавших под молот репрессий. На трибуне XVI партсъезда (июнь 1930 года, когда только шёл процесс активного формирования культа Сталина) секретарь ЦК КП(б)У П.П. Постышев:

«Товарищи, наш XVI партийный съезд выражает сплочение вокруг ЦК и его руководителя т. Сталина.

Проверка фактами говорит о том, что, несмотря на усиление сопротивления классового врага, наша партия, преодолевая трудности, спланирует массы вокруг ленинской политики партии и ведёт их под твёрдым руководством ленинского ЦК в развёрнутое социалистическое выступление»¹.

По мере укрепления культа Сталина росла и концентрация словословий в честь вождя. Послушаем, что говорил тот же П.П. Постышев на XVII съезде ВКП(б):

«Величайшие победы, которые партия одержала за это десятилетие и особенно за последние три с половиной года, показывают нам, всему рабочему классу и трудящемуся крестьянству нашей страны и всего мира величие ленинской стратегии партии, силу и мудрость великого стратега социалистического строительства — товарища Сталина. ... Сила партии — в её испытанном руководстве, в том, что во главе этого руководства стоит великий стратег социалистического строительства, величайший революционный мыслитель, человек несокрушимого революционного действия — товарищ Сталин»².

В пропаганду культа личности на XVII съезде ВКП(б) внесли свой вклад очень многие выступавшие.

Но с середины 1930-х годов, к началу Великой Отечественной войны, первое поколение кадров было фактически оттеснено от руководящих постов в партии и государстве, причём не только на центральном, но и на региональном уровне. На этот процесс повлияли как объективные, так и субъективные факторы. Вероятно, надо начать с того, что режим культа личности включал в себя не только культ Сталина, но и культ «региональных вождей». Их именами уже начали называть города.

¹ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчёт. М. — Л. 1931. С. 107.

² XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчёт. М. 1934. С. 64, 65.

Так мой родной город на Северном Урале, который первоначально назывался Надеждинском в честь владелицы градообразующего металлургического завода, с 1934 по 1937 год носил имя первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) Ивана Дмитриевича Кабакова. Крестьянский сын, окончивший начальную школу и уже несколько лет побатрачивший в родной деревне, Кабаков в 17 лет нанялся чернорабочим на Сормовский завод. Через 5 лет, в 1914 году он вступил в большевистскую партию, а через два года молодой слесарь чугунолитейного цеха был избран в состав Сормовского заводского комитета РСДРП. С 1918 года на партийной и советской работе. В 1928 году откомандирован на работу в Свердловск, где через год становится первым секретарём обкома партии. 19 января 1934 года Малый президиум Уральского областного исполнительного комитета решил назвать Надеждинский металлургический завод именем И.Д. Кабакова и переименовать город Надеждинск в Кабаковск. В один из мартовских дней собравшиеся в доменном цехе ударники самого северного на Урале завода отправили письмо Кабакову:

«Дорогой Иван Дмитриевич!

Сегодня мы получили телеграмму о том, что наш город Надеждинск переименован постановлением ЦИК СССР в город Кабаковск. С чувством величайшей радости встречаем это решение. Мы, рабочие и инженерно-технические работники завода, под твоим руководством добились больших успехов. Доменный цех, головной цех завода, долгие годы находившийся в прорыве, только благодаря личному твоему вмешательству стал передовым цехом в нашем заводе...»¹

Можно предположить, что региональный этап культа личностей, энергично набиравший силу, стал казаться серьёзным соперником не только культу Сталина, но и самой централизованной системе сталинского культа личности. Кстати, началом массовых репрессий известных «региональных вождей» можно считать снятие с высоких партийных постов как раз И.Д. Кабакова. Как известно, февральско-мартовским пленумом ЦК «за содействие преступной, террористической, шпионской и диверсионно-вредительской деятельности троцкистского центра» из состава ЦК были исключены и сняты со своих постов лидеры правого уклона Н.И. Бухарин и А.И. Рыков. А 17 мая 1937 года опросом членов ЦК, подтверждённым 29 июня на Пленуме ЦК, «на основании материалов о принад-

¹ См.: Дзюбинский Л. Три имени города. Екатеринбург. 1999. С. 116.

лежности к контрреволюционному центру “правых”» из состава ЦК и из партии исключён И.Д. Кабаков¹. 3 октября 1937 года, за несколько дней до октябрьского пленума ЦК ВКП(б), которым было исключено из Центрального Комитета 23 члена и кандидата в члены ЦК, Кабаков был расстрелян.

Помимо политического противостояния и внутрипартийной борьбы к смене части руководящих кадров побуждала... очевидность «морального износа» кадров, выдвинутых на высокие должности революционной борьбой и Гражданской войной. На фоне сформировавшейся рабоче-крестьянской интеллигенции было особенно заметно их отставание от требований создававшейся индустриальной материально-технической базы производительных сил СССР. Наиболее ярко обнаружился дефицит знаний, необходимых для управления социалистической индустриализацией, обществом высоких темпов количественного и качественного развития производительных сил. Представители этого поколения политических руководителей по своему образованию в большинстве своём были либо отчисленными из университетов за революционную деятельность гуманитариями, либо «выпускниками» церковно-приходской школы. Их политический профессионализм в середине 1930-х годов вступил в противоречие с требованиями управленческого профессионализма эпохи индустриализации. А ведь им было в среднем около 50 лет.

Доминирующее положение заняла категория работников, которые выдвинулись в процессе социалистического строительства. Причём в этом процессе выдвигались люди разных социальных этапов. Но и это поколение партийных работников приняло культ Сталина.

Наконец, в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное пятилетие ведущие роли в кадровом корпусе занимали участники Великой Отечественной войны. Однако уже с конца 1940-х годов началось целенаправленное вытеснение тех, кого правомерно называли героями войны, и замена их теми, кто активно проявил себя прежде всего в организаторской и хозяйственной работе в тылу. И они тоже не проявили себя противниками культа личности.

Таким образом, смена поколений партийных работников определялась не их отношением к культуре личности, а либо внутрипар-

¹ Центральный Комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б). 1917–1991. Историко-биографический справочник. С. 22.

тийной борьбой, либо выдвижением поколения, более профессионально грамотного и способного решать новые задачи, которые выдвигал процесс строительства социализма. Можно сказать, что об этом свидетельствует знаменитая когорта «сталинских наркомов», как правило, выдвинувшихся на руководящие посты в пору массовых репрессий (А.И. Бенедиктов, Б.Л. Ванников, В.В. Вахрушев, А.Н. Вознесенский, А.П. Завенягин, А.Ф. Засядько, И.В. Ковалёв, П.И. Паршин, Е.П. Славский, Д.Ф. Устинов и др.).

Сталинский подход к выдвижению на ведущие партийные и государственные должности проявился при избрании Президиума ЦК КПСС 16 октября 1952 года. Из 25 вновь избранных членов и кандидатов в члены Президиума ЦК только Л.И. Брежнев в годы Великой Отечественной войны был на партийно-политической работе в Действующей армии и два человека сражались в рядах партизанского движения на руководящих политических должностях (П.К. Пономаренко, Д.С. Коротченко). В то же время в Президиум ЦК КПСС членами или кандидатами были избраны 7 «сталинских наркомов» (В.А. Малышев, М.Г. Первухин, М.З. Сабуров, А.Г. Зверев, И.Г. Кабанов, Н.А. Косыгин, И.Ф. Тевосян) и 9 региональных руководителей (В.М. Андрианов, А.Б. Аристов, С.Д. Игнатьев, О.В. Куусинен, Л.Г. Мельников, Н.Г. Игнатов, Н.С. Патоличев, Н.М. Пегов, А.М. Пузанов). На фронт работали на высоких государственных, профсоюзных, идеологических постах В.В. Кузнецов, Д.И. Чесноков, М.Ф. Шкирятов, А.Я. Вышинский, П.Ф. Юдин.

Итак, когда говорят о кадрах времен культа личности, то надо всё время иметь в виду, что этот кадровый корпус не был неизменным; единственное неизменное, что в нем сохранялось, — это его искренняя приверженность и Коммунистической партии, и её идеологии, и Советской власти. А также... к культу Сталина.

Трагедия репрессий

Пытаясь осмыслить культ личности (конкретно — культ Сталина), мы не можем не коснуться проблемы массовых репрессий, которые тесно связаны с ним. Осмыслить проблему массовых репрессий — это не значит оправдать их. Установлено, что с 1921 года, то есть после окончания Гражданской войны, по 1953 год, когда умер И.В. Сталин и прекратились массовые репрессии, в СССР были приговорены к высшей мере наказания около 800 тысяч граждан (в это число входят и убийцы, которые в полном соответствии с за-

коном тоже были осуждены), около 600 тысяч человек умерли в местах заключения. Всего же за это время было осуждено, в том числе по надуманным доносам, 4060 тысяч человек¹. Подчеркнем: за все виды совершенных преступлений, включая уголовные. «Демократическая» же печать всех уголовников, как правило, причисляет к жертвам политических репрессий. Но можно уверенно говорить: в ту пору стремления выдать политических за уголовников не было; наоборот, так пугавшая 58-я статья часто использовалась для того, чтобы капитально прищучить именно уголовников. Не забудем: даже в Сталинской Конституции Союза СССР в статье 131-й понятие «враги народа» определялось не как политические противники Советской власти, а как «лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность».

И всё-таки клеймо «враг народа» закрепилось не за ворами и расхитителями социалистической собственности, а за политическими противниками сталинского руководства ВКП(б). До сих пор исследователи трагического процесса предпочитают говорить о «загадках 37-го года». И неразгаданного там действительно много.

Примечательно, что на XVI съезде ВКП(б), когда о массовых репрессиях ещё не было и речи, у руководящих товарищей тема репрессий уже звучала. Современному читателю может показаться неправдоподобным выступление на эту тему Сталина. А он заявил: «Некоторые товарищи думают, что главное в наступлении социализма составляют репрессии, а если репрессии не нарастают, то нет и наступления. Верно ли это? Конечно не верно»².

В.М. Молотов вспоминал: «Вплоть до 1936 г. многие старые члены партии, члены Центрального Комитета и Политбюро упрекали того же Сталина в чрезмерной мягкости по отношению к людям, проявляющим колебания и нерешительность в проведении генеральной линии партии, допуская большие и серьёзные ошибки. Забывают, что даже такие люди, как Зиновьев, Каменев, Радек, Преображенский, Серебряков, Смирнов и другие, по 2–3 раза исключались и вновь восстанавливались в партии не без ведома и прямого указания её Генерального секретаря; что даже такие люди, как

¹ См.: Земсков В. ГУЛАГ (Историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6; Семичастный В. Масленников В. Перепаханная совесть автора // Диалог. 1999. № 6. С. 18; Лысков Д. Сталинские репрессии. Чёрные мифы и факты. М. 2017. С. 30–64 и др.

² Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 309.

Бухарин, Рыков, Томский, Раковский и другие, чьи политические взгляды были партией признаны ещё в 1930 г., на XVI съезде ВКП(б), несовместимыми с ленинизмом, вплоть до самых процессов 1936–1938 гг. оставались в партии, а некоторые даже в ЦК, и занимали довольно видные государственные посты»¹.

Но эти свидетельства касаются личного поведения И.В. Сталина и только, похоже, до середины 1937 года. Между тем куда важнее анализировать интересы и деятельность разных социальных групп советского общества в середине 1930-х годов. Логично предполагать, что за острой внутривнутрипартийной борьбой часто скрывались противоречия между этими самыми социальными группами.

Мы традиционно и в принципе справедливо сосредоточиваемся на классовом составе общества. Именно так и поступал И.В. Сталин, представляя стране проект новой Конституции СССР 25 ноября 1936 года. Об огромном значении принятия новой конституции свидетельствует уже совершенно нестандартное название принимавшего её властного органа: *Чрезвычайный VIII съезд Советов СССР*. Его чрезвычайность была связана «только» с принятием новой (качественно новой) Конституции, получившей уже во время съезда почти официальное название Сталинской, но это принятие Основного Закона было ожидаемым и заранее запланированным. Ещё 1 февраля 1935 года пленум ЦК ВКП(б) «постановил поручить т. Молотову войти от имени ЦК ВКП(б) на VII съезд Советов с предложением о необходимости некоторых изменений в Конституции Союза ССР в направлении:

а) дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми,

б) уточнения социально-экономической основы Конституции в смысле приведения Конституции в соответствие с нынешним соотношением классовых сил в СССР (создание новой социалистической индустрии, разгром кулачества, победа колхозного строя, утверждение социалистической собственности как основы советского общества и т. п.)»².

В докладе «О проекте Конституции Союза СССР» председатель Конституционной комиссии И.В. Сталин после короткой «техни-

¹ Молотов В.М. Враги Сталина — враги России. С. 187.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. С. 205.

ческой» информации об образовании Конституционной комиссии и её задачах дал весьма обстоятельный анализ на тему «Изменения в жизни СССР от 1924 года до 1936 года», то есть за период, прошедший после принятия предыдущей союзной Конституции нашего государства. Докладчик прежде всего подчеркнул, что первая союзная Конституция была создана на первом этапе нэпа, периоде «некоторого оживления капитализма», а через 12 лет «мы имеем... последний период нэпа, конец нэпа, период полной ликвидации капитализма во всех сферах народного хозяйства»¹.

Отсюда очевиден вывод, что Советский Союз вышел на новый уровень общественно-политического развития. И Сталин формулирует его сущность:

«Таким образом, полная победа социалистической системы во всех сферах народного хозяйства является теперь фактом.

А что это значит?

Это значит, что эксплуатация человека человеком уничтожена, ликвидирована, а социалистическая собственность на орудия и средства производства утверждена как незыблемая основа нашего советского общества»².

Перейдя к анализу социальной структуры, председатель Конституционной комиссии сказал, что «пролетариат в СССР превратился в совершенно новый класс, в рабочий класс СССР, уничтоживший капиталистическую систему хозяйства, утвердивший социалистическую собственность на орудия и средства производства», что «советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому ещё не знала история человечества», что советская интеллигенция «является теперь равноправным членом советского общества, где она вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведёт стройку нового, бесклассового социалистического общества». Эти изменения, подчёркивал Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), говорят о том, что «экономические противоречия между этими социальными группами падают... и стираются также политические противоречия между ними».³

От анализа классово-структурной структуры Сталин переходит к характеристике национальных взаимоотношений в СССР и делает вывод: «Мы имеем теперь вполне сложившееся и выдержавшее все испыта-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 14. С. 121

² Там же. С. 122.

³ Там же. С. 123, 124, 125.

ния многонациональное советское государство, прочности которого могло бы позавидовать любое национальное государство в любой части света»¹.

После такого анализа Сталин делает важнейшее обобщение формационного масштаба: «Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, то есть осуществило то, что у марксистов называется иначе первой, или низшей, фазой коммунизма»².

Хотя этот вывод сделан несколько преждевременно, бесспорным остаётся факт, что Советская страна поднялась на новый уровень развития, и в повестке дня стоял вопрос о специфике очередного периода исторического пути. И здесь нам придётся заметить, что по этому вопросу единства в правящей партии не было. В середине 1930-х годов в ней налицо существовало несколько группировок, основой которых в значительной степени являлось их место в системе социального управления обществом. Дело в том, что специфика очередного периода исторического пути при едином понимании вектора виделась несколько по-разному партийно-советскому руководству Союза и руководству отдельных регионов, союзным хозяйственным структурам, командованию Вооружённых Сил, руководству органов госбезопасности...

О наличии подобных серьёзных противоречий можно судить, например, по выступлению на XVII партсъезде члена ЦК ВКП(б), члена партии с 1913 года, первого секретаря Днепропетровского обкома КП(б)У М.М. Хатаевича, ранее работавшего руководителем Татарской и Средневолжской региональных организаций ВКП(б):

«Товарищ Сталин вчера остановился на том, что необходимо увеличить влияние местных организаций — областных, районных и республиканских — на промышленность, не имеющую союзного значения... Но мы тут натолкнулись на сильное сопротивление аппаратов наркоматов, центральных ведомств, главков, которые не хотят передать в местное подчинение предприятия второ- и третьестепенного значения, предприятия, не имеющие союзного значения. Здесь бюрократическая инерция аппарата очень велика, и эта бюрократическая инерция должным образом не преодолевалась. Нас ставили в такое положение, что мы сами были вынуждены соглашаться

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 14. С. 126.

² Там же. С. 127.

на изъятие из нашего ведомства ряда предприятий и передачу их в союзное и республиканское подчинение...»¹

И это не было единственным выступлением на эту тему. Сегодня оно интересно тем, что подтверждает наличие особых интересов между разными крупными управленческими группами внутри партии.

Естественно, что эти различия не ограничивались сферой экономических интересов субъектов управления (подчеркнём: речь шла не о личной корысти, а об интересах регионов, отраслей, то есть значительных социальных групп). Заметную роль играло и их различие в политических интересах. Об этом достаточно убедительно свидетельствует обсуждение проекта Конституции СССР 1936 года.

В докладе председателя Конституционной комиссии И.В. Сталина на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года был выделен особый раздел V «*Поправки и дополнения к проекту Конституции*». Характер нескольких поправок весьма примечателен с точки зрения отражения серьёзных противоречий внутри партии. Эти поправки свидетельствуют о том, что они были внесены представителями руководящего корпуса, так как не касались интересов ни рабочих, ни крестьян, ни рядовой интеллигенции. Более того, они чаще всего демонстрировали наличие особых интересов руководителей регионального уровня и союзных ведомств. Здесь мы сосредоточимся только на поправках подобного рода.

Обратимся к докладу Сталина.

«Далее предлагают вычеркнуть в статьях 22-й, 23-й, 24-й, 25-й, 26-й, 27-й, 28-й и 29-й подробное перечисление административно-территориального деления союзных республик на края и области. Я думаю, что такое предложение также неприемлемо»².

Докладчик не говорит, что такое предложение не могло исходить от рабочих или крестьян, так как проекты этих статей Основного Закона ничем не покушаются на их интересы. Но он чётко указывает мотивы, которые порождают подобные поправки:

«В СССР имеются люди, которые готовы с большой охотой и без усталости перекраивать края и области, внося этим путаницу и неуверенность в работе. Проект Конституции создаёт для этих людей узду. И это очень хорошо, потому что здесь, как и во многом другом,

¹ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчёт. М. 1934. С. 78.

² Сталин И.В. Соч. Т. 14. С. 142.

требуется у нас атмосфера уверенности, требуется стабильность, ясность»¹.

Выступая с трибуны мирового звучания, Сталин не до конца раскрывает мотивы авторов этого предложения. Ясно, что они исходили от региональных руководителей, ибо они прежде всего заинтересованы в стабильности или, наоборот, подвижности региональных границ. В этой поправке отразились интересы той части руководителей, которые по своим компетенциям отстали от требований индустриальной экономики бурно развивающейся страны. Постоянная подвижка границ позволяла им легко уходить от ответственности за провалы, допущенные в руководстве регионами. А практика перенесения межрегиональных границ к середине 1930-х годов достигла весьма широких масштабов.

Вот ещё одна поправка, отражающая несовпадение интересов управленческих звеньев разных уровней. Читаем в докладе Сталина:

«Далее идёт дополнение к статье 40-й, в силу которого предлагается предоставить Президиуму Верховного Совета право издавать временные законодательные акты. Я думаю, что это дополнение неправильно и не должно быть принято Съездом».

Нетрудно догадаться, что в подобной поправке заинтересованы не рабочие или крестьяне и даже не руководители региональных партийных и советских органов, а товарищи, возглавляющие наркоматы, главки и прочие центральные ведомства. Они чаще других нуждались в придании своим решениям статуса законов. Но законотворчество должно исходить из общегосударственных, а не ведомственных интересов. Поэтому в комментарии докладчика звучит явное неудовлетворение самой возможностью появления такой поправки:

«Надо, наконец, покончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов. А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было. Законодательная власть в СССР должна осуществляться только одним органом — Верховным Советом СССР»².

«Наконец, — говорит Сталин, — ещё одна поправка, имеющая более или менее существенный характер».

Зная дальнейшее развитие событий, мы можем даже поправить Сталина: очень существенный характер. Докладчик пересказывает ее содержание:

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 14. С. 142.

² Там же. С. 144.

«Я говорю о поправке к 135-й статье проекта Конституции. Она предлагает лишить избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев, всех бывших людей и лиц, не занимающихся общепользным трудом, или же, во всяком случае, ограничить избирательные права лиц этой категории, дав им только право избирать, но не быть избранными. Я думаю, что эта поправка также должна быть отвергнута»¹.

Первый сталинский аргумент в подтверждение своей позиции — общеполитический:

«Советская власть лишила избирательных прав нетрудовые и эксплуататорские элементы не на веки вечные, а временно, до известного периода. Было время, когда эти элементы вели открытую войну против народа и противодействовали советским законам. Советский закон о лишении их избирательного права был ответом Советской власти на это противодействие. С тех пор прошло немало времени. За истекший период мы добились того, что эксплуататорские классы уничтожены, а Советская власть превратилась в непобедимую силу. Не пришло ли время пересмотреть этот закон? Я думаю, что пришло время»².

Но Сталин понимает, что на этом аргументе остановиться нельзя. Об авторах поправки он не просто догадывается, а скорее всего многих хорошо знает в лицо, много лет с ними работал бок о бок. Поэтому общегражданских доказательств здесь недостаточно. Приходится адресоваться к большевистским принципам. И Сталин идёт на это:

«Говорят, что это опасно, так как могут пролезть в верховные органы страны враждебные Советской власти элементы, кое-кто из бывших белогвардейцев, кулаков, попов и т. д. Но чего тут собственно бояться? Волков бояться, в лес не ходить. Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти. Во-вторых, если народ кой-где и изберёт враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо и мы вполне заслужили такой позор, если же наша агитационная работа будет идти по-большевистски, то народ не пропустит враждебных людей в свои верховные органы. Значит надо работать, а не хныкать, надо работать, а не дожидаться того, что все будет предоставлено в готовом виде в порядке административных распоряже-

¹ Сталин И.В. Соч. Т 14. С. 145.

² Там же.

ний. Ленин ещё в 1919 году говорил, что недалеко то время, когда Советская власть сочтёт полезным ввести всеобщее избирательное право без всяких ограничений. Обратите внимание: *без всяких ограничений*. Это он говорил в то время, когда иностранная военная интервенция не была ещё ликвидирована, а наша промышленность и сельское хозяйство находились в отчаянном положении. С тех пор прошло уже 17 лет. Не пора ли, товарищи, выполнить указание Ленина? Я думаю, что пора.

Вот что говорил Ленин в 1919 году в своем труде “Проект программы РКП(б)”. Разрешите зачитать:

“Р.К.П. должна разъяснять трудящимся массам, во избежание неправильного обобщения преходящих исторических надобностей, что лишение избирательных прав части граждан отнюдь не касается в Советской республике, как это бывало в большинстве буржуазно-демократических республик, определенного разряда граждан, пожизненно объявляемых бесправными, а относятся только к эксплуататорам, только к тем, кто вопреки основным законам социалистической Советской республики упорствует в отстаивания своего эксплуататорского положения, в сохранении капиталистических отношений. Следовательно, в Советской республике, с одной стороны, с каждым днём укрепления социализма и сокращения числа тех, кто имеет объективно возможность оставаться эксплуататором или сохранять капиталистические отношения, уменьшается само собою процент лишаемых избирательного права. Едва ли теперь в России этот процент больше, чем два, три процента. С другой стороны, в самом недалёком будущем прекращение внешнего нашествия и довершение экспроприации экспроприаторов может, при известных условиях, создать положение, когда пролетарская государственная власть изберёт другие способы подавления сопротивления эксплуататоров и введёт всеобщее избирательное право *без всяких ограничений*” (Ленин, т. XXIV, стр. 94; курсив мой. — *И. Ст.*).

Кажется, ясно»¹.

С точки зрения Основного Закона ясно было всё. И Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом все поправки в Конституцию СССР, которые поддержал Сталин, были приняты, а которые он подверг критике, были отклонены.

Но иначе обстояло дело на февральско-мартовском и июньском пленумах ЦК ВКП(б) 1937 года. В работах ряда исследователей (на-

¹ Сталин И.В. Соч. Т 14. С. 146–147.

пример, см.: Жуков Юрий. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933 – 1937 гг. М. 2003; Елисеев Александр. 1937. Вся правда о «сталинских репрессиях. М. 2009; Емельянов Ю.В. Разгадка 1937 года. Историческое исследование. М. 2013; Репрессии: мифы и факты. М. 2017) особо подчёркивается оппозиция руководству партии со стороны руководителей региональных организаций ВКП(б). После принятия Сталинской Конституции они развернули кампанию, направленную на то, чтобы доказать, что в стране много классовых врагов. Центр не без оснований расценил такое поведение как вызов лично Сталину. Значит, следовало ожидать ответного хода. И он последовал.

Выступая на февральско-мартовском (1937 года) пленуме ЦК ВКП(б) с заключительным словом, Сталин изложил масштабную программу переподготовки руководящих партийных кадров:

«Я думаю, что если бы мы смогли, если бы мы сумели наши партийные кадры снизу доверху подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьёзных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач»¹.

Новация предполагала обучение и переподготовку на четырёхмесячных «Партийных курсах» руководителей партийных ячеек, на восьмимесячных «Ленинских курсах» переподготовку руководителей районных парторганизаций. А для первых и вторых секретарей городских организаций предлагалось создать шестимесячные «Курсы по истории и политике партии» при ЦК ВКП(б).

Но главным в этой новой системе партийной учёбы предстояло стать шестимесячному (с отрывом от основной работы) *Совещанию по вопросам внутренней и внешней политики» при ЦК ВКП(б)*. «Сюда надо направить первых секретарей областных и краевых организаций и центральных комитетов национальных коммунистических партий. Эти товарищи должны дать не одну, а несколько смен, могущих заменить руководителей Центрального Комитета нашей партии. Это необходимо, и это должно быть сделано»².

Но участвовавшие в работе пленума руководители региональных и республиканских комитетов усмотрели не без оснований в этих словах не заботу о замене руководителей ЦК ВКП(б), а угрозу соб-

¹ Сталин И.В. Соч. Т 14. С. 170.

² Там же. С. 172.

ственной замены. Тем более, что им было предложено назвать по две кандидатуры партработников, которые их могли бы заменить на эти полгода. Так инициатива Сталина на пленуме осталась без поддержки, все выступавшие её просто-напросто бойкотировали.

Но обременённый тяжестью культа личности Сталин теперь не мог, как это было после XV партсъезда, без каких-либо объяснений подать пленуму заявление об отставке: его отставка теперь превратилась бы в публичное признание поражения политической линии, которую он персонифицировал. Между тем положение становилось, по оценке многих исследователей, критическим. А Л.М. Каганович, спустя более полувека и признавая, что среди репрессированных было много невинных жертв, тем не менее ситуацию 1937 года описывал в виде даже не драмы, а трагедии, лишённой оптимизма. В беседе с Ф.И. Чуевым он говорил:

«Кто же мог поверить, что старые, опытные конспираторы, используя весь опыт большевистской конспирации и большевистской кооперации и подпольной организации, что эти люди не будут между собой связываться и не будут составлять организацию?»

Они составляли организацию. Томский, который воевал с Зиновьевым и боролся первое время, потом они целовались в издательстве, где работал Томский начальником Госиздата, — встречались, они не отрицали, встречались на даче. О чём говорили? А платформа Рютина — это не идея, они организовывали восстание против Советской власти и возглавили бы восстание.

Весь метод борьбы Ленина против буржуазного правительства они использовали и могли использовать против нашего правительства, против нас. И в армии они имели своих людей. Они создали распространённую сеть организаций. И докладывали друг другу, и связь организовали. Бухарин с Каменевым встречался, беседовали, разговаривали о политике ЦК и прочее. Как же можно было их держать на свободе. Говорят, мол, как они могли с иностранными государствами связываться? Так они рассматривали себя как правительство, как подпольное нелегальное правительство. Неустойчивое, но правительство. И шли на это. Троцкий, который был хорошим организатором, мог возглавить восстание»¹.

Кто-то скажет: сочинял, как свидетель. А я посмотрел бы на эту версию обстановки, изложенную Кагановичем, под иным углом

¹ Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. В кн.: Чуев Ф. Каганович. Шепилов. М., 2001. С. 188.

зрения. Кагановичу можно верить в том, что единомышленники Сталина рассматривали противостояние во внутрипартийной борьбе как... гражданскую войну. Они помнили, что их многие бывшие однопартийцы, в том числе те, с кем они на II съезде РСДРП создавали социал-демократическую партию, начав с политической борьбы, закончили участием в белом движении. Обычно антисталинисты всё сваливают на сталинскую мнительность, между тем точнее говорить о господствовавшей психологии гражданской войны. Поэтому действия политических оппонентов виделись многим сталинским соратникам как поведение противника за линией фронта. Распространяя опыт отношений с меньшевиками на оппонентов Сталина (кстати, не культ Сталина, а лично Сталина), большинство тогдашних руководителей ВКП(б) стало подозревать практически всех партийцев, которые когда-либо отклонялись от ленинского, а потом и сталинского политического курса. Тем более под их подозрение попадали бывшие меньшевики и эсеры. Вспомним письмо И.В. Сталина в Детгиз и его рекомендации по поводу бывших эсеров наркому Н.И. Ежову.

Если даже Сталин, умевший смотреть вперед дальше, чем большинство его соратников, в начале 1937 года хотел противостоять накатывавшейся волне террора, то у него уже не было сил реально этого добиться. 2 июня 1937 года «он рекомендовал ограничить число арестованных теми 300 – 400 людьми, которые были арестованы к тому времени». Но «бывший министр внутренних дел Н.П. Дудоров в своих воспоминаниях утверждал, что уже в июне 1937 года Н.И. Ежов подготовил списки на аресты 3170 видных деятелей»¹.

Между тем, оказавшись без поддержки руководителей региональных организаций, будучи не уверенным после дела Тухачевского в руководстве Вооружённых Сил, Сталин стал опираться на наркомат внутренних дел и его главу Ежова (кстати, одновременно Ежов являлся секретарём ЦК, председателем Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), а в октябре 1937 года был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК партии).

По оценкам названных выше исследователей, пиком противостояния регионалов и сталинского руководства ЦК стал июньский пленум 1937 года. НКВД потребовал от участников июньского пленума ЦК ВКП(б) санкции на арест 11 членов и 14 кандидатов в чле-

¹ Емельянов Ю.В. Разгадка 1937 года. М. 2013. С. 244.

ны ЦК. Но и этот «план» был перевыполнен. С учётом исключённых 29 июня, в последний день работы пленума, ЦК после его окончания недосчитался 30 своих членов и кандидатов.

Но представление НКВД на санкции против членов высшего руководящего партийного органа ознаменовало начало пленума. Ближе к завершению он столкнулся с ещё одной проблемой. На обсуждение было поставлено внесённое по инициативе Сталина и его ближайших соратников предложение об альтернативных выборах депутатов Верховного Совета СССР. За два дня до его окончания его участникам был предложен проект положения о первых всеобщих выборах в Верховный Совет СССР. Докладчиком по этому вопросу был первый заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Я.А. Яковлев. «Конституция СССР, — подчеркнул он в своём докладе, — предоставляет каждой общественной организации и обществу трудящихся право выставлять кандидатов в Верховный Совет СССР... Эта статья имеет огромное значение, она внесена по предложению товарища Сталина... Её цель — развить, расширить демократию... Эта статья обеспечивает подлинный демократизм на выборах в Советы».

«Отказ окружных по выборам... комиссий, — продолжал докладчик, — в регистрации кандидатов в депутаты может быть обжалован в двухдневный срок в Центральную избирательную комиссию, решение которой является окончательным. К кандидатам в депутаты не предъявляется никаких особых требований, кроме предъявляемых к любому избирателю... От общественных организаций, выставивших кандидатов, требуется лишь, чтобы они были зарегистрированы в установленном законом порядке и предъявили протокол собрания или заседания, выдвинувших кандидата, по установленной форме в избирательную комиссию».

Я.А. Яковлев подчеркнул, что проект Положения предусматривает исключение «всяких попыток исказить результаты голосования и действительную волю трудящихся». Далее он назвал некоторые санкции за искажение итогов голосования¹.

Предложенная процедура выборов не была поддержана большинством членов ЦК: они отреагировали на неё гробовым молчанием. И ссылались эти товарищи на то, о чём писалось в поправке к 135-й статье Сталинской Конституции — об опасности предоставлять реальную возможность быть избранными «служителям культа,

¹ Цит. по: Емельянов Ю.В. Разгадка 1937 года. С. 248.

бывшим белогвардейцам. Всем бывшим лицам, не занимавшимся общепользным трудом».

Своеобразным ответом на инициативу альтернативных выборов стала записка кандидата в члены Политбюро, первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе, адресованная в последние дни работы пленума руководству страны. Он настаивал на необходимости создания в областях «троек», наделённых «правом выносить смертные приговоры»¹. Оценив свои силы, сталинское руководство решило: придётся отступить. За этим последовали требования региональных руководителей увеличить лимиты на репрессии. Заметим, что их подавали не только политические аксакалы регионального уровня. Активность проявляли и те, кто пришёл на смену уже репрессированных как по указаниям Сталина, так и инициативными стараниями Ежова руководителей крайкомов и обкомов. По данным Ю. Жукова, рекордсменами заявок были, например, сменивший И.Д. Кабакова А.Я. Столяр из Свердловской области и сменивший Е.Г. Евдокимова К.М. Сергеев из Орджоникидзевского края (оба стали руководителями региональных парторганизаций в 1937 году).

В общем, от альтернативных выборов, за которые ратовали Сталин и его единомышленники, сохранился только образец бюллетеня, оставшийся неизменным до конца 1980-х годов.

Однако исследования, в которых в центр противостояния со Сталиным и его демократическими инициативами, поставлены руководители региональных партийных организаций, объясняют только одну сторону трагедии 1937 года. Например, А. Елисеев так излагает логику противостояния:

«Регионалам была дана отмашка. От них даже стали требовать всё новой и новой крови. Сталин рассудил, что коли местные лидеры не хотят демократического обновления кадров, оно пройдёт диктаторскими методами. Регионалы с радостной готовностью принялись сажать и расстреливать»². И далее: «Потом пришло время и самих регионалов. Подождав немного, Сталин стал бить по ним, причём уже не оглядываясь на мнение ЦК, изрядно подчищенного при помощи самих регионалов»³.

¹ Цитируется по кн.: Емельянов Ю.В. Разгадка 1937 года. С. 251.

² Елисеев А. 1937. Вся правда о «сталинских репрессиях». М., 2009. С. 322.

³ Там же. С. 327.

Правда здесь в том, что к середине 1937 года от сталинского сопротивления репрессиям не осталось и следа. Более того, Сталин стал беспощадным. Думаю, трудно найти человека, который поставил бы под сомнения свидетельства Георгия Димитрова, героя Лейпцигского процесса, генерального секретаря Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Впрочем, дело не в должностях и былых подвигах — важнее другое: Димитров умер раньше Сталина, причём они были до последнего дня жизни последнего главы Коминтерна в близких товарищеских отношениях.

Так вот 7 ноября 1937 года Г. Димитров записал в своём дневнике:

«На обеде у Ворошилова (после демонстрации) ...

Тост Ворошилова за Сталина.

Тамада Микоян произносит тосты остроумные за всех подряд. Ворошилов — за Микояна. Ещё раз за великого Сталина.

Стал[ин]: Хочу сказать несколько слов, может быть, не праздничных. Русские цари сделали много плохого. Они грабили и поработали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело — сколотили огромное государство — до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство, не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех народов, составляющих это государство. Мы объединили государство таким образом, что каждая часть, которая была бы оторвана от мощного социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто пытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отд[ельной] части и национальности, он — враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был (так в документе. Правильно: «будь». — *Ред.*) он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями, да и мыслями, покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать. За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода! (*Одобрит[ельные] возгласы: за Великого Сталина!*)

Стал[ин]: Я не кончил свой тост. Очень много говорится о великих вождях. Но дело не побеждает, если нет условий для этого. При этом — главное в средних кадрах — партийных, хозяйственных, во-

енных, они выбирают вождя, они разъясняют позиции массам, они обеспечивают успех дела. За эти средние кадры! Они не лезут, их не заметно.

Д[имитров]: И того, кто их вдохновляет, указывает им путь, ведёт их – т. Сталина!

Стал[ин]: Нет, нет. Главное в этих средних кадрах. Генералы ничего не могут сделать без хорошего офицерства. Почему мы победили над Троцким и др.? Известно, что Тр[оцкий] после Ленина был самый популярный в нашей стране. Популярны были Бухарин, Зиновьев, Рыков, Томский. Нас мало знали. Меня, Молотова, Вор[ошилова], Калинина тогда. Мы были практики во время Ленина, его соратники. Но нас поддерживали средние кадры, разъясняли наши позиции массам. А Троцкий не обращал на эти кадры никакого внимания...

Вор[ошилов] и Молот[ов]: Димитров хочет произнести тост!

Д[имитров]: Я не могу ничего добавить к тому, что т. Сталин сказал насчёт беспощадной борьбы против врагов и насчёт значения средних кадров... Но я должен сказать, что... величайшее счастье для социалистической революции и для международного пролетариата, что после Ленина т. Сталин продолжил его дело с такой непоколебимостью и гениальностью, на всех крутых поворотах, и обеспечил победу дела. Нельзя говорить о Ленине, не связывая его со Сталиным! *(Все поднимают бокалы!)*

Сталин: Я очень уважаю т. Димитрова. Мы друзья и останемся друзьями. Но я не согласен с ним. Он даже не по-марксистски выразился. Для победы дела нужны соответствующие условия, а вожди найдутся...»¹

В этой дневниковой записи Г. Димитрова много разных аспектов, при этом Димитров солидаризируется с позицией Сталина. Но нам в данном случае важно отметить сталинскую беспощадность, переходящую границы гуманизма.

В этой связи целесообразно обратить внимание на теоретическую и политическую актуальность одной острой, но совсем не разработанной темы: роль революционной этики в классовой борьбе. Многолетний заведующий сектором Коминтерна Института марксизма-ленинизма, доктор философских наук, профессор К.К. Ширина вспоминает, что учёные этого сектора планирова-

¹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919 – 1943. Документы. М., 2004. С. 752–753.

ли серьёзную разработку этой проблемы в середине 1980-х годов: «Мы говорили при этом о Г. Димитрове, А. Грамши, Э. Тельмане, Че Геваре. По совету Марата Иосифовича Мохначёва прочитали несколько работ по Кубинской революции и были весьма удивлены тем, как строгойше соблюдала революционная армия Фиделя Кастро этику борьбы. Революционная законность в ней была незыблемой, армия не допускала никаких самосудов, никаких насилий над пленными, раненых пленным отпускала по домам, уважала честь и данное слово, оплачивала с надбавкой все получаемые у крестьян продукты. Мы решили: будем думать о коллективной подготовке книги, которую можно было бы предварительно назвать «От героев Парижской Коммуны до Че Гевары (Сила революционной этики)». Несколько раз собирались... говорили о революционерах прошлого, о принципах революционной этики, о тезисе Фиделя Кастро, провозгласившего недопустимость злоупотреблений со стороны социалистической власти, о партийном товариществе и об отходе от его некоторых норм у нас, о секрете великой популярности Че Гевары. Мы были убеждены, что вопросы революционной этики чрезвычайно важны и теоретически, и в практически-политическом смысле. Но приняться за осуществление задуманного плана не смогли»¹.

Думается, рассмотрение культа личности (и, в частности, культа Сталина) через эту призму было бы чрезвычайно целесообразным. Оно позволило бы некоторые грани этого явления, как и практической деятельности И.В. Сталина, увидеть более выпукло. Такой анализ позволил бы чётче и обоснованнее сформулировать критерии разных сторон деятельности носителя культа личности, отделить субъективные оценки от строгих, опирающихся на научные критерии различных действий Сталина на разных этапах классовой борьбы. Очевидно, такое осмысление — дело будущего.

А сейчас вернёмся к событиям второй половины 1930-х годов. А. Елисеев прав, указывая, что Сталин стал бить по своим противникам, ни с чем не считаясь, ни на кого и ни на чего не оглядываясь. Добавим: о нормах революционной этики он не вспоминал.

Но с Елисеевым нельзя согласиться, будто противниками и жертвами Сталина были только региональные руководители. Эту позицию опровергает статистика репрессированных среди членов и кандидатов в члены ЦК.

¹ Ширина К.К. Разный цвет у прожитых времён. М., 2012. С. 311.

В составе Центрального Комитета ВКП(б), избранного в 1934 году XVII партийным съездом, три четверти членов и кандидатов в члены ЦК приходились на две группы: а) руководителей региональных (областных, краевых и республиканских) партийных и советских органов, б) членов правительства Союза СССР (заместителей Председателя СНК, наркомов, их заместителей, руководителей ряда главков и ведомств). В первой группе репрессиям подверглись 82% цекистов, входивших в её состав. Причём здесь инициаторами расправ были как органы НКВД, отражавшие во многом сталинское недовольство поведением регионалов, так и... сами регионалы.

А. Елисеев отмечает: «Проводя репрессивную политику, регионалы, в конечном счёте, подрывали своё же собственное могущество. Они чистили одних людей и приближали к себе других. Однако новые выдвиженцы уже относились к местному руководству с недоверием, опасаясь (и не без оснований), что оно рано или поздно репрессирует их самих. Репрессии [в провинции] связывались в основном с региональным начальством. Москва же была далеко, и считалось, что тамошнее руководство ничего не знает о происках на местах. Поэтому в определённые моменты местные кадры оказались готовыми одобрить смещение и аресты их руководства»¹. Возможно, в частностях автор что-то упрощает, но указание на то, что «репрессивной политикой регионалы подрывали своё могущество» он обосновывает весьма убедительно.

Однако факты показывают, что проблема репрессий никак не ограничивалась одними региональными кадрами. В весьма многочисленной группе членов и кандидатов в члены ЦК, работавших в правительственных структурах, потери мало уступали группе регионалов. Репрессии заместителей председателя СНК СССР, наркомов, заместителей наркомов и других ответственных работников правительства, входивших в состав ЦК, избранного в 1934 году, превысили 70%. При этом мы не считали тех членов правительства, которые были введены в его состав из числа партийных руководителей регионов (С.В. Косиор, В.Я. Чубарь, Р.И. Эйхе...)

И в этом была своя логика 1937 года. Ведь обвинений в выступлениях против Сталина никому не предъявлялось: в условиях культа личности это было бы нелогично. Да оппоненты Сталина и в самом деле напрямую его не критиковали: у Сталина была броня в виде поддерживаемого ими режима культа личности. Обвинения

¹ Елисеев А. 1937. Вся правда о «сталинских репрессиях». С. 325.

репрессированным предъявлялись прежде всего в связях с Троцким и троцкизмом, с Зиновьевым, Каменевым, их «новой оппозицией», с правым уклоном. А в центральном правительственном аппарате персон для подозрений в этих прегрешениях было больше, чем в партийном генералитете регионов: руководители оппозиций, за исключением Зиновьева, функционировали в столице.

Говоря о событиях 1937 года (1937 год здесь не хронологическая единица, а скорее символ, знак явления), мы не берёмся оценивать «всю правду о сталинских репрессиях». Здесь, как и на других исторических этапах, нас интересует роль культа личности. На неё мы и стремились обратить внимание читателей.

Сталин-человек и Сталин — носитель культа личности

Второй темой в биографии вождя, ставшей предметом дискуссий, пересудов и откровенных фальсификаций, является его деятельность в годы Великой Отечественной войны. Фактически механизмы влияния культа Сталина на события здесь были те же, что и в довоенное время. Но поскольку ситуация была экстремальной, то культ личности был и результативнее, и... положительнее, чем в относительно мирное время. Более того, он был сильнее востребован массами. Когда фронтовики говорят, что в атаку шли с именем Сталина, то Сталин был именем-символом. Он олицетворял страну, социальный строй, ценности Советского государства. Как писал А. Твардовский, он был с именем Родина в ряду. Но давайте честно признаем, что это соседство обеспечивалось именно культом сталинской личности. Культ Сталина воевал вместе с народом, с армией, с партией, с И.В. Сталиным. Воевал, как говорят военные, порой неграмотно, порой блестяще, он вместе с войсками отступал и наступал. Он оказывал влияние даже на Рузвельта и Черчилля, когда они неожиданно для себя вставали при входе Сталина. Так действовал культ Сталина, хотя входил-то Сталин-человек.

Здесь стоило бы задуматься над уникальной ситуацией. Документы, воспоминания, исследования свидетельствуют, что позиция Сталина-политика в период трагического 1937-го менялась, порой очень резко. На эту сторону историки обращают значительное внимание. А какую роль играл культ Сталина? Мы уже указывали на отчуждение культа его личности от Сталина-человека. Да он и сам, если верить легенде о приведившемся выше его разговоре с сыном, хорошо понимал это. Попытаемся хотя бы частично осмыслить эту особенность ситуации.

Мы уже отмечали, что Сталин-человек и Сталин-носитель культа личности — это не одно и то же. Будь иначе — нам незачем было бы говорить о культе личности, который не являлся маской для его носителя, а в результате отчуждения приобретал способность собственного существования. Культ личности (конкретно: культ Сталина) выступал как относительно самостоятельный исторический субъект. Более того, культ Сталина какое-то время жил уже после его смерти. Новые руководители КПСС и Советского государства потому и стремились от него избавиться, что жаждали политической самостоятельности и не желали быть его заложниками. В противном случае им пришлось бы оставаться в тени культа Сталина.

Не случайно уже 10 марта, сразу после похорон И.В. Сталина, за три года до доклада Н.С. Хрущёва на закрытом заседании XX съезда КПСС, Г.М. Маленков, ставший Председателем Совета Министров СССР, на заседании Президиума ЦК КПСС осуждающе заявил, что «многое шло по линии культа личности». В связи с арестом Л.П. Берия в передовой статье «Правды», вышедшей 10 июля 1953 года, упоминалось о «вреде и недопустимости культа личности». А ведь ни Маленков, ни Берия не были противниками культа личности при жизни Сталина, наоборот, тогда режим культа личности их в основном устраивал. Но после смерти вождя его культ стал для них помехой.

Культ личности хоть и не был тождественен своему носителю, но в то же время присутствовал во всей его деятельности. В чем же тогда состоит их отличие?

Культ Сталина, как и любой другой культ, по своему содержанию уже и беднее личности своего носителя. Возьмём самое очевидное: социальные роли личности, тем более личности яркой, значительной. Даже тогда, когда эта личность живёт политикой, поглощена ею, её социальные роли всё равно не ограничиваются политикой и политической идеологией. А культ личности, как уже указывалось, является персонификацией интересов, идей и поведения больших социальных групп и партий, борющихся за их реализацию. Иначе говоря, содержание культа личности политическое, классовое.

Да и влиянию культа личности подвержены прежде всего активные слои рабочего класса и коммунистической партии. Кстати, в том сталинском тосте 7 ноября 1937 года, о котором в своём дневнике писал Г. Димитров, Иосиф Виссарионович отмечал ведущую роль «политического офицерства» в функционировании большевистской партии и Советского государства. Опыт показал, что если от верхне-

го слоя политического генералитета зависит во многом решение вопроса о необходимости культа личности, то политический офицерский корпус обеспечивает его существование и функционирование.

Однако разница между политиком и его культом личности не только в объёме их содержания, но и в их динамизме. Если культ личности, в конечном счёте, является персонификацией интересов и борьбы классов или больших внутриклассовых слоёв, персонификацией их политики и идеологии, то, следовательно, качественные изменения направленности классовой политики и идеологии происходят лишь при качественном изменении положения класса. Однако тогда, когда коренным образом меняется это положение, то и прежний культ личности становится неактуальным. И он сходит со сцены. Яркий тому пример — спринтерская история культа А.Ф. Керенского.

При сохранении качественных характеристик положения класса (обычно правящего класса) содержание культа личности остаётся в основном стабильным (по крайней мере, пока функционирует личность, давшая жизнь этому культу). Иная ситуация с деятельностью политика, принявшего бремя культа своей личности. Его поведение и взгляды на отдельные явления и процессы могут серьёзно меняться под влиянием внутрикачественных изменений в положении класса, изменения соотношения сил в обществе и в партии и т.д. Об этом, например, свидетельствует динамика отношений Сталина с Зиновьевым и Каменевым, Сталина с Бухариным и т.д. В результате изменения общественно-политической обстановки она колебалась в диапазоне от тесного сотрудничества до полного разрыва отношений.

Но если всмотреться в природу этих изменений, то они обычно оказываются связаны с существенными изменениями в социальной структуре общества, вызывавшимися как индустриализацией, так и коллективизацией. Пики разрыва межличностных отношений между ведущими политиками партии и государства всегда были связаны с всплесками обострения классовой борьбы. Причём доминантой изменений оказывалась классовая борьба, а не межличностные отношения.

И всё же надо признать, что на отношения между политиками оказывают влияние не только политические и идеологические факторы, но и индивидуальные свойства. В «Письме к съезду» В.И. Ленин обращал внимание именно на индивидуальные особенности Сталина и Троцкого, допуская, что именно они могут стать причиной раскола партии. Впрочем, ко времени становления сталин-

ского культа личности разрыв между этими политиками уже был завершён.

В содержании культа Сталина, каким он воспринимался в массовом сознании, доминантой выступал тезис: Сталин — хранитель норм и ценностей ленинизма и большевизма (при этом сам Сталин подчёркивал, что ленинизм и большевизм — суть одно и то же). Именно эта сущность закладывалась Сталиным-политиком в «собственный» культ личности. Сознательно приняв роль субъекта культа личности с такой доминантой, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) при любом осложнении внутривнутрипартийной ситуации не просто использовал «свой» культ личности, но порой максимально эксплуатировал его, хотя и старался, чтобы в массовом восприятии не выходить за рамки образа, заложенные в основу культа личности.

По мере усиления роли культа личности в жизни советского общества И.В. Сталин, безусловно, расширял свои возможности навязывания партии и обществу своей политической и идеологической позиции. Но одновременно росла зависимость самого Иосифа Виссарионовича от культа своей личности. От него всё больше требовалось поведение, которое не позволяло бы партии (а это по сути означало, что и в целом обществу) усомниться в правильности каждого его шага и каждого решения. При этом его действия должны были проявляться таким образом, чтобы воспринимались массами как направленные на сохранение большевистских ценностей и на укрепление и развитие ленинизма.

Выше уже приводилось воспоминание В.М. Молотова о том, что старые большевики до 1936 года часто пеняли Сталину за его «мягкотелость» в отношении внутривнутрипартийной оппозиции. Но дело было, думается, не столько в мягкотелости, сколько в... культе личности, который предписывал ему быть защитником единства партии на принципиальной основе большевизма-ленинизма. Он тормозил репрессии и в 1936-м, и в начале 1937 года. Это не означало его покладистого отношения к противникам. Против них предназначались и демократические процедуры выборов, и стремление на полгода вывести их из политической деятельности, усадив за парты и т.д. При этом все эти инструменты не только способствовали реализации сталинских планов, но и объективно были нацелены на укрепление большевистских, ленинских начал в жизни партии.

Сталинская ожесточённость против тех, кто стал поперёк расширения демократии в партии и в обществе, кто поставил под сомнение его всевластие, вырвалась наружу тогда, когда репрессии стало

можно рассматривать как борьбу с отступниками от большевизма, как устранение противников ленинизма. Такая возможность появилась после установления фактов связи ряда членов и кандидатов в члены ЦК с троцкистами, деятельность которых в 1937 году стала носить характер борьбы не только против ЦК ВКП(б), но и против Советского государства. Теперь роль культа Сталина полностью изменилась: она начала способствовать приданию репрессивной деятельности Сталина-политика видимости справедливости. Борьба Сталина со своими противниками приобрела окрас борьбы революционера-большевика с объединённой контрреволюцией сторонников небольшевизма Троцкого и отступников от большевизма, возглавляемых Зиновьевым, Каменевым, Бухариным, Рыковым...

Надо также иметь в виду, что культ Сталина влиял на поведение не только носителя культа, но и его сторонников и поклонников. Поскольку в идеологическом содержании этого культа лежала защита большевизма-ленинизма, то всем, кому культ Сталина помогал укреплять существовавшую власть, низвержение культа Сталина представлялось покушением на Советскую власть, на ленинизм, на тактику большевизма как в отечественном, так и международном масштабе (вспомним приведённые выше оценки ситуации 1937 года Л.М. Кагановичем). К тому же объединение разных сил против сталинского курса было весьма неординарным и по масштабам, и по активности.

По сути о том же говорил в беседах с Ф. Чуевым В.М. Молотов, высказавший мнение не только о критическом характере ситуации, но и представление о катастрофе в случае крушения даже не Сталина-политика, а только культа Сталина: «Я считаю, что мы должны были пройти через полосу террора, я не боюсь этого слова, потому что разбираться тогда не было времени, не было возможности, и мы рисковали не только Советской властью в России, но и интернациональным коммунистическим движением»¹.

Эта оценка Вячеслава Михайловича многослойная. Во-первых, она отражает существование реальных оснований для тревоги: смена тактики развития страны в конце 1930-х годов, даже если иметь в виду, что её предлагали противники реставрации капитализма, всё равно была чревата непредсказуемостью последствий для социалистического строительства. Во-вторых, ко времени бесед с Чуевым

¹ Чуев Феликс. Молотов. Полудержавный властелин. С 427

Молотову было хорошо известно, какие негативные последствия имело обрушение культа личности, инспирированное Н.С. Хрущёвым, кстати, не покушавшимся на социалистический характер развития страны. В-третьих, основания для оценки ситуации как тревожной и рискованной (тем более, что эта оценка даётся, когда человек уже знает последствия происходившей борьбы) Молотов мог связывать с масштабом репрессий (в самой их необходимости он не сомневался), так как уже знал о пагубности репрессивной машины ежовщины, получившей сталинскую отмашку. В таких условиях у сторонников культа личности были основания тревожиться, что культ личности мог не выдержать обрушившихся на него перегрузок.

Культ личности как фактор теоретической работы Сталина

Мы не можем обойти и вопроса о влиянии культа личности на теоретическое творчество И.В. Сталина. Если иметь в виду работы самого Иосифа Виссарионовича, то на их качество культ Сталина негативного влияния практически не оказал: автор прекрасно понимал всю ответственность за содержание своих теоретических выступлений не только перед партией и страной, но и перед... культом своей личности. Случись поверхностное отношение к теории марксизма-ленинизма, к осмыслению тактики большевизма, неизбежным следствием стало бы ослабление культа личности.

Культ личности повышал требования к любому выступлению И.В. Сталина. Он не мог позволить политику пустословить: чтобы поддерживать культ личности, Сталин должен был выступать не только метко, но и редко, чтобы дать возможность его цитировать и сторонникам, и противникам. Поскольку Сталин относился к культу своей личности вполне сознательно, то он стремился ничего не делать из того, что вело бы к ослаблению этого мощного инструмента его политического воздействия на общество.

Но повышая требовательность к Сталину-теоретику, культ Сталина создавал одновременно препятствия теоретическому творчеству «работников идеологического фронта» партии. Теоретические позиции Сталина в условиях культа личности определяли некие границы для творчества других (прежде всего профессиональных) теоретиков марксизма-ленинизма. Во-первых, всей системой культа личности накладывалось табу на иные, даже не альтернативные подходы к рассмотренным Сталиным проблемам, и редко кто был

способен переступать через такую границу. Но и эти смельчаки выдавали свои позиции за развитие сталинских идей. Во-вторых, тематика сталинских трудов всегда рассматривалась как указание на набор актуальных проблем теории. Складывалось противоречивая ситуация, при которой теоретики оказывались лишь высокопрофессиональными пропагандистами. В-третьих, в научном сообществе обществоведов, которым были неведомы планы Сталина, формировался страх приступить к разработке новых тем, чтобы случайно не опередить вождя и — тем более — не прийти к выводам, которые не совпадут с его выводами в работе, которой ещё даже нет, но которая может в будущем появиться.

Что касается Сталина, то, если судить по его работе «Марксизм и вопросы языкознания», он хорошо понимал негативную составляющую режима культа личности. Мы знаем, как сурово он критиковал его проявления в науке. В то же время он нигде не доводил эту критику до главной сферы проявления культа личности — до политики. Это ещё раз свидетельствует, что Сталин ценил этот инструмент политического воздействия на широкие массы.

Впрочем, не исключено, что в последние годы жизни И.В. Сталин был уже заложником культа его собственной личности. Его идея количественного расширения Президиума ЦК КПСС, формально легко реализованная на организационном пленуме ЦК партии после завершения XIX съезда, не была связана с задачей укрепления культа своей личности, более того, она была подготовкой политической жизни без Сталина. Но культ личности «не позволил» вождю реально воплотить в жизнь его собственную идею о привлечении к руководству партией более широкого круга политиков. Расширенный состав Президиума ЦК КПСС фактически так и не приступил к работе. Зато неуставное «бюро Президиума», иначе говоря, упразднённое съездом Политбюро, продолжало заседать. Вероятно, этот орган «сработался» с культом личности Сталина, и они друг друга «старательно поддерживали».

В общем, явление культа личности пока слабо исследовано. Вслед за Н.С. Хрущёвым, вбросившим это словосочетание в категориальный аппарат политики, большинство пишущих о культе Сталина не пытаются вычленить плоды культа личности, а заранее прищипливают к этому явлению чёрную-чёрную этикетку, выносят однозначный вердикт: плохо, преступно, недопустимо. И вспоминают о культе Сталина только тогда, когда речь идёт о просчётах, об ошибках, о преступлениях. Всё это, увы, было. Как писал А. Твар-

довский, «тут не убавить, не прибавить — так это было на земле». Но если мы марксисты-ленинцы, то и к этому явлению надо подходить диалектически.

Время культов личности

Итак, факты показывают, что культ личности, конечно же, был связан с деятельностью И.В. Сталина, но если сводить социально-политический феномен только к Сталину, то этим можно серьёзно исказить историю.

Если собрать весь букет действий Иосифа Виссарионовича, подвергаемых критике, то возникает явное желание сказать, что культ личности является специфическим, уникальным явлением, связанным именно с его фигурой. Более того, как раз так и пытались интерпретировать культ личности такие деятели, как Н.С. Хрущёв, М.С. Горбачёв, А.Н. Яковлев и их усердные сторонники¹. Такой подход к этой проблеме широко распространён и в современной публицистике. Однако он страдает абстрактностью и часто не соответствует действительности.

Во-первых, однозначно чёрная оценка личности Сталина противоречит историческим реалиям. Даже в постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 года, то есть после известного доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде партии, говорилось: «Находясь длительный период на посту Генерального секретаря ЦК партии, И. В. Сталин вместе с другими руководящими деятелями активно боролся за претворение в жизнь ленинских заветов. Он был предан марксизму-ленинизму, как теоретик и крупный организатор возглавил борьбу партии против троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов, против происков капиталистического окружения. В этой политической и идейной борьбе Сталин приобрел большой авторитет и популярность. Однако с его именем стали неправильно связывать все наши великие победы»²

¹ Например, см: О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущёва Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. С. 206.

Орган ЦК Компартии Китая газета «Женьминь жибао» вскоре после XX съезда КПСС и обсуждавшего его итоги расширенного заседания Политбюро ЦК КПК писала:

«Вопрос о борьбе против культа личности занимал важное место в работе XX съезда КПСС. Съезд со всей прямотой вскрыл факт распространения культа личности, длительное существование которого в условиях советского общества привело ко многим ошибкам в работе, вызвало нежелательные последствия...

Коммунисты должны анализировать ошибки, допущенные в коммунистическом движении. Некоторые считают, что И.В. Сталин целиком и полностью не прав. Это — серьёзное заблуждение. И.В. Сталин является великим марксистом-ленинцем, но вместе с тем допустившим серьёзные ошибки и не осознавшим их марксистом-ленинцем. Мы должны с исторической точки зрения подходить к Сталину, давать всесторонний и соответствующий анализ его положительных и ошибочных сторон, извлекать таким образом полезный урок. Как его положительные, так и отрицательные стороны являются одним из явлений международного коммунистического движения и носят в себе характерные черты эпохи»¹. Оценки И.В. Сталина, данные Н.С. Хрущёвым, не приняли Морис Торез и Пальмиро Тольятти, руководители крупнейших в ту пору Французской и Итальянской коммунистических партий, и многие другие видные деятели международного коммунистического движения.

Во-вторых, — и это главное — процессы, аналогичные культу Сталина, имели место и в ряде других стран, развивавшихся под влиянием СССР. Об этом свидетельствует анализ деятельности Мао Цзэдуна в Китае, К. Готвальда в Чехословакии, И. Броз-Тито в Югославии, В. Червенкова в Болгарии, М. Ракоши в Венгрии, Э. Ходжи в Албании, Ким Ир Сена в КНДР...

Отсюда делается поспешный и тенденциозный вывод: культ личности — это порождение социалистической системы. Но если культ личности порождение социалистической системы, то он должен был бы естественно вписываться в идеологию этой системы. Между тем идеология социалистического общества жестко основана на коллективном руководстве партийной и государственной жизнью, она не только критикует культ личности, но и утверждает, что несовместима с ним. И действительно, социалистическое развитие не только

¹ Статья была полностью перепечатана в «Правде»; см.: Правда. 7 апреля 1956 г.

стимулировало реально существовавший коллективизм, но и старательно его насаждало.

Кстати, изданный в 2008 году «Новым хронографом» уникальный справочник «На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924 – 1953 гг.)» начисто опровергает миф о том, что Сталин единолично принимал все более-менее значимые для партии и государства решения. Фактически у него в кремлёвском рабочем кабинете еженедельно, а то и по несколько раз в неделю проходили многочасовые заседания, в которых участвовали минимум половина членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) с приглашением на них членов правительства, сотрудников министерств и отделов ЦК партии, военачальников, дипломатов, в чью компетенцию входили обсуждаемые вопросы¹. А то, что на этих заседаниях решающее слово принадлежало И.В. Сталину, так в этом нет ничего противоестественного: в любой иерархической системе оно всегда принадлежит первому руководителю.

При внимательном историческом анализе нетрудно обнаружить, что культ личности впервые ярко проявлял себя задолго до рождения И.В. Сталина. С полным основанием можно говорить о культе Оливера Кромвеля во времена Английской революции. Ни у кого нет сомнений, что существовал культ Наполеона Бонапарта. Этот перечень можно было бы продолжить на примере менее значительных фигур из других стран. После освобождения от колониальной зависимости в ряде государств «третьего мира» стали складываться культы личности людей, крайне далеких от социализма.

Признав все эти факты, можно сделать предварительный вывод: культ личности — это процесс, который имел место на разных этапах постфеодального исторического развития. Но если это так, то возникает проблема: что общего в тех исторических эпохах, которые создавали возможность для появления культа личности? И здесь обнаруживается удивительная повторяемость. Она состоит в том, что *культ личности обычно имел место в переходные эпохи от одной социальной системы к другой*. При этом надо заметить, что речь идёт не только о революционных скачках от феодализма к капитализму и от капитализма к социализму, но и о смене систем внутри капиталистической формации, о переходе от колониализма к постколони-

¹ См.: На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записи лиц, принятых И.В. Сталиным. М., 2008.

ализму и т.п. Что касается феодальных отношений, то здесь о возможности культа личности говорить, думается, неправомерно, так как место в обществе определялось сословной принадлежностью. Первые культы личности связаны, на наш взгляд, с революционной борьбой против господства феодального жизнеустройства. Если же мы установили этот факт, то появляется вторая задача: попытаться объяснить, почему переходные периоды стимулируют появление культа личности.

Ситуация, когда в переходный период новая власть не имеет устойчивой экономической базы, неизбежна. Новая власть не имеет устойчивого базиса, вполне сложившего экономического фундамента, и поэтому решение своих задач власть пытается реализовать, используя другие инструменты. Ими могут быть, во-первых, энтузиазм масс, победивших в революции. Во-вторых, использование тех инструментов идеологического воздействия, которые продуктивно работали на предыдущем этапе, и сохранились в переходный период к новой стадии общественного развития. Например, религиозное мировидение. В-третьих, использование авторитета героев и вождей, выдвинутых революцией, чтобы при ненадежном экономическом базисе сформировать в обществе стремление приложить максимум усилий для созидания и укрепления нового строя.

В переходный период новая власть, как правило, начинала решать свои экономические, политические, идеологические проблемы с предложения общества новых ценностей и ориентиров. Великая Французская революция вызвала появление новых героев — назовем для примера наполеоновских маршалов и генералов Массену, Ланна, Даву, Нея, Мюрата, Бертье и др. Великая Октябрьская социалистическая революция породила Фрунзе, Буденного, Ворошилова, Чапаева, Щорса, Котовского...

Но это лишь тот фон, который помогает стимулировать активность масс, но никак не может решить проблемы недостаточного идеологического обеспечения. Надо иметь в виду, что в переходный период абсолютное большинство народа, неплохо осознавая свои интересы, тем не менее имеет лишь поверхностное представление о той системе, в создание которой оно включено. Даже при высоком уровне грамотности общество привыкло осмысливать окружающее в других, дореволюционных понятиях. Следовательно, большинство населения оказалось объективно не в состоянии сразу понять теоретические основы строительства нового общества.

В такой ситуации становится многообещающим процесс персонификации идеи победивших социальных сил, отождествляемых с авторитетом одного человека. Достаточно было того, что во главе войск встал Наполеон, как вероятность успеха операции резко возрастала.

С этой точки зрения Октябрьская революция во многом похожа на предшествовавшие ей революции. Но у неё было одно принципиальное отличие. О нём выразительно сказал на VII съезде РКП(б) В.И. Ленин:

«Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, вырастающей из феодализма, в недрах старого строя постепенно создаются новые экономические организации, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача — смести, отбросить, разрушить все пути прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет всё, что от неё требуется: она усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении революция социалистическая. Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для неё переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные»¹.

Октябрьская революция должна была решать задачи созидания нового общества, ещё не имея достаточной материально-технической основы экономического базиса, к тому же при низком культурном уровне масс, явно недостаточном для того, чтобы они теоретически восприняли новые идеи. Поэтому возможность использовать персонификацию идеи нового общества была привлекательной.

Итак, переходный период создаёт возможность возникновения культа личности. В то же время нет оснований говорить, что при жизни Ленина процветал культ Ленина, при жизни Георгия Димитрова — культ Димитрова. Они, могут возразить, слишком мало жили после победы революции, которую возглавляли. На это можно ответить лишь одно: они делали всё для того, чтобы их культ не складывался.

Для того, чтобы предоставляемая эпохой возможность возникновения культа личности превратилась в действительность, требу-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 5–6.

ется ещё как минимум три условия. Во-первых, должна быть такая личность, которая а) обладала бы достаточным авторитетом, б) была бы способна восприниматься обществом в качестве субъекта персонификации идей. Во-вторых, наличие вокруг лидера окружения, заинтересованного в культе его личности. В-третьих, готовность масс принять культ личности вождя. С этой точки зрения в нашей стране к 1930-м годам имелись все три условия для того, чтобы культ личности стал реальностью.

Социологическая характеристика культа личности легче всего может быть дана на примере культа Сталина. Для этого кратко проанализируем обстановку в советском обществе той поры. В ней следует выделить, в первую очередь, следующие факторы.

Первый. Общество было клубком противоречий (прежде всего острейшая классовая борьба, которая сопровождалась тремя годами гражданской войны).

Второй. Острая классовая борьба дополнялась внешним враждебным отношением к стране капиталистического мира (даже в 1926-м Владимир Маяковский писал: «Тянет порохом со всех границ»; знаменитая «Гренада» Михаила Светлова не связана с гражданской войной в Испании, так как написана в 1929 году).

Третий. Уровень развития производительных сил крайне низок, что серьёзно диктует условия поведения политической власти. Остро стоял вопрос индустриализации страны, иначе говоря, создания материальной предпосылки и для строительства социализма, и для обеспечения обороноспособности Советского государства. Требовалось решить ещё две важные задачи: во-первых, обеспечить концентрацию сельскохозяйственного производства (процесс концентрации сельскохозяйственного производства вытекал прежде всего не из политических, а из экономических потребностей; в то же время методы решения этой задачи использовались, как правило, экстремальные, и, возможно, не всегда оправданные), во-вторых, надо было поднимать культурно-технический уровень населения минимум до той стадии, которую требовала техника той эпохи.

Четвертый. Культ личности формировался в СССР под воздействием многовековых политических традиций, когда почитание государственности превратилось в передаваемую по наследству норму. Руководство партии в условиях господства в обществе этактистской политической культуры могло создать предлог для завышенной оценки своих функций.

Думается, что на формировании культа личности сказалась господствовавшая в течение ряда веков религиозность населения, она была одной из основных черт идеологии, сложившейся в до-революционном обществе. Культ бога относительно легко превращался в народном мировидении в культ вождя.

К особенностям культурной традиции, несущей печать многовековой истории России, следует добавить важнейший — субъективный — фактор: дефицит управленцев. Дело в том, что в стране даже в 1928 году в народном хозяйстве было занято только около 235 тысяч человек, имевших высшее образование; в 1913 году было 136 тысяч специалистов, окончивших вузы¹.

Дефицит кадров, способных к квалифицированному управлению, привёл к тому, что управленческие структуры вскоре отсосали в себя всю сколько-нибудь образованную часть общества. В результате получилось, что аппарат партии и государства оказался единственным квалифицированно подготовленным для решения не только собственных задач, но и для разрешения конфликтных экономических и политических ситуаций. В результате партийно-государственный аппарат превратился в главный инструмент насыщения общества социалистическими нормами-ценностями. Строго говоря, ситуация ненормальная. Получилось так, что имеющие образование лица, в силу своей квалификации, ушли в культурный отрыв от остальной массы. Они стали частью аппарата, который имел достаточно простую возможность и социально оторваться от основной массы трудящихся.

Естественно, эта опасность была Коммунистической партией осознана. Одним из важных способов разрешения этой проблемы стали выдвиженцы, другим — развитие критики и самокритики, на чём постоянно настаивал Сталин, третьим — ускоренная подготовка инженерно-технической интеллигенции. Сеть рабочих факультетов позволила к концу 1930-х годов сформировать действительно массовую социалистическую интеллигенцию.

Неизбежное в переходный период сохранение элементов отчуждения общества от власти усиливалось и обострялось в результате культурного расслоения общества, порождавшего элементы отчуждения основной массы общества от культуры. Пересечение элементов этих двух видов отчуждения резко обостряло опасность бюрократизма.

¹ См.: Мы и планета. Цифры и факты. М., 1982. С. 68.

Эта опасность была отмечена В.И. Лениным в начале 1920-х годов,¹ ей уделялось серьёзное внимание и в партийно-государственных документах. Надо отметить, что Сталин, оказавшись у власти, нашёл определенные варианты борьбы с бюрократизмом. Во-первых, был налажен постоянный контроль за аппаратом прежде всего сверху. Во-вторых, серьёзное внимание стало уделяться использованию критики и самокритики для выявления недостатков снизу. В-третьих, горизонтальные перемещения руководящих кадров, чему безусловно способствовало господство мобилизационных методов управления. Руководящий работник редко подолгу (скажем, 5 лет) находился в одной должности, чаще всего после 2—3 лет он переводился на другую должность, причём переводился не на повышение, а на аналогичную работу в другом регионе. Это имело серьёзные и противоречивые последствия. Позитив состоял в том, что, быстро перемещаясь, работник не успевал обзавестись «связями». Более того, он знал, что обзаводиться ими ни к чему: его все равно скоро переведут. В то же время такой руководитель попадал не только в политическую, но и в бытовую зависимость от этих перемещений. Он везде был в бытовом плане временным. Психологически он был к этому готов, но в житейском плане он всюду жил на казённом. Это сделало аппарат, с одной стороны, динамичным, а с другой стороны, сформировалась зависимость личности от её места в аппаратной системе, от начальства. Причём партийные работники среднего звена, включая сотрудников региональных управленческих структур, оказались наиболее зависимыми от аппаратной иерархии.

Становлению культа личности объективно содействовало мелкобуржуазное стремление в начальники как массовый психологический фон общества. Надо заметить, что как в реальности, так и в массовом сознании иерархичность общества была в значительной степени сохранена. Чем было обусловлено это стремление в начальники? Мелкобуржуазная психология исходила из того, что начальнику легче живётся. Такая ситуация безусловно подталкивала к формированию иерархического сознания при восприятии системы.

Был и другой немаловажный мотив. Не надо забывать, что уровень механизации оставался низким, и любой «начальник» оказывался в выигрыше уже потому, что у него была «чистая работа». Начальником считался всякий конторский работник, то есть любой, кто не занят непосредственно физическим трудом. При массовом

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 174—184; Т. 45. С. 363—368.

индустриальном строительстве квалифицированных специалистов не хватало, и зачастую начальниками становились наиболее квалифицированные рабочие — токарь, слесарь, сапожник и т. д. И, следовательно, статус начальника — статус социально почитаемый. Но надо иметь в виду, что в сложившейся ситуации стремление в начальники не способствовало преодолению отчуждения от власти хотя бы потому, что сохраняло и закрепляло разделение общества на «управленцев» и «исполнителей».

Рассмотрение культа личности как социокультурного явления заставляет обратить внимание на то, что в стране в 1920—1930-е годы остро стояла проблема дисциплины. Дело в том, что социальный состав населения СССР только на 10% состоял из лиц, связанных с индустриальным трудом, с «машинным временем».¹ Что касается аграрного труда, то ему присуща другая дисциплина. Между тем стоявшие перед страной задачи объективно требовали экстренных мер для формирования новой, индустриальной дисциплины труда, управления, межхозяйственных отношений, плановой, договорной, технологической и даже военной дисциплины. Экстренность мер обеспечивалась путём соединения технологий авторитета и страха. Культ личности, с одной стороны, легко прорастал из такой социальной атмосферы, а с другой — именно такая атмосфера насильственного и усиленного формирования заводской дисциплины, непривычной для большинства трудового люда страны, предъявляла спрос на культ личности вождя.

К числу объективных факторов, способствовавших возвращению культа Сталина, надо отнести и иерархичность как историческую традицию массового сознания, как своеобразную культурную норму.

Совокупность перечисленных факторов создавала возможность становления культа личности в переходный период от капитализма к социализму в СССР. Эта возможность стала действительностью лишь в реальной деятельности И.В. Сталина и его окружения.

И всё-таки: почему культ именно Сталина

Авторитет и широкая известность к Сталину пришли во время партийных дискуссий — сначала с Троцким, а потом и с «новой оппозицией» Зиновьева — Каменева. Укреплению этого авторитета

¹ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 11.

способствовали низовые партийные кадры, с которыми постоянно общался Генсек ЦК, и резкое повышение статуса этой должности.

Коллизия состояла в том, что в широких партийных массах авторитет Сталина был выше, чем в партийном руководстве, среди которого Иосиф Виссарионович рассматривался прежде всего как инициативный, добросовестный исполнитель. Когда в речи на одном из пленумов ЦК Сталин коснулся теоретических вопросов, известный историк Покровский оборвал его: «Теория не ваша профессия».

На готовность персонифицировать своим именем идеи партии и рабочего класса в конце 1920-х годов повлияли и сугубо личные особенности этого политика. В частности, думается, над ним довлел призрак его мелкобуржуазного происхождения, дополненный специфическим «синдромом семинариста». И то, и другое располагало к восприятию публичных похвал в свой адрес.

Серьезнейшим фактором становления культа личности явилась ожесточенная борьба между И.В. Сталиным и Л.Д. Троцким. Сталин был для Троцкого не только идеологическим, то есть классовым противником, но и личным, индивидуальным соперником, пока Троцкий оставался в рядах РКП(б). И даже не потому, что занял «его место». По многим личным качествам Сталин был своеобразным двойником автора перманентной революции. Но в главном они были антиподами. Сталин всегда умел подчинить себя делу. Он не был солистом. Более того, относился к политическим солистам с подозрением и неприязнью. Сталин был дирижером. И если из строя выбивалась даже первая скрипка, он нещадно её вышвыривал — лишь бы единым организмом оставался оркестр. Троцкий, наоборот, любил в политике прежде всего себя.

«Сталин есть самая выдающаяся посредственность».

«В тюрьме он легче сходилась с уголовными арестантами, чем с политическими».

«На всех этапах его пути его сопровождают слухи об интригах, о нарушении дисциплины, о самоуправстве, о клевете на товарищей, даже о доносах полиции на соперников».

«Гитлер импонировал Сталину».

Поколение, которому пришлось пережить перестройку, знает эти все суждения по цитатам из Коротича, из Ю. Афанасьева, из Г. Попова, из Суворова-Резуна или прочих многочисленных бездарных искателей собственной славы на обесславливании Верховного Главнокомандующего Победы. Но это не их личные выводы, а типичный плагиат. Все эти и подобные цитаты взяты «прорабами

перестройки» и её архитекторами из одной-единственной статьи «Иосиф Сталин. Опыт характеристики». Её автор — Л.Д. Троцкий¹.

Думается, И.В. Сталин все же менее противоречив, чем даваемые ему оценки. Если на первых митингах и шествиях оппозиции после августа 1991 года портреты Сталина выглядели вызовом не только контрреволюции, но и сторонящихся экстремизма её противникам, то сейчас те же портреты — только числом поболее — стали рядовым явлением, не вызывающим ни бурных восторгов, ни заметного неприятия.

Сталин приходит в современную политику

Вывод напрашивается сам собой: И.В. Сталин возвращается в современную политическую жизнь, вновь становится заметным элементом актуальной политической культуры нашего народа.

Это воскрешение из мертвых явилось совсем не результатом взвешенной, всесторонней оценки политика, более четверти века стоявшего у руля первого социалистического государства, следующим поколением его политических и идеологических наследников. Ничуть! Такой объективной, научной оценки пока просто нет. Для неё, похоже, всё ещё не наступило время. Нет и возрождения того явления, которое кличут кто сталинизмом, кто сталинщиной. Возвращение в народное сознание яркого политика-вождя приобрело откровенно протестное звучание. Оно даже оказалось как бы в стороне от идеологической работы коммунистов. Это воскрешение не совпадает и с отношением соотечественников к КПРФ. Исследования убеждают, что за КПРФ сегодня голосуют в основном сторонники социалистического курса общественного развития. К Сталину же стали обращаться большинство тех, кто не приемлет нынешний режим.

И.В. Сталина относят к выдающимся деятелям отечественной истории не только сторонники Компартии, но и приверженцы Жириновского и других мастей как левой, так и правой «оппозиции». Только первые его вводят в компанию с В.И. Лениным, а вторые — с Александром III и Столыпиным. Вспомнили о нём даже некоторые категории нынешних пронафталиненных «демократов». Его образ стремятся всё заметнее эксплуатировать в интересах укрепления капиталистической власти и представители правящего режима. Но

¹ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 395 — 411.

всякая такая попытка является искажением образа реального Сталина.

Что сегодня увидели в И.В. Сталине оппоненты ельцинско-путинского буржуазного режима?

Во-первых, олицетворение устоявшейся, организованной жизни, порядка.

Кстати, по этой причине Сталин чуть было не воскрес ещё на рубеже 1970—1980-х годов. В последний период «правления» Л.И. Брежнева было, например, поветрие выставлять портреты Верховного на ветровые стекла грузовых автомобилей. Подчеркнём: грузовых, за баранкой которых сидели рабочие. Александр Фирсов, ответственный работник ЦК ВЛКСМ, рассказывал В.М. Молотову: «С тысяча девятьсот семьдесят пятого по восьмидесятый год было реализовано свыше шестидесяти миллионов учтённых портретов Сталина, включая значки, брелоки и прочее»¹. Избрание Ю.В. Андропова Генсеком ЦК КПСС свело набиравшую силу волну на нет: начали решаться в первую очередь проблемы разумной организации общественной жизни, всерьёз вспомнили про дисциплину.

Вторым мотивом обращения к личности Председателя Государственного Комитета Оборона стал так и не остановленный развал государства. Сталин предстал державником для деятелей почти всех оттенков, эталоном политика, выковавшего мощный обруч для удерживания многоязыковой страны в единстве и целостности. Однако нынешние радетели державности монтируют образ возвращающегося в политическую жизнь Сталина по собственному подобию и габаритам, безуспешно втискивая его в прокрустово ложе ролей, отведённых нынешним лидерам. Замечу, что образ Сталина — радетеля государства был принят практически единодушно. Ходит легенда, будто У. Черчилль с почтением замечал: «Он принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой». Опасность однако в том, что в основе нынешней интерпретации Сталина-государственника заложено грубое искажение не только реального политика И.В. Сталина, но и его образа, лежавшего в основе его культа личности. Из Сталина-революционера, Сталина-большевика его буржуазные и мелкобуржуазные интерпретаторы стремятся слепить образ Сталина-охранителя *буржуазной* государственности.

Третьим фактором сталинского возвращения стали острее проблемы геополитики. В пору нового передела капиталистическо-

¹ Чувев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. С. 436—437.

го мира геополитический талант Верховного стал символом народной заботы об интересах России.

Нельзя не отметить и подталкивающее простых людей к Сталину обострение классовых антагонизмов в условиях реставрации капитализма. В народной памяти первый Генеральный секретарь большевистской партии остался жёстким приверженцем классового подхода. Тема «врагов народа» в российском мировосприятии гноится до сих пор. Но она же и убеждает, что для этого человека «врагом народа» был классовый враг. Это Сталин предупреждал, что по мере продвижения к социализму классовая борьба может нарастать и обостряться. Напрасно мы перестали в 1980-е годы верить в этот тезис. И чем больше людей будут сильны таким «задним умом», тем решительнее они станут поглядывать в сторону нефальсифицированного И.В. Сталина.

Последним в сегодняшнем перечислении мотивов сталинского ренессанса можно назвать ставшее в XX веке в нашем Отечестве уникальным его уважительное отношение как руководителя страны к своему великому предшественнику. Большая наша нравственность слишком обостренно воспринимает серию публичных полосканий в нечистых лоханях, старт которой после смерти Иосифа Виссарионовича дал Н.С. Хрущев. Открыв этим ключиком ящик Пандоры, он ненароком накликал слишком много бед на страну. Увы, Хрущева потом повторили и последующие генсеки. Да и сам Хрущёв ещё при жизни оказался в роли грязного белья в той же лохани.

Культ личности, подчеркнём ещё раз, — явление сложное и противоречивое. Решительно отвергая все попытки представить И.В. Сталина исчадием ада, следует в то же время не менее определенно заявить о недопустимости сделать из этой яркой личности некоего святого, эталон для повседневного политического подражания. И нам ещё предстоит чётко «развести» два пересекающихся, но не тождественных явления — И.В. Сталин и культ личности, серьёзно исследовать их диалектическую связь.

Предметом нашего рассмотрения в этом заключении был культ личности как социологическое явление. Исторически придётся, видно, признать, что личность И.В. Сталина, его дела, его индивидуальные качества — всё это стало предметом «эксплуатации» со стороны советского строя и правящей Коммунистической партии (причем как до его смерти, так и после неё). Это, однако, не отрицает более «общепринятого» факта, что сам Сталин тоже активно «эксплуатировал» культ своей личности. Он по максимуму использовал

традицию отечественной политической культуры, согласно которой народ весьма почитателен по отношению к власти. Какая из этих «сторон противоречия» извлекла для себя больше пользы, сказать очень непросто. Впрочем, собственно исторические оценки не являются предметом этого исследования.

Культу личности — нет!

При осмыслении культа личности в рамках политической жизни крайне важно наряду с его исторической обусловленностью отметить и другую сторону: какой бы ни была историческая оценка его носителей, культ личности неизбежно порождает деформации в политической культуре общества. Укажем на наиболее типичные их проявления.

Первое: мифологизация общественного сознания. Она явно связана с персонификацией идей больших социальных групп отдельным политическим деятелем. Когда говорили об идеях не буржуазии, а Наполеона, не об идеях рабочего класса, а Сталина и т.д., то тем самым формировали — осознанно или неосознанно — далеко не безобидные для общества мифы.

Второе: деформация системы социально-культурных институтов. Дело в том, что в условиях культа личности сама личность вождя начинает выполнять функции самостоятельного социокультурного института общества.

Третье: ущемление сферы права. Субъект культа личности становится, наряду с государством, важной доминантой правовой системы.

Четвертое: деформация репрессивных механизмов. Надо иметь в виду, что репрессивные механизмы сами по себе присущи любому государству, но в условиях культа личности субъект этого культа оказывается средством освящения этих механизмов, оказывается их регулятором. Не будем забывать, что культ личности связан с репрессивными механизмами потому, что он проявляется в политических и только в политических системах. Если связанные с именем Сталина репрессии против участников политических процессов (речь о процессах социальных, а не судебных) могут быть предметом дискуссий и альтернативных оценок, то репрессии против членов их семей не имеют никаких оправданий.

Пятое: гипертрофированное отражение роли субъекта культа личности в жизни общества, в жизни его рядовых членов. Причём

надо иметь в виду, что речь идёт не о таком отражении, которое носило бы конъюнктурный и уж тем более продажный характер. Например, едва ли кто может поставить под сомнение искренность Михаила Исаковского. Но ведь Исаковскому принадлежат стихи, где есть такие строчки: «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе». Это явная деформация в отражении не столько поэта, сколько широких масс, почитавших культ личности.

Но есть другая сторона. Став реальным фактом социальной истории, культ личности продолжает оказывать влияние на общество и после того, как проведены какие-то политические акции по его развенчанию. Более того, при определенных условиях негативные масштабы разоблачительных манипуляций могут быть сопоставимы с негативными воздействиями самого культа личности, и даже превышать масштабы вреда, который приносит обществу этот политический феномен. Практика преодоления культов Кромвеля, Наполеона, Сталина связана тоже с деформациями политической культуры.

Проявления? Во-первых, извращенная оценка роли субъекта культа личности в истории в ходе его разоблачения. Кромвеля, который умер в 1659 году, до реставрации Стюартов, хоронили с почётом, но потом из могилы достали, над трупом издевались, и развеяли пепел его сожжённых останков. Причудливо менялось отношение французов к Наполеону. И уж тем более из исторической памяти соотечественников невозможно выветрить историю того, как выносили из Мавзолея И.В. Сталина...

В процессе преодоления культа личности часто проявляется извращенная оценка не только субъекта культа личности, но и других исторических деятелей, из которых лепят то подельников, то, наоборот, идеальных антиподов субъекта культа личности. Наша история богата этими процедурами. Скажем, в 1956—1965 годах предпринимались энергичные попытки создать в качестве антипода И.В. Сталина и резко возвысить личность Сергея Мироновича Кирова. В 1980-е годы было, видно, решено, что проще всего эту задачу решить, выставляя в качестве альтернатив то Бухарина, то Троцкого, то репрессированных других деятелей. Сам этот процесс, с одной стороны, стимулировал интерес к исследованию этих личностей, а с другой — этот интерес сопровождался явно конъюнктурной установкой лепить образ под определенную заранее поставленную задачу.

Но дело не только в извращении исторической роли конкретных политиков. Нередко такая процедура преодоления культа ведёт и к

извращению образа эпохи. В нашей научной и художественной литературе сохранились зримые следы борьбы вокруг трактовки роли Наполеона в мировой истории, не говоря уж о роли И.В. Сталина.

В процессе преодоления культа личности порой происходит бесцеремонное переписывание не только политической истории, но и художественной культуры. В 1950—1960-е годы шёл очень интенсивный процесс сортировки творчества писателей. Кстати, некоторые из них сами принимали участие в этом процессе. Вот, скажем, К.М. Симонов в своих интересных мемуарах рассказывает, насколько для него был существенным вопрос: оставлять ли в сборниках своих стихотворений ярчайшее произведение «Митинг в Канаде»¹. Вспомним это замечательное стихотворение:

Я вышел на трибуну, в зал,
Мне зал напоминал войну,
А тишина — ту тишину,
Что обрывает первый залп.
Мы были предупреждены
О том, что первых три ряда
Нас освистать пришли сюда
В знак объявления нам войны.
Я вышел и увидел их.
Их в трёх рядах, их в двух шагах,
Их злобных, сытых, молодых,
В плащах со жвачками в зубах...
Почувствовав почти ожог.
Шагнув, я начинаю речь.
Её начало — как прыжок
В атаку, чтоб уже не лечь:
— Россия, Сталин, Сталинград! —
Три первые ряда молчат...

И вот Константин Симонов оказался перед дилеммой: яркое, талантливое, эмоциональное стихотворение вычеркивать из своего творчества или сохранить? Естественно, подобная ситуация ненормальная и является переписыванием истории уже художественной культуры, которая к политике имеет к тому же опосредованное отношение.

¹ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1988. С. 102—104.

Наконец, в общество вводится вирус сомнения в ценности не только эпохи, но и всех её участников — и рядовых, и, образно говоря, маршалов. Впрочем, деформация политической культуры является особенностью её развития не только в случаях культа личности, а очевидно, в любой переходный период.

Деформированная под воздействием подобных факторов политическая культура способна на какое-то время утрачивать иммунитет к «вирусам», заносимым не только из альтернативных, но и из враждебных политических культур. В нашей стране без учёта этого обстоятельства едва ли можно понять все перипетии перестройки и буржуазной контрреволюции и их горькие результаты, выродившиеся в реставрацию капитализма

**Пометки и комментарии И.В. Сталина
на полях второй Программы партии –
Программы Российской коммунистической партии (большевиков),
принятой VIII съездом РКП(б).
Сделаны при подготовке проекта Программы ВКП(б)
не позднее 15 июля 1947 года, когда было принято
постановление Политбюро ЦК ВКП(б) (протокол № 59 пункт 48)
«О проекте новой программы ВКП(б)»¹**

¹ См.: Трушков В.В. Неизвестная Программа ВКП(б). Приложение к журналу «Политическое просвещение». М. 2018. С. 66–71.

Ф. Мел. и Д. и Кантас,
Пресс

2

Несколько месяцев тому назад в по-
решении моего правительства комиссией
ВКН(Ф) и Министерством народного
просвещения, новой программой ВКН(Ф)
неизменно для всех под руководством
новобранного профессора Вильгельма.
Одновременно предметами II. Мерку и
Кудину народное просвещение, новой программой
ВКН(Ф) на основе моего бюджета в том же
году. Так как на ~~XVIII~~ /просвещении, предмет
был XVIII (его) парти предполагается
внести вопросы о принятии новой про-
граммы ВКН(Ф) и в связи с этим внести
автоматически предмет и методологию
и в развитие ~~но~~ ^в ~~компресси~~ ^{компресси} о новой программе
ВКН(Ф), — сейчас нужно рассмотреть
моя комиссия оба предмета для
указания.

И. С. Галин.

Г. Морозову
Н. С. Галину
К. С. Галину
М. С. Галину
М. С. Галину
С. С. Галину

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОГРАММА И УСТАВ ВКП (б)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УзССР
ТАШКЕНТ — 1942

**ПРОГРАММА
ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ)**

Принята VIII съездом партии (18—23 марта 1919 г.)

Октябрьская революция (25 октября, 7 ноября 1917 г.) в России осуществила диктатуру пролетариата, начавшего при поддержке беднейшего крестьянства или полупролетариата созидать основы коммунистического общества. Ход развития революции в Германии и Австро-Венгрии, рост революционного движения пролетариата во всех передовых странах, распространение советской формы этого движения, т. е. такой, которая направлена прямо к осуществлению диктатуры пролетариата, все это показало, что началась эра всемирной пролетарской, коммунистической революции.

Эта революция явилась неизбежным результатом развития капитализма, господствующего пока в большинстве цивилизованных стран. При вступлении капитализма и буржуазного общества наша

2) Революция - процесс борьбы пролетариата с буржуазией

Классовая революция - борьба пролетариата с буржуазией

3) Программа Кан-Ша.
206
207
208
209
210
211
212
213
214
215
216
217
218
219
220
221
222
223
224
225
226
227
228
229
230
231
232
233
234
235
236
237
238
239
240
241
242
243
244
245
246
247
248
249
250
251
252
253
254
255
256
257
258
259
260
261
262
263
264
265
266
267
268
269
270
271
272
273
274
275
276
277
278
279
280
281
282
283
284
285
286
287
288
289
290
291
292
293
294
295
296
297
298
299
300

старая программа правильно, если не считать неточного названия партии социал-демократической, охарактеризовала в следующих положениях: «Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т. е. поступать в наемники к капиталистам, и своим трудом создавать доход высших классов общества.

«Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

«Тот же технический прогресс дает, кроме того, предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения то-

варов. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплуатации.

«Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

«Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обуславливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост

необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

«Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с их эксплуататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений коммунистическими, т. е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной коммунистической партии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

«Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественной и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другой.

2) к слиянию банковского капитала с промышленным капиталом громдой концентрации и усиленному вывозу капитала в чужие страны. Тресты, охватывая целые группы капиталистических держав, начали экономический раздел мира, поделенного уже территориально между богатейшими странами. Эта эпоха финансового капитала, неизбежно обостряющая борьбу между капиталистическими государствами, есть эпоха империализма.

Отсюда неизбежно вытекают империалистические войны, войны за рынки сбыта, за сферы приложения капитала, за сырье и за рабочую силу, т. е. за мировое господство и за власть над малыми и слабыми народностями. Именно такова первая великая империалистическая война 1914—1918 годов.

И чрезвычайно высокая степень развития мирового капитализма вообще; и смена свободной конкуренции государственно-монополистическим капитализмом; и подготовка банками, а равно союзами капиталистов, аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов; и стоящий в связи с ростом капиталистических монополий рост дороговизны и гнета синдикатов над рабочим классом, закрепощение его империалистским государством, гигантское затруднение экономической и политической борьбы пролетариата; и ужасы, бедствия, разорение, порождаемые империалистской войной,— все это сделало

неизбежным крах капитализма и переход к высшему типу общественного хозяйства.

Империалистская война не могла кончиться не только справедливым миром, но и вообще заключением сколько-нибудь устойчивого мира буржуазными правительствами. Она, на достигнутой ступени развития капитализма, с неизбежностью превращалась и превращается на наших глазах в гражданскую войну эксплуатируемых трудящихся масс, с пролетариатом во главе их, против буржуазии.

Растущий натиск со стороны пролетариата и особенно его победы в отдельных странах усиливают сопротивление эксплуататоров и вызывают с их стороны создание новых форм международного объединения капиталистов (Лига наций и т. п.), которые, организуя в мировом масштабе систематическую эксплуатацию всех народов земли, ближайшие свои усилия направляют на непосредственное подавление революционных движений пролетариата всех стран.

Все это с неизбежностью приводит к сочетанию гражданской войны внутри отдельных государств с революционными войнами как обороняющихся пролетарских стран, так и угнетаемых народов против ига империалистских держав.

При этих условиях лозунги пацифизма, международного разоружения при капитализме, третейских судов и т. п. являются не только

кего
реакционной утопией, но и прямым обманом трудящихся, направленным к разоружению пролетариата и отвлечению его от задачи разоружения эксплуататоров.

Только пролетарская, коммунистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами. Каковы бы ни были трудности революции и возможные временные неуспехи ее или волны контрреволюции,— окончательная победа пролетариата неизбежна.

Эта победа мировой пролетарской революции требует полнейшего доверия, теснейшего братского союза и возможно большего единства революционных действий рабочего класса в передовых странах.

Эти условия не осуществимы без принципиального решительного разрыва и беспощадной борьбы с тем буржуазным извращением социализма, которое одержало победу в верхах официальных социал-демократических и социалистических партий.

кего
Таким извращением является, с одной стороны, течение оппортунизма и социал-шовинизма, социализма на словах, шовинизма на деле, прикрытие защиты грабительских интересов своей национальной буржуазии лживым лозунгом защиты отечества, как вообще, так в особенности во время империалистской войны 1914—1918 годов. Это течение создано тем, что передовые капиталистические государства, грабя колониаль-

Кого? Кому?

ные и слабые народы, дают возможность буржуазии, за счет добытой этим грабежом сверхприбыли, ставить в привилегированное положение и таким образом подкупать верхушки пролетариата, обеспечивать им в мирное время сносное мещанское существование и брать на службу себе вождей этого слоя. Оппортунисты и социал-шовинисты, будучи слугами буржуазии, являются прямыми классовыми врагами пролетариата, особенно теперь, когда они в союзе с капиталистами вооруженной рукой подавляют революционное движение пролетариата как в своих, так и в чужих странах.

С другой стороны, буржуазным извращением социализма является течение «центра», наблюдаемое равным образом во всех капиталистических странах, которое колеблется между социал-шовинистами и коммунистами, отстаивая единство с первыми и пытаясь возродить обанкротившийся II Интернационал. Руководителем борьбы пролетариата за его освобождение является лишь новый, III, Коммунистический Интернационал, одним из отрядов которого является ВКП. Этот Интернационал фактически создан образованием коммунистических партий из действительно пролетарских элементов прежних социалистических партий в ряде стран, а особенно в Германии, и формально основан в марте 1919 г. на его I съезде в Москве. Коммунистический Интернационал, приобретающий все больше сочувствия в массах пролетариата всех стран, не только

в своем названии возвращается к марксизму, но и всем своим идейно-политическим содержанием, всеми своими действиями осуществляет революционное учение Маркса, очищенное от буржуазно-оппортунистических извращений.

Развивая конкретнее задачи пролетарской диктатуры применительно к России, главной особенностью которой является численное преобладание мелкобуржуазных слоев населения, ВКП определяет эти задачи следующим образом:

В ОБЛАСТИ ОБЩЕПОЛИТИЧЕСКОЙ

1. Буржуазная республика, даже самая демократическая, освящаемая лозунгами всенародной, общенациональной или внеклассовой воли, неизбежно оставалась на деле — в силу того, что существовала частная собственность на землю и другие средства производства, — диктатурой буржуазии, машиной для эксплуатации и подавления громадного большинства трудящихся горсткой капиталистов. В противоположность этому, пролетарская или советская демократия превратила массовые организации именно угнетенных капитализмом классов, пролетариев и беднейших крестьян-полупролетариев, т. е. громадного большинства населения, в постоянную и единственную основу всего государственного аппарата, местного и центрального, снизу и доверху. Тем самым Советское государство осуществило, между прочим, в несравненно более

широком виде, чем где бы то ни было, местное и областное самоуправление, без каких бы то ни было сверху назначаемых властей. Задачей партии является неутомимая работа над действительным проведением в жизнь полностью этого высшего типа демократизма, требующего для своего правильного функционирования постоянного повышения уровня культуры, организованности и самостоятельности масс.

2. В противоположность буржуазной демократии, скрывавшей классовый характер ее государства, Советская власть открыто признает неизбежность классового характера всякого государства, пока совершенно не исчезло деление общества на классы и вместе с ним всякая государственная власть. Советское государство, по самой своей сущности, направлено к подавлению сопротивления эксплуататоров, и Советская Конституция, исходя из того, что всякая свобода является обманом, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала, не останавливается перед отнятием у эксплуататоров политических прав. Задача партии пролетариата состоит в том, чтобы, проводя неуклонно подавление сопротивления эксплуататоров и идейно борясь с глубоко вкоренившимися предрассудками насчет безусловного характера буржуазных прав и свобод, разъяснять вместе с тем, что лишение политических прав и какие бы то ни было ограничения свободы необходимы исключительно в качестве временных мер борьбы

с попытками эксплуататоров отстоять или восстановить свои привилегии. По мере того, как будет исчезать объективная возможность эксплуатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах, и партия будет стремиться к их сужению и к полной их отмене.

3. Буржуазная демократия ограничивалась формальным распространением политических прав и свобод, как то: права собраний, союзов, печати, одинаково на всех граждан. Но в действительности как административная практика, так и, главным образом, экономическое рабство трудящихся всегда ставило последних при буржуазной демократии в невозможность сколько-нибудь широко пользоваться этими правами и свободами.

Напротив, пролетарская демократия на место формального провозглашения прав и свобод ставит их фактическое предоставление прежде всего и больше всего именно тем классам населения, которые были угнетены капитализмом, т. е. пролетариату и крестьянству. Для этого Советская власть экспроприрует у буржуазии помещения, типографии, склады бумаги и т. п., предоставляя их в полное распоряжение трудящихся и их организаций.

Задача ВКП состоит в том, чтобы вовлекать все более широкие массы трудящегося населения в пользование демократическими правами и сво-

бодами и расширять материальную возможность этого.

4. Буржуазная демократия в течение веков провозглашала равенство людей независимо от пола, религии, расы и национальности, но капитализм не позволил нигде осуществить этого равноправия на деле, а в своей империалистической стадии привел к сильнейшему обострению расового и национального гнета. Только потому, что Советская власть есть власть трудящихся, она смогла до конца и во всех областях жизни впервые в мире провести это равноправие вплоть до полного уничтожения последних следов неравенства женщины в области брачного и вообще семейного права. Задачей партии является в настоящий момент преимущественно идейная и воспитательная работа над тем, чтобы уничтожить до конца все следы прежнего неравенства или предубеждения, особенно среди отсталых слоев пролетариата и крестьянства.

Не ограничиваясь формальным равноправием женщин, партия стремится освободить их от материальных тягот устарелого домашнего хозяйства путем замены его домами-коммунами, общественными столовыми, центральными прачечными, яслями и т. п.

5. Обеспечивая для трудящихся масс несравненно большую возможность, чем при буржуазной демократии и парламентаризме, производить выборы и отзыв депутатов наиболее легким и доступным для рабочих и крестьян способом,

Советская власть в то же время уничтожает отрицательные стороны парламентаризма, особенно разделение законодательной и исполнительной властей, оторванность представительных учреждений от масс и пр.

Советское государство сближает государственный аппарат с массами также тем, что избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика).

Задача партии заключается в том, чтобы, ведя всю работу в этом направлении, добиваться дальнейшего сближения органов власти с массами трудящихся на почве все более строгого и все более полного осуществления этими массами демократизма на практике, в особенности же путем проведения ответственности и подотчетности должностных лиц.

6. В то время, как буржуазная демократия, вопреки ее декларациям, превращала войско в орудие имущих классов, отделяя его от трудящихся масс и противопоставляя его им, уничтожая или затрудняя для солдата возможность осуществлять политические права, Советское государство сливает в своих органах, в Советах, рабочих и солдат на почве полного равенства их прав и единства их интересов. Задачей партии является отстаивать и развивать это единство рабочих и солдат в Советах, укрепляя неразрывную связь вооруженной силы с организациями пролетариата и полупролетариата.

а крестьяне?

7. Руководящая во всей революции роль городского промышленного пролетариата, как наиболее сконцентрированной, объединенной, просвещенной и закаленной в борьбе части трудящихся масс, проявилась как в самом возникновении Советов, так и во всем ходе развития их в органы власти. Наша Советская Конституция отразила это, сохраняя некоторое преимущество за промышленным пролетариатом сравнительно с более распыленными мелкобуржуазными массами в деревне.

ВКП, разъясняя временный характер этих преимуществ, исторически связанных с трудностями социалистической организации деревни, должна стремиться к неуклонному и систематическому использованию этого положения промышленного пролетариата для того, чтобы в противовес узко-цеховым и узко-профессиональным интересам, которые выращивал капитализм среди рабочих, соединять теснее с передовыми рабочими наиболее отсталые и распыленные массы деревенских пролетариев и полупролетариев, а также среднего крестьянства.

8. Только благодаря советской организации государства, революция пролетариата могла сразу разбить и разрушить до основания старый, буржуазный, чиновничий и судейский государственный аппарат. Однако, недостаточно высокий культурный уровень широких масс, отсутствие необходимых навыков в деле управления у выдвигаемых массой на ответственные посты работ-

Л
ников, необходимость спешного привлечения в тяжелых условиях специалистов старой школы и отвлечение самого развитого слоя городских рабочих на военную работу, привело к частичному возрождению бюрократизма внутри советского строя.

Ведя самую решительную борьбу с бюрократизмом, ВКП отстаивает для полного преодоления этого зла следующие меры:

- 1) Обязательное привлечение каждого члена Совета к выполнению определенной работы по управлению государством.
- 2) Последовательную смену этих работ с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления.
- 3) Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством.

Полное и всестороннее проведение всех этих мер, представляя собой дальнейший шаг по пути, на который вступила Парижская Коммуна, и упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся ведут к уничтожению государственной власти.

В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

9. В национальном вопросе ВКП руководствуется следующими положениями:

- 1) Во главу угла ставится политика сближения пролетариев и полупролетариев разных на-

циональностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии.

2) В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение.

3) В тех же целях, как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия представляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу.

4) В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, ВКП стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.

Во всяком случае, со стороны пролетариата тех наций, которые являлись нациями угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных или неполноправных. Только при такой политике возможно создание условий для действительно прочного, добровольного единства национально

разнородных элементов международного пролетариата, как то показал опыт объединения ряда национальных Советских республик вокруг Советской России.

В ОБЛАСТИ ВОЕННОЙ

10. В области военной задачи партии определяются следующими основными положениями:

1) В эпоху разложения империализма и разрастающейся гражданской войны невозможно ни сохранение старой армии, ни построение новой на так называемой внеклассовой или общенациональной основе. Красная Армия, как орудие пролетарской диктатуры, должна по необходимости иметь открыто классовый характер, т. е. формироваться исключительно из пролетариата и близких ему полупролетарских слоев крестьянства. Лишь в связи с уничтожением классов подобная классовая армия превратится во всенародную социалистическую милицию.

2) Необходимо самое широкое обучение всех пролетариев и полупролетариев военному делу и введение преподавания соответственных предметов в школе.

3) Работа военного обучения и воспитания Красной Армии совершается на основе классового сплочения и социалистического просвещения. Поэтому необходимы политические комиссары из надежных и самоотверженных коммунистов наряду с боевыми начальниками, и соз-

дание в каждой части коммунистических ячеек для установления внутренней идейной связи и сознательной дисциплины.

4) В противовес строю старой армии необходимы: возможно короткий срок чисто-казарменной выучки, приближение казарм к типу военных и военно-политических школ, возможно тесная связь военных формирований с фабриками, заводами, профессиональными союзами, организациями деревенской бедноты.

5) Необходимая организационная связь и устойчивость могут быть приданы молодой революционной армии только при помощи командного состава, на первых порах хотя бы низшего, из среды сознательных рабочих и крестьян. Подготовка наиболее способных и энергичных и преданных делу социализма солдат к командным должностям является, поэтому, одной из важнейших задач в деле создания армии.

6) Необходимо самое широкое использование и применение оперативного и технического опыта последней мировой войны. В связи с этим необходимо широкое привлечение к делу организации армии и ее оперативного руководства военных специалистов, прошедших школу старой армии. В свою очередь, необходимым условием такого привлечения является сосредоточение политического руководства армией и всестороннего контроля над командным составом в руках рабочего класса.

7) Требование выборности командного состава, имевшее огромное принципиальное значение по отношению к армии буржуазной, где командный состав подбирался и воспитывался, как аппарат классового подчинения солдат и, через посредство солдат, трудовых масс, теряет совершенно свое принципиальное значение по отношению к классовой рабочей и крестьянской Красной Армии. Возможная комбинация выборности и назначения диктуется революционной классовой армией исключительно практическими соображениями и зависит от достигнутого уровня формирования, степени сплоченности частей армии, наличия командных кадров и т. п.

В ОБЛАСТИ СУДЕБНОЙ

11. Взяв всю власть в свои руки и упразднив без остатка органы буржуазного господства — суды прежнего устройства, — пролетарская демократия вместо формулы буржуазной демократии «выборность судей народом» выдвинула классовый лозунг «выборность судей из трудящихся только трудящимися» и провела его во всей организации суда, уравнивая, вместе с тем, оба пола во всех правах как при выборе судей, так и в отправлении обязанностей судей.

Для привлечения к отправлению правосудия самых широких масс пролетариата и беднейшего крестьянства введено участие в суде постоянно сменяемых временных судей-заседателей,

с привлечением к составлению списков массовых рабочих организаций, профессиональных союзов и т. п.

Создав единый народный суд взамен бесконечного ряда прежних судов различного устройства, со множеством инстанций, Советская власть упростила устройство суда, сделав его абсолютно доступным для населения и устранив всякую волокиту в ведении дел.

Отменив законы свергнутых правительств, Советская власть поручила выбираемым Советами судьям осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а, в случае отсутствия таковых или неполноты их, руководствоваться социалистическим правосознанием.

В области наказания организованные таким образом суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, вводя как меру наказания общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов.

ВКП, отстаивая дальнейшее развитие суда по тому же пути, должна стремиться к тому, чтобы все трудящееся население поголовно привлекалось к отправлению судейских обязанностей, и чтобы система наказаний была окончательно заменена системой мер воспитательного характера,

В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

12. В области народного просвещения ВКП ставит своей задачей довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 г. дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества.

В период диктатуры пролетариата, т. е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм. Ближайшей задачей на этом пути является в настоящее время дальнейшее развитие установленных уже Советской властью следующих основ школьного и просветительного дела:

1) Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоого пола до 17 лет.

2) Создание сети дошкольных учреждений: яслей, садов, очагов и т. п., в целях улучшения общественного воспитания и раскрепощения женщины,

3) Полное осуществление принципов единой трудовой школы, с преподаванием на родном языке, с совместным обучением детей обоего пола, безусловно светской, т. е. свободной от какого бы то ни было религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом, подготовляющей всесторонне развитых членов коммунистического общества.

4) Снабжение всех учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счет государства.

5) Подготовка новых кадров работников просвещения, проникнутых идеями коммунизма.

6) Привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения (развитие «советов народного образования», мобилизация грамотных и т. д.).

7) Всесторонняя государственная помощь самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян (создание сети учреждений внешкольного образования: библиотек, школ для взрослых, народных домов и университетов, курсов, лекций, кинематографов, студий и т. п.).

8) Широкое развитие профессионального образования для лиц от 17-летнего возраста в связи с общими политехническими знаниями.

9) Открытие широкого доступа в аудитории высшей школы для всех желающих учиться, и в первую очередь для рабочих; привлечение к преподавательской деятельности в высшей шко-

ле всех, могущих там учить; устранение всех и всяческих искусственных преград между свежими научными силами и кафедрой; материальное обеспечение учащихся с целью дать фактическую возможность пролетариям и крестьянам воспользоваться высшей школой.

10) Равным образом необходимо открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров.

11) Развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей и использование для этой цели аппарата и средств государственной власти.

В ОБЛАСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ

13. По отношению к религии ВКП не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви, т. е. мероприятиями, которые буржуазная демократия выставляет в своих программах, но нигде в мире не довела до конца, благодаря многообразным фактическим связям капитала с религиозной пропагандой.

ВКП руководствуется убеждением, что лишь осуществление планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков. Партия стремится

к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организовав самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду. При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма.

В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

1. Неуклонно продолжать и довести до конца начатую и в главном и основном уже законченную экспроприацию буржуазии, превращение средств производства и обращения в собственность Советской республики, т. е. в общую собственность всех трудящихся.

2. Как главное и основное, определяющее собой всю хозяйственную политику Советской власти, поставить всемерное повышение производительных сил страны. Ввиду тяжелейшей разрухи, переживаемой страной, практической цели — немедленно и во что бы то ни стало увеличить количество необходимейших для населения продуктов — должно быть подчинено все остальное. Практическими результатами в этом отношении должна измеряться успешность работы каждого советского учреждения, связанного с народным хозяйством.

При этом необходимо в первую очередь обратить внимание на следующее:

3. Разложение империалистского хозяйства оставило в наследство первому периоду советского строительства известную хаотичность в организации производства и управления им. Тем настоятельнее выдвигается — как одна из коренных задач — максимальное объединение всей хозяйственной деятельности страны по одному общегосударственному плану; наибольшая централизация производства в смысле объединения его по отдельным отраслям и группам отраслей и сосредоточения его в наилучших производственных единицах и в смысле быстроты выполнения хозяйственных заданий; наибольшая слаженность всего производственного аппарата, рациональное и экономное использование всех материальных ресурсов страны.

При этом необходимо заботиться о расширении экономического сотрудничества и политических связей с другими народами, стремясь одновременно к установлению единого хозяйственного плана с теми из них, которые перешли уже к советскому устройству.

4. По отношению к мелкой и кустарной промышленности необходимо широкое использование ее путем дачи государственных заказов кустарям; включение кустарной и мелкой промышленности в общий план снабжения сырьем и топливом, а также ее финансовая поддержка,

при условии объединения отдельных кустарей, кустарных артелей, производительных кооперативов и мелких предприятий в более крупные производственные и промышленные единицы; поощрение подобных объединений путем предоставления им экономических преимуществ, направленных наряду с другими мерами к тому, чтобы парализовать стремление кустарей превратиться в мелких промышленников и создать безболезненный переход этих отсталых форм производства к более высокой, крупной механизированной индустрии.

5. Организационный аппарат обобществленной промышленности должен опираться в первую голову на профессиональные союзы. Они должны все больше освобождаться от цеховой узости и превращаться в крупные производственные объединения, охватывающие большинство, а постепенно и всех поголовно, трудящихся данной отрасли производства.

Будучи уже, согласно законов Советской республики и установившейся практики, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, профессиональные союзы должны притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым. Обеспечивая, таким образом, неразрывную связь между центральным государственным управлением, народным хозяйством и

Широкими массами трудящихся, профессиональные союзы должны в самых широких размерах вовлекать последние в непосредственную работу по ведению хозяйства. Участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечение ими к этому широких масс является, вместе с тем, и главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата Советской власти и дает возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства.

6. Необходимое в целях планомерного развития народного хозяйства максимальное использование всей имеющейся в государстве рабочей силы, ее правильное распределение и перераспределение, как между различными территориальными областями, так и между различными отраслями народного хозяйства, должно составить ближайшую задачу хозяйственной политики Советской власти, которая может быть осуществлена ею только в тесном единении с профессиональными союзами. Поголовная мобилизация всего трудоспособного населения Советской властью, при участии профессиональных союзов, для выполнения известных общественных работ, должна быть применяема несравненно шире и систематичнее, чем это делалось до сих пор.

7. В обстановке распада капиталистической организации труда производительные силы стра-

ны могут быть восстановлены и развиты, а социалистический способ производства может быть упрочен лишь на основе товарищеской дисциплины трудящихся, их максимальной самодеятельности, сознания ответственности и строжайшего взаимного контроля над продуктивностью труда.

Достижение этой цели требует упорной систематической работы над перевоспитанием масс, которое облегчено теперь именно в силу того, что массы видят на деле устранение капиталиста, помещика и купца и на собственном практическом опыте приходят к тому убеждению, что уровень их благосостояния зависит исключительно от дисциплинированности их собственного труда.

В этой работе создания новой социалистической дисциплины главнейшая роль выпадает на долю профессиональных союзов. Последние, порывая со старым шаблоном, должны для осуществления этой цели применять и испытывать на практике разнообразные мероприятия, как то: установление отчетности, нормы выработки, введение ответственности перед специальными товарищескими рабочими судами и т. п.

8. Та же задача развития производительных сил требует немедленного, широкого и всестороннего использования оставленных нам в наследство капитализмом специалистов науки и

техники, несмотря на то, что они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными мирозерцанием и навыками. Партия считает, что период резкой борьбы с этим слоем, вызванной организованным им саботажем, закончился, так как этот саботаж в общем сломлен. Партия должна, в тесном союзе с профессиональными объединениями, вести свою прежнюю линию: с одной стороны, не давать ни малейшей политической уступки данному буржуазному слою и беспощадно подавлять всякое контрреволюционное его поползновение, а с другой — так же беспощадно бороться с мнимо-радикальным, на самом же деле невежественным самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не участь у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая долгой школы работы рядом с ними.

Стремясь к равенству вознаграждения за всякий труд и к полному коммунизму, Советская власть не может ставить своей задачей немедленного осуществления этого равенства в данный момент, когда делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму. Поэтому необходимо еще сохранить на известное время более высокое вознаграждение специалистов, чтобы они могли работать не хуже, а лучше, чем прежде, и для той же цели нельзя отказываться и от системы премий за наиболее успешную и особенно организаторскую работу.

Этот
шаг
через
саботаж

Равным образом, необходимо ставить буржуазных специалистов в обстановку товарищеского общего труда, рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами, и тем способствовать взаимному пониманию и сближению разъединенных капитализмом работников физического и умственного труда.

9. Советская власть уже приняла целый ряд мер, направленных к развитию науки и ее сближению с производством: создание целой сети новых научно-прикладных институтов, лабораторий, испытательных станций, опытных производств по проверке новых технических методов, усовершенствований и изобретений, учет и организация всех научных сил и средств и т. д. ВКП, поддерживая все эти меры, стремится к дальнейшему их развитию и созданию наиболее благоприятных условий научной работы в ее связи с поднятием производительных сил страны.

В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

10. Советская власть, осуществив полную отмену частной собственности на землю, перешла уже к проведению в жизнь целого ряда мер, направленных к организации крупного социалистического земледелия. Важнейшими из этих мер являются:

1) устройство советских хозяйств, т. е. крупных социалистических экономий;

20

1) ПЛ-0361

~~1)~~

Кол
хоз

изм. не мн
1940

2) поддержка обществ, а равно товариществ для общественной обработки земли;

3) организация государственного засева всех, чьих бы то ни было, незасеянных земель;

4) государственная мобилизация всех агрономических сил для энергичных мер по повышению сельскохозяйственной культуры;

5) поддержка сельскохозяйственных коммун, как совершенно добровольных союзов земледельцев для ведения крупного общего хозяйства.

Рассматривая все эти меры, как единственный путь к абсолютно необходимому повышению производительности земледельческого труда, ВКП стремится к возможно более полному проведению в жизнь этих мер, к их распространению на более отсталые области страны и к дальнейшим шагам в том же направлении.

В особенности ВКП отстаивает:

1) всемерную государственную поддержку сельскохозяйственной кооперации, занятой переработкой продуктов сельского хозяйства;

2) широко проведенную систему мелиорации;

3) широкое и планомерное снабжение через прокатные пункты инвентарем бедного и среднего крестьянства.

Считаясь с тем, что мелкое крестьянское хозяйство еще долго будет существовать, ВКП стремится к проведению ряда мер, направленных к поднятию производительности крестьянского хозяйства. Такими мерами являются:

1) упорядочение крестьянского землепользо-

вания (устранение чересполосицы, длинно-земелья и пр.);

2) снабжение крестьян улучшенными семенами и искусственными удобрениями;

3) улучшение породы крестьянского скота;

4) распространение агрономических знаний;

5) агрономическая помощь крестьянам;

6) ремонт в советских ремонтных мастерских сельскохозяйственного крестьянского инвентаря;

7) устройство прокатных пунктов, опытных станций, показных полей и т. п.;

8) мелиорация крестьянских земель.

11. Ввиду того, что противоположность между городом и деревней является одной из самых глубоких основ хозяйственной и культурной отсталости деревни, а в эпоху столь глубокого кризиса, как нынешний, ставит как город, так и деревню перед непосредственной опасностью вырождения и гибели, ВКП видит в уничтожении этой противоположности одну из коренных задач коммунистического строительства и наряду с общими мерами считает необходимым широкое и планомерное привлечение промышленных рабочих к коммунистическому строительству в земледелии, развитие деятельности учрежденного уже Советской властью в этих целях общегосударственного «Рабочего комитета содействия» и тому подобное.

12. Во всей своей работе в деревне ВКП попрежнему опирается на пролетарские и полу-

до дано

Примеч

пролетарские слои ее, организует, прежде всего, их в самостоятельную силу, создавая партийные ячейки в деревне, организации бедноты, особого типа профессиональные союзы пролетариев и полупролетариев деревни и т. д., сближая их всемерно с городским пролетариатом и вырывая их из-под влияния деревенской буржуазии и мелкособственнических интересов.

По отношению к кулачеству, к деревенской буржуазии, политика ВКП состоит в решительной борьбе против их эксплуататорских поповлений, в подавлении их сопротивления советской политике.

По отношению к среднему крестьянству политика ВКП состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства. Партия ставит своей задачей отделять его от кулаков, привлекать его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическим соглашениям с ним, идя на уступки ему в определенных способах проведения социалистических преобразований.

В ОБЛАСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

13. В области распределения задача Советской власти в настоящее время состоит в том,

чтобы неуклонно ^{Свобода торговли, т.е. отмена Торговли} ~~продолжать~~ ^{замену} ~~торговли~~ ^{объединение} ~~в~~ ^в ~~общегосудар-~~ ^{зависим} ~~ственном~~ ^{масштабе} ~~(распределением~~ ^{распределением} ~~продуктов)~~

Целью является организация всего населения в ^{Торговля} единую сеть потребительных коммун, способных ^{дел} с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией и с наименьшей затратой труда распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат. ^(М. Д. С. Д. К. Д. Ч. Д.)

В основу потребительских коммун и их объединений должна быть положена существующая общегражданская и рабочая кооперация, являющаяся самой крупной организацией потребителей и наиболее подготовленным историей капитализма аппаратом массового распределения. ^{Ч. Д.}

Считая принципиально единственно правильным такого рода дальнейшее коммунистическое развитие кооперативного аппарата, а не его отбрасывание, ВКП систематически должна продолжать свою политику: обязывать всех членов партии работать в кооперативах, направлять их, при помощи также профессиональных союзов, в коммунистическом духе, развивать самостоятельность и дисциплину трудящегося населения, объединяемого в кооперативы, добиваться, чтобы все население охватывалось кооперативами и чтобы эти кооперативы сливались в единый, сверху донизу охватывающий всю Советскую республику, кооператив, наконец, и самое главное, чтобы преобладающее влияние пролетариата на остальные слои трудящихся было постоянно

обеспечено и чтобы повсюду испытывались на практике разнообразные меры, облегчающие и осуществляющие переход от мелкобуржуазных кооперативов старого, капиталистического типа к потребительным коммунам, руководимым пролетариями и полупролетариями.

В ОБЛАСТИ ДЕНЕЖНОГО И БАНКОВОГО ДЕЛА

14. Избегнув ошибки Парижской Коммуны, Советская власть в России сразу захватила государственный банк, перешла затем к национализации частных коммерческих банков, приступила к объединению национализированных банков, сберегательных касс и казначейств в государственным банком, создавая таким образом остов единого народного банка Советской республики и превращая банк из центра экономического господства финансового капитала и орудия политического господства эксплуататоров в орудие рабочей власти и рычаг экономического переворота. Ставя своей целью дальнейшее последовательное доведение начатой Советской властью работы до конца, ВКП выдвигает на первый план следующие принципы:

1) монополизация всего банкового дела в руках Советского государства;

2) радикальное изменение и упрощение банковских операций путем превращения банковского аппарата в аппарат единообразного учета и общего счетоводства Советской республики. По

неясно

мере организации планомерного общественного хозяйства это приведет к уничтожению банка и превращению его в центральную бухгалтерию коммунистического общества.

15. В первое время перехода от капитализма к коммунизму, пока еще не организовано полностью коммунистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег представляется невозможным. При таком положении буржуазные элементы населения продолжают использовать остающиеся в частной собственности денежные знаки в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся. Опираясь на национализацию банков, ВКП стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих уничтожение денег: обязательное держание денег в народном банке; введение бюджетных книжек, замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т. п.

В ОБЛАСТИ ФИНАНСОВ

16. В эпоху начавшегося обобществления экспропрированных у капиталистов средств производства государственная власть перестает быть паразитическим аппаратом, стоящим над производственным процессом; она начинает превращаться в организацию, непосредственно выполняющую функции управления экономикой страны, и постольку же государственный бюджет

уже стал

становится бюджетом всего народного хозяйства в целом.

ке. мо

При этих условиях сбалансирование доходов и расходов осуществимо лишь при правильной постановке государственного планомерного производства и распределения продуктов. Что же касается покрытия непосредственных государственных расходов в переходную эпоху, то ВКП будет отстаивать переход от системы контрибуций с капиталистов, которая была исторически необходимой и законной в первое время социалистической революции, к прогрессивному подоходному и поимущественному налогу. А поскольку этот налог переживает самого себя в силу широко проведенной экспроприации имущих классов, покрытие государственных расходов должно покрываться на непосредственном обращении части доходов от различных государственных монополий в доход государства.

В ОБЛАСТИ ЖИЛИЩНОГО ВОПРОСА

17. Стремясь к разрешению жилищного вопроса, особенно обостренного в период войны, Советская власть экспроприировала полностью все дома капиталистических домовладельцев и передала их городским Советам; произвела массовое вселение рабочих из окраин в буржуазные дома; передала лучшие из них рабочим организациям, приняв содержание этих зданий на счет

государства; приступила к обеспечению рабочих семей мебелью и т. п.

Задача ВКП состоит в том, чтобы, идя по вышеуказанному пути и отнюдь не задевая интересов некапиталистического домовладения, всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс; к уничтожению скученности и антисанитарности старых кварталов, к уничтожению негодных жилищ, к перестройке старых, постройке новых, соответствующих новым условиям жизни рабочих масс, к рациональному расселению трудящихся.

В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ТРУДА И СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

С установлением диктатуры пролетариата впервые создалась возможность осуществить полностью программу-минимум социалистических партий в области охраны труда.

Советская власть в законодательном порядке провела и в «Кодексе законов о труде» закрепила: 8-часовой рабочий день для всех трудящихся, как максимальное рабочее время, причем для лиц, не достигших 18-летнего возраста, в особо вредных отраслях производства, а равно для горнорабочих, занятых под землей, рабочий день не должен превышать 6 часов; 42-часовой еженедельный непрерывный отдых для всех трудящихся; запрещение сверхурочных работ, как общее правило; запрещение пользоваться тру-

нет

нет

нет

~~дом детей и подростков в возрасте до 16 лет; запрещение ночного труда и труда в особо вредных отраслях, а равно и сверхурочных работ, всем лицам женского пола и лицам мужского пола, не достигшим 18-летнего возраста; освобождение женщин от работ в течение 8 недель до и 8 недель после родов с сохранением полного заработка за все это время, при бесплатной врачебной и лекарственной помощи и предоставлении работницам через каждые три часа не менее получаса на кормление ребенка и выдаче кормящим матерям дополнительного пособия; инспекцию труда и санитарную инспекцию, избираемую советами профессиональных союзов.~~

Советская власть провела в законодательном порядке полное социальное обеспечение всех трудящихся, не эксплуатирующих чужого труда, от всех видов потери трудоспособности и — впервые в мире — от безработицы, за счет нанимателя и государства, при полном самоуправлении обеспечиваемых и при широком участии профессиональных союзов.

Более того, Советская власть в некоторых отношениях пошла далее программы-минимум и установила в том же «Кодексе законов о труде» участие рабочих организаций в решении вопросов о найме и увольнении; месячный отпуск с сохранением содержания для всех трудящихся, проработавших непрерывно не менее одного года; государственное урегулирование заработной

платы на основе тарифов, вырабатываемых профсоюзами; определенные органы, именно отделы распределения и учета рабочей силы при Советах и профессиональных союзах, обязанные предоставлять работу безработным.

Но крайнее разорение, вызванное войной, и натиск мирового империализма принудили Советскую власть сделать нижеследующие отступления: допустить применение в исключительных случаях сверхурочных работ, ограничив их 50 днями в году; разрешить труд подростков от 14 до 16 лет, ограничив их рабочий день 4 часами; временно предоставить взамен 1-месячного отпуска двухнедельный; увеличить продолжительность ночных работ до 7 часов.

ВКП должна вести широкую пропаганду за активное участие самих трудящихся в энергичном проведении всех мероприятий в области охраны труда, для чего необходимо:

1) усилить работу по организации и расширению инспекции труда путем подбора и подготовки для этой цели активных работников из среды самих рабочих и по распространению ее на мелкую и домашнюю промышленность;

2) распространить охрану труда на все виды труда (строительных рабочих, сухопутно-водный транспорт, прислугу и сельскохозяйственных рабочих);

3) окончательно снять с работ малолетних и провести дальнейшее сокращение рабочего дня для подростков.

Кроме того, ВКП должна поставить себе задачей установить:

1) в дальнейшем, при общем увеличении производительности труда, максимальный 6-часовой рабочий день без уменьшения вознаграждения за труд и при обязательстве трудящихся сверх того уделить два часа, без особого вознаграждения, теории ремесла и производства, практическому обучению технике государственного управления и военному искусству;

2) введение поощрительной системы вознаграждения за повышение производительности труда.

В области социального обеспечения ВКП стремится организовать широкую государственную помощь не только жертвам войны и стихийных бедствий, но и жертвам ненормальностей общественных отношений, ведет решительную борьбу со всякого рода паразитизмом и тунеядством и ставит своей задачей вернуть к трудовой жизни каждого, выбитого из трудовой колеи.

В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ НАРОДНОГО ЗДОРОВЬЯ

В основу своей деятельности в области охраны народного здоровья ВКП полагает прежде всего проведение широких оздоровительных и санитарных мер, имеющих целью предупреждение развития заболеваний. Диктатура пролетариата уже дала возможность провести в жизнь

целый ряд оздоровительных и лечебных мероприятий, неосуществимых в рамках буржуазного общества: национализацию аптечного дела, крупных частнопредпринимательских лечебных учреждений, курортов, трудовую повинность медицинских рабочих сил и т. п.

В соответствии с этим ВКП ставит своей ближайшей задачей:

1) решительное проведение широких санитарных мероприятий в интересах трудящихся, как то:

а) оздоровление населенных мест (охрана почвы, воды и воздуха);

б) постановка общественного питания на научно-гигиенических началах;

в) организация мер, предупреждающих развитие и распространение заразных болезней;

г) создание санитарного законодательства;

2) борьбу с социальными болезнями (туберкулезом, венеризмом, алкоголизмом и т. д.);

3) обеспечение общедоступной, бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощи.

2

Бу ртучарна гени
~~бодна, бодна, бодна~~, она
 инапут и не брива
 и научува ~~сестра~~
~~ска~~ гени ~~репут~~, една
 на нажда; одмануваат по-
 рат во Белу, но Белу во рт
 сами брнџ, и влеме
 научува, одмануваат на
 лет мана, одмануваат
 на лет вајно, одману-
 ваат на во врат, одма-
 нуваат носе во врат
 одмануваат народ во
 белу.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

- Абалкин Л.И. 397
Абрамов Ю.В. 398, 401
Адамович А.М. 390
Адлер Ф. 107
Алексеев М.В. 96
Александр Невский 6
Александр III 480
Александров Г.Ф. 17, 28, 29
Александровский В.Д. 181
Алиев Г.А. 403
Андреев А.А. 16, 17
Андреев В.П. 393
Андрианов В.М. 445
Андропов Ю.В. 481
Аникин Б.А. 387
Антонов-Овсенко В.А. 435
Аристов А.Б. 445
Архипов Ю.В. 399, 400
Афанасьев В.Г. 388
Афанасьев Ю.Н. 479
- Бадаев А.Е. 108
Бакатин В.В. 389
Бауэр О. 107, 204
Белкин Д. 304
Белов А.И. 416
Белоусов В.С. 405
Бенедиктов А.И. 445
Берия Л.П. 371, 424, 464
- Бернштейн Э. 197
Бертъе Л.А. 473
Берут Б. 368
Биккенин Н.Б. 388
Блох Б. 415
Блюм Л. 107
Болтовский И.М. 401
Брежнев Л.И. 38, 445, 481
Броз-Тито И. 471
Бубнов А.С. 169
Булыгин А.Г. 108
Будённый С.М. 6, 473
Бурбоны 128
Бухарин Н.И. 18, 25, 93, 151, 176, 186,
214, 220, 230, 255, 360, 434, 443,
447, 455, 460, 465, 467, 484
Бухарков Г.А. 393
- Ванников Б.Л. 445
Вахрушев В.В. 445
Вейсман А. 302
Вельс О. 107
Венжер В.Г. 317, 318
Вознесенский Н.А. 28, 294, 367, 445
Воронин Д.В. 393
Воротников В.И. 403
Ворошилов К.Е. 6, 16, 176, 416, 421,
459, 460, 473
Вышинский А.Я. 445

- Гайворонский В.А. 400
 Гайдар Е.Т. 276
 Гастелло Н. Ф. 6
 Гвоздев В.М. 392
 Гевара Эрнесто Че 461
 Гендерсон А. 209,
 Геращенко В.В. 116
 Герострат 380
 Герцог Я. 80
 Гитлер А. 10
 Глясер М.И. 230, 231
 Горбачёв М.С. 121, 167, 218, 363, 378,
 380, 384, 386, 387, 389–392, 395–
 397, 401, 403, 405, 407, 408, 409,
 470
 Горбунов Н.П. 230
 Горшенин К.П. 371
 Горький А.М. 181, 413, 417
 Готвальд К. 471
 Грамши А. 461
 Гриценко В. 407
 Громыко А.А. 403
 Гучков А.И. 118

 Давиташвили М. 177, 234
 Даву Л. 473
 Дан Ф.И. 194, 209
 Демичев П.Н. 403
 Деникин А.И. 77,96
 Дзержинский Ф.Э. 169, 228, 230, 232
 Димитров Г. 459, 460, 461, 464, 474
 Дмитрий Донской 6
 Дмитрий Пожарский 6
 Долгих В.И. 403
 Донской В.А. 17
 Дудоров Н.П. 456
 Душенко К.В. 415, 417

 Евдокимов Е.Г. 458
 Евклид 7

 Ежов Н.И. 16, 416, 456, 458
 Елисеев А. 454, 458, 461, 462
 Ельцин Б.Н. 114, 116, 117, 129, 167,
 276, 410, 411
 Емельянов Ю.В. 7, 434, 454, 456, 457,
 458

 Жебрак А.Р. 303
 Железняков А.Г. 338, 340
 Жданов А.А. 15, 16, 17, 28, 29, 35, 44,
 54, 294, 306, 365– 368, 372, 416,
 423
 Жданов Ю.А. 294, 302, 303
 Жуков Ю.Н. 7, 454, 458

 Завенягин А.П. 445
 Заславская Т.И. 390, 407
 Засядько А.Ф. 445
 Зверев А.Г. 445
 Земсков В.Н. 446
 Зимянин М.В. 403
 Зиновьев Г.Е. 18, 151, 169, 171, 172,
 173, 176, 191, 230, 234, 259,
 263,432–435, 446, 455, 460, 463,
 465, 467, 478
 Зюганов Г.А. 111, 116

 Ивашко В.А. 378
 Игнатов Н.Г. 445
 Игнатъев С.Д. 445
 Иовчук М.Т. 17, 28,29
 Исаковский М.В. 484
 Исаченко И.Н. 400
 Иуда 11

 Кабаков И.Д. 443, 444, 458
 Кабанов И.Г. 445
 Каганович Л.М. 16, 307–309, 325, 416,
 421, 424, 455, 467
 Калинин М.И. 16, 17, 176, 421, 460

- Каменев Л.Б. 151, 169, 171, 176, 181, 219, 221, 227, 234, 259, 263, 429, 432, 434, 446, 455, 463, 465, 467, 478
- Карбышев Д.М. 6
- Карякин Ю.Ф. 389
- Кастро Ф. 461
- Каутский К. 345, 360
- Керенский А.Ф. 77, 118, 184, 209, 381, 465
- Ким Ир Сен 471
- Кириллов В.Т. 181
- Кириченко А.И. 420
- Киров С.М. 282, 421, 484
- Клайн Дж.Р. 209
- Клемансо Ж. 118
- Ковалёв И.В. 445
- Ковальчук 438
- Козлов А.И. 303
- Коллонтай А.Ф. 256
- Коломойский И.В. 119
- Колотилов Н.И. 439
- Комоцкий Б.О. 14
- Кон Ф.Я. 439
- Коновалов А.И. 118
- Константинов Ф.В. 292
- Корнилов Л.Г. 381
- Коротич В.А. 388, 479
- Коротченко Д.С.
- Косиор С.В. 462
- Космодемьянская З.А. 6
- Косолапов Р.И. 7, 13, 14, 74, 290, 368, 388, 441
- Косыгин А.Н. 445
- Котовский Г.И. 473
- Красин Л.Б. 181
- Крашенинникова Е.А. 298, 304
- Крестинский Н.Н. 427
- Кромвель О. 129, 472, 484
- Круглов С.Н. 371
- Крупская Н. К. 176, 234
- Крыленко Н.В. 22
- Крючков В.А. 408
- Кузнецов В. 193
- Кузнецов В.В. 445
- Кузнецовский В.Д. 366
- Куйбышев В.В. 431
- Кутузов М.И. 6
- Куусинен О.В. 17, 28, 29, 420, 445
- Лазо С.Г. 6
- Ланн Ж. 473
- Лафарг П. 100
- Лацис О.Р. 388
- Леви П. 107
- Ленин В.И. 5–9, 12, 18–27, 33, 47, 51, 56, 65, 73, 75, 76, 80, 83, 84, 86, 91, 93–98, 101, 102, 105, 107, 108, 110, 111, 117, 118, 122, 123, 127, 135, 138–145, 148, 150–152, 158, 159, 165–194, 196, 197, 199, 200, 217–239, 241–244, 247, 248, 250, 251, 255, 257–259, 261–263, 266, 268, 269, 272, 274, 275, 278, 281, 289, 305, 335, 337, 343, 345–354, 359–361, 369, 373, 376, 377, 379, 382, 390, 396, 397, 412, 415, 421, 426–436, 439, 453, 460, 465, 474, 477, 480
- Леонтьев Л.А. 28, 29, 366
- Литвинов М.М. 181
- Логинов В.Т. 226
- Локк Дж. 334
- Лонгэ Ж. 107
- Лопатин Л.Н. 394
- Лукьянов А.И. 408
- Луначарский А.В. 181
- Лысенко Т.Д. 301, 302, 303
- Лысков Д.Ю. 446
- Львов Г.Е. 118

- Мадуро Н. 101
 Маленков Г.М. 303, 306, 307, 371, 416,
 425, 426, 464
 Малышев В.А. 445
 Манаенков Ю.А. 390
 Мао Цзедун 471
 Мануильский Д.З. 16, 28
 Маркс К. 12, 20, 33, 43, 91, 92, 105,
 110, 123, 126, 127, 158, 186, 190,
 205, 234, 235, 237, 241–243, 255,
 259, 321, 323, 338, 343, 351, 352,
 379, 409, 415, 416, 417, 438
 Марр Н.Я. 299, 300, 304, 338
 Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) 194
 Масленников В. 446
 Маслоков Ю.Д. 116, 387
 Массена А. 473
 Матросов А.М. 6
 Махарадзе Ф.И. 216
 Маяковский В.В. 376, 475
 Мдивани П.Г. 219, 224, 225
 Медведев В.А. 379, 389
 Медведев Д.А. 133
 Мельников Л.Г. 445
 Мешков 438
 Мещанинов И.И. 301
 Микоян А.И. 16, 371, 421, 459
 Микулина Е.Н. 439, 440
 Милюков П.Н. 77, 118, 381
 Минин Кузьма 6
 Митин М.Б. 16, 28, 29, 301, 366
 Могилёвцев П.Л. 396
 Молотов В.М. 8–11, 16, 29, 218, 305,
 322–324, 363, 416, 420, 421, 423–
 425, 427–429, 431, 446, 447, 460,
 466–468, 481
 Мохначёв М.И. 461
 Муранов М.К. 108
 Мухамедиев Ш. 406
- Мюрат И. 473
 Мясников А.Ф. 181
 Мясников Г.И. 193
 Маяковский В.В. 376
- Навальный А.А. 78
 Наполеон I (Бонапарт) 129, 472, 474,
 484
 Насер Г.А. 150
 Невзоров А. Г. 393
 Ней М. 473
 Ненни П. 141
 Нигматулин Р.И. 245
 Николай II 64, 114
- Оболенский В.В. 18
 Ожегов С.И. 414, 418
 Олланд Ф. 288
 Ольминский М.С. 181
 Орбели Л.А. 302, 303
 Орджоникидзе Г.К. 224, 225, 228,
 421
 Островитянов К.В. 28, 29
 Осубка-Моравский Э. 368
- Павлов В.С. 408
 Павлов И.П. 302, 303
 Пандора 482
 Паршин П.И. 445
 Паскуцкий 416
 Патолитчев Н.С. 445
 Пегов Н.М. 445
 Первухин М.Г. 445
 Першин Г.А. 400, 406, 413
 Петров К.Г. 149
 Петровский Г.И. 16, 108, 219
 Плеханов Г.В. 25, 93, 178, 194, 234
 Плужников В.В. 395
 Подбельский В.Н. 22

- Подвойский Н.И. 435
 Подгорный Н.В. 420
 Пожидаев В.А. 402
 Покровский М.Н. 479
 Полторанин М.Н. 393
 Поляков А.П. 14
 Пономаренко П.К. 445
 Попов Г.Х. 390, 393, 479
 Порошенко П.А. 119
 Поспелов П.Н. 12, 28, 29, 366, 420, 423
 Постышев П.П. 442
 Презент И.И. 301
 Преображенский Е.А. 192, 430, 446
 Примаков Е.М. 116
 Пузанов А.М. 445
 Путин В.В. 122, 133, 136
 Пушкин А.С. 414, 419
 Пятаков Г.В. 220

 Радек К.Б. 18, 446
 Раковский Х.Г. 214, 219, 447
 Ракоши М. 471
 Рашкин В.Ф. 14
 Ренодель П. 209
 Рид Дж. 139
 Родионова Л.П. 385, 387
 Романов Михаил 64
 Рубакин Н.А. 66, 67, 69, 70
 Руденко Р.А. 371
 Рузвельт Ф.Д. 463
 Русак А.Д. 395
 Руссова 439
 Руст М. 401
 Рыжков Н.И. 387, 394, 395, 397, 401, 402
 Рыков А.И. 432, 434, 437, 443, 447, 460, 467
 Рязанов Д.Б. 255

 Сабуров М.З. 445
 Садат А. 150
 Самойлов Ф.Н. 108
 Санина А.В. 317, 318
 Сапрыкин В.А. 14
 Сахаров А.Д. 389
 Свердлов Я.М. 169, 190, 338
 Светлов М.А. 475
 Семичастный В.Е. 446
 Сергеев К.М. 458
 Серебряков Л.П. 446
 Серов И.А. 371
 Сидоркин Н.Н. 393
 Симоненко П.Н. 119
 Симонов К.М. 485
 Скобелев М.И. 156
 Скориков А.И. 399
 Славский Е.П. 445
 Смилга И.Т. 24, 257
 Смирнов В.М. 18
 Смирнов И.Н. 349, 446
 Соколов Е.Е. 398
 Соколов С.Л. 403
 Сокольников Г.Я. 18, 169, 219
 Соломенцев М.С. 403
 Спиридонов И.В. 420
 Сталин В.И. 41
 Сталин И.В. 5–486
 Староверов В.И. 14
 Стасова Е.Д. 427
 Стаханов А.Г. 149
 Стеклов Ю.М. 156
 Столыпин П.А. 480
 Столяр А.Я. 458
 Стюарты 128, 484
 Суворов А.В. 6
 Суворов-Резун (наст. имя и фам. В.Б. Резун) 479
 Сурмин П. (Устрялов Н.В.) 417

- Суслов М.А. 28, 366, 367, 423
 Суханов Н.Н. 156
 Суходеев В.В. 425, 426
- Твардовский А.Т. 233, 463, 469
 Тевосян И.Ф. 445
 Тельман Э. 461
 Теплинчев А.И. 388
 Терещенко М.И. 118, 381
 Тимошенко С.К. 426
 Тихонов В.А. 390
 Толстой Л.Н. 417
 Тольятти П. 333, 471
 Томский М.П. 176, 432, 434, 447, 455, 460
 Торез М. 333, 471
 Трауб-Мерц Р. 286
 Троцкий Л.Д. 18, 86, 93, 151, 158, 159, 168, 169, 171, 191, 218, 226–228, 230, 231, 234, 254, 256, 258, 259, 263, 264, 266–268, 277, 405, 424, 428, 431–435, 455, 460, 463, 465, 467, 478–480, 484
 Тухачевский М.Н. 456
- Угланов Н.А. 434
 Ульянова М.И. 228
 Урицкий М.С. 169
 Уркарт Л. 220
 Устинов Д.Ф. 445
 Ушаков Д.Н. 414, 418, 419
 Уэлс Г.Д. 236
- Федосеев П.Н. 17, 28, 29, 366
 Филипповский В.Н. 156
 Фирсов А. 481
 Фишман Я.М. 416
 Фотиева Л.А. 226–230
 Фролов И.Т. 378, 379, 388, 407
- Фрунзе М.В. 6, 220, 473
 Фурер С. 304
- Хагаевич М.М. 449
 Ходжа Э. 471
 Холопов А. 304
 Хрущёв Н.С. 13, 16, 35, 102, 121, 128, 218, 305, 319, 363, 371, 419, 420, 421, 424, 464, 468, 469, 470, 471, 482
- Церетели И.Г. 156, 209, 417
 Цеткин К. 176
 Цицин Н.В. 303
- Чавес У. 100
 Чапаев В.И. 6, 473
 Червенков В. 471
 Чернов В.М. 156, 209
 Черномырдин В.С. 149, 276
 Черчилль У. 463, 481
 Чесноков Д.И. 445
 Чичерин Г.В. 185
 Чубайс А.Б. 115
 Чубарь В.Я. 462
 Чув Ф.И. 8, 9, 10, 11, 322, 323, 424, 429, 455, 467, 481
 Чурута М.И. 394
 Чхеидзе Н.С. 156, 209
- Шагов Н.Р. 108
 Шеварднадзе Э.А. 389
 Шейдеман Ф. 209
 Шепилов Д.Т. 28, 29, 366
 Шириня К.К. 460, 461
 Шкирятов М.Ф. 445
 Шолохов М.А. 276
 Штирлиц 380

Щербаков А.С. 17

Щорс Н.А. 6, 473

Эберт Ф. 78, 286

Эйхе Р.И. 458, 462

Энгельс Ф. 12, 20, 43, 91, 94, 110, 190,
234, 241, 242, 243, 259, 321, 569,
379

Юдин П.Ф. 16, 28, 29, 445

Яблоков А.В. 390

Язов Д.Т. 408

Яковлев А.Н. 363, 387, 388, 389, 396,
406, 470

Яковлев Е.В. 388

Яковлев Я.А. 457

Янаев Г.И. 396, 408

Янукович В.Ф. 119

Ярославский Е.М. 17

Ярошенко Л.Д. 311, 312, 324, 326, 327

СОДЕРЖАНИЕ

СТАЛИН И СОВРЕМЕННОСТЬ (<i>Предисловие</i>).....	5
Раздел I. СТАЛИН ИССЛЕДУЕТ ВТОРУЮ ПРОГРАММУ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ.....	15
Очерк первый. ЧТОБЫ БЫЛИ ТОЧНЫ ОРИЕНТИРЫ.....	15
РАЗДЕЛ II. РЕВОЛЮЦИЯ НА ВЕСАХ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ....	64
Очерк второй. ТА РОССИЯ, КОТОРУЮ ОТВЕРГ ЕЁ НАРОД.....	64
Очерк третий. ЭТАЛОНЫ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ	76
Очерк четвёртый. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ХАРАКТЕР ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	91
Очерк пятый. СТАЛИНСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	110
РАЗДЕЛ III. СТАЛИНСКИЙ ВКЛАД В КОНЦЕПЦИЮ БОЛЬШЕВИЗМА	138
Очерк шестой. БОЛЬШЕВИЗМ КАК СУЩНОСТЬ ПАРТИИ НОВОГО ТИПА	138
Очерк седьмой. ОН УЧИЛ БОЛЬШЕВИЗМУ	150
Очерк восьмой. АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕНИНИЗМА	165
Очерк девятый. «МЫ ВСЕ – УЧЕНИКИ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА»	175
Очерк десятый. «ПУСТЬ ОСЕНИТ НАС ПОБЕДОНОСНОЕ ЗНАМЯ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА!».....	189
РАЗДЕЛ IV. «БЕЗ ТЕОРИИ НАМ СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ» ..	201
Очерк одиннадцатый. ЛЕНИНИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС	201
Очерк двенадцатый. У КОЛЫБЕЛИ СОЮЗА ССР	217
Очерк тринадцатый. «ВОПРОСЫ ЛЕНИНИЗМА» И СЕГОДНЯ ОСТАЮТСЯ В СТРОЮ	233
Очерк четырнадцатый. ВТОРОЙ ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ В РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИИ	254

Очерк пятнадцатый. ДИАЛЕКТИКА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ	278
Очерк шестнадцатый. ЯЗЫК КАК ПОВОД ДЛЯ АНАЛИЗА НАДСТРОЙКИ	290
Очерк семнадцатый. СТАЛИН И ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ СОЦИАЛИЗМА	305
Очерк восемнадцатый. ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ И.В. СТАЛИНА.....	329
РАЗДЕЛ V. В ПОИСКАХ ГРАНИЦ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТА- РИАТА	337
Очерк девятнадцатый. ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА, ОТЛИТАЯ В КОНСТИТУЦИИ	337
Очерк двадцатый. «ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА НЕ САМОЦЕЛЬ, А СРЕДСТВО».....	350
Очерк двадцать первый. КТО КОГО ПРЕДАЛ: РАБОЧИЕ СВОЮ ПАРТИЮ ИЛИ ПАРТИЙНЫЕ ВОЖДИ РАБОЧИЙ КЛАСС?.....	373
КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ (<i>Вместо заключения</i>)	414
<i>Приложение</i>	487
<i>Указатель имен</i>	535

Научное издание

Виктор Васильевич Трушков

С Т А Л И Н
КАК ТЕОРЕТИК

Ведущий редактор *А. П. Поляков*
Технический редактор *Е. Ю. Тихомирова*
Художественный редактор *Б. Б. Протопопов*

Формат 60×84 ¹/₁₆. Подписано в печать 16.09.19.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Уч. изд. л. 32,25.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве
«Мир философии»

Контактный телефон: 8-985-640-93-78
e-mail: petros41a@mail.ru